ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ
ИСТОРИИ

1

В. В. ЛЕОНТОВИЧ

ИСТОРИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА В РОССИИ

1762 – 1914

ИССЛЕДОВАНИЯ НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ

ИН
РИ

Под общей редакцией
А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

YMCA-PRESS
11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, 75005 Paris

ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

1

В. В. ЛЕОНТОВИЧ

ИСТОРИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА В РОССИИ

1762 – 1914

Перевод с немецкого
Ирины Иловайской

ПАРИЖ • 1980

World © 1957 by Vittorio Klostermann

Traduction russe
© YMCA-PRESS 1980

ПРЕДИСЛОВИЕ

к серии ИНРИ

Русская история стала искажаться задолго до коммунистической власти: страстная радикальная мысль в нашей стране перекашивала русское прошлое соответственно целям своей борьбы. От нее и от революционных эмигрантов получил Запад первые начатки искажений. Не подходящие для западной мысли направления русской историографии, в XIX веке известные, ныне пренебрежены как современными западными историками, так и тем более советскими. Коммунисты, придя к власти, отчасти продолжили "освобожденческую" (Союза Освобождения) и "революционно-демократическую" трактовку, еще во многом ее огрубив, изломав, захламив. Прежние русские историки, застигнутые революцией, либо были физически уничтожены, либо пригнетены, приспособились к советскому строю и, значит, потеряли самостоятельность. Но и выехавшие тогда на Запад далеко не охватили сути и многих обстоятельств революционного обвала. Тем временем большая часть исторических материалов в Советском Союзе была истреблена, целенаправленно и стихийно, другая взята в спецхранения, под особый допуск – и так подрастающие поколения лишены были пользоваться сколько-нибудь полным набором даже общеизвестных книг. Советская официальная наука, если и содержала иногда ценные сведения, то лишь по недосмотру цензуры или от поворотов политического флюгера, когда приоткрывалось то, что скрывалось на предыдущем отрезке. Однако и западная наука, во многом сохраняющая усвоенное предубеждение о русской истории, а ныне сталкиваясь со скудостью одних источников или болезненным состоянием других (из-за обязательной марксистской деформации), не смогла проявить глубину понимания, невольно попала в принудительное русло, предоставляемое советской официальной наукой (но в иллюзии, что идет независимым путем), – и так важнейшие темы, целые области знания остаются за пределами ее зрения.

Наша страна в ее нынешнем духовном возрождении больно ощущает провал своей исторической памяти. Вместе с тем подросло и молодое поколение историков, сознающее всю громадность и тяжесть опыта своих отцов. К тому же после десятилетий стали выныривать из забвения многие первоисточники, считавшиеся утраченными или вовремя не оцененные, и многие личные свидетельства, на которые уже не было надежды. Этими силами, малыми сравнительно с возможностями России, мы начинаем серию исследований в надежде на постоянный приток новых.

Авторы нашей серии не во всем непременно согласны друг с другом. Но все объединены целью очистить русскую историю от наростов лжи, выяснить затоптанную истину о последних веках России.

А. Солженицын.
1979.

К русскому изданию книги В.В.Леонтовича "ИСТОРИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА В РОССИИ"

Эта книга, по горькому року эмигрантских творений, могла быть опубликована сперва лишь на чужестранном языке, а на родном появляется с опозданием более чем в 20 лет, и через 20 лет после смерти автора – и даже теперь не свободно для отечественного читателя. А между тем, трактуя исключительно русскую историю и идеи, наименее разъясненные и усвоенные именно русским обществом, эта книга наиболее необходима читателю русскому.

Читатель найдет здесь последовательное развертывание ряда важнейших мыслей о сути либерализма, о шагах его в России – и это открывает нашему взору существенные уточнения понятия либерализма, помогает приблизиться к охвату его. Мы убеждаемся, что понятие это употреблялось в России сотню лет (и употребляется нами сегодня) далеко не в своем истинном значении. Особенно поучительно для нас методически проводимое автором различение между либерализмом и радикализмом: слишком долго в русских XIX – XX веках второй называл себя первым, и мы принимали его таким – и радикализм торжествовал над либерализмом на погибель русскому развитию. Автор дает нам ощутить и другие возможные срывы либерализма, выражаясь его языком: к демократическому абсолютизму и к империалистической демократии. Сегодня, когда уже и на Западе повсюду либерализм потерпел уничтожительное утеснение со стороны социализма, тем бо-

лее звучны предупреждения автора, что либерализм жив, лишь пока он придерживается эволюционного преобразования уже существующих структур. Но как только он будет навязывать существующему – схемы извне, он всегда будет в этом перекрыт и побит социализмом. Или предупреждение, что личная свобода никогда не может осуществляться без имущественной – отчего и не могут никакие виды социализма дать свободу. Изложение этой книги заставляет нас также задумываться: не преувеличиваем ли мы значения политической свободы сравнительно с гражданской?

Автор свежо смотрит и помогает нам свежо посмотреть на многие лица и события в русской истории – от Радищева, Пугачева, Екатерины II, Карамзина, декабристов (этих последних, уже радикалов, он считает роковыми для либерального развития России) – и до настойчивого либерализма Столыпина, широты гражданских свобод по конституции 1906 года, глубины русской государственной мысли в начале XX века. И в нашу сегодняшнюю смятенную перекареженную обстановку предупредительно и напоминательно входит старый выбор: сперва ли конституция, потом освобождение крестьян (Сперанский); сперва ли гражданские права крестьян, потом политические свободы (Столыпин).

Этой книге присуще то изящество удавшихся произведений, когда помимо выяснения заданной темы автор попутно освещает другие вопросы, иногда и более важные. Так, в этой истории либерализма мы находим и глубокое высвещение некоторых ведущих причин, сделавших возможной революцию в России.

Однако, строго-выдержанная формально-правовая линия зрения иногда сужает автора и его истолкование русской истории, где не все может быть уложено в такое русло. Так, освобождение дворян от государственных повинностей во 2-й половине XVIII века автор оценивает как процесс увеличения свободы в обществе и, стало быть, торжество либерализма. Но чувство протестует против такого истолкования, ибо именно это освобождение одних дворян укрепило искаженное понятие об их землевладении и надолго стало препятствием к освобождению крестьянского народа. Определяя метод либерализма как устранение всего, что грозит индивидуальной свободе, автор оставляет нас в неведении: должны ли существовать на этом пути духовные запреты? Правовым

представлениям и правосознанию автор приписывает ведущую роль в развитии исторических событий, нормы права в его оценке даже сходны с литургическими текстами. (В этом духе он почти враждебно отзывается о так называемых "славянофилах", впрочем делая исключение для обширного и сочувственного цитирования Д.Н.Шипова). Автор нигде не упоминает и как будто даже не предполагает, что правовой метод при изучении исторического процесса – не вседостаточен и дает не высшие точки обзора.

Сейчас, когда в нашей стране так разгорается жажда понять нашу недавнюю, но вовсе потерянную историю, – обзорный труд профессора Леонтовича осветит и поможет многим.

1979

А. Солженицын

ВСТУПЛЕНИЕ

Исторические источники либерализма. – Сущность либерализма. – Гражданский строй. – Административный строй. – Конституционный строй. – Политический радикализм. – Антиреволюционная сущность либерализма.

Как ясно уже из самого названия, основная идея либерализма – это осуществление свободы личности. А основной метод действия либерализма – это не столько творческая деятельность, сколько устранение всего того, что грозит существованию индивидуальной свободы или мешает ее развитию. Именно в таком методе и кроются причины некоторой (по сравнению с другими программами) трудности, с которой либерализм завоевывает себе сторонников. Он не привлекает людей, которых на современном языке метко называют активистами, но которые несомненно представляют собою психологический тип, появляющийся всегда и во все эпохи, хотя может быть не в таком количестве, как сейчас.

Как известно, либерализм как разработанная уже система сменил абсолютистское полицейское государство. Однако, в XVII и XVIII веках понятие "полиция" было гораздо шире, чем в дальнейшем. Под этим названием подразумевался весь бюрократический управленческий аппарат и весь административный строй, сильно развившийся в централизованных государствах XVIII века и выполнявший многочисленные и разнообразные функции. Естественным стремлением либеральных течений было ограничение этой системы управления с ее законами и ее организацией. Поэтому и оправдывается исторически мое утверждение, что метод либерализма – не творческая деятельность, не созидание, а устранение.

Либерализм – творение западно-европейской культуры и, в основном, плод уже греко-римского мира средиземноморской области. Корни либерализма уходят в античность и к этой первозданной его основе принадлежат такие вполне четко выработанные понятия, как правовая личность и субъективное право (в первую очередь право на частную собственность), а также некоторые учреждения, в рамках которых граждане участвовали в управлении государством и особенно в законодательной деятельности. Эта основа либерализма была вновь открыта западно-европейскими нациями и дополнена многочисленными новыми вкладами.

Разумеется, в этой книге я не могу касаться истории либерализма на Западе. Но я должен указать на два исторических источника западноевропейского либерализма: на феодальную систему и на независимость духовных властей от светских в Средние века. Итальянский историк Де Руджеро начинает свою историю европейского либерализма цитатой из произведений мадам де Сталь, а именно, ее замечанием: "Свобода во Франции – издревле завещанное благо, а насильственный строй, наоборот, явление новое". Де Руджеро добавляет: "Эти слова исторические вполне обоснованы, т.к. свобода уходит корнями в общество феодальной эпохи, и тем самым она намного старше, чем абсолютизм новой монархии". С исторической точки зрения, свободы в западно-европейских государствах зиждятся на равновесии, образовавшемся между королевской властью и феодальными властителями. Первый пример возникновения такого равновесия (т.е. разделения власти) – это создание Magnum Concilium в Англии. В Западной Европе, значит, свобода впервые возникла через существование аристократии. Это подчеркивает и французский юрист Ориу, специалист по государственному праву: "Важно определить историческую закономерность, общую для всех нормально возникших и развивавшихся государств: они переходили от аристократии к демократии. Политическая свобода, существующая в этих государствах, последовательно принимает две формы, сначала аристократическую, затем демократическую". [1]

Независимость папы от носителей светской власти также являлась важным источником свободы на Западе, ибо на ней

основывалась автономия духовных лиц от государства и внутри государства возникала некая автономная от него сфера.

Мне пришлось выделить эти корни западно-европейского либерализма потому, что в России они отсутствовали. За представителями церковной власти никогда не признавалось положение суверенных властителей, а феодализма в России не было.

Хотя суть либерализма в России была совершенно тождественна с сутью западного либерализма и он и в России должен был преодолеть абсолютистское и бюрократическое полицейское государство и прийти ему на смену, все же необходимо ясно отдавать себе отчет в том, что у русского либерализма не было этих важнейших исторических корней. И идеологически и практически русский либерализм в общем был склонен к тому, чтобы получать и перенимать от других, извне. А к этому надо еще добавить, что русский образец полицейского государства, воплощенный в крепостничестве, еще более резко противоречил принципам либерализма, чем западноевропейское полицейское государство, в области как политического, так и общественного устройства государства.

Либерализм – система индивидуалистическая, дающая человеческой личности и ее правам превосходство надо всем остальным. Однако, либеральный индивидуализм не абсолютен, а относителен. Либерализм отнюдь не считает, что человек всегда добродетелен и воля его всегда направлена на благие цели. Наоборот, либерализм хорошо знает, что человек, будучи наделен более или менее самостоятельным сознанием и относительно свободной волей, может стремиться ко злу так же, как и к добру. Поэтому в отличие от анархизма (известные извращения которого и можно считать проявлением абсолютного индивидуализма), либерализм требует создания объективного правового государственного порядка, противостоящего воле отдельных людей и связывающего ее. Поэтому он одобряет учреждения или общественные формы, в которых отдельный человек подчиняется определенному порядку и дисциплине. Тем не менее, это – индивидуалистическая система, потому что отдельный человек, личность стоит на первом месте, а ценность общественных групп или учреждений измеряется исключительно тем, в какой мере они защищают права и инте-

ресы отдельного человека и способствуют осуществлению целей отдельных субъектов. Таким образом, основное задание государства и всех прочих общественных объединений – защита и обеспечение этих прав. "Цель всякого политического союза – сохранение естественных и неотъемлемых прав человека". (Декларация прав человека и гражданина, 1789, ст.2).

Либерализм считает своей целью благополучие и даже счастье человека, а следовательно, расширение возможностей для человеческой личности беспрепятственно развиваться в полном своем богатстве. В согласии с этим либерализм считает основой общественного порядка личную инициативу, предпринимательский дух отдельного человека. Поэтому, как уже было сказано, либерализму свойственно сводить к минимуму все организации и все регламенты, которые являются элементом объективного порядка и как таковые противостоят субъективной предпринимательской инициативе отдельного лица и тормозят его энергию.

Из этого основного принципа либерализма – т.е. из убеждения, что социальный порядок зиждится на предпринимательском духе и воле отдельных лиц и оправдывается в той мере, в какой защищает субъективные права личности, – вытекают все дальнейшие требования либерализма. Либерализм провозглашает незыблемость частной собственности перед лицом государственной власти, потому что в ненарушимом обладании благами, принадлежащими отдельным лицам, он видит самую действенную гарантию возможности для отдельного человека спокойно преследовать свои цели и развивать свои способности. В представлении либерализма человек, таким образом, хотя бы в какой-то мере огражденный от давления материальной нужды, может посвятить себя созданию своего собственного счастья. Лозунг либерализма – BEATI POSSIDENTES (блаженны имеющие, обладающие имуществом). Обладание имуществом расценивается как нечто положительное, поэтому либерализм, естественно, берет под свою опеку свободу тех видов деятельности, которые направлены на добывание и рост частной собственности. Либерализм добивается устранения всех ограничений частной инициативе и частному предпринимательству, ведущим к приобретению имущества. Надо, однако, добавить, что либерализм берет под свою защиту не только

доходные предприятия. Он поддерживает всякую инициативу и все виды социальных предприятий, поскольку он видит в них проявление и обогащение человеческой личности, развитие сил и способностей человека.

Исходя из тех же принципов, либерализм добивается смягчения уголовного права. Человек, совершивший преступление, все же – человек, сохраняющий свою человеческую ценность. Задачей уголовного права не может быть просто обезвреживание (от имени и в интересах общества в целом) человека, проявившего преступные или антисоциальные наклонности. Наоборот, усилия и средства социальной единицы, к которой принадлежит совершивший преступление человек, должны быть использованы для того, чтобы поставить его в положение, при котором возможно его улучшение и перевоспитание. В наказании либерализм видит прежде всего средство для этого. Таким образом, благо человеческой личности представляет собой исходный пункт всех постановлений либерального уголовного права. Требование, чтобы каждый задержанный человек до истечения установленного законом и возможно более краткого срока предстал перед нормальным, т.е. объективным судом (а не перед специальным трибуналом) и все дальнейшие судебные гарантии, предусматриваемые на весь ход процесса, – все это основано на том же принципе.

В общем, основные принципы либерального индивидуалистического общественного порядка изложены с предельной краткостью и ясностью (чем они благоприятно отличаются от современных попыток декларации основных прав) во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Эта декларация провозглашает четыре основных права, представляющих собой основу либерального порядка. Права эти: 1. Свобода. 2. Собственность. 3. Безопасность. 4. Право сопротивления (насилию, подавлению).

Названные права представляют собой то, что мы понимаем под названием гражданской свободы. Такая личная свобода имеет два аспекта: 1. Отмену частной правовой зависимости в любой форме. 2. Гарантию беспрепятственного проявления личной инициативы в предприятиях любого рода, иными словами, полную автономию частной инициативы также и по отношению к власти.

Поскольку названные человеческие права принято определять как естественное, природное право, ясно, что они в одинаковой мере должны принадлежать всем людям. Де Руджеро пишет: "Естественное право представляет собой полное отрицание всяких привилегий уже потому, что оно связано с самой древней и самой обоснованной изо всех возможных привилегий: а именно, привилегией быть человеком". [2] Это право, разумеется, принадлежит всем людям в одинаковой мере. Из признания естественного характера человеческих прав или основных прав личности вытекает требование равенства всех людей в правовом отношении. "Человек рождается свободным и остается свободным, и все люди равны в правовом отношении", – гласит 1-я статья Декларации прав человека.

Нужно уметь совершенно ясно отличать политическую свободу от свободы гражданской. Политическая свобода – это право гражданина участвовать в управлении государством. 6-я статья Декларации гласит: "Все граждане имеют право лично или через своих представителей участвовать в законодательном процессе". Гражданская свобода, т.е. основные права, на признании которых построен гражданский строй, является самой высокой ценностью государства и его основным принципом. Поэтому политическая свобода рассматривается лишь как дополнение свободы гражданской, ее требуют лишь как гарантию для гражданской свободы, но при этом надо сказать, что политическая свобода представляет собой единственную действенную гарантию и необходимое дополнение.[3] Ориу пишет: "Таким образом, можно без преувеличения сказать, что весь государственный аппарат строится для того, чтобы обеспечить существование гражданского строя".[4]

Гражданский строй должен рассматриваться как источник цивилизации, потому что он несет с собой необходимые условия для возникновения духовных ценностей.[5] "Гражданская жизнь (подразумевается жизнь в рамках и условиях гражданского строя), – пишет дальше Ориу, – возможна только если в полной мере обеспечены ценность и значение собственности. Можно сказать, что в каком-то смысле гражданская жизнь, жизнь при установленном гражданском строе, связана с благосостоянием, ибо человек, благодаря преимуществу и обеспечению, которые дает ему

его собственность, им созданная и добытая, не находится больше под давлением экономических забот и может думать о чем-то ином кроме ежедневных потребностей, может посвящать себя умственным занятиям и свободным профессиям, может заниматься общественными интересами и создавать себе какое-то представление о государстве, иными словами, он поставлен в такое положение, в котором он может становиться гражданином". Значит, частная собственность в известной степени может обеспечить собственнику благосостояние, а поскольку благосостояние представляет собой необходимое условие для творческого сосредоточения (ведь не случайно у греков места творческой работы назывались "схоли", а это слово значило в первом его понимании "благосостояние", "благоденствие"), бесспорно правильно считать частную собственность источником или, во всяком случае, необходимым условием для духовного творчества, а следовательно, видеть в гражданском строе, основанном на собственности, источник цивилизации. В этом и состоит, собственно, оправдание такого строя, и этим подтверждается высказывание Ориу, по которому обеспечение гражданского строя должно быть главной и конечной целью самого государства.

Бесспорно, аристократические режимы также обеспечивали правящему классу необходимое для духовной творческой деятельности благополучие. Однако, эти аристократические режимы допускали существование правовых форм – и даже не только допускали, а требовали их, – которым присущи были жесткость и грубость, не приемлемые для гуманного сознания, а именно, рабство и крепостное право. Правда, между имущими и неимущими в рамках гражданского строя часто существует фактическая, реальная разница, которая не меньше, чем разница между господином и крепостным в рамках аристократической системы. Однако, есть существенное различие между этими двумя случаями: в рамках гражданского строя как имущий, так и неимущий располагают одинаковыми правовыми возможностями – тут нет правового запрета, нет положения, при котором человек не смеет пытаться улучшить свое состояние и свой статус.

Кроме того, государство располагает средствами, которые могут уменьшить неблагоприятные последствия такого факти-

ческого неравенства и которые реально и глубоко связаны с сущностью гражданского строя, основанного на частной собственности. Совокупность этих средств можно назвать административной системой, существующей параллельно с системой гражданской. Сущность административной системы состоит в том, что государство берет на себя целый ряд практических служб, которые раньше просто не существовали или были делом частных предприятий. При выполнении государством таких обязанностей заинтересованность в материальной выгоде, которая от них может быть получена, отходит на второй план; государство интересуется прежде всего тем, чтобы при выполнении этих обязанностей была полная регулярность и полное равенство по отношению ко всем, чтобы услуги эти были предоставлены всем одинаково. Такой регулярный и всеобщий характер этих услуг позволяет оказывающим их административным учреждениям предоставить одинаково всем, даром или по чрезвычайно низкой цене, ряд "общественных удобств", как очень хорошо называют их французы. Таким образом, при помощи услуг, оказываемых административными учреждениями, многочисленные потребности неимущих часто удовлетворяются легче и лучше, чем удовлетворялись подобные же потребности имущих до возникновения административного строя, когда они добивались того, что им было нужно, просто частным экономическим путем. Так достигается, в общем, значительное повышение уровня жизни широких неимущих народных слоев. Такие преимущества административного строя бесспорны и в значительной мере оправдывают сильное развитие административного аппарата.

Но если государственные административные учреждения берут на себя удовлетворение многочисленных потребностей отдельных лиц, а частные предприятия тем самым в некоторой степени заменяются государственной бюрократией, это означает (говоря о настоящем времени, о нашей эпохе) как возврат к государственно-полицейскому строю абсолютной монархии XVII–XVIII веков, так и осуществление того, что принято называть социализмом и что (если мы осмелимся освободить это слово от того поэтического ореола, которым принято его окружать) в государственном, правовом смысле не представляет ничего иного, как

крайнее развитие административного строя, бюрократизацию общественной жизни и в конечном итоге, в некотором смысле, возрождение старого полицейского строя. Таким образом, эти два аспекта обсуждаемого развития в значительной степени совпадают.

Хотя, как было уже сказано, развитие административной системы и выполнение целого ряда обязанностей по обслуживанию населения бюрократическим аппаратом, бесспорно, вначале дает положительные результаты, тем не менее, это развитие становится отрицательным и опасным с того момента, как оно переступает известную границу, приводит к чрезмерному росту административных учреждений, начинающих предлагать публике услуги, которых та от них не требовала и не ожидала. Ориу пишет: "Сама суть административной централизации такова, что раз начавшись, она будет неизбежно стараться расшириться и с этой целью размножать общественные ведомства и учреждения". Этот процесс проявляется по-разному; например, свободные профессии, которые всегда являются носителями если не прямо идеи свободы, то во всяком случае стремления к свободе, – заменяются бюрократическими учреждениями или сами бюрократизируются. А главным образом частное предпринимательство заменяется государственными предприятиями. Чрезмерное расширение административного строя или социалистических элементов в рамках государства угрожает задушить основу современного свободного государства, иными словами, гражданский строй, основанный на индивидуалистических принципах, – просто разрушить тип государства, созданный западным миром. Такое чрезмерное развитие административной системы неизбежно грозит существованию гражданской свободы, потому что административные учреждения, каждое в своей области, занимают позицию монополий или пытаются ее занять; иными словами, они могут помешать любой попытке частной инициативы. Обычно, они как раз к этому и стремятся и при этом используют административные предписания, то есть оружие, против которого частное лицо совершенно беспомощно. Вообще тут создается положение, при котором общественное право разрастается за счет частного права, гражданское право подавляется административным правом, а все это неизбежно сужает, в той или иной мере, сферу гражданской свободы.

Наконец, чрезмерное развитие администрации может грозить и политической свободе, ибо политическая свобода основана на различных формах разделения власти. Развитие бюрократической администрации всегда ведет к централизации и чрезвычайной концентрации власти, так что все формы разделения власти полностью исчезают или продолжают существовать как чисто формальные явления, начисто лишенные подлинного содержания. Свободное высказывание общественного мнения со временем также подавляется чрезмерным развитием административного строя.[6]

Однако, как говорит Ориу, государство представляет собой чрезвычайно богатое возможностями учреждение. В разумных пределах административная система является действенным средством для исправления недостатков одностороннего гражданского строя. Можно найти противовес опасностям чрезмерного развития административного строя. Этот противовес – конституционный строй. Между централизованной администрацией и конституционным правом, направленным на осуществление политической свободы; между административным строем и конституционным – есть определенное противоречие.[7] Первая система основана на централизации и сосредоточении власти, вторая – на децентрализации и разделении власти. Статья 16-я Декларации прав гласит даже: "Общество, в котором не обеспечены права и не проводится в жизнь разделение власти, не имеет конституции". Надо заметить, что сама по себе децентрализация выражает конституционные тенденции даже тогда, когда она осуществляется лишь в рамках преобразования администрации, например, в виде замены бюрократической администрации самсуправлением.[8] На самом деле, государства начали вводить конституционный строй или для того, чтобы превзойти чрезмерное развитие административной системы, бюрократических и полицейских монархий (так обстояло дело в Европе) или, как было в Англии, для того, чтобы предотвратить, предварить развитие административной системы вообще.[9] Значит, самое важное в конституции – это спасение свободы от подавления концентрированной государственной властью, централизованным бюрократическим административным аппаратом государства – иными словами, прежде всего – государственно-правовая и политическая защита гражданского строя, индиви-

дуалистических принципов, на которых этот строй покоится, и индивидуалистических основных прав, которые этот строй воплощает.

Вследствие возникновения представительного и конституционного строя, структура государства приобретает различные формы и аспекты и сущность его обогащается. В таком государстве мы можем различать три системы или три структурных элемента: 1. Гражданский строй: сферу субъективного права, личной свободы, частной автономии. 2. Административную систему: сферу централизации и сосредоточения государственной власти, социального или государственного обеспечения и авторитарного руководства. 3. Конституционный строй: конституцию, то есть сферу самоограничения государственной власти путем возникновения основного равновесия между отдельными государственными органами или, как называют их французы, общественными органами власти, при помощи децентрализации власти, иными словами, при помощи ее разделения.

Классическое разделение власти – это séparation des pouvoirs, о котором говорит Монтескье в своем произведении "Дух законов" (Esprit des Lois). Это разделение власти представляет собой в какой-то мере автономию законодательной власти и противопоставление ее правительству, которое принято чрезвычайно неточно называть властью исполнительной (я говорю "неточно", потому что, разумеется, функции правительства никоим образом не могут быть ограничены одним только исполнением законов), а также властью судебной. Все они – конституционные органы власти, входящие в рамки конституционной системы. Надо, однако, обратить внимание на интересный факт, что одновременно каждая из этих трех властей тесно связана с одним из трех выше упомянутых структурных элементов государства, с одной из трех названных государственных систем. Народное представительство, орган законодательный, является главным органом конституционного строя. Административный строй и исполнительная власть связаны между собой. Наконец, власть судебная особенно тесно связана с гражданским строем, ибо суды существуют прежде всего для того, чтобы защищать субъективные права личности как от повреж-

дения их другими гражданами, так и от нарушения их со стороны государства.

Защита субъективного права от нарушений со стороны государства не одинакова в различных странах, располагающих одинаково развитым конституционным строем. В большинстве стран такая защита ограничивается защитой субъективного права граждан от нарушения со стороны административных органов правительства. Лишь в Соединенных Штатах Америки судебной власти поручается не только защищать справедливо полученные права отдельной личности от незаконных действий со стороны правительственных органов, но ей вверена защита всего гражданского строя и индивидуалистических правовых принципов, лежащих в основе такого строя, от нарушений также со стороны законодательной власти. Суды Соединенных Штатов имеют право отказываться применять изданные законодательной властью новые законы, если эти законы противоречат основным принципам индивидуалистического гражданского строя и Декларации прав, которая считается основой конституции этого государства. Это означает, что основные права, содержащиеся в Декларации, и основные принципы индивидуалистического либерального общественного порядка, провозглашенные этой декларацией, воспринимаются как ненарушимое, естественное или природное право человека. Поэтому законодательная власть имеет право издавать лишь такие законы, которые не противоречат этим основным принципам, имеющим значение и ценность конституционной сверх-законности. Таким образом, судебной власти здесь, в рамках конституционного строя, обеспечено совершенно особое положение, и именно здесь становится наиболее ясно, что одна из самых важных сторон конституционного строя — служить гарантией гражданскому строю. [10]

Такое соотношение между конституционным строем и гражданским, о котором мы только что говорили, цитируя современного специалиста по государственному праву Ориу, подтверждает концепцию классического либерализма, построенного в основном на учении Монтескье, что политические права представляют собой развитие прав гражданских и что политическая свобода прежде всего является гарантией свободы гражданской. [11]

Из такого соотношения между гражданским строем и конституцией, между гражданской свободой и свободой политической, вытекает принципиальное ограничение законодательной власти и ее глубокая связь с началами индивидуалистического гражданского порядка даже там, где связь эта вовсе не гарантирована судом. Существует эта связь также и в тех случаях, когда сами принципы индивидуалистического гражданского строя не сформулированы четко в конституционном праве.[12]

Можно считать необходимой и абсолютной ценностью именно политические права членов государственного общества, их политическую свободу. В таком случае надо исходить из того, что законодательная или учредительная власть в государстве не связана никакими правовыми принципами, в государстве же есть орган этой власти, постановления которого (принимающие форму законов) обязательно выливаются в создание подлинного права, независимо от существования правовых принципов. Вопрос о том, в какой мере содержание новых законов соответствует основным принципам индивидуалистического правопорядка, тем самым полностью теряет значение, так же как и вопрос о том, в какой мере решения, принятые государством или законодательной властью и облеченные в форму законов, на самом деле являются настоящим правом: ведь при таком подходе заранее принята предпосылка, что эти законы именно и есть настоящее право. Согласно такой концепции, законы обязательно должны восприниматься как право, потому что заранее признано, что право есть просто выражение народной воли, воплощенной в законодательном органе или в государственной власти.

Один из важнейших источников для понимания этой концепции – "Социальный контракт" Руссо (Le Contrat Social). Правда, Руссо признает (книга 2, глава 4), что кроме "общественного лица", т.е. всего народа в целом, надо еще учитывать мнения и потребности отдельных людей, частных лиц, жизнь и свобода которых, разумеется, независимы от того, что он называет "общественным лицом". Он тоже говорит о природном праве, которое – достояние всех граждан просто потому, что они – люди. Однако Руссо развивает теорию о том, что общая воля всегда справедлива и всегда направлена на общую пользу. Воля эта таким образом, по

его концепции, представляет собой источник подлинного закона. Следовательно, законы ни в коем случае не могут быть несправедливыми, "ибо никто не несправедлив по отношению к самому себе". Ведь сама суть общей воли и созданного ею социального контракта такова, что "подданные, подчиненные только такого рода соглашениям, тем самым не подчиняются уже никому кроме своей собственной воли". (кн. 2, гл. 4). А из этого логически вытекает, что если суверенная власть и есть просто совокупность отдельных воль, она никак не может быть заинтересована в том, чтобы противостоять какой-либо из них, а поэтому и совершенно не нужно подданным искать каких-то гарантий по отношению к этой самой власти. Вообще Социальный контракт утверждает, что гарантия прав личности не нужна в отношении того общественного организма, к которому сама личность принадлежит или к которому она присоединилась. Все статьи Социального контракта можно было бы по сути дела свести к одной только статье о полном отчуждении всех прав каждого отдельного члена в пользу коллектива (книга 1, глава 6). Отчуждение это безоговорочно, ни один член не имеет права чего-либо требовать (там же). Наверное, Руссо все же отдавал себе отчет в затруднениях, вытекающих из следующего вопроса: как можно установить в каждом конкретном случае, что суверенную власть (т.е. народную волю) воплощает тот, кто выступает в качестве главы государства, а не тот, кто выполняет обязанности судьи? То есть как можно установить, что правящая власть действительно выражает общую волю (кн. 2, гл. 4)? Надо сказать, что Руссо скорее обошел, чем решил эту проблему.[13] Но теории Руссо были достаточны, чтобы убедить его оптимистически настроенных последователей в том, что народное представительство обязательно выражает своими законами общую волю и что поскольку речь идет об общей воле, то и нет надобности гарантировать ни субъективные права каждой отдельной личности, ни основные принципы индивидуалистического правопорядка.

Но при такой концепции сам принцип разделения власти теряет почти все свое значение. Если законодательная власть, т.е. народное представительство, является органом, выражающим общую волю, то конечно нельзя противопоставлять ей другие орга-

ны власти, то есть правительство и судебную власть, как равные факторы; наоборот, их скорей надо рассматривать как нечто из законодательной власти вытекающее и в какой-то мере ей подчиненное. При такой концепции нельзя говорить о подлинном разделении власти, речь может идти только о распределении функций между отдельными органами ее. Конечно, распределение власти в том смысле, в каком понимал его Монтескье, тоже было связано с распределением функций. Однако, основной принцип разделения власти состоит в том, что за каждым органом власти должен стоять реальный общественный фактор, находящий себе в данном органе выражение. Кроме того, разделение власти возможно и без распределения функций; таково было разделение власти между двумя консулами в Риме: оно было подлинным, хотя и без распределения функций. Английский Magnum Concilium 1225 года (впоследствии превратившийся в парламент страны) по сути дела представлял собой именно разделение власти. Ему переданы были некоторые полномочия, до тех пор принадлежавшие монарху и у монарха отобранные. Однако неправильно было бы считать, что все дело в одном только распределении функций; тут важно как раз не это, а то, что в Англии королевская власть с одной стороны и власть аристократии (выражением которой был Magnum Concilium) были двумя факторами реальной власти, друг от друга независимыми.[14]

Таким образом, учение Руссо – это теоретическое оправдание всемогущества закона и законодателя, по принципу, выраженному в старой латинской поговорке "что нравится князю, имеет силу закона", только тут слово "князь" надо заменить словами "парламентское большинство": то большинство в народном представительстве, которое возникло вследствие результатов всеобщих прямых, равных и тайных выборов. Никакие ненарушимые правовые принципы не могут быть противопоставлены закону, принятому решением такого большинства. Закон – это право, потому что он воплощает общую волю. Интересно, что и позже, отказавшись уже в общем от учения об "общей воле", все же упорно продолжали настаивать на полноценности этой последней сентенции, просто заменяя понятие "общей воли" понятием государства как юридического лица.

Со временем интерес к проблеме разделения власти стал уменьшаться. Это и понятно. Дело ведь в том, что перестали думать о ненарушимости индивидуалистических правовых начал, которые, являясь как бы своего рода социальной конституцией, служат предпосылкой и основой для конституции политической. А разделение власти нужно для того, чтобы ограничить действие одной власти другой властью, и делается это именно во имя индивидуалистических начал правопорядка. Так зачем же нужно разделение власти, раз этим началам не придается больше решающего значения? В результате полностью теряют смысл слова Монтескье, включенные в Декларацию прав (стр. 16) : "Общество, в котором не обеспечены права и не осуществлено разделение власти, не имеет конституции". Тут мы уже имеем дело с новым, принципиально совершенно иным пониманием конституции, направленным на скорейшее ее превращение просто в парламентский устав, цель которого – облегчение беспрепятственного проведения в жизнь программы очередного парламентского большинства. Такую политическую и юридическую концепцию никак нельзя считать либеральной. Надо признать, что это – концепция радикальная, полностью противоречащая либерализму, который ставил себе целью сохранение существующего индивидуалистического правопорядка и существующих законно приобретенных прав человека.

Ведь за политической свободой как самодовлеющей целью нет ни социальной программы, ни правовых начал. При ней все возможности открыты. Если вступить на этот путь, то индивидуалистический правопорядок либеральной социальной конституции может быть заменен возрождением самых крайних форм административной системы и вмешательства власти, и даже чистым коллективизмом. Замена индивидуалистического правопорядка коллективизмом, однако, означает гораздо больше, чем принятие некоторых новых юридических принципов: это – конец определенной цивилизации, глубокий разрыв всей культурной традиции. В этом хорошо отдавал себе отчет один из последних крупных представителей старой России, Столыпин. Именно это имел он в виду, говоря Второй думе в 1907 году, что разрушение существующего правопорядка в России во имя социализма заставит впо-

следствии на развалинах строить какое-то новое никому не известное отечество.

В этой эволюции конституционной идеи скрываются зачатки разрушения или, вернее, саморазрушения современного западноевропейского правового государства. Если на смену либеральной демократии (то есть такому государству, в конституцию которого включены, в качестве сверх-законности, основные принципы индивидуалистического социального порядка) придет чисто формальная, абсолютная демократия или демократический абсолютизм, то тем самым откроется путь для развития империалистической формы демократии.[15] На самом деле, все аспекты вышеуказанного развития подготовляют возникновение империалистической демократии. В той мере, в какой законы не принимают во внимание основные принципы индивидуалистического социального порядка и существующие субъективные права, основанные на этих принципах, а базируются лишь на выражении воли законодателя и являются воплощением этой воли, которая соответствует просто данным обстоятельствам и условиям, – в этой мере теряет значение вопрос, является ли законодатель избранным представителем самих носителей субъективных прав, то есть граждан, или же он просто властитель, который, независимо от выборов, считает себя призванным к власти и уполномоченным выражать и формулировать законодательную волю нации. Кроме того, если принцип подлинного разделения власти исчезает и правительство рассматривается лишь как исполнительный орган законодательной власти, оно гораздо легче и скорее согласится с развитием административного аппарата и с бюрократической концентрацией власти. Наличие сильно развитого и централизованного бюрократического аппарата представляет собой, бесспорно, благоприятную предпосылку для развития империалистической формы государственного правления. Особенно легко такая тенденция может восторжествовать, если развитие административного строя перейдет определенные границы, и поэтому достигнет известной степени национализиция – переход всего во власть государства, иными словами, произойдет изгнание и подавление гражданского строя. Ведь именно так устраняется одно из самых важных и

принципиальных разделений власти, а именно, разделение власти политической и экономической.[16]

Значительное разрушение гражданского строя и концентрация экономической власти в руках государственного правительства предоставляют этому правительству, можно сказать, почти безграничные средства власти. Такое небывалое увеличение средств власти, находящихся в распоряжении правительства, бесспорно, поощряет возникновение диктатурных форм правления и тиранической государственной власти. Вряд ли это можно всерьез оспаривать.

В моей статье "Зависимость и самостоятельность при разделении власти"[17] я с особенным вниманием отнесся к отделению политической власти от экономической. Я указывал там, что экономическая власть, находящаяся в руках капиталистов при буржуазной системе, в социалистическом государстве объединяется с политической властью в руках государственной власти и фактически находится в руках бюрократии. Таким образом уничтожается разделение власти, которое было весьма благоприятным не только для самостоятельности буржуазного слоя (это само собой разумеется), но и для свободы рабочего класса, и неизбежно должно было действовать в пользу рабочего класса, поскольку разделение власти всегда освобождающе отзывается на положении отдельной личности. Для того чтобы несколько подробнее и точнее обосновать это утверждение, я приводил полностью следующий важный пассаж из произведения Ориу "Принципы общественного права" (произведение это еще недостаточно широко известно): "...экономическая власть обладает способностью создавать средства для существования в своей области; экономической властью располагает тот – будь это собственник современного промышленного предприятия или собственник поместья или военный руководитель – кто в той или иной форме располагает большим количеством запасов жизненных средств, которые он может распределять по своему усмотрению среди своих служащих и подчиненных или среди своих клиентов. Политическая власть имеет возможность создавать в рамках правового порядка выгодные ситуации, которые открывают доступ к источникам жизненных средств. В каком-то смысле, значит, и та и другая власть должна

удовлетворять людским потребностям, а это и есть та точка зрения, которая больше всего волнует людей. Только надо заметить, что экономическая власть касается человеческого существования и человеческих потребностей гораздо более непосредственным образом, чем власть политическая...

...Политическая и экономическая власть в рамках государственного строя могут быть отделены друг от друга; в действительности обычно так и бывает. В рамках освобожденной рыночной экономики возникают состояния и появляются зажиточные люди, располагающие собственностью и деньгами, дающие другим работу и оплачивающие ее, вследствие чего тысячи людей зависят от них, поскольку от них они получают заработную плату. Короче, появляются капиталисты, власть которых может быть вполне жесткой. Однако не обязательно капиталисты располагают политической властью. К этой власти могут приходить совершенно иные люди, используя при этом конституционный механизм. Эти люди занимают выгодные положения в государстве и могут раздавать другим всевозможные преимущества и вознаграждения. Кроме того они уполномочены создавать должности в рамках правового порядка и используют свое положение не для укрепления позиций богатых людей, а скорее всего для ограничения их власти... Из такого деления между двумя формами власти получается равновесие, действующее в пользу массы людей. Одни имеют выгоду от капиталистов, другие от политических деятелей, остальные используют себе во благо всеобщие мероприятия, законы, издаваемые в защиту многочисленных и многообразных интересов. В таком состоянии равновесия и может утвердиться известная свобода большинства людей, а также может возникнуть некий средний общественный слой.

Наоборот, эти гарантии свободы исчезают вне государственного строя, как в образованиях вотчинного характера, которые такому строю предшествуют, так и в обществе коллективизированном, которое грозить заменить собой государственный правовой строй, потому что в том и в другом случае политическая и экономическая власть оказывается в одних и тех же руках. При феодальном строе (это пример классический) собственность и суверенитет сливаются в одно. А при коллективизированной системе

получается то же самое. При такой системе чиновники административного аппарата располагают ключами к общественному имуществу, от которого полностью зависим каждый человек; к тому же эти самые чиновники законным образом уполномочены создавать выгодные должности в рамках государства. Иными словами, они обладают полнейшей и абсолютнейшей властью, когда-либо существовавшей. Нельзя даже представить себе, откуда мог бы взяться действенный противовес, который мог бы ограничить эту власть ".[18]

Разумеется, человеческая воля может сопротивляться такому развитию. Если его нельзя задержать полностью, его можно сознательным сопротивлением в значительной мере замедлить. По мнению Ориу, то обстоятельство, что мы отдаем себе отчет в существовании такой тенденции, ни в коей мере не снимает с нас духовную обязанность бороться за дальнейшее существование политической свободы. Ориу приходит к следующему заключению: "Мы же знаем, что все мы должны умереть, тем не менее мы прилагаем все старания к тому, чтобы подольше прожить".[19] Без сомнения, последовательно придерживаясь индивидуалистических принципов гражданского строя, в первую очередь принципа частной собственности, можно сильно продлить существование политической свободы и политической демократии, так как это и есть один из немногих по-настоящему действенных способов помешать чрезмерному развитию административной системы и выхолащиванию конституционных полномочий, постепенному превращению их в одну лишь форму без содержания.

Как уже было сказано, метод либерализма – это устранение помех личной свободе. Такое устранение не может, однако, принимать форму насильственного переворота или разрушения. Во всем существующем всегда есть нечто, что надо сохранить, развивая его путем устранения внешних ограничений или совершенствуя и оплодотворяя путем преобразований. К тому же надо сказать, что не во всех случаях либерализм прибегает к устранению. Согласно либеральному мировоззрению, необходимо устранять в первую очередь неограниченные полномочия государственной власти, в силу которых эта власть может стать над правом и которые дают ей возможность не соблюдать существующего порядка

или произвольно менять его специально для этой цели издаваемыми законами; кроме того надо устранять чрезмерное нагромождение административно-юридических постановлений, обязательное планирование и разрастание административных учреждений, которые все вместе препятствуют свободной человеческой деятельности в экономической и в культурной областях. Наоборот, либерализм относится с величайшим уважением к субъективным правам отдельных людей и считает основной задачей государственной власти именно защиту таких прав и возможностей беспрепятственного ими пользования. Вообще либеральному государству полностью чужды насильственное вмешательство в существующие жизненные взаимоотношения людей и какое-либо нарушение привычных жизненных форм. По-настоящему либеральное государство никогда не согласится на выселение людей даже из побежденного и завоеванного государства или на переселение отдельных групп населения, все равно по каким причинам – по политическим или по экономическим.

Из этого вытекает следующее: либерализм должен действовать с чрезвычайной осторожностью даже тогда, когда он приступает к устранению тех институтов административного строя, которые представляются ему излишними или даже вредными. Дело в том, что с традиционными формами администрации всегда тесно связаны те или другие интересы частных лиц. Интересы и должности, связанные с административными институтами, подлежащими упразднению (например, места занятых в них служащих), не должны устраняться неожиданно и безжалостно, так как это разрушительно отразится на сфере субъективных гражданских прав этих людей.

Согласно либеральному мировоззрению, исторические долиберальные государственные формы нельзя разрушать революционным переворотом, а надо их преобразовать. Либерализм знает, что насильственная революционная акция чаще всего разрушает как раз наиболее ценные элементы старого строя, не затрагивая при этом первобытной сущности любой государственной власти – т.е. силы в чистом виде, а тем самым создаются предпосылки для того, чтобы государственная власть в дальнейшем проявляла себя еще гораздо более грубо, не будучи уже ограничивае-

ма и сдерживаема вообще ничем после отпадения даже древних традиций. Кроме того, согласно либеральному миропониманию, долгое существование государственной формы, менее совершенной, чем правовое либеральное государство, часто доказывает, что в стране или в народе еще нет нужных условий для перехода к либеральному государственному устройству и к либеральному общественному порядку, а такие условия или предпосылки, конечно же, невозможно создать насильственной акцией.

Антиреволюционные позиции либерализма в основном вытекают из следующего соображения: если государство, не основанное на либеральных принципах, но не определенно и открыто тираническое и деспотическое, существует уже долгое время, то это долгое его существование ведет к образованию умеренных и сдерживающих тенденций в государственной практике, так что и в рамках подобного государства развиваются и укрепляются многочисленные положительные стороны государственной системы, государства как такового. Наблюдение это в свою очередь зиждится на консервативной теории о прогрессе, глубоко связанной с самой сутью либерализма, а именно на теории, согласно которой "...прогрессивной силой является сила укрепления и утверждения",[20] что означает, что прогресс состоит в установлении данного типа и в развитии и совершенствовании его черт, а не в эволюционной замене одного типа другим. С точки зрения исторической и согласно всем этим наблюдениям – либерализм должен решительно предпочитать просвещенный абсолютизм революционной диктатуре.

Все эти соображения заставляют меня четко отличать радикализм от либерализма и настоящим либерализмом считать лишь либерализм консервативный.

ПРИМЕЧАНИЯ К ВСТУПЛЕНИЮ

1. Ориу. Конституционное право, 2 изд., Париж, 1929. Стр.139
2. Де Руджеро. История европейского либерализма. Бари, 1925. Стр. 25.
3. Де Руджеро. Там же, стр. 57.
4. Ориу. Принципы общественного права. 2-е изд. Париж, 1916. Стр. 386.
5. В данном случае мы, конечно, совсем не принимаем во внимание бессмысленного противопоставления культуры цивилизации.
6. Ориу. Принципы, стр. 603 и дальше.
7. Ориу. Там же, стр. 601 и дальше, а также стр. 612.
8. Ориу. Там же, стр. 610. Это наблюдение особенно важно для правильного понимания некоторых моментов политического и государственно-правового развития России во второй половине 19 и в начале 20 в.
9. Ориу. Там же, стр. 612.
10. К сожалению, я должен отказаться от рассмотрения здесь целого ряда других в высшей степени интересных аспектов конституционного строя, как например, того факта, что конституционный строй углубляет общественный характер государственной власти и позволяет общественному мнению проявляться в качестве новой формы суверенитета, или того обстоятельства, что вследствие принятия письменной конституции, играющей роль как бы государственного устава, само государство приобретает характер юридического лица.
11. Примером такого понимания могут служить разъяснения Кукумуса. В его "Учебнике государственного права баварской конституционной монархии", появившемся в 1825 году (иными словами, во времена полного расцвета либерализма) мы читаем (стр. 130) : "Все граждане имеют право пользования гражданской свободой, однако при отсутствии свободы политической, гражданская свобода ни на что не опирается и не имеет подлинной ценности". Показательно также, что гражданскую свободу он определяет как "требование, непосредственно вытекающее из целей государства".
12. В упомянутом произведении на стр. 86 Кукумус в этой связи ссылается на баварскую конституцию от 26 мая 1818. Он пишет: "Баварская конституция не определяет прямо государственных целей. Однако из содержания всей конституции вытекает, что единственная возможная цель государства – это соблюдение прав и безопасности граждан. Введение к конституции уже говорит об общей государственной цели, более же полное определение мы находим в заглавии IV 8 статьи конституции, которое гласит: "Государство гарантирует каждому граждани-

ну неприкосновенность личности, имущества и прав". Здесь уже в достаточной мере указано, в чем состоит цель, каково стремление правительства и какие трсбования ставит государству гражданин. Тем самым фактически отвергаются все авантюристические требования блестящих, но практически невыполнимых и по сути дела ведущих к деспотизму теорий. Тут фактически признается, что государство должно "обеспечивать внешние условия, необходимые для развития народной жизни, однако ни в коем случае не смеет повелительно в это развитие вмешиваться". Эти объяснения Кукумуса говорят о том, что истинной целью государства является гарантировать каждому гражданину неприкосновенность личности, собственности и всех прочих законно полученных прав, при этом никак не пытаясь влиять на народное развитие и направлять его в ту или иную сторону. Такая государственная цель и есть внутренняя грань, поставленная использованию законодательной власти так же, как и политической свободе граждан.

13. Я обязан профессору Фосслеру пониманием того, что "суверенитет общей воли" надо понимать не как суверенитет решений коллектива, а как суверенитет категорического императива. Предполагаю, что такое толкование основано именно на вышеизложенной проблеме.
14. Ориу. Принципы, стр. 613.
15. Ориу. Конституционное право, стр. 140.
16. Одна из наибольших заслуг Ориу состоит в том, что он показал, что либеральный индивидуалистический общественный строй зиждится не только на разделении власти, в том смысле, как понимал его Монтескье, а и на том разделении власти, которое открывается на еще более глубоком уровне в социальной ткани государства. Так, например, духовная свобода (в более узком смысле этого выражения) опирается на разделение власти духовной от мирской. Для укрепления политической свободы играет большую роль разделение власти гражданской бюрократии от власти военной. Наконец к самой сути либерального строя принадлежит в данный момент особенно нас интересующее разделение власти экономической от власти политической; на нем именно и основана гражданская свобода.
17. В Записках Социологического Отдела Исследовательского Института Социальных и Административных Наук в Кельне, т.1, 1951, изд. Леопольд фон Визе, стр. 394 и дальше.
18. Ориу. Принципы, стр. 368 и дальше.
19. Ориу. Там же, стр. 140.
20. Ориу. Традиционная социальная наука. Париж, 1896, стр. 412.

ЧАСТЬ I

ИСТОРИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА В 1762 – 1855 ГОДАХ

Глава 1

ЕКАТЕРИНА II

Либеральная программа Екатерины. – Идеи экономического либерализма. – Права собственности дворянства. – Планы относительно прав собственности крепостных. – Положение крепостных. – Поддержка абсолютизма и сопротивление французской революции. – Правовые идеи Екатерины.

Идеи либерализма стали приобретать значение в России во времена Екатерины II. Конечно, еще при предшественниках Екатерины издавались законы и принимались меры, которые можно назвать либеральными потому, что они подтверждают права подданных российских монархов, а иногда и расширяют их, содействуя их свободе. В первую очередь надо упомянуть знаменитый манифест Петра III от 18 февраля 1762 года о "вольности дворянской"; далее указ императрицы Анны от 17 марта 1731 года, который, в основном, упразднил разницу между вотчинами и поместьями (наследственными и служебными имениями) и таким образом расширил права дворянства на казенные земли.[1] Однако в основе этих законов не было сознательного стремления к осуществлению либеральных принципов. Все царствование императрицы Елизаветы в каком-то смысле можно назвать либеральной эпохой. Однако и здесь свобода не была основана на сознательной воле к сохранению ее, источник и гарантия свободы заключались в жизнерадостном и сговорчивом характере императрицы.

Планы реформ Екатерины, наоборот, основаны на принципах западно-европейского либерализма, прежде всего на идеях Монтескье. Екатерина старалась дать законное обоснование религиоз-

ной терпимости, сделать уголовное право более гуманным, открыть пути для частной инициативы в экономической жизни, укрепить путем законов личную свободу дворян, а также расширить право собственности дворян и городов и предохранить их от возможности нарушения со стороны государства. Кроме того, она ставила себе целью облегчить положение крестьянства, усилить роль органов самоуправления отдельных сословий при устройстве и развитии всей административной системы; а также полностью провести в жизнь принцип разделения власти при устройстве местного управления или самоуправления. Это – широкая либеральная программа, которая изложена в первую очередь в Наказе, составленном императрицей для созванной ею Законодательной Комиссии. Кроме того, ее либеральная программа нашла выражение и в целом ряде других, меньших документов, которые были составлены ею самой или по ее желанию. Значительные элементы этой программы постепенно превращались Екатериной в право путем различных законов, которые издавались во время ее долгого правления. В вопросах экономической политики Екатерина придерживалась либеральных взглядов. Ее взгляды самым подробным образом сформулированы в записке под заглавием "Рассуждение о мануфактурах".[2] Нельзя сказать с уверенностью, что Екатерина сама составила эту записку, но поскольку она объявила, что полностью согласна с идеями, выраженными там, то этот вопрос не имеет большого значения. Кроме того, Екатерина составила целый ряд (96) замечаний, озаглавленных "ремарки", относительно проблем, которые рассматриваются в записке, и эти ее "ремарки" также представляют собой важный источник, дающий возможность судить о ее подходе к основным экономическим проблемам.[3]

Екатерина передала "Рассуждения о мануфактурах" мануфактур-коллегии и указом от 18 марта 1767 г. повелела, чтобы эту записку тщательно рассмотрели, так как, по ее мнению, она могла служить основой для инструкций коллегии своему депутату в Законодательной комиссии. Флоровский высказывает предположение, что "ремарки" Екатерины были составлены в связи с каким-то докладом коллегии, представленным ей, но теперь уже не существующим. По всей вероятности, коллегия представила такой

доклад императрице после того, как изучила ее "Рассуждения". Каково было содержание доклада мануфактур-коллегии, нам неизвестно. Во всяком случае, он не мог содержать ничего отрицательного по поводу идей самой записки, поскольку коллегия впоследствии приложила всю записку как лучший источник информации и как полную инструкцию для депутата коллегии в Законодательной комиссии. Таким образом, мы видим, что мнения, высказанные в "Рассуждении", разделялись не только самой императрицей, но и представителями одного из высших органов экономической власти в стране.

Мнения, высказанные в "рассуждении" и "ремарках" императрицы, основаны на убеждении, что здоровое экономическое развитие должно носить естественный и стихийный характер. Екатерина пишет в "ремарках": "Всякая вещь натурально возьмет форму ей свойственную" (п.п. 1,2,3). "Лучшее учреждение выйдет из естества вещи" (п. 83). Поэтому Екатерина решительно отклоняла всякую возможность регламентирования свыше: "Нету ничего опаснее, как захотеть на все сделать регламенты". Какие ветви экономики будут развиваться и где это будет происходить – зависит от потребностей населения, и лишь эти потребности должны быть решающим фактором (п. 49). Не надо опасаться чрезмерного развития отдельных отраслей промышленности. Екатерина пишет по этому поводу: "Излишества фабрик опасаться нельзя" (п. 6), потому что недостаточный спрос сам собой остановит дальнейшее развитие. "Если б в чем не нашли барыша, то бы то не делали" (п.п. 47, 61). Далее она пишет, что, напротив, прибыльные предприятия будут размножаться, и правительству не придется об этом заботиться. Люди сами будут создавать такие предприятия, "сами заведут, лишь не мешайте им" (п.п. 25, 37). "Не запрещать и не принуждать" – это фраза, которая постоянно встречается в целом ряде заметок и которую Флоровский справедливо считает как бы общим лозунгом императрицы. "Мы лучше ничего не делаем, как что делаем вольно, непринужденно", – говорит Екатерина в п. 19 своих заметок, причем те же слова мы находим и в наказе, в статье 75. Императрица считала, что основным правилом для мануфактур-коллегии должно быть: кто достает честным образом свой хлеб, – сами разберутся, что кому

делать (п.п. 63, 31). Далее (п. 73) императрица пишет: "Иного присмотра /кроме законной защиты интересов/ я нужно не нахожу, ибо... коллегия... еще менее установлена для угнетения рукоделий, что несомненно последует, если будет мешаться во всех сих хлопот, – я у всех членов /коллегии/ спрашиваю, захотят ли, чтоб я послала всякой месяц к ним в дом перерыть их пожитки... не требуйте же рыть в доме рукоделием своим питающегося". Напротив, "чем меньше коллегия будет мешаться в их состояние, то им полезнее будет" (п. 4). Императрица даже выражает надежду, что когда-нибудь и сама коллегия может быть "будет без дел" (п. 93), что по-видимому и произошло, так как в 1779 г. коллегию упразднили. Устранение мануфактур-коллегии было в полном согласии с принципиальным требованием Екатерины: "Не мешайте ему /предпринимателю/ и не сделайте много учреждений" (75). И совершенно так же она считает бессмысленным единое планирование для всей страны. "И того век не вздумайте, – пишет императрица, – чтоб вы могли разделить уездам равно богатства, как монахам за трапезу хлеб делят" (п. 5). Екатерина также отрицательно относилась к тому, чтобы предоставлять тем или иным предприятиям монопольные права. Единственный метод, которым может пользоваться государство для развития промышленности и экономики, это – премии (п. 19) и разъяснения (п. 21).[4]

Идеи Екатерины отразились также и в наказе, который мануфактур-коллегия дала своему депутату. В этой инструкции, например, подчеркивается преимущество свободной работы над трудом крепостных.[5] И в проекте правового статуса среднего сословия, который был подготовлен приблизительно в то же время под заглавием "Проект Законов о Правах Жителей" или "Людей Среднего Рода",[6] и в комментариях к этому проекту мы вновь встречаемся с идеями Екатерины. Так, мы здесь читаем: "Если бы на все просить дозволение, то бы не было права". Возможно, что те, кто произнесли эту фразу во времена Екатерины, не совсем отдавали себе отчет в ее полном принципиальном значении. Тем не менее, эта фраза имеет глубокий философский и правовой смысл: пользование субъективными правами – это именно то, на что не требуется разрешения. Если на все нужно получать разрешение, то это значит, что субъективных прав не существует, а это в свою

очередь означает, что нет просто никакого права. Полная объективизация права равносильна его упразднению.

Екатерина высказывалась не только в пользу свободы экономической деятельности и освобождения частной инициативы, она решительно одобряла либеральный принцип частной собственности и в связи с этим – преимущество гражданского права над государственным, во всяком случае в известных областях общественного и государственного устройства. Это выражается в первую очередь в признании принципа компенсации со стороны государства во всех случаях конфискации какого-либо имущества. В материалах "наказа", опубликованных Чечулиным, мы находим следующий пассаж, который повторяется и в инструкции генеральному прокурору: "Когда случается, что обществу необходима собственность частного лица, не надо действовать силой политического закона, но напротив, нужно чтобы в этом случае восторжествовал закон гражданский, который смотрит на каждое частное лицо материнскими глазами, как если бы это лицо было равноценно всему обществу. Если власть хочет построить какое-нибудь общественное здание или провести новую дорогу, она обязана за это вознаграждать пострадавших". Таким образом, Екатерина полностью принимает либеральный принцип возмещения убытков, который представляет собой ярко выраженное признание частной собственности со стороны государства. Этот принцип позднее вошел в состав Декларации Прав Человека от 1789 г. (статья 17) и в кодекс законов Наполеона. Все значение этого признания можно понять, если только учесть тот факт, что пресловутое "отписать на государя" (то есть конфискация земли, принадлежащей частному собственнику) представляло собой ежедневную практику очень недалекого перед тем прошлого. Только помня об этом, и можно оценить все значение признания права частной собственности на землю дворянства, которое было признано в Жалованной Грамоте дворянству 1785 года.[7] Только так и были устранены последствия революции Ивана Грозного и был заложен краеугольный камень для утверждения либерального принципа частной собственности, а следовательно, и для начала либеральной эры в России. Как известно, Жалованная Грамота постановляет, что нельзя отобрать у дворянина его имение без судеб-

ного дела (статьи 11, 24) и что дворянин имеет право свободно распоряжаться своими имениями, за исключением унаследованных (статья 22).

Но Екатерина не только подтвердила уже существовавшие права дворян на поземельную собственность и не только облекла эти права в форму подлинной частной собственности, она еще значительно расширила размеры этого права. В 1782 году она издала два закона, которыми право собственности дворян, а также и помещиков недворянского происхождения, распространялось на недра земли и на воды. Ограничения на право распоряжаться лесами (введенные в интересах адмиралтейства) отменялись.[8] В пояснении к этим распоряжениям указывалось, что это – дальнейший этап проведения в жизнь либеральной программы, сформулированной императрицей в самом начале царствования. Именно это необходимо заметить. Эти постановления вошли в состав Жалованной Грамоты дворянству, откуда их обычно и цитируют. Но поскольку объяснения этих мероприятий в грамоте не приводится, они обычно воспринимаются просто как предоставление особых привилегий дворянству, а не как мероприятие, входящее в рамки либеральной программы.

В манифесте от 28 июня 1782 года мы читаем: "С первых дней царствования Нашего постановили Мы себе непреложенным правилом, чтоб во всех промыслах... изъять из среди всякое принуждение; а на против того оживотворить и умножить оныя свободою и разными одобрениями". Намерение даровать всем полную свободу предпринимательства не могло быть приведено в исполнение в начале царствования в отношении использования земных недр. Однако, теперь, "когда опыты открыли Нам многия познания в истине правил Нами исповедуемых, Нас утверждающия", Екатерина по случаю двадцатилетия ее царствования решила расширить права собственности землевладельцев и на земные недра, даровать им полную свободу в добывании полезных руд, которые там содержатся, и разрешить перерабатывать их на частных предприятиях. В статье 16 того же самого закона кроме того воспрещается финансовым и прочим правительственным учреждениям вмешиваться в руководство этими частными предприятиями. В статье 4 землевладельцам предоставляется право продавать по рыночной

цене руды, добытые ими в их имениях. В статье 15 указывается на то, что ни одно из этих предприятий не имеет права становиться монополией.

Содержание законов, изданных в 1782 г., и сопровождающие их размышления, по-моему, представляют собой доказательство того, что Екатерина последовательно придерживалась либеральных принципов во все время своего царствования, а не только в первые его годы.[9] Позже я вернусь к этому важному вопросу, разбор которого поможет выяснить взгляды Екатерины по целому ряду основных проблем.

Итак, впервые частная собственность на землю была введена в России как привилегия дворянства. Это было обусловлено правовым прошлым России, а именно, почти двухсотлетним существованием крепостного строя, паутина которого опутывала все сословия и определяла всю социальную и политическую структуру Российского государства. Чтобы сделать возможным переход к либеральной или, во всяком случае, более либеральной системе, при которой за подданными признается и фактически им предоставляется право на гражданскую свободу, нужно было найти в России, в рамках существовавшего старого крепостного строя, те элементы, которые можно было использовать для создания нового гражданского строя. Это значит, что нужно было создать правовой статус для отдельных категорий подданных, для отдельных сословий, в который входило бы признание субъективных гражданских прав. Кроме того, несомненно, что Екатерина сначала думала о создании в России нового среднего сословия, ни с одним из существующих сословий прямо не связанного, с тем, чтобы предоставить ему этот статус. Вероятно, с этого и началось подготовление уже упомянутого нами проекта "о правах среднего рода людей". Было естественно, что мысли ее шли именно в этом направлении, поскольку на Западе среднее сословие и города, в которых оно развилось, были носителями гражданского строя. Но вероятно вскоре она заметила, что в России недоставало многих важных предпосылок для развития городов, а следовательно и для создания такого среднего сословия. Таким образом, для нее остался единственный выход: признать за дворянством гражданскую свободу и гражданские права, что она и сделала в Жалован-

ной Грамоте. Дальнейшее развитие доказало, что Екатерина была совершенно права. Здесь оправдалось ее удивительно точное восприятие действительности и верность ее исторической интуиции. Зайцев пишет: "Если на западе типом свободного гражданина, по которому равнялись все остальные в общем процессе уравнения и освобождения, был "горожанин", то у нас аналогичную роль играла фигура "дворянина".[10] После издания Жалованной Грамоты в 1785 году появилось таким образом во всей России сословие, за которым признавалась гражданская свобода и члены которого располагали гражданскими правами. Дальнейшая историческая задача состояла в том, чтобы расширить эту гражданскую свободу на все новые группы населения. Проследить за тем, как развивался этот процесс, как шло расширение гражданской свободы и гражданских прав на другие слои населения, и является одной из главных задач этой книги.

Относительно дальнейшего развития, Екатерина считала, что предоставление дворянству гражданской свободы не является дарованием ему особой привилегии или, во всяком случае, является не только этим. Она считала, что Жалованная Грамота 1785 г. (которая касалась не только дворянства, но в несколько меньшей степени и городов) должна восприниматься как начало гражданского строя в России. Доказательством этому служит ее намерение издать в том же году закон, в силу которого все российские подданные, которые будут рождаться начиная с этого года, с рождения будут свободными людьми, к какому бы сословию ни принадлежали их родители.[11] Значит она считала статус свободного гражданина уже существующим после ее Жалованной Грамоты и думала о расширении этого статуса путем постепенного естественного вымирания всех несвободных и замены их свободными подданными Российской империи.

Екатерина в своей Жалованной Грамоте провела кодификацию прав и свобод дворянства и тем самым утвердила их. Однако это не означает, что она была равнодушна к интересам крестьянства. Нет никакого сомнения, что Екатерина только потому не высказывалась открыто за отмену крепостного строя, что ей слишком хорошо было известно, на какое сопротивление наткнется такое предложение. Именно под давление оппозиции ей пришлось

вычеркнуть некоторые пассажи в Наказе, направленные на то, чтобы "состояние сих подвластных облегчать, сколько здравое рассуждение дозволяет" (Наказ, статья 252). Содержание статьи 260 Наказа: "Не должно вдруг и чрез узаконение общее делать великого числа освобожденных"[12] указывает на то, что императрица думала о мероприятиях, которые могли бы ввести постепенное освобождение крестьян. Екатерина думала также о том, чтобы обеспечить и расширить права собственности крепостных. "Для облегчения судьбы крепостных крестьян, – советует она, ссылаясь на предложение одного дворянина, – считать собственностью крестьян их движимое имущество и личные приобретения".[13] Кроме того, "все обязанности, возлагаемые на крестьян, какое бы название они ни носили, должны быть определенны и соответствовать силам и возможностям отдельного крестьянина".[14] И, что еще важнее, она считала желательным укрепить за крестьянами пользование предоставленною им землей так, чтобы по сути дела это право сильно приближалось к настоящему праву собственности. Она пишет: "В некоторых государствах может существовать такое положение, при котором государственные или частные интересы не позволяют освободить крестьян, из опасения, что их уход поведет к тому, что земля останется необработанной. В таком случае можно найти средство для прикрепления этих крестьян к земле, а именно, предоставить им и их детям землю до тех пор, пока они будут обрабатывать ее согласно заключенному с ними договору за определенную цену или за постепенную выплату того, что соответствует урожаю этой земли". В этой программе мы ясно видим следующие стремления: прикрепление к земле законом при использовании экономической заинтересованности, ограничение помещичьих хозяйств, основанных на наемном труде, и напротив, расширение независимых крестьянских хозяйств, которые обязываются при этом только к выплате оброка. Несомненно, это был шаг в направлении ослабления зависимости крестьян от их хозяев, так как оброк представляет собой более мягкую форму зависимости по сравнению с барщиной. И тем более облегчало положение крестьян то мероприятие, которое предлагала Екатерина с целью привести размеры оброка в прямую зависимость от того, что дает обрабатываемая

земля, и сделать его предметом договора. Еще важнее, что отношения крестьян и хозяев должны были быть основаны на договоре. Это указывает на желание придать этим отношениям правовой характер. Если можно толковать приведенные выше слова императрицы так, что подобные договоры должны были оставаться нерасторжимыми, пока крестьяне их выполняют — то тогда понятно, что предоставление земли крестьянам в пользование, таким образом, превращалось в своего рода постоянную собственность.[15]

При этом нельзя не упомянуть о том, что во времена Екатерины крепостная зависимость значительно усилилась. Существуют попытки объяснить этот факт тем, что на самом деле Екатерина симпатизировала крепостному праву и что все ее предложения, направленные на постепенную отмену крепостного права, были лишь попытками заискивания перед общественностью и снискания симпатий со стороны общественности западных стран. Но мне такой подход кажется чрезвычайно поверхностным. Давление на нее в этом направлении дворянства тоже не является достаточным объяснением. Как ни парадоксально это может звучать, но на самом деле усиление зависимости крестьян было прямым и неизбежным последствием предоставления дворянам свободы. Это было неизбежным следствием частичной замены крепостного строя гражданским, следствием природы этих двух систем. Власть дворянства над крестьянами в рамках классического крепостного строя была в какой-то мере ограничена. Но это не было следствием того, что крестьяне могли предъявить помещикам какие-то признанные за ними права; это происходило лишь потому, что и помещики в свою очередь находились в полной и абсолютной зависимости от государственной власти и были ею постоянно контролируемы, в том числе контролировались и их отношения с крестьянами.[16]

Поэтому совершенно ясно, что исчезновение такого государственного надзора, освобождение владельцев-помещиков от всеобъемлющего контроля со стороны государства должно было привести к расширению их полномочий по отношению к крестьянам.

Следует еще заметить, что трудность и даже неразрешимость проблемы раскрепощения крестья в XVIII веке заключалась в том, что раскрепощать – значит делать свободными, но до Екатерины в России вообще не существовал статус свободного гражданина. Даже дворянин – в иной, чем крестьянин, форме – но тем не менее был собственностью государства, как, впрочем, и любой человек, принадлежавший к иному сословию. Поэтому надо сказать, что до Екатерины раскрепощенный крестьянин просто не мог стать свободным гражданином, он мог стать горожанином или государственным крестьянином, подчиняясь непосредственно государству; наконец, его могли сделать дворянином, иными словами, он мог переменить бремя тягла на бремя службы; но повсюду он оставался бы связанным узами крепостного строя. Именно вследствие всего этого освобождение крепостных крестьян их владельцами было затруднено, поскольку зависимость крепостных от дворян в рамках старого крепостного строя была в интересах государства и соответствовала общественному праву того времени. Это был род отношений, гарантированный государством и стоящий под его прямым надзором. Положение вольноотпущенных крепостных в XVIII веке было в высшей степени сложным и шатким, это ясно уже из тех законов императрицы Елизаветы, которые требуют, чтобы раскрепощенные крестьяне вновь становились крепостными, а также из законов Екатерины, которые должны были помешать возврату вольноотпущенных на положение крепостных (так например, Манифест 1775 г. и дополняющие его указы). Екатерина даровала дворянству права, принадлежащие статусу свободного гражданина. Таким образом, она впервые создала предпосылки для освобождения как крепостных, так и других сословий. Но своим мероприятием она поставила лишь первый краеугольный камень для создания гражданского строя в России. И требовалось укрепление этого строя, прежде чем можно было приступить к освобождению крепостных.

Из всего вышесказаного следует, что справедливо было скептически относиться к возможности с одного удара разрушить крепостное право. Как известно, Пугачев провозгласил свободу крепостных манифестом 31 июня 1774 г. В этом манифесте он не только обещал крестьянам освободить их от дворян-злодеев и су-

дей-взяточников, но и ликвидировать рекрутский набор, подушную подать и иные денежные налоги. Кроме того, обращаясь к крестьянам, он объявлял, что отныне они становятся "верными и верноподданными холопами нашего, то есть Пугачевского престола". Но надо сказать, что победа Пугачева никак особенно осчастливить крестьян не могла, ибо, как говорят французы, по-настоящему разрушить можно только заменив. У Пугачева же не было никаких политических представлений, кроме тех, которые он мог получить из тогдашней российской действительности, то есть – неограниченной монархии и крепостного строя. Он выдавал себя за убитого царя Петра III (доходило до того, что он называл Екатерину своей женой), а его товарищи называли себя именами известных сотрудников императрицы, например, Паниным, Орловым и т.д. Несомненно, если бы Пугачев одержал победу, он чувствовал бы себя обязанным по отношению к своим товарищам, и можно с уверенностью сказать, что для того чтобы выразить им свою благодарность и наградить их, он воспользовался бы старым испытанным средством, а именно, раздачей земель вместе с крестьянами, на них живущими и работающими. Таким образом эти крестьяне вновь попали бы в положение крепостных, но только уже при других господах. Пугачев ведь собирался объявить крестьян холопами своего престола, а это дало бы ему власть – если бы он стал царем – распоряжаться ими по своему усмотрению, и ничто не изменилось бы в положении крестьян, кроме появления новых хозяев. Среди их прежних хозяев были такие люди, как например, Карамзин или генерал Суворов – люди, которые традиционно чувствовали себя нравственно обязанными заботиться о своих крестьянах патриархальным, в лучшем смысле этого слова, образом. А теперь их место заняли бы садисты и убийцы из приспешников Пугачева, и несмотря на то, что по происхождению они были тоже крестьяне, тем не менее очень сомнительно, чтобы их новые крепостные выиграли что-нибудь от такой перемены. Напротив, если вспомнить о массовых садистских убийствах, в которых все они были виновны, то вполне справедливо можно предположить, что, став хозяевами, эти новые помещики затмили бы своей жестокостью и пресловутую помещицу-садистку Салтыкову, которую хотя и поздно, но все же судили и

приговорили к пожизненному заточению. Если просто разрушать существующее, ничем его не заменяя, это неизбежно приведет к его возрождению, но только в гораздо более грубой упрощенной форме, потому что это будет форма первоначальная, не усовершенствованная временем.

Я хотел бы еще вернуться к той теории, согласно которой Екатерина была либерально настроена лишь в первые годы своего царствования. Следует добавить, что существует и теория, по которой ее либерализм уже с самого начала был лишь чисто демагогической попыткой добыть себе симпатию и поддержку западной общественности. Но преобладает мнение, что в начале своего царствования она действительно была настроена либерально, но потом порвала со своим либеральным прошлым. В Германии, например, такого мнения придерживался Штелин, это явствует уже из одних названий тех глав, которые он посвятил Екатерине в своей "Истории России". Одна глава называется: "Последняя борьба за престол и либеральное начало"; другая – "Реалистическое развитие и реакционный конец". Подобное мнение главным образом основано на том, что Екатерина будто бы была убеждена в необходимости сохранения в России абсолютной монархии как единственной правильной для этой страны государственной формы; и на том, что во время ее царствования положение крепостных еще ухудшилось. Кроме того, немецкий историк замечает, что она с самого начала чрезвычайно враждебно относилась к французской революции, что она порвала с Новиковым и преследовала Радищева, автора известной книги "Путешествие из Петербурга в Москву". Однако я не считаю эти причины достаточными для того, чтобы отрицать либеральный характер ее правления не только в начале, но и в самом конце ее царствования.

Конечно, Екатерина не думала об ограничении абсолютизма в России, тем не менее нельзя не признать, что абсолютизм может быть реакционным и прогрессивным, либеральным и антилиберальным. Если бы это было не так, либеральные реформы 60-х годов, проведенные Александром II, который был тоже абсолютным монархом, не получили бы того определения, которое полностью общепризнано: все согласны с тем, что его реформы были именно либеральными. Несомненно, что законодательство Екате-

рины ставило себе целью не обоснование политической свободы,[17] а признание и обеспечение гражданских свобод, создание в России гражданского строя, и при этом, сначала, почти исключительно в отношении дворянства. Однако, это не дает нам права отрицать либеральный характер законодательства Екатерины, а следовательно и ее мировоззрения, лежащего в основе законодательства.

Может быть упрек справедлив по отношению к тому времени, то есть времени просвещенного абсолютизма, когда недооценивали значения политической свободы и обращали внимание исключительно на личные, то есть гражданские права. Но при этом нельзя забывать, что в XVIII веке историческая задача правящих кругов России в первую очередь состояла в том, чтобы ликвидировать крепостной строй, то есть строй, который принципиально исключал понятие гражданских прав и субъективных прав вообще. Нет никакого сомнения, что крепостничество можно было преодолеть лишь созданием гражданского строя, созданием системы, основанной на субъективных правах. Кроме того, может быть, еще более справедливо поставить перед нашей эпохой вопрос о том, не преувеличиваем ли мы значения политической свободы, не потеряли ли мы в большой и чрезвычайно опасной мере понимания принципиального значения гражданской свободы и гражданского строя. Характерный и значительный представитель либерализма Бенжамен Констан, который принадлежал к более позднему поколению, чрезвычайно интересовавшемуся именно проблемами политической свободы, утверждает, что в отличие от древнего мира, в котором свобода состояла в первую очередь "в участии в общих проблемах управления государством", в его время сущность свободы в первую очередь состоит "в использовании личной независимости",[18] которую обеспечивают гражданские права и их гарантии, данные, по его мнению, именно гражданским строем. Констан пишет: "...Последнее время принято считать, что все должно уступать коллективной силе и что все ограничения прав отдельных лиц компенсируются участием в общественной власти".[19] Мне бы хотелось напомнить еще и краткое высказывание Наполеона, которое цитировала м-м де Сталь: "Свобода – это хороший гражданский кодекс".[20]

Я уже высказывал свое мнение по, поводу ухудшения положения крестьян в царствование Екатерины.

Согласно убеждению радикальных кругов в XIX веке отношение к французской революции – которая, по выражению В. Маклакова, в течение всего XIX века владела мыслями прогрессивной общественности в России и превратилась в своего рода миф, – было тем признаком, по которому отличали прогрессистов от реакционно настроенных людей.[21] Екатерина с самого начала отвергала французскую революцию и до конца оставалась к ней враждебно настроенной. Из этого выводили ее реакционность или, во всяком случае, ее постепенный отход от либерализма. Но из высказываний Екатерины не следует, что ее враждебная позиция по отношению к революции была основана на том, что она не принимала идею свободы или что она стала постепенно ее отвергать. Ее отрицательное отношение к революции было основано на том, что она видела в революции не осуществление свободы, а проявление анархической тирании и путь к абсолютистско-деспотическому строю.[22] Ее обижало, когда с революцией намеренно связывали Вольтера, которого она считала представителем идеи истинной свободы. В осуждении французской революции Екатерина была, по-видимому, одного мнения с Берком, который отвергал французскую революцию с позиций английского конституционализма. Берк, произведения которого Екатерина хорошо знала и высоко ценила, обратился к ней с письмом.[23]

Тот факт, что либерал Лагарп продолжал оставаться учителем великого князя Александра, будущего Александра I, представляется чрезвычайно многозначительным. Когда великим князьям Александру и Константину рассказывали о темных сторонах существовавшего до тех пор в России государственного и общественного строя, это несомненно происходило с ведома Екатерины. Сама она обсуждала с пятнадцатилетним тогда Александром французскую конституцию и в частности Декларацию прав человека. Может быть именно влиянием бабушки можно объяснить то, что позднее император Александр предостерегал Людовика XVIII от реакционной политики. Этим же влиянием, по всей видимости, можно объяснить и очевидный контраст между принципиальной позицией императора Александра и позицией Меттерниха.

Меры, принятые Екатериной против Радищева, на первый взгляд кажутся непонятными, как будто именно здесь и проявился ее отход от первоначальных идей, так как сначала по очень многим вопросам она придерживалась абсолютно одинакового с Радищевым мнения. Так например, нет существенной разницы между взглядами Екатерины и Радищева по вопросам религиозной терпимости, смягчения наказаний и более гуманного судопроизводства. Принцип частной собственности и крестьянский вопрос также воспринимались обоими в общем одинаково.[24] Они одинаково любили свободу и считали ее высшим идеалом. Радищев пишет: "Велик, велик ты, дух свободы, зиждителен, как сам есть Бог".[25] Екатерина называет свободу "Душою всего".[26]

Тем не менее, есть очень значительное различие в отношении Екатерины и Радищева к существующему правопорядку. Поэтому ее отрицательное восприятие взглядов Радищева кажется обоснованным. В "Путешествии из Петербурга в Москву" Радищев в литературной форме развивает то, что действительно можно назвать радикальной системой, хотя сам он при этом как будто никакой системы не предлагает. Во многих пунктах он оказался предшественником идеологии российской интеллигенции XIX в. Он рисует себе "проект будущего", неизвестного порядка, при котором должны осуществиться его идеалы и его теоретические представления. Именно этот будущий порядок является единственным предметом его интереса, во имя его он решительно отвергает порядок существующий и в большинстве случаев высказывается чрезвычайно враждебно по отношению к некоторым отдельным моментам этого порядка. В "Путешествии из Петербурга в Москву", заметил Пушкин, отражается как в кривом зеркале вся философия просветительного движения. Действительно, в произведении Радищева выразилась общая философия просветителей, которую ярко охарактеризовал Савиньи: "В это время по всей Европе прошла волна стремления к образованию, которая была абсолютно невежественной: было полностью утеряно чувство и понимание величия и самобытности других эпох, а также естественного развития народов и государственных систем, то есть было утеряно понимание всего того, что должно делать историю целительной и плодотворной. В то время стало преобладать безгранич-

ное ожидание всяких благ от существующей эпохи. Люди этого времени считали, что именно современная им эпоха призвана осуществить совершенную гармонию".[27] В кругах западноевропейских просветителей было особенно ярко выражено абсолютно отрицательное отношение к историческому прошлому России. Этим людям вся русская история представлялась варварским периодом, которому необходимо как можно скорее и самым коренным образом положить конец. "Мой дорогой аббат, – пишет де ля Ривьер аббату Реналь, – в этой стране /т.е. в России/ надо делать все. И выражаясь точнее, надо было бы сказать, что все необходимо уничтожить и сделать заново". Во всей русской истории некоторым уважением пользовался только Петр Великий. Но его приветствовали исключительно как монарха, который радикальным образом порвал с прошлым своего народа и который совершенно серьезно хотел именно "разрушать" и "делать заново".

Екатерина II много лет переписывалась с Вольтером и Дидро, больше всего она уважала Вольтера, почитала его и часто говорила о нем как о своем учителе. Нет никакого сомнения, что она сама в какой-то мере находилась под влиянием просветителей. Но параллельно с реформаторскими и характерно просветительными идеями, в сознании Екатерины существовали также положительная оценка настоящего порядка и положительный подход к исторической реальности. Уже давно установлено, что эти элементы сыграли для нее большую роль. Петербургский историк права Сергеевич особенно это подчеркивал и объяснял такие тенденции в мировоззрении Екатерины влиянием учения Монтескье. Сергеевич пишет: "Рядом с энциклопедистами Екатерина Великая не с меньшим увлечением изучала Монтескье. Из его книги освоилась она с идеей о непроизвольности законов, о соответствии их с характером народа, страны и другими условиями человеческого быта".[28]

Действительно, правовые и государственные теории Монтескье, которые Екатерина ценила так высоко, должны были вызвать у нее убежденность, что новые законы ни в коем случае не должны вести к разрыву с существующим порядком. Напротив, новые законы должны создаваться с целью улучшения существующего порядка и совершенствования исторического института.

Мы находим у Екатерины высказывания, которые подтверждают такую точку зрения. В одной из ее инструкций законодательной комиссии, состоявшей из избранных представителей почти всех сословий и занимавшейся сочинением проекта нового Уложения, Екатерина пишет: "Комиссия не должна приступать к выполнению своих заданий до того, как она будет полностью осведомлена о нынешнем положении в стране, потому что любое изменение не должно ни в коем случае стать самодовлеющим, а должно служить для исправления недостатков, когда такие недостатки есть; однако, все доброе и полезное надо оставлять и не менять, потому что оно должно всегда оставаться в силе". Еще определеннее выражен этот положительный подход к существующему в пометке на полях книги Радищева, сделанной Екатериной: "Если мы будем менять все то, что создано и устроено в мире вследствие долгого опыта и согласно требованиям всего прошлого, а не по слепому произволу, это поведет только к ухудшению, потому что "лучшее" – враг существующего "хорошего" и потому что лучше придерживаться того, что известно, чем открывать пути всему неизвестному". На этом убеждении, несомненно, зиждится и ее понятие о том, что "наибольшая опасность всегда связана с изданием новых законов". [29]

Екатерина отдавала себе ясный отчет в том, что для законодательства должны существовать границы. Она знала, что есть такие отношения, которые не только не могут управляться законами, но которые вообще ничем не управляемы. Эту мысль она выразила очень ясно в статьях 59 и 60 инструкции.[30] "Законы суть особенныя и точныя установления законоположника, а нравы и обычаи суть установления всего вообще народа". "И так когда надобно сделать перемену в народе великую к великому онаго добру, надлежит законами то исправлять, что учреждено законами, и то переменять обычаями, что обычаями введено. Весьма худая та политика, которая переделывает то законами, что надлежит переменять обычаями". Поскольку все области народной жизни тесно связаны между собой, законы должны принимать во внимание не только нравы и обычаи народа, но также и привычное ему, созданное жизненной действительностью право, то есть законы должны быть приспособлены к тому праву, которое постепен-

но возникло в процессе истории и которое можно считать правом существующим.

Дело в том, что право такого рода тесно связано с нравами, т.е. с формами быта, на которые нелегко воздействовать путем законов. Поэтому законодательное, регламентирование надо вводить с чрезвычайной осмотрительностью даже там, где оно не противоречит природе вещей. Существующий порядок должен быть гарантирован от произвола правителя. Поэтому всегда надо отдавать предпочтение сохранению старых законов, которые согласованы с другими существующими законами и которые с течением времени скорее всего превращаются в неотъемлемую составную часть существующего порядка, благодаря последующим их толкованиям и применению на практике. В своем Наказе Екатерина предлагает некоторые мероприятия, которые препятствуют отклонению новых законов от уже существующих и тем самым должны служить подданным защитой от произвола правителя даже в том случае, если воля его выражена именно в форме нового закона.[31] Тут мы читаем: "Надобно иметь хранилище законов" (статья 22). "Сие хранилище инде не может быть нигде, как в государственных правительствах,[32] которые народу извещают вновь сделанные, и возобновляют забвению преданные законы" (статья 23).[33] Общий смысл этих учреждений состоит в том, "чтобы попечением их наблюдаема была воля Государева сходственно с законами, во основание положенными, и с государственным установлением" (статья 28) и чтобы народ был охраняем от "желаний самопроизвольных и от непреклонных прихотей" (статья 29) – тем, что "сии законы... суть делающие твердым и неподвижным установление всякого государства" (статья 21). Для того, чтобы достичь этой общей цели, государственным учреждениям предоставляется право старательно рассмотреть законы, полученные от монарха, и в случае если какой-либо указ найден противоречащим Уложению, то есть основным законам, если он "вреден, темен, что нельзя по оному исполнить" (ст. 21) – на это возражать; более того, учреждениям этим поручалось отказывать в записи тех законов, которые "противны Уложению и прочая" (статьи 24 и 25).

По этим вопросам Радищев стоит на совершенно иных пози-

циях. В "Путешествии" он пишет: "Не дерзай никогда исполнять обычая в предосуждение закона. Закон, каков ни худ, есть связь общества. И если бы сам Государь велел тебе нарушить закон, не повинуйся ему, ибо он заблуждается себе и обществу во вред. Да уничтожит закон, якоже нарушение оного повелевает; тогда повинуйся, ибо в России Государь есть источник законов".[34]

Это весьма значительное место. Здесь мы находим оба принципа, характерные для всех революционных направлений и представителей радикального мышления. Прежде всего, акцент на превосходстве закона над нравами и обычаями, а тем самым и над обычным правом. Типичная для революционного хода мыслей вера во всемогущество закона находит здесь себе выражение. Во-вторых, Радищев воспринимает закон как выражение воли носителя власти и законодателя. Вследствие такого подхода, при котором закону придается решающее значение, а в то же время полностью отрицаются и игнорируются традиционные, обычно-правовые источники существующего законодательства, Радищев и не усматривает никакой существенной разницы между новыми законами, новыми постановлениями законодательства и старыми законами, утвержденными временем и традицией, в которых воплощается существующее право. Поэтому ему абсолютна чужда волновавшая императрицу проблема проверки новых законов с точки зрения совместимости их с существующим, уже установленным правопорядком. Наоборот, ему представляется неоспоримым свойственное революционному мышлению убеждение в превосходстве новых законов и законодательных актов над существующим правом. В самом деле, этот принцип – неизбежное логическое заключение из предпосылки, согласно которой закон всегда выше нравов и обычаев. Преимущество существующего права над новоиздаваемым может ведь основываться только на признании преимущества обычного права над тем, которое предписывается государственной властью. Иными словами, тут необходимо признание правила средневекового канонического права "Закон должен соответствовать обычаям страны",[35] совместно с пониманием того, что, как показал Ориу, существующее право – даже в том случае, если оно изначально возникло в форме за-

кона – со временем приобретает характер права обычного или во всяком случае может его приобрести.[36]

Таким образом, в рассмотренных выше высказываниях Екатерины и Радищева мы находим основы миропонимания либерализма, с одной стороны, и радикализма, с другой. С точки зрения радикализма, новые законы – это в первую очередь способ для создания лучшего порядка, намеченных и желаемых отношений. Конечно, и с точки зрения либерализма новые законы – это возможность преобразовать и усовершенствовать существующий порядок. Однако либерализму полностью чужд свойственный радикальному мышлению оптимизм. Он заботится о гарантиях, которые должны защитить от произвола правителя существующий правопорядок, так же как и признанные и охраняемые этим порядком благоприобретенные права отдельных лиц. Поскольку свобода немыслима без гарантии существующих прав от произвола государственной власти, надо признать, что и тут Екатерина, отклоняя точку зрения Радищева, оставалась верна либеральному мировоззрению.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 1

1. Как раз в обратном смысле толкует этот указ Романович-Словатинский. См. Дворянство в России от начала XVIII столетия до отмены крепостного права.
2. Рассуждение опубликовано было в Русском Архиве в 1865 году. Однако этот печатный текст неполный. А. Флоровскому удалось найти еще два рукописных текста. Объем печатного текста соответствует примерно двум третям рукописного. Точные данные о рукописях у А. Флоровского: К истории экономических идей в России в XVIII столетии, в Научных Трудах Русского Народного Университета в Праге, том 1, стр. 83 прим.
3. Рукописи, содержащие эти замечания Екатерины, также у Флоровского, там же, стр. 84, прим. 3.
4. Все выше приведенные замечания императрицы приведены по Флоровскому, там же, стр. 88 и далее.
5. Сборник Русского исторического общества, том 43, стр. 309.
6. Там же, том 36.
7. Жалованная грамота дворянству от 21 апреля 1785 года. Так же в Грамоте на права и выгоды городам Русской Империи от 21 апреля 1785 года содержатся гарантии права собственности городских жителей, особенно в ст. 4 и 88. В этой грамоте использованы некоторые постановления проекта Прав среднего рода людей.
8. Манифест от 28 июня 1782 года и Указ от 22 сентября 1782 года.
9. Это подтверждают также ее законы, направленные на гуманизацию системы наказаний и изданные в различные периоды ее долгого царствования.
10. К. Зайцев. Лекции по административному праву. Прага, 1923, стр. 157. В дальнейшем приводится К. Зайцев. Административное право.
11. М.Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. Киев, 1915, стр. 237.
12. Екатерина. Наказ. В изд. Чечулина, Пб, 1907. Вступление, Материалы для Наказа, стр. 76.
13. Екатерина. Наказ. Рига, 1769, по-немецки.
14. Там же, стр. 12.
15. Доказательством того, что в момент созыва законодательной комиссии придавалось большое значение и много внимания посвящалось проблеме права собственности крестьян, является то обстоятельство,

что Свободное Экономическое Общество выписало премию за наилучшую работу на тему: "Что полезнее для государства: чтобы крестьянин обладал как собственностью землей или только движимым имуществом, а также до каких пределов распространяется его право в том и ином направлении?" Наилучшей признана была работа Поленова, которому присудили за нее золотую медаль. Поленов (1738-1816) по окончании занятий в Академическом Университете в Петербурге предпринял путешествие за границу. Он учился в Страсбурге и Геттингене (см. Коркунов. История философии права, Пб, 1908, стр. 255). Несмотря на такое признание, работа Поленова, в которой автор решительно высказывался против крепостного права, не была тогда опубликована, потому что многие из тех, "кто проверял не только содержание, а и стиль ее, сочли, что она содержит множество чересчур резких выражений, не приемлемых в существующих у нас условиях". Работа опубликована была лишь в 1865 году как исторический материал в Русском Архиве, № 3 за 1865 год.

16. См.: Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. II, 3. Также Посошков. О скудости и богатстве. 7. Оба пассажа приводятся Градовским в его произведении "Начала русского государственного права", том 1, Пб, 1892, стр. 239 прим. 126, стр. 240 прим. 129.
17. Тем не менее развитие местного управления на основах самоуправления представляет собой – как я покажу в дальнейшем – выражение стремления к политической свободе.
18. Benjamin Constant. De l'esprit de conquête et de l'usurpation. Bern, 1942, p. 97.
19. Там же, стр. 108.
20. Тэн также упоминает эти слова Наполеона.
21. В. Маклаков. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). Рига, год не указан , стр. 1 и далее. В дальнейшем будет приводиться как Маклаков, там же.
22. Как известно, Екатерина предсказывала перерождение революции в абсолютную власть. В 1791 году она писала Гримму: "Когда во времена Цезаря галлы раздирали друг друга на части, точно так же, как сейчас, тогда Цезарь и подчинил их себе силой". "Когда появится этот Цезарь? Он придет, не сомневайтесь в этом!" И так далее в том же духе, а особенно в феврале 1794 года: "Если Франция выйдет из нынешних бед, то она будет сильнее чем когда-либо, а в то же время будет послушна и кротка, как ягненок. Но необходим необычайный человек, и стоящий над своими современниками, пожалуй и над всем своим временем. Родился ли он уже, или нет? Придет ли он? Все зависит от этого". Цит. по Штелину, том 2, стр. 729 и дальше.

23. Интересны аргументы Берка, которые он приводил для того, чтобы укрепить Екатерину на ее антиреволюционных позициях. Берк пишет: "Августейшие предшественники Вашего Величества обязаны старинной европейской традиции, используя которую они цивилизировали великую империю. Долг этот может быть благородно возмещен сохранением этой традиции и защитой ее от безобразного изменения, которое ей ныне угрожает. Вмешательство России спасет мир от варварства и гибели". (Письмо от 1 ноября 1791 года).
24. Радищев тоже ("Путешествие") считал возможным лишь постепенное освобождение крепостных. (Радищев. Сочинения. Пб, 1907, том 1, стр. 156. Этого места нет в немецком переводе, изданном Штелином). Как и императрица, он представляет себе освобожденных крестьян мелкими самостоятельными собственниками. (Радищев. "Путешествие из Петербурга в Москву", немецкий перевод, Лейпциг, 1922, стр. 108).
25. Радищев, там же, стр. 148.
26. Екатерина. Собрание сочинений. Пб, 1907, том 12, стр. 615.
27. Савиньи. О призвании нашего времени к законодательству и юридической науке. Гейдельберг, 1814, стр. 4 и далее.
28. В. Сергеевич. Откуда неудачи Екатерининской Законодательной Комиссии. См.: Вестник Европы, 1878, том 1, стр. 198.
29. Екатерина, там же, том 12, стр. 617. См. также следующие места в Наказе: "Законы, переходящие меру во благом, бывают причиною, что рождается оттуда зло безмерное" (ст. 65). И дальше: "Всегда, когда кто запрещает то, что естественно дозволено или необходимо нужно, ничего другого тем не сделает, как только бесчестными людьми учинит совершающих оное" (стр. 344).
30. Тут важен французский текст, поскольку мысль менее ясно выражена в русском и немецком переводах. Вот он:

    Les lois sont des institutions particulières et précises du Législateur, les moeurs et les coutumes, des institutions de la Nation en général. Ainsi quand on trouve qu'il est nécessaire de faire des grands changements dans une Nation pour son plus grand bien, il faut réformer par des Lois ce qui est établi par des Lois, et changer par des coutumes ce qui est établi par des coutumes. C'est une trés mauvaise politique de vouloir changer par des Lois ce qui doit être changé par des coutumes.

31. Екатерина неоднократно высказывает мнение, что законодательство должно соответствовать "духу нации", потому что, во-первых, "ничего мы не делаем лучше того, что мы предпринимаем свободно, добровольно, без принуждения и в результате собственной нашей склонности" (ст. 57), а во-вторых, "...естественные законы – это те, особое

устройство которых ближе всего подходит склонностям того народа, для которого они сделаны" (ст. 5).

32. В русском тексте речь идет о "государственных правительствах", а по-французски о **corps politiques** (политические органы).
33. В России место утверждения законов – Сенат.
34. Радищев. Путешествие. Нем. перевод, стр. 78.
35. Corpus Jur. Can. Decreti Prima Pars, C.2 Dist. IV.
36. Ориу. Принципы. Стр. 17. См. также: Пертиле. История итальянского права, том 5, Рим, 1896, стр. 307 и далее. Пертиле, однако, рассматривает менее интересный случай, когда законы вследствие распадения той государственной структуры, в которой они возникли, получают значение и роль права, основанного на навыках; иными словами, тут речь идет о том, что законы исчезнувшего государственного порядка продолжают существовать и при заменившем его новом порядке в качестве привычного права. Ориу же как раз анализирует положение, при котором законы, продолжающие таковыми считаться и как таковые действовать, со временем вследствие долгого существования превращаются в привычное право, что означает, что устранение таких законов, глубоко укорененных в правовой традиции страны, вследствие революции или радикальной реформы, представляет собой не только отмену законов как таковых, но одновременно и насильственное устранение привычно-правовой традиции.

Глава 2

АЛЕКСАНДР I

Реакция при Павле 1. – Конституционные тенденции при Александре 1. – Мордвинов.

Царствование сына императрицы Екатерины, Павла I, подтверждает, что мысли Екатерины о проблемах правового порядка действительно имеют большое не только теоретическое, но и практическое значение. Эпоху Павла I можно определить как время радикальной реакции. Павел был убежден в патриархальной безграничности своей власти. Он старался все регламентировать, установить правила для образа жизни и даже для речи своих подданных, а нарушение этих правил вело к строжайшим наказаниям. Он не считал себя обязанным уважать права своих подданных. Чтобы привести наиболее яркий пример, скажем о том, как он указом отменил 15-ю статью Жалованной Грамоты дворянству, в силу которой дворяне освобождались от телесного наказания. Те же мероприятия его, которые, напротив, были направлены на спасение дворян от разорения (с этой целью Павел создал особый банк), основывались на том, что Валишевский называл "государственной химерой в роли всеобщего провидения".[1] С либеральной точки зрения нужно расценивать как положительный оборот истории тот факт, что эта эпоха реакции окончилась сравнительно быстро благодаря насильственному устранению Павла и что на престол взошел Александр I, унаследовавший от бабушки Екатерины либеральные идеи, которые объяснялись и излагались ему, когда он был еще юношей.

По выражению Карамзина, в отношении абсолютной монархии Павел достиг того же, чего добились якобинцы в отношении республики: он сделал ненавистным злоупотребление неограниченной властью.[2] Естественно, что поэтому внимание окружения Александра I, а также и его собственный интерес, обратились к проблемам конституции. Александр I занимался этим вопросом еще до восшествия на престол и даже еще при жизни Екатерины. В письме от 10 мая 1796 года графу Кочубею, то есть в письме, написанном за шесть месяцев до смерти Екатерины, где он жаловался на беспорядок, царящий во всех государственных делах, Александр спрашивает: "...возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправить укоренившиеся в нем злоупотребления?"[3]

Известно, что в России проблема конституции не была решена при Александре I, хотя в его царствование и были набросаны многочисленные конституционные проекты. О конституционном проекте Сперанского я расскажу в главе, посвященной этому государственному деятелю. Я также упомяну в дальнейшем о проекте Новосильцева. Здесь же я хотел бы указать на те планы, которые возникли непосредственно после воцарения Александра и в последовавшие за этим годы, которые воплощали в себе либеральные тенденции или, во всяком случае, были связаны с либерализмом, хотя эти планы и нельзя определить как конституционные проекты в подлинном смысле этого слова.

Прежде всего, предполагалось вместе с манифестом по поводу коронования издать торжественное подтверждение основных прав подданных. Следовательно, речь шла не о конституционных институтах и не о создании конституционного строя, а всего лишь о своего рода "декларации прав".[4]

В этой декларации отражаются некоторые основные принципы либерализма: в ней указывается на необходимость ясных законов, которые обеспечивали бы неприкосновенность личности и частной собственности и одновременно смягчали бы уголовное право. В дальнейших статьях вновь торжественно подтверждается либеральное законодательство Екатерины и в первую очередь ее Жалованной Грамоты, а также восстанавливается то, что было отменено Павлом I. Вообще основная тенденция проекта деклара-

ции и состоит именно в возврате к законодательству Екатерины и к духу ее царствования. Это вполне естественно, поскольку сама идея грамоты исходила от графа Воронцова, старого либерала Екатерининской эпохи. По его мнению, законодательство Екатерины содержит ряд постановлений, в которых отражаются принципы либерализма. Он объясняет, что однако до сих пор постановления эти почти не принимались во внимание и поэтому чрезвычайно важно подтвердить их вновь и придать им таким образом новое значение. Воронцов подчеркивает в своих заметках, сопровождающих отдельные статьи (заметки к статьям 4, 5 и 6), что гарантии промышленности и торговли, свободного предпринимательства и частной собственности не представляют собой ничего нового. Мы их находим в инструкции Екатерины, а также в ее законах. Однако до сих пор "они не могли оказывать большего влияния на действительность чем прекрасные сентенции Сократа, Марка Аврелия, Цицерона и многих других..." Для того чтобы стать действенными, они должны были войти в состав Жалованной Грамоты. Но декларация должна не только подтвердить вновь либеральные постановления предыдущего законодательства, она должна к тому же принять либеральные принципы, которые можно перенять из законодательств других государств, учитывая при этом особенности России.

Такая склонность к принятию иностранного права, особенно либеральных постановлений заграничных законов, часто встречается у старых государственных деятелей Екатерининской эпохи. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить, как широко сама Екатерина черпала у Монтескье и из других иностранных источников. В пользу принятия иностранного права высказывался граф Завадовский, которого Александр I поставил во главе законодательной комиссии. Он писал об этом в записке, составленной в апреле 1802 года, которая вообще представляет собой большой интерес.[5]

В 1804 году Розенкампфу, секретарю законодательной комиссии, которая именно в этом году была вновь организована, была поручена разработка проекта основных законов Российского государства. Проект этот содержит некоторые постановления, подчеркивающие либеральные принципы неприкосновенности лично-

сти и собственности (п. 35), и свободы частной инициативы (п. 46). Кроме того, в согласии с идеями либерализма проводится четкая граница между казной и частной собственностью монарха (п.п. 119, 121). Напротив, в проекте нет никаких постановлений, которыми давалась бы политическая свобода. Проект также никак не указывает на возможность возникновения хотя бы даже совещательного народного представительства. Напротив, в п. 11 подчеркивается, что не только вся исполнительная, но и вся законодательная власть сосредоточена в руках монарха. Макаров справедливо указывает на то, что этот проект не представляет собой проект конституции, а просто – проект основных законов абсолютной монархии.[6] Этот проект тоже не был утвержден.

Вообще, что касается осуществления либеральных принципов, надо сказать, что во время царствования Александра I было достигнуто если не слишком мало, то во всяком случае значительно меньше, чем можно было ожидать. Наверное, с одной стороны, это можно объяснить войной с Наполеоном, а с другой стороны, тем, что большой политический талант Александра I проявлялся в первую очередь во внешней политике, а не в области внутриполитических дел, которые были ему явно более чужды, чем дипломатическая деятельность. Кроме того, нужно принимать во внимание внутриполитическое развитие, которое я буду рассматривать в конце этого отдела. Итак, эпоха Александра I в первую очередь остается эпохой распространения в России либеральных идей, временем постепенного созревания либерального сознания высших сословий.

Поэтому главной моей темой в этом отделе будет именно изучение идей и убеждений некоторых значительных представителей либерального направления. Отдельные важнейшие законы и мероприятия, которые представляют собой вклад в дело осуществления либеральных принципов, будут упомянуты в первой части этой работы лишь в той мере, в какой они связаны с теоретическим развитием либеральной программы.

*

* *

Одним из самых значительных представителей либерализма в России был Н.С. Мордвинов (родившийся в 1754 году). После восшествия на престол Екатерины он воспитывался при дворе вместе с наследником престола Павлом. По желанию великого князя Павла в 1774 его послали в Англию с поручением изучить корабельное дело. Он провел в Англии три года, за это время он участвовал во многих морских путешествиях, в том числе посетил и Америку. Его биограф Иконников пишет: "Но пребывание в Англии имело и другое важное значение для Мордвинова: он проникся там духом английской науки и уважением к учреждениям этой страны".[7]

Как раз во время его пребывания в Англии появилось произведение Адама Смита под названием "Исследование свойств и причин богатства народов" (в 1776 г.). Влияние этого произведения на взгляды Мордвинова в отношении финансовых вопросов прявилось даже в тех записках ("Мнениях"), которые он составлял в конце своей долгой жизни. Адам Смит стал известен в России еще до этого. В 1761 году в Глазго, где он тогда преподавал моральную философию, приехали два студента московского университета, Десницкий и Третьяков, и оставались там до 1767 г.[8] Впоследствии Десницкий стал профессором юридического факультета московского университета. По мнению Каркунова, он был совершенно независим от своего английского учителя в выборе проблем, которыми занимался. Напротив, он был обязан Смиту своим общим направлением в подходе к своему предмету. Прежде всего, следует напомнить о его отрицательном отношении ко всем абстрактным, рационалистическим учениям, которые преобладали в русских школах в то время. Кроме того, известно, что среди учеников Смита был и князь Дашков, что теории Смита были предметом лекций, которые читал при дворе Шторх, член Академии наук, что профессор Балугьянский читал лекции об этих теориях,[9] и что правительство само финансировало перевод главного произведения Смита. (Переводчик Политковский получил за это из государственной казны пять тысяч рублей). Выдержки из этого перевода неоднократно публиковались в официальном журнале министерства внутренних дел – "Санктпетербургский журнал".

В том же журнале публиковались выдержки из произведений Бентама, Бэкона, Фергюсона и других.[10] Бентам пользовался особенным уважением. В 1805 и 1806 годах по приказанию императора Александра появились два тома Бентама в русском переводе. К первым почитателям Бентама в России принадлежал Мордвинов, который, между прочим, был знаком с братом Иеремии Бентама, Самуилом. Мордвинов начал свою бюрократическую карьеру в управлении черноморского флота под начальством Потемкина, а Самуил Бентам как раз в это время был управляющим потемкинских поместий в Белоруссии. Иконников считает, что в правительственных кругах только Мордвинов может считаться подлинным поклонником Бентама. На это надо возразить, что Бентам был в России широко читаемым автором. О распространении его идей заботился, в первую очередь, Дюмон, переводчик произведений Бентама на французский язык. С этой целью он неоднократно приезжал в Россию. В Петербург он впервые приехал вероятно в 1802 году. В 1808 он сообщал, что в Петербурге было продано столько же экземпляров произведения Бентама (наверное, в переводе), сколько и в Лондоне. Пушкин в "Евгении Онегине" тоже подтверждает, что в России Бентам, Сэй и Смит принадлежали к модным авторам.

У Мордвинова были личные отношения не только с Бентамом, но и со Смитом и с Сэем, и с целым рядом других западноевропейских ученых. Он посылал французский перевод своего произведения о банках (Réflexion sur les Banques) Ганилю, Сэю, де Лабору и Джою. Старался заинтересовать Сперанского идеями Ганиля и посылал ему произведения последнего. Вообще Мордвинов был знаком со многими западноевропейскими произведениями либерального направления. Так, мы знаем, что он переслал Бентаму через его брата Самуила французский перевод книги либерального испанского мыслителя и политического деятеля Гаспара Мельхиора де Ховелланоса "Identité de l'intérêt général avec l'intérêt public" (Тождественность личной и общественной пользы). Эта книга была опубликована в Петербурге в 1806 году по приказанию министра внутренних дел князя Кочубея. Там мы находим критику сельской общины и защиту частной собственности на

землю и недра, и потому не удивительно желание Кочубея сделать книгу известной русскому читателю.

В царствование Екатерины и Павла официальная деятельность Мордвинова ограничивалась флотом. При Александре I Мордвинов также работал как специалист по делам флота. Однако вскоре его советами стали пользоваться и по целому ряду других вопросов, в частности, к ним прибегал "неофициальный комитет"[11] и отдельные члены этого комитета, в первую очередь, Строганов.

На заседании комитета 4 ноября 1801 года граф Строганов заявил, что при рассмотрении крестьянского вопроса многие, особенно господин Лагарп и граф Мордвинов, указали императору на необходимость сделать что-то в пользу крестьян, поскольку их положение крайне печально, так как они лишены "гражданского существования", то есть гражданской свободы и гражданских прав. Говорилось, что это положение можно улучшить лишь постепенным и незаметным образом, а по мнению Мордвинова, первым шагом в этом направлении могло быть предоставление некрепостным крестьянам права на покупку земли.[12] Это убеждение Мордвинова и его единомышленников нашло выражение непосредственно в законодательстве: указом от 12 декабря 1801 разрешалось приобретать землю купцам, горожанам и государственным крестьянам.[13]

Мордвинов в высшей степени энергично выступал за предоставление гражданских прав, в первую очередь, права собственности на землю и права ее приобретения, не только дворянству, но и другим сословиям; кроме того, он выступал за упрочение права собственности дворян на землю и за признание правительством неприкосновенности частной собственности. Его стремления выразились, например, в особой записке, которую он представил "непременному совету"[14] по случаю рассмотрения спора между графом Салтыковым и графом Кутайсовым относительно рыбной ловли на берегу Каспийского моря; около устья Эмбы. Вообще мы здесь находим целый ряд высказываний, по которым можно легко составить себе представление о принципиальном подходе Мордвинова к проблеме гражданского строя. Полезно будет вспомнить об этих высказываниях Мордвинова, когда мы пе-

рейдем к рассмотрению взглядов Сперанского на вопрос гражданского строя. Мордвинов пишет: "Если рассуждать по одному только отношению к самодержавной власти, конечно, весьма легко решить все дело". И продолжает: "...Неограниченною волею государя воды сии отданы частному человеку; неограниченная воля другого государя, ему равного, может их взять обратно; определить за них вознаграждение большее или меньшее или не определить никакого – зависит от его хотения".[15]

Однако, "лишить собственности... есть взять имение без согласия лица, которое им владеет... есть нарушить первый закон, коим благоустроеннное правительство отличается от насильственного" (стр. 39). "Посему, сколько бы исключительное владение каким-либо имением ни оказывалось противным общему благу, не можно для сего его взять в общее употребление... ибо никогда общее благо не зиждется на частном разорении" (стр. 39). "Закон собственности признается в России вообще непоколебимым, следовательно, и собственность гр. Кутайсова должна быть неотъемлема" (стр. 38).

В другой записке он высказывается не менее решительно в пользу частной собственности. Он пишет: "Собственность есть первый камень. Без оной и без твердости прав, ея ограждающих, нет никому надобности ни в законах, ни в отечестве, ни в государстве" (стр. 52). Гарантия собственности в русском праве, особенно после 12 декабря 1801 года, приобрела большее значение, то есть, с "сего знаменитого дня, с которого право владения землями распространено на нижний род людей" (стр. 52).

После создания Государственного совета 1 января 1810 г.[16] Мордвинов стал председателем департамента государственной экономии.[17] По его мнению, самым срочным делом было устранение всего того, что препятствовало развитию частного кредита,[18] и прежде всего освобождение торговли, которая до сих пор его связывала. Он настаивал на том, что права отдельной личности ни в коем случае не могут подчиняться и приноситься в жертву политическим интересам государства (стр. 91), поскольку подлинное общее благо неотделимо от блага всех отдельных людей. Англия представляет собой лучшее тому доказательство. Своим

благополучием она обязана уважению к частной собственности, то есть конкретно к финансовой политике, вследствие которой доход государства происходит не от частного капитала, а только от прибыли, получаемой с этого капитала. Для того чтобы утвердить доверие к казне и распространить убеждение, что государство в своих отношениях с частными лицами не использует своей власти для нарушения их интересов, Мордвинов предлагает погасить внутренние государственные долги,[19] а для решения споров между частными лицами и государством ввести особые гражданские суды. Что же касается внешней торговли, Мордвинов в этом вопросе не был обязательным сторонником свободной торговли. Для того чтобы содействовать развитию российской промышленности, он считал необходимым введение защитных таможенных прав.[20]

Убеждение, что принципы гражданской свободы и частной собственности (то есть признание неприкосновенности собственности частного лица и свободы частной инициативы со стороны государства, а следовательно и соответствующая финансовая или скорее экономическая политика) не могут быть достаточно гарантированы одной только доброй волей монарха, делало его сторонником перехода к конституционным формам правления в России. Насколько я знаю, он нигде не высказал этого так ясно, как сделал это Сперанский (что мы вскоре увидим).[21] Мордвинов был полностью убежден в том, что России прежде всего нужна политическая свобода. Тот факт, что в те времена народное представительство неизбежно должно было быть представительством дворянства, ни в коей мере его не отпугивал. Напротив, в аристократическом составе народного представительства (а такой его характер должен был стать еще яснее благодаря созданию аристократической высшей палаты) он видел гарантию того, что это народное представительство действительно будет активно и действенно выступать за политические свободы и права, а также за гражданские права и гражданский строй.[22]

Мордвинов был против внезапного и всеобщего устранения крепостного права; в этом он соглашался со Сперанским.[23] В плане освобождения крестьян, который Мордвинов представил в 1818 году и в котором он высказывался за постепенное осво-

бождение, мы читаем: "В природе мы видим, что... тихое и постепенное течение времени дает жизнь, рост и зрелость всему; крутыя же и быстрыя события... производят разрушения... Народу, пребывавшему века без сознания гражданской свободы, даровать ее изречением на то воли властителя – возможно, но знание пользоваться ею во благо себе и обществу даровать законоположением – невозможно".[24] Он считал, что освобождению крестьян должно предшествовать укрепление гражданского строя в России, что в первую очередь надо создать статус свободного человека и гражданина. Лишь после этого возможно начать думать о постепенном освобождении крепостных, то есть о постепенном предоставлении крестьянам статуса свободного собственника. Укрепление статуса свободного гражданина и гражданского строя вообще возможно лишь посредством политической свободы, через переход России к конституционным государственным формам.

Поэтому для Мордвинова, как и для многих других представителей либерального направления, в то время переход к конституционным государственным формам являлся первой и важнейшей задачей. Об этом пишет Градовский, видящий в таком мировоззрении политическую ошибку. "Еще меньшее число лиц понимало, – пишет он (стр. 246), – что возможность общественного развития России обусловливается предварительным освобождением крестьян. Либеральное большинство времен Александра I добивалось прежде всего политических вольностей для высших классов". Позже, в XX веке, мнение, высказанное Градовским, разделяли как Витте, так и Столыпин, причем последний продолжал так мыслить и после введения конституции. Особенно интересно, что, наоборот, сторонники всеобщего немедленного устранения крепостного права при Александре I (впрочем и при Александре II) считали нежелательным введение конституции в России и высказывались за сохранение самодержавия. Так, Николай Тургенев вспоминает в своей книге, появившейся на французском языке, "Россия и русские" (La Russie et les Russes, том 1, стр. 93), свой спор по этому поводу с Мордвиновым: "Он /Мордвинов/ хотел политической свободы с высшей палатой; он восставал с благородным и горячим самоотвержением против всякого произвола. Я же сочувствовал неограниченной власти, защищая

необходимость ея для освобождения страны от чудовищной эксплуатации человека человеком".[25] Впоследствии так же высказывались и многие иностранцы, так например, незадолго до освобождения крестьян – в 1861 году – Джон Стюарт Милл.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 2

1. К. Валишевский. Сын великой Екатерины Павел I. (Le Fils de la Grande Catherine Paul I). Париж, 1912, стр. 230.
2. Валишевский четко указывает на внутреннее родство патриархальной деспотии Павла с революционным деспотизмом якобинцев. Он пишет: "... деспотизм Павла, его склонность вмешиваться прямо даже в интимную жизнь его подданных, вытекают из его глубоко патриархального представления о своих функциях. Это представление связано у него с учением о государстве в роли провидения, и эту идею он исповедует совместно с теми самыми якобинцами, которых он так ненавидит, конечно, не отдавая себе в этом отчета". Вполне возможно, что отрицательное отношение Екатерины к идеям Радищева основано было именно на том, что она видела в них отражение тиранических тенденций якобинства. Во всяком случае, на это указывает ряд ее примечаний на полях книги Радищева. В этих примечаниях она подчеркивает сходство его взглядов с якобинскими тенденциями.
3. В. Иконников. Граф Мордвинов. Пб, 1873, стр. 28, примечания.
4. Существует три редакции проекта этой декларации. Две из них составлены по-русски (первая и вторая), а третья по-французски. Редакция вторая отличается от первой тем, что в ней отсутствуют три статьи, имеющиеся в первой редакции. Эти три статьи касаются: 1-я – сути императорской власти; 2-я – закона о престолонаследии от 5 апреля 1797 года (этот закон подтверждается статьей второй); 3-я статья касается положения Сената – так что речь идет об основных институтах государства. По-видимому, сочли непоследовательным включить в декларацию, касающуюся основных прав подданных, три отдельные и почти не связанные между собой статьи. В остальном вторая редакция отличается от первой лишь немногими и почти исключительно стилистическими исправлениями. (Текст декларации будто бы составлен был Радищевым, который при Павле I был принят вновь на государственную службу, а Сперанский исправлял его прежде всего с точки зрения стиля. Как известно, Радищев выражался языком, который тогда считался устарелым: Пушкин назвал его стиль варварским). Эта редакция опубликована в книге Семенникова "Радищев", Москва, 1923, стр. 180-194. Первые три статьи первой редакции также напечатаны в этом издании на стр. 431 и далее. Третья редакция (французская) опубликована в "Заметках" Воронцова от 12 августа 1801 года в приложении к журналу "Русский Архив", т. 2 за 1908, стр. 7-12. Эти замет-

ки считались общей запиской, составленной Воронцовым, Кочубеем и Новосильцевым, хотя Воронцов наверное был на самом деле единственным автором. В третьей редакции опущены некоторые требования второй редакции, по-видимому те, которые представлялись особенно "радикальными". В основном же содержание обеих редакций совпадает. Характерно изменение заглавия третьей редакции. В обеих первых проект прямо озаглавлен "Грамота", заглавие третьей: "Articles ou matériaux qui peuvent servir à la confection d'un édit ou manifeste de privilèges, franchise etc." (Статьи или материалы, которые могут быть полезными для составления указа или манифеста о привилегиях, свободах и т.д.). Это заглавие звучит так, как будто составители проекта уже не рассчитывали, что декларация может быть опубликована в недалеком будущем. На самом деле, третья редакция проекта декларации, так же как и обе первые, не была утверждена Александром.

5. Эта записка также опубликована в приложении к "Русскому Архиву" за 1908 г., т. 2, стр. 18-20.
6. А. Макаров. Проект основных законов Российской империи 1804 года. В записках русского научного института в Белграде 1937 г., №15. Русский текст этого проекта (сокращенный) опубликован Макаровым там же, стр. 157-164. Немецкий текст опубликован Макаровым в приложении к его крупному труду на немецком языке: "Проект конституционных законов Российской империи от 1804 года. Вклад в историю кодификации российского права". Ежегодники культуры и истории славян, т.2, тетрадь 2 (1926), стр. 201-366.
7. Иконников, там же, стр. 4.
8. Каркунов, там же, стр. 261 и дальше.
9. М.Корф. Жизнь графа Сперанского, т.1, стр. 191.
10. Иконников, там же, стр. 72 и дальше.
11. К неофициальному комитету принадлежали: В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев, князь Адам Чарторыйский и граф. П.А. Строганов.
12. Иконников, там же, стр. 31.
13. Полное собрание Законов, том XXVI, № 20075. К тем "многим", о которых упоминает Строганов, наверное, принадлежал и Воронцов. В примечаниях к проекту Декларации прав, которые он составил совместно с Кочубеем и Новосильцевым в августе 1801, мы читаем: "Нельзя ли предоставить как государственным, так и помещичьим крестьянам право покупать земли без жилищ... то, что мы понимаем под выражением "пустоши", позволить им для этого заверять документы на собственность в судах, не прибегая к подставным лицам, как они делают в настоящее время, и наконец, гарантировать им эту собст-

венность, которая будет принадлежать им в той же мере, в какой другие члены общества имеют право располагать собственностью. Это мероприятие, которое не представляется неосуществимым, имело бы в нашей стране бесконечно положительные последствия: оно побудило бы крестьян обрабатывать большие пространства девственных земель и стараться получить возможно больше от тех земель, которые будут принадлежать им как частная собственность; кроме того, такое мероприятие сильно увеличило бы нашу годовую продукцию и позволило бы нам отдать себе отчет более ясно, чем каким бы то ни было указом или законом в подлинной сущности собственности, то есть то, в чем большинство крестьян совершенно не отдает еще себе отчета. Легко понять, как необходимо, чтобы они научились отличать роль собственника от роли наемного земледельца и чтобы они начали испытывать потребность уважения к собственности. Ведь именно в непонимании этого и состоит опасность, связанная с освобождением их или с чрезмерными усилиями в их пользу". (Примечания к 9 статье. "Русский Архив", 1908, т.2). Как мы видим, Воронцов идет еще дальше чем Мордвинов и чем указ от 12 декабря 1801 года. Он советует предоставить право собственности на землю не только государственным, но и крепостным крестьянам.

14. Непременный совет под председательством царя был основан Александром I 30 марта 1801 года по проекту Трощинского. Он состоял из 12 членов и создан был для рассмотрения всех важных государственных дел и постановлений. Он заменил собой "временный совет". (Иконников, там же, стр. 37, прим. 1).
15. Иконников, там же, стр. 37.
16. Государственный Совет основан был в связи со стремлением провести границу между законодательной и исполнительной властью и создать равновесие между этими двумя институтами государственной власти.
17. В Государственном Совете было четыре отдела или департамента: а) департамент законов, б) военных дел, в) гражданских и духовных дел, г) государственной экономии. Сперанский назначен был государственным секретарем. С этого времени началось сотрудничество между Сперанским и Мордвиновым, связанное с их положением в составе Государственного Совета; но уже и раньше они хорошо знали друг друга и часто работали вместе, как например, при приготовлении проекта финансовой системы (Иконников, там же, стр. 77).
18. Мордвинов разработал проект устава частных и губернских банков (Иконников, там же, стр. 202).
19. Иконников, там же, стр. 102.

20. Смотри его произведение "Некоторые соображения о мануфактуре в России и о тарифах", 1816. Интересно, что в связи с необходимостью найти сбыт для возможного избытка российской продукции, он думал не о рынках "старой" Европы, а о рынках "молодой" Азии. Восточная торговля казалась ему мирным и "элегантным" путем к обеспечиванию российского проникновения на тот континент. (Иконников, там же, стр. 184).
21. Такое предположение обосновано уже тем, что взгляды Мордвинова и Сперанского удивительным образом сходятся в целом ряде подробностей.
22. Мордвинов высказывал, кроме того, и мнение, которого придерживалась Екатерина в своей "инструкции", а мнение это в конце концов основано на учении Монтескье, а именно, что величие российской империи требует, чтобы Россия оставалась самодержавной монархией. По-видимому, здесь речь идет о некритическом повторении традиционной мысли. (Иконников, там же, стр. 122, прим. 1).
23. Известен следующий пассаж из письма Сперанского его приятелю Столыпину: "Надо очистить административную часть. Затем надо установить конституционные законы, то есть политическую свободу, а затем постепенно вы перейдете к вопросу гражданской свободы, то есть свободы крестьян. Таков должен быть настоящий порядок вещей". Цит. по Градовскому, там же, стр. 246, прим. 162.
24. Цит. по Градовскому, там же, стр. 247, прим. 164.
25. Цит. по Иконникову, там же, стр. 236.

Глава 3

СПЕРАНСКИЙ

Записка от 1809 г. – Государственный Совет. – Докладная записка от 1803 г. – Книга "К познанию законов". – Эволюция взглядов Сперанского.

Как уже говорилось, со взглядами Мордвинова тесно связаны идеи его более молодого современника, Сперанского. Наиболее полно идеи Сперанского отражены в записке, которую он представил Александру I в 1809 году и которая называется "Введение к уложению государственных законов".[1] В этой докладной записке Сперанский высказал свое мнение не только по поводу отдельных конкретных проблем государственного развития и правопорядка, но он еще дополнительно объяснил и обосновал свои мысли на основании теории права или даже скорее философии права.

Сперанский указывает на то, что живые силы государства (а в конце концов это духовные и физические силы самого человека) могут проявляться либо в сосредоточенной форме, как бы в единении друг с другом, либо порознь, будучи распределенными среди отдельных людей. В первом случае, говорит он, они способствуют развитию государственной власти и ее политических привилегий, а во втором случае, напротив, они поддерживают права подданных. Сперанский пишет: "Если бы права государственной власти были неограничены, если бы силы государственные соединены были в державной власти (иными словами, настолько сосредоточены именно внутри государственной власти, что никаких прав не оставляли бы они подданным, тогда государство было бы в рабстве и правление было бы деспотическое" (стр. 5).

По мнению Сперанского, подобное рабство может принимать две формы или иметь как бы две ступени. Первая и худшая форма исключает подданных не только из всякого участия в использовании государственной власти, но к тому же отнимает у них свободу распоряжаться своей собственной личностью и своей собственностью (стр. 6). Вторая, более мягкая форма, также исключает подданных из участия в управлении государством, однако оставляет за ними свободу по отношению к собственной личности и к имуществу. Следовательно при такой более мягкой форме подданные не имеют политических прав, но за ними сохраняются права гражданские (стр. 6). Существование субъективных гражданских прав означает, что существует самостоятельная сфера отношений в рамках частного права – т.е. в рамках гражданского строя. Существование этих прав означает также, что в государстве в какой-то мере есть свобода. Но свобода эта недостаточно гарантирована и легко нарушается: "Хотя права гражданские и могут существовать без прав политических, но бытие их в сем положении не может быть твердо" (стр. 6). Для того чтобы предохранить гражданскую свободу от нарушений со стороны государственной власти, – объясняет Сперанский, – необходимо укрепление гражданской свободы посредством основного закона, т.е. политической конституции. Гражданские права должны быть перечислены в основном законе государства "в виде первоначальных гражданских последствий, возникающих из прав политических", а гражданам должны быть даны политические права, при помощи которых они будут в состоянии защищать свои гражданские права и свою гражданскую свободу (стр. 6).

Итак, по убеждению Сперанского, гражданские права и гражданская свобода недостаточно обеспечены гражданскими законами и гражданским правом. Без конституционных гарантий гражданских прав и свобод гражданские законы сами по себе бессильны, а следовательно, по сути дела, и излишни: "К чему законы, распределяющие собственность между частными людьми, когда собственность сия ни в каком предположении не имеет твердого основания?" (Очевидно Сперанский имеет тут в виду сам институт частной собственности вообще). "К чему гражданские законы, когда скрижали их каждый день могут быть разбиты о первый

камень самовластия?" (стр. 16). И дальше: "Например: контракт на куплю и продажу есть право гражданское. Но какую достоверность имело бы сие право, если бы закон политический не определил вообще, что всякая собственность есть неприкосновенна?" (стр. 6, зам. 2). Именно такое требование укрепления гражданского строя и лежало в основе всего плана государственной реформы Сперанского и определяло основную мысль этой реформы – "правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на непременяемом законе" (стр. 18). Иными словами, Сперанский считал необходимым издание основных законов, которые станут необратимой гарантией гражданской свободы. Идея Сперанского состоит в том, что государственную власть надо построить на постоянных началах, что правительство должно стоять на прочной конституционно-правовой основе и таким образом его власти должны быть поставлены точные конституционно-правовые пределы, а деятельность его должна протекать строго в рамках закона. Эта идея вытекает из склонности находить в основных законах государства прочный фундамент для гражданских прав и свобод. Она есть стремление обеспечить связь гражданского строя с основными законами и крепко поставить его, именно опираясь на основные законы. Так история русского права лишний раз подтверждает, что идея конституционного правового государства нераздельно связана с идеей гражданского строя.

Сперанский говорит о необходимости создания правового государства, которое в конечном итоге должно быть государством конституционным, и объясняет эту необходимость еще и следующим соображением: "Законы существуют для пользы и безопасности людей, им подвластных" (стр. 4). Согласно Сперанскому, "общий предмет всех законов есть учредить отношения людей к общей безопасности людей и имущества" (стр. 3). Безопасность есть естественное право: "противно природе человека, – пишет Сперанский, – предполагать, чтобы кто-либо согласился жить в таком обществе, где ни жизнь, ни имущество его ничем не обеспечены" (стр. 29). Безопасность человека и имущества – это первое (объясняет Сперанский) и неотъемлемое достояние всякого человека, входящего в общество. Эта неприкосновенность (человека и имущества) является сутью гражданских прав и граждан-

ской свободы, которая имеет два главных вида: свободу личную и свободу вещественную (стр. 29).

Содержание личной свободы следующее: 1. Без суда никто не может быть наказан; 2. Никто не обязан отправлять личную службу, иначе как по закону.

Содержание свободы вещественной следующее: 1. Всякий может располагать своею собственностью по произволу, сообразно общему закону; без суда никто собственности лишен быть не может. 2. Никто не обязан ни отправлять вещественной службы, ни платить податей и повинностей иначе, как по закону или по условию, а не по произволу другого.

Таким образом мы видим, что Сперанский повсюду воспринимает законы, как мероприятия для защиты безопасности и свободы.

Однако Сперанский видит, что необходимы гарантии не только от произвола исполнительной власти, но и от произвола законодателя. По этому поводу он дальше пишет: "Но польза и безопасность суть понятия неопределенные, подверженные разным изменениям. Если бы законы изменялись по различному образу сих понятий, они скоро пришли бы в смешение и могли бы соделаться даже противны тому концу, для коего они существуют. Поэтому во всяком благоустроенном государстве должны быть начала законодательства положительные, постоянные, неподвижные, с коими бы все другие законы могли быть соображены" (стр. 4). Таким образом, Сперанский приходит к требованию, согласно которому государство должно воплощать собой принцип стабильности, иными словами, в конечном итоге, принцип подчинения права, создаваемого правительством, праву существующему.[2]

Как уже было указано, Сперанский требует гарантий от произвола законодательной власти.[3] Такое конституционно-правовое ограничение власти, такое требование, чтобы правительство при выполнении своих законодательных функций принимало во внимание существующее право и даже считало себя в значительной мере этим правом связанным, согласно Сперанскому, однако, ни в коей мере не приводит к ослаблению государственной власти. Напротив, исполнение этого требования и предполагаемое уст-

ройство самодержавного правительства на основе не подлежащих изменениям законов, означает – "посредством законов и установлений утвердить власть правительства на началах постоянных и тем самым сообщить сея власти более правильности, достоинства и истинной силы".[4]

Для решения задачи о подчинении власти праву, т. е. законам, не подлежащим изменениям, Сперанский считает необходимым разделение власти. Здесь он полностью принимает господствовавшие в то время в Западной Европе идеи. Он пишет: "Нельзя основать правление на законе, если одна державная власть будет и составлять закон и исполнять его. Отсюда необходимость установлений, действующих в составлении закона и его исполнении" (стр. 18). Поскольку обсуждение законопроектов предполагает участие большого количества людей, должны быть созданы собрания или Думы (стр. 37). При этом Сперанский рекомендует широкую децентрализацию, то есть он считает, что наряду с центральной Думой должны создаваться также думы местные. Думы должны состоять из избранных представителей, и это является, по его мнению, одним из важнейших условий для возникновения подлинной ответственности министров, то есть это и будет действенной гарантией от произвола исполнительной власти (стр. 47). Однако, как уже было сказано, задача состоит не только в том, чтобы подчинить исполнительную власть закону, но и в том, чтобы ограничить законодательную власть некоторыми определенными правовыми принципами.

Право посылать представителей в законодательные собрания, то есть избирать эти собрания, не может поэтому принадлежать одинаково всем. Целью законов является защита личности и собственности. Поэтому, естественно, что чем больше у человека имущества, тем больше он заинтересован в защите прав собственности (стр. 32). А из этого вытекает, что, как правило, располагающие большой собственностью люди больше заботятся "о доброкачественности законов" и правильнее могут о них судить. Напротив, человек, у которого нет никакого имущества, вряд ли будет заинтересован в том, чтобы умерить требования законов относительно налогов (стр. 32, прим.). На этом и зиждется важное правило (оно принято было даже в революционной

Франции), что те, у кого нет ни недвижимого имущества, ни капитала, исключаются из процесса выборов. Правило это особенно нужно соблюдать потому, что неимущих всегда больше, чем имущих, и они всегда легко могут получить перевес в собрании, а таким образом, наименее зрелые элементы приобретут наибольшее влияние на законодательный процесс. "Нет сомнения, что и у нас тому же правилу должно следовать", – пишет Сперанский (стр. 33). Таким образом, мы видим, что демократический принцип всеобщих и тайных выборов (как и вообще политических прав) чужд Сперанскому, а в противовес этому он особенно выдвигает и придает большое значение либеральному принципу разделения власти. Предусматриваемое им разделение власти не может быть простым распределением функций. Каждая ветвь власти должна располагать подлинной самостоятельностью по отношению ко всем другим ветвям государственной власти.

Сперанский определенно отмечает, что такой действительно самостоятельный характер отдельных ветвей государственной власти, то есть проведение в жизнь подлинного разделения власти, и есть доказательство того, что речь идет о настоящей, а не о лже-конституции. Сперанский совершенно точно понимал проблему лже-конституционализма, во всяком случае, с точки зрения политической, вследствие тщательного изучения наполеоновской Франции. То место в его докладной записке, где он рассматривает эту проблему, вообще чрезвычайно интересно, поэтому я привожу его полностью. Сперанский пишет:

"Два различные устройства с первого воззрения здесь представляются. Первое состоит в том, чтобы облечь правление самодержавное всеми, так сказать, внешними формами закона, оставив в существе его ту же силу и то же пространство самодержавия. Второе устройство состоит в том, чтобы не внешними только формами покрыть самодержавие, но ограничить его внутреннею и существенною силою установлений и учредить державную власть на законе не словами, но самым делом. В самом преддверии преобразования должно решительно избрать одно из сих двух устройств. Избрание сие определяет истинный его разум. Если будет избрано первое устройство, тогда все установления так должны быть соображены, чтоб они в мнении народном казались

действующими, но никогда не действовали бы на самом деле. Главные черты сего устройства состоять могут в следующем: 1. Установить сословие, которое бы представляло силу законодательную, свободную, но на самом деле было бы под влиянием и в совершенной зависимости от власти самодержавной. 2. Силу исполнительную так учредить, чтоб она по выражению закона состояла в ответственности, но по разуму его была бы совершенно независима. 3. Власти судной дать все преимущества видимой свободы, но связать ее на самом деле такими учреждениями, чтобы она в существе своем всегда состояла во власти самодержавной. (На сих трех главных правилах основано настоящее политическое устройство Франции). Если, напротив, предпочтено будет второе устройство, тогда все сии установления расположены должны быть на следующих правилах: 1. Законодательное сословие должно быть так устроено, чтобы оно не могло совершать своих положений без державной власти, но чтобы мнения его были свободны и выражали бы собою мнение народное. 2. Сословие судебное должно быть так образовано, чтоб в бытии своем оно зависело от свободного выбора, и один только надзор форм судебных и охранение общей безопасности принадлежало правительству. 3. Власть исполнительная должна быть вся исключительно вверена правительству; но поелику власть сия распоряжениями своими под видом исполнения законов не только не могла бы обезобразить их, но и совсем уничтожить, то и должно поставить ее в ответственности власти законодательной. Таков есть общий разум двух систем, коим можно следовать в составлении коренных законов. Сравнивая сии две системы между собою, нет сомнения, что первая из них имеет только вид закона, а другая самое существо его; первая под предлогом единства державной власти вводит совершенное самовластие, а другая ищет в самом деле ограничить его и умерить" (стр. 18 и дальше).

Не ясно, понимал ли Сперанский так же точно проблему лжеконституционализма в связи с общественным порядком. Можно сомневаться в том, было ли ему ясно, что не только законы, но и сама конституция может разрушить и уничтожить не только политическую, но и гражданскую свободу. Как мы уже видели,

Сперанский отдавал себе отчет в том, что государственная власть может нарушить и даже разрушить гражданскую свободу. Но когда Сперанский говорит о камне самовластия, о который могут разбиться скрижали гражданского права, он думает при этом, прежде всего, о произвольных и противозаконных действиях правительства, а затем о возможности, что отдельные законы будут воплощать какие-то деспотические тенденции. Однако он по-видимому не представлял себе возможности, что конституция и основные законы могли бы отнять у граждан их гражданскую свободу. Мне кажется, что это объясняется, во-первых, тем обстоятельством, что Сперанский понял проблему политического лже-конституционализма, наблюдая и изучая политическую структуру наполеоновской Франции. Что же касается влияния лже-конституционализма на общественный порядок, то есть на гражданскую свободу, то эта проблема стала ясна и полностью очевидна лишь с появлением на свет социалистических лже-конституций.[5] Кроме того, объяснением такого непонимания Сперанского может служить и то обстоятельство, что, по его убеждению, конституция содержит определенные правовые принципы, среди которых одним из первых – просто как бы в силу природы самой конституции – является признание именно гражданских прав и гражданских свобод.

Сперанский считал Россию зрелой для того, чтобы приступить к этим реформам и получить конституцию, обеспечивающую не только гражданскую, но и политическую свободу. Сперанский говорит, что в истории нет примеров того, чтобы просвещенный коммерческий народ долго оставался в состоянии рабства (стр.12 прим.). Он считает, что со времен Петра Великого в России распространилось образование и развилась промышленность. Петр Великий на самом деле ничего не сделал в пользу политической свободы в устройстве внешних правительственных форм и институтов, однако, он открыл двери политической свободе, поскольку он открыл доступ в Россию науке и торговле (стр. 13).

Сперанский цитирует Бэкона: "Время – самый большой новатор" (стр. 11 прим.) и утверждает, что нельзя избежать потрясений, если государственное устройство не соответствует духу времени. Поэтому главы государств должны внимательно наблюдать

за развитием общественного духа и приспособлять к нему политические системы. Таким образом можно было бы избежать многих бедствий и кровопролитий (стр. 12). Поэтому было бы большим преимуществом российского развития, если бы в России возникла конституция не вследствие "воспаления страстей и крайности обстоятельств, а благодаря благодетельному вдохновению верховной власти" (стр. 10).

Вообще же, Россия проходит те же самые стадии развития гораздо быстрее, чем другие государства (стр. 15, замечание 3). Поэтому, утверждает Сперанский, никак нельзя оттягивать решение. Есть достаточно указаний на то, что "настоящая система правления не свойственна уже более состоянию общественного духа" (стр. 17). Ослабление самой власти является первым из таких признаков. С уверенностью "можно сказать, что в настоящем положении все меры правительства, требующие не физического, но морального повиновения, не могут иметь действия" (стр. 16). Сперанский говорит, что вторым признаком такого процесса можно считать всеобщую неудовлетворенность. Он пишет:

"Наконец сие всеобщее неудовольствие, сия преклонность к горестным изъяснениям всего настоящего есть не что другое как общее выражение пресыщения и скуки от настоящего вещей порядка. Войны и политические происшествия, без сомнения, занимают тут свое место. Но были тягости, были войны, и дух народный не был однако же подавлен ими до такой степени, как ныне. Неужели дороговизне сахару и кофе можно в самом деле приписать начало сих неудовольствий? Уменьшилась ли от них роскошь? Обеднел ли в самом деле народ? Где те жестокие несчастия, кои его на самом деле постигли? Все вещи остались в прежнем почти положении, а между тем дух народный страждет в беспокойствии. Как можно изъяснить сие беспокойствие иначе, как совершенным изменением мыслей, глухим, но сильным желанием другого вещей порядка" (стр. 17).

* *
*

Из программы реформ Сперанского, изложенной в докладной записке, которую мы только что проанализировали, были выполнены лишь отдельные пункты. Большое значение имеет в первую очередь основание в 1810 году Государственного Совета. Государственный Совет состоял из лиц, назначенных царем, обыкновенно главным образом высоких государственных чиновников.[6] Самая важная функция Государственного Совета – это высказываться по поводу законопроектов, представленных правительством, а в большинстве случаев, отдельными министрами.

Сперанский изначально предусматривал в своем плане реформ Государственный Совет как учреждение, которое не должно особенно заниматься подготовкой и разработкой законопроектов. Как уже было сказано, эта роль предназначалась им Думе, члены которой должны были не назначаться царем, а избираться. Для Государственного Совета он имел в виду другую роль. Поскольку каждая из трех конституционных ветвей власти в государстве должна была располагать подлинной самостоятельностью по отношению к обеим другим, единство государственной власти должно было воплощаться лишь в личности монарха и быть обеспечено тем, что монарх в качестве главы и представителя государственного суверенитета остается возглавителем и главным представителем всех ветвей власти государства. Поэтому Сперанский считал, что нужно создать дальнейшее учреждение, которое будет заботиться о плавном сотрудничестве между отдельными органами государственной власти и будет являться как бы конкретным выражением принципиального воплощения государственного единства в личности монарха. По его замыслу, Государственный Совет должен был состоять из лиц, назначенных монархом. В области законодательной Государственный Совет должен был исполнять по отношению к Думе роль Высшей палаты. Но хотя Дума и не была создана, Государственный Совет, или вернее его общие собрания, стали совещательным учреждением, которое сотрудничало в первую очередь при разработке главнейших законопроектов.

Манифест от 1 января 1810 года, текст которого был подготовлен Сперанским и которым учреждался Государственный Совет, а также изданное совместно с манифестом "Образование"

Государственного Совета, постановляли, что все законопроекты должны быть представлены Государственному Совету и обсуждаться на его общем собрании (Манифест, статьи 1,2; Образование п.29). Кроме того, Образование содержит постановления, дающие некоторую обязующую силу решениям большинства Государственного Совета по отношению к царю, во всяком случае в том смысле, что царь может подтвердить лишь законопроект, одобренный большинством общего собрания. На это указывает сама формула, которой должен был пользоваться царь при подтверждении законопроекта. Формула эта гласит: "Вняв мнению Государственного Совета, Мы постановляем (или утверждаем)..." (п. 73). Естественно, нельзя считать мнением Государственного Совета мнение меньшинства. Речь идет, конечно, о мнении большинства. Значит, согласно закону от 1 января 1810 года царь мог утвердить лишь мнение большинства Государственного Совета. Это также вытекает из того обстоятельства, что в "Журнал" Государственного Совета вписывалось только мнение большинства, а мнение меньшинства и какие-либо другие высказывания лишь прилагались к "Журналу" (п. 54). В этом отношении особенно важен п. 55 "Образования". Согласно этому параграфу, мнение меньшинства, которое представлялось царю достойным внимания, по его желанию, могло быть вновь представлено Государственному Совету для дальнейшего рассмотрения. Таким образом, по-видимому, исключалось подтверждение мнения меньшинства, то есть превращение в закон законопроекта, представленного не большинством, а меньшинством Государственного Совета.

Возникновение Государственного Совета означает, таким образом, создание учреждения, состоявшего из назначенных, а не избранных лиц и располагавшего совещательными функциями в области разработки законопроектов. Без сомнения, Государственный Совет имел возможность влиять на законодательство. Это являлось известной гарантией связи новых законов с определенными правовыми принципами. Следовательно, создание Государственного Совета на самом деле было вкладом в дело обеспечения правового порядка и соблюдения права в государственной жизни. Надо признать и то, что его создание соответствовало если не букве, то во всяком случае духу замыслов Сперанского и явилось

дальнейшим шагом России на пути к осуществлению либеральных принципов и укреплению правового порядка.

Мы отклонились бы от темы данной работы, если бы подробно занялись историей Государственного Совета, тем более, что вследствие позже изданных законов, касавшихся самого Государственного Совета, его полномочия все больше и больше ограничивались. Таким образом, дальнейшее законодательство не представляло собой развития, а напротив, явилось ограничением либеральных принципов, которые Сперанский попытался воплотить в Манифесте и в Образовании от 1 января 1810 года. Так например, устав Государственного Совета, изданный в 1842 году, постановлял, что царь может утвердить не только мнение большинства, но и мнение меньшинства и даже может принять решение, которое не соответствует всем высказанным в Государственном Совете мнениям[7] (статьи 112 и 116). Кроме того, все более широко внедрялась практика, по которой царь именно в тех случаях, когда можно было предвидеть оппозицию Государственного Совета, издавал указ, основанный на личных докладах отдельных министров или на информации, представленной ему комитетом министров. А поскольку в абсолютной монархии граница между указом и законом всегда чрезвычайно неопределенна (ведь не только указы, но и законы основаны в конечном итоге на царской воле), то эти указы на самом деле представляли собой законы. Только это были законы, изданные без участия Государственного Совета, не принимая во внимание его мнение, и в менее торжественной форме, чем обычно.[8] Довольно сложный вопрос – определить, в какой мере законы давали возможность действовать подобным образом. Нельзя забывать, что не только статья 24 закона от 1842 года, но и п.30 закона от 1 января 1810 года может вполне рассматриваться именно как основа для такой практики. Интересно во всяком случае мнение Градовского, согласно которому эта практика была основана не на указанных мною статьях законов 1810 и 1842 гг., а на одном из указов, изданных в 50-е годы.

Склонность изготовлять некоторые законы, обходя при этом Государственный Совет, возникла из понимания, что мнения, высказанные Государственным Советом, и критика отдельных его членов по поводу предлагаемых тем или иным министром

законопроектов, пользуются уважением и имеют вес, который нельзя недооценивать. Такие мнения и такая критика, которые иногда, как свидетельствует Сперанский, выслушивались царем в Государственном Совете с большим терпением, – с одной стороны, основывались на авторитете специалистов, опытных старых государственных деятелей, бывших министров, губернаторов, сенаторов и так далее. С другой стороны, они часто представляли собой также выражение общественного мнения, точку зрения высшего слоя русского общества, к которому почти исключительно и принадлежали члены Государственного Совета. Во всяком случае, члены Государственного Совета были почти всегда людьми с большими связями в стране, в гвардейских полках, при дворе и голос их не оставался в обществе без внимания. К тому же очень часто это были крупные личности с чрезвычайно независимым характером, которые нисколько не стеснялись даже в присутствии царя высказываться вполне открыто против его планов, а тем менее стеснялись они нападать на министров.[9]

Как уже было сказано, я не могу рассматривать здесь развитие законодательства о Государственном Совете; однако, важно упомянуть, что Государственный Совет часто очень энергично настаивал на том, чтобы полномочия его принимались во внимание и соблюдались, так что с ходом времени возникла некоторая традиция, соответствующая тем идеям, которые Сперанский вложил в Манифест от 1 января 1810 года. Стоит заметить, что традиция эта продолжала действовать и впоследствии, когда новые законы не представляли больше основы для ее существования, и тогда Государственный Совет неоднократно пытался стать на защиту именно этой традиции. В своих воспоминаниях барон Корф рассказывает, что председатель Государственного Совета князь Васильчиков энергично настаивал на том, чтобы все законопроекты были представлены Государственному Совету. В 40-е годы Блудов предложил мероприятие, направленное на сокращение числа дворовых людей. Разработка текста указа для проведения этих мероприятий поручена была министру юстиции Блудову и председателю Государственного Совета Васильчикову. После того, как было закончено подготовление проекта, Николай I хотел немедленно его подписать и там самым указ вступил бы в силу. Василь-

чиков возразил на это, что проект предварительно должен быть представлен Государственному Совету; за этим последовал долгий спор между князем и царем. Основная тема спора ясна из следующих слов царя и ответа Васильчикова. Николай I спросил: "Да неужели же когда сам я признаю какую-нибудь вещь полезною и благодетельною, мне непременно надо спрашивать на нее сперва согласие Совета?" На это Васильчиков отвечал: "Не согласие, но мнение непременно, потому что Совет для этого и существует, или надо его уничтожить, или охранять тот закон, который сами Вы для него издали".[10] Николай I не сразу уступил; он велел создать комитет из 12 лиц, который должен был проверить проект указа о дворовых людях, а также высказаться по вопросу о том, должен ли этот проект быть представлен Государственному Совету. Только после того, как комитет высказался по этому вопросу положительно, заявив, что необходимо представить проект Государственному Совету, Николай распорядился, чтобы это было выполнено, и проект был представлен общему собранию Государственного Совета. Корф рассказывает также, что в другом случае в 1839 году Васильчиков помешал министру финансов Канкрину получить от царя утверждение проекта указа, который отвергнут был Государственным Советом. В этом случае, однако, успех его оказался лишь частичным. Проект был снова представлен Государственному Совету, но царь после этого приказал прямо Государственному Совету принять компромиссное предложение, разработанное Канкриным, без возражений, как собственную его царскую волю.[11] Интересно, что Канкрин тут разыгрывал роль защитника принципа самодержавия и что он с возмущением говорил о том, что из Государственного Совета хотят сделать нечто вроде "камеры" и "места соцарствующего".

Как уже было сказано, по постановлению закона 1842 года царь мог утвердить законопроект министра даже в том случае, когда и большинство и меньшинство Государственного Совета высказались против него. Однако, хотя по закону и существовала такая возможность, случаи такого рода оставались очень редки. Цари подтверждали лишь очень неохотно даже мнение меньшинства и только в тех случаях, когда они считали это совершенно необходимым. Об одном случае, в котором царь не присоединил-

ся ни к одному из высказанных в Государственном Совете мнений и о вызванной этим в Совете реакции рассказывает в своих воспоминаниях князь Мещерский. Речь идет об утверждении законопроекта министра внутренних дел Толстого о "земских начальниках" в 1889 году. Разница между мнением большинства и мнением меньшинства состояла в том, что меньшинство в общем принимало законопроект, который большинство принципиально отклоняло, но при этом меньшинство настаивало на том, что наряду с должностью земских начальников, которая должна была возникнуть вследствие этого нового закона, надо было сохранить и должность мирового судьи. По мнению меньшинства, земские начальники должны были быть просто и только административными чиновниками без всяких судебных полномочий. Тем самым предполагалось сохранить принцип разделения власти, а этому придавало значение не только большинство, а и меньшинство Государственного Совета. Позиция Государственного Совета сильно встревожила сторонников первоначального проекта, подготовленного Пазухиным. Они никак не могли согласиться на то, что новый закон таким образом создает функцию начальника, который не располагает традиционной патриархальной властью и поэтому никак не может стать как бы попечителем крестьян, а по сути дела будет лишь просто полицейским чиновником. Князю Мещерскому, считавшему проект Пазухина продуктом подлинной государственной мудрости, удалось с помощью своих больших связей представить царю докладную записку, которую сам он получил от консерватора сенатора Татищева и авторы которой хотели остаться неизвестными. В этой записке царю рекомендовали утвердить проект без всяких изменений. Под влиянием этой докладной записки Александр III и в самом деле написал на поданной ему Государственным Советом "мемории" резолюцию в том смысле, что он согласен с мнением меньшинства Государственного Совета, однако с некоторыми изменениями.[12] Эти изменения и означали полное восстановление первоначального проекта министра Толстого и устранение всех тех изменений, которые появились вследствие компромисса между меньшинством Государственного Совета и министром Толстым. На основании царской резолюции прежде всего упразднялась должность мирового судьи, а ведь именно

сохранение этой должности и было основным требованием Государственного Совета. Резолюция вызвала большое волнение среди членов Совета. Мещерский пишет: "Весь сановный Петербург заволновался, точно революция какая-то совершилась... Государственный секретарь Половцов, с дрожью в голосе, читает общему собранию Государственного Совета резолюцию государя..." Почти все члены Государственного Совета были убеждены в том, что эта резолюция представляла собой нечто неслыханное и беспрецедентное, что "впервые государь уклонился от обычая утверждать одно из мнений Государственного Совета без изменений".[13] Это убеждение было настолько общим и сильным, что государственный секретарь Половцов счел своим долгом сделать представление царю и указать на то, что среди членов Государственного Совета господствует большое смятение, потому что до сих пор никогда еще не было случая, "чтобы государь мнение Государственного Совета заменял своим".[14] В ответ на это Александр III спросил Половцова, есть ли закон, запрещающий царю изменить мнение Государственного Совета. Государственный секретарь отвечал, что такого закона нет, но что существует такое "предание". После этого ответа Александр III попросил Половцова вернуться на следующий день, чтобы обсудить эту проблему в присутствии Толстого. Когда Толстой и Половцов приняты были царем на другой день, Александр спросил Толстого, обосновано ли мнение Половцова о том, что он своей резолюцией нарушил "незыблемое предание". Толстой привел три случая из истории Государственного Совета, это успокоило совесть Александра, и он отпустил Половцова со словами: "Извольте видеть, я был прав". Этот случай показывает, однако, что существовала действительно традиция, предание, хоть и не "незыблемое", однако, вполне прочное, согласно которому цари почти никогда не отклоняли оба высказанные в общем собрании Государственного Совета мнения и также очень редко их серьезно изменяли. Эта традиция была настолько прочной, что члены Государственного Совета (за редким исключением) и сам государственный секретарь, который в общем должен был особенно хорошо быть осведомленным о таких проблемах, не могли вспомнить случаев, которые бы представляли отклонение от такой традиции.[15]

*

* *

В записке Сперанского от 1809 года, которую мы только что проанализировали, его конституционные планы достигли своего апогея. Ни до этого, ни после он не высказывался так решительно и определенно за конституционализм. Но и здесь не было достаточной ясности по отношению к конституционному принципу разделения власти, и поэтому чрезвычайно важно понять, каковы были мнения Сперанского, высказанные им как в предыдущих, так и в последующих его произведениях. Мы можем найти здесь некоторые данные, которые помогут нам понять, прав ли Карамзин в своем убеждении, что система Сперанского придает царской власти лишь значение одной из властей, а именно высшего носителя исполнительной власти, и что другие органы власти, и прежде всего власть законодательная, принадлежащая народному представительству, являются как бы противовесом и ограничением власти монарха. Мы сможем понять, таким образом, представляет ли собой такое толкование "низкую попытку клеветы", как писал сам Сперанский в письме, посланном из Перми, в котором он пытался себя оправдать.[16] Конечно, нельзя ответить с полной определенностью на этот вопрос на основании того плана Сперанского, который мы только что рассматривали. С одной стороны, Сперанский действительно говорит о том, что все власти находят свое высшее выражение в лице монарха и от него исходят, с другой – отношения между монархом и законодательными органами не полностью выяснены. Иногда создается даже впечатление, что такая неясность нарочита и должна служить тому, чтобы как-то завуалировать существующую практическую возможность связать волю монарха решениями законодательных органов. Все это строение становится еще менее обозримым, если принять во внимание, что по плану Сперанского Государственный Совет не представляет собой исключительно законодательный орган, а должен являться как бы высшим органом над всеми тремя ветвями власти, причем над ним стоит только монарх. Поэтому необходимо рассмотреть более ранние и более поздние писания Сперанского, в первую оче-

редь, его статью "Об организации судебных и административных органов в России" (1803), а также статью "К познанию законов" (1838), представляющую собой теоретическое правовое вступление к изучению законов. Уже в первой статье, то есть в 1803 году, Сперанский в полном соответствии с духом либерализма определяет как подлинную цель общественного существования безопасность личности и имущества, которое гарантировано, если созданный законами порядок не нарушается (стр. 3). Такая цель достигается "правильной" монархией.[17]

Сперанский объясняет дальше, что для того чтобы понять, какие мероприятия можно принимать и какие реформы надо прежде всего проводить в России, необходимо начать с описания основных черт правильной монархии, затем изучить существующий в данный момент в России государственный порядок и, наконец, показать, в какой мере этот порядок отклоняется от правильной монархии (стр. 2). Затем надо показать, что введение правильной монархии в России при данных условиях невозможно; одновременно, однако, надо еще объяснить, каким образом можно было бы преобразовать российское правительство для того, чтобы по мере возможности, то есть в той степени, в какой это можно сделать без разрушения существующего порядка, сделать его соответствующим требованиям, истекающим из сущности правильной монархии (стр. 2).

Сперанский говорит, что Россия – это самодержавное государство. На первый взгляд самодержавие представляется чрезвычайно простой государственной формой. Последний и высший принцип власти – это самодержец. В его лице объединяется власть законодательная, исполнительная и судебная (стр. 32). Он – единственный законодатель, судья и исполнитель своих собственных законов. И тем самым как будто и исчерпывается суть самодержавия. Однако, совсем не бесспорно, что это первое впечатление остается в силе при ближайшем рассмотрении, особенно когда речь идет о российском государстве (стр. 31). Власти самодержца действительно не поставлено никаких "вещественных пределов", однако, есть для нее "умственные границы", созданные "мнениями" и привычным образом применения власти. А из этого, в свою очередь, следует, что власть применяется всегда с одинаковой

правильностью и при соблюдении определенных общепринятых форм. Такое ограничение самодержавной власти традициями и обычным правом, по мнению Сперанского, имеет очень большое значение. Он ссылается на Хьюма, который считает, что прочность английской конституции, в первую очередь, основана на традициях и на определенном духовном складе народа (стр. 32, прим. 2). И не только в Англии, а и вообще, такие традиции и обычное право представляют собой основу и даже сущность всех конституций. Сперанский пишет: "То, что называется государственным законом или конституцией, не есть закон писанный, но закон вещественный, не на бумаге, но в действии самом существующий. Он не столько состоит в установлениях государственных, сколько в вещественном разделении сил его на все состояния. Он поддерживается не столько видимыми сословиями,[18] сколько навыками и духом народным; это есть физическое сложение, темперамент политического тела" (стр. 28, прим. 1).[19] Именно принимая во внимание такой подход Сперанского и то значение, которое он придает традиции, связывающей и ограничивающей монарха даже при самодержавном строе, и можно объяснить, почему Сперанский придерживается мнения, что государственная система в России должна быть преобразована только в той мере, в какой это не поведет к разрушению существующего порядка. Ведь к сути этого порядка принадлежат в первую очередь именно вышеуказанные традиции. Но не только из одного существования традиции вытекает серьезное отличие от примитивной самодержавной государственной формы. Сперанский говорит, что в России есть целый ряд институтов, которые можно считать элементами, взятыми взаймы самодержавием у правильной, то есть конституционной монархии. К таким институтам принадлежат например Непременный Совет, Сенат, Комитет и Министерство (стр. 31). Конечно, в том виде, в каком они существуют в России, это учреждения не могут иметь конституционного значения. Однако, они представляют собой в известной мере как бы зародыши конституционного порядка внутри самодержавной государственной формы, и их существование свидетельствует о дальнейшем развитии и дифференцировании именно этой государственной формы.

Сперанский считает, что на основе этих данных ясно направление всех дальнейших реформ. Речь может идти только о том, чтобы устроить эти государственные учреждения таким образом, чтобы они постепенно, но последовательно и все больше принимали характер подлинных конституционных институтов. Сперанский пишет: "Образ управления /в России/ ... должен быть весь расположен на настоящей самодержавной конституции государства без всякого раздела власти... но он должен содержать в себе различные установления, которые бы, постепенно раскрываясь, приготовили истинное монархическое управление и приспособляли бы к нему дух народный" (стр. 35). Следовательно, говорит Сперанский, необходимо, хотя обе власти и остаются объединенными в лице монарха, переходить к разделению законодательных функций от функций исполнительных (стр. 39). С этой целью Сенат должен быть разделен на два учреждения, то есть законодательный сенат и исполнительный сенат. Последний надо опять-таки разделить на сенат судебный и сенат административный (стр. 40). Таким образом, будет осуществляться приближение к тому состоянию, которое характерно для правильной монархии, где администрация есть не что иное, как применение и осуществление законов (стр. 18), а исполнительная власть обязана отчитываться пред властью законодательной (стр. 22). Это одна из самых важных причин, которые делают необходимым, чтобы законодательные учреждения были независимы от власти исполнительной и вообще занимали в государстве чрезвычайно высокий ранг (стр. 24). Дальше, в первом проекте этой статьи было написано: "Все состояния государства быв свободны, участвуют в известной мере во власти" (стр. 28). Однако сам Сперанский потом вычеркнул эту фразу. По его тогдашнему пониманию, законодательное учреждение могло состоять из лиц, назначенных монархом (стр. 41), поскольку решающим обстоятельством является не способ, каким то или иное лицо становится членом законодательного собрания, а подлинная независимость самого собрания от власти исполнительной. Вследствие такой независимости создание законодательного института такого рода является первым шагом на пути от деспотического строя к правильной монархии (стр. 25).

Дальнейшая действенная гарантия от нарушения законов ис-

полнительной властью, это – развитие общественного мнения. Сперанский считает, что надо "сохранить и усилить народное мнение, власть сию ограничивающее не в существе ее, но в форме ее действия" (стр. 35, см. также стр. 46). Он думает, что такое народное мнение может существовать и при самодержавном строе. Если это так, то тут мы находим важное различие между абсолютной монархией и современными тоталитарными государствами, которые не только подавляют общественное мнение, а организуют, то есть фальсифицируют, и на самом деле просто убивают его.

Чтобы выполнить требование о том, что исполнительная власть должна заниматься только применением и осуществлением законов, необходимо усовершенствование гражданских и уголовных законов. Сперанский считает, что при данных условиях вряд ли возможно выполнить это требование (стр. 35). Он пишет: "Не только в России, но и нигде в Европе нет еще правильной теории ни гражданского, ни уголовного закона... Юрисконсульты спорят еще и поныне о самом понятии... о самых первых началах сего знания" (стр. 35). Но поскольку "... никогда в Европе не занимались сею наукою с таким вниманием, как ныне... можно с некоторою основательностью предполагать, что мы стоим при самом рождении лучшей теории гражданских и уголовных законов... настоящее положение России дает ей всю удобность ожидать сего превращения; если бы и существовала в Европе система добрых законов в сей части, она не могла бы у нас скоро приведена быть в действие..." (стр. 36). Мне кажется, что это место чрезвычайно важно. По-моему, оно доказывает, что Сперанский прежде всего думал о том, чтобы в широких размерах принять западно-европейское право. Во всяком случае, место это доказывает, что Сперанский считал необходимым пользоваться результатами научной работы западноевропейских юристов для систематизации и дальнейшего развития русского права. Но поскольку, по мнению Сперанского, невозможно было сразу приступить к решению этой задачи и надо было ограничиться пока приведением в порядок существующих законов (стр. 47), нужно прежде всего заняться улучшениями в области полиции и экономики, а такие улучшения неизбежно повлекут за собой известные улучшения в области судопроизводства.

Скромность такой программы объясняется тем, что Сперанский отвергает радикальные реформы, разрушающие те правовые и этические традиции, которые существуют в абсолютной монархии. Он отвергает их уже потому, что, по его мнению, реформы, не опирающиеся на "содействие времени" и на "постепенное движение всех вещей к совершенству" (стр. 33 и далее), не имеют никаких шансов на успех. Сперанский дальше подчеркивает, что в России нет первых элементов, необходимых для создания правильной монархии, то есть конституционного государства. Переход к конституционным формам, по мнению Сперанского, остается в России по-видимому невозможным до тех пор, пока половина населения находится в состоянии полного рабства, пока основные законы и право вообще не упорядочены, пока законодательная власть не отделена от власти исполнительной, пока не существует независимого законодательного института, опирающегося на общественное мнение и пока недостаточный уровень образования мешает возникновению общественного мнения (стр. 34).

В книге "Руководство к познанию законов" Сперанский прежде всего дает как бы эскиз своих философских и правовых взглядов в той форме, какую они приняли к концу его жизни.

Он говорит, что совесть является основой нравственного порядка (стр. 12 и 17). Совесть всегда "правдива". Она никогда не может назвать плохим то, что признается хорошим, и наоборот, найти хорошим то, что признается плохим. Поэтому суждение совести это – "правда" (стр. 14). Однако, совесть вместе с разумом может ошибаться (стр. 14). Разум может ввести ее в заблуждение в распознавании добра и зла, прежде всего путем намеренного искания полезного (стр. 19). Поэтому совесть должна опираться на две силы и у них получать подкрепление: первая из этих двух сил – религия, вторая – "общежительное законодательство" (стр.21). Таким образом, значит, нужно отличать законы совести от общежительных законов, то есть тех законов, которые издает власть (стр. 24 и далее). Главное различие между этими двумя видами состоит в том, что законы совести касаются и внутренних движений воли, в то время как общежительные законы, изданные властью, касаются лишь внешних действий в общественной жизни (стр. 30). Помимо этого, и те и другие имеют одну цель и одно

содержание; все они указывают на "правду и долг" (стр. 29 и далее). Между ними не может быть контраста, поскольку "общежительный порядок и есть порядок нравственный" (стр. 39), а "справедливость" есть не что иное, как правда в ее общественном или социальном аспекте (стр. 38). "Цель общежития есть утвердить между людьми нравственный порядок", – пишет Сперанский и даже говорит, что общежитие есть преддверие вечности и что на этой ступени человек должен быть воспитан и подготовлен к вечной жизни (стр. 26). Поэтому "законы общежительные" не действительны, когда они противны законам естественным. "Они по самому существу их не что иное должны быть, как приложение законов естественных, приложение, укрепленное действием верховной власти..." (стр. 39 и далее).

Сперанский продолжает: "Четыре рода установлений в составе общежития необходимы" (стр. 27): первое – свобода личности; второе – частная собственность; третье – власть; четвертое – институты духовной жизни (религия, науки, искусства). Развитие социальной жизни состоит в укреплении и расширении этих институтов (стр. 32). Основные законы определяют, кто в государстве является носителем верховной власти, кроме того, они определяют нормы, согласно которым этот носитель верховной власти в государстве выполняет свои правительственные и законодательные функции (стр. 48). По статье I Российских основных законов 1832 года, российский император – самодержец, неограниченный монарх (стр. 49), то есть верховная власть принадлежит исключительно ему одному. Слово "самодержец" прежде всего указывает на внешнеполитический суверенитет, но оно также говорит о том, что все государственные полномочия и все элементы государственной власти во всей их полноте и нераздельности принадлежат монарху (стр. 50). Неограниченность власти означает, что верховной власти российского самодержца не может поставить пределов и границ никакая другая земная власть, что самодержец никогда не может быть поставлен перед земным судом. Однако, разумеется, что самодержец подчиняется суду Господнему и суду своей собственной совести. Поэтому он должен уважать и считать священными те границы своей власти, которые он сам поставил в международных отношениях путем подписанных им договоров,

а внутри государства путем своего согласия на них (стр. 56 и далее). Вообще неограниченное самодержавие ни в коем случае не означает ничем не ограниченного произвола.

Уже из приведенных выше слов Сперанского очевидно, что целью действий носителя верховной власти должна быть забота об осуществлении законов естественного права, то есть требований созданного Богом нравственного порядка (стр. 39 и далее). Эта мысль выражается еще яснее в следующей фразе: "Верховная власть установлена к защите правды, в содействие совести. Без верховной власти ни собственность личная, ни собственность имущества существовать не могут" (стр. 29).

В этой фразе Сперанский таким образом объявляет принципом абсолютной монархии принцип либерализма, то есть защиту свободы личности и частной собственности. Таким образом мы видим, что и в произведении "К познанию законов", где Сперанский говорит уже только об абсолютной монархии, он тем не менее продолжает поддерживать программу либерализма или либерального абсолютизма. В основном это возврат к либеральному абсолютизму екатерининского Наказа, где, как мы уже видели, речь идет о гражданской, а не о политической свободе.

Сперанский отказывается полностью от своего прежнего убеждения в том, что политическая свобода представляет собой необходимую гарантию для свободы гражданской. Он говорит теперь, что гражданская свобода может быть вполне достаточно обеспечена, если она установлена ясными и прочными законами, а также если у нее есть прочные корни в навыках и традициях народа (стр. 119). Таким образом обеспечивается также благосостояние народа. Далее Сперанский теперь утверждает, что политическая свобода важна только для аристократии и вообще для высших слоев общества и что она служит только гарантией их привилегий (стр. 116). Но поскольку, – продолжает Сперанский, – государство не может ставить себе целью защиту материальных преимуществ отдельных сословий и сосредоточение больших богатств в руках одного сословия, подлинной целью государства должна быть не политическая свобода, а государство должно стремиться к тому, чтобы вести весь народ к добру и нравственному

совершенству, и поставить под защиту закону работу и собственность всех в одинаковой мере (стр. 117 и далее).

Поэтому, говорит Сперанский, аристократическая палата не может служить интересам народа, но также не может им служить и палата, возникшая из всеобщих выборов, она не может принести народу счастья, потому что это означало бы власть "черни" (стр. 117). Интересно, что тут Сперанский отказывается от своего прежнего мнения, что лучший результат и лучший состав палат может быть достигнут, если поставить в основу избирательного права известные имущественно-цензовые начала. "Не странно ли, – пишет он, – думать, что тот, у кого доход 500 франков, обязательно будет больше любить свою родину, больше заботиться о пользе народа, и вообще будет лучшим законодателем, чем тот, доход которого всего 400 франков?" (стр. 118) То обстоятельство, что Сперанский говорит здесь о франках, доказывает, что он при этом думает о Франции, а именно о монархии 1830-1848 гг.

Значительно и интересно, что такие глубоко различные писатели, писавшие в разные времена, как например, Иван IV, Сперанский и многочисленные представители современного тоталитаризма, при защите политического абсолютизма использовали те же антиаристократические или в наше время антибуржуазные доводы. Таким образом, абсолютизм и концентрация всей власти в руках монарха, по мнению Сперанского, – лучшая гарантия свободы народа, во всяком случае той свободы, которая ему действительно нужна, то есть свободы гражданской. Теперь мы опять должны вспомнить о наполеоновской фразе: "Свобода – это хороший гражданский свод законов". А ведь уже Юстиниан доказал, что и абсолютный монарх может издать хороший свод гражданских законов. Разумеется, однако, что есть известные условия, при которых – и только при них – может осуществляться в абсолютистском государстве гражданская свобода. Во-первых, необходимо строжайшее соблюдение правил, согласно которым верховная государственная власть выполняет свои функции. Во-вторых, гражданские законы и вообще все существующее право должно быть точно сформулировано и систематизировано.

Таким образом в последнем произведении Сперанского объединяются два момента: идеальная цель православного государ-

ства, а именно, направлять народ к нравственно доброму (стр. 116), и основной принцип либерализма, то есть поставить государство на службу защиты личной свободы и частной собственности. Чрезвычайно многозначительно, что Сперанский в отличие от многих русских политических мыслителей позднейших поколений, не только не видит никакого контраста между этими идеалами и не воспринимает их как несовместимые, а напротив, совершенно убежден в том, что развитие доброго в христианском смысле этого слова в обществе возможно только тогда и в той мере, в какой в государственной жизни соблюдаются принципы либерального правового порядка, то есть когда личность и собственность отдельных лиц рассматриваются государственной властью как нечто священное и неприкосновенное.

Сперанскому совершенно чуждо злополучное, введенное славянофилами противопоставление внутренней нравственной "правды" и формального внешнего "права". Это противопоставление мы находим уже в споре между Гоголем и Белинским, хотя сами эти выражения здесь не встречаются или не подчеркивается, во всяком случае, их противоположность.

Соверешнно неправильно считать, что Сперанский принял таким образом идеалы православного государства просто вследствие изменения политических обстоятельств и что это было с его стороны вынужденным изменением. Во-первых, как мы уже видели, он с самого начала, уже в первых своих произведениях, придавал большое значение и большую ценность политическим и этическим традициям жизни государства. А политические традиции России все уходят корнями в идеал православного государства, все они были почти исключительно связаны с идеальными представлениями о православном самодержавии. Во-вторых, Сперанский был всегда открытым, мыслящим, ищущим человеком. Неестественно было бы, если б на него не оказали никакого влияния консервативные идеи, распространявшиеся тогда как в России, так и на Западе. Но влияние этих идей и перелом во взглядах Сперанского в какой-то мере преувеличивались. В согласии с автором биографии Сперанского Корфом принято было противопоставлять старому радикалу Сперанскому какого-то нового консерватора Сперанского. Лишь впоследствии начали сомневаться в пра-

вильности такого подхода и стали вообще отрицать, что в мышлении Сперанского произошел какой-либо глубокий перелом. Тогда старались показать, что Сперанский продолжал оставаться и дальше сторонником радикальных реформ в либеральном смысле и что лишь обстоятельства заставляли его скрывать свои радикальные позиции.

Я считаю, что оба эти мнения содержат некоторые правильные элементы, но оба они должны быть, с одной стороны, ограничены, а с другой – дополнены. Прежде всего, мне кажется, что нельзя преувеличивать радикализм Сперанского даже до его ссылки в 1812 году. И в то время, когда Сперанский подготовлял либеральные планы реформ для Александра I, в мышлении его были и консервативные элементы, а особенно было у него совершенно ясное понимание значения исторической действительности. Кроме того, Сперанский и к концу своей жизни не потерял веры в либеральные принципы. И теперь его идеалом не был идеал православного государства в том смысле, в каком его понимали во времена царя Алексея Михайловича или Петра Великого. Он мечтал о государстве, несомненно православном, но уже в значительной мере либерализированном, то есть о либеральном абсолютизме в том смысле, в каком говорила о нем Екатерина в своем Наказе. Поэтому я считаю, что неправильно видеть какой-то глубокий перелом в политическом мышлении Сперанского и не нужно переоценивать радикализм "старого" Сперанского. Однако нельзя отрицать, что с течением времени консервативные ноты в политическом мышлении Сперанского значительно усиливались. Какова же была причина такого изменения? Было ли это изменение последствием новых идей, было ли оно вызвано влиянием консервативных течений и впечатлением от крушения революционной Франции и от прихода к власти Наполеона (который тогда воспринимался, как нечто прочное и окончательное), а может быть это изменение произошло потому, что Сперанский вошел в контакт с провинциальной русской жизнью, которая так мало походила на жизнь в Петербурге, и этот опыт неизбежно должен был действовать охлаждающе на любого автора проектов реформ? Или было изменение действительно уступкой, последствием необходимости принимать во внимание новые политические обстоятельства?

По всей вероятности, все эти элементы были тут налицо. Как я уже говорил, я считаю неправильным расценивать поворот Сперанского к консервативным идеям как нечто полностью фиктивное или как чистый компромисс. Но надо, конечно, все же учесть, что тут вполне может быть элемент бюрократического приспособления к настроениям и понятиям, преобладавшим в высших "сферах".[20] Как раз в случае Сперанского чрезвычайно трудно сказать, каково соотношение между одним и другим элементом. Трудно назвать иного человека, который так неохотно открывался бы другим людям и который так заботливо скрывал бы свой внутренний мир от любого чужого взгляда.

Кроме того, Сперанский вообще сравнительно мало интересовался чистыми идеями, их теоретическим обоснованием и общественной прововедью. Весь интерес его направлен был на практическое осуществление тех принципов, которые он считал правильными. Поэтому он сосредотачивал все свое внимание на тех требованих либерализма, которые представлялись ему осуществимыми при данных обстоятельствах. И поэтому содержание и характер его доводов часто зависят от того лица, к которому он в данном случае обращается. Интересно, что эти отличительные черты Сперанского заставили многих отказывать ему в подлинно творческом таланте. Уже в сороковых годах некто Староверов в письме Погодину протестовал против того, что Сперанского причисляют к крупным русским государственным деятелям: "Ради Бога, – восклицает он, – те творили – Сперанский сводил".[21] Богослов о. Георгий Флоровский высказывается в том же духе: "При всей смелости логического мышления у Сперанского не было самостоятельных идей. Его ясный разум не был глубок, Сперанский не был мыслителем".[22] Мне кажется, что такое суждение односторонне, хотя отчасти и правильно. Ведь существуют виды практической деятельности, которые построены на творческой систематизации и творческих формах. Если признать это, то надо преклониться перед творческой силой Сперанского.

Консервативные идеи нахлынули на Сперанского со всех сторон совершенно так же, как и на императора Александра. В России их с большим блеском представлял Карамзин. Давно уж было замечено, что идеи Карамзина лежат в основе программы прове-

денной Сперанским кодификации законов.[23] Однако, насколько мне известно, никто еще не указывал на то, что и вообще идеи Сперанского, выраженные в последнем его произведении, которое мы только что проанализировали, в основном соответствуют идеям Карамзина и даже могут быть названы их отражением. При этом мне кажется совершенно точным, что Сперанский в этом своем произведении ("К познанию законов") присвоил себе идеал либерального абсолютизма именно в том виде, в каком его себе представлял Карамзин. Эта тенденция подчеркивает значение Карамзина в российской политической истории.

Если я назвал идеал Карамзина либеральным абсолютизмом, то этим я ни в коей мере не отклоняюсь от традиционной концепции, согласно которой Карамзин был консерватором и даже в высшей степени реакционным человеком, враждебно относившимся ко всяким либеральным тенденциям. Поэтому это утверждение с моей стороны требует дальнейшего пояснения.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 3

1. Я использовал издание В.Семевского.
2. Ориу в своем произведении "Принципы общественного права" подробно показал, что в этом и состоит суть конституционного строя.
3. Эту мысль, только в несколько иной форме, мы находим и в докладе от 1 мая 1804 года Законодательной Комиссии, во главе которой стояли Лопухин и Новосильцев (стр. 20): "Эти основные юридические принципы в большинстве случаев перечислены в Наказе Екатерины... они рассыпаны по другим указам... которые утверждены самодержавной властью российского монарха и освящены временем, т.е. тем судьей, который выносит беспристрастный приговор о полезности или вредности законов".
4. Сперанский. Дружеские письма к Масальскому. Пб, 1862, стр. 34.
5. Однако опасность эта признавалась уже раньше, одними на основании анализа социалистических идей и социалистической программы еще до попыток осуществить социалистические принципы на практике (Чичерин, Ориу); другими под впечатлением антилиберального законодательства девяностых годов в России (Струве. На разные темы. Пб, 1902, стр. 522-525; статья "Право и права", напечатанная в журнале "Право" за 1901 год).
6. В 1810 году назначено было 35 членов Государственного Совета; в 1890 году Государственный Совет состоял из 60 членов.
7. Соответственно старая формула, выше мною приведенная, о подтверждении царем решений Государственного Совета не была включена в закон от 1842 года, а заменена была другими соотвествующими формулами.
8. Так, Витте рассказывает, что это произошло, когда должны были быть изданы антиеврейские указы министра внутренних дел Плеве: "Законодатели... знали, что Государственный Совет (старый, составленный исключительно, по ныне модному выражению, из бюрократов) или большинством выскажется против, или спустит представление в песок, или по меньшей мере наговорит много неприятных мыслей для министров, внесших проект новых стеснений евреев. Поэтому в Государственный Совет, как бы то по закону следовало, таких законов не вносили, а проводили их через Комитет Министров, а если и тут опасались возражений, то через Особые Совещания или просто всеподданнейшими докладами". Витте. Воспоминания, т. 1, Берлин, 1923, стр. 189.
9. Совершенно невообразимо, чтобы с этими людьми можно было орга-

низовать единогласно всегда одобряющие голосования тоталитарных "парламентов". К тому же надо сказать, что и цари вряд ли заинтересованы были бы в таких голосованиях. На самом деле их интересовало профессиональное мнение опытных государственных деятелей и высоких административных чиновников, а ни в коей мере не согласие или одобрение их. Законный абсолютный монарх легко мог обходиться без этого одобрения в стране без либеральных традиций и без развитого общественного мнения. Организованные и неискренние овации были бы эмоционально противны большинству, а пожалуй и всем российским царям XIX века, как мы их знаем.

10. М. Корф. Мемуары. Русская старина, 1899, стр. 280 и далее. См. также: Кизеветтер. Исторические очерки. М., 1912, стр. 451 и далее.
11. Корф, там же, стр. 19 и далее.
12. Мещерский. Воспоминания, том 3, Пб, 1912, стр. 288.
13. Мещерский, там же, стр. 289.
14. Мещерский, там же, стр. 289.
15. Интересные данные о Государственном Совете до реформы 1906 года, так же как и о некоторых известных его членах мы находим у В.И. Гурко, Features and figures of the past. Government and opinion in the reign of Nicholas II. Stanford University Press 1939. Publ. N 14. Главы II и IX; глава III касается государственной канцелярии, тесно связанной с Государственным Советом.
16. См. в Письме из Перми. Отрывок о Государственном Совете.
17. Сперанский лишь редко употребляет выражение "правильная монархия" (например, на стр. 25); в большинстве случаев он говорит просто "монархия". При этом, однако, всегда ясно, что он имеет в виду именно правильную, т. е. конституционную монархию и рассматривает ее как противоположное деспотизму.
18. Ясно, что Сперанский употребляет выражение сословия не в смысле классов, а в смысле учреждений или институтов.
19. Весь этот отрывок был впоследствии Сперанским вычеркнут и поэтому в окончательной редакции его нет.
20. Поэт Вяземский называл Сперанского "великим чиновником".
21. Барсуков. Жизнь и труды Погодина, т. 10, Пб., 1896, стр. III.
22. Г. Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1937, стр. 139.
23. Письмо Староверова Погодину, см. у Барсукова, там же.

Глава 4

КАРАМЗИН

Карамзин как представитель либерального абсолютизма. – "Похвальное слово Екатерине". – Карамзин и крестьянский вопрос. – Традиционализм Карамзина. – Стихотворение об освобождении Европы. – Карамзин и декабристское восстание. – Значение этого восстания для развития России в либеральном направлении. – Последние годы царствования Александра I.

Предоставление Карамзину места в развитии либерализма в России противоречит всем традиционным представлениям. Однако его идеи, его общий духовный подход и даже его личность сыграли положительную роль в развитии России как раз в либеральном направлении. Прежде всего Карамзин делал очень многое для всеобщего духовного приближения России к европейскому Западу. Он старался всячески расширить те каналы, через которые могли проникнуть и действительно проникали в Россию либеральные идеи. Такое косвенное значение Карамзина в смысле подготовления либеральной эпохи в России вообще не оспаривается; часто даже существует готовность признать, что Карамзин как представитель сентиментального гуманизма поддерживал как бы кристаллизацию некоторых укорененных в гуманизме предпосылок либерального мышления. Но существует и другой аспект значения Карамзина для утверждения либеральных идей и для развития либеральных институтов в России, и как раз этот аспект часто оспаривается. Происходит это, с одной стороны, потому что Карамзин был решительным сторонником абсолютизма, что он думал об осуществлении либеральных принципов исключительно в

рамках абсолютной монархии, что он полностью и решительно отвергал конституционализм, то есть любую возможность ограничения абсолютной власти самодержца. С другой стороны, что может быть еще важнее, широко распространенное отрицание положительной роли Карамзина в либеральном развитии России вызвано и его скептическим подходом к вопросу об освобождении крестьян. Кроме того, принято считать несовместимым с требованиями либеральной идеологии его убежденную поддержку идей исторической школы, политического и правового традиционализма.

Мне однако кажется, что эти возражения не выдерживают критики. Я уже указывал в главе, посвященной императрице Екатерине, на то, что значительные элементы либеральной программы могут осуществляться и в рамках абсолютной монархии. В этом был убежден и Карамзин.[1] Так, надо признать, что Карамзин считал для абсолютной монархии возможным принять основные требования либерализма в качестве правительственной программы или даже в качестве основных принципов, на которых построено государство, при этом нисколько себе самой не повредив, и тем самым способствовал тому, чтобы направить русских монархов на путь либеральных реформ. И надо сказать, что, по мнению Карамзина, не только возможно, но и необходимо, чтобы абсолютная монархия усваивала принципы либеральной идеологии. Проведение в жизнь либеральных реформ и принятие либеральных методов управления государством являются требованием справедливости, а следовательно и требованием нравственным. Поэтому это требование — абсолютно связывающее для самодержца. По мнению Карамзина, абсолютная монархия остается подлинной монархией и не превращается в тиранический строй до тех пор, пока она опирается на повеления Божии и полностью соблюдает требования справедливости.

Констатируя это, мы затрагиваем как раз может быть самую важную сторону мировоззрения Карамзина. Как политического мыслителя, его можно понять и правильно осмыслить его подход к государственным и правовым проблемам только если не упустить из виду решающее значение, которое он придает нравственным принципам, этическим требованиям в государственной и

общественной жизни. Карамзин стоит за абсолютную монархию, за неограниченную власть монарха вовсе не потому, что он недостаточно ценит свободу или вообще настроен принципиально против свободы. Напротив, Карамзин повторяет[2] статью 13 Екатерининского Наказа: "Предмет "Самодержавия" есть не то, чтобы отнять у людей естественную свободу, но чтобы действия их направить к величайшему благу". Он убежден в том, что абсолютная монархия вырождается в тиранический строй реже, чем иные государственные формы. По его мнению, это исторически доказано. Он говорит, что в течение многих веков в России было только два тирана: Иван IV и Павел I. Напротив, попытка отменить традиционную монархию во Франции и перейти к республиканской государственной системе повела непосредственно к торжеству тиранических методов правления. И вообще, "что же другое представляет нам история республик? Видим ли на сем бурном море хотя единый мирный и счастливый остров? Мое сердце не менее других воспламеняется добродетелью великих республиканцев; но сколь кратковременны блестящие эпохи ее? Сколь часто именем свободы пользовалось тиранство, и великодушных друзей ее заключало в узы? Чье сердце не обливается кровью, воображая Мельтиада в темнице, Аристида, Фемистокла в изгнании, Сократа, Фокиона, пьющих смертную чашу, Катона-самоубийцу и Брута, в последнюю минуту жизни уже не верящего добродетели?"[3] Все это не случайность. Законный монарх должен быть в высшей степени связан нравственными требованиями.[4] И он ими связан, поскольку эти требования превратились в течение веков в прочные и глубоко укорененные традиции.

Для Карамзина именно эти традиции, а не формальные правовые постановления и внешнее государственное устройство – подлинная гарантия того, что в государстве будут преобладать право, справедливость и добро, и что подданные будут счастливы. Если монарх царствует добродетельно, в согласии с этими традициями, то он остается на правильном нравственном пути, на пути справедливости, и не только сам он, он и наследника своего он вынуждает идти по тому же пути..." "Наш Государь имеет только один верный способ обуздать своих наследников в злоупотреблении власти: да царствует благодетельно! Да приучит подданных ко

благу! Тогда родятся обычаи спасительные, правила, мысли народные, которые лучше всех бренных форм удержат будущих государей в пределах законной власти. Чем? Страхом возбудить всеобщую ненависть в случае противной системы царствования. Тиран может иногда безопасно господствовать после тирана, но после государя мудрого никогда!" (стр. 499). Так объясняются колебания Павла I. Карамзин продолжает: "Он хотел быть Иоанном IV, но Россияне уже имели Екатерину", и "время Екатерины было счастливейшее для гражданина российского". Павел I к "неизъяснимому удивлению Россиян начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти; считал нас не подданными, а рабами; казнил без вины, награждал без заслуг... умертвил в полках наших благородный дух воинский... и заменил его духом капральства... ежедневно вымышлял способы устрашать людей и сам всех более страшился; думал соорудить себе неприступный дворец, и соорудил гробницу!" (стр. 496).

Карамзин был решительно против формулы Сперанского, согласно которой надо "ставить закон над монархом". Монарх может быть связан только законом Божиим и велениями совести. Попытка подчинить монарха государственным законам может только "ослабить относительную власть царя" и повести к превращению монархии в аристократию. Право не имеет никакой ценности, если за ним не стоит сила. Следовательно, забота о ненарушимости законов, которым подчинен монарх, должна быть доверена Сенату или Государственному Совету, а это неизбежно поведет либо к тому, что высшая власть перейдет в руки этих аристократических учреждений, либо, а это еще хуже, к двойной власти и безжалостной борьбе между таким советом и монархом. Карамзин убежден, что это ведет к ослаблению правопорядка и к возникновению тиранических методов правления.

Он считает, что правильный путь для царствования Александра – это возврат к программе и методам Екатерины, которая очистила самодержавие "от примесей тиранства". Таким образом, дух рабства исчез по крайней мере в высших слоях (стр. 494). Возврат к системе Екатерины ни в коем случае не должен проводиться безоглядно. Карамзин был против насильственного возвра-

та вспять так же, как он был против насильственного прыжка вперед. Он не хотел реакции так же, как не хотел революции, "... старое показалось бы нам новостью ныне опасною: мы уже отвыкли от него... надобно искать средств, пригоднейших к настоящему" (стр. 527). Эти мысли Карамзин развивает в записке от 1811 года. Значит, он теперь считает невозможным радикальный возврат к системе правления и методам екатерининской эпохи. Тем не менее он продолжает решительно поддерживать программу либерального абсолютизма этого правительства, нашедшую выражение в екатерининском Наказе и которую сам он в 1802 году, то есть в самом начале царствования Александра, изложил в своем Историческом Похвальном слове Екатерине, полностью следуя самому Наказу. Не может быть никакого сомнения, что целью Похвального слова была не похвала Екатерине, а необходимость составить правительственную программу для Александра I. Поэтому нам здесь безразлично, действительно ли Екатерина совершила все то, за что ее хвалит Карамзин; для нас важно определить, что Карамзин считает достойным похвалы, то есть что он рекомендует как программу для молодого императора Александра. Нужно сказать, что свидетельство Карамзина о Екатерине имеет высокую историческую ценность, поскольку Карамзин совершенно не был придворным, а будучи современником, очень многое узнавал непосредственно и лично.

В программе этой мы находим все важные требования либерализма в той мере, в какой они совместимы с самодержавием.[5] Карамзин прежде всего подчеркивает, что Екатерина "уважала в подданном сан человека, нравственного существа, созданного для счастья в гражданской жизни" (стр. 29), иными словами, что в полном согласии с принципами либерализма она ставила на первый план человеческую личность. Он называет это "главным и столь новым для России благодеянием" (стр. 29). Далее Карамзин хвалит Екатерину за ее стремление смягчить уголовное право, гуманизировать наказание и запретить пытки. (Он указывает на статьи 81 – 91 и 193 – 198 Наказа, стр. 44 и далее). Он напоминает о том, что по воле Екатерины канула в забвение так называемая тайная канцелярия (стр. 30 и далее). Эту канцелярию основал царь Алексей Михайлович, а Петр Великий использовал ее как

орудие своего построенного на терроре правления. Официально отменил ее Александр I. Еще в другом месте Карамзин писал об этой канцелярии: "Я чувствую великие дела Петровы, и думаю: "счастливы предки наши, которые были их свидетелями!" Однако ж – не завидую их счастью! Гораздо веселее жить в то время, когда в Преображенском поливают землю не кровью, а водою для произведения овощей и салата!"[6] Карамзин дальше подчеркивает освобождающее влияние жалованных грамот от 1785 года, а также ценность указа от 19 февраля 1786 года, которыми запрещалось подданным называть себя рабами (стр. 76). Карамзин приветствует разделение судебной власти и власти административной, которое произошло вследствие учреждения губерний (стр. 63 и далее). Он считает чрезвычайно полезным предложение, которое содержится в статьях 21, 23, 24 Наказа, согласно которым Сенату предоставляются полномочия проверять соответствия новых законов с основными законами государства и докладывать по этому поводу монарху. Карамзин дальше говорит, что Екатерина совершенно права, указывая, что падение государства в большинстве случаев бывает вызвано тем, что "государи думают, что им надобно изъявлять власть свою не следованием порядку вещей, а переменою оного, и когда они собственные мечты уважают более законов" (стр. 55).[7] Карамзин подчеркивает заботу Екатерины о развитии торговли в России и пишет: "Она даровала ей /торговле/ все способы цвести и распространяться: Она даровала ей свободу" (стр. 34). Так например, отменены были все привилегии петербургского порта.

По мнению Карамзина, чрезвычайно желательно, чтобы согласно статьям 295, 296 и 261 Екатерининского Наказа, крестьянам было предоставлено право земельной собственности. "Главное же ободрение сельского трудолюбия есть, по словам Ея, право собственности" (стр. 49). Значит, Карамзин стоит за то, чтобы крестьяне стали собственниками земли. Однако он против освобождения крестьян. Он особенно ясно высказывается против него в "Письме сельского жителя"[8] в 1802 году, а в 1811 – в "Записке о древней и новой России".

Карамзин особенно подробно обсуждает проблему раскрепощения крестьян в первом из упомянутых выше произведений,

которое по-видимому носит автобиографический характер. Карамзин пишет здесь, что отдалившись от земли из-за службы и из-за путешествий и под влиянием духа филантропически настроенных авторов, а также под влиянием ненависти к любому злоупотреблению властью, он решил издали осчастливить своих крепостных. Он, правда, не освободил их, однако он предоставил им всю землю за выплату самого умеренного оброка. Он не назначил приказчика, поскольку приказчики часто хуже самых худших хозяев, и предложил крестьянам выбрать из своей среды старшину, который будет следить за порядком. Он заверил крестьян, что он будет им верным защитником от любого насилия.

Когда он после долгого промежутка времени вернулся в свою деревню, против всех своих ожиданий, он нашел всеобщее и крайнее обеднение. Для того чтобы найти объяснение этого, для него сначала совершенно непонятного факта, он призвал крестьян и велел объяснить, что по их мнению является причиной этого обеднения. Они сказали ему, что его отец всегда жил на земле и следил не только за своими полями, но и за своими крестьянами. Напротив, свобода, которую он сам дает крестьянам, стала для них бедой, поскольку она превратилась в свободу лентяйничать и напиваться. И ленивые стали по чрезвычайно дешевой цене отдавать полученные ими земли. Бедствие пьянства расширилось. Последнее время это бедствие в России вообще широко распространилось. Во многих деревнях есть трактиры, хотя к чести многих дворян надо сказать, что они отказываются от выгоды, которую приносит им трактир, и не позволяют устраивать на своих землях "храмы русского неопрятного Бахуса".

Такая информация, полученная от крестьян, заставила помещика вновь все изменить. Карамзин пишет: "Я возобновил господскую пашню, сделался самым усердным экономом, начал входить во все подробности, наделил бедных всем нужным для хозяйства, объявил войну ленивым, но войну не кровопролитную; вместе с ними, на полях, встречал и провожал солнце; хотел, чтобы они и для себя так же старательно трудились" (стр. 243). Карамзин говорит далее, что он позаботился и о гигиене в деревнях, таким образом крестьяне стали зажиточными, теперь у них есть зерно, лошади, скот и они чрезвычайно благодарны ему за это

изменение в своей судьбе. На самом деле он может с гордостью говорить об этом друзьям сельского хозяйства, так же как и друзьям человечества.

Иностранные путешественники, – говорит он дальше, – утверждают, что крестьяне потому мало работают, что господа всегда присваивают себе плоды их труда (стр. 244). Но это – чисто теоретическое соображение. На самом деле какой хозяин станет отнимать у своих крестьян землю, лошадей и другое имущество? (стр. 245). Напротив, говорит Карамзин, развитие сельского хозяйства, а тем самым и благополучия крестьян, имевшее место в последнее время, – полностью плод усилий помещиков. Это подтверждает тот факт, что у некрепостных крестьян поля обычно хуже обработаны, чем у крепостных. Хорошие хозяева, т. е. те, которые действительно заботятся о своих крестьянах и особенно об их образовании (т. е. выполняют постановление об основании сельских школ), – необходимы для благосостояния крестьян. Сознание, что дело обстоит именно так, должно быть для хозяев источником высшего удовлетворения. Как радостно, говорит он далее, сознавать, что "живу с истинною пользою для пятисот человек, вверенных мне судьбою" (стр. 251). И Карамзин заканчивает: "Главное право русского дворянина – быть помещиком, главная должность его – быть добрым помещиком; кто исполняет ее, тот служит отечеству как верный сын, тот служит монарху как верный подданный: ибо Александр желает счастья земледельцев" (стр. 252).

Карамзин против освобождения крестьян, но еще в большей степени – против освобождения дворян от их многочисленных обязанностей как помещиков. Это подтверждает его высказывание в "Записке о древней и новой России". Карамзин здесь высказывает убеждение в том, что положение раскрепощенных крестьян хуже, чем положение крепостных,[9] поскольку с освобождением отпадают все обязанности господ заботиться о бедных среди крестьян, а все освобожденные крестьяне превращаются в лишенных всякой собственности наемных земледельцев (ведь земля, без всякого сомнения, остается собственностью помещика), и у помещика нет никаких нравственных обязанностей по отношению

к этим раскрепощенным крестьянам, которых он таким образом может считать предметом эксплуатации, ибо на место помещика, как представитель администрации в деревне, становится исправник, как правило, грубый, необразованный и часто подкупной человек, а патриархальный суд обычно образованного и великодушного помещика заменяется судом необразованных, и тоже часто подкупных провинциальных судей. В общем, отмена обязанностей помещиков означает бюрократизацию всего местного управления.[10] А это плохо отразится не только на самих помещиках и крестьянах, но и на государстве. Карамзин пишет: "отняв у них /т. е. у помещиков/ сию власть блюстительную, он как Атлас возьмет себе Россию на рамена... Удержит ли? Падение страшно" (стр. 513). Кроме того, освобождение крестьян было бы в противоречии с народными привычками. "Не знаю, – пишет Карамзин, – хорошо ли сделал Годунов, отняв у крестьян свободу (тогдашние обстоятельства не совершенно известны), но знаю, что теперь им неудобно возвратить оную. Тогда они имели навык людей вольных, ныне имеют навык рабов" (стр. 513).

Это мнение Карамзина с точки зрения исторической нельзя просто отвергнуть. На самом деле воспитание и весь образ жизни крепостных не подготовлял их к жизни свободными, самостоятельными как экономически, так и административно независимыми гражданами. Хотя они часто бывали хорошими, верными и достойными уважения людьми, тем не менее вся их духовная структура должна была носить отпечатки десятилетий и даже столетий состояния рабства.

Прежде всего, эти освобожденные крестьяне не имели бы права собственности на землю, а их движимое имущество было очень незначительным. Это означает, что процесс созревания человеческой личности благодаря вещам, которые являются ее собственностью, тот процесс, о котором говорит Ориу, у этих крестьян еще не происходил.

Поэтому когда Карамзин рекомендует вслед за Екатериной прежде всего наделить крестьян правом собственности, он бесспорно указывает на тот путь, на котором крестьяне могут стать свободными людьми и действующими лицами в экономической жизни страны не только на словах, но и на деле.[11] Карамзин, од-

нако, убежден, что нельзя пока отказаться от попечительства помещика над крестьянами. Однако, в том случае, когда крестьяне стали собственниками земли и вообще собственниками, такое попечительство приобретает совсем другой характер, чем возможность распоряжаться неимущими рабами, которые сами представляют собой собственность хозяина. Неизбежно и как бы само собой попечительство это превратилось бы в некое общественное покровительство. Таким образом, тот порядок, который предлагает Карамзин, привел бы к объединению самых лучших элементов старой и будущей системы. С одной стороны, оставалось бы покровительство над крестьянами, характерное для крепостного строя, и администрация по поручению государства, но выполняемая людьми, которые в большой мере от государства независимы, а им лишь проверяются. С другой стороны, при этом происходило бы спонтанное и все большее расширение крестьянской собственности, то есть создавались бы те предпосылки, которые необходимы для того, чтобы превратить крепостных крестьян в свободных граждан в рамках свободного строя. Неверно поэтому толковать Карамзина в том смысле, что он просто стоял за увековечивание крепостного права и считал крепостное право, как таковое, положительным явлением.

Наконец принято считать традиционализм Карамзина и идеи его, имеющие много общего с идеями Савиньи, за основание для того, чтобы никоим образом не причислять его к либералам. Я же, напротив, считаю, что традиционализм Карамзина способствовал развитию либерализма в России. Значение Карамзина в этом смысле состоит в том, что он, как я уже упоминал, призывал абсолютную монархию к принятию программы либерализма, во всяком случае, в той мере, в какой программа эта предусматривает не политическую, а гражданскую свободу; он также призывал монархию решительно проводить в жизнь именно эту либеральную программу. Он придерживался того мнения, что осуществление принципов либерализма не является нарушением исторической традиции, традиционного исторически обоснованного процесса развития России, что оно не связано с разрушением исторически и традиционно существующих государственных порядков; и сам Карамзин в очень значительной мере способствовал распространению

таких убеждений. Таким образом, он указал тот путь, на котором историческая верховная власть, то есть монарх, может работать рука об руку со сторонниками либеральных идей и даже с представителями критически настроенных оппозиционных кругов для того, чтобы обосновать и укрепить в России либеральный строй. Все это значит, что Карамзин указал тот единственный путь, на котором в то время могли осуществляться либеральные идеи.

Как я уже пытался объяснить во вступлении, к сути подлинного либерализма принадлежит уважение к существующему, прежде всего к существующим субъективным правам. Уважение это допускает только эволюционное преобразование существующего в смысле большей свободы, большей гуманности, большей терпимости. Рационалистическое планирование, абстрактные структуры и логически выведенные из чисто теоретических принципов институты противоречат сути либерализма. Высказываться за проведение в жизнь либеральных реформ в рамках существующего государственного порядка и прилагать усилия к тому, чтобы либеральные принципы применялись в пределах исторически данной государственной формы, означает стать на подлинный путь либерализма, полностью соответствующий его принципиальной сущности. В случае Карамзина может быть правильнее сказать – не "встать на этот путь", но во всяком случае "указать" его.

Если же этот путь принят не будет, то легко может случиться, что будут совершаться попытки провести в жизнь либерализм как абстрактную рационалистическую программу, как ряд принципов, абстрактным образом выведенных из теоретической концепции. На таком уровне рационалистического планирования либерализм не может оказаться конкурентоспособным по отношению к социалистическим теориям, к внутренней сущности которых и принадлежит такое планирование. Я бы хотел тут указать, что именно это произошло в России позже, а именно в конце XIX века, когда широкие круги сторонников либерализма отказались от исторического традиционализма и примкнули к политическому радикализму, то есть к программе проведения в жизнь отдельных требований либерализма, но игнорируя при этом полностью данную историческую среду, в которой эти требования надо было воплощать, и игнорируя естественный и практически необходимый порядок

при осуществлении таких требований только в силу того, что сами требования теоретически представлялись правильными. При этом они требовали осуществления этих требований немедленно и в полной мере. И тогда очень скоро оказалось, что такой политический радикализм не в состоянии противостоять социалистическим и революционным учениям, но для того, чтобы в какой-то мере выдержать соревнование с ними, он вынужден был принять в свою программу требования, полностью противоречащие принципу частной собственности.

В этом кроется подлинное зло антилиберальных законов Александра III. Отказ от проведения в жизнь либеральной программы, которую эти законы означали, на самом деле не был особенно значителен. Скорой отменой этих законов или даже просто неприменением их, или умеренным применением легко было устранить то зло, которое должно было вытекать из их осуществления. Законы эти, однако, представляют собой настоящее зло потому, что у многих сторонников либерализма они разрушили веру в возможность сотрудничества с монархом и с императорским правительством при осуществлении либеральной программы, а тем самым они значительно содействовали торжеству радикализма над настоящим, иными словами, консервативным либерализмом.

Карамзин высказал свой политический идеал еще раз в стихотворении, написанном в 1814 году под заглавием "Освобождение Европы",[12] которому он предпослал как эпиграф слова Саллустия "Quae nomines arant, navigant, dedificant, virtuti omnia parent". В этом стихотворении он очень четко и ясно отклоняет всякий национализм, всякий империализм в отношениях между странами и всякую насильственную власть внутри государства. Своему идеалу традиционализма он здесь придает точную и тонкую формулировку. Все это представляется мне важным дополнением к тому, что здесь уже было изложено, и поэтому мне кажется нелишним передать главные мысли этого стихотворения.

Карамзин призывает народы к добродетели, потому что если они добродетельны, то и правители не будут нарушать священных законов. Зло вызывается злом. Если народы остаются хорошими, то и правители не могут стать злыми. Бог, стоящий над правителя-

ми, не допустит этого (стр. 259). Если же народы поддадутся искушению лже-свободы и восстанут против законного правителя, против велений веры, наказание неизбежно. Это опять-таки подтверждается примером Франции, которая была наказана прежде всего своевольством, а затем правлением тирана (стр. 259).

Этот тиран подавил не только свой собственный народ, но и другие народы. Толкало его на это его безграничное честолюбие и желание обеспечить за собой власть над всем миром. Тем самым он нарушил законы Божии, а следовательно, и те границы, которые этими законами поставлены всем правителям. Нет правителя в мире, который бы имел право создавать мировую державу. Карамзин восклицает: "Цари! Всемирную Державу оставьте Богу одному!" (стр. 258). Цари должны возвращать Богу то, что Он им доверяет. Они должны гордиться "мирным счастьем людей", а не расширением территорий, которых нельзя достигнуть, не проливая при этом крови слабых (стр. 258). Но Карамзин не только против подавления и подчинения себе слабых соседей, он также против подавления слабых внутри государства. Вообще подавление более слабых глубоко возмущает Карамзина, где бы оно ни происходило. Он с искренней болью говорит о бесправном положении евреев во франкфуртском гетто в 1788 году и о преследовании дворян во Франции революционной толпой на год позже.[13] В год террора 1793 он пишет своему другу поэту Дмитриеву: "Я живу, любезный друг, в деревне, с людьми милыми, с книгами и с природою... но часто ужасные происшествия Европы волнуют всю душу мою... Мысль о разрушаемых городах и погибели людей везде теснит мое сердце. Назови меня Дон Кихотом; но сей славный рыцарь не мог любить Дульсинею свою так страстно, как я люблю – человечество".[14] В стихах "Освобождение Европы" говорится дальше, что у царя должно быть войско и оружие для того, чтобы защищать от внутренних и внешних врагов то, что Бог ему доверил (стр. 259). Но царь не смеет никогда желать чужих земель, чужих областей, ибо "царь живет не для войны", а "он защитник мира" (стр. 258). "У диких кровь рекою льется: там воин первый человек; но век ума гражданский век" (стр. 259). Карамзин считает, что после падения Наполеона уже не появится больше такой человек, который осмелился бы, следуя

стопам тирана Галлии, стремиться к бессмертию через "ада радостных побед" (стр. 258), при помощи насилия и обмана. А если бы такой человек появился, то конец ему придет еще скорее, чем пришел Наполеону, который правил не скипетром, а мечом, и был, следовательно, просто коронованным палачом, под торжествующей насильственной властью которого "грубели чувства и сердца" (стр. 256). И тем не менее Наполеон погиб в борьбе против алтарей, против свободы и против настоящих законных царей (стр. 262). Второй Наполеон погибнет еще скорее, потому что теперь народы знают, о чем идет речь. Недаром теперь приветствуют после многих лет изгнания возвращающуюся тишину, которая несет с собой возрождение наук и экономики. Но такой расцвет мирной жизни возможен только, если сохраняются существующие одновременно либеральный и консервативный порядок. И Карамзин вновь возвращается к своей любимой мысли: "в правлениях новое опасно, а безначалие ужасно. Как трудно общество создать! Оно устроялось веками: гораздо легче разрушать безумцу с дерзкими руками. Не вымышляйте новых бед: в сем мире совершенства нет!" (стр. 260).

Итак, не удивительно, что Карамзин был против планов членов различных распространенных тогда в России тайных обществ, стремившихся к тому, чтобы разрушить существующий порядок и на месте его создать нечто новое, рационально построенное и логическим образом выведенное из прогрессивных основных принципов. Вполне закономерно, что Карамзин отнесся враждебно к восстанию, организованному этими обществами, то есть к восстанию декабристов. В письме к Дмитриеву, содержащем отчет об этих днях, он называет это восстание "нелепая трагедия наших безумных либералистов".[15] Он уговаривал Николая I (в момент восстания он находился во дворце) подавить восстание оружием. Он пишет Дмитриеву: "Я, мирный историограф, алкал пушечного грома, будучи уверен, что не было иного способа прекратить мятеж. Ни крест, ни митрополит не действовали".[16]

Как мы уже видели, Карамзин называет здесь восставших — либералами ("либералистами"), его же, наоборот, никто никогда в России не считал либералом. Но этот факт не должен вводить нас в заблуждение. Мы тем не менее должны считать Карамзина

предшественником либерализма в подлинном смысле этого слова, так, как мы определили это понятие во вступлении. И напротив, мы должны отказать декабристам в какой-либо положительной роли в процессе либерального развития России. Впрочем, Карамзин за границей уже тогда считался либералом. Так, Карамзин рассказывает Дмитриеву, что либеральный журнал "Constitutionel" (№13 за октябрь 1820 года) в обсуждении его "Истории Российского государства" хвалит его либерализм. Он пишет: "Хвалит даже мою либеральность, вопреки нашим либералистам!".[17]

Я только что упомянул декабристов. Этот круг и восстание, от него исходившее, заслуживают подробного исследования. Немало есть работ по этому вопросу. Тем не менее, новое исследование безусловно не оказалось бы излишним. Но в истории либерализма в России вряд ли можно и нужно ими заниматься по следующим причинам: среди декабристов были и настоящие либералы, но бесспорно между ними было еще больше сторонников политического радикализма и даже представителей социалистических тенденций. Все эти элементы соединились для того, чтобы организовать восстание, но можно с уверенностью сказать, что это всего лишь историческое совпадение. При подготовке и проведении в жизнь восстания 14 декабря, несомненно, главными руководителями оказались не либералы, а крайние элементы, что, впрочем, часто случалось в России, где обыкновенно склонялись к тому, чтобы считать именно "крайних" настоящими. В этом отношении чрезвычайно характерны слова декабриста А.А.Бестужева. Он пишет императору Николаю: "Что же касается меня лично, то я на словах был ультра-либералом для того, чтобы добыть себе доверие моих товарищей, но внутренне я склонялся к монархии и к умеренной аристократии".[18] Эти слова совершенно ясно показывают, что умеренные элементы чувствовали себя вынужденными приспосабливаться к крайним и делать вид, что они придерживаются более радикальных мнений, чем это было на самом деле. Каковы бы ни были идеи и мнения либералов среди декабристов, тем не менее, восстание декабристов имело чрезвычайно отрицательные и, можно сказать, даже роковые последствия для либерального развития России. В этом смысле с ними можно сравнить пожалуй только убийство Александра II. Во-первых, это

восстание произвело на молодого Николая Александровича потрясающее впечатление, это был шок, от которого он никогда полностью не оправился. Впечатление это определило антилиберальный характер всего его долгого царствования именно потому, что с формальной точки зрения восстание вспыхнуло под лозунгом либерализма.[19] Во-вторых, это восстание содействовало укреплению не либеральной, а революционной традиции в России, поскольку оно было насильственной революционной акцией. Поэтому его надо рассматривать как изначальный пункт революционного движения, разрастание которого в России в течение XIX века неизменно вызывало в российских правительственных кругах дух реакции и укрепляло его, а тем самым мешало либеральному развитию России. Окончательная победа именно этого революционного движения полностью уничтожила в России любой свет либерализма и повела к победе социалистического тоталитаризма. Восстание декабристов повело к распаду тех групп, которые изучали и обсуждали либеральные идеи. Вместе с ними исчезла почва, на которой могла бы развиваться либеральная идеология.

Тайные общества занимались не уточнением либеральных требований и выяснением либеральной программы, а разработкой плана революционного переворота. Таким образом, еще до 14 декабря 1825 года они не только не содействовали либеральному развитию России, а напротив, всячески ему препятствовали. Без сомнения, революционное поведение этих обществ сильно содействовало тому, что Александр I поддался давлению антилиберальных кругов, или, вернее, вынужден был на эти круги опереться. В интересной работе, посвященной Александру I, Фатеев упоминает заявление Александра в его обращении к варшавскому парламенту о том, что, по его мнению, причина революционных беспорядков, вспыхнувших в целом ряде государств, лежит в том, что часто люди склонны путать священные принципы законности и свободы с подрывными теориями.[20]

Александр всегда видел в революционном поведении и революционных акциях препятствие к осуществлению либеральной программы. С его точки зрения, революция не осуществление, а напротив, отрицание либеральных принципов. Кроме того, и неза-

висимо от этого, само собой разумеется, что Александр считал долгом главы государства действовать против тех, кто ставит на место либеральных принципов законности и свободы революционные теории и планы восстания и переворота и кто хочет становиться не на путь реформ, а на путь насильственных действий. Таким образом, ясно, что для Александра стало неизбежным обратиться к антиреволюционным элементам для того, чтобы защитить и предохранить принципы настоящей свободы, то есть свободы в рамках законного порядка.

К сожалению, не только слева, но и справа существовала удивительная неспособность отличать принципы законности и свободы от подрывных революционных теорий. Александр I вынужден был революционным поведением левых сил опираться на правые элементы, а вследствие этого, ему становилось трудно и даже невоможно проводить в жизнь либеральные реформы потому, что эти круги отклоняли не только революционные тенденции, а и либеральные реформы.

Таким образом, можно сказать, что Александра вынудили сойти с пути либерализма.[21] Но внутренне он оставался до конца сторонником либеральных идей. Один из лучших знатоков русской истории Вернадский высказался против того мнения, согласно которому в последние годы царствования Александра восторжествовала реакция и что Александр примкнул к реакционным течениям.[22] Фатеев разделяет точку зрения Вернадского. Закрытие библейского общества, массонских лож, обострение цензуры, – все это, по мнению Фатеева, мероприятия, к которым Александр был вынужден, чтобы предохранить свой, со всех сторон угрожаемый авторитет. Фатеев подчеркивает, что несмотря на все это Александр I никогда не отказывался от своих либеральных планов.

И на самом деле есть доказательства тому, что Александр до конца своей жизни хотел продолжать путь либеральных реформ. В первой сессии нового польского парламента, имевшей место с 15 до 25 марта 1818 года, Александр I в речи, произнесенной на французском языке, сказал следующее: "Образование, существовавшее в Вашем крае, дозволило мне ввести немедленно то, которое я Вам даровал, руководствуясь правилами законно-

свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений и которых спасительное влияние надеюсь я при помощи Божией распространить и на все страны, попечению моему вверенные".[23] За несколько недель всего до смерти, 28 августа 1825 года, Александр сказал Карамзину, что он твердо намерен дать России основные законы, иными словами, конституцию.[24] Конечно, верность Александра I либеральным идеям подтверждается и тем, что Новосильцев, по его поручению, между 1818 и 1820 гг. сделал проект государственной уставной грамоты.[25]

Таким образом, вполне можно присоединиться к следующему высказыванию Фатеева: "Все это доказывает, что эта часть царствования Александра не заслуживает того, чтобы ее назвали реакционной. Конечно, она реакционна по сравнению с обещаниями, данными им при вступлении на престол".[26]

Но какой государственный деятель какой эпохи сдержал все данные обещания и выполнил все возлагавшиеся на него надежды? Кроме того, как уже было указано, в оправдание Александру I нужно еще добавить, что в основном он не смог исполнить своих обещаний потому, что те, кто должны были служить ему опорой при проведении в жизнь его либеральной программы, сами полностью подпали под власть мечты о революционном перевороте. В политических кругах тогдашней России либерализм все время превращался в радикализм и тем самым он покинул путь исторически возможного, на котором он только и мог оказаться успешным. Тут мы впервые видим победу радикализма над либерализмом, то есть то явление, которое мы впоследствии будем наблюдать все время и которое, по моему глубокому убеждению, было пагубным для либерального развития России и, в конце концов, помешало укреплению в России либеральной системы.

Следовательно, можно сказать, что декабристы и даже еще до них тайные общества развязали это роковое колебание России от реакции к революции, а с тех пор путь российского либерализма стал чрезвычайно узким, потому что с двух сторон теснили его эти две примитивно-стихийные силы.

Так, при Николае I представителями либерализма были те, кто представлял его при Александре I, а именно Сперанский и Мордвинов, но оба эти человека во время процесса декабристов

не находились среди обвиняемых, а среди судей. Мордвинов продолжал свою деятельность в рамках Государственного Совета, а Сперанский полностью посвятил себя кодификации права. К влиятельным представителям либерализма, хотя в то время и чисто экономического, следует причислить и министра финансов Канкрина.

Я вскоре рассмотрю вопрос о том, в какой мере можно говорить о либерализме в царствование Николая I. Но до этого надо сказать несколько слов об истории кодификации при Александре I и Николае I, то есть в основном о работе Сперанского по своду законов.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 4

1. Впрочем, и конституционалист может думать, что значительное осуществление этих элементов еще в рамках абсолютной монархии представляет собой необходимые предпосылки для перехода к конституционной монархии.
2. Карамзин. Историческое похвальное слово Екатерине. Сочинения, т.8. Пб, 1835, стр. 41-42.
3. Там же, стр. 40.
4. "Государь не менее подданных должен исполнять свои святые обязанности". Карамзин. Записка о древней и новой России. См. в приложении к "Историческим очеркам" Пыпина, стр. 496. Эта Записка была представлена Карамзиным царю в 1811 году.
5. Карамзин. Сочинения, т.8, Пб, 1835, стр. 29-77.
6. Карамзин. О тайной канцелярии. 1803. Сочинения, т.8, Пб, 1835, стр. 131 и далее.
7. Это повторения статьи 511 Наказа.
8. Карамзин. Письмо сельского жителя. Сочинения, т.7, Пб, 1834, стр. 238-252.
9. Это доказывает, что "крестьяне благоразумного помещика... счастливее казенных". (Записка. Пыпин, стр. 513).
10. Я бы сказал: это означало бы исчезновение всех независимых посредников власти в том смысле, в каком это понимает Монтескье, т.е. всех тех, кто не назначен государством, а следовательно хоть в какой-то мере от государства независим. На самом деле, никак нельзя забывать, что тогда в России, в рамках крепостного права, все функции в деревне выполнялись помещиками: функции административные, полицейские, судебные, рекрутский набор, сбор налогов и экономическая помощь населению.
11. Надо сказать, что в конечном итоге вся неудача или, выражаясь более осторожно, значительные недостатки освобождения крестьян в 1861 г. были прямым последствием того, что и тогда, то есть в 1861 г., эти предпосылки еще не были созданы. К этому я вернусь еще в соответствующей главе.
12. Карамзин. Освобождение Европы. Сочинения, т.1, Пб, 1834, стр. 253 и далее. (Стр. 241-257 в этом издании ошибочно сосчитаны два раза).
13. Карамзин. Письма русского путешественника.
14. Карамзин. Письма к Дмитриеву. Пб., 1866, письмо от 17 августа 1793 г.

15. Карамзин. Письма к Дмитриеву, стр. 412.
16. Карамзин. Там же, стр. 411.
17. Карамзин. Там же, стр. 299.
18. Цитирую по М. Волконскому. Декабристы. Цюрих, 1946, стр. 74.
19. См. вышеприведенные слова Бестужева.
20. А. Фатеев. Le problème de l'individu et de l'homme d'état dans la personnalité historique d'Alexandre Ier, Empereur de toutes les Russies. (Проблема человека и государственного деятеля в исторической фигуре Александра I, Императора Всероссийского). Тетрадь 4, Прага, 1938, стр. 3. Записки научно-исследовательского объединения в Праге, том IX.
21. Смотри письмо Александра I Сперанскому от 1818 года, в котором ясно высказано его религиозное смирение.
22. Г. Вернадский. Конституционная хартия Российской империи от 1820 года. Париж, 1933, предисловие, стр. VII; а также стр. 7.
23. Цитирую по Вернадскому, стр. 26. Речь императора Александра произнесена была по-французски. Перевод сделан был князем Вяземским. Вернадский приводит именно этот перевод. (Прим. переводчика).
24. Карамзин рассказывает об этом в своем письме от 2 сентября 1825 г. к Дмитриеву.
25. Вернадский подробно анализирует проект Новосильцева в своем вышеуказанном произведении. Поэтому я могу ограничиться тем, что кратко упомяну о самых значительных статьях этого проекта. В заключительной статье (статья 191) проекта говорится, что уставной грамоте приписывается значение основного закона и что ее цель "обосновать неприкосновенность личности и собственности и гарантировать ненарушимость гражданских и политических прав". Неприкосновенность личности обеспечивается, например, статьями 81, 82 и 87, а неприкосновенность собственности по отношению к государственной власти обеспечена статьями 97 и 98. Интересена статья 90, которая дает подданным российской империи право без всяких препятствий и со всем имуществом эмигрировать из России, и статья 93, которая разрешает всем иностранцам приезжать в Россию, покидать Россию и приобретать в стране недвижимое имущество. Проект Новосильцева, таким образом, идет дальше чем проект декларации прав человека от 1801 г., о котором упоминается в главе 2 и в котором речь идет только о праве дворян и горожан ездить за границу. Кстати сказать, первые попытки обеспечить законом это право были сделаны в Смутное время. Наверное, они были реакцией на политику Ивана IV, который, по выражению Курбского, старался держать людей в своем государстве, как в аду. Что касается политических прав, то свободное пользование ими

обеспечивается созданием народного представительства. Это представительство состоит из двух палат: по статье 101 (см. также статьи 13 и 31) царь может пользоваться своей законодательной властью лишь в сотрудничестве с народным представительством. Однако законодательная инициатива не дана палатам. Народное представительство может только высказываться по поводу законопроектов, которые предлагаются ему на рассмотрение царем при посредстве Государственного Совета, где обычным образом разрабатывается подобный проект (статья 42). По этому проекту Государственный Совет – орган исполнительной власти, а Сенат является верховной палатой. В общем, у этого проекта есть много общего с Баварской конституцией 1818 г., а также с конституцией Баденского княжества. Особенность этого проекта состоит в том, что Россия разделяется на большие "наместничества". Устройство этих наместничеств в общем почти полностью сходно с устройством государства. В каждом наместничестве есть маленький провинциальный парламент, через который избираются кандидаты, половину коих царь утверждает как членов парламента империи. По мнению Вернадского, такая федералистская тенденция этого проекта направлена на то, чтобы обеспечить единство империи. Он пишет: "Федерализм в том виде, в каком он вытекает из хартии, не означал разделения России, а наоборот – ее объединение" (стр. 46). Нольде еще более четко подтверждает этот аспект проекта; он считает, что построенная на федерализме конституция российской империи подготовлена была Новосильцевым для того, чтобы решить вполне конкретную задачу, а именно – чтобы ликвидировать польскую автономию. Нольде ссылается на проект указа, который был связан с проектом конституции Новосильцева. Этим указом Польша должна была быть объединена с Российской империей. Необходимость такого объединения в Указе объясняется тем, что "существование двух конституций в одной империи для необходимого единства и успешности управления" бесполезно и даже вредно. (Б. Нольде. Далекое и близкое. Париж, 1930, стр. 15). Кроме того, интересно, что Нольде сомневается в верности подхода Вернадского, считавшего, что этот проект представляет собой "момент развития всей политической системы императора Александра". Нольде придерживается мнения, что в основу проекта легли совсем не идеи Александра I, а политические взгляды и административный опыт Новосильцева.

26. Фатеев. Там же, стр. 2.

Глава 5

ИСТОРИЯ СВОДА ЗАКОНОВ

Первые попытки Сперанского создать свод законов. – Критика планов Сперанского со стороны Карамзина. – Карамзин и идеи Савиньи. – Продолжение работы над сводом законов при Александре I. – Работа над сводом законов при Николае I.

Как уже упоминалось, Сперанский в самых ранних своих произведениях высказывался о проблеме создания свода русских законов. При этом он имел в виду не только систематизацию старых законов, но и дальнейшее развитие и пополнение существующего права. Он считал, что с этой целью стоит принять западноевропейское право или, во всяком случае, при разработке новых законов нужно пользоваться результатами законоведения западных стран. Карамзин тоже высказался еще в 1802 году по поводу проблемы свода законов. Он писал: "Каким великим делом украсится еще век Александра, когда исполнится монаршая воля его; когда будем иметь полное, методическое собрание гражданских законов, ясно и мудро записанных",[1] "...нужна только философическая метода для расположения предметов... тогда мы не позавидуем Фридрихову кодексу; не позавидуем умному плану французского, и пожалеем об англичанах, которых судилища беспрестанно запутываются в лабиринте несогласных установлений".[2]

Впрочем, вполне естественно, что заинтересованные в политике писатели высказывались тогда по вопросу законов. Со времен Петра Великого этот вопрос или, во всяком случае, вопрос систематизации права стоял на первом плане. В течение всего восемнадцатого столетия многочисленные комиссии (в общей сложности – 9) занимались разработкой нового Уложения.

Уже в течение первых лет правления Александра I сенатору графу Завадовскому дано было поручение ознакомиться с тем, что было сделано в прошлом по гражданскому законодательству, и набросать план для дальнейшей работы. Но очень скоро это дело было передано в министерство юстиции. При этом министерстве была создана особая комиссия, подчиненная заместителю министра юстиции Новосильцеву. Барон Розенкампф был назначен секретарем этой комиссии. Он был родом из Прибалтики и некоторое время учился в Лейпцигском университете. Корф пишет: "Розенкампфу нельзя было отказать ни в остром уме, ни в обширных теоретических сведениях, но знания его в русском языке были крайне скудны, а о России – еще скуднее".[3] Таким образом, вполне естественно, что работа комиссии под его руководством оставалась бесплодной.[4]

8 августа 1808 года Сперанский был назначен членом совета этой комиссии. До тех пор совет этот состоял только из министра Лопухина и заместителя министра Новосильцева. Но Сперанский приступил к преобразованию комиссии лишь после своего возвращения из Эрфурта, куда он сопровождал императора Александра и где ему представилась возможность лично беседовать с Наполеоном. Комиссия была разделена Сперанским на различные отделы. Розенкампф продолжал оставаться в ней как руководитель отдела, уполномоченного разрабатывать кодекс гражданских законов. Однако весь материал, который представлял его отдел, почти неизменно немилосердно перерабатывался Сперанским. Был создан особый комитет или совет из высокопоставленных чиновников, которому представлялись все проекты комиссии. Как отмечает сам Сперанский, смысл создания этого комитета состоял в том, чтобы ознакомить общественность с работой комиссии и этим повысить доверие к ней. После создания Государственного Совета в 1810 году комиссия была к нему присоединена. Вследствие этого был упразднен вышеупомянутый комитет, а на его место встал теперь департамент Государственного Совета по законам. Сперанский назначен был директором комиссии, благодаря чему значительно укрепилось его положение.

Государственный Совет, который открылся 1 января 1810 года, в период от 18 января до 14 декабря того же года под предсе-

дательством царя в течение 43 заседаний полностью закончил пересмотр первых двух частей гражданского кодекса (права частных лиц и вещественное право). Сперанский в качестве директора комиссии представлял на этих заседаниях все проекты. После окончания пересмотра одобренные части гражданского кодекса были напечатаны для того, чтобы подвергнуться вторичному рассмотрению. Вскоре после этого Сперанский впал в немилость и был сослан, сначала в Нижний Новгород, а затем в Пермь. Александр чувствовал себя вынужденным принести Сперанского в жертву давлению влиятельных кругов общественности. Здесь не место заниматься историей падения Сперанского. Невозможно рассматривать здесь и критические высказывания по поводу проекта его реформы, которые поступали с разных сторон. Мы должны сосредоточить наше внимание на той роли, которую он сыграл в истории создания свода русских законов. Соответственно нас интересует критика его проекта свода гражданских законов. Доводы против этого проекта изложены в первую очередь Карамзиным в его "Записке о древней и новой России", которую мы уже несколько раз цитировали. Эти доводы чрезвычайно интересны. Это голос исторического течения,[5] которое восстает против образа мышления восемнадцатого века, того образа мышления, от которого Сперанский частично всю жизнь не мог освободиться, хотя вообще его мышление было гораздо шире, чем обычно считается, и объединяло в себе различные оттенки и различные тенденции.

Карамзин пишет: "Уже в Манифесте объявлено, что первая часть законов готова, что немедленно будут готовы и следующие. В самом деле, издаются две книжки под именем проекта Уложения. Что же находим? Перевод Наполеонова Кодекса! Какое изумление для Россиян! Какая пища для злословия! Благодаря Всевышнего, мы еще не подпали железному скипетру сего завоевателя; у нас еще не Вестфалия, не Итальянское Королевство, не Варшавское Герцогство, где Кодекс Наполеонов, со слезами переведенный, служит уставом гражданским. Для того ли существует Россия, как сильное государство, около тысячи лет, для того ли около ста лет трудимся над сочинением своего полного Уложения, чтобы... подсунуть седую нашу голову под книжку, слепленную в

Париже шестью или семью экс-адвокатами и экс-якобинцами? Петр Великий любил иностранное, однако же не велел, без всяких дальних околичностей, взять например Шведские законы и назвать оные Русскими,[6] ибо ведал, что законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств. Мы имели бы уже девять Уложений,[7] если бы надлежало только переводить" (стр. 523).

Здесь Карамзин выражает мысль, в основном совпадающую со следующей мыслью Савиньи: "Общий итог этих мнений, следовательно, заключается в том, что всякое право... возникает на основе обычаев и народных верований, и лишь после этого на основе юриспруденции..." (стр. 13 и далее). Вообще в Записке Карамзина мы находим много мест, которые совпадают с высказываниями Савиньи в его "Призвании". Это особенно интересно, поскольку исключается прямое влияние одного произведения на другое. Книга Савиньи появилась в 1814 году, иными словами, через три года после Записки Карамзина. А Савиньи также ничего не мог знать о Записке Карамзина, поскольку она предназначалась только для императора Александра и в то время, да и много спустя о ней, кроме императора, знал очень узкий круг людей. Я постараюсь перечислить здесь самые значительные совпадения между этими двумя произведениями. Было бы интересной научной задачей определить, каковы были общие источники этих произведений. Одним из общих источников был Бэкон, другим – Монтескье. Савиньи прямо ссылается на Бэкона, в Записке же нет упоминаний о нем, но нельзя не узнать его мысли. Как Савиньи, так и Карамзин ссылаются на одну главу из книги "Дух законов". Однако, я предполагаю, что можно найти и иные подобные источники.

Далее Карамзин указывает на то, что уже с политической и патриотической точки зрения невозможно принять Наполеоновский Кодекс. Карамзин пишет: "Оставляя все другое, спросим: время ли теперь предлагать Россиянам законы Французские, хотя бы оные и могли быть удобно применены к нашему гражданскому состоянию? Мы все – любящие Россию, Государя, ее славу, благоденствие – все так ненавидим сей народ, обагренный кровию Европы, осыпанный прахом столь многих держав разрушен-

ных, – и в то время, когда имя Наполеона приводит сердца в содрогание, мы положим его кодекс на святой алтарь отечества!" (стр. 524). Очень похоже звучат слова Савиньи: "Для Наполеона кодекс этот был лишь дополнительной веревкой, которой он мог связать народы, и поэтому он должен быть для нас плохим и отвратительным, даже если бы он имел ту внутреннюю ценность, которой ему на самом деле полностью нехватает. От такого унижения мы избавлены" (стр. 57 и далее).

Но эти политические доводы не являются для Карамзина решающими. Это ясно уже из того, что он также отклоняет работу предшественника Сперанского, Розенкампфа, который велел подготовить перевод прусского земельного права и, наверное, думал о том, чтобы перенести в новое уложение целый ряд постановлений из этого кодекса Фридриха Великого. Карамзин пишет: "Россия – не Пруссия, к чему послужит нам перевод Фридрихова кодекса?" (стр. 522), и продолжает: "Не худо знать его, но менее ли нужно знать и Юстинианов или датский, единственно для общих соображений, а не для путеводительства в нашем особенном законодательстве" (стр. 522). Карамзин упоминает еще один том, содержащий различные подготовительные работы, и замечает: "Смотрим и протираем себе глаза: множество ученых слов и фраз, почерпнутых в книгах, ни одной мысли, почерпнутой в созерцании особенного гражданского характера России. Добрые соотечественники наши не могли ничего понять, кроме того, что голова авторов в луне, а не в земле русской, и желали, чтобы сии умозрители или опустились к нам, или не писали для нас законов". Карамзин говорит, что при подготовлении нового Уложения надо исходить из наблюдения над подлинными условиями жизни в России и понимания ее "особой" гражданской природы. Уже потому неправильно просто перенимать чужое право, что "для старого народа не надобно новых законов" (стр. 524). Поэтому комиссия должна представить русский закон в систематическом порядке (стр. 524).

Дополнения или устранение существующих постановлений первоначально допустимы, если стало ясно "из опыта судилищ", что в законах есть недостатки и противоречия (стр. 525). Законы, представленные в систематическом порядке, должны быть под-

вергнуты "общей критике" с точки зрения – "суть ли они лучшие для нас по нынешнему гражданскому состоянию России?" Карамзин продолжает: "Здесь увидим необходимость исправить некоторые, в особенности уголовные, жестокие, варварские: их уже давно не исполняют: для чего же оные существуют, к стыду нашего законодательства?" (стр. 525).

При систематизации законов нельзя ограничиваться тем, чтобы представлять отдельные случаи, а надо формулировать общие правила, согласно которым могут решаться и другие возможные случаи, не предусмотренные кодексом. Без таких общих норм не может быть полных законов, ибо только нормы такого рода и могут придать законам наивысшую степень совершенства. Но и такие общие принципы нельзя брать взаймы из чужих кодексов, поскольку русское право имеет свои собственные принципы совершенно так же, как и право римское. Карамзин пишет:"Определите их /эти принципы/ и дадите нам систему законов" (стр. 525). Читая эти высказывания Карамзина, обязательно вспоминаешь целый ряд высказываний Савиньи в его книге "Призвание": "Самое важное и сложное задание – это достичь совершенства кодекса, и сейчас речь идет о том, чтобы правильно понять эту задачу, с необходимостью решения которой все согласны. Дело в том, что кодекс, предназначаемый к тому, чтобы быть единственным источником права, на самом деле должен содержать подходящее решение вперед, для любого могущего представиться случая. Часто думали, что возможно хорошо и глубоко познать отдельные случаи опытом и потом уже искать для каждого решение в соответствующем отделе кодекса; но кто внимательно наблюдал за юридическими случаями, легко отдаст себе отчет в том, что такая затея должна оставаться бесплодной, потому что нет никаких границ разнообразию действительных случаев. И действительно, в самых новейших кодексах полностью отказались уже от любого стремления к достижению такого материального совершенства, не заменив его, однако, просто ничем. Но ведь существует подобное совершенство в другом смысле этого слова... в каждом отделе нашего права есть места, которыми как бы исчерпываются все возможности: мы можем назвать их руководящими основными принципами" (стр. 21 и далее). В другом месте Савиньи подчерки-

вает преимущество римских юристов, состоящее в том, что "они в каждом принципе видят одновременно и случай, и его применение, а в каждом юридическом случае видят правило, которое будет применено для его решения..." (стр. 30 и далее).

Принципы и содержание русского свода законов должны быть взяты из русского права. Тем не менее Карамзин считает, что можно следовать уже существующему иностранному праву в распределении материалов и систематизации правовых постановлений. Но о каком существующем иностранном праве идет речь? Карамзин не имеет в виду наполеоновский кодекс или кодекс Фридриха Великого; он думает о кодексе Юстиниана (стр. 525); это потому, что Уложение царя Алексея Михайловича в общем придерживалось как раз распределения материала этого кодекса.

Когда Карамзин говорит об уложении законов, то он думает о подготовлении кодекса только для Великороссии. Он очень резко настроен против того, чтобы новый кодекс силой навязывался другим народам империи. Карамзин пишет: "Прибавим одну мысль к сказанному нами о Российском законодательстве. Государство наше состоит из разных народов, имеющих свои особенные Гражданские Уставы, как Ливония, Финляндия, Польша, самая Малороссия. Должно ли необходимо ввести единство законов? Должно, если такая перемена не будет существенным долговременным бедствием для сих областей; в противном случае не должно. Всего лучше готовить оную издали, средствами предварительными, без насилия... Впрочем, надобно исследовать основательно, для чего, например, Ливония и Финляндия имеют такой-то особенный закон? Причины, родившие оный, существуют ли?.. От новости не потерпят ли нравы, не ослабеют ли связи между разными гражданскими состояниями той земли?"

Карамзин заканчивает цитатой из Монтескье: "Какая нужда, одним ли законам следуют граждане, если они верно следуют оным?" И к этому добавляет следующую мысль: "Опасайтесь внушения умов легких, которые думают, что надобно только велеть – и все сравняется" (стр. 526). Тут мысли Карамзина также удивительным образом напоминают мысли Савиньи, развитые им в связи с вопросом развития землевладельческих прав в Германии (стр. 41 и далее). Савиньи критикует мысль о том, что на-

циональное единство требует существования совершенно одинакового права для всей нации. Он указывает на то, что "ошибочно считать, что общее дело выиграет и станет более живым вследствие уничтожения индивидуальных положений. Наоборот, в каждом сословии и в каждом городе, даже в каждой деревне может воспитываться оригинальное самосознание, и из такой повышенной и многообразной индивидуальной жизни общее дело и общие интересы почерпнут новые силы" (стр. 42). А также утверждение, что вследствие таких различий становится труднее применять законы, не подтверждается абсолютно никаким конкретным опытом, по словам Савиньи, но даже если бы это и было правдой, все же нельзя было бы стремиться к одинаковости права для всех. Савиньи пишет: "Легкое и произвольное изменение гражданского права – большая ошибка, и даже если такое изменение ведет к упрощению и удобству, все же преимущество это совершенно несоизмеримо с тем политическим ущербом, который такие изменения наносит" (стр. 43). Он говорит, что требование ввести одинаковое право во всех немецких областях в конечном итоге не основано ни на соображениях национального единства, ни на требованиях соблюдения справедливости. Настоящая причина для такого требования, по мнению Савиньи, "это то невероятное влияние, которое сама идея равенства оказывает уже так давно и во всех направлениях в Европе. Еще Монтескье предупреждал об опасности злоупотребления этим влиянием". Здесь Савиньи, как и Карамзин, ссылается на 18 главу 29-го тома "Духа законов" под названием "Об идеях равенства". Цитируемые слова Монтескье во французском оригинале звучат следующим образом: "Lorsque les citoyens suivent les lois, qu'importe qu'ils suivent la même?"

Карамзин сомневается в том, что в России есть люди, способные составить такой прагматический кодекс, а именно, такую систематическую книгу законов, в которую можно внести изменения существующих законов на основании конкретного судопроизводственного опыта и согласно гуманитарным требованиям справедливости. Поэтому он советует "умерить требования" и ограничиться тем, чтобы вместо прагматического кодекса появилась в свет полная упорядоченная сводная книга русских законов. Убеждение в том, что создание систематического кодекса представляет

собой чрезвычайно сложное и трудное задание, при выполнении которого требуется огромная осторожность, наверное, заимствовано Карамзиным у Бэкона, хотя, по всей вероятности, и не только у него. Бэкон ведь говорит: "Atque opus ajusmodi opus heroicum esto",[8] а в дополнение к этому он предупреждает: "Ut hujusmodi legum instauratio illis temporibus suscipiatur, quae antiquoribus, quorum acta et opera retractant, litteris et rerum cognitione praestiterint".[9]

Савиньи в своем произведении также исходит из этого мнения. Он прямо ссылается на Бэкона (стр. 20 и далее) и приходит к выводу, что при составлении свода законов дело идет о следующем: "Уже существующее, не подлежащее изменениям, а сохранению, должно быть досконально опознано и правильно высказано".

Поэтому я считаю весьма вероятным, что Бэкон был для Карамзина одним из источников, из которого он черпал идею о том, что существующее право принципиально имеет большую ценность, чем вновь издаваемые законы, и что нельзя его менять без подлинной в том нужды и без серьезного размышления. Эту идею Карамзин выражает в своих уже процитированным нами словах: "Для старого народа не надобно новых законов" (стр. 524).

Вернемся теперь к дальнейшему ходу подготовления свода законов. Всего через несколько месяцев после падения Сперанского началась Отечественная война. Тем не менее, несмотря на войну и на удаление Сперанского, работа по составлению свода законов не прекратилась. В течение 1812 года подвергался рассмотрению Государственным Советом проект третьей части гражданского кодекса, разработанный в основном еще Сперанским. В течение того же года была вновь преобразована законодательная комиссия. Пост директора, освободившийся после ссылки Сперанского, был упразднен, а во главе комиссии был поставлен совет из трех членов. Комиссия была вновь подчинена министерству юстиции. Вышеупомянутый совет обратился к министерству юстиции с вопросом о том, может ли проект гражданского кодекса оставаться в том виде, в каком комиссия получила его от Государственного Совета после рассмотрения, или желательно, чтобы проект был вновь переработан. Совет счел правильным

именно второй путь. При этом Совет вновь задал вопрос, какой метод следует избрать при новом рассмотрении, то есть надо ли итти по пути принятия иностранного права или скорее строго придерживаться существующего русского и ограничиться тем, чтобы пополнять лишь самые серьезные пробелы и исправлять лишь самые очевидные недостатки. Совет в своем вопросе подчеркивал, что законы утверждены временем и долгим существованием, и говорил: "Гражданские законы непосредственно касаются всех общественных связей, отстоявшихся в продолжение многих веков, и потому нельзя полагать, чтобы можно было переменить их вдруг изданием нового Уложения, не причинив замешательства в настоящем порядке вещей. Мы ошибаемся, если вообразим, что с переменою на бумаге текста гражданских законов столь же легко и скоро переменится и существующее право, и что от введения постановлений другого государства произойдут из оных те же самые следствия, как и там, где к оным привыкли. Не одни люди, но и время постановляет и определяет начала законодательства... Искусные люди могут, конечно, в течение нескольких лет составить Уложения, довольно хорошо написанные, но если они заменят начала, действительно принятые, началами чужеземными, то сии Уложения будут ничто иное, как книги, содержащие в себе систематические рассуждения о праве не существующем".[10] Но все эти рассуждения не имели значительного влияния на методы работы комиссии, в которой Розенкампф начал играть главную роль. Комиссия продолжала использовать в большой мере иностранные образцы и при работе над дальнейшими проектами. В 1813 году был закончен проект уголовного кодекса. В 1814 – проект торгового кодекса и кроме того первая часть гражданского процессуального кодекса. Ни один из этих проектов не был окончательно утвержден.

После возврата из ссылки или точнее с поста губернатора Сибири, Сперанский в 1821 году был назначен членом Государственного Совета, и ему вновь было поручено руководство законодательной комиссией, на этот раз, однако, без какой-либо функции внутри самой комиссии. Сперанский предложил царю вновь представить Государственному Совету проект гражданского кодекса (в третий раз).[11] Эта третья проверка заняла снова 38 заседаний

Государственного Совета. Теперь сам Сперанский выступал с критикой проекта. Наконец Совет постановил изменить 721-ю статью.

Сперанский, который, по мнению Корфа, внутренно сознавал "слабость своей работы"[12] (а значит и тех частей ее, которые он сам подготовил), использовал это обстоятельство для того, чтобы убедить императора Александра, что лучше начать всю работу заново и отложить вопрос до разработки нового гражданского процессуального кодекса. После этого и до смерти Александра очень мало что произошло в области создания свода законов. В марте 1823 года по предложению министра финансов Государственному Совету был представлен проект торгового кодекса. Этот проект, разработанный в 1814 году под руководством Розенкампфа, возвращен был комиссии из Государственного Совета как совершенно неудовлетворительный. 18 августа 1824 года Государственному Совету был представлен на рассмотрение проект уголовного кодекса, но и этот проект не был утвержден.[13]

Вопрос о том, по каким причинам Сперанский не настаивал больше на окончательной редакции и утверждении свода законов, а напротив, использовал первый представившийся ему предлог для того, чтобы похоронить проект, заслуживает очень большого внимания. Является ли это знаком того, что его подход ко всей проблеме создания свода законов и вообще его законоведческие понятия сильно изменились за прошедшее время? Такую возможность, конечно, нельзя исключить. В главе третьей я указывал на то, что нельзя переоценивать радикализм Сперанского до 1812 года, что влияние на него консервативных идей между 1812 и 1821 годами усилилось, что в мировоззрении его произошло значительное укрепление консервативных тенденций. Ведь мы знаем, что Сперанский в свои молодые годы читал Юма и Стюарта, как и популярных в то время в России Бентама и Адама Смита, но никого из них, даже Бентама, нельзя считать представителями радикализма. Затем он много занимался французской юридической литературой, причем меньше внимания уделял представителям школы естественного права, а больше интересовался Троше и сродными ему авторами, которые уже выросли из восторгов перед рационализмом, и при составлении свода законов в очень значительной мере исходили из старого французского права. Остает-

ся сомнительным, был ли Сперанский в дальнейшем под влиянием немецкой исторической школы. Он изучил немецкий язык лишь когда ему было уже 50 лет, и русский законовед Каркунов считает, что идеи исторической школы оставались Сперанскому чуждыми, несмотря на то, что он читал произведения Савиньи. Каркунов утверждает, что Сперанский не понял настоящего смысла произведения Савиньи "Призвание".[14] Нелегко, однако, составить себе об этом точное мнение. Конечно, Сперанский с удовольствием подчеркивает, что Савиньи в "Системе современного римского права" вынужден признать, что в тех странах, где созданы своды законов, законоведчество сделало большие успехи. Но это не доказывает еще принятия им идей исторической школы. Корф далее упоминает, что Сперанский во время своего пребывания в Иркутске читал Клопштока, Шлегеля и Мюллера, по всей вероятности, Адама Мюллера, то есть одного из самых важных представителей консервативного направления.[15]

После возврата из Сибири он часто встречался с Карамзиным.[16] Они даже посещали друг друга. Надо предполагать, что духовный мир этого умственно богатого человека оказал влияние на Сперанского. Сперанский также произвел положительное впечатление на Карамзина. Корф пишет: "Узнав его /Сперанского/ короче, он /Карамзин/ убедился в том, что у Сперанского не было закоренелых идей, а напротив, была удивительно гибкая, всепонимающая, многосторонняя натура. Иного впечатления умный и наблюдательный Карамзин не мог вынести из знакомства. С тех пор он старался всячески поддерживать его у императора Александра".[17]

Одна из первых проблем, которой занялся Николай I, была – создание свода законов. Законодательную комиссию он превратил во второй отдел "Собственной Его Императорского Величества канцелярии" и во главе этого отдела поставил профессора Балугьянского. Сперанский, остававшийся по-прежнему членом Государственного Совета, должен был фактически выполнять работу, не занимая при этом никакого особенного поста. Прежде всего он составил две записки. В одной из них был исторический отчет о работе законодательной комиссии, другая содержала план дальнейшей работы. Здесь Сперанский представляет императору

на выбор две возможности: составлять систематические своды законов так, как пытались сделать при Александре, или избрать путь систематического издания всех существующих юридических постановлений. Император решительно высказался за второй метод. При подготовлении свода законов Балугьянский, Сперанский и их сотрудники должны были брать себе за образец кодекс Юстиниана и исходить из принципов, сформулированных Бэконом.[18] Принципы эти были именно теми идеями, из которых, как мы уже видели, исходил Карамзин в своей "Записке о древней и новой России". Поэтому не удивительно, что принятый теперь план работы для составления свода в основном соответствовал высказанным Карамзиным идеям.

Спорным остается вопрос, придерживался ли Сперанский всегда существующего русского права или он все-таки иногда "тайком" вводил в свод правовые постановления из различных иностранных кодексов, иными словами, не содержит ли свод некоторые элементы, в основу которых легло принятие иностранного права. Этому вопросу посвящена статья М. Винавера.[19] Винаверу удалось в некоторых случаях доказать, что тут налицо элементы иностранного права. Но эти случаи все же представляют собой отдельные исключения. В общем, Сперанский исполнил работу согласно принятому плану.

Сперанский отдавал себе отчет в ценности своего дела, в том значении, которое должен был иметь свод для России. Мы читаем у Корфа: "Может быть, сколько мы его знали, у него была во всем этом еще и другая, более отдаленная цель, именно через извлечение наших законов из прежнего хаоса и большую доступность их перевоспитать умы, ввести народ в юридическую среду, расширить его понятия о праве и законности, и таким образом усилить его восприимчивость к высшему кругу идей и к большему участию в мерах, для него самого предпринимаемых. Во всяком случае, Свод послужил весьма важною ступенью к тому самомышлению и к той самодеятельности, которых развитие, обусловливаемое еще и другими обстоятельствами, хотя и началось у нас, при содействии правительства, конечно, уже гораздо позже, но для которых основные камни были положены, как нельзя в том усомни-

ться, творением Сперанского".[20] Эта оценка, даваемая Корфом работе Сперанского по созданию свода законов, чрезвычайно правильна, и трудно сказать лучше о важности этой работы для развития России в либеральном направлении.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 5

1. Карамзин. Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени. 1802, Собр. соч., т.9, Пб, 1835, стр. 94.
2. Там же, стр. 95.
3. М. Корф. Жизнь графа Сперанского. Пб, 1861, т.1, стр. 146.
4. Корф, там же, стр. 147. См. также Макаров в вышеуказанной статье о проекте конституции Розенкампфа.
5. Развитие этого в России шло тогда в том же направлении, что и на Западе, о чем Савиньи пишет: "Повсюду усиливается исторический подход и понимание истории, и при этом не остается больше места для беспочвенной надменности и ожидания от современности абсолютного совершенства". (Призвание, 1-е изд., стр. 5 и далее). Не удивительно, что представителем этого направления в России стал отец русской исторической науки Карамзин.
6. Это утверждение исторически неправильно, поскольку Петр Великий просто велел перевести некоторые иностранные законы. Но это здесь не имеет значения, потому что играет роль не исторический факт, а подход Карамзина к делу.
7. Здесь намек на то, что в течение XVIII века было 9 комиссий, которым была поручена разработка нового Уложения.
8. Bacon. De Argumentis Scientiarum. Lib. VIII, Cap. III. Aphor. 59.
9. Там же, афор. 64.
10. Цит. по Латкину. Учебник истории русского права (18-19 вв.). Пб., 1899, стр. 92.
11. В первый раз, как уже упоминалось, обе первые части проекта проверялись Государственным Советом в 1810 году, то есть в то время, когда еще Сперанский был директором комиссии. Третья часть была представлена Государственному Совету в 1813 году, в то время, когда Сперанский был в изгнании. Однако Государственный Совет так и не рассмотрел эту часть гражданского кодекса, ибо в июне 1814 года высочайшим указом было постановлено, что вместе с этой третьей частью надо проверить и первые две части. Проверка была прервана в 1815 году возражениями Трощинского. Проект очень остро критиковался министром юстиции Трощинским. Он упрекал проект в том, что он полностью следует иностранным образцам и чужд русскому народному духу. В соответствии с этим Государственный Совет постановил, что надо сравнить статьи проекта с существующим русским правом и что надо начать с того, чтобы подготовить систематическое издание существующих законов. (Корф, там же, т.1, стр. 168 и далее).

12. Корф, там же, т.2, стр. 277. К этому мнению присоединяется и Латкин.
13. Корф, там же, т.2, стр. 278 и далее.
14. А. Фатеев. Свод законов и его творец. Записки русского научного института в Белграде, т.7, 1932, стр. 66.
15. Корф, там же, т.2, стр. 211.
16. Сперанский не знал Карамзина до 1812 года. В первый раз они встретились в 1812 году в Нижнем Новгороде, когда Сперанский находился там в качестве ссыльного, а Карамзин в качестве беженца.
17. Корф, там же, т.2, стр. 298 и далее.
18. Об этом подробно пишет Латкин, стр. 98 и далее.
19. М. Винавер. К вопросу об источниках 10 тома. В журнале министерства юстиции за октябрь 1895 года.
20. Корф, там же, т.2, стр. 324 и далее.

Глава 6

НИКОЛАЙ I

Укрепление принципа частной собственности. – Проблема освобождения крестьян. – Законы в защиту крестьян. – Рассмотрение крестьянского вопроса Государственным комитетом под председательством Николая I. – Примечания по сути освобождения крестьян.

Вопрос о том, какое место следует отвести эпохе Николая I в рамках развития России в либеральном направлении – бесспорно нелегок. Свобода выражения мысли была ограничена, цензура была строга во всех областях, после 1848 года все эти ограничения еще усилились. При этом, однако, надо признать, что при Николае I не только сохранилось, но и укрепилось многое из того, что в конечном итоге должно было привести к возникновению либерального порядка в России и что было достигнуто при Екатерине II и Александре I. Трудно также оспаривать, что именно это укрепление послужило нужной предпосылкой для либеральных реформ Александра II.

В предыдущей главе я указывал на значение создания Свода Законов для развития всеобщего правосознания в России, а тем самым и для возникновения предпосылок для либерального порядка.

Но при Николае I некоторые конкретные элементы либерального правосознания упрочились. В своей Жалованной Грамоте Екатерина признала за дворянами право собственности на землю; признание это и восприятие земли, как частной собственности, глубоко проникло в правосознание не только всего дворянства,

а и самой династии. Такое укорененное у дворянства правосознание очень четко нашло себе выражение в одном из заключений Комитета 6 декабря (1826). Мы читаем здесь, что Комитет 6 декабря на заседании 28 сентября 1827 года при рассмотрении мероприятий, которые должны послужить к прекращению продажи крепостных без земли, подчеркнул необходимость "для предупреждения лживых толков и неосновательных догадок о будущих отношениях крестьян с помещиками, дать чувствовать, сколь священно и неотъемлемо перед Правительством и законом право сих последних на собственность владеемой ими земли. При том, однако же, замечено, что упомянуть о сем должно с некоторою осторожностью, положительно, но кратко и почти мимоходом, как о праве, которое не может быть подвержено сомнению".[1]

Сам Николай I полностью убежден был в святости этого принципа. В речи, которую он произнес в Государственном Совете в связи с законопроектом о так называемых обязанных крестьянах, он подчеркнул, что закон этот ко всему прочему полезен еще и потому, что он недвусмысленно "выражает волю и убеждение правительства, что земля есть собственность не поселенных на ней крестьян, а помещиков".[2] Он указал на то, что это четкое утверждение имеет большое значение для сохранения спокойствия в будущем, высказываясь по этому поводу следующим образом: "Я сомневаюсь, чтобы кто-либо из моих подданных осмелился действовать не в этом смысле, лишь только моя точная воля ему стала бы известна".[3]

Именно убеждение Николая I в том, что земля есть частная собственность дворян, и надо рассматривать как главное препятствие освобождению крестьян в его время. Целый ряд его высказываний разным людям доказывает, что сам он был сторонником освобождения и даже что освобождение крестьян было одним из самых сильных его желаний. Но Николай считал себя крепко связанным существующим правом, даже в тех случаях, когда право это ему лично совсем не нравилось и противоречило его личным взглядам. Русский историк Кизеветтер пишет: "Николай Павлович и его брат не были проникнуты симпатией к конституционным учреждениям. Император Николай Павлович совершенно определенно признавал, что весь строй его мысли и весь склад его

натуры были глубоко чужды духу конституционного режима. И потому Николай Павлович воспользовался первым случаем для того, чтобы формально уничтожить польскую конституцию. Но тем важнее отметить, что пока эта конституция еще не была уничтожена, Николай Павлович, при всем стремлении к безграничной полноте своей власти, считал для себя обязательным точное соблюдение конституционных форм".[4] Известно также, что Николай I строго осудил французского короля за нарушение признанной им конституции. Он считал нарушение закона несовместимым с достоинством монарха.

Опыт показал, что освобождение крестьян, не сопровождаемое наделением землей, в значительной мере ухудшает их экономическое положение. Поэтому нельзя было думать об освобождении такого рода. Крестьян можно освободить только в том случае, если освобождение будет сопровождаться наделением их частью земель, принадлежащих землевладельцу. Но для того, чтобы это сделать, надо нарушить признанный и законом утвержденный принцип, согласно которому земля является частной собственностью дворянства, а следовательно государственная власть не уполномочена отбирать ее у дворян. Николай I был недостаточно гибким человеком для того, чтобы найти выход из этой дилеммы.

Может быть, он еще и потому колебался приступить к освобождению крестьян, что недостаточно находил поддержки этим планам среди дворян, среди своих сотрудников из высших чиновных кругов. В 1834 году Николай сказал следующее своему будущему министру государственных имуществ Киселеву: "Меня в особенности заинтересовало одно место: это то, в котором ты говоришь об освобождении крестьян; мы оба имеем те же идеи, питаем те же чувства в этом важном вопросе, которого мои министры не понимают и который их пугает. Видишь ли, – продолжал Государь, указывая рукою на картоны, стоявшие на полках кабинета, – здесь я со вступления моего на престол собрал все бумаги, относящиеся до процесса, который я хочу вести против рабства, когда наступит время, чтобы освободить крестьян во всей империи".[5]

Однако и среди дворян должно было постепенно распространяться сознание того, что освобождение крестьян представляет со-

бой необходимость.[6] А если не сознательное понимание, то какой-то общественный и правовой инстинкт должен был подсказывать дворянам, что продолжение крепостного права несовместимо с их собственным новым статусом полноправных граждан, с той гражданской свободой, которая со времен Екатерины стала действительностью не только для дворян, а и для городских жителей. Гражданская свобода как привилегия аристократии могла совмещаться с рабством, но никак не с владением крестьянами в той форме, какая выработалась в рамках крепостного строя. А для рабства в России не было просто никакой исторической почвы. Представители дворянства во все времена отдавали себе отчет в этом, как и в том, что крепостной строй по юридической сути своей отличается от рабства. Д. Милютин подчеркнул это в докладе, который он читал на заседании Общества Политической Экономики в Париже 5 мая 1863 года.[7] Он указал на то, что превращение крепостного строя в настоящее рабство в России немыслимо; может быть, еще возможно было возвращение к старым формам крепостничества, какими они известны, например, в XVIII веке. Во всяком случае, такое решение крестьяне бы поняли, а может быть даже и приветствовали бы. Но это означало бы значительное усиление государства, что в конечном итоге несовместимо с принципами Жалованной Грамоты 1785 года.

Интересно отметить, что на самом деле при Николае I произошло легкое смещение именно в этом направлении, хотя и не в результате сознательного намерения со стороны правительства. Это было просто неизбежным следствием того обстоятельства, что ничто не может продолжаться вечно, и уж во всяком случае не может длиться вечно переходный период. Поскольку правительство не могло или во всяком случае не осмеливалось сделать и крестьян свободными и полноправными гражданами, а тем самым окончательно укрепить в России гражданский строй, не оставалось иной возможности, как прибегать к мероприятиям, которые соответствуют сути крепостного строя. Николай, обращаясь к Государственному Совету, официально охарактеризовал крепостное право как очевидное зло. Но одновременно он заявил, что "прикасаться к нему" было бы сейчас еще большим злом. И поскольку временно отказывались от того, чтобы предоставить крестья-

нам свободу, не оставалось иного выхода – если вообще хотеть что-то сделать в пользу крестьян – как ограничить власть помещиков над крепостными и подчинить пользование этой властью некоему государственному контролю.

Градовский пишет, что при Николае I издано было больше указов для защиты крестьян от помещиков, чем при его предшественниках: всего 108 от 1826 до 1855 года.[8] Так например, 19 июня 1826 года и 6 сентября 1826 года министру внутренних дел направлены были две инструкции, бравшие под защиту интересы крестьян. Первая инструкция предписывала помещикам вообще "обращаться с крестьянами по-христиански и согласно законам". Предводителям дворянства ставилось в обязанность наблюдать за действиями помещиков с этой точки зрения, а при несоблюдении этой обязанности им грозили строжайшие дисциплинарные наказания. Инструкция от 6 сентября посвящена была точной регулировке этих контрольных функций. Впоследствии изданы были дальнейшие указы и законы, все направленные на то, чтобы урезать право дворян неограниченно распоряжаться крестьянами. В 1827 году помещикам запрещено было уступать своих крепостных крестьян для работы на шахтах. В 1827 и 1828 годах им запрещено было ссылать крестьян в Сибирь. В 1833 году им запретили сдавать в аренду поместья, на которых есть крепостные. В 1854 последовал запрет помещикам передавать некоторые свои права приказчикам. Все эти постановления направлены на то, чтобы ограничить власть дворян над крепостными. У всех у них одна общая черта: ограничение прав дворянства никоим образом не выливается в расширение прав крестьян. Тут лишь создается объективный порядок, которому подчиняются или которым связаны дворяне. Порядок этот имеет последствия, благоприятные для крестьян (или во всяком случае должен их иметь), однако ни один из этих законов не предоставляет крестьянам личных прав, то есть таких, которыми они могли бы пользоваться по отношению к дворянам. В полном соответствии с этим находится и то обстоятельство, что крестьяне не имеют права жалобы на хозяев. Крестьянин ничего не может предпринять против помещика, нарушающего эти законы. Против помещика, обращающегося со своими крестьянами "не по-христиански и не в согласии с законом"

может действовать только предводитель дворянства и местное полицейское управление. Точное представление о том, как же обстояло дело, мы можем получить из циркуляра министерства внутренних дел от августа 1849 года: "По закону Предводители дворянства должны иметь сведения о поведении, образе жизни и состоянии дворян, а также о положении их имений и пещись о пользах дворянства и об охранении в сем сословии благоустройства и порядка. Правительствующий Сенат, по рассмотрении дела о двух уездных Предводителях дворянства, преданных по Высочайшему повелению суду с отрешением от должности за допущение одного помещика и жены его к чрезмерно жестокому обращению с крепостными людьми их, нашел, что жестокие поступки сих владельцев, а также разорение ими крестьян, которые вынуждены были питаться подаянием, доказаны по суду, что таковое злоупотребление помещичьей властью продолжалось несколько лет и что за сим самое неведение уездных Предводителей дворянства и чинов земской полиции об означенных поступках показывает уже явное нерадение в исполнении ими своих обязанностей... Правительствующий Сенат положил вышеупомянутым Предводителям сверх отрешения их от должностей сделать на основании 43 и 442 ст. Уложения о Наказаниях в присутствии суда при открытых дверях строжайший выговор, со внесением в послужные их списки, предоставив министерству внутренних дел распорядиться об ограничении прав сих дворян в отношении избрания их на будущее время в должности предводителей... Поставить в известность всех Предводителей дворянства об определенном сказанным лицам взыскании за нерадение в отправлении ими своих должностей".[9]

В этом постановлении Сената ни слова нет о том, что крестьяне пробовали жаловаться на противозаконные действия помещика и вообще как-то защищать свои права. Крестьяне упоминаются только как предмет опеки со стороны государственных органов. Полностью отсутствует даже мысль о том, что крестьяне могли бы вообще предъявлять какие-то свои личные требования. Характерна тут еще одна черта: предводители дворянства, т. е. дворянством избранные представители цензовых интересов и хранители сословных традиций, используются правительством наподобие

служащих полиции для наблюдения за другими членами того же сословия, и наказываются они теми же дисциплинарными взысканиями, как и полицейские служащие. Эта картина столь широкой бюрократизации даже внутрисословных отношений на самом деле производит подавляющее впечатление.

Николай I вовсе не собирался останавливаться на вышеупомянутых отдельных мероприятиях, направленных на ограничение власти крепостных владельцев. Он мечтал о всеобщем и совершенно новом регламентировании отношений крепостных с хозяевами. Во время царствования Николая шесть тайных комитетов занимались крестьянской проблемой. Три из них занимались только особыми проблемами крестьянского существования. Крестьянский вопрос вообще рассматривался в Комитете 6 декабря (1826), в Комитете 1839 года и в Комитете 1846 года. Комитеты эти стремились не к отмене крепостного права, а к упорядочению отношений между крестьянами и помещиками в рамках крепостного строя. Это было естественным последствием того, что правительство отклонило два решения, считая их неприемлемыми: с одной стороны, личное освобождение крестьян без передачи им земли,[10] с другой стороны, отобрание земли у дворян для наделения ею крестьян.

В Комитете 6 декабря[11] Сперанский докладывал по крестьянскому вопросу. По мнению Сперанского, надо стремиться к восстановлению настоящего крепостного права, т. е. прикреплению крестьянина не к особе помещика, а к земле, и обязательства крестьян по отношению к хозяевам изложить в форме договора.[12]

В Комитете 1839 года разработка планов поручена была графу Киселеву. И он в своем проекте пытался найти какой-то выход из положения, избегая как освобождения крестьян без земли, так и необходимости отнимать землю у помещиков. По мнению Киселева, надо было по-прежнему считать землю собственностью помещиков, но тем не менее обеспечить крестьян землей. Надо обязать землевладельцев предоставлять крестьянам известные наделы, а крестьяне со своей стороны должны быть обязаны обрабатывать эти наделы и за пользование ими отдавать землевладельцам некую плату. При таком устройстве личная свобода крестьянина ограничивалась тем, что он оставался прикрепленным

к земле (но уже не к хозяину), в то время как право собственности землевладельца тоже ограничивалось обязанностью давать землю крестьянам. Размеры наделов так же как и плата, которую за них будут вносить крестьяне, должны были быть определены законом.

Чрезвычайно интересны доводы Киселева против того, чтобы предоставить крестьянам наделы не только в пользование, а и в собственность. Во-первых, он считает право собственности землевладельцев священным и неприкосновенным. Но помимо этого, с чисто политической точки зрения он против обращения крестьян в свободных собственников. Ему ясно, что гражданские права и гражданская свобода представляют собой основу и для прав политических. Превращение крестьян в собственников повело бы к участию широких народных масс в управлении государством, "по праву вотчинной собственности", что "силою необузданного большинства ниспровергнет равновесие в частях государственного организма".[13]

Указ, изданный в 1842 году на основании этого проекта Киселева, отличается значительным ослаблением первоначальных намерений. Определение размеров наделов и платы за них предоставляется крестьянам и помещикам, которые должны свободно об этом договариваться. Уже, значит, речь не идет о том, чтобы и то и другое определить и утвердить законом. Но еще важнее то обстоятельство, что помещики ни в какой мере не обязаны предоставлять крестьянам наделы. То, что возможно было в рамках старого крепостного права, теперь представляется совершенно неосуществимым. Жалованная Грамота Екатерины существует уже 50 лет, и дворянам кажется совершенно естественным право свободно распоряжаться своим имуществом. Право это незадолго до того вошло в Свод Законов и тем самым вновь было подтверждено. Но не только дворяне считали бесспорной неограниченность своего права собственности. Самодержец тоже учитывал это убеждение дворянства и признавал, что свободное право помещиков полностью распоряжаться своей собственностью никак не может быть урезано. Когда князь Голицын на заседании Государственного Совета указал на то, что если не сделать законно обязательным предоставление крестьянам наделов, все это устройство

будет существовать только на бумаге, Николай I дал на это следующий многозначительный ответ: "Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую меру никогда не решусь, как не решусь и на то, чтобы приказать помещикам заключать договоры, это должно быть, опять повторю, делом их доброй воли".[14] На той же основе доброй воли издан был и закон об "обязанных крестьянах" от 2 апреля 1842 года. Таким образом, речь шла лишь о Высочайшей рекомендации, как и предвидел князь Голицын, практическое значение ее оказалось очень незначительным.[15] Императору пришлось убедиться в том, что подданные его все-таки далеко не всегда действуют согласно с его желаниями, даже в тех случаях, когда воля его им точно известна.

И после 1842 года Николай и его правительство продолжали интересоваться крестьянским вопросом. В 1846 году вновь был создан комитет для совещания о мероприятиях, считавшихся необходимым введением в дело окончательного освобождения крестьян. Комитет этот собрался лишь один раз, но во время этого единственного заседания министр внутренних дел граф Перовский изложил замечательный план.[16] Согласно этому плану крестьяне должны оставаться прикрепленными к земле, т. е. по-прежнему крепостными. Но они перестают быть собственностью хозяев, потому что у господ по отношению к крестьянам остаются лишь полномочия, которые Перовский называет политическими. Речь шла о том, чтобы дворяне сохранили по отношению к крестьянам прежнее положение административных и судебных органов, а также собирателей налогов, но они не должны больше называться собственниками крестьян. Крестьяне же должны быть прикреплены к земле, для того чтобы точно и вовремя выплачивать положенное государству и самим хозяевам, таким образом, обеспечивая доходы государства и существование помещика. Размеры того, что полагается платить крестьянам, должны быть установлены законом, законом же должны быть обеспечены права крестьян на движимое и недвижимое имущество. Этот план представляет собой возврат к принципам старого крепостного строя. Законом определяются нормы для распоряжения землей дворян. В принципе земля эта остается собственностью хозяина, но должна быть предоставлена в пользование крепостным крестьянам. Размеры

того, что крестьянам положено платить, тоже определяются законом и договорами, которые обязательны для обеих сторон и утверждены государственной властью, что означает, что и содержание их в известной степени этой властью определяется. Таким образом, помещик превращается в государственного чиновника или собирателя налогов, которому отдается часть налогов сразу же после их получения. Отношения между крестьянином и помещиком таким образом вновь приобретают общественно-правовой характер.

В той мере, в какой государство оставляет за собой право распоряжаться землей, оно соответственно и ограничивает то же право собственника. От такого урезывания права свободного распоряжения до понятия относительности права собственности вообще остается один только шаг. И шаг этот полностью закономерен с точки зрения юридической логики. Если государство предписывает собственнику, каким образом он может и должен распоряжаться своей собственностью, оно может и наказывать в случае, если требования его не выполняются. Одним из возможных наказаний, конечно же, может явиться, и вполне естественным образом, отнятие самой собственности. И вот мы имеем обоснование условного характера собственности. Выполнение некоторого долга (а именно, долга распоряжаться определенным образом своей собственностью, согласно государственным предписаниям) по отношению к государству становится предпосылкой и условием собственности. Если собственность таким образом стала институтом условным, ничто не может помешать государству ставить и дальнейшие требования, а дальнейшие обязанности делать тоже предпосылкой и необходимым условием собственности. Такой обязанностью может быть, например, провести известное число лет на государственной службе. Таким образом, вновь восстанавливается обязующий характер повинности государственной службы, и отменяются законы от 1762 и 1785 годов в этой области. На все это можно возразить, что такое ограничение права дворян свободно распоряжаться своими имуществами так и осталось в стадии проекта. Но это верно только отчасти. В 1853 году законом было запрещено помещикам давать в аренду свои имения, если на них имеются крепостные: это прямое ограничение, путем

закона, права свободно располагать своей собственностью. Кроме того, в течение многих лет возникали многочисленные проекты, один за другим, направленные на ограничение права помещиков распоряжаться своими поместьями. Если правительство и не превращало эти проекты в законы, то это происходило только потому, что император по собственным его словам не осмеливался игнорировать правовое сознание дворянства. Очевидно, однако, правительство считало такое ограничение права землевладельцев распоряжаться своими имениями в принципе возможным, несмотря на несовместимость его с принципом неприкосновенности частной собственности. Таким образом, не было гарантии, что все эти планы, допустимые с точки зрения всемогущей самодержавной власти, в какой-то момент не превратятся в действительность. Можно даже предположить, что такое развитие оказалось бы просто неизбежным, если бы не освобождение крестьян.

Как уже было упомянуто, в России немыслимо было превращение крепостных крестьян в настоящих рабов, в частную собственность хозяев. Поэтому оставалось только два пути: или надо было восстановить старый крепостной строй, а с ним и общественно-правовой характер отношений между крестьянами и дворянами, или провести в жизнь так называемое освобождение крестьян, т. е. надо было перерезать существующие связи между крестьянами и помещиками. Если бы избран был первый путь, он привел бы к утере безусловно обязательного характера государственной службы. Этот путь должен был привести и к отмене Жалованной Грамоты Екатерины. В таком случае дворянство потеряло бы гражданскую свободу, дарованную ему Жалованной Грамотой 1785 года, и тот правовой статус, на котором основывались право собственности и другие субъективные гражданские права. Если же избрать второй путь, то гражданская свобода и полное право собственности могли сохраниться, дворянин мог сохранить свой юридический статус, приведший его от крепостного строя к гражданскому. Зато ему надо было отказаться от своих прав на крепостных крестьян.

Надо сильно сомневаться в том, чтобы дворяне в середине XIX века отдавали себе отчет в сути этой альтернативы. Но можно предполагать, что сторонники освобождения среди дворян исхо-

дили из правильного сословно-социального инстинкта, который позволял им как бы предчувствовать, каковы будут для дворянства последствия продолжения крепостного права.

Выходившие на поверхность причины и поводы носили совершенно иной характер. В основном люди ссылались на эмоциональные моменты и в этом не было никакой натяжки. Для многих дворян, воспитанных в европейском духе уважения к свободе, и на самом деле было психологически непереносимо владеть крепостными и распоряжаться их судьбами. Кроме того, чем больше дворянин превращался во владельца частной собственности, и вообще в частное лицо, тем невыносимее должно было казаться ему бремя обязанностей вотчинной полиции.[17] Но наряду с этими сознательными двигателями вполне мог действовать и вышеупомянутый социальный инстинкт. Такое предположение представляется оправданным ввиду того, что второй из только что перечисленных осознанных моментов можно считать прямым результатом действия именно этого инстинкта. В пользу этой теории, во всяком случае, говорит то обстоятельство, что при освобождении крестьян, как мы еще увидим, почти совсем не думали о том, чтобы предоставить освобожденным крестьянам статус свободных граждан и свободных собственников, а прежде всего спешили устранить все связи между крепостными и хозяевами.

Теперь, когда прошло более ста лет с освобождения крестьян, создается впечатление, что законы от 19 февраля 1861 года главным образом направлены были на то, чтобы освободить не крестьян от господ, а наоборот, возможно скорее избавить господ от крестьян, от всех тех обязанностей, которые выпадали на долю хозяина поместья, населенного крепостными крестьянами. Хотя это и звучит парадоксально, но я очень склоняюсь к тому, чтобы считать Манифест 19 февраля в первую очередь не освобождением крестьян, а вторым освобождением дворян (первое имело место в 1762 и в 1785 году). 18 февраля 1762 года дворяне освобождены были от обязательной государственной службы. 19 февраля 1861 года они избавлены были от обязанностей общественно-правового характера в отношении своих поместий. Этим я вовсе не хочу сказать, что крестьянская реформа Александра II не имела величайшего значения и для крестьян. Однако она представляет

собой дальнейший шаг в направлении отмены крепостного строя прежде всего потому, что она значительно содействовала окончательному превращению дворян в частных людей и частных собственников. Именно поэтому освобождение крестьян и представляет собой мероприятие, которое нужно считать либеральным. Я объясню это еще подробнее несколько ниже.

Градовский говорит, что крепостное право было при Николае I в некоторой степени ограничено. Эти ограничения или смягчения крепостного права достигнуты были не укреплением принципов гражданского строя и их распространением на крестьянство, а наоборот, путем некоторого, хотя и частичного, возврата к доекатерининским формам крепостного строя. Создание сословия свободных граждан из массы крепостных, превращение их в независимых собственников и фермеров явилось бы глубокой революцией. Консервативно настроенный император Николай I не был на это способен и уж во всяком случае не был к этому склонен. Основным принципом своего царствования он сделал защиту существующего. Даже в тех случаях, когда он думал о реформах, он планировал их таким образом, чтобы новое было совсем незаметным для всех смотрящих извне, т.е. для всего народа, за исключением узкого круга чиновников, непосредственно данным вопросом занимающихся. Поэтому и подготовление реформ, иногда совсем малозначительных административных мероприятий, проходило за запертыми наглухо дверями тайных комитетов, о точных заданиях и работе которых не должны были ничего знать даже члены других комитетов и служащие других ведомств. Поскольку он не мог или не хотел решиться на то, чтобы сделать крестьян свободными гражданами в подлинном смысле этого слова, Николай вынужден был искать в рамках самого крепостного права юридические средства против того зла, которое приносил этот строй, а еще больше, пожалуй, его вырождение. Уже Сперанский указывал на то, что средства эти можно найти только на том пути, который ведет обратно к подлинному крепостному праву.

Однако, будучи консерватором, Николай не хотел и нарушать привилегии, дарованные дворянству Екатериной, его гражданские права, статус дворян как частных собственников. Поэтому огра-

ничение господской власти над крепостными, проведенное им посредством многочисленных законов и указов в пользу крестьян, удерживалось в весьма скромных размерах. Мероприятия Николая I относительно крестьянства не носили характера последовательных реформ. Правительство шло как бы наощупь от одного не слишком значительного и действенного мероприятия к другому, не отдавая себе по-настоящему отчета в подлинной сути этих мероприятий и заботясь в первую очередь о том, чтобы ничего существенного не изменить в данном положении. Не удивительно поэтому, что среди законов Николая (которым вообще свойственна, хотя и осторожная и ограниченная, но все же явная тенденция к восстановлению доекатерининского крепостного права) есть и один закон по крестьянскому вопросу, воплощающий тенденцию к расширению гражданского строя. Речь идет о законе от 3 марта 1848 года, которым разрешается и крепостным (только с позволения хозяина) приобретать себе в собственность землю. По мнению представителей тогдашней бюрократии, было бы чрезвычайно несправедливо и дальше отказывать крепостным в этом праве, поскольку, как написано в одном из официальных докладов того времени, "собственность есть после жизни самое важное земное благо".[18]

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 6

1. Сборник Императорского Российского Исторического Общества. т.74, стр. 171 и далее. Уже было замечено, что по тем же причинам надо добавить хотя бы несколько слов о праве помещиков на крепостных крестьян.
2. Зайцев, указанное сочинение, стр. 177.
3. Зайцев, указ. соч., стр. 161.
4. А. Кизеветтер. Имп. Николай I как конституционный монарх. См. в "Исторические очерки", М., 1912, стр. 417. См. также: Сборник Императорского Общества Истории, т. 131. В этом томе содержится переписка между императором Николаем I и его братом Константином.
5. А. Заболоцкий-Десятовский. Граф П.Киселев и его время. Пб, 1882, т. II, стр. 2 и стр. 208 и далее.
6. Чувство разочарования, широко распространившееся после поражения 1855 года, наверное, только ускорило образование этого сознания.
7. Д. Милютин. Abolition du Servage en Russie, Extrait du Journal des Economistes. Июнь 1863, стр. 2.
8. Градовский, указ. соч., стр. 249 и далее.
9. Сборник Циркуляров и Инструкций Министерства Внутренних Дел. т. 1, Пб, 1854, статья 254.
10. В 1816 году при Александре I началось освобождение крестьян в Прибалтике. Эта реформа в прибалтийских областях послужила отпугивающим примером для коренных русских губерний. Дело в том, что в Прибалтике освободили крестьян, не давая им при этом земли. И та земля, которую эти крестьяне прежде обрабатывали, оставалась собственностью дворян. Таким образом, крестьяне превратились в поденных работников, и экономическое положение их вследствие освобождения не улучшилось, а ухудшилось.
11. Председателем комитета был граф Кочубей. Членами его были граф Толстой, князь Васильчиков, князь Голицын, барон Дыбич и Сперанский. Дела вел Блудов.
12. Кизеветтер, указанное сочинение, стр. 445 и далее. Не лишен интереса вопрос, каков должен был быть юридический характер этих договоров.
13. По Кизеветтеру, указ. соч., стр. 481.
14. По Кизеветтеру, указ. соч., стр. 484. См. Закон от 2 апреля 1842 г. №15 462.
15. Решение, даваемое законом от 2 апреля 1842 г., не только непрактич-

но, но с точки зрения юридической и нелогично, это совершенно очевидно. Свободное соглашение возможно, когда обе стороны свободны, а не между господином и крепостным в рамках крепостного строя.

16. Градовский, указ. соч., стр. 252.
17. Этому утверждению как будто противоречит тот факт, что губернские комитеты почти все высказались за сохранение за помещиками административной власти (вотчинной полиции) в деревнях. Однако не обязательно психологические тенденции и официальные постановления должны всегда совпадать. Кроме того, заключения комитетов касаются лишь переходных лет.
18. По Кизеветтеру, указ. соч., стр. 485.

Глава 7

НИКОЛАЙ I
(продолжение)

Время Николая I как переходный период. – Закон о государственных крестьянах. – Расширение разрыва между крестьянами и другими сословиями. – Культурная жизнь при Николае I.

Эпоха Николая I в подлинном смысле этого слова представляет собой переходный период. На это не всегда обращали должное внимание потому, что Николай I все заслонял своей личностью. Фигура самодержца выступает на первый план во всех областях жизни. От него все исходило и через него все проходило. И все было охвачено жесткими рамками строгой бюрократической иерархии и подразделено на отделы внутри бюрократической системы. От этого возникает впечатление единства, порядка, прочности и стабильности. На самом же деле, это была эпоха, в которую незаметным образом один строй сменялся другим, а именно крепостной строй – строем гражданским. Правительство же стояло то на стороне одного, то переходило на сторону другого, не понимая противоречий, существующих между ними, и не замечая их несовместимости. Именно потому, что правительство не могло полностью примкнуть ни к одному из этих двух порядков и не могло полностью признать своими принципы ни одного из них, постоянная и можно даже сказать огромная работа, которую правительство неутомимо вело, не выходила за рамки тайных комитетов и подготовления бесчисленных законопроектов.

Николай I признавал принцип частной собственности.[1] Наверное он не думал о том, чтобы принципиально сузить сферу частно-

го права. Наверное не намеревался сознательно заменить отношения, построенные на гражданском праве, отношениями, в основе которых лежит право общественное, придать им характер общественно-юридический посредством расширения предписаний и контроля. Многие из его сотрудников придерживались (по вопросу, например, свободы торговли и вообще по вопросам экономической политики) мнений, которые нельзя назвать иначе, как либеральными.[2]

Но у Николая было чрезвычайно сильно развитое чувство долга, а долгом своим он считал заботу о нравственном и материальном благополучии своих подданных. Это его чувство долга уходило корнями в принципы полицейского государства и в традиции православной державы. Также вполне соответствовал традиции тот факт, что ему чужда была всякая мысль о возможности или потребности как-то ограничивать монаршую волю, направленную на заботу о подданных; ему не могло даже придти в голову, что есть субъективные права или объективные правовые нормы, которые нельзя нарушать или менять даже для выполнения мероприятий, направленных на повышение благосостояния подданных. Несмотря на все это, Николай I глубоко чувствовал проблему законности вообще. Я уже упоминал замечание Кизеветтера о том, что император Николай чувствовал себя связанным постановлениями закона и считал своим долгом придерживаться их точно хотя бы для того, чтобы быть и в этой области образцом совершенства для своих подданных. Какой же был у императора выход в тех случаях, когда возникал конфликт между долгом его уважать предписания закона и другим долгом – заботиться о благосостоянии своих подданных, причем этот последний долг в абсолютистском полицейском государстве и в православной державе представляет собой конституционную сверхзаконность? Правила тут не было да и не могло быть. Окончательное решение должно было, конечно, зависеть от воли монарха. Иногда (как в случае упорядочения отношений крестьян с господами) он не мог решиться на то, чтобы в интересах благосостояния крестьян нарушить признанные права помещиков. Иногда он, наоборот, не обращал внимания на законные права своих подданных. Яркий пример тому – высочайший указ от 29 ноября 1848 года.

В циркуляре, которым министерство внутренних дел оповещало об указе всех губернаторов, 16 декабря 1848 года, мы читаем следующее:

"Государь Император, обратив особенное внимание на чрезвычайное распространение употребления зажигательных спичек, усмотреть изволил, что при случившихся в 1848 году пожарах, истребивших в одних городах более как на 12000000 рублей серебром обывательских имуществ, поджигатели весьма часто совершали свое преступление посредством спичек. Вследствие сего Его Императорское Величество в день 29 ноября 1848 года Высочайше повелеть изволил:

1. Чтобы заведения для выделки зажигательных спичек допускаемы были в одних столицах.
2. Чтобы продажа зажигательных спичек вразнос была вовсе воспрещена.
3. Чтобы те из сказанных заведений, которые существуют ныне в губерниях, были закрыты через месяц со дня объявления о том содержателям..."[3]

Таким образом, законные права собственников фабрик вообще не принимались во внимание: ведь император должен был заботиться о том, чтобы его подданные не подвергались опасности пожаров.

Вполне можно сказать, что господствовало убеждение, что монарх и его правительство существуют для того, чтобы заботиться обо всех и обо всем, а что заботиться о себе самих – есть неуважение к государству и тем самым политически опасная установка. Такое представление явно налицо во всем законодательстве Николая I и во всяком случае оно лежит в основе его правительственных мероприятий в качестве некоей общей тенденции. Лишь редко мы сталкиваемся с отклонениями от нее.

Характерным примером законодательства, построенного на принципе опеки и заботы свыше является законодательство о государственных крестьянах. Значение этих законов становится ясным, если принять во внимание, что в то время приблизительно половину всего населения России составляли именно государственные крестьяне. Я не могу дать точных цифр за то время, когда

издавались эти законы. Но нам достаточно цифр за период вокруг 1860 года, приведенных Милютиным в его вышеупомянутом докладе в Париже. Между 1840 и 1860 годами численность населения несомненно выросла, а соотношение между отдельными его группами – что для нас только и важно – не могло сильно измениться. До освобождения в России (не считая Польши, Финляндии и Кавказа) было:

23 миллиона крепостных
26 миллионов государственных крестьян
4 миллиона горожан
1 миллион дворян
650 000 духовных лиц.[4]

Эти 26 миллионов государственных крестьян были крестьяне, обрабатывавшие государственные имения. Имения эти имели колоссальные размеры. Не учитывая Сибири, Закавказья, а в Европейской России казачьих областей, военных поселений и имений, принадлежавших шахтам, в тридцатых года XIX века в Европейской России государственные земли составляли 87 миллионов десятин лугов и полей и 119 миллионов десятин леса.[5] Чтобы понять законодательство Николая I, мы должны исходить из положения государственных крестьян в предыдущие столетия.

В XVII веке земля, бывшая собственностью государства, состояла из следующих категорий:

1. Ненаселенные (пустые) земли.
2. Земли, населенные государственными крестьянами[6] (государственные имения).
3. Царские имения и имения, принадлежащие двору.
4. Служебные имения, предоставленные государством служилому дворянству.

Законом от 1731 года служебные имения приравнены были к имениям наследственным и обе категории получили общее наименование "недвижимое имущество". По мнению Заблоцкого-Десятовского тем самым служебные имения переставали быть государственной собственностью и превратились в частную собственность.[7] Но есть и другое толкование, согласно которому имения

дворян по-настоящему стали частной собственностью только в 1785 году. Во всяком случае, вследствие превращения служебных имений в частную собственность размеры государственных земель сократились еще в XVIII веке (в 1731 или 1785 году). Это сокращение не могло быть компенсировано отнятием у церкви имений (что произошло при Екатерине II), а еще менее присвоением государству имений, принадлежавших попавшим в немилость государственным деятелям. Но сокращение размеров казенных земель не означало сокращения числа казенных крестьян, поскольку крестьяне на служебных имениях уже в XVIII веке рассматривались как крепостные. Впрочем, правильно – во всяком случае начиная с Петра I – считать крестьян на принадлежащих двору поместьях крепостными царя.

На "волостных землях" (принадлежащих государству) испокон веков жили крестьяне. Они были свободны, им лишь полагалось отдавать известное количество денег, продуктов и труда государству. Вся сумма их обязанностей называлась тягло и поэтому волостные земли назывались также тяглыми. В одно почти время с возникновением крепостного права (в конце XVI и в начале XVII века) в наследственных и служебных имениях была ограничена свобода казенных крестьян. Каждый государственный крестьянин прикреплен был к своей общине, в первую очередь из-за круговой поруки. Свободу не отменили в принципе, но крестьян обязали находить себе заместителей в случае, если кто из них хочет покинуть деревню; такой заместитель должен был взять на себя все обязательства уходящего. Разумеется, это в высшей мере затрудняло реальную возможность ухода.

Вопрос о том, надо ли считать казенных крестьян крепостными государства – сложен, и ответы на него даются разные. Заблоцкий-Десятовский считает, что ответ должен быть положительным, потому что государство могло дарить дворянам казенные земли вместе с живущими на них казенными крестьянами.

Государственные крестьяне с давних времен жили общинами, которыми управляли крестьянами же избранные старосты, сотские и т.д. Выбор этот был не только правом общины, он был в первую очередь ее долгом. Главным заданием этих выборных

старшин было распределение налогов и натуральных податей среди членов общины и их сбор. При этом сами они были ответственны за то, чтобы община вовремя и полностью все уплачивала и сдавала. Указ от 19 мая 1769 года постановляет: "В случае неуплаты крестьянами в годовой срок подушной недоимки, забирать в города старост и выборных, держать под караулом, употреблять их в тяжкие городовые работы без платежа заработных денег, доколе вся недоимка заплачена не будет". Заблоцкий-Десятовский по этому поводу пишет: "Замечательно, что этот указ явился в первые годы царствования Екатерины II, когда она находилась вполне под обаянием либеральных идей XVIII века". Вообще и другие указы Екатерины относительно государственных крестьян носят определенно нелиберальный характер. Они основаны на предпосылке – самой по себе правильной – что согласно тогдашнему праву земля принадлежит не общине крестьян, а государству, и поэтому исходят преимущественно из соображений экономической пользы государства.[9] Объявить государственные земли собственностью крестьянских общин бесспорно было бы шагом в сторону либерализма, но предварительно надо было выработать для казенных крестьян новый юридический статус. А об этом, опять-таки, можно было начать думать лишь после Жалованной Грамоты дворянству и городам, когда некий образец уже был дан в лице дворян и горожан. Екатерина думала о таком мероприятии, но ее проект Жалованной Грамоты некрепостным крестьянам так и остался проектом.[10]

До Киселевской реформы наблюдение за общинами государственных крестьян поручалось в уездах земским исправникам, в губерниях – финансовым дворам. Положение государственных крестьян было очень нелегким, хотя они, в отличие от крепостных, и не находились под властью помещиков. Сперанский уже в 1827 году утверждал, что первым шагом в направлении общего решения крестьянского вопроса, т. е. преобразования крепостного права, должно быть новое устройство государственных крестьян; при этом в одном из своих докладов он указывал на то, что положение этих крестьян достаточно мрачное. Сперанский пишет: "Этот род людей беднеет и разоряется не менее крестьян помещичьих". Сперанский указывает на то, что работы и повинности их в

высшей степени неопределенны и неравномерны, и продолжает: "Земские исправники суть те же помещики, с тою только разностью, что они переменяются и что на них есть некоторые способы к управе; но взамен того, сии трехлетние владельцы не имеют никаких побуждений беречь крестьян, коих они ни себе, ни потомству не прочат".[11]

Николай, в крестьянском вопросе (а может быть и вообще) наиболее доверявший Сперанскому, полностью принял эту мысль его. Он велел, чтобы вопрос статуса государственных крестьян рассматривался отдельно от решения крестьянского вопроса вообще и с особой поспешностью. Но нелегко было найти человека, которому можно было бы поручить эту работу. Сначала думали о министре финансов Канкрине. Но он сам взял обратно собственный свой проект по этой проблеме, считая его неудовлетворительным. Тогда Николай обратился к графу Киселеву и поставил его во главе комитета, которому поручалось решение проблем, касающихся статуса государственных крестьян. Впрочем, уже до того существовала комиссия под руководством Куракина, которая занималась тем же кругом вопросов.[12]

По мнению Киселева, причиной обеднения государственных крестьян был недостаток покровительства и надзора. Вследствие недостатка покровительства государственные крестьяне противозаконно перегружены налогами и работами, а вследствие недостатка надзора распространяется алкоголизм и другие пороки.[13] Он говорил дальше, что волостные и сельские начальники избираются из людей самых порочных и сами являются первыми орудиями всех притеснений и беспорядков. Эти сельские чиновники дают себя подкупать зажиточным крестьянам и помогают им использовать в собственных интересах дела общины и притеснять бедных крестьян. А богатые крестьяне вполне естественно против всяких изменений, так как царящий в управлении делами беспорядок для них выгоден. Наоборот, "беднейший и многочисленнейший класс земледельцев желает улучшений в настоящем их состоянии и с полным доверием к правительству ожидает его распоряжений".[14]

Но вскоре оказалось, что оптимизм Киселева не оправдан. Наоборот, слухи о готовящихся правительственных реформах

сильно встревожили государственных крестьян. Особенно обеспокоили их слухи о том, что правительство собирается преобразовать крестьянские общины в своего рода военные поселения и при этом ввести общественную запашку. В результате этих слухов зажиточное крестьянство стало переходить в городское состояние.[15] Особенно интересно при этом заметить, что крестьяне боялись именно введения общественной запашки. Это явно противоречит предвзятому мнению о том, что "великороссам присуще врожденное стремление к коллективизму". И в 1842 году Киселев докладывает императору, что сопротивление посеву картофеля вызвано в первую очередь тем, что "разведение картофеля в мнении крестьян смешивается с учреждением общественной запашки, для них ненавистной".[16]

Так, сам граф Киселев через несколько месяцев после доклада от 17 мая 1837 года вынужден был признать, что далеко не все крестьяне "с полным доверием" ожидают планируемых им нововведений. В докладе от 26 ноября 1837 года он пишет: "Всякая власть, установляемая вновь... естественно порождает неудовольствия многих... в самом сословии поселян первое впечатление будет невыгодно... люди сии почтут стеснительным для себя всякое действие попечительной власти".[17] При этом Киселев считал, что проекты его не вводят ничего существенно нового и не отклоняются нисколько от уже существующих законов.[18] Он считал, что реформа его должна послужить лишь к обеспечению подлинной действенности этих законов и к пополнению имеющихся в них пробелов. Он предполагал, что недовольство может быть просто следствием желания сохранить существующий беспорядок, поскольку при нем возможна необузданная свобода, а крестьяне часто "предпочитают удовлетворение привычных страстей всем обещаниям лучшего состояния".[19] Поэтому он полагал большой ошибкой отказ от реформы. По мнению Киселева, если правительство и дальше останется бездейственным, существует опасность, что мероприятия для устранения неустройств будут происходить "не по собственному внушению властей, но по требованиям, снизу восходящим".[20] Вообще Киселев был глубоко убежден в том, что покровительство свыше – источник счастья. Летом 1838 года он предпринял поездку по России. При этом он отмечал

в своей записной книжке, что крестьяне счастливы, когда "руководствуются властью попечительною, отеческою и не стеснительною".[21]

Этой властью должно было пользоваться министерство государственных имуществ и подчиненные ему органы в губерниях и округах, в волостях и деревнях. Такими органами являлись в губерниях палаты государственных имуществ, в округах – окружные начальники, в волостях и деревнях – самими крестьянами избираемые управления и суды. К управлениям были приставлены упомянутыми ведомствами назначенные писари. Писари сельских управлений назначались окружными начальниками, писари волостных управлений – палатами государственных имуществ.

Все эти ведомства должны были заботиться о благосостоянии государственных крестьян. Прежде всего они должны были заботиться о том, чтобы казенная земля возможно равномернее разделена была между общинами и внутри общин между отдельными дворами и чтобы возложенный на каждый двор оброк соответствовал размерам данной ему земли. В этом смысле положение далеко не было удовлетворительным. Были отдельные общины, в которых дворы получали лишь по полдесятины на душу, а в других общинах на душу давали по двадцати и более десятин. А было 600000 душ, у которых вообще не было никакой земли. Многие крестьяне вынуждены были переселяться на землю помещиков или уходить в другие губернии. Бывали даже случаи, когда государственную землю брали в аренду спекулянты и переарендовали ее крестьянам. Распределение налогов и прочих повинностей среди отдельных общин тоже не было равномерно. Сделанные прежде правительством попытки исправить распределение земли среди общин нередко еще ухудшали положение крестьян, а проведение в жизнь всех этих мероприятий неизменно сопровождалось подавлением крестьян.[22] Да и внутри общин распределение земли не было справедливо. "При распределении общественных земель в сельских обществах мироеды успевали обделять в свою пользу прочих крестьян".[23] И в таких случаях вмешательство правительства редко бывало успешным.

Новый порядок должен был устранить все эти недостатки.

Новосозданные ведомства должны были наблюдать за сельскими управлениями и даже вообще за сельскими общинами. Конечно, они не имели права навязывать решений сельским собраниям и управлениям, если речь шла о делах, которые те полномочны были решать. Но они должны были смотреть за тем, чтобы их решения не противоречили существующим законам. Временно же, до достаточного развития сельских управлений, в полномочия окружных начальников входило не только выполнение функций наблюдателей и попечителей, а и право давать указания и выносить постановления.[24] Впрочем, позволительно сомневаться в том, что такое полномочие вызвано было только недоразвитостью сельского управления и действительно должно было со временем отпасть. Дело в том, что у этого полномочия был другой, глубокий, юридический корень. В другом месте Заблоцкий-Десятовский пишет: "Администрация не могла ограничиваться отрицательными действиями в отношении государственных крестьян, между прочим и потому, что земли, на которых жили крестьяне, признавались имуществом государственным, а эти имущества составляли предмет не попечительства, а управления".[25]

Власть эта, однако, должна была служить не для экономической эксплуатации крестьян, а для повышения их благосостояния. В этом – принципиальная разница между министерством государственных имуществ и удельным управлением.[26] Заблоцкий-Десятовский по этому поводу говорит: "Удельное управление не соствляло администрации в государственном смысле; это было управление помещичье, в котором крестьяне были не целью, а только средством извлекать наиболее дохода из имения..."[27] Интересно отметить, что при всем при том как раз удельное управление – одно из немногих ведомств, на которые не приходится получать жалоб, в то время как со всех сторон поступают жалобы на министерство государственных имуществ. Крестьяне жаловались в первую очередь на то, что реформа повлекла за собой значительное размножение ведомств, содержать которые приходится прямо общинам, а к тому же частые наезды высокопоставленных чиновников из округа и губернии тоже связаны со значительными расходами. Крестьяне, наконец, указывали на то, что в случае плохого урожая – т. е. именно в том случае, когда необ-

ходимо попечительство – новые ведомства проявили себя чрезвычайно беспечно и несерьезно.[28] Критика нового порядка исходила не только от одних крестьян. Многие принципиально отвергали попечительство со стороны властей и стояли на той точке зрения, что правильнее "предоставить крестьян самим себе".[29] Военный губернатор Ярославля Полторацкий однажды в разговоре с бароном Корфом иронически заметил: "Помещики собираются поставить Киселеву монумент; с тех пор, что введено новое управление казенными крестьянами, положение их до того стеснилось и сделалось невыносимым, что многие из помещичьих далеко предпочитают свое и боятся как огня обращения их в государственных".[30]

Речь тут идет об очень интересном явлении: крестьяне предпочитали положение, при котором они были предметом эксплуатации, иному положению, при котором они становились предметом попечительства. Может быть это можно объяснить тем, что эскплуатация означает хотя и жесткий, однако вполне рациональный подход к эксплуатируемому. Но становясь опекаемым, человек рискует стать жертвой жестокости сентиментального идеализма.

Идея попечительства (т. е. представление, что государство должно снабжать крестьян землей и далее следить за тем, чтобы крестьяне более или менее равномерно распределяли землю эту между собой) порождена была страхом пролетаризации части народа. Из-за этого опасения, основанного на некоторых политических предвзятых мнениях, правительство готово было пойти на все экономические и прочие недостатки этого отсталого аграрного коллективизма, чтобы только как-то задержать естественный процесс дифференциации населения.[31]

Юридический статус государственных крестьян был выгоднее, чем статус крепостных. С 1801 года они имели право приобретать в собственность землю. У общин были юридические средства для того, чтобы защищать свои интересы по отношению к государственной земле, данной им в пользование.[32] Казенным крестьянам разрешалось заключать договоры. Они могли относительно свободно выбирать род занятий, могли заниматься земледелием или ремеслами, или создавать маленькие фабрики, или переходить в городское сословие. Беда была в том, что юридический статус

казенных крестьян не был достаточно гарантирован. Общины их могли быть превращены в военные поселения. Государственные крестьяне могли быть переданы Удельному ведомству. Их могли даже подарить какому-нибудь дворянину и таким образом они превращались в крепостных. (Последний факт, однако, в XIX веке уже не имел места никогда). Переход из состояния казенного крестьянина в состояние крепостного до 1848 года связан был с потерей права собственности на землю (если таковое было) и с ограничением юридической и экономической ответственности.[33]

Было бы, однако, несправедливо по отношению к Киселеву и к созданному и руководимому им министерству государственных имуществ не учесть положительных результатов, достигнутых его министерством. В самом деле, эти результаты далеко не были незаметными. В 1838 году, т. е. в первый год после создания министерства, в России почти не было народных школ.На государственных землях было в 1838 году только 60 школ, в которых училось 18880 школьников. В 1866 году, когда казенные крестьяне вышли из-под ведомства министерства и подчинены были нормальным административным органам, занимавшимся крестьянскими вопросами, в деревнях школ было 7869 и обучалось в этих школах 280000 учеников. И число церквей было в 1838 году совершенно недостаточным. В 1866 году в казенных деревнях было 12975 церквей, 5987 часовен и 166 молелен. В основном это были, конечно, православные церкви, но были и церкви других христианских вероисповеданий. Кроме того, в казенных деревнях было 1818 мечетей. В 1838 году на казенных землях почти не было врачей и больниц (в общей сложности 3 больницы и 5 врачей); для того чтобы прививать населению оспу, на сельских собраниях выбирали молодых крестьян, непригодных для военной службы. В 1851 году в рамках министерства создано было медицинское управление. В 1866 году в казенных деревнях было 269 больниц, 170 врачей. Министерство государственных имуществ старалось бороться с потреблением спиртных напитков. И в этой области ему удалось достичь некоторого успеха. В 1850 году в казенных деревнях было 15700 питейных заведений, т. е. приблизительно одно на тысячу жителей. В 1854 это число упало до 10726, т. е. по одному на 1600 жителей. В 1850 казенные крестьяне истратили

6 миллионов рублей на спиртные напитки. В 1854 – они истратили лишь 3 миллиона рублей. Преступность среди казенных крестьян в эти годы также понизилась. За три года (1834 – 1836) 5614 государственных крестьян приговорено было к тюремному заключению; за годы же 1852 – 1854 было всего 2035 приговоров. Чтобы поощрить крестьян и добиться от них лучшей работы, министерство стало раздавать всякие премии, как денежные, так и сельскохозяйственное оборудование, медали и свидетельства.[34]

Большим недостатком этого эксперимента был, конечно, чисто бюрократический характер всей системы. Несмотря на то что сельские и волостные управления избирались самими крестьянами, дух самоуправления и самодеятельности не находил тут себе места для развития. И эти избранные представители по сути дела оставались только исполнительными огранами ведомств. Всеобщее представление было таково, что все должно быть приказано и определено свыше. Всякая инициатива, исходящая от самого населения, отклонялась как нечто недопустимое, как выражение недоверия к правительству. При Николае I к служащим различных ведомств в округах и губерниях добавились избранные лица. Но и тут эти выборные люди не являлись представителями свободных общественных сил (того, что принято было называть общественностью), а речь шла просто о чиновниках, путем выборов назначенных в члены управления от определенных сословий. Так что мнение Кизеветтера, согласно которому в этих ведомствах проявляются уже некоторые черты будущих земств, можно принять лишь с большими оговорками (речь шла в первую очередь о ведомствах, ответственных за здравоохранение, за пути сообщения, за благотворительность и народное просвещение).[35] Внешняя процедура земских выборов иногда действительно могла напоминать, хотя бы и частично, опыт выборов при Николае I. Но принципиальная разница была велика. При земских выборах речь шла об избрании подлинного всеобщего самоуправления со стороны разных общественных групп. Самоуправление это не было органом правительства, оно представляло общественность. При Николае I были выборы, но избранные были избранными чиновниками.

Кизеветтер считает, что особенность царствования Николая I "не в отсутствии стремления к реформам, а скорее наоборот – в той самоуверенности, с которой правящая бюрократия обращалась с существеннейшими государственными проблемами".[36] Мнение Кизеветтера по этому поводу лишь отчасти оправдано. Он прав в том смысле, что бюрократия эпохи Николая I действительно была в достаточной степени самоуверенна. Но он ошибается в том, что не видит разницы между самоуверенностью и решительностью. Действительно, правительство при Николае не сомневалось в том, что оно одно призвано решать все государственные проблемы, все приводить в порядок и все проверять, и что оно все это может. Ему была абсолютно чужда мысль о том, что оно могло бы воспользоваться помощью каких-либо не входящих в его состав элементов. Но вряд ли можно назвать это правительство решительным. Оно не осмелилось провести глубоких серьезных реформ ни в одной области. Смелость оно проявляло только в подготовке реформ.

При вступлении на престол Николая I юридический статус крестьян (как крепостных, так и казенных) определялся принципами, принадлежавшими к сути крепостного строя. Наоборот, юридический статус дворянства и городов основан был на главных принципах строя гражданского. Оставаясь верным своей коренной установке, Николай ничего в этом положении не изменил. Таким образом то, что сделано было в направлении к либерализму при Екатерине и Александре I предохранено было от уничтожения. По характеру своему и по своим деспотическим склонностям Николай I скорее всего должен был с большой легкостью отказаться от всего имевшего место при его предшественниках либерального развития и вновь восстановить крепостной строй и для тех сословий, для которых он был отменен; сделать это ему было совсем не трудно. Но чрезвычайно консервативный подход Николая спас Россию от такой глубокой реакции. То, что существует десятилетиями, обычно укрепляется уже благодаря самому факту своего существования. Я думаю, что таким образом может быть становится ясно, что я имел в виду, когда говорил, что при Николае I не только сохранилось, а и укрепилось многое, что достигнуто было при Екатерине II и Александре I на пути, который

в конечном итоге должен был повести к возникновению в России либерального строя.

Но неправильно было бы понимать это так, будто я оправдываю поведение Николая I и его правительства. Наоборот, я считаю справедливым утверждать, что эпоха Николая была чрезвычайно вредной для дальнейшего развития России. Николай I уверен был в том, что воля монарха все может определять, что монарх может приказать разным сословиям своей державы жить по разным юридическим системам, как бы дышать различным юридическим воздухом. Мысль о том, что воля монарха не является единственной властью, что и правовые принципы представляют собой власть, которая формирует характер и даже духовное существо человека, была Николаю совершенно чужда. И он, естественно, не мог и заметить, что благодаря этому в течение его долгого царствования все углублялась пропасть между правовым сознанием высших и низших классов. Но если бы он это и заметил, был ли он в состоянии опознать это явление в подлинном его значении? Я в этом сомневаюсь. Ведь для Николая важно было только, чтобы подданные точно выполняли волю монарха. Если они на самом деле были послушны, то хоть они и жили и действовали согласно совершенно различным правовым принципам, тем не менее, все было в согласии с волей царя, а следовательно, все было в порядке. К сожалению, этот подход очень наивен. Никак не может быть все в порядке, если между правовым сознанием отдельных слоев населения существуют противоречия. Это означает беспорядок, даже если такое положение временно отвечает намерениям правительства. Такое положение вещей может стать причиной общественного бедствия. Поэтому нельзя недооценивать опасность того, что правительство Николая I много лет ничего не предпринимало для переведения крестьянства из крепостного строя в строй гражданский, как это было сделано предшественниками Николая для дворянства и города.

Вышеприведенные цифры доказывают, что бюрократический аппарат министерства государственных имуществ достигал положительных результатов и польза, принесенная им в некоторых

областях была даже довольно значительна. Интересно, что царствование Николая I до 1848 года ознаменовалось большим развитием университетов в России. Особенно Московский Университет пережил в этот период время расцвета. Происходило это в первую очередь благодаря Уварову, который был при Николае в течение 15 лет (до 1849 года) министром народного просвещения, и благодаря попечителю московского округа по вопросам просвещения графу Строганову.Строганов прилагал все усилия для отыскания повсюду, где только можно, знающих и талантливых людей и приглашал их в Московский Университет. Так, во время его попечительства там появились, например, Редькин, Крылов, Крюков, Чивилев, Иноземцев, Кавелин, Соловьев, Кудрявцев, Буслаев. Корш назначен был университетским библиотекарем. Строганов сам не был ни слишком образован, ни слишком одарен, но преисполнен той любви к образованию, которая так характерна для эпохи Александра I. Все свое внимание посвящал он Университету. Чичерин пишет, что несколько поколений студентов чувствовали себя глубоко признательными Строганову.

Уваров был гораздо более значительной личностью. Даже Чичерин, обычно весьма критически высказывающийся о своих современниках, подчеркивает, что Уваров был человеком с многосторонним образованием и широким интеллектуальным кругозором. "Это был в подлинном смысле слова просвещенный человек, какими бывали иногда лишь магнаты эпохи Александра I".[37] Уваров всегда защищал интересы Университета, смысл и задания которого он прекрасно понимал; защищал он их даже от деспотизма Николая, делая все возможное в те времена, чтобы содействовать настоящему образованию.

Современники отметили это благоприятное развитие. Журнал "Московский наблюдатель" пишет: "Московский Университет быстро начинает приобретать достоинство и важность". По мнению журнала, это вызвано в первую очередь повышением требований при вступительных экзаменах и тем обстоятельством, что молодые доценты продолжают свое образование в Берлине. "Вступление на университетские кафедры молодых профессоров, приготовлявшихся к профессорству в Германии, составляет важную эпоху в летописях Московского Университета".[38]

Чичерин рассказывает нам, что в состоянии был дать тогда Московский Университет талантливому и действительно заинтересованному студенту: "Университет дал мне все, что он мог дать: он расширил мои умственные горизонты, ввел меня в новые, дотоле неведомые области знания, внушил мне пламенную любовь к науке, научил меня серьезному к ней отношению, раскрыл мне даже нравственное ее значение для души человека".[39]

Конечно все это достигалось не только в рамках официального преподавания, а бесспорно главным образом благодаря личному контакту с профессорами, который был очень тесным. Чичерин пишет: "Отношения между профессорами и студентами были самые сердечные... У Грановского, у Кавелина, у Редькина в назначенные дни собиралось всегда множество студентов; происходили оживленные разговоры не только о научных предметах, но и о текущих вопросах дня, об явлениях литературы".[40] Вообще то было время, когда духовная жизнь сосредоточена была в частных домах и идеологические дискуссии происходили главным образом в частных гостиных: яркий пример того, как автономия частной собственности благоприятно отражалась на духовной свободе. В Москве такие гостиные и такие кружки были особенно многочисленны. Чичерин пишет в своих воспоминаниях: "Однажды я сказал Ивану Сергеевичу Тургеневу, что напрасно он в "Гамлете Щигровского уезда" так вооружился против московских кружков... Это были легкие, которыми в то время могла дышать сдавленная со всех сторон русская мысль... Тургенев согласился с моим замечанием".[41] Действительно, в некоторых из этих гостиных встречались самые образованные и блестящие представители интеллектуальных кругов (например, у Н.Ф.Павлова, где Чичерин жил в бытность свою студентом). Тут происходил обмен мыслями среди глубоко образованных людей, обладавших часто и настоящим ораторским талантом. Как блестящи должны были быть эти гостиные, можно себе представить, если вспомнить имена участников. Здесь были самые крупные славянофилы: Хомяков, братья Аксаковы, братья Киреевские, молодой Юрий Самарин; а из западников Грановский, Чаадаев, Герцен. Чичерин пишет, что здесь, в этих кружках, его впервые "охватило неведомое дотоле увлечение, увлечение мыслью, одно из самых высоких и благород-

ных побуждений души человеческой".[42] "Я захотел сам быть участником и деятелем в этом умственном движении". "Здесь сложился у меня... идеал умственного и нравственного достоинства".[43]

Особенно после 1849 года эти кружки оставались единственными центрами интеллектуальной и духовной жизни. В 1849 году правительство начало искоренять в университетах все, что казалось ему подозрительным (а что могло не казаться подозрительным после европейских событий 1848 года?). В тот год Уварову пришлось подать в отставку, а Строганова заменил Назимов. Философия вычеркнута была из программы как опасный или во всяком случае подозрительный предмет, профессор философии (тогда Катков) был уволен. Лекции по логике и психологии поручены были духовному лицу (Чичерин говорит с презрением: попу Терновскому). Назимов должен был ввести среди студентов военную дисциплину, и с этой целью число студентов (за исключением медицинского факультета) снижено было на 300.

Несмотря на высокий уровень участников вышеупомянутых кружков, дискуссии в них оставались, в общем, малоплодотворными. Спор между славянофилами и западниками (в то время это была главная тема) носил чисто теоретический характер и велся вокруг абстракций. История этого спора не принадлежит непосредственно к истории либерализма. Однако я хотел бы привести здесь мнение Чичерина, который был крупнейшим теоретиком русского либерализма, потому что мнение это характерно для его умственного склада вообще. Чичерин пишет: "Вся проповедь славянофилов представлялась мне чем-то странным и несообразным... Я пламенно любил отечество и был искренним сыном православной церкви; с этой стороны, казалось бы, это учение могло бы меня подкупить. Но меня хотели уверить, что весь верхний слой русского общества, подчинившийся влиянию петровских преобразований, презирает все русское и слепо поклоняется всему иностранному, что, может быть, и встречалось в некоторых петербургских гостиных, но чего я, живя внутри России, отроду не видал. Меня уверяли, что высший идеал человечества – те крестьяне, среди которых я жил и которых знал с детства, а это казалось мне совершенно нелепым. Мне внушали ненависть ко все-

му тому, чем я гордился в русской истории, к гению Петра, к славному царствованию Екатерины, к великим подвигам Александра. Просветитель России... выдавался за исказителя народных начал, а идеалом царя в "Библиотеке для воспитания" Хомяков выставлял слабоумного Федора Ивановича за то, что он не пропускал ни одной церковной службы и сам звонил в колокола. Утверждали, что нам нечего учиться свободе у Западной Европы, и в доказательство ссылались на допетровскую Русь, которая сверху донизу установила всеобщее рабство... То образование, которое я привык уважать с детства, та наука, которую я жаждал изучить... выставлялась как опасная ложь, которой надобно остерегаться, как яда. Взамен их обещалась какая-то никому неведомая русская наука, ныне еще не существующая, но долженствующая когда-нибудь развиться из начал, сохранившихся неприкосновенными в крестьянской среде. Все это так мало соответствовало истинным потребностям и положению русского общества, до такой степени противоречило указаниям самого простого здравого смысла, что для людей посторонних, приезжих, как мы, из провинции, не отуманенных словопрениями московских салонов, славянофильская партия представлялась какою-то странною сектою... Вне московских салонов русская жизнь и европейское образование преспокойно уживались рядом, и между ними не оказывалось никакого противоречия; напротив, успехи одного были чистым выигрышем для другой. Все стремление моих родителей состояло в том, чтобы дать нам европейское образование, которое они считали лучшим украшением всякого русского человека и самым надежным орудием для служения России".[44] Как настоящий ученый, Чичерин особенно резко реагировал на учение славянофилов о том, что народный дух – последний источник науки. Чичерин пишет: "По теории Самарина, ученый, приступающий к научному исследованию, должен предварительно окунуться в живую струю народной жизни. Точка зрения на предмет не вырабатывается сама собою из изучения, а дается заранее теми началами, которые лежат в народном духе... Разумеется, подобного воззрения не мог принять ни один человек, знакомый с истинно-научными методами исследования".[45] Кроме того, Чичерин указывал на тот факт, что хотя славянофилы и отвергают западную

культуру и западное образование, собственное их учение имеет как раз западноевропейские корни. Их критика Запада основана главным образом на критике современного европейского развития, исходящей прежде всего из Мюнхена. "Даже высшее значение Восточной церкви с точки зрения философской, начало, на котором славянофилы строили все свое умственное здание, проповедывалось в то время одним из корифеев шеллинговой школы Баадером".[46]

По мнению Чичерина, не только содержание, а и действие славянофильских учений отрицательно. "Никакого самосознания в русском обществе они не пробудили, а, напротив, охладили патриотические чувства тех, кто возмущается нелепым превознесением русского невежества над европейским образованием".[47]

И манера дискуссии мало удовлетворяла Чичерина. Спорили остроумно, блестяще, талантливо, но преобладающим было не желание углубить и понять проблемы, а рвение оставить за собой идеологическую победу. Во время долгих путешествий за границу или вернее долгого пребывания за границей, с 1858 до 1861 года, Чичерин с горечью часто вспоминал московские вечера, посвященные дискуссиям, и сожалел о том, что там не хватает того истинно научного подхода, с которым он встречается на Западе. Большое впечатление произвел на него венский специалист по государственному праву и философии права Лоренц Штейн. Чичерин пишет: "Тут я в первый раз почувствовал, что такое истинно-научная атмосфера, в которой живут люди и которая побуждает их смотреть на вопросы спокойно и просто, видеть в них не дело партии или повод к ожесточенным препирательствам, а предмет серьезного объективного исследования". И дальше: "Вместо рьяных споров, служивших только поприщем для бесплодной гимнастики ума, тут является возможность спокойного обмена мыслей, из которого выносишь полное умственное удовлетворение. После беседы с Штейном мне еще живее представилась вся пустота недавних наших прений с славянофилами..."[48] То же самое испытал Чичерин при контакте с французским научным миром в Париже, присутствуя, во время обеда у экономистов, при мирном обмене мыслями между основательно знающими науку людьми. Он пишет по этому поводу: "Это было именно то, о чем я мечтал у себя

на родине. Как неизмеримо высоко все это стояло перед самоуверенным невежеством и высокомерною нетерпимостью моих соотечественников, которые вместо того, чтобы смиренно учиться, вздумали презрительно смотреть на всю западную науку!"[49]

Эти критические замечания Чичерина, конечно, правильны хотя бы в основной своей части; тем не менее нельзя отрицать высокого духовного и умственного уровня тех кружков, где встречались самые выдающиеся представители славянофилов и западников. Необходимо справедливо оценивать нравственную и духовную атмосферу, царившую в этих кружках. Но были и другие кружки, иногда незначительные, а иногда и темные. Тут преобладали примитивные идеи, негибкие и прямолинейные концепции, подлинные арсеналы отрицательного мышления и разрушительной воли. Тут преобладающим мировоззрением был нигилизм, а политической программой – революционный социализм. Но эти кружки проявились лишь при Александре II, т.е. после того, как правительство серьезно приступило к проведению в жизнь либеральных реформ.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 7

1. В том же духе, как и в уже приводившейся речи в Государственном Совете, император неоднократно высказывался и впоследствии. Эти заявления его приводятся у Латкина, ук. соч., стр. 211.
2. Долголетний министр финансов Николая I, Канкрин, изложил свои экономические соображения в произведениях "О мировом богатстве и государственной экономике", 1821, и "Об экономике человеческого общества", 1845. Иконников пишет, что согласно толкованию Канкрина, как оно высказано в этих произведениях (т.е. полностью в либеральном духе) целью правительства должно быть благополучие отдельных лиц, а не повышение государственного дохода. (См. Иконников, ук. соч., стр. 450). Иконников также подчеркивает, что Канкрин на практике всегда строго придерживался своих теоретических формулировок. И другие министры придерживались того же мнения. Когда в 1856 году министр финансов представил министру внутренних дел и министру государственных имуществ новый торговый статут, оба они неоднократно высказывались против всякого ограничения свободы торговли. (О праве на торговлю, Пб, 1860, стр. 9 и 57).
3. Сборник циркуляров и инструкций Мин. Вн. Дел, том 4, статья 98.
4. Д. Милютин, ук. соч., стр. 3, прим. 1. См. также Шницлер, L'empire des Zars au point actuel de la science. 1862, т. 2.
5. Заблоцкий-Десятовский, ук. соч., том II, стр. 27.
6. Тогда еще не было такого названия. Было множество категорий некрепостных деревенских жителей, которые позднее, законами от 1714 и 1724 года, объединены были в единое сословие казенных крестьян.
7. Заблоцкий-Десятовский, ук. соч., стр. 25.
8. Там же, стр. 28.
9. См. Латкин, ук. соч., стр. 169.
10. Заблоцкий-Десятовский, ук. соч., стр. 31 и далее.
11. По Заблоцкому-Десятовскому, ук. соч., стр. 10.
12. См. Сборник Русского Исторического Общества, т. 74.
13. Заблоцкий-Десятовский, ук. соч., стр. 18 и далее.
14. Из доклада графа Киселева от 6 октября 1836 года, приводится по Заблоцкому-Десятовскому, ук. соч., стр. 21.
15. Доклад графа Киселева от 1 мая 1837 года, приводится по Заблоцкому-Десятовскому, ук. соч., стр. 59.

16. По Заблоцкому-Десятовскому, ук. соч., стр. 108.
17. По Заблоцкому-Десятовскому, ук. соч., стр. 62.
18. См. Свод Законов, изд. 1883, том XII, Свод постановлений... о благоустройстве в казенных селениях; и Положение 1862 года о сельскохозяйственном управлении в Петербургской и Псковской губерниях.
19. По Заблоцкому-Десятовскому, ук. соч., стр. 62.
20. По Заблоцкому-Десятовскому, ук. соч., стр. 64.
21. По Заблоцкому-Десятовскому, ук. соч., стр. 78.
22. Заблоцкий-Десятовский, ук. соч., стр. 51.
23. Там же, стр. 50.
24. Там же, стр. 171.
25. Там же, стр. 167.
26. Управление казенными поместьями.
27. Заблоцкий-Десятовский, ук. соч., стр. 175 и далее. См. также стр. 232.
28. Очень характерен ответ на это обвинение со стороны исполняющего должность министра государственных имуществ. Он старается доказать, что ведомства нового министерства добились того, чтобы помощь не оставалась в руках тех, кто ее распределяет и не доставалась исключительно кулакам. Министр при этом указывает, что попечительство совершает ошибку, всегда выходя навстречу преувеличенным и необоснованным желаниям крестьян, и тем самым воспитывает у них убеждение, что при нехватке собственных средств правительство обязано их кормить. (По Заблоцкому-Десятовскому, ук. соч., стр. 84).
29. Заблоцкий-Десятовский, ук. соч., стр. 165.
30. Там же, стр. 155. Нельзя забывать, что тогда часто представляли себе освобождение крестьян как превращение статуса крепостных в статус казенных крестьян.
31. Сравнить в этом смысле с докладом Киселева императору в 1849 году, у Заблоцкого-Десятовского, ук. соч., стр. 199.
32. Заблоцкий-Десятовский, ук. соч., стр. 49.
33. Там же, стр. 45 и далее.
34. Все эти данные я заимствую из юбилейного издания: Министерство сельского хозяйства и его деятельность в течение 75 лет (1837–1912), Пг., 1914, стр. 26 и далее.
35. Кизеветтер, ук. соч., стр. 456 и далее.
36. Кизеветтер, ук. соч., стр. 419.
37. Б. Чичерин, Москва сороковых годов, М.,1929, стр. 27.
38. Московский Наблюдатель, 1838, май, №2, стр. 250–277, по Барсукову, ''Жизнь и творчество Погодина'', т. 5, Пб, 1892, стр. 135 и далее.
39. Чичерин, там же, стр. 84 и далее.

40. Чичерин, там же, стр. 31.
41. Чичерин, там же, стр. 6.
42. Там же, стр. 6.
43. Там же, стр. 7.
44. Там же, стр. 20 и далее.
45. Там же, стр. 260 и далее.
46. Там же, стр. 19.
47. Там же, стр. 225.
48. Чичерин. Путешествие за границу. М., 1932. стр. 22 и далее.
49. Там же, стр. 72.

ЧАСТЬ II

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОЙ СВОБОДЫ

1856 – 1914

Глава 1

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Разработка законов об освобождении крестьян. – Психологическое действие освобождения крестьян. – Всеобщая духовная атмосфера 60-х годов. – Мнение Каткова и Чичерина.

Эпоха Александра II справедливо называется эпохой великих реформ. Александр II с самого начала считал освобождение крестьян первой и самой срочной задачей. Возможно, это объясняется тем, что, как он сам рассказывал, его отец Николай I на смертном одре взял с него обещание найти решение этой проблемы.

Итак, Александр с самого начала своего царствования пытался убедить дворян в необходимости освобождения крестьян. Когда он вернулся из Парижа в 1856 году после заключения Парижского мира, которым закончилась Крымская война, он обратился к предводителям дворянства Московской губернии и объяснил, что они должны думать об освобождении крепостных крестьян. Он сказал: "Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу".[1]

Вскоре после этой московской речи Александр поручил заместителю министра внутренних дел Левшину представить докладную записку с описанием исторического развития крепостного права и с перечислением всех мероприятий к его ограничению. 3 января 1857 года создан был комитет для крестьянских дел, почти точно год спустя – 8 января 1858 года – создан был новый комитет, который на самом деле и провел всю предварительную работу по освобождению крестьян. Этот комитет 18 февраля того

же года получил официальное наименование Главного комитета по устройству быта крестьян. В течение того же года всюду в губерниях были основаны особые комитеты. Состав этих комитетов был повсюду одинаков. Они состояли из губернского предводителя дворянства, из одного представителя дворянства каждого округа и из двух дворян, назначенных для этой цели губернатором. Кроме того, в состав каждого комитета входил секретарь, занимавшийся всей деловой частью. Этим комитетам сначала было поручено разрабатывать проекты закона об освобождении, впоследствии они должны были заняться проведением реформы в жизнь. 21 апреля 1858 года комитеты получили от Главного комитета утвержденную им программу работы. В этой программе указывалось на то, что новый закон должен носить название "Закон об улучшении быта помещичьих крестьян". Таким образом, избегалось слово "освобождение". Проблемы, которых должен был касаться новый законопроект, содержались в десяти главах.[2] На самом деле комитеты успешно выполнили заданную им работу и через полтора года их можно было закрыть. Последний из этих комитетов был распущен 4 сентября 1859 года. Для проведения же в жизнь самой реформы были созданы другие органы.[3]

Проекты, поступавшие из отдельных губерний, отличались друг от друга, потому что они были основаны на различных принципах. Поэтому решено было созвать комиссию, для того чтобы согласовать между собой отличающиеся друг от друга проекты. Комиссия состояла из членов Главного комитета и из пяти лиц, среди коих был генерал Ростовцев, которого принято считать душой освобождения крестьян. Кроме того, созданы были две редакционные комиссии, во главе которых тоже встал Ростовцев. Он смог привлечь к работе в комиссиях людей, которым он лично доверял, и благодаря этому ему удалось собрать таких людей, как Николай Милютин, Юрий Самарин и князь Черкасский. Одна из этих комиссий состояла из административного и юридического отдела, другая же была экономической комиссией.[4]

Юридический отдел должен был заниматься установлением личных и имущественных прав крестьян, а также определением права на собственность дворян. Административный отдел должен был разрабатывать проблемы, связанные с организацией крестьян-

ских общин, а также должен был выяснить и определить отношения между крестьянами, помещиками и провинциальными органами самоуправления. Экономическая комиссия должна была решать проблемы экономического характера, особенно вопрос выкупа крестьянами земли, которая давалась им в собственность.

Впоследствии была основана еще и третья комиссия, которая получила название "финансовой" комиссии. Ей надлежало заниматься вопросом о том, какие мероприятия необходимы для облегчения крестьянам выкупа земли.

Ростовцев умер незадолго до окончания этих работ и на его место назначен был министр юстиции Панин. Последний не являлся особенным сторонником реформы, скорее он был одним из тех, кто смотрел на нее весьма скептически. Но Панин был чрезвычайно щепетилен, строго относился к своим обязанностям и всегда до конца и очень точно исполнял все указания императора. Поэтому он во всяком случае не тормозил освобождение крестьян.

В сентябре 1860 года предварительные работы всех комиссий были закончены и можно было приступать к разработке окончательного текста манифеста об освобождении крестьян и связанных с этим законов. Для выполнения этой задачи Главный комитет призвал особого специалиста – Попова.[5] 10 октября были закрыты редакционные комиссии. В тот же день Главный комитет начал заниматься проверкой результатов этой работы.

Александр II лучше чем многие иные видел опасность положения. Он прекрасно понимал, что постоянная напряженность, ожидание и надежды в конце концов станут невыносимы. Поэтому он старался продвигать реформу об освобождении так быстро, как только возможно. В связи с этим он заменил старого и больного председателя Главного комитета Орлова великим князем Константином, который всегда энергично поддерживал государя во всех его планах о проведении реформ. Под председательством великого князя Константина заседания Главного комитета происходили почти ежедневно. Уже 14 января 1861 года подписаны были протоколы Главного комитета. Оригинал был представлен Государственному Совету, где законопроекты были рассмотрены еще раз. И здесь работа шла очень быстро. Проверка законопроек-

тов проведена была в течение очень короткого времени, с 28 января по 16 февраля. 19 февраля 1861 года Александр подписал манифест об освобождении крестьян.

Незадолго до этого он представил текст манифеста для окончательной редакции московскому митрополиту Филарету. Последний предложил чрезвычайно многозначащее изменение. В проекте упоминалось о дне великой радости для русского народа, и именно это место митрополит вычеркнул. Он сказал царю, что в манифесте не должно быть никаких высказываний, не соответствующих чувствам русского народа и могущих его обидеть. Наверное, он думал о том, что реформа представляет собой решение, требующее больших жертв от помещиков, а при этом не удовлетворяющее полностью желания крестьян. Со свойственной ему проницательностью и дальновидностью митрополит немедленно отметил условность и фальшь этой фразы и высказался за то, чтобы ее вычеркнуть из манифеста. Митрополит считал невозможным, чтобы в императорском манифесте стояли слова, которые русский народ мог воспринять как неправдивые. Бесспорно, это очень важное различие по сравнению с современными тоталитарными режимами, которые требуют, чтобы народ всегда принимал за правду любые утверждения и пропаганду правительства, причем не имеет никакого значения, правда ли эти утверждения или полная ложь.

Интересно, что из разных источников исходили замечания о разочаровании, которое вызвало у многих освобождение крестьян. Левый радикальный поэт Некрасов писал:

Порвалась цепь великая,
Порвалась, – расскочилася:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..

И на самом деле, ни ожидание предстоящего освобождения крестьян, ни провозглашение его, ни издание манифеста об освобождении не принесли с собой ни успокоения, ни оптимистических настроений и надежд на будущее. Напротив, повсюду увеличилась напряженность. Напряженность эта была не столько связана с какими-либо конкретными требованиями или с проведением в жизнь отдельных мероприятий, которые всегда и неизбежно вы-

зывают трения. Здесь надо подчеркнуть, что разочарование имело гораздо более глубокие корни, чем нарушение или неудовлетворение каких-либо интересов. Напряженность была вызвана в первую очередь всеобщим настроением, всеобщей духовной атмосферой, которая являлась прямым следствием распространения революционного образа мышления. В своей "Истории русской революции" Кулчицкий пишет: "Настроение в России между 1857 и 1870 годами во многом напоминает то, что происходило во Франции перед революцией, хотя там были и некоторые специфические особенности. Посмотрим внимательно на создавшееся положение: самые выдающиеся отличительные черты этого духовного развития России – реализм, рационализм и утилитаризм, возведение в абсолютный идеал жизни и свободы... Реализм проявлялся в том, что выбрасывались за борт все метафизические философии...", и далее Кулчицкий продолжает: "Идеалистическая философия, высшим выражением которой была система Гегеля, понемногу теряла под собой почву. Монистический материализм Фейербаха вступал на ее место, а вскоре и он был вытеснен вульгарным материализмом Фогта и Молешотта и различными направлениями позитивизма... Это реалистическое движение было тесно связано с очень ярко выраженным рационализмом... Сторонники такого рационализма не боялись развивать свое мышление до самых крайних и радикальных последствий... Они нисколько не стеснялись и не боялись преувеличений, и единственным их желанием было направить как внешне, так и внутренне всю жизнь полностью по принципам утилитаризма, причем утилитаризма, понимаемого в самом широком смысле этого слова. Тогдашнее поколение было обуреваемо неограниченной верой в прогресс и в человеческое счастье; ведь они сами выросли и вышли из тумана реакции и незнания, приняли участие в прекрасном триумфальном шествии науки и в разрушении вековых институтов, таких, как например крепостное право. Тогда люди были полностью убеждены, что Россия – это белый лист, на котором легко можно записать все то, что диктует наука и социология".[6]

Это чрезвычайно меткая характеристика направлений, которые в то время преобладали в кругах интеллигенции. Благодаря ей мы видим, что эти круги твердо верили в начало новой эпохи,

пришедшей с концом царствования Николая I, считали, что реакция побеждена, что освобождение крестьян является первым шагом на пути к бесконечному прогрессу.

Если мы представим себе эту атмосферу и этот склад мышления, нам будет ясно, почему освобождение крестьян было встречено разочарованием. С освобождением были связаны ожидания, которые не были и вообще никогда не могли быть удовлетворены. При таком понимании действительности свобода, которая состоит только в признании определенных конкретных прав со стороны государства, а следовательно, со стороны сограждан (тех прав, которые основаны на существующих законах и твердо гарантированы судами), – такая свобода никак не соответствует и не может удовлетворить существующих ожиданий. Согласно такому пониманию и восприятию действительности освобождение крестьян должно было принести с собой свободу совершенно иного рода или, по крайней мере, оно должно было явиться первым шагом на пути, который может привести к этой иной свободе. Свобода эта не должна иметь ничего общего с определенным и тем самым неизбежно ограниченным правом, она должна, согласно безграничным ожиданиям, представлять собой всеобщее и принципиальное устранение всех препятствий на пути к осуществлению бесконечных возможностей. Эта свобода должна была стать как бы подготовкой к пресловутому прыжку из царства необходимости в царство свободы.

В ожидании такой свободы было нечто мистическое, во всяком случае, некий политический мистицизм. Мы тем более имеем право говорить о политическом мистицизме, что вера в свободу и прогресс, в свободное и рациональное устройство мира соединялась с верой в ценности, которые дремлют в народе в том смысле, как понимали это славянофилы. Достаточно освободить эти ценности из клетки несвободного социального порядка для того, чтобы они проявились в самом пышном цвете.

Этим объясняется и то обстоятельство, что мышление этих кругов в известном смысле было совершенно не политическим. Казалось абсолютно неважным, кто собственно откроет новую эпоху свободы и прогресса и кто поведет Россию по пути реформ и освобождения. Пусть это будет самодержец, пусть это будет на-

родная революция, все было одинаково приемлемо. В этом смысле характерно было отношение Герцена. Пока он ожидал, что Александр проведет освобождение крестьян так, как он сам этого желал, он считал скорее благоприятным то обстоятельство, что в России абсолютная монархия. Палата, состоящая из представителей аристократии, могла, по его мнению, пытаться урезать и изменить планы реформы царя в соответствии с интересами высших классов: значит, хорошо, что у самодержца не связаны руки таким представительством в то время, когда он приступает к своим реформам. Герцен действительно возлагал все свои надежды на Александра II, и это ясно прежде всего из того факта, что он на страницах своего выходившего в Лондоне журнала "Колокол" (с 1857 года) часто прямо обращался к царю, наверно, будучи в уверенности, что Александр примет во внимание его мысли и его советы. Интересно также отметить, что сначала планы реформы Александра приветствовались даже таким крайним представителем радикализма и социализма, как Чернышевский. В журнале "Современник" мы читаем: "Благословение, обещанное миротворцам и милостивым, увенчает и Александра II счастьем так, как еще не был увенчан ни один монарх в Европе, ибо большое счастье самому начать и провести в жизнь освобождение своих подданных".[7]

Но поскольку такое доверие к монарху не основывалось ни на каких прочных политических принципах и вообще не имело ничего общего с какими-либо политическими соображениями, а носило чисто эмоциональный характер, оно и исчезло так же быстро, как появилось. Сущность политического радикализма ясно проявилась. Список требований начал расти, к еще неудовлетворенным требованиям начали присоединяться те, которые вообще нельзя было удовлетворить, во всяком случае, при тогдашних условиях это было совершенно невозможно. Путь мирных реформ, исходящих от правительства, начали отвергать. Начали требовать революционной акции как единственного действенного средства.

То особое опьянение, которое легко связывается с идеей революции и революционной борьбой, охватило сознание интеллектуальных кругов. Русская интеллигенция, лишенная какого

бы то ни было политического опыта, не сумела устоять против искушения, присущего представлению о том, что желаемой цели можно достигнуть насильственным разрушением существующего, которое видится препятствием к ее осуществлению . И тут мы ясно видим, какие трагические последствия имеет склонность абсолютизма (а в данном случае особенно это характерно для самодержавия Николая I) видеть в подданных лишь предмет попечительства. Опекаемые вдруг почувствовали непреодолимую потребность действовать самим, и оказалось – они к этому не были подготовлены. А в то же время своим революционным подходом интеллигенция закрыла себе путь к участию в подготовке и проведении в жизнь реформ, то есть сама себя исключила из практической работы, которая только и могла послужить для нее же школой политического мышления и политической деятельности.

Особенно пагубным оказалось то, что представители радикализма и революционеры все время ссылались на науку и на научный прогресс и при этом подчеркивали, что они одни имеют право говорить от имени науки. Таким образом, они предоставляли реакционным силам как раз те доводы, которых эти силы искали. Ведь если наука и особенно философия являются основой для того, чтобы разрушать весь существующий правопорядок, то тогда даже слишком мало сказать, что польза философии не доказана, а вред ее вполне вероятен. Если дело обстоит так, то справедливо считать, что вред философии вполне очевиден, а польза от нее в высшей степени сомнительна. Для славянофилов все это было подтверждением их убеждения в том, что западная мудрость – это просто духовный яд.

Было поистине неблагодарной задачей защищать науку и ее свободу, с одной стороны, от революционеров, объявивших на нее монополию, а с другой – от подозрений реакционных кругов. Задача эта выпала на долю либеральных западников, консервативных либералов, таких как Чичерин и Катков, которые были убеждены, что революционное учение ничего общего не имеет с настоящей наукой и что напротив, распространение этих революционных учений является последствием подавления научного мышления и научной свободы. В своей газете "Московские ведомости" Катков писал (1866, № 205): "Все эти лжеучения, все эти дурные направ-

ления родились и приобрели силу посреди общества, не знавшего ни науки, свободной, уважаемой и сильной, ни публичности в делах, касающихся самых дорогих для него интересов, – посреди общества, находившегося под цензурой и полицейским надзором во всех сферах своей жизни. Все эти лжеучения и дурные направления, на которые слышатся теперь жалобы, суть плод мысли подавленной, неразвитой, рабской во всех своих инстинктах, одичавшей в своих темных трущобах". По мнению Чичерина, распространение разрушительных революционных идей вызвано подавлением духовной свободы при Николае I. Чичерин пишет: "...эта бессмысленная пропаганда, клонившаяся к разрушению всего существующего общественного строя, учинялась в то время, как правительство освобождало двадцать миллионов крестьян от двухвекового рабства. Сверху на Россию сыпались неоценимые блага, занималась заря новой жизни, а внизу копошились уже расплодившиеся во тьме прошедшего царствования гады, готовые загубить великое историческое дело, заразить в самом корне едва пробивающиеся из земли свежие силы".[8]

В высшей степени интересное объяснение внезапного широкого радикализма и революционных течений в России в первые годы царствования Александра II дает брат Чичерина, Василий: "Люди, которые заходят Бог знает куда со своими требованиями... болтают оттого, что не знают, что делать и с относительной свободой, которой они пользуются. Это либералы, которые напрашиваются на железный гнет, люди, потерянные с тех пор, что их не держат на помочах... Россия просто просит палки, и не только низшие классы, но и высшие слои общества".[9] Бесспорно, слова эти на первый взгляд кажутся парадоксальными; и все же очень вероятно, что они отражают самую суть проблемы, поскольку большинство революционных программ предлагало создание особого комитета для объединения и руководства революционными действиями, и этому комитету совершенно естественно должны были быть предоставлены диктаторские полномочия. По мнению революционного журнала "Великоросс", например, движение должно было быть организовано следующим образом: "Люди с сильным характером и ясным умом должны иметь полномочия и

власть наказывать и должны взять в свои руки руководство... Никто не смеет предпринять никакого важного шага, не осведомив об этом комитет своего города".[10]

Удивительно ли на самом деле, что образ мышления, выработавшийся при крепостном праве, продолжал существовать и продолжал и далее действовать и на всем отражаться? Наверное, не трудно было это заметить. Заслуга Чичерина состоит в том, что он понял и увидел, что для развития России в либеральном направлении главным препятствием и главной опасностью были не остававшиеся фактически условия крепостного права, а остатки того умственного склада, который возник благодаря ему. Этот умственный склад не воспринимал ни сути, ни границ подлинной свободы, он убивал всякую способность к самодисциплине. Будучи последствием рабства, он лежал в основе темного стремления к восстанию, а с другой стороны вызывал и склонность к слепому послушанию и подчинению. Этим и вызвано было то желание железной дисциплины, о котором пишет Василий Чичерин в письме к брату. Если царская власть и установленная ею дисциплина недостаточно железны, то их надо заменить более свежей и более жесткой властью комитета революционной диктатуры. Чичерин справедливо видел в этой будущей революционной власти еще большую опасность для свободы, чем та, которой могла быть абсолютная монархия. Он пишет: "Искренним либералам при виде этого коммунистического движения остается поддерживать абсолютизм..."[11] Он говорит, что абсолютная монархия принадлежит прошлому. Со временем, когда созреют для этого предпосылки, абсолютная монархия неизбежно превратится в конституционную. Еще со времен Екатерины абсолютная монархия решилась признать гражданские права и гражданскую свободу и предоставить их все более широким кругам своих подданных. Такое развитие должно в какой-то момент привести и к введению народного представительства в России, то есть к признанию политических прав российских граждан. Напротив, цель революционных течений – это создание и укрепление социалистической системы, к сути которой принадлежит и устранение частной собственности, а тем самым и вообще гражданской свободы. Устранение гражданской свободы неизбежно сделает невозможным существование и

политической свободы. Социалистическая система должна привести к диктатуре. Сама суть социалистической системы такова, что она неизбежно ведет к диктатуре. Несколько позднее, в 90-е годы, Чичерин в своем главном произведении "Курс государственной науки" писал следующее: "Нынешняя социал-демократия с ее широко распространенной организацией, с ее ненавистью к высшим классам, с ее стремлением к разрушению всего существующего общественного строя, неизбежно ведет к диктатуре. Нося в себе идеал, подавляющий всякую гражданскую свободу, она не менее грозит и свободе политической. Представительное правление может держаться только, пока эта партия слаба и не в состоянии сильно влиять на государственное управление. Но силы ее очевидно растут, а это неизбежно должно привести к глубочайшим потрясениям. Если ей удастся где-либо получить минутный перевес, она может держаться лишь с помощью самого страшного террора. Со своей стороны, защита общества от грозящего ему разрушения потребует неограниченной диктатуры. Во всяком случае, при внутренней борьбе классов, одушевленных взаимною ненавистью, только независимая от общества власть может охранять общественный порядок и блюсти необходимое в государстве единство".[12]

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 1

1. Очень несправедливо Александру ставят эти слова в упрек. В них хотят видеть доказательство того, что лично он не был сторонником освобождения крестьян, а решился на него только из страха народной революции. Но такое толкование его слов совершенно произвольно. Обращаясь к дворянству, он, естественно, должен был использовать доводы, которые на дворянство произвели бы наибольшее впечатление. Почему обязательно выводить из этого, что для него это было единственной причиной, по которой реформа необходима?
2. Градовский, ук. соч., стр. 258 прим. 206.
3. Градовский, ук. соч., стр. 259 прим. 207.
4. Называли ее также Экономическим отделом.
5. Чиновник Отдела Уложения Законов Собственной Канцелярии Его Императорского Величества.
6. Л. Кулчицкий. История русской революции, том I, Гота, 1910, стр. 292.
7. По Кулчицкому, ук. соч., том I, стр. 285.
8. Чичерин. Московский Университет. Москва, 1929, стр. 22.
9. Цитата у Чичерина, ук. соч., стр. 21. В том же смысле высказывался и Цитович. Объяснения по поводу "Внутреннего Обзора" Вестника Европы, 12, 1878, Одесса, 1879, стр. 12 и 8.
10. Кулчицкий, ук. соч., том I, стр. 328.
11. Чичерин, ук. соч., стр. 21.
12. Чичерин. Курс государственной науки, том II, Москва, 1896, стр. 38.

Глава 2

ЗАКОНЫ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ И ИХ ПОЗДНЕЙШЕЕ ТОЛКОВАНИЕ

Права, предоставленные крестьянам немедленно после освобождения. – Проблема выкупа. – Окончательный юридический статус крестьян согласно законам об освобождении. – Тенденция считать нормальным положением ограничение крестьянской собственности, связанной с выкупом.

Мы теперь подходим к вопросу, в какой мере законы об освобождении действительно дали крестьянам освобождение, т.е. свободу в смысле гражданских прав, основанных на существующем законе и огражденных и гарантированных судом. Этот вопрос прежде всего следует разделить на несколько частей. Законы об освобождении были началом переходного периода: это был переход от крепостного права к состоянию свободных сельских обывателей, то есть к тому статусу, который в намерениях законодателя крестьяне должны были получить после освобождения. Этот переходный период представлял собой время, в течение которого крестьяне еще были обязаны что-то делать в пользу своих прежних хозяев. Туда входили традиционный оброк и даже барщина, но после издания закона об освобождении все это следовало пересмотреть, а размеры этих обязанностей подлежали отныне проверке со стороны государства. Переходный период был нужен для того, чтобы не разорить помещиков и дать им возможность переустроить свои поместья для дальнейшей их обработки при помощи наемных рабочих вместо крепостных. Но надо отметить, что с этой, вполне оправданной, точки зрения не нужно было растяги-

вать переходный период на двадцать лет, как это было сделано. Во всяком случае, следует, однако, расценивать положительно тот факт, что продолжительность этого действительно долгого периода была совершенно определенной, то есть, что продолжавшиеся повинности крестьян были точно ограничены во времени. По окончании этого срока крестьяне окончательно освобождались от всяких обязанностей по отношению к хозяину. В течение этого переходного периода крестьяне должны были называться временно обязанными.

Таким образом, надо разделять вопрос о том, что получили крестьяне непосредственно, сразу после вступления в силу закона об освобождении, от вопроса, какие права хотел им предоставить законодатель по окончании переходного периода, то есть с наступлением окончательного освобождения.

Крестьяне получили личную свободу, то есть объявлено было, что они признаются свободными людьми. Полицейская власть, до тех пор принадлежавшая помещикам, немедленно перешла к органам сельских общин. Судебные полномочия помещика отчасти перешли к избранным крестьянским волостным судам, а отчасти к мировым судьям. Чтобы обеспечить экономически существование крестьян, помещиков обязали передавать им в пользование определенные участки земли. Рассматривая вопрос об этих участках, надо отличать усадьбу от пахотной, сенокосной и пастбищной земли. Что касается усадьбы, то за крестьянами было признано право выкупа, основанное на законе. После выплаты всей суммы такого выкупа крестьянин или крестьянский двор превращался в собственника усадьбы.[1] Напротив, остальную предоставляемую им землю крестьяне могли купить только при условии полного соглашения с собственником имения. Государство было готово облегчить такую покупку значительной экономической поддержкой крестьян, но считало пока невозможным заставлять помещиков продавать пахотные, сенокосные и пастбищные земли, предоставляемые в пользование крестьянам. (Такая продажа стала для помещиков обязательной лишь в 80-е годы после издания на этот счет закона, несомненно связанного с окончанием переходного периода). В общем в основу устройства экономического положения освобожденных крестьян легли идеи графа Киселева. Земля

оставалась собственностью помещиков, но они были обязаны отдавать крестьянам наделы на двадцать лет.

Все значение вопроса о том, что должно произойти по окончании этих 20 лет, было совершенно ясным уже при подготовлении законов об освобождении. Губернские комитеты, как и отдельные их члены и редакционные комиссии, многократно высказывались по этому вопросу. Как и по всем обсуждавшимся тогда и связанным с освобождением вопросам, по этой проблеме высказывались совершенно различные и часто противоречивые мнения. Большинству (по сути дела можно сказать – всем) было ясно, что немыслимо представлять себе положение так, что через 20 лет помещики возьмут обратно эти поля и луга, а крестьяне таким образом превратятся в поденных работников или просто в бродяг: это было бы совершенно противоположно всей направленности самой реформы. Поэтому одни требовали расширения права на выкуп, которое дано было крестьянам в отношении усадьбы, иными словами, они считали, что крестьяне должны иметь то же право по отношению ко всей земле, которая им предоставляется. Другие считали, что пользование этой землей должно носить неограниченный характер и может кончиться только при выкупе ее, то есть только в том случае, когда предоставленные крестьянам участки земли превратятся в их собственность. В общем, надо сказать, что второе мнение представляет собой как бы вариант первого, только без определенного срока выкупа. Наконец, было еще и третье мнение, согласно которому пользование землей должно было превратиться в свободную аренду.[2] Первая из этих трех концепций и легла в основу позднейшего законодательства.

Интересны те доводы, на которые опирались сторонники этого мнения. Звучат они совершенно либерально. Скребицкий рассказывает: "Новороссийский и бессарабский генерал-губернатор граф Строганов постановление екатеринославского комитета о наделении крестьян пахотною, сенокосною и пастбищною землею в пользование только на время находил способным испортить все благое дело улучшения быта крестьян; ибо таким образом крестьянин лишится всякой энергии и заботливости для усиления своего хозяйства и даже для приобретения оседлости, следствием чего будет размножение нищих и бездомных".[3] Большинство

Тверского комитета также заявило: "... личная свобода никогда не может осуществиться без свободы имущественной. Если признать крестьянина лично свободным с правом вольного перехода, оставив всю землю в неограниченном распоряжении помещика, не значит ли это освободить только помещиков от всех лежавших на них обязанностях в отношении крестьян, подчинив последних еще большему их произволу? Тогда крестьянин будет поставлен в необходимость соглашаться на все условия помещика, а потому все имущество, а следовательно и вся жизнь его будет зависеть от произвола землевладельца. Этого не было даже при крепостном праве, которое поставляло помещикам в непременную обязанность доставлять их крепостным людям средства существования".[4] Большинство Тверского комитета указывало на то, что предоставленные крестьянам в пользование земли должны превратиться в их постоянную собственность, для того чтобы освобождение от крепостного права означало настоящее дарование свободы. Только что приведенные слова в высшей степени интересны потому, что мы здесь находим непосредственное указание на понимание хотя бы некоторыми представителями дворянства истинного значения реформы 1861 года, а именно осознание того факта, что реформа означала не только освобождение крестьян, а и последний этап начатого уже в XVIII веке процесса освобождения дворянства, о чем мы говорили в предыдущих главах, посвященных эпохе Николая I.

Таким образом, можно понять, что и с точки зрения права собственности хозяина желательно было определить какой-то законный срок для права пользования крестьянами хозяйской землей. На это указывал как раз тот представитель дворянства, которого меньше всего можно упрекнуть в сословном эгоизме[5] – Кошелев. У Скребицкого мы читаем: "Кошелев не соглашался с редакционными комиссиями в том, что они в предположениях своих руководствуются менее справедливостью, чем желанием улучшить во что бы то ни стало быт крестьян, и для того дозволяют себе нарушение прав и законов без необходимости, которая одна может оправдывать сверхзаконные действия. Крестьянство должно быть освобождено с землей; пусть отчуждение оной произведется на основании законов, и это тем удобнее, что свод пред-

ставляет нужное средство: выкуп. Вместо того, в Юридическом и Хозяйственном отделах устанавливается небывалый вид неполной помещичьей собственности, в силу которого недвижимое имущество одного сословия отдается в полное распоряжение лиц другого, и притом на бессрочное время и за неизменные повинности".[6] Шидловский также указывает на то, что новосоздание института неполной собственности является произвольным нарушением или искажением 432-й статьи 10 тома Свода, то есть российского гражданского права.[7] Эти высказывания Кошелева и Шидловского доказывают, в какой мере постановления 10 тома стали живым элементом в правовом сознании российского дворянства. Отчуждение, согласно предписаниям гражданского права, рассматривалось дворянством как нечто законное. Напротив, ограничение права собственника распоряжаться собственностью, иными словами, ограничения, которые с исторической точки зрения связаны с правовой традицией крепостного права, рассматривались дворянством как нарушение закона и – что особенно достойно внимания – воспринимались как нечто никогда еще не имевшее места и невиданное, хотя как раз с исторической точки зрения это неверно.

Что это не было мнением лишь отдельных представителей дворянства – ясно уже из того, что заявление в этом смысле представлено было совместно 34 членами Комитета так называемого Второго Приглашения. Здесь мы читаем: "Редакционные комиссии, не отвергая законного права собственности помещика на землю, вместе с тем считают более справедливым или более нужным признать право крестьян на ту же землю. Несовместимость двух прав на одно и то же имущество не останавливает их. Им казалось очень просто: помещику оставить это право на словах, а крестьянам передать его на самом деле. "Коммунистические начала" очень искусно проведены во всех главах Хозяйственного Отдела; но несмотря на то, нельзя не заметить, что в основании системы их лежит отрицание прав собственности, то есть разложение и распадение общества, которого цель и существование определяются охранением всех личных и имущественных прав..."[8]

Антилиберальная тенденция внутри редакционных комиссий (как впрочем и внутри губернских комитетов) проявляется не

только в отклонении от принципов и постановлений российского гражданского права, то есть постановлений 10 тома Свода, при рассмотрении вопроса прав собственности помещика, но еще в большей мере в предложениях, сделанных по поводу юридического статуса крестьян после освобождения. В общем, это те же самые тенденции, которые так ярко проявлялись в 80-е и 90-е годы, то есть в эпоху реакции, и нашли себе выражение в ряде законов. Если учесть, насколько сильны были эти антилиберальные тенденции и в 60-е годы и среди тех, кто непосредственно участвовал в подготовлении законов об освобождении, поворот 80-х и 90-х годов не представляется исследователю чем-то неожиданным. Эта тенденция ведь отчасти сумела проявиться уже в 1861 году и оказала влияние на текст законов об освобождении крестьян.

Совершенно так же, как Манифестом 1861 года хозяин или помещик обязывался предоставлять крестьянам свое недвижимое имущество, свою землю, так и крестьяне обязывались брать предназначенные им участки земли, а вследствие этого и принимать те обязанности по отношению к хозяину, которые на них накладывались как плата за предоставленное право пользования землей. Лишь после выкупа усадьбы крестьянин мог отказаться от предназначенного ему участка.[9] Но это означает, что его свобода до этого времени признается лишь в теории и что до окончания выкупа усадьбы он остается прикрепленным к земле, то есть, по сути дела, остается крепостным. Некоторые комитеты настаивали на том, чтобы крестьяне и после выкупа усадьбы не приобретали права отказываться от надела. В первую очередь, помещики указывали на то, что они не могут ни обрабатывать, ни сдать в аренду эти участки (особенно в северных малонаселенных губерниях) и что таким образом, если крестьяне откажутся от них, земля эта останется необработанной.[10] Во-вторых, говорили, что это право открывает для крестьян пагубный путь к пролетаризации, тем более, что крестьяне неохотно занимаются сельскохозяйственными работами,[11] и поэтому во всех тех областях, где развита промышленность, они и так "все средства к жизни и все доходы получают не из земли, а от промыслов".[12]

Кроме того, сделано было множество предложений, которые были направлены на ограничение права собственности крестьян на уже выкупленные ими усадьбы. Большинство этих предложений касалось права продажи. Согласно одному из них, крестьяне имеют право продавать свои усадьбы только своим бывшим хозяевам, общинам или, наконец, отдельным членам этих общин. Только если никто из них не захочет купить усадьбу, крестьянин может продать ее чужому – то есть покупатель может снести и увезти постройки, находящиеся на участке, в то время как сама земля усадьбы переходит в собственность общины.[13] Многие комитеты предлагали запретить крестьянам делить усадьбу среди наследников,[14] иные еще говорили, что усадьбы не могут продаваться с целью оплаты долгов. Очень характерно мнение киевского генерал-губернатора князя Васильчикова, который высказывался за ограничение права крестьян устраивать на своих усадьбах промыслы, "так как усадьбы предоставляются крестьянам в собственность в видах исключительно земледельческих".[15]

Интересно, что эти ограничения права распоряжаться землей и особенно права продажи представлялись настолько естественными, что тогдашний псковский губернатор Муравьев даже утверждал: "Указанное правительством условие продажи или передачи оных не иначе как членам сельского общества или помещику не относится к такого рода ограничениям права собственности, при которых это последнее называется неполным".[16]

В конечном итоге при подготовке законов об освобождении либералы или, во всяком случае, либеральные тенденции восторжествовали. Статус крестьян после переходного периода должен быть статусом свободных деревенских жителей. Иными словами, крестьянину должна быть предоставлена та же гражданская свобода и те же гражданские права, как деревенским жителям других сословий. Таково было желание Александра II. На полях заключения Главного комитета он собственноручно пометил: "Дай Бог!" [17]

Таков бесспорно и смысл и дух законов об освобождении от 1861 года. Статья 22 так называемого Общего Положения, то есть главного закона об освобождении, постановляет, что обязанности крестьян и ими заключенные договоры должны быть основаны на

правовых положениях всеобщего российского гражданского права. Очень важна статья 33 и далее Общего Положения, а также статьи 159 и 165 Положения о выкупе. Все они указывают на то, что законодатель имел в виду подчинить условия собственности для крестьян всеобщему российскому гражданскому праву, если не непосредственно после окончания переходного периода, о котором шла речь, то во всяком случае, по окончании выкупа. Прежде всего, нужно обратить внимание на то, что земля помещиков, которая в связи с освобождением предоставлялась обществам прежних крепостных, на самом деле могла быть предоставлена как отдельным дворам, так и обществам. Кроме того, как двор, так и община могли приобрести землю путем покупки.

Теперь мы переходим к постановлениям законов об освобождении, которые касаются имущественно-правового статуса крестьян. Статья 33 гласит: "Каждый крестьянин может приобретать в собственность недвижимые и движимые имущества, а также отчуждать оные, отдавать их в залог и вообще распоряжаться ими, с соблюдением общих узаконений, установленных на сей предмет для свободных сельских обывателей". Согласно статье 34, сельское общество также имеет право приобретать в собственность недвижимое имущество и распоряжаться им. Помимо всего прочего, общество имеет право распределять приобретенное имущество между своими членами и таким образом это имущество становится частной собственностью членов общества. Статья 36 идет еще дальше. Она гласит: "Каждый член сельского общества может требовать, чтобы из состава земли, приобретенной в общественную собственность, был ему выделен, в частную собственность, участок, соразмерный с долею его участия в приобретении сей земли. Если такой выдел окажется неудобным или невозможным, то обществу предоставляется удовлетворить крестьянина, желающего выделиться, деньгами, по взаимному соглашению, или по оценке". Таким образом, значит, общество может на известных условиях вместо земли выплатить крестьянину соответствующую сумму денег. Статья 37 говорит не о земле, приобретенной крестьянами, а об участках, которые были предоставлены им в связи с освобождением, иными словами, о наделах. О наделах постанов-

ляется, что в течение первых девяти лет с того момента, когда Общее Положение вступает в силу, эта земля не может быть крестьянином продана или заложена лицам, не являющимся членами того же самого общества. И обществам не разрешается в течение этих девяти лет продавать свои наделы – см. Положение о выкупе. В остальном использование наделов и право распоряжаться этими наделами основаны также на вышеприведенных постановлениях статьи 33 и дальнейших статей.

Большое значение имеет статья 159 Положения о выкупе, 2-я часть которой гласит: "По уплате сей ссуды (т.е. той ссуды, которую крестьяне получают от государства для выплаты помещикам выкупа) распространяются на выкупленные земли правила, установленные в Общем Положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости в отношении земель, приобретенных сими крестьянами в собственность". Смысл статьи 159 ясен: по окончании выкупа надельные земли тоже должны рассматриваться как частная собственность крестьянина. Право собственности крестьянина, таким образом, после выкупа ничем не должно отличаться от права собственности других свободных сельских обывателей и должно быть полностью основано на нормах общего российского гражданского права, иными словами, должно определяться положениями 10 тома Свода Законов.

Кроме того, общество не должно иметь никаких преимуществ по отношению к отдельным крестьянам. Законодатель не хочет насильственно ликвидировать общину, но он никоим образом не берет ее под свое покровительство. Статья 165 того же самого положения, касающегося выкупа, гласит: "До уплаты выкупной ссуды, выдел участков отдельным домохозяевам, из земли, приобретенной обществом, допускается не иначе, как с согласия общества. Но если домохозяин, желающий выделиться, внесет в уездное казначейство всю причитающуюся на его участок выкупную ссуду, то общество обязывается выделить крестьянину, сделавшему такой взнос, соответственный оному участок, по возможности к одному месту по усмотрению самого общества..." Намерение законодателя, выраженное во всех постановлениях закона об освобождении, совершенно ясно: с момента окончания

выкупа должна существовать возможность для крестьянина стать частным собственником земли.

До тех пор, пока выкуп не закончен, право крестьянина распоряжаться наделом подвергается различным ограничениям. Статья 169 Положения о выкупе разрешает крестьянам продавать предоставленные им участки земли в течение первых девяти лет с момента вступления в силу самого Положения исключительно членам той же самой общины. (Тем не менее, покупатель может в связи с покупкой вступить в общину и стать ее членом). Покупатель должен взять на себя все обязанности, которые связаны с дальнейшей выплатой ссуды. По окончании упомянутых девяти лет домохозяин может также продать предоставленную двору землю и лицу, которое не является членом общины, но это лицо должно при покупке выплатить остаток ссуды на выкуп. Согласно статье 180, надел, предоставленный общинам или отдельным дворам, не может быть заложен до того, как будет окончательно выплачена ссуда. Согласно статье 167, участки земли, предоставленные не общинам, а отдельным дворам, не могут быть разделены. Деление воспрещается также и в случае покупки.

*

* *

Все эти ограничения права крестьян распоряжаться предоставленой им землей должны были служить тому, чтобы обеспечить возврат ссуды, данной на предмет выкупа. Эти ограничения, таким образом, должны были иметь временный характер и отпасть с того момента, как выкупная ссуда полностью выплачена. Но эта первоначальная причина всех ограничений скоро была забыта и отошла на второй план по сравнению с другими соображениями. Распространилось мнение, что собственность на землю крестьян принципиально отличается от собственности на землю других сословий, что эта собственность на самом деле не есть частная, как это понимается в 420-й статье 10 тома Свода Законов, а представляет собой некий совершенно особый род недвижимого имущества. Логическое заключение из такого представления – упомяну-

тые ограничения как бы присущи самому принципу крестьянской собственности на землю и следовательно должны продолжать оставаться в силе.

Согласно такому пониманию, земля, предоставленная крестьянам, является имуществом, которое дается крестьянам для того, чтобы обеспечить их существование, и даже надо уточнить: чтобы обеспечить их существование как крестьян. Такое обеспечение рассматривается как государственный интерес, как государственная задача. Поэтому предоставляемая крестьянам земля – это имущество, которое служит для защиты государственных интересов и делает возможным решение этой государственной задачи. Значит, земля, предоставляемая крестьянам, является своего рода имуществом с определенной и ограниченной целью. Если это имущество существует для того лишь, чтобы обеспечить некие государственные интересы, то они и должны быть под защитой особых юридических постановлений. В них естественно входит запрет любого действия, которое могло бы как-либо уменьшить само имущество. Следовательно, вполне логично запретить продажу такой земли лицам, не принадлежащим к крестьянскому сословию, а также деление участков и крестьянских дворов или закладные операции с землей. И уж во всяком случае этому следует максимально препятствовать. Если участок земли слишком мал, крестьянин и его семья не могут им прокормиться, а следовательно, он уже не соответствует цели – обеспечению существования крестьянской семьи.

Как только мы становимся на такую точку зрения – земля, предоставляемая крестьянам, является имуществом для обеспечения их существования в интересах государства – мы сразу получаем основу для любого юридического режима, которому может быть подчинена не только крестьянская собственность на землю, но и вообще все аспекты правовых и юридических отношений людей, принадлежащих к крестьянскому сословию. Мысль о том, что различные сословия одного и того же государства могут существовать на различных юридических или правовых уровнях, что их правовые отношения могут быть основаны на разных правовых системах, – продолжает существовать и после освобождения крестьян, а тем самым создаются предпосылки для дальнейшего

расширения пропасти между правосознанием крестьян и других сословий российского государства.

Здесь мы собираемся рассматривать лишь те юридические постановления, которые касаются крестьянской собственности на землю. На основании этих постановлений можно яснее представить себе основные черты правового режима, существовавшего для крестьянского сословия. Как уже было упомянуто, этот особый режим касается не только имущественно-правовых отношений крестьян, но и устройства всех остальных юридических отношений людей, принадлежащих к этому сословию. Правовые отношения всегда чрезвычайно тесно переплетаются друг с другом. Далеко не всегда возможно регулировать часть их постановлениями, которые построены на принципах одного режима, а другую часть – нормами, основанными на иной правовой системе. К тому же в то время налицо было сознательное стремление трактовать крестьянское право как отдельную правовую систему, иную чем право всех других сословий, и в этом направлении его развивать.

Это стремление практически выразилось в многочисленных решениях Сената и в ряде законов, изданных при Александре II. Интересно, что Сенат таким образом выражал тенденцию, присущую очень многим кругам и которую вообще можно было бы назвать преобладающей. На это указывал Зайцев:

"С удивлением приходится убедиться в том, что, за исключением отдельных голосов, не имевших непосредственного решающего значения, политики самых различных взглядов, от крайних реакционеров до самых ярых революционеров, как ученые и писатели разных направлений и руководимые разными, а часто прямо противоположными соображениями, все восторженно относились к идее какого-то особого русского национального крестьянского права. Так называемое народничество нельзя представлять, как узкую партийную революционную догму; это было весьма широкое и могучее духовное течение, которое только у экстремистов приобретало революционную заостренность. Обычно считают, и вполне обоснованно, что одна из причин революции – это разрыв между правительством, интеллигенцией и народом. Но нельзя забывать, что аграрная идеология российской интелли-

генции, известная как народничество в широком смысле этого слова, на самом деле была просто несколько отполированным вариантом крестьянского правового мировоззрения, в какой-то мере связанного с правительственными мероприятиями и основанного на тексте закона. Таким образом, как раз по тому вопросу, неудачное решение которого свалило и разрушило Россию, правительство, общество и народ были вполне едины".[18]

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 2

1. Усадьба употребляется здесь в смысле крестьянского двора.
2. Скребицкий. Крестьянское Дело в царствование императора Александра II. Том II/I. Бонн, 1863, стр. 451.
3. Скребицкий, ук. соч., том II/I, стр. 453 прим. II.
4. Там же, стр. 452 прим. 6.
5. Там же, том IV , стр. 795.
6. Там же, том IV, стр. 795.
7. Там же, том IV, стр. 798. См. также том IV, стр. 259.
8. Там же, том IV, стр. 846.
9. Там же, том II/I, стр. 986.
10. Олонецкий и Смоленский комитеты, там же, том II/I, стр. 985 прим.17.
11. Московский комитет, там же.
12. Смоленский комитет, там же, стр. 986. Интересно, что собственники фабрик в Перми требовали, чтобы крестьянам давались усадьбы лишь с условием, что они будут продолжать работать на фабриках. Скребицкий, там же, том II/I, стр. 986.
13. Скребицкий, ук. соч., том II/I, стр. 988.
14. Таврический комитет, там же, стр. 987 прим. 24.
15. Там же, том II/I, стр. 991.
16. Там жс, том II/I, стр. 986 прим. 22.
17. Приводится у Витте, "Записка по крестьянскому делу", Петербург, 1904. (В дальнейшем "Записка").
18. Зайцев К. Идеология права крестьянства и русская аграрная революция. В Архиве Философии Права и Экономики. Берлин, 1925, том 19, стр. 58.

Глава 3

КРЕСТЬЯНСКОЕ ПРАВО

Крестьянский двор. – Другие важные моменты крестьянского права.

При освобождении крестьян земля дана была в распоряжение не отдельным крестьянам, а общинам. Это казалось предпочтительным просто технически, ибо сильно упрощало сам процесс передачи участков. Земля, таким образом предоставленная общинам, могла или раз навсегда быть разделена между отдельными дворами, входящими в состав общины, или определенные участки предоставлялись определенным дворам на ограниченное время. По прошествии этого времени земля должна была наново распределяться между дворами, причем тут должны были приниматься во внимание изменения, имевшие место в промежутке в составе отдельных дворов. Таким образом, мы имеем две формы крестьянской собственности на землю: земля может принадлежать всей общине (которая может быть целой деревней или частью деревни, или, наоборот, состоять из нескольких маленьких деревень) – в таком случае это называлось общинным владением; или же она может быть собственностью отдельного двора, что называется подворным владением. Однако последняя форма собственности представляет собой лишь некое извращение первой. Бумаги на собственность, дававшиеся крестьянам при предоставлении им земли, выписывались сначала не дворам, а общинам. В них указывалось только, сколько земли получает данный двор, но никак не определялось местонахождение этой земли или ее границы. Иногда тут даже бывало ясно сказано, что община имеет право

заменить один участок другим. В этом собственно и есть вся разница между владением общинным и подворным.[1] Общинам давалось право переходить на систему подворного владения, если сельское собрание выскажется за это большинством голосов в две трети. В принципе не исключался и переход от владения подворного к общинному.

Ни общинное, ни подворное владение тем не менее не являлись частной собственностью. Вся надельная земля была как бы неким фондом, который должен был служить материальной основой для решения государственной задачи, т.е. для обеспечения существования крестьянства. Не было вообще никого, кто имел бы субъективные права, право собственности на этот фонд или на отдельные его части. Отдельные части фонда предоставлялись общинам или дворам. Каждый крестьянин должен был быть членом общины или двора, а это означало, что как таковой он получит свой надел земли. Однако право на получение надела никоим образом не представляло собой субъективного права в гражданско-юридическом смысле. Это было право общественно-правового характера, вроде права на продовольственные карточки, на определенное количество угля или право бездомного получить какое-то пристанище. Если рассмотреть отдельные отличительные черты этого права, станет совершенно очевидной глубокая принципиалная разница между ним и любым субъективным правом.

Право это существовало только в той мере, в какой крестьянин оставался членом двора. Если разрывалась окончательно связь с двором, право это погасало автоматически и без всякой компенсации. Это было вполне логическим последствием того, что неизвестно было и невозможно было определить, какая, собственно, часть всего имущества принадлежит каждому отдельному члену данного двора.[2] У отдельных членов не было своей определенной доли, какой-то выделимой части всего имущества. Например, если из двора хотел выйти член семьи, состоявшей из пятнадцати человек, он не мог предъявить требование на пятнадцатую часть всего имущества. С другой стороны, принадлежащий ко двору крестьянин не терял своего "права на землю", даже если он покидал на долгое время свой двор и начинал зарабатывать себе на жизнь в городе – на фабрике или занимаясь каким-

либо ремеслом, не прерывая при этом, однако, окончательно своей связи со двором. В таком случае он числился в отлучке и право его за ним оставалось. Возвратившись, он мог вновь предъявить требование на свою часть земли, иными словами, двор обязан был принять его обратно, и он после этого жил и работал совместно с другими его членами, разделяя общую их участь. Нельзя было отказаться от этого "права на землю": отказаться можно было только от практического им пользования. Если бы крестьянин, ушедший в город и зарабатывающий на жизнь ремеслом, заявил, что он навсегда отказывается от своего "права на землю", такое его заявление никем бы не было принято к сведению и не имело бы никаких юридических последствий. Этот человек вполне бы мог потом вернуться в семью и снова предъявить требование на землю, как будто он никогда ничего и не заявлял. Это – особенно четкое доказательство, что речь тут идет не о субъективном праве в том смысле, в каком понимает его частное право, а о требовании общественно-правового характера, от которого никто не может добровольно отказаться. Как известно, самая важная отличительная черта субъективного права в том, что обладающий им человек может от него отказаться, не нуждаясь для этого ни в каких полномочиях от кого бы то ни было и не будучи обязанным в этом перед кем-либо отчитываться.[3]

Поэтому, говоря о подворном имуществе, нельзя говорить и о праве на наследство. Если вымирала семья – т.е. двор – то все хозяйство и земля отходили обратно к сельской общине. До тех пор, пока семья существовала, члены ее совместно обрабатывали данную всему двору сообща в пользование землю. Некому было завещать, некому было и наследовать: ведь домохозяин не был хозяином двора и его имущества. Он был главой семьи, а тем самым руководителем того сельскохозяйственного предприятия, которое представлял собой двор. Сенат многократно это подчеркивал, а особенно ясно это было выражено в высочайше утвержденном мнении Государственного Совета от 4 января 1888 года, где указывалось, что "полевые и усадебные участки надельной земли считаются собственностью не одного того лица, за которым они записаны по выкупным документам, а всех членов его семьи. Если же в некоторых статьях крестьянских положений употребля-

ются выражения *приобретение земли в личную собственность домохозяина* или *участки, приобретенные домохозяевами, составляют отдельную собственность каждого* (ст. 116 и 120 Положения о выкупе, изд. 1902), то сии положения означают не приобретение земли в личную собственность крестьянами в качестве физического лица, а приобретение именно в качестве домохозяина, т.е. представителя двора, в собственность этого двора".[4] Сенат особенно отвергал возможность завещательного распоряжения имуществом, принадлежащим двору. В решениях Первого, Второго и Кассационного Отделов за №29 от 3 ноября 1897 года установлено, что надельные земли, а также движимое имущество, необходимое для ведения хозяйства на надельных землях, не подлежат завещательным распоряжениям. В этой связи Сенат указывал, что сельская община и крестьянский двор признаются юридическими лицами в качестве собственников надела, заключая из этого, что раз надельные земли находятся во владении юридических лиц, то уже по природе таких лиц земли эти не могут подлежать завещанию.[5]

Сенату для опровержения права крестьян завещать надельные земли на самом деле вовсе не надо было прибегать к весьма спорному утверждению, что общины и дворы являются юридическими лицами. Ведь в той же резолюции Сенат приводит другой, гораздо более убедительный довод, поясняя, что крестьяне владеют наделами не в силу того права собственности, определенного в статье 420 первой части 10-го тома Свода Законов, которое представляет собой полное господство собственника над имуществом. Собственность крестьян основана на совершенно особенном положении, вытекающем из намерения государства всячески укреплять и обеспечивать существование крестьянского сословия. Право распоряжаться надельной землей сильно ограничено с целью защиты насущно необходимого для крестьянства земельного фонда. Вследствие этого, а также принимая во внимание, что закон обходит молчанием вопрос о праве крестьян завещать надельную землю, Сенат приходит к выводу, что в намерения законодателя входило не давать крестьянам этого права. И такое заключение совешенно верно. Отрицание права завещать наделы принадлежит к ряду ограничений права распоряжаться надельной землей, направ-

ленных на то, чтобы предупредить сокращение земельного фонда, поскольку фонд этот должен обеспечить существование крестьян. По сути дела, ограничение это вполне логически связано с общим ограничением права крестьян распоряжаться данными им наделами. Положение домохозяина по отношению к такому участку земли таково, что исключается всякая возможность видеть в нем (т.е. в домохозяине) субъект права собственности.[6] Наоборот, слова Сената о том, что сельская община и двор – юридические лица, вряд ли можно вообще принять всерьез.

Зайцев прав, отзываясь с большим скептицизмом об определении юридическими лицами сельской общины и главным образом крестьянского двора. В Лекциях его по административному праву мы читаем: "Пусть двор юридическое лицо, но это лицо не подходит ни под какие категории юридических лиц, известных частному праву".[7] И в интереснейшей статье, появившейся только по-немецки под названием "Идеология права российского крестьянского уклада и российской аграрной революции",[8] Зайцев высказывается в том же смысле: "... двор... так же как домохозяин не является хозяином дворового имущества. Двор ведет хозяйство на том участке земли, который достался его членам в постоянное пользование из всеобщего надела, выделенного из частной собственности". И мне представляется невозможным называть крестьянский двор или сельскую общину юридическими лицами.[9] Как двор, так и община являются лишь субъектами надела, т.е. это – единицы, которым выдается в пользование земля из фонда, предназначенного к обеспечению существования крестьянства. Двор и сельская община – это те единицы, через посредство которых и в рамках которых люди, принадлежащие к крестьянскому сословию, а тем самым и к общинам и ко дворам, могут предъявлять требования на землю. Разница между крестьянским двором и общиной, в которой периодически перераспределяется земля между дворами, состоит, собственно, в том, что в рамках двора отдельный крестьянин предъявляет требование на землю непосредственно, а в рамках общины (мира) он это делает через посредство двора.

Таким образом, мы видим, что значение "мира" в российском сельском быту часто преувеличивается. Важно не периодическое

перераспределение земли внутри общины, важен особый характер крестьянского "права на землю". Право это не субъективное, оно носит чисто общественный характер: это – право требовать от государства обеспечения себя землей.

Кроме того, надо принять во внимание еще следующее: имущество двора не есть имущество юридического лица, но в то же время оно не представляет собой и имущества общего, в том смысле, как это понимается в гражданском праве. Сенат многократно на это указывал: "Общая собственность двора не есть общее право собственности, установленное в общих законах гражданских, а определяется Положениями о крестьянах".[10] Следовательно "...по указаниям (Положений о крестьянах) ... за домохозяином, как старшим членом семьи, являющимся представителем ея и ответственным по отбыванию повинностей распорядителем хозяйства, должно быть признано право распоряжения хозяйством помимо согласия младших членов семьи".[11] По определению, данному в другом Сенатском решении, домохозяин есть "представитель двора или семьи, глава дворового хозяйства, который не нуждается в согласии младших членов семьи при выборе того или другого способа использования надела, покуда он остается в границах хозяйственно целесообразного".[12] Эти решения Сената доказывают, что двор на самом деле не есть общая собственость. Как известно, согласно гражданскому праву, для того чтобы распоряжаться общей собственностью, необходимо согласие всех собственников.

Вернемся еще к положению домохозяина. Сенат вновь и вновь подчеркивает: "домохозяин, хотя участок числится за ним, является лишь представителем крестьянского двора перед обществом и правительством".[13]

Из постановлений, взятых из этого и других подобных решений Сената, таким образом, ясно, что полномочия домохозяина, в силу которых он вел хозяйство и выбирал способ использования земли, вытекали не из его права собственности, а из признания его общиной и государством как представителя двора, вследствие чего на него и падала ответственность за выполнение повинностей по отношению к общине и к государству. И особенно важно тут заметить, что в число таких повинностей входила не только

своевременная уплата налогов и выплата долга по выкупу, а и целесообразное использование и правильная обработка предоставленных двору участков земли. Ведь землю эту предоставили крестьянам в пользование для того, чтобы обеспечить их существование, и даже надо уточнить: чтобы обеспечить его, и именно как крестьян, в интересах государства. Плохое, нецелесообразное использование предоставленной двору земли не отвечало таким государственным интересам. Итак, государство вполне естественно считало своим правом, поскольку обеспечение существования крестьянства рассматривалось как его задание, возложить на домохозяина обязанность правильной обработки земли, а тем самым и оставить за собой известное право надзора.

Но успешная обработка земли зависела не только от разумного ведения хозяйства. Для нее необходимо было, чтобы работоспособные члены двора оставались при нем и регулярно выполняли свою долю работы. Поэтому в интересах государства было не только предоставить крестьянам землю, а необходимо было, чтобы крестьяне ее сохраняли, оставались на ней и ее обрабатывали. А из этого неизбежно вытекало, что за главой семейства должны быть признаны известные патриархально-полицейские права по отношению к членам семьи, им возглавляемой. Это было совершенно понятно в отношении тех членов семьи, которые оставались дома. Но домохозяин сохранял эти права и по отношению к тем членам семьи, которые с разрешения общины и волости, пользуясь специально для этого предоставленным им волостью паспортом, уходили работать в город. Член двора, имевший паспорт сроком на пять лет (на большие сроки паспорта крестьянам не выдавались), мог быть полицейски вытребован обратно на двор. Это было естественным последствием убеждения, что пребывание всех членов при крестьянском дворе желательно и нормально, а что уход со двора и работа в городе – состояние ненормальное, исключительное, на которое надо получить особое разрешение. Работавший в городе крестьянин так и числился всегда "в отлучке".

Именно из такого понимания дела и вытекала особенная природа правовых норм, определявших положение домохозяина. Оно ни в коей мере не было положением самостоятельного субъ-

екта права собственности. Домохозяин был должностным лицом, избранным и находящимся под надзором в своей работе, а при случае мог быть и сменен, и при этом даже мог иметь право на пенсию в той мере, в какой это нужно было ему, чтобы жить. Так и называлось: на прожиток.[14]

Как домохозяин нес ответственность за работу всего двора, так все домохозяева внутри общины (и в тех общинах, где не происходило периодического перераспределения земли, иными словами, в сельских общинах, которые не были миром) связаны были между собой круговой порукой уплаты налогов и выполнения других обязанностей.

Повинности, лежавшие на крестьянах, носили совершенно особый характер, особый характер носило и обеспечение выполнения этих обязанностей. Из этого вытекала необходимость особого крестьянского управления, тех должностей, на которых сами крестьяне выбирали исполнителей, а также и особого государственного управления, чиновников, которым поручалось наблюдение за деятельностью крестьянского управления и которые в общем должны были по-отцовски печься о крестьянском сословии. Среди таких чиновников в первую очередь надо упомянуть земского начальника. В Положении о земских начальниках от 12 июля 1889 года, в статье 39 мы читаем: "На земского начальника возлагается попечение о хозяйственном благоустройстве и нравственном преуспеянии крестьян вверенного ему участка, по предметам ведомства сельских и волостных сходов". Насколько эти полномочия были широки, видно из постановлений, содержащихся во всеобщем Положении. Так например, в статье 78, пункт 2, указывается, что в ведомство волостных сходов входит выносить решение обо всех делах, которые касаются хозяйственных и общественных вопросов всей волости.

Эту политику наделения земских начальников полномочиями патриархального попечительства никак нельзя признать удачной. Патриархальная власть в руках назначенного министерством внутренних дел чиновника представляет собой нечто противоестественное. Такая попытка восстановить старые патриархальные отношения в бюрократической форме (т.е. в форме, ухудшенной по сравнению с прошлым и не соответствующей потребностям)

прямо противоречила как раз всему тому, что тогда было нужно. Именно тогда было совершенно необходимо избавиться от патриархального отсутствия форм, от патриархального произвола (всюду, где они еще сохранялись), заменяя их законностью и юридически точно определенными отношениями. А тут мы видим попытку остановить это естественное развитие и создать должность как будто новую, а в то же время располагающую традиционной патриархальной властью. Таким образом, по сути дела осуществлялось то, что в свое время Карамзин считал самой худшей альтернативой: крестьяне подпадали под бесконтрольную власть невысокого чина губернского управления. Карамзин именно этого больше всего опасался, и это был в его понимании один из самых веских доводов за сохранение крепостного права.

Однако не только существование отдельной администрации, исключительно для крестьянского сословия, было последствием особого рода права собственности крестьян. Все остальные особенности правового статуса крестьян были последствием концепции, согласно которой признанное за крестьянином "право на землю" принципиально отличается от права собственности на землю всех других сословий. Вообще правовые отношения людей, принадлежавших к крестьянскому сословию, не управлялись постановлениями всеобщего гражданского права, применявшегося ко всем другим сословиям, а основаны были на местном крестьянском обычном праве. Это, бесспорно, тоже было следствием того обстоятельства, что наиважнейшие имущественные отношения крестьян не могли быть основаны на нормах всеобщего российского гражданского права. А из этого в свою очередь вытекала необходимость особых крестьянских судов, члены которых выбирались из крестьян и слыли людьми, хорошо знакомыми с местными крестьянскими обычаями.

Подводя итоги всему сказанному, мы видим, что юридически статус крестьян отличается следующими характерными чертами:

Крестьяне (как бывшие крепостные, так и казенные крестьяне) входили в состав общин. Каждый крестьянин должен был принадлежать к общине. Члены общины в большинстве случаев связаны были между собой круговой порукой в оплате налогов и

выполнении других повинностей. Из круговой поруки вытекала сильная зависимость от общины. Зависимость эта в конечном итоге означала явное ограничение свободы передвижения. Для того чтобы получить долгосрочный паспорт, без которого крестьянин вообще не мог покинуть своей деревни, нужно было согласие сельского схода. Одобрение или отказ схода часто зависели от хозяйственных соображений. Если крестьянин не был самостоятельным домохозяином, то требовалось и согласие домохозяина. Я уже подробно осветил зависимое положение отдельного крестьянина в своем дворе, так что к этому возвращаться больше нет смысла.

Судопроизводство и администрация в деревнях были делом членов общины, избранных сельским сходом. Эти органы, разумеется, уполномочены были только по отношению к членам своего же сословия. Волостные суды и крестьянское управление были под наблюдением особых надзирательных органов, и в сущности находились под их руководством; общая администрация не имела к ним никакого отношения.

Волостным судам сначала разрешалось, а позднее приказано было основывать и объяснять вынесенные ими по гражданским спорам решения не постановлениями всеобщего гражданского права, полноценного по отношению ко всем остальным сословиям, а местными правовыми обычаями.

Нормы, согласно которым наказывались крестьяне, тоже не совпадали со всеобщими. За некоторые преступления крестьянам полагались наказания мягче, чем членам других сословий. Зато в других случаях крестьяне были наказуемы за поступки, за которые другим вообще не полагалось никакого наказания. Речь тут шла, главным образом, о некоторых видах безнравственного поведения, которые вообще не могли подпасть под категорию наказуемых проступков, например, неразумные траты или пьянство. Крестьяне кроме того подвергались видам наказания, давно уже упраздненным для других сословий. Так, волостные суды имели право приговорить членов своего собственного сословия, не достигших еще возраста 60 лет – к телесному наказанию; это постановление оставалось в силе до 1904 года. В 1898 году Витте в письме царю указывал на необходимость отменить право

волостных судов присуждать к телесному наказанию, потому что "розги... оскорбляют в человеке Бога". Кроме того он подчеркивал, что такое особое полномочие волостных судов грубо противоречит общему правовому сознанию и общим правовым нормам. Витте пишет: "Любопытно, что если губернатор высечет крестьянина, то его судит Сенат, а если крестьянина выдерут по каверзе волостного суда, то это так и быть надлежит".[15]

Нормы о наказаниях для крестьян чрезвычайно характерны. Наказание за безнравственное поведение и телесное наказание мог применять только волостной суд, члены которого по общепринятому мнению – уважаемые старые крестьяне, носители добрых старых традиций. Все это указывает на то, что на крестьян смотрели, как на особый слой населения, как на группу, которая нуждается в воспитании и в опеке и нравственность которой особенно нужно предохранять. Совершенно неправильно было бы полагать, однако, что это стремление вытекало из убеждения в какой-то особенной безнравственности крестьян. Как раз наоборот. В основе стремления к опеке лежало представление, что крестьянин – простой, т.е. неиспорченный, чистый человек, что он (совсем так, как это понимали славянофилы и народники) – носитель особых нравственных и духовных ценностей. Именно поэтому считалось необходимым особо заботиться об его нравственности и ограждать его от всего безнравственного. Чрезвычайно странно звучит (а для нас вообще почти непонятно), что телесное наказание в волостных судах наверное так долго оставляли в силе потому, что уверены были, что лишение свободы, а особенно заключение в городе, деморализующе действует на крестьянина, потому что если он раз побывал в тюрьме, все другие крестьяне всю жизнь будут смотреть на него, как на вора, на плохого человека, на преступника, и что он сам будет так же на себя смотреть и в конце концов нравственно погибнет. Считалось что, наоборот, патриархальная порка, так сказать у себя дома, на самом деле имеет морально-воспитательное значение. На стремлении к особенно стойкому сохранению нравственности среди крестьянства покоится и полномочие общины большинством голосов исключать недостойных членов, что для них означало высылку в Сибирь.

То толкование права собственности крестьян, которое мы

здесь рассмотрели, тоже указывает на то, что на крестьянство смотрели, как на сословие, нуждающееся в опеке и покровительстве. Надел, предоставленный крестьянину, не мог стать его собственностью. Он не мог свободно им распоряжаться, так, как это делали члены других сословий со своей собственностью. Ведь если бы крестьянин получил право распоряжаться своим наделом, он мог бы его продать и стать пролетарием. А этого нельзя было допускать. Крестьянин должен был оставаться земледельцем. Для этого государство и снабдило его землей, которую казна ценой крупных жертв отобрала или откупила у дворян. Но крестьянин должен был быть не только земледельцем, он должен был оставаться именно крестьянином. Недостаточно было обеспечить его материальное существование, надо было сохранить и духовную крестьянскую сущность его, потому что крестьянство – носитель особых нравственных ценностей. Пролетаризацию крестьянства, превращение крестьян в пролетариев надо, следовательно, считать – такова была общепринятая точка зрения – нравственным упадком народа.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 3

1. И Сенат недостаточно четко определяет разницу между подворным и общинным имуществом. Интересно отметить, что заключения Сената по этому поводу не однозначны. В решении Второго отдела от 12 марта 1899 года указано, что и в случае подворного имущества земля все же числится собственностью общины. Обратное гласят решения 1, 2 и Кассационного отделов от 27 ноября 1895 года, № 20 и другие.
2. Зайцев. Административное право. Прага, 1923, стр. 201 и далее.
3. В общем, я в своем изложении следую Зайцеву, но не думаю, что правильно – как это делает профессор Зайцев – считать "право на землю" субъективным общественным правом. Право крестьянина на то, чтобы ему предоставили надел, является объективным правом общественного свойства, все признаки "субъективного" права совершенно ему чужды.
4. Зайцев. Административное право, стр. 200.
5. Там же, стр. 200 и далее.
6. Там же.
7. Там же.
8. В "Архиве философии права и экономики", т.19, Берлин, 1925, стр.59.
9. По всей вероятности, к признанию мира юридическим лицом повело то обстоятельство, что мир мог владеть и землей, не принадлежащей к фонду наделов, согласно нормам обычного гражданского права, и мог такую землю приобретать, так что может быть в этом смысле (но только в этих пределах, только по отношению к такому имуществу) он в самом деле действовал как юридическое лицо. Важно, что решение Первого и Кассационного отделов №1 от 1869 года утверждает, что семья, т.е. крестьянский двор, есть своего рода экономически-правовой союз, близкий к понятию юридического лица.
10. Зайцев. Административное право, стр. 197.
11. Решения гражданского кассационного отдела № 88 от 1894 года и № 91 от 1893 года. См. также решения Первого, Второго и Кассационного отделов №41 от 1892 года. Цит. по Зайцеву, ук. соч., стр. 192.
12. По Зайцеву. Идеология права, стр. 60.
13. Решение гражданского кассационного отдела № 99 от 1911 года. Цит. по Зайцеву, ук. соч., стр. 200.
14. Подробнее у Зайцева. Идеология права, стр. 60.
15. Витте. Воспоминания, т. I, Берлин, 1922, стр. 469.

Глава 4

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ЦАРСТВОВАНИЕ АЛЕКСАНДРА III

Законодательство Александра III. – Ограничение права собственности крестьян этими законами и решениями Сената. – Укрепление понятия о том, что наделы являются государственным фондом. – Причины, по которым правительство держалось за мир. – Распространение общественно-правовых понятий среди крестьян.

Представление о том, что задачей государства является обеспечение существования крестьян и вообще опека их, особенно укрепилось в царствование Александра III. Соответственно тенденция, выразившаяся в законах 1861 года, – дать крестьянам гражданские свободы и превратить предоставленную им землю в настоящую частную собственность, все более отступала на задний план. Земля, предоставленная крестьянам, все последовательнее рассматривалась как особый фонд, существующий для того, чтобы обеспечить существование крестьян как земледельцев. Это означало, что надо законом гарантировать существование этого фонда, а равномерное распределение самого фонда между крестьянами в известной мере тоже должно поддерживаться законом. Таким образом еще углублялась особая природа имущественно-правовых отношений крестьян, а это в свою очередь делало неизбежным обострение сословной обособленности крестьянства от всего остального населения империи. Издан был ряд важных законов, воплощавших эти тенденции, а сенатские постановления и решения, как мы уже видели, все дальше и больше развивали этот особый сословный крестьянский порядок. Среди законов на-

до здесь упомянуть следующие: закон от 18 марта 1886, ставивший препятствия делению подворного имущества среди членов двора; закон от 1889 года, создававший должность земских начальников и значительно расширявший полномочия волостных судов. Далее закон от 8 июня 1893 года, относительно перераспределения земли внутри мира, который между прочим постановлял, что всеобщее перераспределение должно происходить не реже, чем каждые 12 лет; закон от 14 декабря 1893 года, который очень осложнял всякую продажу наделов, даже если она проводилась через общины, а также делал почти совершенно невозможным выход из общины, отменяя статью 165 Положения о выкупе. Согласно этому закону и после выплаты полностью выкупной ссуды оставалось в силе ограничение права крестьянина распоряжаться своей землей. Таким образом, все эти ограничения стали постоянным элементом крестьянской собственности на землю.

Как уже было упомянуто, Сенат часто (не всегда) определял крестьянскую земельную собственность как собственность юридических лиц, т.е. двора и мира. Такое понимание было абсолютно чуждо крестьянам. Это не ускользнуло от внимания Витте. В Особом Комитете, о котором скоро будет идти речь, Витте сказал: "Наука говорит, что право собственности на общинную землю принадлежит сельской общине как юридическому лицу. Но в глазах крестьян (не понимающих, конечно, что такое юридическое лицо) собственник земли – государство, которое дает им, крестьянам-общинникам, земли во временное пользование".[1] Тут совершенно точно передается мнение и понимание вопроса крестьянами. Только Витте считал, что крестьяне лишь потому не принимают идею Сената, по которой земля – частная собственность мира как юридического лица, что им непонятно, что такое вообще юридическое лицо. Это объяснение Витте слишком поверхностно. Ничем не доказано, что крестьяне не в состоянии были понять, что такое юридическое лицо. Русские крестьяне всегда проявляли достаточное умственное развитие, а основные понятия гражданского права повсюду совпадают с принципами нормального человеческого разума. Основные институты гражданского права, т.е. права, существующего уже много тысячелетий, похожи на литургические тексты. И те, и другие могут быть предметом слож-

ных научных, юридических или же богословских рассуждений, однако принципиальный смысл их вполне доступен и необразованному человеку.

Мнение крестьян, согласно которому предоставленная им земля – государственная, имеет гораздо более глубокие корни, чем неспособность понимать, что такое юридическое лицо. Это мнение уходит корнями в идеологию права крепостного строя, в правосознание, привитое крестьянству при этом строе и начавшее исчезать лишь весьма понемногу уже после особождения, т.е. когда правосознание других сословий отошло уже очень далеко и полностью основывалось на правовых концепциях гражданского строя. По идеологии права крепостного строя, земля всегда была царской, т.е. государственной. Царь предоставлял землю крестьянам, а затем предоставлял крестьян с землей (или землю с крестьянами) дворянам. Крестьяне должны были кормить дворян для того, чтобы те могли служить царю. А дворяне должны были служить царю, их служба была повинностью их сословия и согласно идеологии крепостного строя на ней только и основывалось право дворянства на то, чтобы его кормили живущие на земле крестьяне – т.е., по сути дела, право "владеть" землей. Крестьянство никогда не признавало либеральной революции Екатерины, т.е. произведенное посредством Жалованной Грамоты 1785 года превращение дворянских поместий в частную собственность. Тем не менее оно не могло не признать, что это означало, до некоторой степени, превращение самих крестьян в собственность помещика.

По всей вероятности крестьянство смогло бы принять и это правовое изменение, но наверное только в том случае, если бы ему хоть как-то дали возможность пользоваться преимуществами либеральной правовой системы, если бы дали свободу экономической инициативе и предпринимательскому духу крестьян (то, о чем говорил Карамзин), а прежде всего если бы объявили настоящей и неотъемлемой собственностью их землю, предоставленную им в пользование. Об этом ведь думала уже Екатерина. При обращении крестьянской собственности в собственность постоянную, можно было бы оставить помещикам лишь известные, ограниченные права на эту землю, приблизительно в духе учения Мон-

тескье о промежуточной власти, на которое ссылается Карамзин, а может быть в смысле тех политических прав, о которых говорит проект комитета Перовского. Такие права вскоре могли превратиться в административно-правовые полномочия, которые государство давало бы помещикам. Наверное параллельно с этим процессом проходил бы другой, а именно процесс укрепления крестьянской собственности и превращения ее в настоящую частную собственность. Однако в XIX веке почти ничто не было осуществлено из этих либеральных идей XVIII столетия. Поэтому нисколько не удивительно, что крестьяне оставались при своих старых убеждениях, т.е. в уверенности, что предоставленные им участки – часть громадного казенного земельного фонда, и что предоставляет им землю государство так же, как это делалось веками. По мнению крестьян, освобождение состояло в том, что они избавлены от барщины и от оброка, и это представлялось им вполне логичным и справедливым: ведь господ давно уже освободили от обязательной службы, еще с 1762 или с 1785 года. Если же они после этого добровольно вступали на государственную службу, то за это получали жалование наличными и поэтому не нуждались более в том, чтобы крестьяне их кормили. Но в отношении правового положения земли ничто не изменилось. Все было по-прежнему. Земля принадлежала царю, крестьянин ее обрабатывал и поэтому, вполне естественно, государство предоставляло крестьянину землю.

Только в этом правосознании и можно найти объяснение тому, что крестьяне отказывались заключать договоры с прежними хозяевами, предусматриваемые законами об освобождении, даже в тех случаях, когда договоры эти бесспорно и совершенно очевидно повели бы к значительному улучшению их экономического положения. Даже в тех случаях, когда договор означал, что участок земли не уменьшится, а при этом понизится оброк, крестьяне часто упрямо отказывались подписать его. Очевидно, их правосознание делало для них невозможным принять из руки помещика то, что они уже считали своим правом.

Поэтому представляется естественным, что крестьянство, руководимое сознанием, которое корнями уходило в крепостной строй, стояло на точке зрения, что предоставленные ему наделы

являются государственным фондом. Гораздо более удивительно, что и представители правительства склонялись к такой концепции. Так например, тверской губернатор стоял именно на этой точке зрения. После отмены статьи 165 Положения о выкупе (отменена она была законом от 14 декабря 1893 года) в 1894 губернским комитетам между прочим задан был вопрос: желательно ли оставить за бывшими крепостными возможность выкупать свои наделы и с этой целью распространить и на них предписания о выкупе, содержащиеся в пункте 2 статьи 15 Положения о казенных крестьянах.[2] Большинство комитета высказалось по этому поводу положительно. Тверской губернатор заявил, что он не согласен с мнением большинства.[3] Он представил особое мнение следующего содержания:

"Я не могу согласиться с мнением Совещания по вопросу о выкупе крестьянами участков из общинной земли: распространяя действие п.2 ст.15 Положения о государственных крестьянах на помещичьих взамен ст. 165 Положения о выкупах, Совещание останавливается на полумере и, ставя ограничения для выкупа, допускает его все-таки в принципе. Мое глубокое убеждение заключается в том, что интересы и задачи нашей общины требуют непременно полной отмены права выкупать надельную землю. Мне представляется несомненным, что право выкупа идет вразрез с общинным пользованием, так как оно ведет к индивидуализации собственности; затем право это совершенно парализует общинное начало, так как выкупленный участок не составляет уже предмета общественного распоряжения; наконец, выкупленный участок может легко перейти в посторонние руки. Если Совещание считает общинную форму землевладения единственною, которая может спасти наше крестьянское население от пролетариата, то непоследовательно оставлять неустраненным то условие, которое может вести к разрушению общины. Если, затем, рассматривать настоящий вопрос с точки зрения государственных задач, то казалось бы возможным прийти к тому заключению, что личной собственности крестьян на надельную землю быть не может. Известно, что государство наделило освобожденных от крепостной зависимости землею, купленною государственными средствами у помещиков. Хотя вначале государство и стало по отно-

шению к крестьянам в положение заимодавца и залогопринимателя, у которого крестьяне выкупали как будто бы свою собственность, но эти отношения уже давно видоизменились, и в настоящее время выкупные платежи составляют не более не менее, как поземельные налоги. Таким образом, надельная земля крестьян могла бы считаться собственностью государства, представляющего лишь общине право вечного пользования землею. На этом основании, в последнее время правительство в целом ряде мероприятий указало на то, что государство не отказывается от своего права собственности, и решило его сохранить за собою в интересах последующих поколений земледельческого сословия".[4]

С такой концепцией, согласно которой наделы являются государственным фондом, связано было стремление взять под опеку сельскую общину как институт, который должен был обеспечивать равномерное распределение земли среди крестьян. При этом правительство было убеждено, что оно в таком своем понимании приблизилось к точке зрения самого крестьянства. По-видимому, ведомства и в самом деле придерживались мнения, что вышеупомянутые законы, изданные при Александре III, соответствуют желаниям крестьян. Губернское управление по крестьянским делам в Архангельске заявило: "Крестьяне с особенной радостью приветствовали закон от 14 декабря 1893 года, дозволяющий выкуп общинной собственности (отдельными членами общины для обращения его в личную собственность) лишь с согласия обществ".[5] Это было, конечно, важным мероприятием в защиту сельской общины, а многие в то время были убеждены, что крестьянство очень держится за общину. Так, Екатеринославский совещательный комитет заявляет:

"Большинство крестьянского населения относится весьма сочувственно к общинной форме землевладения, ибо хорошо понимает, что община не только обеспечивает личное благосостояние крестьянина, но и его потомство, сирот, престарелых и увечных".[6]

И Витте, который еще в 90-е годы пришел к убеждению,[7] что крестьянская собственность на землю должна быть преобразована согласно либеральным принципам, в воспоминаниях, написанных в самом конце жизни, пытается оправдать анти-либеральное

законодательство Александра III тем, что оно было вдохновлено пафосом защиты слабейших, в духе идеологии православного государства, а следовательно исходило из идеи, глубоко укорененной в народном сознании. Витте пишет: "Императору Александру III ставится в укор... введение земских начальников – вообще введение принципа какого-то патриархального покровительства над крестьянами, как бы в предположении, что крестьяне навеки должны остаться таких стадных понятий и стадной нравственности... Это была ошибка императора Александра III, но тем не менее, я не могу не засвидетельствовать, что это была ошибка не только добросовестная, но ошибка в высокой степени душевная. Александр III относился глубоко сердечно ко всем нуждам русского крестьянства, в частности, и русских слабых людей вообще. Это был тип действительно самодержавного монарха, самодержавного русского царя; а понятие о самодержавном русском царе неразрывно связано с понятием о царе как о покровителе-печальнике русского народа, защитнике слабых, ибо престиж русского царя основан на христианских началах; он связан с идеей христианства, с идеей православия, заключающейся в защите всех слабых, всех нуждающихся, всех страждущих, а не в покровительстве нам... т.е. нам русским дворянам, и в особенности русским буржуа, которые не имеют того хорошего, того благородного, что встречается во многих русских дворянах".[8] Возможно и даже очень вероятно, что Витте правильно излагает тут личные побуждения Александра III. Но нет никаких неопровержимых доводов, заставляющих верить, что законодательство Александра и представляет собой единственный правильный вывод из идеи православного государства. Наоборот, ряд мыслителей как в XVIII, так и в XIX веке утверждал, что идеал православного государства для практического применения требует проведения в жизнь либеральных реформ. Екатерина II, Карамзин, Сперанский, Александр II, Катков, Милютин могут быть названы самыми значительными представителями такого понимания. Если Александр III придерживался мнения, что единственный подход монарха к своим подданным, отвечающий идеалу православного государства, – патриархальная опека, это было его личное мнение или, вернее, его личная ошибка.

Действительные обстоятельства ни в коей мере не соответствовали этим идеальным представлениям. Наоборот, как раз положение слабых в сельской общине было просто жалким. В деревнях фактически не существовало никакого социального обеспечения. Курский совещательный комитет оказался вынужденным констатировать, что "нуждающиеся в помощи почти всегда должны жить милостыней".[9]

На самом деле получалась не забота о слабых, а подавление сильных, которые всюду натыкались на препятствия. При перераспределении земли ее часто отнимали у наиболее работящих. Вследствие круговой поруки по налогам и выкупным ссудам сильные должны были платить за слабых, а далеко не всегда это означало – за несчастных, часто было – за лентяев, за пьяниц и мотов.

Со временем подход государства к этому вопросу стал отдаляться от крестьянского понимания его. Правительство защищало перед крестьянами понятие государственной собственности, в то время как в сознании крестьян начали уже укореняться либеральные идеи. Это – чрезвычайно интересный пример того, как законы, превращаясь в обычное право, проникают и в те области, в которых они формально не применяются, причем происходит это не только без поддержки, а и с преодолением сопротивления со стороны государственной власти.

Вся эволюция жизненных условий крестьянства благоприятствовала этому процессу. Полной изоляции крестьянства от жизни других сословий, разумеется, не было и не могло быть, а ведь одна только такая изоляция и могла бы предотвратить подобное развитие. Наоборот, крестьяне все время и повсюду вступали в соприкосновение и прямой контакт с людьми, принадлежавшими к другим сословиям и знакомились с их правовым положением. Отчасти и сами они становились действующей стороной в таких правовых отношениях. Кроме надела, крестьянин мог приобретать еще другую землю и становился тогда ее собственником согласно статье 420 первой части X тома Свода.

Когда крестьянин находился в "отлучке" в городе и там работал в промышленности или в торговле, его правовые отношения определялись нормами всеобщего гражданского или торгового

права. Да и вообще, когда крестьянин заключал договор с человеком другого сословия – т.е. лицом, не подлежащим юрисдикции волостных судов, – его отношения в связи с таким договором основаны были на постановлениях X тома Свода. Правовые отношения людей других сословий были у него, в общем, все время перед глазами, он мог все время наблюдать за их преимуществами и точно их оценивать. Дело в том, что ограничения права распоряжаться собственностью всегда представляются более справедливыми и вызванными обстоятельствами социального характера – именно тем, кто вводит их для других, чем тем, чья гражданская свобода таким образом урезывается. Поэтому совсем не удивительно, что крестьяне (во всяком случае многие из них), стремились к той гражданской свободе, которая предоставлена была другим сословиям. Крестьяне начинали отдавать себе отчет в преимуществах, которые возникли бы для них от превращения их имущества, и в первую очередь земли, в частную собственность согласно X тому Свода; также они начинали понимать, как выгодна была бы для них возможность строить свои отношения в связи с договорами на основах русского торгового права, а в случае споров иметь дело с образованными государственными и мировыми судьями, а не с темными членами волостных судов. В своей записке Витте приводит высказывание местного комитета, которое говорит, что до 1889 года, т.е. до тех пор, пока крупные споры решали не волостные суды, а мировые судьи, крестьяне прилагали все усилия "подтасовать" дело, чтобы рассматривал его именно мировой судья. [10]

Но и волостные суды нередко основывали свои решения не на местных обычаях, а на постановлениях X тома Свода или на сенатских решениях. На это указывал не только Витте, считавший это здоровым явлением,[11] а и Редакционная комиссия, созванная в 1902 году с целью пересмотра законодательства о крестьянах. Об этой комиссии еще будет речь впереди. В отличие от Витте, она такой ход дел осуждала. При этом Редакционная комиссия указывала, что волостные суды избегают обосновывать свои решения обычаями не только в тех случаях, когда существование такого правового обычая сомнительно или трудно установить его подлинное содержание, но и в тех случаях, когда действительно

налицо правовой обычай.[12] Редакционная комиссия приписывала это безрадостное явление двум обстоятельствам: во-первых, влиянию волостных писарей, которые часто бывали родом не из той области, где работали; во-вторых, тому, что апелляционной инстанцией для волостных судов были уездные съезды. В уездных же съездах часто вообще не было членов, знакомых с местным обычным правом, так что было вполне естественно, что и рассматривая правовые отношения крестьян, уездные коллегии стремились к тому, чтобы применять нормы писанного закона.

Однако и редакционная комиссия отдавала себе отчет в том, что склонность волостных судов ссылаться на нормы закона скорее, чем на нормы обычного права, прежде всего вытекает из слаборазвитости и неопределенности крестьянского обычного права в России, что не дает достаточной основы для желаемой юридической уверенности, в то время как ссылка на ту или иную статью X тома Свода обычно дает правовым отношениям вполне четкое обоснование. Редакционная комиссия министерства внутренних дел, точка зрения которой вообще была противоположна точке зрения Витте, соглашалась с тем, что зависимость крестьян от помещиков во времена крепостного строя сильно помешала развитию крестьянского обычного права, поскольку имущественные отношения крепостных зависели от воли хозяина.[13] Витте далее указывал, что и у казенных крестьян обычное право не могло развиваться, поскольку они, согласно постановлениям X тома Свода, часть 2, статья 921 (изд. 1857 г.), как правило, находились в юрисдикции нормальных государственных судов и их правовые отношения подчинены были всеобщему гражданскому праву.[14]

Вследствие того, что крестьянское обычное право носило такой примитивный и неуверенный характер, за решениями волостных судов в тех случаях, когда они ссылались именно на обычай, часто стояли либо интересы влиятельной крестьянской группы внутри общины, либо финансовые или административные требования поставленных над крестьянами ведомств. Может быть именно потому, что такого рода "крестьянское обычное право" могло быть использовано как прикрытие стремлению правительства ограничить право крестьян распоряжаться своей собственностью и

укрепить за данными крестьянам наделами определение государственного земельного фонда, и требовали так упорно от волостных судов, чтобы они в своих решениях придерживались обычного права, а ведавшие крестьянскими делами учреждания кассировали постановления волостных судов просто на основании того, что они содержат ссылку на какую-либо статью X тома Свода или на решения Сената по вопросам гражданского права.[15]

В своей записке Витте указывает на то, что нет никакой причины сомневаться в правдивости заявлений большинства местных комитетов (о которых будет идти речь в следующих главах), что "за истекший со времени освобождения период крестьянская среда постепенно прониклась началами общегражданского права, обычаи же, если они и существовали, забыты".[16]

Витте даже говорит, что повсюду где еще существует обычное право, обычаи постепенно проникаются началами общегражданского права, прочно установившимися в народном правосознании.[17] В основе этого мнения Витте тоже лежат заявления подавляющего большинства местных комитетов. Таким образом Витте полностью соглашался со мнением местных комитетов, согласно которому крестьянство все больше принимает всеобщее российское гражданское право, положения X тома Свода, как обычное право и что начала гражданского права все больше овладевают правосознанием крестьян, формируя его и вытесняя элементы старого правосознания, выработанного крепостных строем.

В основе такой склонности все более принимать начала общегражданского права лежала та "тенденция к индивидуализации права", которую с большой ясностью видел Витте. Интересно, что тенденция эта проявилась не только в 90-е годы или в конце века, а уже в конце 60-х и в начале 70-х годов, как установила комиссия сенатора Любощинского.

Стремление крестьян к индивидуализации своих прав и в первую очередь к превращению своих наделов в частную собственность со временем все усиливалось вследствие того, что возрастал интерес крестьян к этому имуществу. В первое время после освобождения налоги и выкуп были больше, чем доход, получаемый от наделов. Можно было брать в аренду землю за меньшие деньги, чем выкуп. Поэтому крестьяне склонны были оставлять

свои наделы и брать в аренду другую землю, или работать в городах. Поскольку крестьяне одной общины связаны были между собой круговой порукой, те, кто продолжал оставаться в общине, заинтересованы были в затруднении по возможности выхода из нее; не меньше, чем они, заинтересована в этом была и казна. Поэтому община готова была отпустить какого-либо своего члена, только если он соглашался безвозмездно отдать ей свое имущество. (Если речь шла о человеке, всегда исправно платившем налоги, то и на этих условиях община далеко не всегда бывала согласна). Конечно, тот член общины, земля которого не только не давала ему дохода, а, наоборот, стоила много денег, скорее всего был готов избавиться от нее хотя бы и совершенно безвозмездно. Но когда благодаря общему возрастанию цен значительно увеличилась как ценность наделов, так и доходы, которые возможно было получать с них, и крестьянские доходы стали превышать налоги и выкуп, наделы стали в глазах крестьян ценным имуществом. Они стали отклонять возможность отдавать общине, уходя из нее, свое имущество безвозмездно. Витте считает это совершенно естественным: "Каждый, кто имеет долг, охотно согласится на коллективную ответственность, примет поручителей и ответчиков... с другой стороны, каждый, кто имеет имущественное право, будет стремиться к полному обладанию им без соучастников... Все это слишком по-человечески".[18]

Пока земельная собственность представляла собой тягло и пока свобода передвижения крестьян ограничена была круговой порукой, а также ограничительными постановлениями о паспортах, владение должно было неизбежно основываться на началах коллективных и трудовых.[19] Ведь эти начала полностью совпадают с сущностью общественно-правовой обязанности, которая сначала и была главным моментом и подлинной причиной для использования данной крестьянам земли, т.е. так называемой крестьянской земельной собственности. Но после экономической эволюции, о которой только что шла речь, и после того, как в связи с этой эволюцией обязательства, возложенные на крестьян, стали лишь сопроводительным элементом их владения землей, общественно-правовой характер этого владения неизбежно должен был быть воспринят крестьянами как узы.

Возникла потребность завещать или передавать ближайшим родственникам свои земельные владения, даже в том случае, если родственники эти "в отлучке" в городе. Возникла потребность делить подворное имущество по мере того, как растет семья. Главным образом, возникла потребность ликвидировать, т.е. продавать свое имущество при выходе из общины. Но не было законного пути для крестьянина для всех этих правовых дел. Витте пишет: "Крестьянин оказался лишенным возможности ликвидировать свое имущество при выходе из общества в порядке, обеспечивающем юридическую силу заключаемого договора".[20] Вследствие этого образовались всякие "неофициальные" пути для таких сделок, которые Витте иронически называет "обычными", употребляя это слово в кавычках.[21] Надо сказать, что ирония тут неуместна. Это было на самом деле обычное право, порожденное правом писанным: обычное право, по словам того же Витте, пронизанное началами всеобщего гражданского права. Только оттого, что правительство отклоняло возможность построить правовые отношения крестьян на постановлениях гражданского права, это обычное право не признавалось правительством. А из этого в свою очередь вытекало, что правовые отношения, построенные на таком обычном праве, лишены были юридической защиты. Так например, договоры, заключенные по обычному праву, могли оставаться в силе, только если обе стороны были совершенно лояльны и вообще никогда не доходило до правового спора. Ведь волостным судам вышестоящие инстанции запретили считать законными правовые отношения между крестьянами, возникшие на основании постановлений X тома Свода.

Важно еще следующее: обычное право стало необходимым не только потому, что не было законных и правительством признанных путей для вышеупомянутых правовых сделок, а и потому, что такие пути не могли никак развиться, даже очень постепенно вытекая из существующего признанного обычного права. Институты частного права не могли пускать корней на почве общественно-правовой. Витте спрашивает: "Но можно ли основываться на порядках несения тягла... на приемах, обеспечивающих исправное его выполнение, и на этих началах конструировать вещное право, институты дарения, выдела, продажи, завещания, наследования

и т.д.?"[22] Эта тенденция к индивидуализации права, к превращению крестьянских наделов в частную собственность в смысле общегражданского права, иными словами к замене общественного права правом частным в области крестьянской земельной собственности, была тенденцией в направлении свободы. Значит, русские крестьяне вполне инстинктивно стремились к осуществлению в своей жизни той гражданской свободы, которая появилась бы в системе их правовых отношений вследствие введения в них начал гражданского права.

И этот аспект проблемы был совершенно ясен Витте. Он пишет: "Нельзя же смотреть на последнее (т.е. общегражданское право) как на систему норм, принуждающих граждан определять свои частно-правовые отношения непременно так, а не иначе. Напротив того, совершенная система гражданского права дает очень широкие рамки, в которые отношения укладываются соответственно доброй воле и особенностям данного конкретного случая. Гражданское право изобилует так называемыми дозволительными нормами, на применении коих закон нисколько не настаивает, а только предлагает известное определение и имеет в виду, что, если граждане не сделают никакого постановления относительно своих юридических отношений, то, значит, хотят подчиниться закону, применить его к себе.

В противоложность этому, построение крестьянского права на началах тяглового периода их правоотношений неизбежно выразится в многочисленном ряде норм повелительного и запретительного характера: такова уже природа этих начал, ибо все они касаются не прав, а публично-правовой обязанности, которая, как и всякая обязанность, регламентируется принудительными нормами.

При современном положении крестьянского экономического быта подобная принудительность норм внесет чрезвычайное стеснение в область хозяйственной самодеятельности и инициативы, между тем как общее гражданское право даст необходимый для них простор, и в этих пределах свободно уместятся многие из действительно существующих обычаев".[23]

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 4

1. По Зайцеву. Административное право, стр. 238.
2. Статья 15 Положения о казенных крестьянах. В ней постановлено, что земля, находящаяся во владении сельской общины, может быть передана отдельным домохозяевам только с согласия 2/3 членов общины, имеющих право голоса. При этом учитывается и сумма налогов, которые причитаются с передаваемого участка. О выкупе ср. ст. 165 Положения со статьей 151.
3. В Своде заключений губернских совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах (Петербург, 1897, 4 т.), имя губернатора не указано. Я предполагаю, что в то время губернатором тверским был Ахлестышев. См. Воспоминания Петрункевича, стр. 251. Важно указание Петрункевича на то, что Ахлестышев стал тверским губернатором в связи с назначением Дурново на пост министра внутренних дел. Это заставляет думать, что он разделял взгляды Дурново, а следовательно в своей записке выражал тогдашнее мнение правительства.
4. "Свод заключений губернских Совещаний по вопросам, относящимся к пересмотру законодательства о крестьянах". СПб, 1897, т. 3, стр.214.
5. Там же, стр. 194.
6. Там же, стр. 148.
7. В 1894 году Витте еще защищал сельскую общину в записке, отрывки из которой опубликованы были в 1903 году сборником Освобождение в Штутгарте, стр. 72 и далее.
8. Витте. Воспоминания. Эпоха Александра II и Александра III. Берлин, 1923, стр. 374 и далее.
9. Свод заключений губернских Совещаний, т.3.
10. Витте. Записка. Пб, 1904, стр. 59.
11. Витте, там же, стр. 27 и далее.
12. МВД. Труды редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах, т. 1. Пб, 1903, стр. 64 и далее. В дальнейшем указывается как МВД.
13. МВД. Стр. 63. Витте. Записка, стр. 72.
14. Витте. Записка, стр. 72. Только правовые споры о мелких предметах, не превышающих ценности в 15 рублей, решались так называемыми расправами, существовавшими в волостях казенных крестьян. Насколько мне известно, однако, им не запрещалось обосновывать свои решения нормами общего гражданского права.

15. Витте. Записка, стр. 27.
16. Там же, стр. 73.
17. Там же, стр. 76.
18. Там же, стр. 75 и далее.
19. Витте. Записка, стр. 74.
20. Там же, стр. 44, см. также стр. 42 и далее.
21. О том, что незаконным образом имело место не только отчуждение, но и деление земельных участков, мы узнаем и из отчетов совещаний за 1894 год.
22. Витте. Записка, стр. 74.
23. Витте, там же, стр. 77 и далее.

Глава 5

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ II (до 1905 г.)

Крестьянский вопрос в первые годы царствования Николая II. – Основание Особого Совещания для определения надобностей сельского хозяйства под председательством Витте и Редакционной Комиссии министерства внутренних дел в 1902 году. – Точка зрения Редакционной Комиссии. – Пояснения Витте по поводу крестьянского вопроса.

Таково было положение крестьянства в начале царствования Николая II. Проект вышеупомянутого закона, изданного 14 декабря 1893 года, незадолго до смерти Александра III, подвергнут был резкой критике в Государственном Совете в первую очередь бывшим министром финансов Бунге. Объединенные отделы Государственного Совета высказали мнение, что необходимо приступить к широкому всестороннему пересмотру всего касающегося крестьянства законодательства.

Это заставило тогдашнего министра внутренних дел И.Н.Дурново (которого не надо смешивать с Петром Дурново, бывшим в 1905 году также министром внутренних дел в кабинете Витте) еще 27 ноября 1893 года – т. е. до издания закона – обратиться к царю с докладом, указывая на необходимость того, чтобы вся работа по пересмотру законодательства сосредоточена была при министерстве внутренних дел.[1]

Министерство внутренних дел подготовило программу, т. е. список подлежавших рассмотрению проблем. В программу входило всего 66 вопросов. Она была представлена губернским совещаниям, специально для того учрежденным, которые должны были

высказаться по всем вопросам на основании своего местного опыта. Нельзя сказать, что совещания или само министерство спешили со своей работой. Лишь в 1897 году опубликовано было 4 тома с заключениями совещаний. Они в общем высказывались весьма консервативно, что соответствовало образу мышления министерства внутренних дел. Дурново ведь считал, что решение предложенных Государственным Советом проблем вряд ли требует какого-то нового принципиального подхода; речь шла лишь о том, чтобы согласовать с требованиями жизни постановления предполагаемых законов. А эти требования жизни уже нашли себе полное выражение в административной практике в связи с крестьянскими делами.

Эти результаты – т. е. собрание заключений губернских совещаний – по всей вероятности, показались Витте весьма разочаровывающими. Во всяком случае, он в своем отчете (который он в качестве министра финансов прилагал к государственному бюджету на 1897 год) указал на необходимость приступить к упорядочению экономического и правового положения крестьян. Но Николай II никак на это не реагировал. Также не реагировал он и на попытку, сделанную Витте на следующий после этого год в частном письме, напомнить ему об этом деле. Таким образом, все остановилось до 1901 года. Витте пришлось убедиться, что он ничего не достигнет, если не обеспечит своим планам поддержку консервативных группировок.

После того, как в начале 1902 года министром внутренних дел назначен был Сипягин, сам принадлежавший к консервативным кругам, а в то же время состоявший в дружеских отношениях с Витте, стало возможным вновь заговорить о крестьянском вопросе. Витте удалось уговорить Сипягина предпринять нужные в этом направлении шаги у царя. В результате появилось Высочайшее Повеление от 14 января 1902 года о приступе к пересмотру касающихся крестьянства законов. За первым Повелением последовало 22 января второе, которым создавалось Особое Совещание для определения нужд сельского хозяйства под председательством Витте. Совещание это уполномачивалось создавать дальнейшие совещания в губерниях и округах и узнавать их мнение о различных аспектах крестьянской проблемы. Материал, присланный

местными комитетами, опубликован был в начале 1904 года. Его было очень много: 54 тома. На основании этого материала Витте и составил свою известную и неоднократно уже здесь нами цитированную записку. Работа Особого Совещания протекала не без препятствий. После того как 2 апреля 1902 года Сипягин пал жертвой террористического покушения, министром внутренних дел назначен был Плеве, один из крайних представителей антилиберального направления, который, в отличие от Сипягина, не склонен был идти ни на какие компромиссы. В противоположность мягкому Сипягину, типичному представителю образованного высшего класса, Плеве был борцом, каким, впрочем, был и Витте. Во всяком случае это был человек большой силы воли и огромной энергии. Витте и Плеве стояли на различных позициях, можно даже сказать, что они были принципиальными противниками. Кроме того, они лично друг друга ненавидели. Понятно, что они не могли надолго оставаться министрами в том же кабинете. В этом поединке выиграл Плеве, Витте пришлось уйти. 16 августа 1903 года он подал в отставку с поста министра финансов. Однако уход его с этого поста обернулся для него почетом: его назначили председателем комитета министров. Этот пост можно было в каком-то смысле считать первым в государстве, однако с ним не связана была прямо какая-либо определенная сфера деятельности, а следовательно он не давал и возможности воздействовать на ход событий. Витте был слишком активным человеком, чтобы не испытывать от этого горечи.

Это новое назначение Витте воспринял как опалу. Руководство подготовительными работами по пересмотру крестьянского законодательства стало для него после этого еще значительно более трудной задачей. Я говорю "еще более трудной" потому, что Плеве уже и до того пытался вытеснить его с этого поля деятельности. Еще в июне 1902 года, т. е. задолго до закрытия Особого Совещания под председательством Витте, Плеве с согласия царя учредил в министерстве внутренних дел, под председательством консерватора Стишинского, заместителя министра по крестьянским вопросам, Редакционную Комиссию, которая должна была подготовлять проекты пересмотренных законов по крестьянским делам.[2] Интересно и чрезвычайно характерно для Николая II то обстоя-

тельство, что Особое Совещание под председательством Витте не было закрыто вследствие учреждения Редакционной Комиссии.[3] Витте, однако, понял, что ему следует занять "выжидательную позицию". Он предоставил губернским и окружным совещаниям продолжать работу, занимался подготовкой к опубликованию представленных ими материалов и редактированием их в Петербурге; однако, Особое Совещание, в число членов которого входил и министр внутренних дел, бездействовало.[4] К такому выжидательному поведению Витте побудило, наверное, не только создание Редакционной Комиссии при министерстве внутренних дел, но в первую очередь Манифест 26 февраля 1903 года, содержание которого противоречило его пониманию крестьянского вопроса.

Редакционная Комиссия министерства внутренних дел работала чрезвычайно энергично до октября 1903 года. Уже в конце 1903 года (т.е. еще до того, как опубликованы были материалы, собранные Совещанием Витте) издан был ряд законопроектов. Введением к этим законопроектам был обзор самой работы Редакционной Комиссии. В начале этого отчета говорилось об истории обращения с крестьянской проблемой с 1893 года. Знаменательно, что тут нет просто ни слова о Совещании под руководством Витте и о его работе. Кто прочтет только один этот доклад, никак не сможет предположить, что такое Совещание когда-либо существовало.

Этот обзор или доклад чрезвычайно интересен. Он содержит по сути дела консервативную программу решения крестьянского вопроса и обосновывает начала, на которых построена эта программа. Поскольку записка Витте, опубликованная в 1904 году, представляет собой либеральную программу решения крестьянского вопроса, мы можем сопоставлением этих двух документов весьма ясно отдать себе отчет в обеих точках зрения.

Выработанные министерством внутренних дел при Плеве законопроекты никогда не приобрели исполнительной силы. Наоборот, аграрная программа Витте легла в основу знаменитых аграрных законов, изданных правительством Столыпина после революции 1905 года. Поэтому может казаться наиболее важным изучить программу Витте. В каком-то смысле это действительно так. Но важно знать и консервативную точку зрения. Только

тогда и станет ясно, с какими течениями должно было бороться либеральное законодательство и что ему сопротивлялось или противопоставлялось.[5]

Антилиберальные круги стремились к тому, чтобы сохранить во что бы то ни стало особое положение крестьян и даже еще его усилить. Эти круги видели в крестьянстве и в его особом умственном складе наивернейшую гарантию самодержавия в России. В докладе Редакционной Комиссии министерства внутренних дел мы читаем: "Воспитанные в неустанном, упорном труде, привыкшие к исконной однообразной обстановке жизни, приученные изменчивым успехом земледельческих работ к сознанию своей зависимости от внешних сил природы и, следовательно, от начал высшего порядка, крестьяне, более чем представители какой-либо другой части населения, всегда стояли и стоят на стороне созидающих и положительных основ общественности и государственности и, таким образом, силою вещей являются оплотом исторической преемственности в народной жизни против всяких разлагающих сил и беспочвенных течений... Сельское население является сословным целым не по букве закона, но по своей внутренней крепости и сплоченности".[6]

Как уже было сказано, 14 января 1902 года царь приказал, чтобы пересмотр законоположений о крестьянах исходил из начал, на которых основаны были освободительные законы. Надо сказать, что представители консервативных течений тоже прекрасно понимали, что запрет выкупа наделов из общинной собственности и превращения их таким путем в собственность частную, а также усиление ограничений права крестьян распоряжаться своими наделами независимо от общины, основаны на законе от 14 декабря 1893 года, т. е. на том законе, которым отменили знаменитую статью 165 Положения о выкупе. Как мы знаем, статья 165 предусматривала как раз возможность выхода крестьян из общины вместе со своими наделами, причем после этого крестьянин становился собственником надела и мог располагать им совершенно свободно, в согласии с постановлениями российского гражданского права. Редакционной Комиссии министерства внутренних дел ничего не оставалось, как утверждать, что закон 1893 года, правда, отклоняется от буквы освободительных зако-

нов 1861 года, но зато полностью соответствует основным началам освободительного законодательства и является их логическим развитием (стр. 11).

Ход рассуждений Плеве и его министерства соответствует уже известному нам мышлению антилиберального направления, которое нашло себе выражение как в законах от 1886 до 1893 годов, так и в постановлениях Сената. Земля, которую государство отобрало у дворян и предоставило крестьянам, согласно этому подходу представляет собой фонд для обеспечения существования крестьян. В этой цели видели прямое задание государства, вследствие чего вполне оправдан надзор и вмешательство государства в дальнейшие судьбы надельных земель (стр. 17). Из этого вытекало, что надел (предоставляемая крестьянину земля) не может быть приравнен к частной земельной собственности (стр. 17). А далее говорилось следующее:

"Надельные земли, имея государственное значение... не могут составлять предмет свободного оборота и потому не подлежат действию общих гражданских законов" (стр.19).

При этом пояснялось, что надо издать особые правила, которые определят способы использования надельных земель и распоряжения ими и в то же время будут гарантией тому, что земля эта будет сохранять свое первоначальное назначение (стр. 17 и далее). Правила эти должны в первую очередь предотвратить чрезмерное дробление надельных земель так же, как и сосредоточение их в руках немногих, поскольку это повело бы к возникновению сословия безземельных крестьян, что прямо противоречит той цели, которую преследовало правительство, приступая к наделению крестьян землей (стр. 18). Редакционная Комиссия далее объясняет: "Наделение крестьян землей за счет иного сословия обязывает правительство к бдительному надзору за тем, чтобы этот земельный фонд действительно удовлетворял той потребности, для коей он предназначен, – а именно обеспечивал существование крестьянства, взятого как сословие, т. е. в преобладающей его массе, а не только единичных его представителей. Ни закон, ни правительство очевидно не могут иметь в виду стеснять предприимчивость отдельных крестьян – сдерживать их приобретательную способность. Но тот же закон и то же правительство могут и

обязаны наблюдать за тем, чтобы эти предприимчивость и способность не развивались за счет такого источника, который имеет особое, более обширное, общегосударственное значение – служить основой существования народных масс. Последние заключают в своей среде множество слабых элементов, не имеющих достаточно силы и прочности, чтобы устоять против натиска на них людей, одаренных большей энергией, а иногда и большей неразборчивостью в средствах к достижению намеченной ими цели" (стр. 14 и далее). По мнению Комиссии, такое урезывание экономической свободы членов крестьянского сословия не может иметь слишком отрицательных последствий, ибо законы дают возможность всем сильным личностям, всем тем, кто по своему умственному уровню превосходит уровень крестьянства, переходить в другие сословия (стр. 16). По мысли Плеве (Стишинского) всем тем, кто не нуждается более в государственной опеке, просто нет места в рядах крестьянства. Это не было "уничтожением кулачества как класса", однако это были предупредительные меры против возникновения кулачества – т. е. против повышения числа таких крестьян, которые не подчинены сельской общине, а экономически независимы и свободно владеют своей землей.

Но не только надельные земли должны были быть исключены из сферы действия общих гражданских законов. Введение гражданского права в крестьянский мир и подчинение имущественно-правовых отношений среди крестьян X тому Свода считались вообще нежелательными (стр. 13). В другом месте Редакционная Комиссия подчеркивает: "Гражданский правооборот у крестьян образовался на основах порядка семейного и общинного... в ущерб началам индивидуальности и капитализма. Между тем именно на последних началах построено все содержание общего гражданского права" (стр. 67). Тем самым Редакционная Комиссия утверждает правильность того положения, при котором правоотношения крестьян принципиально подчинены только особому праву. Очень характерно, что Комиссия упорно настаивала на этом требовании, несмотря на то, что ей вполне ясно было несовершенство этого правообычая (мы уже на это указывали), и сама она неоднократно упоминала о том, как трудно бывает точно установить правовой обычай и как часто ссылки на обычай на самом

деле прикрывают вторжение "в сферу гражданского права соображений общинного и фискального характера" (стр. 64). Комиссия также понимала, что со времени освобождения крестьян во многих местностях крестьянская жизнь усложнилась и видоизменилась до неузнаваемости и в ней возникли многочисленные правовые отношения, для регламентирования которых просто нет обычаев (стр. 63). Гражданский строй – одна из самых важных форм свободы; поэтому боявшиеся свободы реакционные элементы готовы были закрывать глаза на все недостатки так называемого обычного права и увековечивать несовершенство правового строя, которому подчинялись крестьяне, только бы помешать проникновению в крестьянский мир принципов гражданского строя (или капитализма, как они говорили полностью в унисон с социалистами[7]).

Исходя из таких общих позиций, Редакционная Комиссия приветствовала и существование особого сословного судебного ведомства, т.е. волостных судов, и особых административных органов, которым поручалась опека крестьян (т. е. земских начальников). Она высказывалась и за предпочтение сельской общины институту частной собственности, и за покровительство сельским общинам.

Комиссия сформулировала всеобщее обоснование для особых полномочий правительству, дававших ему право надзора и опеки над крестьянами. Она указывала на то, что установление земельного фонда для обеспечения существования крестьянства государством является со стороны государства проявлением заботы и попечительства. И ныне государство продолжает свою попечительскую деятельность, все время расширяя, за счет казенных земель, предоставленный крестьянам земельный фонд и принимая и другие меры, направленные все на ту же цель. Редакционная Комиссия поясняет: "Тому, кто оказывает попечение, принадлежит и право надзора за пользующимися его попечительными заботами" (стр. 15). Эта фраза чрезвычайно характерна. Не открывается ли здесь подлинная, глубокая причина сопротивления превращению крестьянских земель в частную собственность? Министерство внутренних дел настаивало на ограничении прав крестьянства относительно земельной собственности потому, что такое ограниче-

ние предоставляло ему наилучшее обоснование для опеки и надзора за крестьянством.

На самом деле из особого правового характера крестьянской земельной собственности вытекала потребность хотя бы временно предпочесть собственность общинную – частной. Если надельная земля представляет собой фонд, который должен в государственных интересах обеспечить существование данного сословия, то вполне естественно временами перераспределять землю среди представителей этого сословия, во всяком случае в рамках общины. Впрочем и в тех случаях, когда земля была собственностью или, вернее, в пользовании не общины, а отдельных дворов, все же надо было заботиться о какой-то равномерности распределения земли среди крестьян. Комиссия высказалась за то, чтобы установлена была максимальная норма для земельной собственности отдельного двора, которую нельзя переступать.

Редакционная Комиссия отвергла точку зрения, согласно которой сельская община – одна из главных причин того, что у крестьян недостаточно развито "чувство законности и уважение к чужим правам", поскольку земля тут рассматривается как совместная, общая собственность (стр. 21). Комиссия считала, что развитию уважения у крестьян к чужим правам помешали в первую очередь те условия, при которых крестьяне жили во времена крепостного строя и которые продолжали оказывать влияние на их жизнь и впоследствии. В бытность свою крепостными крестьяне ведь получали от хозяина все необходимое для существования, как например, лес для строительства, дрова для отопления, корм для скота. Имущественно-правовое отделение хозяев от крестьян и дальше не помешало крестьянам пасти свой скот на лугах бывших своих хозяев, брать из их лесов дрова и даже обрабатывать хозяйские земли, смежные с их участками. Поскольку, как правило, все это продолжает оставаться безнаказанным, крестьяне начали то же самое делать не только по отношению к землям бывших хозяев, а и по отношению к землям всех других соседних землевладельцев (стр. 37 и далее). И вообще "...условия, в которых находились крестьяне до освобождения из крепостной зависимости, не могли их подготовить в достаточной мере к самостоятельной свободной жизни на правах собственников пре-

доставленных им на выкуп надельных земель" (стр. 35 и далее).[8] Кроме того, Комиссия считает, что "степень уважения к чужим правам находится главным образом в зависимости от уровня общего культурного развития, а также хозяйственной обеспеченности населения. Тот или иной взгляд на землю проистекает у народа не из пространства прав его на свою землю, а из того, насколько своя земля обеспечивает его существование" (стр. 23). Такой материалистический подход бесспорно удивительным образом напоминает социалистический взгляд. Соответственно, по мнению Комиссии, центральный пункт проблемы состоит не в "изменении юридического характера владения" (стр. 23), а в переходе к "хуторскому хозяйству", причем переход этот рассматривается как чисто техническое аграрное мероприятие. Однако, значит, Редакционная Комиссия признавала возможность выхода из сельской общины с правом для выходящего крестьянина получить свой надел единым участком земли.

Но выход из общины сильнейших крестьян не мог происходить без согласия или против воли большинства членов ее. Если бы крестьянин вышел из мира против воли большинства, это большинство возненавидело бы его; для того чтобы избежать такого положения, надо было прибегать к мероприятиям, которые возбудили бы у остающегося в общине большинства заинтересованность в уходе данного члена. Таким мероприятием могли быть податные льготы (стр. 95). Иными словами, большинство членов общины должно было получить вознаграждение за уход одного из своих крестьян по тому же принципу, как вознаграждены были помещики в 1861 году. При этом, однако, помещики получали возмещение не за освобождение крестьян (во всяком случае по идее было не так), а за землю, которая передавалась в распоряжение крестьянам, потому что земля эта признавалась их (помещиков) частной собственностью. О возмещении убытков за личное освобождение крестьян можно было говорить только в косвенном смысле, только в той мере, в какой в отдельных случаях выкуп, который помещики получали за землю, был больше рыночных цен на ту же землю. Наоборот, по предложению Редакционной Комиссии община, повидимому, должна была получать возмещение убытков (под видом сокращения налогов) за личное

освобождение своих членов: ведь крестьянин, выходя из общины, не мог получить земли больше, чем уже раньше ему причиталось, хотя и получал он ее в виде единого участка, в то время как в общине его доля раздроблена бывала на несколько кусков земли.

Таким образом, подход консервативного течения был следующим: крестьянство представляет собой сословие, правовой статус которого принципиально отличается от правового статуса всех других сословий. Самый важный момент этого правового статуса можно определить так: право крестьянина на земельную собственность не является субъективным правом в гражданско-правовом смысле, это лишь общественно-правовое требование к государству о наделении землей или даже, вернее, на обеспечение землей.

*

* *

В качестве министра финансов Витте вынужден был серьезно заняться крестьянской проблемой. Он пишет: "Я мало знал коренную Россию, а особенно крестьянство. Я родился на Кавказе и работал на юге и на западе. Но сделавшись механиком сложной машины, именуемой финансами Российской Империи, нужно было быть дураком, чтобы не понять, что машина без топлива не пойдет... топливо это – экономическое состояние России, а так как главная часть населения – это крестьянство, то нужно было вникнуть в эту область". (Воспоминания, т.1, стр. 446).

Это высказывание Витте нельзя толковать в примитивно-финансовом смысле. Благосостояние крестьянства было необходимой предпосылкой для расширения внутреннего рынка, а следовательно и для индустриализации России,[9] к которой Витте настойчиво стремился. Поэтому было вполне естественно, что Витте посвящал все свое внимание проблеме повышения благополучия сельского населения. Эта автобиографическая заметка Витте важна еще и в том смысле, что из нее становится ясен подход самого Витте к крестьянской проблеме: он был одним из немногих,

искавших решения этой проблемы без идеологической предвзятости, а исключительно с точки зрения экономического прогресса.

Уяснив самому себе суть крестьянской проблемы с экономической точки зрения, Витте убедился в том, что самый серьезный аспект ее носит не экономический, а правовой характер. По его мнению, экономическому развитию препятствовали не неблагоприятные общие экономические условия и даже не экономическая и общая культурная отсталость сельского населения. Развитию мешал своеобразный правовой статус, присущий крестьянству, – и не только мешал, а по сути просто делал всякий экономический прогресс невозможным. Витте нашел подтверждение этому своему пониманию проблемы в высказываниях местных комитетов, большинство которых придерживалось мнения, что "преуспеяние сельскохозяйственной промышленности ближайшим образом зависит от такого улучшения правового положения нашего крестьянства, которое содействовало бы развитию в нем духа хозяйственной предприимчивости и самодеятельности; вне этого, а также просвещения крестьянской среды, всевозможные меры в области экономики и техники сельского хозяйства принесут... лишь ничтожную пользу..."[10]

В записке своей Витте выставил программу, которая прямо противоречила всем требованиям консервативной программы. Витте считал в первую очередь необходимой отмену особых сословных органов судебного ведомства и администрации (стр. 10). Он считал также необходимой отмену особой системы наказаний для крестьян (стр. 31), а частноправовые отношения крестьян, по его мнению, должны были быть подчинены всеобщим гражданским законам (стр. 22 и далее). Крестьянину необходимо вернуть право на уход из общины, сохраняя при этом как личную собственность ту часть земельного надела, которая причитается ему в рамках общины (стр. 33). Земельная собственность дворов должна превратиться в частную собственность хозяев (стр. 37 и далее). Наконец все ограничения свободы передвижения и местожительства должны быть устранены.

Витте был убежден, что все отдельные пункты этой программы неразрывно связаны друг с другом. По его мнению, особенно

важно было отменить все ограничения свободы крестьян, главной причиной которых он считал соображения, направленные на обеспечение интересов казны. Витте настаивал на отмене всех формальных условий, затруднявших получение крестьянином паспорта на длительное пребывание вне общины, а также на устранении всего, что препятствует уходу из общины. Однако Витте было совершенно ясно, что одни эти мероприятия – недостаточны. Он считал, что крестьянин связан со своей общиной гланым образом тем, что не имеет права требовать от общины передачи ему в собственность его части надельной земли. Витте говорил, что крестьянин не может уйти из общины в первую очередь потому, что ему закрыты все законные пути для ликвидации его земельного надела (стр. 42 и 44). Надо предоставить ему такую возможность, но никак нельзя ее связывать с отменой всех законных постановлений, направленных на защиту мелкой земельной собственности. Как и многие представители местных комитетов, на которых он ссылается, Витте придерживался мнения, что надо сохранить те мероприятия, которые служат такой защите, как например запрет приобретения крестьянских земельных наделов людьми из других сословий, установление максимальной нормы собственности на надельную землю, запрет продажи надельной земли для того, чтобы оплатить долги, устройство дешевого сельскохозяйственного кредита (стр. 86). Витте считал, однако, что надо "нормировать общегражданскими началами отчуждение земель крестьянами между собой" (стр. 55). Это означало, что семейная собственность должна уступить место собственности частной. Пока не произойдет переход к частной собственности, субъект права распоряжения остается невыясненным (стр. 55), вследствие чего дело часто может доходить до неразрешимых конфликтов между домохозяином и другими членами двора (стр. 95). Только частная собственность и может обеспечить "ясность и определенность в частноправовых отношениях", которая необходима в интересах нормального правового оборота (стр. 93). Поэтому нужно подчинить правовые отношения между крестьянами постановлениям общегражданского права и таким образом придать практическое значение праву ухода из сельской общины, т.е. признанию права на свободное передвижение.

Право на свободный уход из общины, говорит Витте дальше, со временем конечно сможет повести к полному исчезновению общинной собственности и даже очень вероятно, что именно к этому оно и приведет. Витте, однако, считал, что о таком развитии не приходится сожалеть. Все то, что принято подчеркивать как преимущества мира, на самом деле просто не существует. Часто утверждают, что сельская община предохраняет крестьян от пролетаризации. Это утверждение не соответствует действительности. В тех областях, где преобладает общинная земельная собственность, пролетариат представляет собой вполне нормальное явление (стр. 83). Вообще сельская община нисколько не предотвращает процесс дифференциации крестьянства. Есть много общин, в которых большинство беднеет все большее и больше, в то время как очень маленькое меньшинство обогащается путем бессовестной эксплуатации земли и других членов общины (стр. 86). Витте указывает, что, наоборот, в Западной России, где преобладает частная собственность и "капиталистическая энергия" гораздо сильнее, чем в других областях империи, не встречается сосредоточения собственности в руках немногих, а крестьянская земельная собственность проявляет себя весьма прочно и стойко (стр. 86). Вдобавок к этому несправедливо и утверждение, что сельская община представляет собой основу для развития кооперативных форм. Сельская община есть форма коллективизма, в то время как "основанием земледельческих коопераций... является твердое право собственности" (стр. 84).

Значит, сельская община не представляет тех преимуществ, которых от нее ожидают, и даже напротив, существование ее надо считать просто вредным. То обстоятельство, что положение собственности крестьянина зависит от решений большинства на сельской сходке, в большой мере препятствовало развитию гражданского правосознания (стр. 87). А сознание это Витте считал необходимой основой для всякого здорового экономического и даже вообще культурного развития (стр. 93). Раз именно общинная собственность отражается отрицательно на умении крестьян уважать чужие права, говорил он, это значит, что она тем самым способствует распространению революционных и социалистических течений. На заседании Особого Совещания Витте высказался

следующим образом: "И мне представляется, что если идея воспитания крестьян в условиях уравнительного землепользования и вообще в условиях, отдаляющих их от общего правопорядка, будет и далее проводиться с таким же упорством, то Россия может дожить до грозных исторических событий".

Революция 1905 года еще усилила это убеждение Витте. Он пишет в своих воспоминаниях: "...одна и может быть главная причина нашей революции – это запоздание в развитии принципа индивидуальности, а следовательно и сознания собственности и потребности гражданственности, а в том числе и гражданской свободы".[12] Поэтому Витте удивлялся, что большинство министров внутренних дел из соображений полицейского характера считали необходимым покровительствовать общине и даже доходили до того, что в мире видели защитный вал от революции. Чем выше поднималась революционная волна, тем упорнее министерство внутренних дел держалось за это представление. Витте пишет: "После проклятого 1 марта (дня убийства Александра II) реакция окончательно взяла верх. Община сделалась излюбленным объектом министерства внутренних дел, по полицейским соображениям прикрываемым литературою славянофилов и социалистов".[13] Дальше Витте отмечает: "С административно-полицейской точки зрения община также представляла более удобства: легче пасти стадо, нежели каждого члена стада в отдельности".[14] Но что в этих полицейско-технических преимуществах, спрашивает Витте, по сравнению с тем обстоятельством, на которое усиленно указывает Чичерин, – что сельская община "представляет самое удобное поприще для распространения социалистических понятий".[15]

Существование сельской общины было тем опаснее, что, по мнению Витте, уже освобождение крестьян проведено было при условиях и в форме, которые были чрезвычайно неблагоприятны для развития и укрепления гражданского правосознания в России. Витте подчеркивает, что значительное по своим размерам изъятие земли, принадлежавшей помещикам и впоследствии данной в надел крестьянам, противоречит гражданскому самосознанию, "как оно укрепилось со времен римской империи". Конечно, тогда оказалось неизбежным принести принцип собственности в жертву политической необходимости, причем, однако, не удалось

избежать и отрицательных последствий этого шага, т. е. ослабления принципа собственности.[16] Но не только это отчуждение помещичьих земель отрицательно отразилось на принципе собственности. Сам способ предоставления крестьянам этой земли (в порядке обеспечения) и всеобщий подход к крестьянству (с позиций опеки) помешали развитию у крестьян гражданского сознания. Наоборот, эти формы способствовали развитию у крестьян умственного склада, чуждого гражданскому правосознанию и принципам гражданского строя. Витте пишет: "...если правительство взяло на себя роль, выходящую из сферы присущей правительству в современных государствах, роль полицейского попечительства, то рано или поздно правительство должно было вкусить прелести такого режима... Раз ты попечитель (рано или поздно должно было сказать ему крестьянство) и я голодаю, то корми меня... Раз ты меня держишь на уздечке, не даешь свободы труда и лишаешь стимула к труду, то уменьшай налоги, так как нечем платить. Раз ты регулируешь землевладение и землепользование так, что мы не можем развивать культуру, делать ее интенсивнее, то давай земли по мере увеличения населения. – Земли нет. – Как нет, смотри сколько ее у царской семьи, у правительства (казенной), у частных владельцев? – Да ведь это земля чужая. – Ну так что же, что чужая. Ведь Государь-то Самодержавный, неограниченный. Видно, не хочет дворян обижать, или они Его опутали. – Да ведь это нарушение права собственности. Собственность священна. – А при Александре II не была священна, захотел да и отобрал и нам дал. Значит (Николай II) не хочет. Вот те рассуждения, которых держится крестьянство".[17]

Витте считал в высшей степени опасными эти рассуждения, на которые толкали крестьянство с одной стороны тупая правительственная политика, с другой – революционная агитация. Его глубоко беспокоил умственный склад крестьянства, лежащий в основе таких рассуждений, поскольку этот умственный склад препятствовал устранению последних остатков крепостного строя в деревне и возникновению гражданского строя в крестьянской среде, а именно это Витте считал единственным правильным решением крестьянской проблемы. Этот ход мыслей у крестьянства благоприятствовал отчуждению частной земельной собственности и

дополнительному наделению землей крестьян, а Витте видел в этом лишь лже-решение вопроса. Наконец, по мнению Витте, такой образ мышления должен быть наиболее отзывчив на революционную агитацию. Витте подавлен был тем, что реакционные круги не хотели признать этой опасности, а наоборот обвиняли в революционных наклонностях Особое Совещание под предводительством Витте только потому, что оно высказалось против сельской общины и за частную собственность.[18] Дело в том, что эти круги были глубоко убеждены, что крестьянство, сохраняющее свои устарелые жизненные формы, обязательно верно царю.[19] Поэтому они настаивали на продолжении старой политики опеки, верности понятию обеспечения, защиты старых крестьянских форм коллективизма – сельской общины и двора – и твердо намеревались и дальше придерживаться всего того, что по мнению Витте должно было способствовать укреплению этого вредного хода мышления.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 5

1. Министерство Внутренних Дел. Том I, стр. 7.
2. МВД, стр. 9. Витте, ук. соч., том I, стр. 478; эта ревизионная работа вызвана была еще и упомянутым уже указом от 14 января 1902 года. Но крестьянский отдел МВД приступил к работе лишь после назначения Плеве на пост министра. Об этом мы читаем у Гурко: "Когда Плеве назначен был министром внутренних дел в мае 1902 года, предварительная работа еще не продвинулась за пределы обмена письмами с министерством финансов по вопросу денежных ассигнований на работу и – если память мне не изменяет – сумма, о которой шла речь, была достаточно велика: 120000 рублей в год, на пять лет. Министерство финансов сочло сумму эту чрезмерной и вступило в оживленный спор с МВД. Кроме этого, было одно только еще начинание, сделанное Крестьянским отделом, который подготовил набросок проекта мирских сборов". (Гурко, ук. соч., стр. 131 и далее). Вообще в воспоминаниях Гурко есть интересные подробности о ревизии крестьянского законодательства в МВД.
3. Витте, ук. соч., том I, стр. 479.
4. По всей вероятности это и заставило обычно так хорошо обо всем осведомленного Маклакова предположить, что Особое Совещание уже тогда было официально закрыто. См. ук. соч., стр. 303.
5. Особое Совещание под председательством Витте закрыто было официально указом от 30 марта 1905 года. Одновременно создано было другое Совещание под председательством известного своими антилиберальными позициями Горемыкина. Большинство членов этого Совещания тоже принадлежало к тому консервативному течению, что и председатель. Как говорит Витте не без иронии, Совещание это ничего не достигло (см. Воспоминания, том 1, стр. 482) и закрыто было после 17 октября 1905 года, после того как Витте стал председателем Совета министров.
6. МВД, стр. 12.
7. До сих пор недостаточно принималось во внимание, что ограничительные мероприятия по отношению к евреям в основном вытекали из той же антикапиталистической тенденции. Совершенно ясно, что эти мероприятия отнюдь не вытекали из расовой дискриминации. В те времена понятие расы вообще никого в России – кроме специалистов по этнологии – не интересовало. Эти мероприятия скорее могли быть основаны на соображениях религиозного характера, но и последние не были

решающими в этом отношении, во всяком случае, уже не в XIX веке. Решающим был страх усиления капиталистических элементов, которые могли бы эксплуатировать крестьян и вообще трудовой народ. В источниках можно найти многочисленные тому доказательства. Возьмем, например, обсуждение этих мероприятий в комитете министров в апреле 1882 года. Министр внутренних дел граф Игнатьев, предлагающий эти мероприятия, не говорит, что евреи – враги Христа или что-либо подобное, а называет их "пиявками, сосущими кровь честного трудящегося населения, и в первую очередь настаивает на том, чтобы издать запрет покупки или взятия в аренду поместий евреями. Министр финансов Бунге и государственный контролер граф Сольский высказались против предложенных министром внутренних дел мероприятий. Последний требовал, чтобы права евреев были защищены от всяких нарушений так же, как права всех других подданных. Председатель комитета министров Рейтерн присоединился к нему и заявил: "Нужно защищать всякого от всяких незаконных посягательств. Сегодня травят и грабят евреев, завтра перейдут к так называемым кулакам, которые нравственно суть те же евреи, только христианского, православного вероисповедания. Потом может очередь дойти до купцов и помещиков. Одним словом, при подобном бездействии властей возможно ожидать в недалеком будущем развития самого ужасного социализма". (Перетц. Дневник. М., 1927. Стр. 133 и далее). Это высказывание чрезвычайно интересно. Оно представляет собой предупреждение о том, что не играет никакой роли, с какой группы населения начинается нарушение гражданских прав и устранение гражданской свободы. Конечный результат неизменно будет одинаков: упразднение гражданской свободы вообще и социализм. Немецкий эксперимент 1933-1945 годов подтверждает эти слова Рейтерна.

8. Конечно, надо все-таки сказать – в основном потому, что изо всего, казавшегося желательным и Карамзину и Екатерине, в XIX веке не было осуществлено ничего.
9. Маклаков, ук. соч., стр. 275 и далее.
10. Витте. Записка, стр. 4.
11. Цитирую по Изгоеву. Общинное право. Пб, 1906, стр. 136.
12. Витте. Воспоминания, том 1, стр. 441.
13. Там же, стр. 444.
14. Там же, стр. 440. Витте в своей Записке указывает, что внутренние отношения в общинах все больше подвергались государственному регламентированию и надзору земских начальников, вследствие чего они все более теряли частно-правовой характер (стр. 88 и далее).

15. Витте. Записка, стр. 86.
16. Витте. Воспоминания, том 1, стр. 439 и 443.
17. Витте. Воспоминания, том 1, стр. 453 и далее.
18. Там же, стр. 279.
19. В этом отношении характерен переданный Витте разговор Святополка-Мирского с царицей (там же, стр. 296).

Глава 6

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ПРОГРАММА ЛЕВЫХ ПАРТИЙ

Общинный коллективизм и социалистические идеи. – Аграрная программа кадетской партии.

Между старыми формами крестьянского коллективизма и социалистическим коллективным идеалом существует глубокое родство, на которое, с большой ясностью подчеркивая его, указывал Чичерин. Чичерин обращает внимание на то, что, с одной стороны, как уже упоминалось, сельская община создает у крестьян умственный склад, особо отзывчивый на социалистические идеи, а с другой – многие социалисты очень приветствовали существование общины, поскольку видели в ней ячейку, из которой может развиться социалистический порядок. В программе партии эсеров, которая сама в себе видела в первую очередь представителя крестьянских интересов и некоторое время пользовалась живой симпатией крестьянской среды, мы читаем: "В вопросах аграрной политики партия социалистов-революционеров ставит себе целью использовать, в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал, как общинные, так и вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, и в особенности взгляд на землю как на общее достояние всех трудящихся. В этих видах партия будет стоять за социализацию всех частно-владельческих земель... и переход в общественное владение и в распоряжение демократически организованных общин и территориальных союзов общин на началах уравнительного пользования".[1]

В многочисленных письменных высказываниях членов и сторонников партии эсеров развивались и комментировались эти тезисы партийной программы. Так, лидер партии Чернов пишет: "Провести в жизнь социализацию земли – значит, если угодно, превратить всю земледельческую Русь в одну великую Всероссийскую Земельную Общину".[2] Таким образом, проведение в жизнь этой программы означало бы, что правовой дуализм устранен. Но только это произошло бы не вследствие распространения и на крестьянство гражданского строя, о чем думало и к чему стремилось либеральное течение, а вследствие упразднения гражданско-правовой сферы вообще и распространения общинного коллективизма. Всякое право собственности на землю превратилось бы, таким образом, в общественно-правовое требование обеспечения, т. е. приняло бы именно ту форму, которую так упорно защищало антилиберальное течение, когда речь шла о крестьянстве. Действительно удивительно, что царь и его окружение не заметили этого раньше и не стали опасаться, что социалистические партии подхватят их реакционную аграрную программу, уходящую корнями в крепостной строй, очистят ее от непоследовательного допущения частной собственности наряду с собственностью коллективной, общинной – и завоюют себе симпатии крестьянства решительным проведением в жизнь такой последовательно сформулированной программы.[3] Лишь революция 1905 года открыла им глаза. Правительство поняло, что есть только две возможности: дать себя устранить социалистической деспотии или решительно ликвидировать остатки крепостного строя и превратить российское царство в буржуазную монархию.

Однако первые скромные шаги в этом направлении делались еще до революционных беспорядков 1905 года.

Не только представители правительства и социалистических партий, а и Союз Освобождения и выросшая из него партия конституционных демократов,[4] сама себя считавшая подлинным представителем свободолюбивых течений, выработали собственную аграрную программу. Эта программа, как и все поведение кадетов в то время, носила ярко выраженный компромиссный характер, в большой мере вызванный тактическими соображениями. Как ясно видно из воспоминаний Маклакова, тактика этой

партии была связана программными требованиями, в то время как программа ее была сильно обусловлена тактическими потребностями.

Судя по аграрной программе, кадеты, с одной стороны, не собирались бороться против частной собственности как таковой, и в их намерения также не входило распространять коллективную собственность как единственную желанную форму. Однако программа их не содержала ничего, что могло бы способствовать распаду сельской общины, и в ней вообще не упоминалось о необходимости объявить подворное имущество собственностью домохозяина. Несомненно, многие среди кадетов разделяли мнение, высказанное созванными Витте комитетами, а следовательно поддерживали аграрную программу Витте. Это ясно из статей, написанных рядом людей, впоследствии ставших членами партии кадетов, и опубликованных в 1904 году под общим заглавием "Нужды деревни", причем авторы широко пользовались материалами, предоставленными вышеупомянутыми комитетами. Так, И.В.Гессен в статье под заглавием "Основы правопорядка" подчеркивает, что самое важное – это обеспечить "свободу личности (т.е. неприкосновенность личных прав)". Только таким образом можно развивать "инициативность и экономическую самостоятельность населения" (стр. 47). Соглашаясь с Монтескье, он приводит его слова, на которые уже ссылался князь Ухтомский в одном из комитетов: "Les pays ne sont pas cultivés en raison de leur fertilité, mais en raison de leur liberté".

Однако главный интерес Гессена сосредоточен на произволе административного попечительства, на ограничительных правилах о паспортах и других подобных моментах, гораздо больше, чем на урезывании гражданско-правового статуса крестьян. В этом смысле статья Гессена далеко отстает от четких и острых пояснений Витте. Позднее, в связи с революционным взрывом 1905 года и с последовавшим за ним широким распространением социалистических идей и настроений, по отношению к которым кадеты проявляли себя в высшей степени осторожно, кадетская партия все больше старалась игнорировать этот аспект крестьянского вопроса.[5] И даже более того, кадеты – с тем, чтобы утвердиться в какой-то мере по отношению к своим конкурентам слева – приняли в пер-

вый пункт своей аграрной программы (статья 36 партийной программы): добавочное наделение землей трудящегося сельского населения, страдающего от недостатка земли. С этой целью должен был создаваться фонд из казенных и царских поместий, из монастырских земель и из земель, полученных путем отчуждения больших частных поместий.

Принципы, согласно которым земля из такого фонда должна была предоставляться нуждающемуся населению, должны были соответствовать местным формам землевладения и землепользования. Таким образом, земля могла даваться крестьянам в собственность или только в пользование, как собственность частная или сельско-общинная (статья 37 партийной программы). Из содержания этой статьи ясно, что кадеты тщательно избегали высказываться против сельской общины и за частную собственность и что они считали все имевшиеся в то время формы землевладения равноценными или во всяком случае равноправными.

Программа кадетов очень близка к точке зрения, которую испокон века защищали антилиберальные элементы правительственных кругов. Вряд ли можно не понять, что наделение землей из государственного фонда, основанное на принципе обеспечения, полностью соответствует всегдашнему подходу антилиберальных кругов. (Это было как раз то, что уже испробовали в 1861 году). Разница между аграрной программой кадетов и той, которую выработала Редакционная Комиссия при Плеве, состояла по сути дела всего лишь в том, что Плеве и его единомышленники считали единоразовым и неповторимым отчуждение дворянской земли, произведенное в 1861 году и наделение крестьян из созданного таким образом фонда, придерживаясь в этом статьи 8 Всеобщего Положения; кадеты же, наоборот, хотели всю эту операцию еще раз повторить.

Последствием того, что кадеты приняли в свою программу угодные социалистам пункты лишь по тактическим соображениям и в ограниченной мере, оказался факт, что программа их оставалась непоследовательной, а стало быть, и нетворческой. В этой непоследовательности и в попытках объединить в себе индивидуалистические и антииндивидуалистические элементы тоже было удивительное сходство с аграрной программой реакционных кру-

гов, которая – как мы видели – также основана была на сходном внутреннем противоречии. Только у реакционных кругов эта непоследовательность – в отличие от кадетов – прикрыта была (или даже в какой-то мере оправдана) соображениями сословного характера. Ясно, что вообще подход кадетов был принципиально отличен от подхода Плеве. И тем более надо подчеркнуть, что эти противники по вопросу общего решения крестьянской проблемы стали на тождественные позиции. Как возмутились бы обе стороны, если бы этот факт доведен был до их сведения. Интересно также, что сходны и причины слабости обеих программ, ибо и в том и в другом случае тут налицо желание избежать настоящего решения.

Вопрос поставлен был недвусмысленно: в области землевладения стоял окончательный выбор между коллективизмом и принципом частной собственности; за одним из двух должна была остаться победа. Только при абсолютизме, граничащем с деспотическим режимом, можно разделить народ на две части и каждую из них подчинить иному правовому режиму. Но абсолютизм ослабевал под давлением общего культурного и экономического развития народа. Поэтому наступила пора для решения – за индивидуализм или за коллективизм. Кадеты пытались этого решения избежать. Но кто пытается в бурное время избежать решения, оказывается вынужденным следовать решению чужому. Революционное течение все больше утрачивало либеральную окраску и все более принимало социалистические оттенки. Поэтому кадеты склонились к тому, чтобы включить в свою программу обеспечение крестьян землей из государственного фонда, что было в противоречии с либеральным началом частной собственности, и заняли нейтральную позицию по отношению к сельской общине и к подворной собственности.

Отчуждение частных поместий, предлагаемое для расширения земельного фонда (причем надо отметить, что эти частные поместья и так все сокращались вследствие продажи земли, и процесс этот сильно ускорялся) конечно было решением, отнюдь не созвучным либерализму, даже если бы оно проводилось со справедливым[6] возмещением убытков помещикам. Маклаков верно подчеркивает,[7] что Столыпин в своей борьбе против этого предло-

жения кадетов и вообще левых сил выступал как представитель либерализма, т.е. как защитник прав личности от всемогущества государства. Когда Столыпин во Второй Думе критиковал аграрную программу кадетов и их законопроект, он при этом указывал на то, что проведение в жизнь этой программы будет первым шагом к победе коллективизма. Он пояснял: "С одной стороны, проект осуждает национализацию земли, а с другой, признает неизменное право собственности лишь за крестьянами, к помещичьим же землям применяет начало количественного отчуждения. Но раз признан принцип отчуждаемости для помещичьих земель, раз уж встали на этот путь, то... с ростом населения принцип количественной экспроприации неминуемо коснется и последних (т.е. крестьян) и приведет в конце концов к той же национализации земли. Поэтому проект левой партии более искренен и правдив".[8] Этот подход чрезвычайно интересен. Он напоминает сказанное в свое время Рейтерном об ограничительных законах, направленных против евреев: нельзя пренебрегать гражданскими правами одной группы населения, не сотрясая при этом сам гражданский строй как таковой, что в конечном итоге неизбежно ведет к социализму. Суть гражданского строя именно в том, что он одинаково применяется ко всем. Правда, при Екатерине гражданский строй введен был как привилегия дворян и горожан, но это могло быть только переходным состоянием. На самом деле он постепенно распространялся на дальнейшие группы населения. Процесс этот всеми силами тормозили только по отношению к крестьянству, совершенно не понимая, что гражданский строй должен распространиться и на него, а иначе он просто обречен на гибель. Нейтральная позиция кадетов по отношению к сельской общине тоже никоим образом не совместима с сутью либерализма. Но что бесповоротно отнимало у аграрной программы кадетской партии характер либеральной программы – это упорное стояние на идее обеспечения из государственного фонда. При этом кадеты отнюдь не считали образование такого земельного фонда явлением временным и преходящим; они не видели в нем одноразового государственного вмешательства, для того чтобы достичь плавного перехода земли из рук больших землевладельцев в руки нуждающихся в земле крестьян. Они считали, что это решение

носит постоянный характер. Но ведь это означало, что государственный земельный фонд, который предполагалось создать из казенных земель и из земельной собственности крупных помещиков, не будет отдан крестьянам во владение, как частная собственость, а останется постоянным государственным земельным фондом, из которого крестьянам будут предоставлять земли лишь в пользование, в аренду (по предложению Мануйлова на срок в 12 лет). С таким подходом мы уже встречались, когда приводили особое мнение тверского губернатора.

Конечно, не все кадеты придерживались такого мнения. Некоторые из них считали, что надо отдать землю крестьянам в собственность. Ведущий деятель партии Милюков как будто сам склонялся скорее к частной собственности, чем к национализации, но вначале он вообще не высказывался точно по этому вопросу, наверное опять-таки из тактических соображений.[9] Многим членам партии представлялось опасным такое глубокое и постоянное вмешательство государства в решение аграрных отношений. Интересно заявление Родичева, что, по его мнению, государство для этого должно обладать деспотической силой.[10] Мануйлов, однако, дал на это недвусмысленный ответ: "Если этого требуют интересы государства, частное право должно им уступить".[11] Эта более радикальная точка зрения утвердилась и в партии. Когда на заседании, посвященном аграрному вопросу (в Москве 28 и 29 апреля 1905 года), возник вопрос о том, "надо ли отдавать крестьянам в собственность землю, которая будет отчуждена для добавочного наделения, или же надо добавить ее к государственному земельному фонду, который не подлежит продаже, и давать ее лишь в пользование тем крестьянам, которые страдают от недостатка земли",[12] – он обсуждался как открытый вопрос, который подлежит дальнейшей дискуссии на следующем заседании; однако Милюков рассказывает, что уже на третьем партийном заседании, имевшем место всего несколько месяцев спустя, полностью восторжествовала идея "неприкосновенного фонда", из которого крестьянам будут даваться участки не в собственность, а в долгосрочное пользование.[13] Интересно еще то, что на этом партийном заседании тезис этот подвергся нападкам только слева, т.е. со стороны приверженцев национализации всей земли вообще и устра-

нения частного землевладения.[14] Только всегда одинокий в своих мнениях и позициях Струве указывал, что обстоятельства могут отодвинуть решение (аграрного вопроса) вправо, но отодвинуть его дальше влево, оставаясь в пределах законодательного пути, уже едва ли возможно. [15]

Милюков понимал, что партия его в то время стояла на точке зрения, которую надо назвать глубоко консервативной, что не только решение социалистических партий в пользу коллективизма (в частности, решение эсеров), а и решение правительства в пользу принципа частной собственности, были гораздо более радикальны, чем кадетская программа. Милюков говорил: "Земельный проект сорока двух ... в области крестьянского надельного владения ничего не ломает. Не уничтожает он и частной собственности на землю в известных пределах".[16] Милюков подчеркивает, что предложенная кадетами реформа гораздо скромнее, чем планируемое правительством распространение на всю страну института частной собственности на землю.[17] Он также отвергает упрек правительства, что аграрная программа кадетской партии построена на отвлеченных идеях. Наоборот, Милюков считает, что правительство с его законопроектами не свободно от отвлеченности. Он пишет: "Противополагая коллективистским тенденциям законопроекта свой собственный индивидуализм, они забывают, что русская действительность многими чертами стоит ближе к смелой утопии законопроекта, чем к их собственным мечтам о европеизации русского земледелия. "Неприкосновенность" земельной собственности земледельца; стремление повысить потребности над голодным уровнем потребительской нормы; потребность в поднятии культуры и в интенсификации земледелия – откуда взяты все эти черты: из русской или из европейской действительности?.. в прошлом эти черты отсутствуют, и... это прошлое могущественным образом тяготеет над русским настоящим".[18] Наоборот, по мнению Милюкова, корни социалистических стремлений уходят в прошлое. В другом месте он пишет: "У нас идея частной собственности развивалась крайне туго... эта идея (национализации земли) не является новостью для России... принцип национализации земли – в смысле признания верховной собственности государства на землю – есть принцип древне-московский..."[19] Однако

Милюков не считал, что осуществление кадетской программы обязательно поведет к окончательной победе этого принципа. Кадетская программа оставляла открытыми все возможности. По его мнению, конечное наделение землей из государственного земельного фонда может повести к окончательному торжеству древне-московского начала верховной собственности государства на землю. Но возможно также (и это, наверное, и была тайная надежда самого Милюкова), что пользование землей, поскольку оно будет долгосрочным и индивидуальным, постепенно примет характер, сродный собственности.[20]

Вообще Милюков старался доказать, что аграрная программа его партии не противоречит принципу частной собственности. В рамках планируемой кадетами аграрной реформы, по его мнению, отчуждение земель и создание государственного земельного фонда не означали отрицания принципа частного землевладения. Милюков утверждал, что создание государственного земельного фонда из отчужденных земель вытекает как раз из уважения кадет к началу частной собственности. В ответной статье на речь представителя правительства Гурко Милюков пишет: "Г. Гурко может быть удивится, если узнает, что одним из мотивов, заставивших авторов проекта предложить из отчуждаемых земель образовать неотчуждаемый земельный фонд, было именно... уважение к принципу частной собственности. Этот принцип допускает принудительное отчуждение как чрезвычайную меру... а отчуждив землю во имя государственной пользы, было бы непоследовательно передавать ее в чужое пользование на тех же самых основаниях, на которых владел ею старый владелец. Во имя государственной пользы земля могла бы быть отчуждена из полного только в условное владение. Иначе пришлось бы брать у Ивана, чтобы отдать Петру".[21] Эти объяснения доказывают, конечно, как неуверенно чувствовали себя кадеты в вопросе правовых основ их плана отчуждения. По всей вероятности, не один Гурко удивился этим объяснениям.

У Милюкова были еще и другие доводы в доказательство того, что отчуждение в той форме, как его планировали кадеты, совместимо с принципом частной собственности. Он говорил, что – в отличие от социалистов – кадеты обосновывают отчуждение

не принципиальным вопросом о праве на землевладение вообще, а идеей государственной пользы, ибо право на землевладение они воспринимают как естественное право каждого. Иными словами, по выражению Милюкова, кадетская партия "implicite признает и фактически сохраняет частную собственность на землю".[22] В соответствии с этим кадеты и не предвидят на будущее периодических повторений отчуждения; они считают, что это должно быть одноразовое мероприятие, подобное тому отчуждению земли, которое проведено было при Александре II в момент освобождения крестьян.[23]

Все эти рассуждения Милюкова совсем не убеждают. Его коллеги из левого крыла партии были гораздо большими реалистами, когда они – как например Мануйлов – видели в осуществлении аграрной программы партии предварительную ступень по пути к окончательной национализации земли и вообще к социализму.

Даже если бы Милюков был прав и если бы рекомендуемое им отчуждение действительно было только повторением подобного мероприятия, проведенного при Александре II, этим далеко еще не было бы доказано, что само это повторение не подорвало бы принцип частной собственности. Отчуждение при Александре (как мы уже видели, Витте указывает на это в своих мемуарах) чрезвычайно отрицательно отразилось на принципе частной собственности. Бесспорно, повторение подобного мероприятия не могло не пошатнуть еще сильнее уважение к этому принципу. Поэтому в самом деле трудно понять, что партия, считавшая себя представительницей либерализма, с легким сердцем решалась рекомендовать мероприятия, которые неизбежно должны были подорвать принцип частной собственности, т.е. один из самых основных принципов либерализма. Это тем удивительней, что Милюков, будучи историком, знал, что принцип верховной собственности государства на землю был не только древне-московским принципом, а в совсем недавнем прошлом правительство пыталось утвердить этот подход по вопросу о надельных землях именно для того, чтобы укрепить навек тот старый порядок, за устранение которого боролся Милюков. Он сам пишет: "...если бы они (министры) и их предшественники догадались в свое время... стереть все черты юридического различия между крестья-

нами и их прежними господами... может быть тогда... титулы собственности всех классов землевладельцев соединились бы в один. Но... классовый антагонизм искусственно поддерживался самим правительством, и... теперь, сорок лет спустя после эмансипации, он так же силен, как прежде... В России в общем правовом сознании нет одного разряда землевладельцев, а есть старые бытовые разряды крестьян и помещиков, надельной и частной земли. Публично-правовой характер нашего землевладения удержан и подчеркнут всей земельной политикой последнего полувека..."[24] Если сравнить этот блестящий анализ положения, который Милюков дает в качестве историка, со слабостью выводов, которые он из него делает в качестве политического деятеля, то остается только удивляться. Милюков не хотел видеть и понимать, что, поскольку антилиберальный принцип верховной собственности государства на землю еще имел в русской почве живые корни, поддерживать его означало ставить в серьезнейшую опасность судьбы либерализма в России. Милюков также не хотел видеть, что как раз его программа ничего не содержала из того, что могло бы устранить основания опасного антагонизма, о котором сам он так ясно пишет. Теперь, когда правительство наконец решилось на отмену традиционных антилиберальных и антииндивидуалистических особых институтов крестьянского права, Милюков хотел отказать правительству в поддержке на том основании, что правительственные законопроекты аграрной реформы "революционны" и "внесут больший хаос... в мир реальных отношений".[25] Он не хотел понять, что его поведение было капитуляцией и перед древне-московским принципом, и перед социализмом, который представлял собой последовательный возврат к этому древне-московскому принципу.

Далее Милюков утверждал, что неважно, будет ли земля из государственного земельного фонда даваться крестьянам только в пользование или в собственность. Он считал, что это – юридические тонкости, которые играли бы второстепенную роль даже в тех странах, в которых за много веков укрепился принцип частной собственности, а уж тем более в России, "где благодаря общинным порядкам землепользования, благодаря полной юридической неопределенности выкупной операции... идея частной зе-

мельной собственности до сих пор не ясна огромному проценту населения".[26] А на самом деле, бесспорно, как раз обратное соответствовало действительности. Именно слабость принципа частной собственности на землю и должна была заставить либеральную партию делать все для того, чтобы укреплять институт частной собственности путем очень четкой формулировки правовых отношений на основе либеральных принципов, и для того, чтобы окончательно порвать с традицией обеспечения землей. Как раз Милюков никак не мог серьезно считать, что мероприятия по укреплению частной собственности могут быть насилием над правосознанием широких масс. Когда он спорил с социалистами, выступая против их проектов национализации, он достаточно часто почеркивал, насколько сильны собственнические инстинкты крестьянства. Он точно знал, что либеральная программа отвечает желаниям если не всего крестьянства, то во всяком случае большинства его, что и было доказано проведением в жизнь Столыпинской реформы.

Вследствие занятой Милюковым позиции проведение в жизнь либеральной аграрной реформы стало ответственностью одного только правительства, и тут еще раз проявился привычный парадокс русского исторического развития: носителем либеральной программы стала не общественность, а бюрократия.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 6

1. П. Катенин. Очерки русских политических течений. Берлин, 1906, стр. 85. Социал-демократы тогда наоборот стояли за устранение всех законов, ограничивавших право крестьян распоряжаться своей земельной собственностью. Однако эту позицию они заняли не с целью введения в стране гражданского строя, а потому, что ожидали, что это поведет к экономической дифференциации и следовательно к вспышкам классовой борьбы в деревне. Катенин, там же, стр. 71.
2. Чернов. Конструктивный социализм. Том I, Прага, 1925.
3. Французский посол Бомпар пишет в своих в высшей степени интересных воспоминаниях: "Русский крестьянин, которого слепое правительство удерживало в рамках аграрного коммунизма, наконец к этому привык и требовал распространения его на всю землю российскую, вместо того, чтобы требовать его устранения". Париж, 1937, стр. 232.
4. Дальнейшее о Союзе Освобождения и о кадетской партии в следующем отделе.
5. Знаменательно то, что частной собственности нет в первом отделе кадетской программы, там, где перечислены основные права.
6. Под "справедливым возмещением убытков" кадеты понимали не возмещение на основании рыночных цен, а на основании низкой, особо вычисленной цены.
7. Маклаков. Вторая Государственная Дума. Париж, без даты, м.б. 1942.
8. А. Столыпин. П. А. Столыпин. Париж, 1927, стр. 17. Текст речи в стенографической записи Государственной Думы, 2 созыв, 2 сессия, ст. 438.
9. Опубликованный кадетами сборник "Аграрный Вопрос", стр. 333 и далее.
10. Там же, стр. 303 и далее.
11. Там же, стр. 321. Достойно внимания, что Мануйлов здесь высказывает мнение, противоположное мнению Екатерины II.
12. Там же, стр. X.
13. Газета "Речь", 1906, № 57. Вновь напечатано в книге Милюкова "Год Борьбы", Пб, 1907, стр. 336.
14. Там же.
15. Там же, стр. 341.
16. Там же, стр. 415.
17. Там же, стр. 439.
18. Там же, стр. 416.

19. Там же, стр. 339.
20. Там же, стр. 416. Концепция Милюкова здесь приближается к понятиям Екатерины, только он становится на эту точку зрения на 150 лет позже.
21. "Речь" от 1 июня 1906, № 88. "Год Борьбы", стр. 437.
22. Там же, стр. 438.
23. Там же, стр. 440.
24. Там же, стр. 438.
25. Там же, стр. 439.
26. Там же, стр. 437 и далее.

Глава 7

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПРОБЛЕМА ПОСЛЕ 1905 г.

Либеральное законодательство в области крестьянского права, особенно Столыпинские указы от 5 октября и 9 ноября 1906 года. – Превращение указа от 9 ноября в закон от 14 июня 1910. – Закон от 29 мая 1911. – Дебаты о Столыпинской аграрной реформе в Третьей Думе.

Еще до революционного взрыва 1905 года правительство предприняло некоторые мероприятия, которые можно считать известным прогрессом в либеральном смысле слова. В конце 1902 года Витте выставил проблему отмены круговой поруки, так же как и снижения прямых налогов на крестьянство и выкупных платежей. В согласии с министром внутренних дел Плеве он представил Государственному Совету соответственный законопроект.[1] Был ли и сам Плеве убежден в необходимости отмены этого деморализующего института или ему пришлось уступить Витте, это здесь не так важно установить. За первое предположение говорит, однако, то обстоятельство, что намерение отменить круговую поруку уже высказано было в манифесте от 26 февраля 1903 года (№ 22581), т.е. в манифесте, с редакцией которого Витте никак не был связан и который вообще отражал идеи Победоносцева и Плеве.[2]

Вскоре после этого, 12 марта 1903 года, действительно утверждено было мнение Государственного Совета, рекомендовавшее отмену круговой поруки (№ 22629), и издан был указ (№ 22627), которым она и отменялась. Одним из первых мероприятий преем-

ника убитого 15 июля 1904 года Плеве, князя Святополк-Мирского, была отмена права волостных судов присуждать к телесному наказанию; сделано это было манифестом от 11 августа 1904 года, изданным в связи с крещением наследника престола.

Другие мероприятия, также носившие либеральный характер, относятся уже ко времени после 17 октября 1905 года. 3 ноября, т. е. когда Витте был председателем Совета министров, отменены были – с вводом в действие с 1 января 1907 года – выкупные платежи (№ 26872). Тогда же, 3 ноября 1905 года, другим указом дарованы были новые полномочия крестьянскому банку, которые должны были облегчить проведение в жизнь мероприятий, направленных на расширение земельной собственности крестьян, недостаточно наделенных землей (№ 26873). Обоим указам предшествовал манифест, предвещавший эти мероприятия (№ 26871). Указом от 4 марта 1906 года (№ 27478) созданы были Землеустроительная Комиссия в Петербурге и подобные комиссии в губернских и окружных городах; впоследствии эти комиссии стали главными органами для проведения в жизнь столыпинской аграрной реформы. 27 августа 1906 года, когда Столыпин был уже председателем Совета министров, приказано было перевести часть казенных земель в собственность крестьян (П.С.З. № 28315). Этот указ по сути дела направлен был на улучшение экономического положения крестьян. Поскольку речь шла о превращении казенных имений в частную собственность, это мероприятие надо считать либеральным хотя бы в косвенном смысле. В конце 1906 года введено было послабление в запрет закладывать надельные земли. Оставался в силе и далее запрет закладывания частным лицам или предприятиям, однако отныне крестьянам разрешалось брать взаймы деньги у крестьянского банка под залог надельных земель (П.С.З. № 28547). Этому указу предшествовало два других чрезвычайно важных постановления: указ от 9 ноября 1906, положивший начало столыпинской реформе в более узком смысле, и связанный с нею указ от 5 октября 1906, которым в значительной степени устранялось сословное отделение крестьянства от остального населения империи.

Столыпинская аграрная реформа предусматривала осуществление исключительно широкой программы. Ряд мероприятий

должен был послужить тому, чтобы улучшить экономическое положение крестьян, превращая крестьянские дворы в жизнеспособные сельскохозяйственные предприятия. Эту сторону вопроса мы можем не рассматривать здесь, тем более, что экономические проблемы столыпинской реформы проанализированы в блестящей работе на немецком языке.[3] В основе реформы лежало намерение дать крестьянскому вопросу либеральное решение. Она представляет собой значительный шаг вперед по направлению развития России в либеральном смысле. Поэтому мы должны указать здесь на те постановления столыпинских аграрных законов, в которых находит выражение либеральная тенденция реформы. Таких постановлений не слишком много.

Но мы начнем с того, что рассмотрим указ от 5 октября 1906 года (П.С.З. № 28392). Этот указ начинается с упоминания о том, что он направлен на дальнейшее развитие принципов и на завершение освободительной реформы 1861 года, которая первоначально ввела правовое равенство крестьян с другими сословиями. Далее в указе подчеркивается, что продолжение существования ряда ограничительных постановлений по отношению к крестьянам и к другим налогоплательщикам несовместимо с принципами манифестов от 6 августа и от 17 октября 1905 года. Поэтому данным указом немедленно отменяются все подобные постановления, тем более, что вследствие отмены круговой поруки и выкупных платежей они все равно стали в основном беспредметными. Кроме того указ оповещает, что вскоре будут представлены Думе на рассмотрение законопроекты с целью принципиальной реформы местного управления и судов в деревне.

В статье I постановляется, что всем российским подданным, за исключением инородцев, предоставляются в отношении государственной службы те же права, как и дворянам. Это несомненно значительный прогресс в смысле расширения на всех дворянских привилегий; как мы уже говорили, это должно было в конечном итоге повести к превращению дворянских привилегий в признанные права всех российских граждан. Статья II отменяет потребность согласия общины на поступление крестьянина на государственную службу, так же как и в высшее учебное заведение. Также больше не требуется, чтобы уходил из общины крестьянин,

поступивший на государственную службу или получивший чин, аттестат, диплом или научную степень (статья III). Крестьянам разрешается свободно уходить из общин или, наоборот, в них входить. При этом вступление в новую общину не обязательно связано с выходом из той, к которой он до тех пор принадлежал. А при выходе крестьянина из общины не обязательно больше вхождение в другую. Крестьянин, прервавший связь со своей общиной, может просто быть причислен к волости (статья IV). Статья V разрешает выдавать крестьянам бессрочные паспорта, наравне с людьми других сословий, и вообще дает крестьянам право совершенно свободного передвижения и избрания местожительства. Статьей VII отменяются особые наказания, до тех пор применявшиеся к крестьянам. Также отменяется полномочие земских начальников присуждать крестьян к легким наказаниям или начинать против них административное преследование в случае невыполнения ими своих обязанностей (статья XI). Согласно статье XII, постановления общин могут быть отменены уездными съездами только в случае, если они противозаконны, а никак не в силу соображений об их целесообразности. Очень важна статья VIII. Ею отменяются постановления, введенные законом от 18 марта 1886 года и направленные на то, чтобы всячески затруднять деление подворного имущества между членами семьи. Кроме того крестьянам разрешается подписывать векселя даже в тех случаях, когда они не владеют недвижимым имуществом. Наконец устраняются некоторые ограничения предпринимательской деятельности крестьян.

Тут надо еще упомянуть, что статья VI говорит о праве крестьян отчуждать свой надел даже в том случае, когда они – члены общины. Статья не очень четко сформулирована, однако речь здесь очевидно идет не об отчуждении земельных участков, приобретенных крестьянами в частную собственность или принадлежащих к подворному имуществу, в пользу членов общины: такое отчуждение разрешалось уже законом от 14 декабря 1893 года и предвиделось статьей 19 Общего Положения (издание 1902 года). В статье IV речь идет, очевидно, об участках из общинной земли, которые крестьяне получают в надел при переделе. Статья эта звучит следующим образом: "Разрешить сельским обывателям, принадлежащим к составу сельских обществ... получать по отказе

от участия в пользовании мирской землей или по отчуждении принадлежащих им участков таковой земли беспрепятственное увольнение из сельских обществ без соблюдения требований, означенных в статье 208 Общего Положения о крестьянах..." Если мое толкование правильно, то тем самым устранялось то препятствие выходу крестьянина из общины, о котором так настойчиво говорил Витте, считая его особенно опасным.

Это постановление естественно подводит нас к указу от 9 ноября, в котором сформулированы основные принципы столыпинской реформы. Указ этот состоит из вступления и четырех отделов. Принципы реформы выражены в первую очередь в следующих статьях этого указа: согласно 1-й статье первого отдела, каждый домохозяин в любое время может выйти из общины и требовать, чтобы она отдала ему его часть общинной земли в качестве его частной собственности. По сути дела это просто подтверждение статьи 36 Общего Положения 1861 года.[4] Как мы уже видели ранее, статья эта дает каждому члену общины право требовать от общины предоставления земельного участка, размеры которого соответствуют его участию в выкупных операциях, при условии, что весь выкуп полностью выплачен, т. е. что выкупленная земля стала окончательно собственностью общины; это означает, что земля эта превращается в частную собственность данного крестьянина. После отмены манифестом от 3 ноября 1905 года выкупных платежей было вполне естественно и нужно подтвердить общее вступление в силу статьи 36 Положения. Согласно 1-й статье третьего отдела, наделы, числящиеся как подворное имущество, превращаются в частную собственность домохозяина. Согласно статье 2 того же отдела, если ко двору принадлежат другие лица в качестве прямых наследников домохозяина, подворное имущество должно стать совместной собственностью всех членов двора, в согласии с X томом Свода. Иными словами, подворное имущество, понимаемое как собственность коллектива, вообще исчезает и заменяется частной собственностью. Усадебные участки — в том числе и внутри общины — также превращаются в частную собственность.

1-я статья второго отдела постановляет, что отчуждение наделов, бывших до тех пор подворной собственностью и превращаю-

щихся теперь в собственность частную, подчиняется постановлениям общегражданского права касательно отчуждения недвижимого имущества вообще. Статьи 12-14 первого отдела, кроме того, говорят о праве домохозяина требовать, чтобы община поменяла предоставленные ему отдельные участки земли на один цельный участок. Это постановление носит в первую очередь технически-аграрный характер и поэтому здесь не обязательно подробно им заниматься. Достаточно заметить, что в той мере, в какой создание цельного автономного имущества способствует независимости собственников друг от друга, а следовательно развитию индивидуализма, проведение в жизнь такого мероприятия должно было служить укреплению основ либерализма. То же самое относится и к закону о благоустройстве земли от 29 мая 1911 года, содержание которого тоже аграрно-технического характера, и направлено в первую очередь на то, чтобы устранить чресполосицу. В силу чего закон этот сочла конструктивным даже враждебно к столыпинской аграрной реформе настроенная кадетская партия.[5]

Столыпинский указ от 9 ноября 1906 года после некоторой обработки и дополнения со стороны Думы принят был Думой и стал законом 14 июня 1910 года. Закон этот озаглавлен "Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском Землевладении". В общем, в законе сохранились все основные моменты указа от 9 ноября. В борьбе с сельской общиной он идет даже дальше указа. Закон постановляет, что во всех сельских общинах, в которых со времен наделения землей не происходило больше переделов, общинная собственность на землю сменяется на собственность наследную, т. е. частную (ст. I). Сначала Дума хотела распространить это постановление и на те общины, в которых не было переделов в течение последних 24 лет. Но здесь Дума наткнулась на сопротивление как Государственного Совета, так и правительства. Они хотели избежать всего того, что могло выглядеть как насильственное упразднение сельской общины. Правительство отклонило это предложение еще и потому, что с точки зрения технического выполнения оно представлялось нежелательным.

Вообще же интересны не столько отдельные изменения и дополнения, которые законодательные учреждения вносили в указ от 9 ноября 1906 года или в правительственный законопроект,[6] сколько дискуссия, имевшая место по этому поводу в Думе и в Государственном Совете, доводы, приводимые *за* – представителями правительства и партий думского большинства, и *против* – оппозиционными партиями. В этой дискуссии объяснены были содержание и суть столыпинской реформы и точно определились позиции как сторонников ее, так и противников.

*

* *

Дебаты в Третьей Думе отчасти утрачивают интерес вследствие того, что правые, которые никак не могли симпатизировать законопроекту, тем не менее не хотели занять четкую позицию против него. Если бы они это сделали, то они оказались бы на деле союзниками левых сил и вдобавок к этому еще и выступили бы против правительства, а правительство в данном случае имело полную поддержку царя. Поэтому эти сторонники абсолютной монархии и враги конституционализма оказались бы в парламенте в оппозиции царской воле. Сразу после того, как законопроект внесен был в повестку дня, правая фракция поручила митрополиту Митрофану сделать заявление от имени всей группы, которое являлось не столько поддержкой законопроекта, сколько отказом от сопротивления ему. Тот факт, что заявление это поручено было сделать не нормальному представителю фракции, а самому высокому духовному лицу, входившему в состав их группировки, как будто указывает на желание партии подчеркнуть формальный характер этого заявления и тот факт, что в данном случае речь шла не столько о провозглашении принципиальной ее позиции, сколько о проявлении уважения к царской воле, которым и вызвана была их чисто тактическая позиция. Во всяком случае, подлинные настроения правой фракции нашли себе выражение в этом заявлении гораздо в меньшей мере, чем в том громком одобрении, которое правые неоднократно высказывали ораторам

левой фракции – явление более или менее беспрецедентное в Думе вообще; а также в отдельных речах представителей крайне правых групп.

Совершенно противоположную позицию заняла самая важная из левых оппозиционных групп: кадеты. Они отклонили законопроект, но конечно не из принципиальных соображений, или во всяком случае принципиальные соображения не были решающими. Их позиция вызвана была также соображениями тактическими, т. е. их твердой решимостью при всех условиях оставаться в оппозиции. Этим объясняется слабость доводов, которые кадеты использовали в возражениях против законопроекта. Принципиальными врагами законопроекта и непримиримой оппозицией выступили трудовики (т.е. социалисты немарксисты). Их речи часто перенасыщены были революционной риторикой, и тон их был вызывающим и подстрекательским. Октябристы и другие группы, принадлежавшие к правительственному большинству, считали эти речи как бы неприличными и обычно реагировали на них только восклицаниями. Таким образом, и тут дискуссия по поводу столыпинской реформы в Думе не слишком обогатилась. Гораздо содержательнее были обсуждения в Государственном Совете, о которых скоро пойдет речь. Однако и в том, что говорилось в Думе, было кое-что и очень интересное и ярко освещавшее положение.

Подлинная позиция правой фракции выражена была наиболее четко в речи депутата Бакалеева. Бакалеев говорил: "Государственная Дума явно стала на путь не развития и дополнения, а на путь уничтожения существующих узаконений о крестьянах... Существующий закон... стоит на точке зрения неприкосновенности собственности вообще, а не только частной. Государственная Дума, изменивши в среде крестьянских обществ самый субъект собственности, заменивши собственника-общество собственником единоличным, Государственная Дума явно стала на путь нарушения неприкосновенности собственности, ибо... было доказано и справа и слева, что надельная земля была дана не отдельным лицам, а была дана обществам и семействам".[7] Речь эта показывает, что правая фракция все еще не принимала отказа от законодательства 90-х годов и от сенатской практики, направленной к

укреплению навсегда, в качестве нормального постоянного положения, того переходного состояния, которое создано было освободительными законами 1861 года, и что она считала нежелательным переход крестьянства от аграрного коллективизма к частной собственности. Речь эта отражала не только личное мнение Бакалеева, а в точности передавала преобладавший в рядах правых подход; доказательством может послужить то обстоятельство, что по окончании дискуссий в связи с третьим чтением законопроекта правая фракция предложила переходную формулу, в которой подчеркивалось, что новый закон соответствует принципам, сформулированным в манифесте от 23 февраля 1903 года: очевидно, это должно было обеспечить в будущем возможность ограничительного толкования закона. Левая оппозиция (Милюков) заявила, что такая формулировка противоречит фактам, а партии правительственного большинства со своей стороны признали ее неприемлемой. На самом деле, в свое время манифестом от 26 февраля 1903 года парализована была работа, которую проводили Витте со своим Особым Совещанием по аграрному вопросу, в то время как новый закон в значительной мере был осуществлением идей, высказанных Витте в его Записке.

Как уже указывалось, критическая позиция кадетов сильно осложнялась тем, что они ни в коем случае не отбрасывали принципа частной собственности как такового. Представитель партии кадетов, Шингарев, отчетливо указал на то, что его принципиальная позиция по вопросу частной собственности ничем не отличается от позиции представителя большинства и официального уполномоченного Комиссии, Шидловского. Он подчеркивал, что отвергает лишь рекомендуемые думским большинством "методы проведения этого института в народную жизнь", что он не принимает намерения "механически, насильственно вводить в крестьянскую семью этот институт, к которому она до сих пор оставалась чужда", что он отвергает попытку разрушить понятие семейной собственности путем революционного законодательства (там же, ст. 2871). Кадеты сопротивлялись не только тем постановлениям закона, которые должны были ускорить распад сельской общины, но даже еще больше тем, в силу которых семейная собственность объявлялась частной собственностью домохозяев. Шингарев гово-

рил, что Комиссия сочла недостаточным объявить упраздненными те сельские общины, в которых долгое время не происходило передела земли; "Комиссия... пошла еще дальше и в этой форме желает установить принцип личной собственности домохозяина, т. е. такой принцип, который населению в этих районах совершенчужд" (ст. 2855). И представитель большинства князь Волконский констатировал, "что ни против какого другого пункта настоящего закона не слышно столько возражений, сколько именно против этого" (ст. 2858). Но и те постановления, которые должны были служить ускорению процесса раздела сельской общины, с точки зрения кадетов были слишком радикальны и противоречили правосознанию народа. Как доказательство того, что постановления законопроекта, направленные против сельской общины, противоречат правосознанию народа по крайней мере в тех областях, где община сама еще не находится в состоянии распада, Шингарев ссылался на крестьянские письма, в которых крестьяне называют постановления указа от 9 ноября 1906 года (которые ведь уже были в силе) чужеземным игом и пишут, что они теперь думают о восстановлении сельской общины, которую – так им кажется – они необдуманно и слишком поспешно ликвидировали под первым впечатлением опубликования указа (2887).

Интересно, что во время дискуссии кадеты обвиняли в революционности законодательства и в революционном радикализме – правительство и партии большинства, которые всегда считали своей первейшей задачей борьбу с революцией. Это нетрудно объяснить тактическими соображениями кадетов. Ведь из этого должно было вытекать, что только они, стоящие между социалистическими и революционными партиями левой фракции и умеренно-правыми, собиравшимися насаждать в России либерализм и частную собственность при помощи революционных законов, и могли считаться представителями идеи права и правопорядка. Шингарев многократно призывал партии большинства к тому, чтобы они приняли "спокойное и медленное разрешение вопроса" (2897), не увлекались идеей личной собственности и принимали во внимание реальность жизни, а в первую очередь, значит, народное сознание (2752 и далее), – причем в стенографическом отчете мы видим, что одобрение последовало не только слева, а и справа. И это, ко-

нечно, не случайно. Упрекая правительство и особенно партии большинства в том, что они рвут с существующим правом[8] и с традиционным правосознанием крестьянства слишком радикально и слишком внезапно, кадеты и даже социалисты полностью соглашались с представителями крайне правой фракции. Шингарев также предупреждал партии большинства не пренебрегать народным правосознанием, так как иначе проведение в жизнь закона вызовет в народе только ненависть, горечь и сопротивление (2752).

Уполномоченный Комиссии Шидловский возражал на это следующим образом: закон не стремится к чему-то совершенно чуждому для народа и противоречащему естественному развитию. Наоборот, давно уже установлено, что у крестьян сильно стремление к институту частной собственности (чего и кадеты не оспаривали; см., например, Шингарев, ст . 2871). Таким образом, правительство своим законом выходит навстречу этой естественной тенденции (2867). Делая это, оно в точности выполняет ту функцию, которая нормально всегда свойственна правительству и должна быть ему свойственна. Утверждение, что закон насильственным образом вводит частную собственность, говорил Шидловский, является искажением действительности. Если несколько человек хотят иметь собственность сообща, закон им нисколько в этом не мешает, только такая совместная собственность должна быть основана на добровольно заключенном договоре, а не на уставе мира, поскольку сельская община конечно ни в коем случае не может рассматриваться как добровольное объединение: ведь общеизвестно, что сельская община представляет собой обязательное объединение, стоящее под защитой старых законов. Именно такая природа сельской общины делает неизбежным известное вмешательство законодательной власти в ее устранение. Другой представитель большинства, Танцов, с особым ударением на это указывал: "Говорят: предоставьте общину самой себе, пусть она живет или умирает по своим собственным внутренним законам. Всякое вмешательство законодательной власти признается насилием. *(Шингарев с места: правильно!)*. Можно подумать, что община в том виде, как она существует, есть порождение свободно развивавшейся народно-хозяйственной жизни, что она ничем не

обязана внешнему принудительному закону, так как только в таком случае позволительно было бы думать, что она может исчезнуть так же свободно и безболезненно, как она возникла. Но в действительности это не так. Всем известно, что государственная власть, желая сохранить патриархальное учреждение общины ради своих целей и, главным образом, ради своих целей фискальных, обратила ее в принудительный союз".[9] Во вступлении я уже указывал на то, что методом либерализма является устранение или отмена тех институтов, которые созданы были предшествовавшим либеральному строю антилиберальным правительством и которые носят принудительный характер. Эти институты носят общественно-правовой характер и поэтому отмена их не может иметь место без особого распоряжения государственной власти, т.е. именно без "принудительных мероприятий". Вряд ли можно это оспаривать, хотя кадеты и пытались в Думе это сделать.

Далее, по мнению большинства, неправильно было стремиться к отмене сельской общины, но в то же время сохранять семейную (подворную) собственность. Зачем освобождать крестьян от уз большого коллектива и продолжать держать его в плену у коллектива меньшего? Ведь таким образом ему все равно отказывают в гражданской свободе, в пользовании теми гражданскими правами, которые даны всем другим гражданам, в правовом статусе свободного собственника.

В частности, кадеты предлагали, чтобы выход из общины был возможен только при проведении передела и только при условии, что выходящему будет отдана причитающаяся ему земля в едином участке. Большинство сочло оба предложения неприемлемыми. Оно указало на то, что первое требование поведет к переделам и там, где о них вообще не думали, и что эти как бы последние и окончательные переделы без нужды вызовут особо острую борьбу за землю между членами общины (Шидловский, стр. 2763). И второе предложение большинство отклонило, поскольку оно повело бы к ухудшению даже по сравнению с отмененной в свое время статьей 165 закона об освобождении. Согласно этой статье, все участки земли в пользовании данного крестьянина могут стать его собственностью после досрочной выплаты им выкупа. Временами сложно выполнимая процедура обмена этих зе-

мельных участков на один большой цельный участок не предусматривалась освободительным законом как необходимое условие для превращения пользования во владение. По предложению кадетов, обмен этот теперь именно должен был стать таким условием, чем, естественно, значительно усложнился бы выход из общины.

Самый веский аргумент против закона выдвинут был представителем "трудовиков" Кропотовым. Он сказал, что новый закон путем отмены коллективной собственности, как в виде общины, так и в виде двора, лишает возможности обеспечения землей всех тех, кто накануне вступления в силу закона не смог или не в полной мере сумел предъявить свое "право на землю", причитающееся каждому члену общины или двора (это могло относиться, например, к находящимся в отлучке крестьянам, работающим в городе, или к тем, кто в отсутствие передела получил бы добавочные участки земли для будущих членов семьи). Кропотов говорил: "Как местный обычай, так и законные требования и разъяснения Сената говорили о том, что каждый член общества имеет право требовать от общества наделения той землей, которая была дана этому обществу, и следовательно лишать их этого права — это то же самое, что отнять у помещиков землю" (ст. 2874). Насколько мне известно, Дума просто игнорировала эти слова Кропотова. Представители правительства тоже не реагировали на них. При этом бесспорно, что правительство должно было не обходить молчанием этот довод. Я не имею в виду столыпинское правительство в частности, а правительство вообще, как одно из ряда правительств Его Императорского Величества, за которыми оно следовало и которые десятилетиями все делали или во всяком случае позволяли, чтобы делалось все, чтобы помешать постепенному превращению общественно-юридического "права на землю" в субъективное право собственности. Именно поэтому правительство должно было обосновать отмену права на обеспечение землей.

Это было бы вполне возможно, если бы правительство изложило либеральную точку зрения, из которой в конечном итоге и исходила аграрная реформа. С либеральной точки зрения превращение крестьянского землевладения в частную собственность

означало, что гражданский строй наконец становится всеобщим в России, как того требует сама его природа. Ведь именно вследствие такого мероприятия осуществилось бы то, что предусматривалось уже в 1861 году, а именно крестьянство было бы приравнено к членам других сословий, и устранены были бы все пережитки крепостного права. Но введение всеобщего гражданского строя должно было означать четкое отделение частного права от права публичного и с ним осуществилось бы и отделение власти экономической от власти политической, т. е. произошло бы и в России принципиальное разделение власти. Вследствие такого принципиального разделения власти (т. е. вследствие утверждения через конституцию автономности частно-правовой сферы, причем автономность эта означала бы в первую очередь признание принципа частной собственности, свободы частной инициативы и свободы путем договоров брать на себя обязательства) субъективные права в области признанной таким образом государством частно-правовой автономности приобрели бы ненарушимый характер. Таким образом, замена общественно-правовых требований субъективными правами является серьезной гарантией прав личности, гарантией независимости ее по отношению к государству. Но превращение удовлетворенных общественно-правовых требований в субъективные права невозможно, если при этом не отменены эти лишь потенциально существующие требования. Отмена общественно-правовых требований нужна для проведения в жизнь отделения власти политической от экономической, чтобы таким образом гарантировать личную свободу и независимость по отношению к государству. Устранение же частной собственности и вообще субъективных прав личности ведет к отмене разделения власти и к утверждению всемогущества государства.

Но правительство обошло молчанием высказывание Кропотова, и таким образом принципиальная позиция его по этому вопросу осталась необъясненной и необоснованной. По всей вероятности, представлялось самоочевидным, что общественно-правовое требование, по сути своей опирающееся исключительно на решение государства, которое одно может его узаконить, так же может быть в любую минуту тем же государством отменено.

Речь беспартийного депутата Сторчака (по-видимому, представителя крестьянства) по своему содержанию отличалась от речей других депутатов. Этот оратор обратил внимание на значение права выходящего из общины крестьянина свободно распоряжаться землей, которая вследствие его ухода становится его частной собственностью. Это особенно важно, говорил он, для тех, кто уходит из общины с намерением переехать в Сибирь, ибо возможность продать землю в Европейской России означает, что у такого человека будет хотя бы скромный начальный капитал для начала работы на новом месте. Сторчак призывал правительство к тому, чтобы оно возможно скорее принимало нужные меры для устранения всех еще существующих в этом направлении ограничений. Он указывал на то, что землевладелец-не крестьянин свободно может продать свою землю, даже находясь при этом за границей. Поэтому несправедливо отказывать в этом праве крестьянам, хотящим переселиться в Сибирь (ст. 2753).

Не только представители оппозиции, а и некоторые из октябристов критиковали отдельные статьи законопроекта. Так например, князь Волконский I указывал на то, что постановления законопроекта относительно определения размеров земельного участка, предоставляемого крестьянину при уходе из общины, являются ухудшением по сравнению со статьей 36 освободительного закона 1861 года. Дело в том, что законопроект предусматривал следующее: в тех общинах, где на основании закона от 8 июня 1893 года произошел передел, размеры участка, который получает при уходе из общины отдельный крестьянин, должны зависеть от числа отдельных наделов, принадлежавших к его двору в момент его ухода, в то время как в других общинах домохозяину отдается во владение вся земля, которая в момент ухода его из общины находится в его пользовании. Как известно, статья 36 освободительного закона, наоборот, постановляла, что размеры такого участка должны соответствовать участию данного двора в приобретении общиной земли (т. е. его участию в выкупе). В самом деле, очевидно, что с точки зрения принципов гражданского права ни принятые отдельными общинами, вследствие периодически проводимых переделов, участки, ни степень фактического пользования (в отличие от участия в выкупе) не могли пред-

ставлять собой неоспоримых с юридической точки зрения титулов на собственность. Князь Волконский четко замечает: "...Ведь ст. 12, бывшая ст. 36, Положения 1861 года говорит: твое то, что ты оплатил. А мы говорим: твое то, что ты захватил" (ст. 2922). Эта фраза Волконского встречена была полным молчанием со стороны собственной его партии, но вызвала, наоборот, бурное одобрение со скамей оппозиции, как левой, так и правой.

Как Дума, так и Государственный Совет отдавали себе, однако, отчет в серьезности всех этих сомнений. Один из двух ораторов Комиссии Государственного Совета, Стишинский, объяснил, почему необходимо отступить от принятых ст. 36 постановлений:[10] вследствие ряда обстоятельств, таких например, как снижение выкупа, прощение остатков его, разделы земли в семьях и переделы в общинах, а главное: вследствие полной хаотичности всей бухгалтерии, относящейся к этим платежам в волостных управлениях (за предыдущие годы, как правило, просто не было никаких документов о платежах) вычисление участия отдельных дворов в выкупе земли являлось невыполнимой задачей.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 7

1. Протокол Общественного Собрания Государственного Совета от 30 декабря 1902 года, опубликован по-немецки редакцией газеты "Освобождение" в Штуттгарте в 1903 году, стр. 7.
2. Позитивное содержание манифеста неудовлетворительно, а то, о чем он оповещает, не свободно от внутренних противоречий. Однако Витте сразу понял, что манифест отражает победу противных ему течений. Конечно, у него и вообще были данные о побуждениях и влияниях, стоявших за манифестом. Позже, в Указе от 8 января 1904 года (ПСЗ 23860), изданном со ссылкой на манифест 26 февраля 1903 года, и в самом деле гораздо яснее и более последовательно проявилась эта враждебная Витте антилиберальная тенденция.
3. Ц.Ф. Дитце. Столыпинская аграрная реформа и сельская община. Источники и исследования Восточно-Европейского института в Бреславии, 1920. Там и дальнейшая литература.
4. По дальнейшим изданиям, ст. 12.
5. См. А. Кауфманн. Ежегодник газеты "Речь", стр. 189.
6. В той мере, в какой эти дополнения все-таки имеют некоторое значение, их содержание освещается приводимыми доводами за и против.
7. Государственная Дума, Стен. отчет за 1909 года, 3 созыв, 2 сессия, часть 3, столбец 2950 и далее.
8. Шингарев с одобрением отзывается о сенатской практике, т. е. о решениях Сената, которые мы уже проанализировали, назвав их "осторожными". Ст. 2855.
9. Гос. Дума, Стен. отчет за 1909 год, 3 созыв, 2 сессия, часть 2. Дальше опять указываются столбцы 3 части.
10. У Комиссии была два оратора: Красовский и Стишинский; избрано было двое, поскольку ни у одной фракции не было четкого большинства голосов. Комиссия состояла из 30 человек, из них 15 принадлежало к Центру, т. е. к сторонникам Столыпина; 3 были представителями Прогрессивного блока (их называли также группой академиков, потому что к ней принадлежали в основном представители Академии и высших учебных заведений), т. е. это была левая оппозиция. Остальные 12 человек принадлежали к правой оппозиции.

Глава 8

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС ПОСЛЕ 1905 года (продолжение)

Дебаты о столыпинской аграрной реформе в Государственном Совете. – Дальнейшие законопроекты в области крестьянского права. – Конец.

И в Государственном Совете, как и в Думе, правая фракция не хотела полностью отвергать законопроект, т. е. указ от 9 ноября 1906 года, а предлагала изменения, которые направлены были на замедление перехода от аграрного коллективизма к частной собственности, предусматриваемого законом. Одно из этих изменений должно было дать сельской общине первое право покупки имущества выходящего из общины крестьянина. Это, с одной стороны, должно было благоприятствовать общине, с другой стороны, в очень значительной мере ограничить фактическую возможность крестьянина свою землю продать; как раз последний момент и был самым важным. Другое из предлагавшихся изменений ограничивало право крестьянина распоряжаться землей, ставя его в зависимость от согласия жены и старшего совершеннолетнего сына, чем на самом деле сохранялся институт семейной собственности.

В речах своих представители правой фракции выходили далеко за рамки обоснования предложений об этих изменениях. Они подробно излагали свои сомнения и возражения принципиального характера против указа от 9 ноября 1906 года. Точка зрения правой фракции отразилась главным образом в речах графа Олсуфьева, которым нельзя отказать (если можно полагаться на стено-

графические отчеты и по ним судить о произнесенных словах) в тонком изяществе формы, в умеренности тона и в теплоте глубокой убежденности. Подобно представителям правой и левой оппозиции в Думе, граф Олсуфьев подчеркивал, что законопроект слишком быстро и внезапно, слишком резко порывает со всем предыдущим законодательством. Целый ряд законов XIX века защищал принцип общинной собственности, даже манифест от 26 февраля 1903 года высказывался в том же смысле. Такое внезапное отклонение от линии, последовательно проводимой десятилетиями, является само противоречием, причем не со стороны отдельного лица (под этим, конечно, подразумевался Столыпин), а со стороны правительства вообще. Такое противоречие, по словам оратора, приводит обывателей в смущение: так где же правда? Создается впечатление, что "вдруг какую-то Америку открыли".[1] "Крестьяне плохо понимают смысл этого закона, – продолжал Олсуфьев, – ... они приходят в некоторое недоумение, а отнюдь не в энтузиазм. Я, по крайней мере, категорически это констатирую" (ст. 1184). Олсуфьев считал опасным устранение как сельской общины, так и подворной собственности, и второе считал еще более опасным, чем первое. Он говорил: "Я думаю, с своей стороны, что главная опасность этого законопроекта не та, что община якобы уничтожается этим закреплением, но главная опасность непоправимая – это переход от веками установившегося принципа трудового семейного сообщества к принципу личной и полной неограниченной продажи" (ст. 1183), ибо "это просто идет вразрез с общим крестьянским правосознанием" (ст.1184). Поэтому Олсуфьев считал неправильным действовать так быстро и "во имя уравнительной и какой-то псевдо-освободительной доктрины" распространять на крестьян правовой статус всех остальных жителей России (ст. 1184). Он не сомневался в том, что закон исходит не из подлинной потребности, а из теоретических соображений. "Несомненно, – говорил он, – этот новый принцип проводится во имя доктрины, что будто бы личная собственность все спасет, что нужно создать в противовес нашему невежественному, темному, анархическому часто крестьянину-общиннику – сытого консервативного просвещенного буржуа. Вот этот буржуа и должен спасти Россию" (ст. 1182). Руководящие круги правительства

и общественности Олсуфьев называл сторонниками этой доктрины. "Профессор Ковалевский, – сказал он в другой речи, – назвал направление нынешних руководящих слоев физиократическим, проще его называют буржуазным. (Ведь руководящая партия в Думе ныне буржуазная). А что же может быть противоположнее идеям буржуазного либерализма, как существование нашего обособленного крестьянства, связанного общиной? Таким образом, я прошу помнить, что я спорю не с отдельными лицами из правительства, а с определенным общественным течением" (ст. 1464).

Точка зрения этого буржуазного направления, нашедшего себе выражение в законопроекте, объяснял далее Олсуфьев, не только противоречит правосознанию крестьян, но противоречит и правосознанию всего русского народа, ибо отклоняется от принципа заботы о слабом и возлагает все надежды на сильного. На заседании Государственного Совета от 22 марта 1910 года Олсуфьев сказал следующее: "Итак, противники наши предлагают в основу крестьянского законодательства положить принцип: торжество сильного и беззащитность слабого. Но этот принцип нельзя выдержать ни в иных вопросах национальных (например, еврейский), ни, например, в законодательстве фабричном. Я считаю этот принцип глубоко антинациональным. Все наше предшествующее законодательство было основано на противоположном начале. Народ русский до сих пор свято верит в Высшую Верховную Власть как защитницу слабых, и если он убедится, что это не так, то в сердцах многих миллионов простых людей настанет горькое разочарование" (ст. 1463).

Однако Олсуфьев считал точку зрения преобладающего течения не только доктринарной, но и крайне примитивной. Все речи представителей этого направления "были построены по одной схеме и очень несложной: в России все плохо, в России община, следовательно уничтожьте общину" (ст. 1460). Поэтому неудивительно, что на местах происходит "отнюдь не созидательный процесс хуторского устройства и личной собственности, а происходит успешный процесс разрушения общины" (ст. 1185). Объяснять этот процесс разрушения общины давлением со стороны местных органов управления – наверное неправильно. Но этот

процесс происходит под некоторым влиянием известной агитации, которую нельзя назвать иначе как бессовестной (ст. 1188). Агитация эта заставляет крестьян думать, что у них отберут землю, если они не выступят из общины. Этот характер развития в направлении перехода к частной собственности заставлял Олсуфьева считать, что надо ожидать скорой реакции на это положение в деревне, что неминуемо последует обратное движение маятника (ст. 1465). Олсуфьев следующим образом закончил свою первую речь: "В силу этих соображений мы как представители правой группы, правого направления политики, убежденные в прочности всяких устоев народной жизни, полагаем, что нам, а в особенности Верхней Палате, следовало бы относиться осторожнее к этому закону... я в особенности приглашал бы именно Верхнюю Палату к тому, что ей должно быть свойственно как Верхней Палате – к осторожности, к отсутствию излишнего энтузиазма" (ст. 1185 и далее).

Представители правых сил особенно отрицали, что возникшее из сельской общины правосознание и есть причина отсутствия у крестьян уважения к чужому праву собственности. Они утверждали, что отнюдь не существование сельской общины повело к эксцессам крестьян против собственности помещиков во время революционных лет 1905 и 1906. "Когда я читаю, что погромы в Воронежской губернии были вызваны характером общинного землевладения, то я вспоминаю, что воронежские погромы были на 6-7 месяцев позже черниговских погромов, где общины почти нет. Следовательно, если бы момент погромов черниговских приводить в связь с формою землевладения, то тогда мы должны говорить, что подворное землевладение приводит к погромам" (ст. 1170). Этот довод никак, однако, нельзя признать убедительным. Ведь и подворное владение не было ни в коей мере частной собственностью, так же как и сельская община, это была форма коллективной собственности. Как и в сельской общине, в рамках двора тоже (как я уже попытался подробно изложить в ином месте) отдельные члены его не имели субъективного права частной собственности, у них было лишь право общественно-юридического характера на обеспечение землей. Таким образом в сельской общине просто было налицо в более сильном виде то же, что име-

лось и в каждом дворе. Поэтому я выше высказал мнение и хотел бы здесь еще раз его повторить: в старой аграрной концепции основным элементом было не существование сельской общины, а особый общественно-юридический характер "права на землю", причитавшегося крестьянам. Представители как правой, так и левой оппозиции справедливо указывали и в Думе и в Государственном Совете на то, что самый радикальный и с их точки зрения самый опасный момент законопроекта – не постановления, ускоряющие процесс роспуска мира, а устранение института семейной собственности, т. е. подворного имущества, превращение его в частную собственность домохозяина, а в некоторых случаях и других членов двора. Социолог Ковалевский, бывший в то время членом Государственного Совета, сказал даже, что мир никогда еще не видал большей аграрной революции (ст. 1211) и надо признать, что попытка Красовского отвергнуть это утверждение, заявляя, что на самом деле ведь все по-прежнему и каждый крестьянин остается на своем дворе, не убедительна. Преобразование подворного имущества в частную собственность, иными словами, замена публично-юридического права на обеспечение землей субъективным правом собственности, была глубокой реформой и тогда, когда каждый крестьянин оставался на своем дворе – и, следовательно, неизбежно влияла на правосознание крестьянства. Ведь субъективное право собственности по своей природе всегда конкретно, а тем самым ограничено. Наоборот, общественно-юридическое право на обеспечение землей является общим, а следовательно растяжимым требованием. Совершенно ясно, что этот характер права на землю вполне подходил революционному образу мышления. Если государственная власть не удовлетворяет или недостаточно (по мнению требующих) удовлетворяет этому требованию, напрашивается вывод, что ему и надо удовлетворить прямо, т. е. революционной акцией. Надо действовать на свою руку или, как сказано в русском тексте Интернационала, "своею собственной рукой" проводить в жизнь свои требования. Очевидно, если крестьяне превращаются в собственников, тем самым такие требования в отношении государства теряют всякое правовое и психологическое обоснование. Тем самым теряются и все предпосылки для революционного подхода к положению.

Тем не менее многие стояли на точке зрения, что тот или иной правовой характер крестьянского землевладения не мог ни содействовать, ни мешать развитию революционного мышления и революционных настроений и что в этом отношении важны только экономические условия. Мы видели, что Редакционная Комиссия министерства внутренних дел заняла именно такую позицию. В Государственном Совете в том же смысле высказывался самый левый, наверное, из его членов, профессор Мануйлов. Он говорил: "Я лично думаю, что форма землевладения тут не при чем, и полагаю, что ни те, которые считают, что община содействует развитию социалистических революционных идей, ни те, которые против этого возражают, – не правы, потому что... если экономическое положение высоко, то создается почва, неблагоприятная для идей, направленных к нарушению порядка... если экономическое положение населения низко, то оно будет склонно прислушиваться к идеям революционного характера, будет ли оно жить при общинном землевладении или при личном" (ст. 1378). (Вот еще один добавочный пример того, как взгляды представителей левых сил совпадали с мнениями правых). Даже если признать, что этот подход содержит некую долю правды, все же вряд ли возможно отрицать, что именно правосознание сословия в большей мере, чем экономическое положение его членов, делает его восприимчивым или не восприимчивым к революционной пропаганде, что это правосознание является источником уважения к правам других – или, наоборот, неуважения.

Убеждение это нашло себе выражение в словах первого докладчика Комиссии, Красовского. Он подчеркивал, что между принципом уравнивающих переделов в сельской общине и принципами тех социальных теорий, согласно которым каждый должен получать по потребностям, существует неразрывная связь (ст. 1269). Он был уверен, что крестьянин станет уважать чужие права, только если за ним признаны будут те же права, которыми пользуются все другие российские граждане (ст. 1265). Поэтому он приветствовал законопроект, а также легший в основу его указ от 9 ноября 1906 года,[3] который вводит в круг понятий крестьян "спасительное" понятие собственности (ст. 1264). Но прежде всего он приветствовал этот указ потому, что благодаря

ему крестьянин "из бесправного пользователя... делается полноправным собственником своего участка" (ст. 1264), а это – необходимая предпосылка для благополучия крестьянства. Если это и не всегда ведет к обогащению крестьянина, все же это обязательно означает, что он свободен. Его положение будет равно положению человека без средств в Западной Европе. Там тоже есть люди без средств, но по крайней мере у них свободны руки. Наоборот, в сельской общине люди часто без средств, завтрашний день их не обеспечен, но самое худшее – что руки их здесь связаны (ст. 1271).

Вообще сторонники законопроекта подчеркивали, что он представляет собой решение в направлении свободы.

Выполнение его не должно было быть связано с принудительными мероприятиями. Прежде всего, неправильно толкуется закон, если думают, что он принуждает к уходу из общины и заставляет крестьян принимать частную собственность. Столыпин говорил: "...я со слишком большим уважением отношусь к народному разуму, чтобы допустить, что русское крестьянство переустраивает свой земельный быт по приказу, а не по внутреннему убеждению" (ст. 1144).[4] Однако Красовский в Государственном Совете и Шидловский в Думе подчеркивали, что "...община – не учреждение частного права, а учреждение государственное" (ст. 1281). Поэтому связь с ним крестьян не может быть прервана без издания закона, который устранит его принудительный характер. Отсюда создается парадоксальное впечатление, что "всегдашние защитники личной свободы... оказываются принудителями, а голоса в защиту свободы раздаются оттуда, где обыкновенно стоят за принуждение, за принуждение сверху или за принуждение коллективное" (ст. 1278).

Далее сторонники законопроекта протестовали против приписывания ему антисоциальной тенденции, в силу которой слабый приносится в жертву сильнейшему. Делать ставку на сильных отнюдь не означает, что слабые предоставляются собственной судьбе. "Не могу не упомянуть еще о тех словах, которые были сказаны вчера... глубокоуважаемым графом Олсуфьевым, – говорил Бутлеров. – Он сделал упрек правительству, упрек в том, что правительство, издавая настоящий закон, придерживалось принци-

па отказа от покровительства слабым в пользу покровительства сильным. Мне кажется, что этот упрек совершенно неправилен. Освободить... личную инициативу... – это не значит отказать в покровительстве слабым и, во всяком случае, такое покровительство сильным не есть покровительство в ущерб слабым" (1249). Это замечание чрезвычайно важно. Так называемый отказ от покровительства слабым на самом деле означает просто отказ от того, чтобы принципиально считать слабым все крестьянство и обращаться с ним как с нуждающимся в опеке. Отныне же с крестьянином будут обращаться как со слабым лишь с того момента, как он себя таковым проявит. Но государство не будет больше опекать каждого крестьянина просто потому, что он крестьянин, связывать его и таким образом действительно превращать в слабого.[5] Столыпин тоже говорил, причем в словах его, насколько можно судить по стенографической записи, звучала нотка раздражения: "... правительство никогда и нигде не заявляло о том, что государство свободно от забот относительно слабых, относительно немощных... но они, эти слабые, не должны лежать тяжелой обузой, не должны давить, как тяжкие кандалы, на одно крестьянское сословие, на один земледельческий класс, на его инициативу, его стремление улучшить свой быт" (ст. 1601 и далее). Тем самым Столыпин давал понять, что в намерения правительства входит равномерно разделить между всеми сословиями тяжесть попечительства над социально слабыми элементами, а не нагружать им одно только крестьянство, как было до тех пор.

Далее Столыпин подчеркнул, что разрыв с существующим правом, с прежним законодательством не так радикален, как считают многие противники закона. Постановления прежних законов, преследовавшие цель помешать переходу надельных земель в руки членов других сословий, останутся по-прежнему в силе в отношении земли тех крестьян, участки которых превратятся в частную собственность. И эту землю крестьянин сможет продать только другому крестьянину, и эту землю можно заложить только в крестьянском банке, и эту землю нельзя продать для удовлетворения частных взысканий (ст. 1602 и далее). Наоборот, правительство с такой осторожностью приступило к решению этой проблемы, что его даже упрекают в "недостаточном размахе бю-

рократического творчества!" (Тут намек на речь Витте). И Дума действовала не без осторожности. Наоборот, именно Дума включила в законопроект постановление, согласно которому крестьянин в округе не может купить больше шести наделов, нормальных для данной области размеров. Это значит, что законопроект не представляет собой окончательного разрыва с традиционной идеей снабжения крестьянства землей, идеей, которую бесспорно нужно назвать социальной.

Неуверенность в том, найдется ли в Государственном Совете большинство, которое проголосует за правительственный законопроект, неоднократно заставляла Столыпина вмешиваться в спор, защищая отдельные пункты законопроекта, а также объясняя общие принципы закона. Особенно подробно он высказался в речи 15 марта 1910 года, которой он открыл дискуссию в Государственном Совете. Столыпин тут напомнил членам Государственного Совета, что указ от 9 ноября 1906 года сначала неоднократно толковался, как "акт политической растерянности", т.е. как попытка в отчаянном положении хоть что-то предпринять; а теперь, наоборот, стало ясно, что это мероприятие, направленное на укрепление частной собственности, является "результатом... продуманного, принципиального отношения правительства к тому, что происходило в то время в России" (1137). Политическая смута, по мнению Столыпина, выросла из гораздо более серьезной смуты социальной. Поэтому одни только политические мероприятия против революционной смуты должны оставаться безрезультатными. "Лишь в сочетании с социальною аграрною реформою политические реформы могли получить жизнь, силу и значение" (1138). Надо устранить первопричину смуты, "дав возможность крестьянству выйти из бедности, из невежества, из земельного нестроения" (1138). Значит, продолжал Столыпин, если хотеть правильно оценить закон от 9 ноября 1906 года, положивший основу нового социально-экономического строя для крестьянства, то надо его рассматривать "с угла зрения социального, а не политического" (1138). Этот закон представляет собой шаг в направлении равноправия крестьян со всеми другими жителями государства. Успех его объ-

ясняется в первую очередь тем, что "он неразрывно связан с величайшим актом прошлого столетия – с освобождением крестьян и составляет, быть может, последнее звено в деле раскрепощения нашего земледельческого класса" (1144). "Много у нас говорят о свободах, но глашатаи отвлеченных свобод не хотят для крестьянина самой примитивной свободы, свободы труда, свободы почина" (1142). Эту свободу обязательно надо дать крестьянству. Такой шаг бесспорно будет соответствовать внутреннему убеждению народа, внутреннему его чувству (1144). Столыпин наверное хотел этим сказать, что народ желает свободы и возможности бороться за улучшение своего существования в рамках гражданского строя и что он пытается улучшать свое положение путем коллективистской революции лишь когда ему продолжают отказывать в гражданской свободе.

Как в этой речи, так и дальнейших речах своих в Государственном Совете, Столыпин высказался против всех предложенных изменений, которые должны были служить защите сельского общества или подворного имущества. Он сказал, что все эти изменения по сути дела означали бы сохранение принципа крепостного права, в виде прикрепощения к сельскому обществу или к меньшей общине, т. е. к семейному обществу.[6] Все эти изменения неизбежно должны повести и к сохранению системы опеки, которую Столыпин также отвергал, ибо по его мнению "особое попечение, опека, исключительные права для крестьянина могут только сделать его хронически бессильным и слабым" (1142). Поэтому, по мнению Столыпина, правильное решение крестьянского вопроса, такое, которое сделает крестьянство свободным и сильным, задание не только социальное, а и национальное. Столыпин говорил: "Пока к земле не будет приложен труд самого высокого качества, т. е. труд свободный, а не принудительный, земля наша не будет в состоянии выдержать соревнование с землей наших соседей" (1604).

Можно было, конечно, придерживаться и иного мнения. Можно было – как это делали левые партии – видеть единственное решение в дополнительных наделениях землею, которую будут отбирать у помещиков. Столыпин, так же как и Витте, от-

вергал это решение. Во-первых, так же как и Витте, он считал его неудачным, во-вторых, несовместимым со свободой. Очень знаменательна в этом смысле следующая фраза Столыпина: "...закон от 9 ноября... возник в смутное время... когда свобода воспринималась как свобода насилия, когда насилие это иные считали возможным уничтожить насилием же, принудительным отчуждением владельческих земель" (1137).

Столыпин подчеркивал, что и он ни в коем случае не хочет переоценивать закон от 9 ноября, ибо бесспорно необходимы еще многие другие мероприятия для того, чтобы помочь крестьянству стать на ноги. Надо организовать мелкий сельскохозяйственный кредит и поддержку крестьянского сельского хозяйства агрономическими средствами, надо расширить и развить образование в деревне. Если всего этого не будет, то временно неизбежны и неудачи и разочарования. Однако Столыпин с глубокой убежденностью заявляет: "но я твердо верю в правильность основной мысли закона" (ст. 1144).

Изменения, предложенные историком права Сергеевичем, ничего общего не имели с критикой закона, исходившей как от правых, так и от левых. Во-первых, Сергеевич считал, что закон должен предоставить право на уход из сельского общества и на получение при этом в собственность земельного участка не только домохозяевам, но и всем членам двора. Почему крестьянин не может выступить из общины только потому, что домохозяин его двора против этого возражает? (1514). Сергеевич считал, что такое изменение желательно уже потому, что с юридической точки зрения понятие домохозяина отнюдь не является точным. Таким образом, если бы приняли предложение Сергеевича, то можно было бы избежать упоминания слова "домохозяин" в тексте закона. Сергеевич высказывался также против того, чтобы называть собственностью тот участок из надела, который дается крестьянину при уходе его из общины. Он считал, что употребление этого слова не обосновано в силу ограничений права крестьян распоряжаться такими участками. Такое "наименование может заставить думать, что они действительно настоящая собственность, чего нет" (1517). Того же мнения придерживался и Ковалевский. Наоборот, энергично возражал против него Красовский, указы-

вая на то, что и на Западе известны мероприятия, направленные на укрепление мелко-крестьянского землевладения. Связанное с этим некоторое ограничение права распоряжаться землей никак не означает, что этим отменяется собственность как таковая (1237).

Критика Витте по поводу законопроекта в известной мере напоминает эти критические высказывания представителей ученого мира. И Витте считал, что индивидуальная собственность, которая создается этим законом, не является частной собственностью в подлинном смысле этого слова, т. е. в смысле всеобщего гражданского права. Витте говорил: "Речь идет не о разрушении... общины... для водворения вместо нее действительной личной собственности, а речь идет о разрушении общины для создания таких личных крестьянских собственников, которые неизвестны в других цивилизованных странах ни исторически, ни в теории гражданского права" (1147). К этому выводу неизбежно приходишь, принимая во внимание все ограничения права собственности на землю крестьянина, выходящего из сельского общества, говорил Витте. Ведь все правовые постановления, существующие по отношению к наделам, со всеми их невыгодными последствиями, остаются в силе и распространяются и на землю этих крестьян. Прежде всего остается запрет использования этой земли для покрытия частных долгов, а это препятствует возможностям кредита и сельскохозяйственного развития таких земель, тем более, что крестьянский банк, где новые землевладельцы только и могут получать займы, закладывая свое имущество, пока недостаточно подготовлен к проведению в жизнь таких сделок (1146). Кроме того, согласно упомянутым постановлениям новые землевладельцы могут продавать свою землю только людям одного определенного сословия, у которых как раз мало средств. Наконец, соглано российскому гражданскому праву, землевладельцу принадлежат и недра земли. Новый же закон не дает собственникам права собственности на недра. И еще: во всем, что касается права наследования, разделения имущества среди членов семьи, разделения между ними доходов, по-прежнему применяется старое крестьянское обычное право, а отнюдь не общегражданское. При этом широко известно,

как трудно в России провести границу между обычным правом и произволом (1145 и далее). Наверное это и дальше так останется, поскольку для крестьян, для этих, так сказать, "полуличных собственников", по-прежнему продолжают существовать "полуадминистративные судебные установления", установленные, главным образом, ввиду существующего общинного быта великорусских губерний (1148).[7]

Витте подчеркивал: "Я бы был из числа тех, которые радостно приветствовали такой законопроект, который бы нашему крестьянству, в отношении прав личной собственности, предоставил те права, какими пользуются все полноправные верноподданные Государя Императора... Но в данном случае нет ничего подобного... Я знаю, – продолжает Витте, – что на все выраженные мною сомнения мне скажут... настоящий законопроект имеет целью обеспечить крестьянский переход от общинного землевладения к личной собственности, а все остальное разрабатывается и будет "потом". Но едва ли это возражение имеет особую силу. Все, что непосредственно касается крестьянской собственности, представляет органическое целое и требует такого же твердого и ясного обеспечения, как и собственность других классов населения... И мне кажется, что... надлежало не ограничиться формулою "назовитесь личными собственниками", но и определить с непререкаемой ясностью, в чем права этой собственности заключаются" (1147 и далее). Можно с уверенностью сказать, что в этих словах Витте проявилась вся сила его оригинального и реалистического мышления; наверное в основу его критики легла совершенно правильная идея, что все касающиеся крестьянства проблемы представляют собой единое целое, что необходимо возможно скорее дать крестьянству правовой статус, основанный на целостном начале, т. е. исключительно на правовых принципах гражданского строя, и что за первыми законами как можно скорее должны последовать другие, направленные на достижение этой цели. Тем не менее, если ограничиться рассмотрением одного только данного законопроекта, который один ведь и обсуждался, приходится сказать, что критика Витте несправедлива и даже исполнена неприязни. Стишинский был прав, возражая Витте, что "ни один министр, который бы услыхал такое воз-

ражение, что проект, им внесенный на рассмотрение Законодательных Учреждений, не удовлетворяет всех без исключения потребностей населения, такое возражение правильным признать не мог бы, и полагаю, что и граф Витте, когда он был министром финансов, не стеснился бы указать на неправильность такого возражения, если бы оно было высказано против его предложения" (1219). Даже если теоретически могло быть оправданным подождать с изданием указа от 9 ноября 1906 года и сразу издать потом ряд законов, взаимно связанных и охватывающих все стороны крестьянской проблемы, практически это оказалось бы невозможным уже потому, что с отменой выкупных платежей 1 января 1907 года статья 36 Освободительного закона должна вступить в силу, и теперь встает необходимость или отменить, временно или окончательно, эту статью, или издать указ, который содержал бы хотя бы самые нужные указания по поводу ее проведения в жизнь (1219). Наверное Витте в данном случае поддался своей хорошо известной ненависти к Столыпину, которому он никак не мог простить, что тот занял место, на которое сам Витте, вне сомнения, имел право претендовать и наверное в глубине души и претендовал. Поэтому в критике его было много личного и пристрастного, так же как в полемике кадетов против октябристов в Думе, поскольку кадеты тоже никак не могли простить октябристам, что они заняли в 3-й Думе то место, которое кадетам не удалось занять в 1-й Думе. Причем как раз Витте меньше всего приличествовало выступать с такой критикой. Красовскому нетрудно оказалось при помощи точных цитат доказать, что выработанные Витте в 1905 году основы для пересмотра крестьянского законодательства в целом соответствовали по содержанию своему и по включенным в них постановлениям столыпинскому указу от 9 ноября 1906 года. Свои комментарии он закончил ироническим вопросом: "Почему собственность по проекту графа С.Ю.Витте является полусобственностью по проекту П.А.Столыпина?" (1457).

Это опять-таки дало Витте повод подчеркнуть, что на самом деле как изданный Столыпиным указ, так и предложенный им законопроект не содержат ничего нового, поскольку все уже было выработано и подготовлено во время его, Витте,

кабинета. Тщеславию Витте мы обязаны тем, что нам известна история подготовления указа от 9 ноября 1906 года. В Государственном Совете Витте рассказал следующее: в начале 1906 года, после отмены выкупных платежей, в министерстве внутренних дел было образовано совещание под председательством управляющего земским отделом В.И.Гурко для согласования действующих крестьянских узаконений с Высочайшим Манифестом 3 ноября 1905 года. (Манифест этот отменял выкупные платежи). Результаты этого совещания рассматривались в совете министров, и те меры, которые затем в несколько более широком объеме были приведены в исполнение указом 9 ноября 1906 года, были представлены Витте, в сопровождении мемории совета министров, Государственному Совету. В Государственном Совете меры эти встретили возражения. Государственный Совет отклонил проект 21 голосом против 17,[8] под формальным предлогом, что надо сначала представить его на рассмотрение Думе, которой предстояло открыться. Витте заявил о своей готовности взять обратно проект, который он называл проектом комиссии Гурко; несомненно, сделал он это с тяжелым сердцем. Тогда совет министров постановил созвать новую комиссию, в состав которой должны были войти представители нескольких министерств, так называемую межведомственную комиссию, под председательством Главноуправляющего Землеустройством и Земледелием А.П.Никольского; комиссия эта должна была выработать проект общих оснований аграрной реформы. Однако подготовленные комиссией основания после смены министерства в 1906 году далее использованы не были и попали в архив Государственного Совета, где и обнаружил их Красовский. После того как Столыпин встал во главе правительства, Гурко назначен был заместителем министра внутренних дел. Витте по этому поводу выразился следующим образом: "Бывший председатель прежнего совещания, В.И.Гурко, имел удовлетворение, будучи товарищем министра внутренних дел, увидеть проект его осуществленным... Итак, лицом, которое более всего потрудилось над законом 9 ноября... был В.И.Гурко" (1452).

К слову сказать, небезынтересно замечание Витте по по-

воду заявления, сделанного Стишинским, которое находится и в речи заместителя министра внутренних дел Лыкошина (1242). Стишинский сказал, что при подготовке законопроекта, еще до указа 9 ноября, принимались в соображение как материалы Особого Совещания о потребностях сельскохозяйственной промышленности, так и законопроекты, разработанные Редакционной Комиссией при министерстве внутренних дел.[9]

В ответ на это Витте заявил, что такого рода утверждения приводят его в недоумение, ибо тут смешиваются две совершенно противоположные вещи: все равно как смешивать огонь и воду (1230).

Мало кто так ясно, как Витте, отдавал себе отчет в том, что крестьянская проблема представляет собой одно неделимое целое и что все ее аспекты тесно связаны между собой. Это подчеркивает Маклаков,[10] мнение которого представляется мне особенно важным потому, что он знал Витте лично и понимал его, наверное, лучше многих других. Однако, несомненно, и Столыпин и его сотрудники также были убеждены, что нельзя остановиться на законе от 14 января 1910 года, что надо издавать дальнейшие законы, чтобы превзойти правовой разрыв между крестьянством и другими сословиями, чтобы избавиться от всех пережитков крепостного строя в вопросах, касающихся крестьянства и чтобы окончательно включить правовые отношения крестьян в сферу гражданского строя, наряду с правовыми отношениями всех других сословий. Закон от 29 мая 1911 года, бывший дополнением к закону от 14 июня 1910, я уже упоминал. Приблизительно одновременно с законопроектом, при помощи которого указ от 9 ноября 1906 года должен был быть превращен в закон, Столыпин предложил Думе и законопроект, который превращал в закон указ от 5 октября 1906 года. (О содержании этого указа я уже говорил). К сожалению, Дума приступила к рассмотрению этого законопроекта только в 1916 году. В оправдание Думы можно сказать, что она могла рассматривать принятие этого законопроекта как формальность. Ведь указ от 5 октября 1906 года, не будучи Думою отвергнутым, оставался в силе и поэтому по существу уже проводилось в жизнь все самое важное касательно правового приравнения крестьян к другим жителям

Российской империи в отношении их личных прав. Но при превращении указа в закон в него, конечно, внесены были бы многочисленные важные дополнения, о чем заботился и Маклаков, назначенный Думской Комиссией в качестве ее представителя.[11] Поэтому все же надо сожалеть о том, что вследствие медлительности Думы закон не смог быть выработан до революции. Также не обсудила и не одобрила Дума Вотчинный Устав, который должен был распространяться и на крестьянские имения[12]. 28 июня 1912 года был, однако, издан закон о реформе местных судов. На практике он применялся мало, поскольку вошел в силу лишь 1 января 1914 года и лишь в десяти губерниях Южной России.[13]

Так процесс распространения на крестьян гражданского строя не был закончен, когда началась в 1914 году война, а затем в 1917 году разразилась революция. Первая мировая война страшно истощила силы России. Россия не могла вынести двойной обузы глубоких и быстро происходящих социальных преобразований и крайнего военного напряжения. Наступила глубокая психическая и духовная реакция. Все то, что в течение 150 лет достигнуто было на тяжелом, более или менее успешно пройденном пути развития России в правовое либеральное государство, сметено было революцией. Ретроградные тенденции, с одной стороны, порожденные коллективистскими традициями, традиционным правосознанием крепостного строя, а с другой – утопическими представлениями и обещаниями социалистического коллективизма, одержали верх.

Нет сомнения в том, что либерализм – идеология не сугубо национальная, в том смысле, что она не ограничена какой-нибудь одной нацией. Но в каждой стране либерализму выпадает на долю особое задание. В России этим главным заданием было превзойти старомосковский принцип верховной собственности государства на землю. Либерализм в России потерпел поражение именно потому, что не удалось вовремя это осуществить.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 8

1. Государственный Совет. Стеногр. отчет 1909-1910, 5 сессия, ст. 1180.
2. Олсуфьев тут очевидно подразумевает, что нельзя же будет дать евреям равноправие, поскольку они – эксплуататоры, т. е. более сильные, в то время как рабочее законодательство по сути своей построено на принципе защиты слабых.
3. Красовский говорит: "На первый взгляд может показаться... что от указа 9 ноября не осталось камня на камне, до такой степени многочисленны изменения и добавления, сделанные Государственною Думою и Комиссиею Государственного Совета... Но... легко убедиться, что главные его основы и положения сохранились без изменения" (1133).
4. Стишинский при Плеве, когда Редакционная Комиссия министерства внутренних дел вырабатывала крестьянские законы, основанные на антилиберальных принципах, был еще одним из самых убежденных сторонников сельской общины и особенно подворного имущества; и теперь он поддерживал законопроект лишь с оговорками, тем не менее он должен был признать, что стремление крестьян выходить из сельских общин основано было далеко не только на желании избавиться от бремени круговой поруки (как он раньше думал), а на стихийном тяготении к частной собственности (1126 и далее).
5. Почему обязательно надо считать крестьян слабыми и нуждающимися в опеке? Недостаточно ли ясно говорил против такого подхода уже тот факт, что "...независимо от надельной земли за пятидесятилетний период после освобождения русское крестьянство успело купить 24000000 десятин?" (Из доклада Красовского, 1239).
6. Столыпин подчеркивает, что семейная собственность несет с собой два неблагоприятных обстоятельства: 1. каждый член семьи, даже такой, который много лет прожил в городе, имеет право в любую минуту требовать, чтобы его приняли в состав двора; 2. каждый член семьи при делении двора может требовать, чтобы ему выдали не сумму денег, соответствующую стоимости его части надела, а участок земли, а это иногда очень тяжело отражается на экономическом положении двора (1624). Кроме того, когда формы отчуждения крестьянских землевладений будут при-

равнены к формам отчуждения землевладений всех других российских жителей, иными словами, будет совершаться при помощи нотариуса, сохранение семейной собственности неизбежно поведет к бесконечным затруднениям. "Ни один нотариус не решится, – говорит Столыпин, – совершить акт на отчуждение участка по заявлению одного только домохозяина..." (1625), зная при этом, что речь идет не о личной собственности, а о коллективном семейном имуществе. Таким образом крестьянин на самом деле не сможет пользоваться теоретически признанным за ним правом распоряжаться своей землей.

7. Вообще Витте подчеркивал, что большая ошибка – не учитывать местных особенностей и хотеть найти единое схематическое решение для всего огромного государства.

8. Цифры я беру у Штэлина, т. 4,2 стр.855; он же в свое время заимствовал их у Половцева.

9. И Гурко в своих воспоминаниях, написанных в эмиграции в Париже, утверждает, что подготовление пересмотра крестьянского законодательства, которое он проводил по велению Плеве в качестве начальника Крестьянского Отдела, послужило основой для столыпинского указа от 9 ноября 1906 года (ук. соч., стр. 131). По мнению Гурко, это оказалось возможным потому, что он уже тогда, т. е. в 1902 году, думал об отмене сельской общины (стр. 157) и добился включения в законопроект постановления, согласно которому крестьянин мог выходить из общины и требовать от нее, чтобы его часть надельной земли предоставлена была ему как единый участок. Он утверждает, что тогда обосновал это постановление чисто технически-аграрными соображениями только для того, чтобы не вызывать ненужного и возможно непреодолимого сопротивления этому мероприятию. Поскольку все мною упомянутые проекты, подготовленные министерством внутренних дел, в целом направлены были не на борьбу с общиной, а наоборот, на ее защиту и охрану, надо предполагать, что подлинная цель этих пояснений Гурко – доказать, что он всегда был последователен в своем подходе к этим вопросам и что его участие в разработке указа 9 ноября 1906 года никак не означало отказа от прежних позиций. Как бы там ни было на самом деле, а по этому пункту надо признать, что Витте бесспорно прав. Указ 9 ноября 1906 года генетически связан не с работами крестьянского отдела министерства внутренних дел, а с материалами, которые собрало Особое Совещание под председатель-

ством Витте.

10. Маклаков. Первая Государственная Дума. Париж, 1939, стр.139.
11. Маклаков, там же, стр. 140 и далее.
12. Ц. фон Дитце. Столыпинская аграрная реформа и сельская община. Лейпциг и Берлин, 1920, стр. 71.
13. Ц. фон Дитце, там же, стр. 71.

ЧАСТЬ III

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ

1856 – 1914

Глава 1

ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ И ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА ПРИ АЛЕКСАНДРЕ II

Определение политической свободы. – Самоуправление как форма децентрализации суверенитета. – Идеи, легшие в основу создания земства в 1864 году. – Конституционные тенденции до 1864 года. – Грановский. – Распространенное в первые годы царствования Александра II осуждение бюрократизации всех сфер жизни. – Главные черты организации земства после закона 1864 года (закон о земстве 1890 года). – Земство как очаг либеральных тенденций и первые высказывания земских съездов в конституционном смысле. – Конституционные заявления дворянских собраний. – Оживление конституционных тенденций после войны 1877-1878 годов. – Распространение нигилизма и революционного террора и вызванная ими растерянность правительства. – Попытки правительства сблизиться с умеренными кругами общественности. – Проект Государственного Секретаря Перетца. – Проект Лорис-Меликова. – Рассмотрение этого проекта совещанием под председательством Александра III, 8 марта 1881 года: доводы за и против.

По мнению Ориу, проблема политической свободы совпадает с проблемой децентрализации суверенитета.[1] Следовательно, политическая свобода – это свобода гражданина, которой он пользуется благодаря разделению власти, основанному на конституции. Важно отдать себе отчет в различии между свободой политической и свободой гражданской. Правда, политическая свобода является продолжением или продлением свободы гражданской, однако между этими двумя видами свободы существует принципиаль-

ное различие. Ориу пишет: "Свобода гражданская и свобода политическая отличаются друг от друга тем, что нет никакой связи между первой и децентрализацией суверенитета; гражданская свобода даже вполне значительная, совместима с сильно централизованным административным режимом, промышленность и торговля могут процветать, население может посвящать себя мирной семейной жизни и беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Под властью хорошего тирана гражданская свобода может быть достаточна для благоденствия народа, хотя бы некоторое время, до тех пор, пока административный режим не слишком разовьется и не начнет угрожать самой гражданской жизни. Наоборот, политическая свобода немыслима без децентрализации и без деления суверенитета, она направлена как раз против той опасной централизации власти, которую несет с собой административный режим".[2]

В той мере, в какой ядро проблемы политической свободы есть превозможение, при помощи децентрализации суверенитета, той концентрации и централизации государственной власти, которые сопровождают развитие административного режима, – надо признать, что "децентрализация суверенитета и административная децентрализация представляют собой аспекты одного и того же конституционного течения".[3] Ориу пишет далее: "Совершенно неправилен такой подход, когда в административной децентрализации видят реформу, которую может провести в жизнь административный режим сам по себе; реформа эта не административного происхождения, администрация, предоставленная сама себе, может только централизовать; реформа эта конституционного происхождения, она связана со всем конституционным течением вообще".[4] Административная децентрализация может либо предшествовать, либо следовать за конституционной децентрализацией суверенитета; так, во Франции в течение XIX века, один раз административная децентрализация последовала за конституционной реформой, а другой раз, напротив, она ее предварила.[5]

В России административная децентрализация, т. е. создание органов самоуправления, земства, в 1864 году, на несколько десятилетий предшествовала конституции. При этом инициаторы реформы совсем не отдавали себе отчета в том, что речь идет о ре-

форме, посредством которой в российскую почву сажается зародыш конституционного строя. (Как я изложу дальше, лишь в 80-е годы Победоносцев начал это подозревать, и лишь в конце века и начале нового столетия Витте откровенно указал на несовместимость самоуправления с самодержавием).

Наоборот, существовала уверенность, что тут создаются организации, направленные исключительно на удовлетворение местных экономических интересов и что они поэтому носят скорее частный, чем государственный характер. В своих воспоминаниях Мещерский отмечает: "Валуев исходил из мысли, что, создавая в губерниях целую область земских, т. е. хозяйственных забот, он этим давал умам сферу деятельности, которая могла бы их оживлять, занять и отвлечь от политических мечтаний в общей, так сказать, сфере".[6] Это значит, что Валуев считал учреждение органов самоуправления прямо-таки противовесом конституционным стремлениям.

В те времена конституционные идеи играли лишь второстепенную роль. Вообще преобладало стремление к либеральному абсолютизму. Считали необходимым, чтобы самодержавная власть приняла либеральную программу и последовательно проводила ее в жизнь. Однако тот же самый Валуев в 1863 году, т. е. тогда, когда он, по выражению Мещерского, разрабатывал Земское Положение "сообща с кабинетными либералами-доктринерами",[7] подготовил план, согласно которому избранные представители Земских Съездов должны были привлекаться к подготовлению законопроектов.[8] (Этот проект шел, значит, дальше, чем известный проект Лорис-Меликова 1881 года, о котором скоро пойдет здесь речь).

Наверное тогда же идея народного представительства в некоторой мере подсказывалась еще тем, что представители губернских комитетов, созданных в связи с подготовлением освобождения крестьян, приглашены были в Петербург. Но еще более содействовало возникновению конституционных тенденций всеобщее ощущение, что началась эпоха реформ.

Что касается источников таких конституционных тенденций, в той мере, в какой они вообще были налицо до 1864 года, т. е. до создания земских учреждений, нелегко сказать, вытекали ли

они из воспоминаний о конституционных стермлениях при Александре I или же источники эти были чисто западно-европейскими. Тут надо отметить еще следующее: умерший в 1855 году, т. е. вскоре после кончины Николая I, Грановский, которого надо считать главным представителем либерального мышления в царствование Николая, не высказывался прямо по вопросу конституции (ведь то было время, когда об этом нельзя было говорить). Поэтому мало вероятно, чтобы конституционалисты шестидесятых годов – даже те из них, которые принадлежали к самому узкому кругу его учеников, как например Чичерин, – своими конституционными идеями обязаны были влиянию Грановского.

Поскольку я назвал имя одного только Грановского, я считаю уместным прервать изложение истории политической свободы для того, чтобы остановиться на этом историке и мыслителе, принадлежавшем к тем немногим, которые в царствование Николая I стояли на точке зрения, отражающей сущность либерализма.

Грановский считал, что конечная цель исторического развития – создание нравственной и образованной человеческой личности, а также создание общества соответствующего потребностям такой личности.[9] Поэтому он решительно осуждал принесение жизни в жертву каким-либо абстрактным идеалам. В своих лекциях он говорил: "Идеи не суть индийские божества, которых возят в торжественных процессиях и которые давят поклонников своих, суеверно бросающихся под их колесницы".[10] По его мнению, славянофилы приносили подлинную Россию в жертву абстрактному, ими самими созданному образу России. Он упрекал славянофилов в том, что они любят не живую Русь, а ветхий призрак, вызванный ими из могилы, и нечестиво преклоняются перед кумиром, созданным их праздным воображением.[11] В 1848 году он с величайшим внутренним напряжением следил за развитием событий на Западе. Однако он с озабоченностью думал о том, что, "может быть, торжество масс будет гибелью лучших плодов цивилизации... Победа пролетариев не сгубит ли современную цивилизацию, как вторжение варваров сгубило древнюю?"[12] Социализм представлялся Грановскому приемлемым лишь как общая гуманитарная тенденция. Конкретные планы социализма он находил несостоятельными, а социалистический фанатизм и проповедуе-

мую им классовую ненависть считал достойными презрения. Он решительно осуждал просоциалистические высказывания Герцена, сделанные им в книге "С того берега". Грановский писал одному из своих друзей, что он горит желанием ответить Герцену в собственном своем журнале.[13] После 1848 года он стал думать, что выполнение его надежд возможно лишь в далеком будущем. В настоящем он симпатизировал только Англии, которая единственная оставалась неизменной среди европейской смуты.

Я сказал выше, что Грановского надо считать главным представителем либеральных идей в эпоху Николая I. Однако надо оговориться, что и другие преподаватели высших учебных заведений использовали для своих лекций труды представителей либерализма и рекомендовали их своим ученикам. Так профессор административного права Лешков обращал внимание своего студента Чичерина на произведения Моля, а Вернадский, профессор экономики, советовал ему читать Бастиаса, Экономическую Гармонию.[14] Предшественник Вернадского, Чевилев, строго придерживался системы Адама Смита.[15]

Как уже упоминалось, в основу начавших свою деятельность в 1864 году органов земского самоуправления легла не идея децентрализации государственного суверенитета или, иными словами, разделения власти, а концепция, которая резко противополагает общество государству. Из этой концепции вытекало заключение, что вмешательство государства в общественную сферу представляет собой весьма нездоровое явление. Считали естественным, что те задания, которые возникают из жизни общества, и решаться должны силами общества, а не бюрократией. В своей влиятельной тогда газете "Московские Ведомости" Катков пишет: "Жизнь наша полна была гнилых плодов и злоупотреблений. Причиной тому был, конечно, не излишек самостоятельного развития различных жизненных сил, а наоборот подавление их всех одной единственной. Наука? – Не было науки, на месте ее была бюрократия. Право частной собственности? – Его не было, на месте его господствовала бюрократия. Закон и суд? – Суда не было, на месте его была бюрократия. Даже церковь была бюрократизирована. Бюрократия имеет свою сферу, в которой она бесспорно может действовать, принося большую пользу. Но там, где она

становится на место других сил, она не создает ничего, кроме призраков и вредных явлений. Так например, – пишет дальше Катков, – наука может процветать лишь там, где она почитаема и пользуется независимостью и самостоятельностью". Кроме того, "стало ясно, что наша литература распространяет вредные (революционные) идеи. Это опять-таки не было последствием излишка независимости и свободы, а исключительно последствием опеки со стороны бюрократии". По мнению Каткова, опека эта не допускала развития самостоятельных и здоровых сил и таким образом косвенно способствовала развитию революционной литературы. Поэтому вполне естественно, что Катков приветствовал введение самоуправления, т. е. "учреждений, независимых от администрации, призвание здоровых и надежных сил к жизни и деятельности". Чичерин также считал необходимым расширение самостоятельной сферы деятельности общественных сил. По его мнению, "вмешательство государства нужно только там, где частная и общественная деятельность оказываются недостаточными".[16] Но не только представители общественности считали бюрократизацию злом. Такие типичные представители бюрократического мира, как например Валуев, четко видели недостатки бюрократической гипертрофии. В своем дневнике, озаглавленном "Думы русского", Валуев жалуется, что "везде преобладает у нас стремление сеять добро силою. Везде пренебрежение и нелюбовь к мысли, движущейся без особого на то приказания".[17]

Однако Катков сознавал, что с созданием самоуправления сделан будет хотя и скромный, но все же шаг в направлении осуществления принципа деления власти в государстве. Это ясно из следующих размышлений в Московских Ведомостях (1864 год, №13), где он пишет: "...Принцип невмешательства государства не есть нечто чуждое правительству, противоречащее ему, ограничивающее его или уменьшающее. Наоборот, этот принцип является воплощенной правительственной мудростью. В развитии этого принципа и состоит весь прогресс как правительства, так и общества". По его мнению, только таким путем и можно достичь оздоровления прогресса в России. "Наш российский прогресс, – пишет Катков, – со времен Петра Великого неудержим... и бесплоден... Одно новшество следует за другим, и все приходит извне... Мы

все начинаем так, как будто у нас нет прошлого". А это – последствие того, что "в России никогда не было равновесия между силами действия и движения и консервативными силами сопротивления, того равновесия, которое могло бы сделать развитие безопасным и плодовитым", что, в свою очередь, вызвано было тем, что в России решающая роль всегда была за государством. [18] Катков пишет: "В России народ и общественные силы всегда действовали консервативно. Они сопротивлялись опасности потери жизнью тех основ, без которых любое движение бессмысленно". Наоборот, "государство в течение всей русской истории являлось силой разлагающей, двигающей и нарушающей обычаи". По мнению Каткова, это несуществующее пока равновесие должно быть установлено с созданием самоуправления. Он пишет: "Консервативные силы общественности должны иметь возможность оказывать свое умеренное влияние на государственную власть. Живые общественные силы должны быть введены в государственную организацию". Говоря о введении общественных сил в государственную организацию, Катков очевидно видит в создании самоуправления некоторый вид разделения власти, принятие самим государством принципа равновесия.

Как уже было сказано, стремление к самостоятельности общественных сил воплотилось в созданных в 1864 году органах земского самоуправления. Земские учреждения возникали вследствие свободных выборов. В основе избирательной системы не было единого принципа. Избиратели делились на три разряда. Разряд крестьян определялся по принципу сословному, в то время как все другие деревенские жители (помещики) и горожане объединялись по принципу имущественного ценза. Но и эти группы, хотя формально и не носили сословного характера,[19] на самом деле были довольно однородного сословного состава. Помещики в большинстве случаев были дворяне, а горожане – купцы, предприниматели и т.п. К первому разряду принадлежали помещики, владевшие имениями от 200 до 800 десятин, стоимостью в 15000 рублей; горожане же должны были иметь недвижимое имущество ценностью в тысячу до трех тысяч рублей (в зависимости от величины данного города) или дело с оборотом по крайней мере в 6000 рублей.[20] Они избирали "гласных", т. е. членов окруж-

ных земских собраний. Считалось желательным, чтобы число представителей одного разряда избирателей не превышало сильно число представителей других групп. Законом было постановлено, что число представителей одной из групп избирателей не может превышать общей суммы представителей других двух. Таким образом, от одного разряда можно было избрать менее чем 50% общего числа земских представителей. Избирали их на три года. Они составляли всесословное земское собрание округа. Члены губернского земского собрания избирались уездными собраниями. Затем выбирали исполнительные органы, управы, которые в уездах состояли из трех лиц, в губерниях из семи. Выборы эти всегда происходили в столице губернии.

Органам земства широко предоставлялось право получать от населения обязательные взносы, носившие название сборов. Это было нечто вроде особого налога. Размеры этих сумм устанавливались в зависимости от ценности имущества или от величины дохода. Органы земства пользовались значительной независимостью по отношению к государству. Государство в основном ограничивалось контролем. Только губернатор мог наложить вето на постановления собрания. В таком случае все дело должно было вернуться к земству. Но земство могло вынести снова то же самое постановление (в случае, если оно не согласно было с возражениями губернатора) и представить его на одобрение Сенату, который и был последней инстанцией. Министерство внутренних дел тоже, правда, располагало правом вето, но окончательного права решения за ним тоже не было. И в случае наложенного вето окончательное решение принимал опять-таки Сенат, только до вынесения его решения постановление земства, хоть и вынесенное повторно, не могло осуществляться. Кроме того были некоторые земские постановления, для которых с самого начала необходимо было утверждение губернатора или министерства внутренних дел. Если утверждения этого не было, а земство настаивало на своем постановлении, то процедура была та же самая, как и в случае вето.

Земства не располагали властью исполнительной. Если они хотели силой провести в жизнь какое-либо мероприятие, им надо было обращаться к органам полиции и требовать от них выпол-

нения данного мероприятия. Но они не могли приказать органам полиции проводить в жизнь их мероприятия, именно потому, что земство хотели рассматривать как учреждение частное, т. е. общественное, а не государственное, – ему надлежит заниматься лишь экономическими вопросами. При этом оставлялся без внимания тот факт, что органы самоуправления выполняли также и нормальные административные функции, что им предоставлена была значительная административная власть и что, следовательно, недостаток исполнительных полномочий неизбежно должен был вызвать затруднения. Впрочем как раз тогда не только в России, а и в Западной Европе подвергалась сильной критике экономическая теория самоуправления; так например, в Германии критиковал ее Гнейст. Он развил государственную теорию самоуправления, в которой он доказал, что самоуправление выполняет государственные функции и что, следовательно, необходимо теснее связать его с государственным аппаратом. По этому пути и пошли дальше в Германии. Здесь Совет земель был представителем государственной власти, а окружные депутаты были представителями населения, т. е. общественности. При выполнении функций местного управления, таким образом, осуществлялось сотрудничество обоих элементов, что, по правде, надо назвать удачным решением проблемы сотрудничества населения с бюрократией. Французское самоуправление было сходно с немецким: окружной совет имел в основном контрольные задания, рядом с префектом, который был представителем правительства. В Англии, напротив, полиция подчинялась органам самоуправления. В России считали, что надо избрать один из этих двух путей – немецкий и французский или же английский.

В связи с этими соображениями, с одной стороны, а с другой – из-за стремления Александра III вновь утвердить сословный принцип, в 1890 году имела место реформа самоуправления.[21] Влияние дворянства внутри земства очень усилилось, а избранные представители крестьянства по сути дела заменены были полуизбранными, причем число их было уменьшено. Волостные представители могли теперь избирать только кандидатов, из среды которых потом назначались окружные земские гласные. Кроме того отпало определение органов самоуправления как экономических

учреждений, и таким образом Россия стала на путь государственной теории. Делались попытки связать земства с общими административными органами, причем само по себе это было вполне здоровой попыткой. Для того чтобы придать этой связи конкретную форму, найдена была привычная в России форма "присутствия", т. е. Комитета под председательством губернатора и при участии губернского предводителя дворянства, вице-губернатора, государственного прокурора, главы финансового ведомства, председателя губернской земской управы и, кроме того, одного члена управы, которому поручалось ведение текущих дел. В ряде случаев решение земства должно было быть утверждено Присутствием. Таким образом, однако, сильно увеличивался престиж этих решений и в каком-то смысле их и рассматривали как решения государственной власти. Кроме того, земству предоставлена была власть издавать обязательные постановления касательно местных дел.

Еще до этой реформы в 1890 году по существу с самого начала своего существования, земства были теми местами, где прогрессивные силы пытались организоваться и начинали работать на либеральное развитие России. Эти элементы ни в коем случае нельзя назвать революционными. Наоборот, это были либералы консервативных тенденций, сторонники постепенного развития России в либеральном направлении, и многие из них как раз очень сдержанно относились к возможности введения конституции в России. Реформа девяностых годов тоже не изменила дух земства, в нем и дальше сохранялись либеральные прогрессивные тенденции. Это объясняется тем, что в рядах земства либеральные течения всегда представлены были дворянами, а поскольку новый закон увеличил как раз участие дворянства в земстве, он никак не мог превозмочь прогрессивных идей и настроений, подавить дух независимости и заглушить преобладавшие среди земства либеральные тенденции. Правительство могло теперь рассчитывать лишь на назначенных им самим представителей крестьянства как на верную себе опору в рядах земства, но эти представители были небольшим меньшинством и не пользовались вообще никаким влиянием. Дальше надо сказать, что не только эти либеральные тенденции, а и вся вообще работа земства и само его суще-

ствование должны рассматриваться как преддверие конституционного строя.

В той мере, в какой самоуправление, одна из форм децентрализации, зиждется на тех же принципах, что и конституционный строй и одухотворено тем же духом, не удивительно, что некоторые земские собрания уже в первые годы после создания земства высказывались по сути дела в пользу конституционного строя. Уже в декабре 1865 года петербургское губернское земское собрание постановило единогласно обратиться к правительству с ходатайством об учреждении центрального земского собрания. Можно было полагать, что это желание вряд ли имеет что-либо общее с конституционными стремлениями. Но нельзя упускать из вида, что со временем из этого центрального органа могло развиться центральное представительство всех земских собраний, а это означало бы возникновение зародыша парламента. В 1867 году то же петербургское собрание высказалось прямо за участие земства в законодательной работе.[22] Все подобные течения в земстве не могли развиваться потому, что правительство вскоре решило им противодействовать и распустить петербургское губернское собрание. Однако в самом правительстве многие считали это мероприятие чрезвычайно резким и относились к нему с озабоченностью. Мещерский рассказывает, что он посетил Валуева как раз в тот день, когда должно было быть распущено земское собрание, с целью получить от него по этому вопросу информацию. Валуев принял его, однако сказал: "Как вы хотите, чтобы у министра внутренних дел хватало времени Вам отвечать в то время, когда речь идет о закрытии земского собрания".

Не только в некоторых земских собраниях проявлялись конституционные тенденции, были и дворянские собрания, которые высказывались в конституционном смысле, особенно в Петербурге и Москве. Мещерский пишет: "...Как в Петербурге, так и в Москве к концу года стали обнаруживаться известные брожения умов в известных дворянских кружках, направленные к тому, чтобы от местного или губернского земства перейти к земству центральному".[23] В Москве, где эти течения проявлялись особенно ясно,[24] в январе 1865 года подана была петиция царю, в которой указывалось на необходимость установить центральное зем-

ское представительство, так же как и особое центральное представительство дворянства. Александр II резко отреагировал на эту петицию. В рескрипте министру внутренних дел он указал, что дворянство не уполномочено брать на себя инициативу касательно реформ. Такие конституционные тенденции Мещерский объяснил тем, что дворянство ищет компенсации за потерю крепостных путем расширения своего политического влияния.[25] По-видимому, и Чичерин тоже склонялся к такому толкованию.[26] Мне же это объяснение представляется не очень верным. В основе конституционных стремлений тех лет бесспорно лежала вообще вся атмосфера обновления, возникшая вследствие нескольких чрезвычайно глубоких реформ.

Вышеупомянутый рескрипт на долгое время остановил все конституционные течения. Позже, в шестидесятые и семидесятые годы, временами всплывала идея созвать всероссийское земское собрание, или идея создать центральный Земский Союз, однако обе эти идеи были правительством отвергнуты. В земских собраниях давно уже не проявлялись прямо конституционные тенденции. Неправильно было бы, однако, объяснять такое уменьшение конституционных тенденций исключительно давлением сверху. В то время очень многие представители русской общественности не верили в возможность конституции в России. Даже по мнению такого последовательного и убежденного сторонника конституционного строя, как Чичерин, в России тогда не было еще необходимых предпосылок, чтобы перейти от абсолютизма к конституции.

Чичерин был убежден в том, что конституционная монархия – наилучшая форма правления и что каждый цивилизованный народ неизбежно стремится к представительной системе.[27] Он подчеркивал, что конституционная система прежде всего имеет то преимущество, что при ней есть оппозиция, которая может беспрепятственно критиковать и таким образом содействует освещению оборотной стороны любой проблемы. Наоборот, при абсолютизме общественность молчит. Из этого вытекает необходимость, чтобы неизбежную отрицательную информацию доводили до сведения монарха те люди, которым поручены правительственные функции. Чичерин пишет дальше: "Вследствие этого правительство составляется из противоречивых элементов, которые ведут между

собою глухую борьбу, и сама верховная власть их в этом поддерживает, видя в этом гарантию своей независимости".[28] Чичерин считает очевидным, что таким образом правительство теряет необходимое единство, силы расточаются даром и теряется вера в свое дело. И хотя конституционная монархия как таковая и есть без сомнения наилучшее правительство, говорит Чичерин, однако нельзя утверждать, что при любых условиях возможен и желателен переход к конституционному строю. Чтобы сделать такой переход возможным, необходимы определенные условия. Именно для изучения этих условий Чичерин и написал большое произведение "О народном представительстве".

На основании своих исследований Чичерин пришел к заключению, что в России нет еще нужных условий для перехода к конституционному режиму. Он сформулировал это убеждение свое в записке,[29] от издания которой отказался под влиянием Милютина, который настаивал, что даже если все им написанное в Записке – чистая правда, тем не менее крайне нежелательно, чтобы из либеральных кругов исходили антиконституционные высказывания. Чичерин пришел к выводу, что с точки зрения консервативного либерализма [30] Россия в то время, т. е. в шестидесятые годы, нуждалась прежде всего в либеральных мероприятиях и в сильной государственной власти.[31] Поскольку он считал, что правительство прежде всего должно сосредоточиться на освобождении крестьян, это означает, что он тогда – несмотря на все свои теоретические симпатии к конституционному строю – полностью стал на точку зрения либерального абсолютизма.[32] Переход к конституционному строю Чичерин считал не только несвоевременным, но даже просто невозможным до окончания освобождения крестьян. "О перемене образа правления никто в это время не думал, – пишет Чичерин. – Все понимали, что при крепостном праве и при вековом принижении общества – это дело несбыточное. Одно, чего мы жаждали... это свободы умственной и гражданской".[34]

Лишь после войны 1877-1878 годов конституционные тенденции стали вновь входить в силу. Казалось абсурдом, что воевали за свободу болгарского народа и в новооснованном болгарском государстве учредили конституционный строй, а русскому народу-освободителю отказывали в свободах, которые гарантировал

болгарам конституционный режим. Это было особо подчеркнуто в петиции тверского земского собрания.[35]

После войны, потребовавшей от России больших жертв, общее положение в стране сильно тревожило правительство, особенно в силу распространения нигилизма и террористической деятельности. Естественно было задать себе вопрос — что же означает расширение нигилизма и все новые вспышки революционного террора после проведения в жизнь либеральных реформ? Правительство очевидно не отдавало себе ясно отчета в том, что же надо делать дальше. Стоял вопрос о том, каких государственных принципов предерживаться, какую политическую линию избрать, на каких педагогических и научных принципах строить народное просвещение, чтобы помешать расширению нигилизма и революционных тенденций. Так случилось, что представители правительства стали рассматривать государственные и даже культурные проблемы с точки зрения абсолютно не адекватной, с которой просто нельзя было найти правильного решения этих проблем. Вследствие этого правительство оказалось не в состоянии последовательно проводить в жизнь либеральный курс и вообще оно почти не могло придерживаться постоянной политической линии.[36] Из этого ясно, что революционное движение было гораздо более опасным для продолжения либеральных реформ, чем влияние реакционных кругов. Конечно, революционеры и их идеи не могли оказывать прямого влияния на правительство. Но их выступления и в первую очередь террор вызывали в правительственных кругах подлинное смятение и удерживали их от проведения в жизнь либеральных реформ. Ведь надо учесть, что сопротивление сторонников старого порядка не могло быть действенным, если бы сам император твердо стоял на продолжении либеральных реформ. Люди эти были сторонниками абсолютизма, первым и главным принципом их было безусловное подчинение воле монарха, выполнение его указаний без всяких возражений. Министр юстиции Панин особенно четко выразил эту концепцию, заявляя Великому Князю Константину Николаевичу: "У меня есть убеждения, сильные убеждения. Напрасно иногда думают противное. Но по долгу верноподданнической присяги я считаю себя обязанным прежде всего узнать взгляд Государя Императора. Если я каким-либо

путем, прямо или косвенно, удостоверюсь, что Государь смотрит на дело иначе, чем я, – я долгом считаю тотчас отступить от своих убеждений и действовать даже совершенно наперекор с тою или даже большею энергией, как если бы я руководствовался моими собственными убеждениями".[37] Надо сказать, однако, что тогда уже были среди высоких сановников люди, осуждавшие такую точку зрения. Так, адмирал Грейг на это сказал, что "это самая откровенная защита подлости, какую я когда-либо слышал".[38] Но я отнюдь не считаю справедливым оценивать позицию Панина как подлость. Ведь если так рассуждать, то подлыми окажутся все члены какой-либо партии, которые считают своим долгом ради партийной дисциплины голосовать в парламенте против своих убеждений.

Может быть именно вследствие этого чувства неуверенности правительство испытывало потребность искать сближения с умеренными элементами общественности. 20 ноября 1878 года Александр II в Москве обратился к представителям сословий с просьбой поддержать правительство в борьбе с ложными учениями, которые сеют смущение среди молодежи, потому что это – необходимая предпосылка для мирного и законного дальнейшего развития России.[39] В правительственных кругах начали подумывать о том, чтобы привлекать представителей земства и городских самоуправлений к обсуждению законопроектов хотя бы в тех случаях, когда необходимо "пристальное внимание к местным потребностям".

По поручению Великого Князя Константина Николаевича, Государственный секретарь Перетц летом 1880 года подготовил проект, по которому к Государственному Совету должно было быть присоединено собрание представителей, избранных губернскими земскими собраниями и городскими думами. Собрание это, разумеется, должно было иметь характер исключительно совещательный.[40] Этот проект несколько месяцев спустя лег в основу проекта Лорис-Меликова. Проект Лорис-Меликова предусматривал учреждение так называемых подготовительных комиссий, наверное по образцу редакционных комиссий, которые подготовили освободительные законы 19 февраля 1861 года. Комиссии эти должны были состоять из назначенных членов. Кроме то-

го, однако, предусматривалось создание всеобщей комиссии, которая должна была еще раз дополнительно обсуждать законопроекты, представленные подготовительными комиссиями; в состав ее должны были входить, наряду с назначенными правительством членами из состава подготовительных комиссий, еще и члены избранные, представители губернских земских собраний и городских дум. Комиссия эта должна была иметь чисто совещательные функции. Рассмотренные ею законопроекты должны были передаваться Государственному Совету, который, впрочем, тоже имел лишь совещательные функции. Ясно, что создание такой комиссии никоим образом не уменьшало значения и полномочий Государственного Совета.[41]

17 февраля 1881 года Александр II приказал министру внутренних дел – т. е. самому Лорис-Меликову – подготовить правительственное сообщение, соответствующее этому законопроекту, с объявлением о создании вышеупомянутых комиссий. Проект такого сообщения был подготовлен, и 1 марта в 12.30 дня он был одобрен царем, причем Александр II высказал пожелание, чтобы еще до опубликования проект сообщен был комитету министров во время заседания, назначенного на 4 марта. Два часа спустя Александр II пал жертвой террористического покушения. После его смерти Александр III под влиянием Победоносцева решил еще раз пересмотреть всю проблему. С этой целью созвано было 8 марта 1881 года совещание, в котором приняли участие великие князья, министры и представители Государственного Совета.

Мы располагаем подробным отчетом об этом совещании, находящемся в дневнике Перетца,[42] который заканчивает свои заметки словами, что он льстит себя надеждою, что изложение его почти фотографически верно. И в самом деле, изложение его подтверждается краткими заметками, которые мы находим в дневнике Валуева, тоже принимавшего участие в заседании.[43]

Во время совещания против проекта Лорис-Меликова высказались старый граф Строганов (ему было 86 лет), министр почты (бывший министр внутренних дел) Маков и Оберпрокурор Святейшего Синода Победоносцев. Все они указывали на то, что утверждение законопроекта будет означать переход России к конституционному строю или, во всяком случае, первый шаг по на-

правлению к конституции. Граф Строганов указал на необузданность прессы и заявил, что проведение в жизнь предложенного плана помешает правительству в его борьбе с эксцессами прессы. Маков тоже считал, что реформа не содействует укреплению государственной власти. А только укрепление этой власти, говорил он, может помочь справиться с революционными беспорядками, что в данных условиях бесспорно является самой необходимой задачей. Дальше всех зашел в своих критических высказываниях Победоносцев. Он подчеркнул, что проект Лорис-Меликова есть первый решительный шаг на пути к конституции. При этом, как доказывает западный опыт, конституция не представляет собой ничего иного, как орудие несправедливости и всевозможных интриг. При этом Победоносцев по сути отверг и осудил всю возникшую при Александре II систему либерального абсолютизма. Все учреждения, возникшие вследствие законодательства эпохи реформ, земство и городские думы, новый суд и свободную прессу, он назвал говорильнями, чуждыми и не нужными народу. Особенно организацию самоуправления он считал клином, вбитым между народом и царем. А как раз связь между народом и царем он считал бесценным благом, которое всячески надо охранять. Для этого надо прежде всего препятствовать подпадению народа под влияние интеллигенции, которая утеряла связь с народной традицией. Наоборот, говорил он, интеллигенция многому может научиться у народа, который есть настоящий хранитель традиционных добродетелей и добрых качеств. Победоносцев подчеркивал, что первое задание правительства – заботиться о народе: поддерживать его в борьбе против тяжкой материальной нужды и заботиться о нравственном его благе. Таким образом вся идеология попечительства проявилась тут откровенно и страстно.

Сольский, Д.Милютин, Валуев, высказывавшиеся за проект, указывали, что речь идет не о конституции, а о привлечении к делу опытных людей из провинции, которым не дано будет законодательной власти, а лишь право совещательного голоса, то есть что все задание их будет состоять в рассмотрении и оценке законопроектов, подготовленных правительственными комиссиями. Милютин указал на то, что такого рода процедура не представляет собой ничего неизвестного, а весь законопроект направлен на

то, чтобы более точно отрегулировать давно уже на практике существующую систему. По мнению Абазы, разница с практикой предыдущей будет заключаться лишь в том, что прежде привлекали председателей земских комитетов, городских начальников, предводителей дворянства и т. д., т. е. людей, которые хотя и были избраны, но не прямо с целью участия в подготовлении законопроектов. Наоборот, согласно законопроекту, в земских собраниях, городских думах и дворянских собраниях будут избираться особые лица, которые должны содействовать правительству в качестве советников по законодательным вопросам. Это без сомнения надо считать преимуществом, ибо вполне возможно, что отличный предводитель дворянства или председатель земского комитета окажется совершенно неспособным рассматривать и оценивать законопроекты. Великий князь Константин Николаевич к этому добавил, что такая новая система привлечения к делу представителей общественности, в силу которой оно превращается в постоянный институт, представляет еще и другие, общеполитические, выгоды. Представители общественности таким образом становятся связующим звеном между монархом и народом, посредством которого в первую очередь царь может получать информацию о подлинных народных нуждах. Сольский высказал уверенность, что эти представители могут быть очень полезны правительству, потому что они примут на себя часть ответственности за правительственные мероприятия, что особенно важно, когда правительство должно прибегать к непопулярным мероприятиям, таким, как введение новых налогов. Но и вообще существование такой совещательной комиссии для правительства имеет большое значение.

Валуев совершенно не разделял мнения графа Строганова о том, что создание этой комиссии сделает невозможным мероприятия правительства против разнузданности прессы. Он считал, что напротив, само существование комиссии должно дисциплинирующе действовать на прессу. Призванные советники как уполномоченные представители общественности будут представлять собой ценный противовес журналистам, т. е. самозванным представителям общественности. Валуев глубоко был убежден, что широкие слои общества придерживаются совершенно иных мнений,

чем думают авторы газетных статей. Вообще сторонники проекта Лорис-Меликова (особенно Сольский и Сабуров) считали, что официально избранные представители общественности будут людьми умеренных и даже консервативных взглядов. Сабуров думал, что они во всяком случае консервативнее представителей чиновничества, которые дышат только петербургским воздухом и легко усваивают взгляды и убеждения газет. По его мнению, именно в своем качестве представителей консервативных сил страны они могут стать для правительства прочной опорой. Абаза говорил, что не надо забывать, что престол не может опираться только на миллион штыков и на армию чиновников.

На речь Победоносцева[44] отреагировали особенно сильно Абаза и Сольский. Сольский указал, что критика Победоносцева совершенно отрицательна, что он все раскритиковал, сам при этом ничего не предлагая. Министр финансов Абаза сразу понял и подчеркнул, что критика Победоносцева касается гораздо более широкой темы, чем представленный Лорис-Меликовым проект, и по сути своей составляет полное осуждение царствования Александра II. Далее он указал, что Победоносцев совершенно не принимает во внимание наличие, наряду с необразованными массами, и образованных народных слоев; все прекрасно отдают себе отчет в необходимости печься о бедных слоях населения, но как бы важна ни была эта задача, она никоим образом не исключает потребности заботиться и об интересах образованных слоев, а это требование возможно исполнить, только привлекая представителей этих слоев к сотрудничеству с правительством.

Замечание Макова о том, что первая и главная задача есть борьба с революционной смутой, тоже не осталось без ответа. Абаза и Сольский оба указали, что совершенно неправильно рассматривать данный проект с точки зрения борьбы с революционными силами. Абаза считал, что подавление всего населения и недоверие ко всей общественности никоим образом не облегчают борьбы с революционерами. Сольский заметил, что нельзя, правда, ожидать, что проведение в жизнь этого проекта явится гарантией от "преступлений социализма", но что это совершенно не означает, что проект можно отвергнуть. Сольский говорил: "Для борьбы с социализмом прежде всего нужна хорошая полиция, ко-

торой у нас нет". Абаза присоединился к его мнению и как министр финансов сказал, что казна ассигнует на расходы по полиции не только сотни тысяч, а миллионы рублей. При этом он подчеркнул, что эти две проблемы надо рассматривать совершенно отдельно одну от другой.

Валуев, выступавший на заседании третьим, после Лорис-Меликова и Строганова, как и большинство присутствующих, высказался за проект. Речь его здесь надо особо упомянуть потому, что самое важное в ней – не защита проекта Лорис-Меликова, а указание на то, что подобные планы предлагались уже раньше, как им самим, так и Великим Князем Константином Николаевичем. В заметке, которую он добавил к первоначальному тексту своего дневника[45] 11 ноября 1882 года, Валуев пишет, что он напомнил о раннем своем проекте прежде всего для того, чтобы отмежеваться от "клики" графа Лорис-Меликова. Он говорил об этом, зная, что Александр III мог симпатизировать его гораздо более радикальному проекту еще меньше, чем Лорис-Меликовскому и что упорное настаивание на прежних планах могло иметь для него печальные последствия. И на самом деле Валуев в том же примечании к дневнику дальше пишет: "С этого дня моя роль председателя комитета министров сохранилась по форме, но прекратилась по существу, вне стен комитета".

Как известно, проект Лорис-Меликова осуществлен не был. И после отклонения проекта призывались экперты для совещания по отдельным законопроектам, но каждый раз это было особое мероприятие, принятое в данном случае.[46] Отклонение проекта графа Лорис-Меликова означало, что не состоялось возникновение постоянного института, который мог превратиться в зародыш будущего народного представительства.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 1

1. Ориу. Принципы общественного права. Париж, 1916, стр. 607. Ориу пишет так: "Политическая свобода – это свободный гражданин в свободной нации благодаря децентрализации и распределению суверенитета, основанным на положениях статута" (стр. 608). Под децентрализацией суверенитета Ориу понимает: "...расчленение суверенитета на несколько форм и несколько властей, которые распределены среди разных элементов нации" (стр. 607 и далее).
2. Ориу, там же, стр. 608.
3. Там же, стр. 609.
4. Там же, стр. 609.
5. Ориу пишет (там же, стр. 610) : "Во Франции в XIX веке было два конституционных толчка, последовавших один за другим, от 1814 до 1848 и затем возобновление этого порыва в 1871 г. Оба эти конституционные движения каждый раз шли после императорского режима с сильной административной централизацией, на которую они и намеревались реагировать. В то же время программа обоих движений содержала реформы в направлении административной децентрализации, которые должны были дополнить правительственные реформы. Надо даже добавить, что если в период между 1814 и 1848 правительственные реформы на пятнадцать лет предшествовали мероприятиям окружной и городской децентрализации (причиной тому было сопротивление Реставрации), наоборот, в 1871 году децентрализующий закон 10 августа об общих советах предшествовал конституционным законам, потому что члены Национальной Ассамблеи были полностью убеждены, что надо восстанавливать конституционное здание снизу, так как только в местных управлениях и мог возродиться общественный "дух страны".
6. Мещерский. Воспоминания, том 1, Пб, 1897, стр. 292.
7. Мещерский, там же, стр. 414.
8. Этот проект опубликован лишь позднее в "Вестнике Права" в 1905 г., №9, стр. 225-269. Журнал этот мне недоступен. Наилучший отчет о плане мы находим у Милюкова в статье по поводу манифеста 6 августа 1905 года, которая была опубликована в №31 журнала "Право", а перепечатана в книге "Год борьбы", стр. 55 и далее.
9. Станкевич. Грановский. Москва, 1869, стр. 158.
10. Там же, стр. 161.
11. Там же, стр. 147. Из письма Грановского.
12. Там же, стр. 235.

13. Станкевич, там же, стр. 297. См. также Чичерин. Воспоминания. Москва 40-х годов. М.,1929, стр. 44. О противоречии между Грановским и Герценым Чичерин пишет: "Между тем как Герцен... увидев несостоятельность той демократии, которой он отдал всю свою душу... проповедовал самые анархические начала, Грановский, как истинный историк... выработал в себе трезвый и правильный взгляд на политическое развитие народов, взгляд, равно далекий и от радикальной нетерпимости, и от реакционных стремлений, проникнутый глубоким сочувствием к свободе, но понимающий необходимые условия для осуществления ее в человеческих обществах" (там же, стр. 75). Как известно, Достоевский в "Бесах" под именем С.Т. Верховенского хотел изобразить Грановского. Чичерин справедливо замечает (хотя и не называя Достоевского по имени), что плоско представлять как поверхностного и бездельного болтуна человека, бывшего на самом деле исключительно серьезным ученым и неустанным читателем.
14. Чичерин, ук. соч., стр. 120.
15. Там же, стр. 58.
16. Чичерин. Вопросы политики. Москва, 1904, стр. 87.
17. Валуев. Записки в "Русской старине", 1891, май, стр. 357.
18. Коркунов тоже подчеркивает этот факт в своем произведении "Государственное Право".
19. Избиратели от крестьянского сословия, в свою очередь, избирались волостными сходами.
20. Сельские жители и горожане, не обладавшие требуемым цензом, представлены были избранными ими представителями.
21. Закон 1890 года подготовлен был Государственным Советом. Он представляет собой компромиссное решение. В этом законе не исчезли полностью все либеральные тенденции закона 1864 года. Министр внутренних дел Д.Толстой намеревался заменить избранные земства правительственными комиссиями. Намерение его не было приведено в исполнение потому, что он в 1890 году умер.
22. И.Белоконский. Земское Движение. 2-е изд., М.,1914, стр. 2 и далее.
23. Мещерский. Воспоминания, т.1, стр. 414 и далее. Он сообщает, что самыми активными представителями этих течений в Петербурге считались Безобразов, граф А.П.Шувалов и Платонов.
24. Мещерский пишет, что в Москве в этой связи упоминались в первую очередь имена Самарина, Голохвостова и кн. Щербатова. Чичерин кроме того называет Уварова и Мусина-Пушкина.
25. Мещерский, ук. соч., стр. 138.
26. Чичерин. Московский Университет, стр. 67. Этому противоречат, одна-

ко, его рассуждения в другой части его воспоминаний "Москва 40-х годов", стр. 103, где он указывает, что конституционные стремления были плодом подлинной любви к свободе.

27. Чичерин. Московский Университет, стр. 164.
28. Чичерин, ук. соч., стр. 112.
29. Отрывки из этой Записки приводит Чичерин в "Московский Университет", стр. 113 и далее.
30. Определение консервативного либерализма Чичерин дает в статье "Разные виды либерализма", которая опубликована была в 1862 году вместе с несколькими другими под общим заглавием "Несколько современных вопросов". Стр. 196 и далее. Струве указывает, что формула "Либеральный консерватизм" наверное впервые создана была князем П.А.Вяземским (П.Струве. Социальная и экономическая история России. Париж, 1952, стр. 328).
31. Эти идеи Чичерин впервые развил в двух письмах, написанных брату в октябре 1864 года. Чичерин. Московский Университет, стр. 24 и далее; стр. 28 и далее.
32. Чичерин, ук. соч., стр. 70.
33. Во второй части этого исследования мы уже видели, что крепостное право не было ликвидировано с одного дня на другой 19 февраля 1861 года, а тут только начался долгий процесс его ликвидации.
34. Чичерин. Москва 40-х годов, стр. 162.
35. Белоконский, ук. соч., стр. 15.
36. В воспоминаниях (т. 2, Пб, 1898, стр. 424 и далее) князя Мещерского, издателя радикально правой газеты "Гражданин", мы находим интересное описание, из которого можно составить себе полное представление о смятении, царившем тогда в правительственных рядах. После покушения на Александра II в начале 1879 года сельским учителем Соловьевым, император назначил Валуева, который был тогда министром казенных владений, председателем комитета, в функции коего должно было входить обсуждение мероприятий, направленных на борьбу с революционной деятельностью. Членами этого комитета назначены были министр внутренних дел Маков, министр финансов Грейг, военный министр Милютин, министр юстиции Набоков, министр просвещения Толстой и шеф жандармов Дрентельн. Валуев сообщил об этом решении монарха комитету министров, состав которого совпадал приблизительно с составом особого комитета, основанного под его председательством. Комитет министров считал нежелательным и даже опасным рассматривать такого рода проблемы, так как если бы слухи об этом проникли в общественность, это еще обострило бы раздраже-

ние против существующего порядка. Но Александр II не согласился с этими доводами и повторил свое приказание. После этого комитет под председательством Валуева начал свои труды. Комитет предложил отнять у мировых судей право давать распоряжения полицейским органам, сделать необходимым согласие губернатора для принятия на службу писарей в управах, усилить полицию в округах, увеличив число урядников; далее ослабить ограничения, существующие для староверов, поскольку твердо установлено, что они совершенно не отзывчивы на социалистическую пропаганду, и отменить добавочные налоги, установленные для поляков после восстания. Наконец предложены были различные мероприятия, касающиеся просвещения, например, усиление влияния духовных лиц в школах. Мещерский, перечисляющий все эти предложения, бесспорно прав в своем комментарии, что гора родила мышь.

По мнению Мещерского, таким образом можно было только парализовать борьбу с революционерами. Ведь таким образом отвлекались от единственно важного, от действительно срочной проблемы: от того, какие полицейские меры нужно принять, чтобы разбить революционную организацию. По мнению Мещерского, анархию можно было прекратить, только если бы он на крамолу ответил легальным террором (стр. 430). В самом деле, иллюзия, что существуют государственные принципы и политический режим, которые могли бы предупредить и задержать нарастание разрушительной революционной воли, не могла не отвлекать от настоящих задач и методов борьбы с революционным движением.

37. По Джаншиеву. Эпоха великих реформ. 8-е изд., М.,1900, стр. 37, прим. 2.
38. Там же.
39. Белоконский, ук. соч., стр. 10.
40. Пресняков. Предисловие к дневнику Перетца. М.,1927, стр. IV.
41. О подробностях этого проекта см. доклад Лорис-Меликова Александру III от 6 марта 1881 года. Текст этого отчета напечатан в брошюре, опубликованной Фондом свободной русской прессы в Лондоне в 1893 году (стр. 36-41).
42. Перетц. Дневник, 1880-1883. М.,1927, стр. 31-46.
43. Валуев. Дневник, 1877-1884. Пд, 1919, стр. 151 и далее.
44. В дневнике Валуева написано: "Оберпрокурор Синода сказал невозможную речь, в которой назвал все предложенное и все европейское (sic) величайшею фальшью, нанизал обычные фразы о народе, о связи с народом, о единении царя с народом (подразумевая всегда т. н. черный

народ'' (стр. 152).

45. Валуев, ук. соч., стр. 154.

46. Например, при рассмотрении вопроса о снижении выкупных платежей к делу привлекли двенадцать экспертов из разных областей России; в ином случае (когда речь шла о спиртных напитках) призвали 32 советников.

Глава 2

1881 – 1902

Александр III и его вера в принцип автократии. – Манифест 29 апреля 1881 и отставка Лорис-Меликова и Абазы. – Природа антилиберальных стремлений восьмидесятых и девяностых годов. – Голод в 1891 году и попытки общественности организованно помочь правительству при борьбе с голодом. – Первые годы царствования Николая II. – Петиция Тверского земского собрания. Речь Николая II во время приема 17 января 1895 года. – Инициатива земств по случаю коронационных торжеств и реакция правительства. – Попытки представителей земства получить разрешение правительства на объединение отдельных земств. – Неофициальные совещания представителей земства. – "Беседа". – Обострение оппозиционных настроений в земстве. – Прием Шипова у Плеве. – Значение политики Плеве для политической эволюции земства.

29 апреля 1881 года Александр III издал знаменитый манифест, в котором он выразил свою веру в принцип самодержавия и свою твердую решимость защищать его от любых покушений. Главные представители либерального направления в правительстве, Лорис-Меликов и Абаза, сделали из этого надлежащие выводы и попросили об увольнении их. Тот факт, что их просьба об увольнении явно была прямым последствием провозглашения в манифесте веры в самодержавие, отмечен был немилостиво. На прошении Абазы Александр III собственноручно написал, что он очень сожалеет, что тот не сумел найти иного повода для того, чтобы уйти в отставку. Абсолютистская тенденция выразилась не только в том, что окончательно отвергалась идея перехода к конституци-

онному режиму и что строжайше запрещено было отныне вообще касаться темы конституции, но и в том, что начали препятствовать нормальному развитию и даже просто нормальной деятельности всех учреждений, созданных великими реформами, чтобы предупредить таким образом ослабление абсолютистской системы, которое могло бы быть вызвано дальнейшим развитием и работой этих учреждений. Соответственно такому направлению, правительственные мероприятия той эпохи извращающе отражались на этих учреждениях. Созданы были также новые институты, ничего общего не имевшие с духом и с принципами, из которых возникли реформы шестидесятых годов. Во второй части этой книги уже шла речь подробно о законодательстве, которое помешало распространению гражданского строя на крестьянство, а тем самым укреплению и обобщению этого строя в России. Наряду с тем законодательством, все эти правительственные мероприятия также затормозили процесс превращения России в правовое государство.

В восьмидесятые годы эта абсолютистская тенденция почти не вызывала сопротивления. Общественность была потрясена и подавлена убийством Александра II. Ею овладело глубокое чувство стыда и печали. Казалось невозможным ожидать от царя продолжения реформ, не говоря уже о том, чтобы реформ этих требовать. К чему реформы, если концом их оказалось подлое уничтожение их автора? Даже не надо было считать, что либеральная система поддерживала террористов, и таким образом возлагать на эту систему ответственность за убийство Александра II (как это делал князь Мещерский, например),[1] чтобы отвратиться от идеи реформ. Сторонники либеральных принципов и институтов, созданных реформами, чувствовали себя стесненными и не в состоянии продолжать реформистскую деятельность, как подтверждает Шипов в своих воспоминаниях.[2]

Однако ошибочно было бы думать, что общественностью овладело настоящее реакционное настроение. О возврате к системе Николая I не думали даже те, кого можно назвать "реакционерами", т. е. те, кто безо всякой симпатии и даже недоверчиво относился к порядку и учреждениям, созданным реформами. Они хотели бороться против того, что считали вредным в новых

институтах, но эту борьбу они намерены были вести в рамках самих этих институтов. Маклаков справедливо пишет: "Я не могу себе представить, чтобы кто-нибудь в эти 80-е годы мог серьезно желать не только восстановления крепостничества, но возвращения к прежним судам, к присутственным местам, времен "Ревизора" и "Мертвых Душ" и т. д. Это кануло в вечность".[3] Вообще все ясно отдавали себе отчет в том, что такой возврат, даже если бы он показался желательным, никем не мог бы быть осуществлен. На это просто не было сил.

Вдобавок к этому враги либерализма соглашались только на том, чего они не хотят. Все они видели в конституции несчастье России. Но что касается программы положительной, между ними никакого согласия не было. Например, Победоносцев явно мало симпатизировал закону о земских начальниках. В Государственном Совете он был солидарен не с Толстым, а с министром юстиции Маназейном. Он решительно отказывался поддержать у царя проект Толстого и Пазухина. Мещерский считает, что сдержанность его была принципиально обоснована, поскольку Победоносцев испытывал чуть ли не отвращение по отношению ко всему, связанному с дворянством.[4] И новый университетский устав 1884 года был принят Победоносцевым весьма сдержанно. Конечно в случае Победоносцева возможно, что это было результатом того отрицательного склада ума вообще, который подавляюще действовал даже на его друзей. В воспоминаниях своих князь Мещерский пишет: "...как в течение более 20-летних дружеских отношений с Победоносцевым мне ни разу не пришлось услыхать от него положительного указания в какой-либо области, что надо сделать взамен того, что он порицает, так не приходилось слышать прямо и просто сказанного хорошего отзыва о человеке".[5]

Во всяком случае бросается в глаза, что враги либерализма не составляли организованной группы с завершенной и четкой программой. Как уже было сказано, они совсем не намеревались разрушать всего того, что создано было реформами шестидесятых годов, не собирались просто отменить все развитие последних 25 лет. Таким образом созданное в шестидесятые годы пускало все более глубокие корни и становилось данной действительностью. Преобразование российской жизни на основании либераль-

ных принципов, лежавших в основе реформ шестидесятых годов, незаметным образом продолжалось. Маклаков пишет: "У широкого общества слабел интерес ко всякой политике. Оно занималось своими делами, добивалось личных успехов и не думало о борьбе с государственною властью... А между тем жизнь не останавливалась; во время реакции продолжалось перерождение русского общества. На сцену появлялось поколение, которое не знало Николаевской эпохи и ее нравов. Реформы 60-х годов, освобождение личности и труда, приносили свои результаты. Расслаивалось крестьянство, богатели города, росла промышленность, усложнялась борьба за существование. Настоящий рост общества не нуждается в драматических эпизодах... Ни идеи Каткова и Победоносцева, ни самодержавная власть Александра III не смогли заставить русское общество отказаться от преследования своих интересов и уверовать, что оно живет только для того, чтобы процветало Самодержавие, Православие и Народность. Рядовое общество думало о себе, о своих удобствах и предъявляло к власти свои требования. Не профессионалы политики, а простые обыватели стали практически ощущать дефекты наших порядков... По мере роста культуры, размножения населения, накопления богатств и осложнения жизни старый административный аппарат должен был совершенствоваться и приспособляться к новым задачам".[6] Тут надо упомянуть о двух моментах, которые ярко отражают этот процесс преобразования и быстрый подъем России в девяностые годы: во-первых, большой прогресс руской науки на всех поприщах, совместно с высоким уровнем российских университетов, а затем мощное экономическое развитие, вместе с которым и благодаря которому менялась и социальная структура страны, что, в свою очередь, находило себе выражение в растущем общественном весе предпринимательского сословия. В этом отношении знаменательно, что Витте, путешествуя в качестве министра финансов по российской провинции, пытался избегать официальных приемов и торжеств для того, чтобы встречаться преимущественно с влиятельными представителями промышленности и торговли.

Таким образом, политическое охлаждение не оказало отрицательного действия на процесс постепенного вытеснения старого

порядка новым. Наоборот, успокоение общества содействовало склонности посвятить себя реальной работе, а в этом было незаметное, но тем более прочное укрепление нового порядка. Ничто не могло доказать населению и правительству пользы, в частности, земских учреждений лучше, чем успешная работа. Ничто не могло укрепить положение самоуправления в той мере, в какой делали это его практические успехи.

*

* *

По мнению Маклакова, затишье в общественной жизни продолжалось до 1891 года. В этом году в нескольких российских губерниях разразился страшнейший голод. Общественность почувствовала себя обязанной помогать голодающему населению, а правительство первоначально одобрило организацию частной помощи. Такая работа предполагала, конечно, объединение различных представителей общественности и их сотрудничество. Интересно, что представителям общественности и их организациям и в голову не приходило соперничать с правительственными учреждениями, опережать их своими мероприятиями (что, наоборот, имело место полностью во время войны 1914-1917). Общественность просто хотела участвовать в борьбе с голодом, не добывая себе на этом политического капитала. Она хотела поддержать усилия правительства. Этому можно вполне верить, так как вообще общественные деятели, даже те, которые посвятили всю жизнь работе в самоуправлении, тогда совсем не думали о дальнейших политических реформах и уж совсем не думали о конституции. Даже те, которые осуждали бюрократический характер государства и считали желательным углубление и расширение реформ Александра II, все же часто предпочитали самодержавие конституционному режиму. Такова была принципиальная позиция славянофилов. Но и многие другие, считавшие конституцию в конечном итоге неизбежной и относившиеся к ней положительно, думали, что еще не настало время говорить об этом и что абсолютная монархия не дала еще всего, что она может дать. Они считали, что

монархия эта должна привести в исполнение дальнейшие моменты либеральной программы и тем самым создать дальнейшие необходимые предпосылки, при которых только и может дать положительные результаты конституционный режим.

К сожалению, несмотря на такой в высшей степени лояльный подход общественности, правительство не в состоянии было без подозрения воспринимать общественные инициативы даже при борьбе с голодом и считало необходимым рассматривать комитеты помощи с политической точки зрения через увеличительное стекло и наконец как можно скорее вообще ликвидировать эту самодеятельность.[7] Голод уже кончился, и это позволяло представить ликвидацию акции помощи как нечто естественное. Но в основе поведения правительства лежала общая тенденция бороться с любой автономной акцией вообще. Тенденция эта в свою очередь возникала если не из прямого убеждения, то во всяком случае из подозрения, которое выразилось в знаменитой "невозможной", по выражению Валуева, речи Победоносцева на заседании 8 марта 1881 года. Речь шла о том, что либеральный принцип автономии, легший в основу реформ Александра II, несовместим с самодержавием.

Поэтому вполне естественно, что либералы в своей защите реформ Александра II прежде всего старались оспаривать эту идею несовместимости с абсолютной монархией всех учреждений, созданных законодательством Александра II, т. е. самоуправления, автономных высших учебных заведений, независимых судов. Они подчеркивали в первую очередь, что все эти институты созданы были абсолютизмом и уже поэтому не могли ему противоречить. Тактически это было, может быть, ловким приемом, но бесспорно представляло собой упрощение и выхолащивание проблемы. Это – пример выхолащивания политической мысли в атмосфере несвободы вообще; размеры его становятся ясными особенно если вспомнить, что проблема сохранения всего, что достигнуто было реформами Александра II, и была единственной политической проблемой, о которой вообще осмеливались дискутировать в прессе.[8] Я сказал, что подход этот можно назвать тактически удачным. Это не значит, что сама эта позиция носила тактический характер. Наоборот, гораздо более вероятно, что это было

подлинное убеждение. Но и искренность убеждения, увы, не является ни в коей мере гарантией его правильности.

Маклаков справедливо указывает, что если либеральная пресса и была вполне искренна, в этом пункте правильнее и глубже были не ее высказывания, а высказывания противников. Начала, на которых реформы 60-х годов были построены, говорит Маклаков, "в конце концов действительно неограниченное самодержавие подрывали. Свобода личности и труда, неприкосновенность приобретенных гражданских прав, суд как охрана закона, а не усмотрение власти, местное самоуправление были принципами, которые противоречили неограниченности власти монарха".[9]

Таким образом, и после 1891 года не пробудился интерес к политическим вопросам; это произошло несколько лет спустя, в царствование Николая II.[10] Очень немногие люди думали, что при Александре III вновь может восторжествовать либеральное направление, а ведь только вера в эту возможность и могла оживить политический интерес. К этим немногим принадлежал Витте. После смерти Александра III он утверждал, что император вполне реально мог бы отклониться от своей антилиберальной политики и вступить на путь шестидесятых годов. Маклаков по этому поводу замечает: "Этому трудно поверить и невозможно проверить".[11] Витте, однако, повидимому был искренне в этом убежден. Наоборот, многие верили, что молодой царь Николай II вернется к либеральной политике своего деда. Ведь уже целое столетие, как стало правилом, что антилиберальные монархи в России чередовались с либеральными. За либеральной Екатериной последовал реакционер Павел, а на его место пришел либерал Александр I. После царствования Николая I наступила эпоха либеральных реформ при Александре II. Теперь можно было надеяться, что за антилиберальными тенденциями при Александре III последует новая волна либерализма при новом царе.

Все высказывания нового царя, которые хоть в какой-то мере можно было истолковать в этом смысле, – сразу же подхватывались и страстно приветствовались. Наоборот, старались не слышать всего того, что могло с этой точки зрения разочаровать.[12] Либеральная газета "Русские Ведомости" хвалила заметки царя на полях доклада относительно проблем народного просвещения.

Родичев, убежденный сторонник либерализма и даже политического радикализма, на заседании тверского земского собрания воскликнул: "Господа, в настоящую минуту наши надежды, наша вера в будущее, наши стремления все обращены к Николаю II. Николаю II наше ура!" Маклаков, приводящий эти слова Родичева, комментирует: "Кто знал Родичева, согласится, что такие слова о Государе он не мог бы сказать из одной только тактики".[13] В этой речи Родичева, так же как и в адресе, который тверское земское собрание представило царю, не было даже намеков на желательность конституции. Наоборот, из обоих совершенно ясно вытекало, что в земских кругах ожидают от царя только отказа от антилиберальной политики и возобновления курса шестидесятых годов. Выражалась только надежда, что за органами Земства признано будет право высказывать свое мнение по поводу проблем, входящих в сферу их компетенции, для того чтобы до престола доходило мнение не только ведомств, но и народа. Эта попытка представителей земства обратиться к молодому царю вызвала, однако, с его стороны резко отрицательную реакцию. Во время приема 17 января 1895 года царь произнес ставшую знаменитой фразу, в которой он назвал "бессмысленными мечтаниями" помыслы земств об участии во внутренних государственных делах. За исключением немногих, фразу эту поняли вообще так, что не может быть и речи о какой-либо конституции. На самом деле, как пишет Маклаков, речь шла о выборе между либеральным абсолютизмом Александра II и антилиберальным абсолютизмом Александра III. Выбор совершенно определенно пал на последний.[14] Так что это было не только отказом от дальнейших шагов в либеральном направлении, но осуждением того, что уже существовало, ибо в известных пределах участие земства во внутренних делах государства было не мечтой, а действительностью.

С этого момента начала разверзаться пропасть между общественностью и государственной властью. Пропасть эта все расширялась и наконец привела к революции в 1905 году.

*
* *

Подозрение, с которым правительство смотрело на земские органы и на любую инициативу, от них исходившую, все больше обострялось. С особой антипатией выступали представители антилиберального направления в ближайшем окружении царя против всех попыток земства проводить какие-либо совместные действия, как бы безобидны эти действия сами по себе ни были. Характерен следующий пример: по случаю коронации, которая должна была иметь место 14 мая 1896 года, согласно старому обычаю председатели губернских земских комитетов должны были преподнести государю хлеб-соль. С этой целью земства должны были приобрести серебряные подносы и солонки. 22 ноября 1895 года Шипов как председатель губернского земского комитета в Москве получил от председателя комитета в Самаре, Племянникова, письмо, в котором тот оповещал московский комитет, что тамошний, самарский, комитет собирается предложить всем прочим губернским комитетам отказаться от покупки подносов и солонок, а вместо этого собранные деньги употребить для создания какого-либо общественно-полезного фонда. Московский комитет тогда постановил предоставить в распоряжение попечительства по рабочим домам, находившегося под покровительством императрицы, сумму в 300000 рублей, состоявшую из вкладов земств всех 34 губерний, в которых были земские органы. Шипов направил соответственное письмо председателям всех губернских комитетов.

Шипов, однако, не отослал письма сразу, а счел правильным сначала доложить о задуманном мероприятии московскому генерал-губернатору Великому Князю Сергею Александровичу; сделал он это именно потому, что знал о недоверии правительства ко всем попыткам земства что-либо совместно предпринимать. Великий Князь сказал Шипову, что у него нет никаких возражений против осуществления этого плана, который ему нравится. На следующий день, однако, под влиянием управляющего его канцелярией Истомина Великий Князь вновь вызвал к себе Шипова и посоветовал ему ничего дальнейшего не предпринимать, а сначала обсудить этот вопрос с новоназначенным министром внутренних дел Горемыкиным, которого как раз ожидали в Москве. Горемыкин принял Шипова весьма любезно, но сказал ему,

что не считает желательным такое пожертвование земств в пользу домов для рабочих. Когда Шипов возразил, что ничто не препятствует какому-либо иному употреблению пожертвованных земствами денег, Горемыкин прямо заявил, что он вообще не считает желательным совместное выступление земств по случаю коронационных торжеств. Ведь известно, с каким недоверием многие влиятельные люди и круги смотрят на земские учреждения и особенно на их склонность к объединению.[15] Всеобщее выступление земств только может усилить это отрицательное к ним отношение. Представители земства сочли правильным уступить. Их целью было найти ту или иную законную форму сотрудничества между земствами. Для того чтобы этого достичь, они считали мудрым избегать конфликта с новым министром внутренних дел.

Когда председатели губернских земских комитетов съехались в Москву к коронации, они неоднократно встречались и обсуждали многие проблемы, касающиеся земства, в том числе и значение регулярных контактов и согласование земской деятельности в отдельных губерниях. Незадолго до окончания торжеств все председатели губернских комитетов приняты были министром внутренних дел. После окончания официальной части приема Шипов обратился к министру и просил его назначить время для сообщения, которое он имел ему сделать. Горемыкин попросил его остаться и пригласил в свой рабочий кабинет. Тут Шипов сообщил министру, по поручению и от имени представителей земств, что они придают большое значение просьбе о разрешении председателям губернских земских комитетов регулярно встречаться для обсуждения разных практических проблем земской работы.

Желание это по сути своей было вполне оправданным и даже Горемыкин вынужден был это признать. Кроме того теперь, после бессмысленного запрета общеземского пожертвования в пользу комитета, стоявшего под покровительством императрицы, сам он очевидно был склонен сделать дружественный жест по отношению к земству. Но он заявил, что не может официально разрешить таких совещаний, поскольку они не предусматриваются законом о земских институтах. Шипов отвечал, что понимает это и хочет лишь неофициального согласия министра на частные совещания председателей губернских земских комитетов, с целью избежать

всякой нежелательной "таинственности" при организации этих совещаний. На это Горемыкин ответил, что прекрасно отдает себе отчет, что никак не может запретить частных совещаний председателей земских комитетов и что со своей стороны он только советует не привлекать к совещаниям никаких других земских представителей, кроме председателей комитетов, для того чтобы избежать многолюдства и обеспечить деловой характер совещаний. Кроме того, он советует позаботиться о том, чтобы пресса ничего не публиковала об этих совещаниях и чтобы они происходили не в помещениях земских учреждений, а на частных квартирах, что и будет полностью соответствовать их частному характеру. Шипов заявил, что эти условия он считает вполне приемлемыми, однако представители земства не имеют никакого влияния на прессу, а следовательно не могут помешать появлению в ней известий о совещаниях.

Интересно, конечно, заявление министра, что он не может препятствовать частным совещаниям; так же интересен его совет устраивать их на частных квартирах для того, чтобы сохранять их частный характер. В те времена многие представители земства, так же как общественные деятели вообще, имели собственные дома, построенные на принадлежащих им участках земли; это не были жилища, предоставленные государством и куда государство в любую минуту может вселить своего осведомителя. В этих домах люди вели действительно частную жизнь и государство не считало себя в праве – признав гражданский строй – проверять эту частную жизнь, кроме некоторых исключительных ситуаций. Таким образом гражданский строй создал твердую почву для свободы политического суждения и политической дискуссии, по крайней мере, в частной сфере, из которой, впрочем, надо полагать, суждения – и таким образом невидимо рождающееся и растущее общественное мнение – просачивались постепенно наружу, в общество, а иногда прямо потоками в него вливались. Так вот, к слову сказать, из этого вытекают следующие заключения: может быть и можно предполагать, что социализм не обязательно ведет к деспотическому режиму, но зато надо признать как неоспоримый факт, что последовательно проводимый деспотический режим должен быть социалистическим. Он должен таковым стать

неизбежно просто из полицейских соображений, поскольку он иначе не может достигнуть необходимой для него степени наблюдения за частной жизнью подданных.[16]

После этого разговора с министром внутренних дел решено было, что председатели губернских земских управ встретятся в начале августа в Нижнем Новгороде, куда многие из них так или иначе собирались ехать в связи с выставкой. На повестку дня совещания поставили две совершенно неполитические проблемы: как можно единообразить методы бухгалтерии во всех земских управах и целесообразны ли пособия от губернских управ в пользу управ уездных, для введения всеобщей школьной повинности. Особенно много обсуждали, как можно устраивать дальнейшие совещания. Все участники считали продолжение и расширение таких совещаний чрезвычайно желательным. При этом указывалось, что такие совещания дают представителям отдельных губерний возможность ознакомиться с методами работы, которые применяются управами других губерний, и что согласование методов, для которых требуется одобрение правительства, повышает шансы такое одобрение получить. Для того чтобы придать этим совещаниям постоянный характер, решено было создать бюро, состоящее из пяти председателей губернских управ, которое и должно заботиться о регулярных созывах и о подготовлении программы совещаний. Следующее совещание должно было состояться в марте 1897 года в Петербурге.

*

* *

Однако совещание в Петербурге так и не состоялось, потому что вскоре после нижегородского Горемыкин взял обратно свое согласие терпеть подобного рода совещания. Шипов считает, что ему пришлось уступить давлению влиятельных реакционных кругов, в первую очередь Победоносцева.[17] Горемыкин передал Шипову через губернатора, что он пришел к заключению, что ни постоянное бюро по подготовке совещаний, ни сами совещания не могут рассматриваться как чисто частные собрания, прежде всего

потому, что председатели земских управ являются по должности своей государственными чиновниками. Поэтому такого рода совещания могут проводиться только с официального разрешения министерства, а для получения такого разрешения нет законных предпосылок.[18] После этого Шипов естественно распорядился прекратить все подготовительные работы по созыву следующего совещания.

Такое сопротивление правительства всякому проявлению активности, хотя бы и вполне законному и бесспорно разумному, если только оно не было по приказанию свыше, а носило автономный характер, было плохим признаком, указывавшим на распад подлинной власти и на исчезновение способности править страной у всех тех, кто стоял во главе бюрократического аппарата и на ком лежала ответственность за судьбы России. Ориу пишет: "...править – значит направлять, ведь людей, стоящих у власти, называют обычно руководителями; и на самом деле речь идет о руководстве, о том, чтобы вести и направлять сквозь все неожиданности внутренней и международной общественной жизни, сквозь все новшества. Основная роль правительства – это решать все время новые трудности, которые возникают и которые интересуют группу. Что же касается старых, уже разрешенных трудностей, если они возникают снова, если вновь идти по тем же путям, то это уже дело не правительства, а администрации".[19] Но в начале столетия российское правительство смотрело на все новое с недоверием и антипатией. Правительство все больше теряло способность решать новые проблемы, справляться с непредвиденными обстоятельствами, обращать на пользу государства какую-либо деятельность, для которой не находилось обоснования в законе и даже в инструкциях надлежащих ведомств.

Много говорилось о бюрократизации российской государственности при последнем царе, причем это явление резко осуждали. Все время указывали, что бюрократизация чрезвычайно вредна, потому что она препятствует развитию свободных народных сил и делает бесплодной и правительственную деятельность. Тем не менее мне представляется, что при этом проглядели самое опасное в бюрократизации, а именно: что она ведет к дегенерации самого правительства. Полностью бюрократизированное прави-

тельство склонно судорожно цепляться за однажды принятый порядок ведения правительственных дел, иными словами трактовать и новые дела и непредвиденные проблемы по ранее установленным схемам. Таким образом, правительство оказывается в плену у административных методов, тех методов, которые действительно принадлежат к сути бюрократии, т. е. административного аппарата. Тем самым правительство утрачивает свою собственную сущность, характеристику власти, ведущей страну сквозь все новое, подчиняя себе неожиданности, а не отрицая их существование или отталкивая их от себя.

Как же дошло до такого принципиально отрицательного отношения правительства ко всему новому? Бесспорно, уже та тенденция, о которой шла речь выше, рассматривать государственные дела вообще с точки зрения борьбы с нигилизмом и терроризмом, представляет собой нечто ненормальное. Постепенно эта склонность превращалась в принципиальную позицию, что первая и главная задача государства – заботиться о спокойствии и порядке. В той мере, в какой сохранение спокойствия и порядка, а не решение положительных проблем государственной жизни, стало центральным пунктом, на котором сосредоточилось внимание правительства, при рассмотрении государственных дел стала преобладать точка зрения полицейская, т. е. не политическая, а административная. Ведь полиция прежде всего – составная часть администрации, а не правительства. Тут я вижу источник процесса, который ведет к превращению правительства в верховный административный орган. Разумеется, покой и порядок – необходимые предпосылки для преследования каких бы то ни было государственных целей вообще. Но если сохранение их становится наивысшей целью и необходимость самодержавия обосновывается тем, что этот строй как никакой другой гарантирует покой и порядок, это признак вырождения государственного мышления. В той мере, в какой это развитие вызвано было борьбой с нигилизмом, оно является примером того, как разлагающие системы разрушают и тех, кто с ними борется. И надо признать правильность государственного инстинкта тех, кто тогда видел спасение России в переходе к конституционному строю. В самом деле, царское правительство вновь проявило себя как правительство лишь

с приходом Столыпина, и произошло это не только благодаря его, Столыпина, личным качествам, а и благодаря тому обстоятельству, что Россия тогда имела конституцию и что Столыпину противостояла Дума.

Несмотря на заявление Горемыкина о том, что он берет обратно данное разрешение, совещания земских деятелей происходили и в дальнейшем. Но это уже не были полуофициальные, организованные по плану совещания председателей земских управ, это были совещания земских деятелей, устраивавшиеся, так сказать, "случайно", когда эти деятели по случаю какого-либо общественного события собирались в Москве или в Петербурге.[20] Так, совещания состоялись в августе 1898 года по случаю открытия памятника Александру II в Москве. Понятно, что именно церемония в честь Александра II должна была стать поводом прославления его царствования и тех либеральных принципов, которые были при нем осуществлены. Тут мы имеем яркий пример того, как отказ правительства признать и официально разрешить естественное и нужное проявление общественной жизни оборачивается против самого правительства и его замыслов. Совещания носили теперь полузаконный характер. Кто старательно избегал всего, что могло хотя бы издали напоминать оппозиционные действия, держались от них полностью в стороне. Поскольку не было и не могло быть никаких правил и норм, то не было больше и причины ограничивать участие в совещаниях, допуская на них только председателей земских управ. Наоборот, казалось вполне естественным привлекать к ним и других активных и авторитетных земских деятелей. Таким образом, невольно, или вернее незаметно, произошел известный отбор участников в совещаниях. Земские совещания превратились именно в то самое, чего не хотело правительство: в объединение прогрессивных, а следовательно хоть в некоторой мере оппозиционных земских элементов. Благодаря этому они получили тот политический оттенок, который правительство видело всюду, и там, где его и в помине не было, что в свое время и повело к решению не разрешать официальных технических совещаний председателей земских управ.[21]

Была еще одна группа с тем же составом, т. е. носившая тот же характер, группа, составленная из тех земских деятелей, кото-

рые принадлежали к либеральным и прогрессивным кругам общественности. Это была "Беседа".[22] Она возникла в начале девяностых годов, сначала на основе чисто личных связей. Со временем, однако, она превратилась в место организованных встреч известных общественных деятелей. Существование этого кружка собственно проявлялось всего лишь в издании ряда произведений об аграрной проблеме, об основных принципах самоуправления, о конституциях других стран и пр., т. е. произведений, которые должны были знакомить читателей с идейным наследием либерализма. Но до 1904 года (т.е. до того момента, когда после убийства Плеве министром внутренних дел стал князь Святополк-Мирский) эти произведения не могли появляться на свет как издания "Беседы", а только как личные издания ее отдельных членов. По мнению Маклакова, однако, самым важным было не издание этих произведений, а тот факт, что "Беседа" была хоть и самой примитивной, но все же организацией, которая давала возможность вступать друг с другом в связь представителям общественности почти изо всех губерний.

"Беседа" не была политической партией с определенной программой и совершенно сознательно не хотела ничем подобным становиться. Это был союз представителей передовой общественности, принадлежавших самым разным политическим течениям. К ней принадлежали такие люди, как Кокошкин и Шаховской – левые либералы, которых в сущности надо было бы назвать радикалами-несоциалистами. Но принадлежали к ней и славянофилы, мечтавшие о восстановлении монархии свободной от бюрократических извращений, как например, Хомяков, Стахович, Шипов, те, кого Маклаков называл последними рыцарями самодержавия. Одно было необходимо, чтобы примкнуть к "Беседе": преданность принципу самоуправления. Преданность эта не могла быть лишь теоретическим согласием. Члены "Беседы" должны были действительно служить этому принципу практической деятельностью в земстве или в городском самоуправлении. По словам Маклакова, "Беседа" хотела оставаться на поприще практической деятельности и практического опыта и не намеревалась уступать интеллигентским абстрактным доктринам. Подход ее к идее революции был, разумеется, совершенно отрицательным. Вообще в

"Беседе" не было и следа демагогии, охоты за популярностью; здесь речь шла о пользе для народа, а не о воле народа, как объясняет Маклаков. После 1905 года, когда в России возникли официально разрешенные политические партии, "Беседа" перестала существовать.

*

* *

Между тем принимались все новые меры, которые, как уже было сказано, не отменяли самоуправление принципиально, но урезывали то тут, то там полномочия земства и ограничивали его самостоятельность. Практические последствия этих мероприятий не были очень значительны. Но в земских кругах они вызывали недовольство. Пропасть между государственной властью и общественностью расширялась. Именно консервативные земские деятели были этим фактом чрезвычайно озабочены. Шипов пишет: "Чувствовалось, что если в ближайшем времени не будет совершена сверху необходимая реформа, вызываемая государственной предусмотрительностью, то в недалеком будущем верховная власть будет вынуждена ходом вещей и под влиянием быстро нараставшего в стране оппозиционного настроения согласиться на более коренное преобразование нашего государственного строя".[23] Шипов дальше пишет, что проблема эта обсуждалась все более напряженно на частных совещаниях земских деятелей и общественных деятелей вообще.

Тогда принято было решение представить царю докладную записку. Записка эта должна была содержать указания на главные недостатки существовавшей тогда системы государственного управления, а также изложение основных принципов необходимой реформы. Эту записку собирались дать подписать как можно большему числу уважаемых общественных деятелей. Подготовление текста записки собиралась взять на себя небольшая группа. Интересно, что большинство участников этого дела отнюдь не были сторонниками конституционного строя, а считали не бюрократизированное самодержавие, как представляли его себе славяно-

филы, идеальной государственной формой.[24] Представители этого течения в группе были Н.А.Хомяков, Стахович, Ф.Д.Самарин и сам Шипов. К умеренным конституционалистам принадлежали С.Н.Трубецкой, Павел Долгоруков и Писарев. Интересно отметить, что в работе группы принял участие и историк Ключевский, который не был ни земским, ни общественным деятелем. Тем не менее члены группы считали правильным доверить ему редактирование записки. Шипову поручено было составить первый проект.

Шипов разработал девять тезисов. В этих тезисах он прежде всего указывал, что современный государственный порядок особенно страдает от недостатка доверия между правительством и общественностью. Правительство исходит из ложной предпосылки, что самостоятельная активность общества и участие его во внутренних государственных делах противоречат принципу самодержавия. Но это совершенно неправильно. Напротив, самодержавие возможно только при тесном контакте между царем и народом. Следовательно бюрократическая система, разделяющая царя от народа, является величайшей опасностью именно для самодержавия. Поэтому необходимо дать свободу общественному мнению и поддерживать и развивать институты самоуправления. Шипов далее рекомендовал привлекать к обсуждению законопроектов в комиссиях при Государственном Совете избранных представителей общественности и особенно самоуправления: т. е. приблизительно то, о чем в свое время думал Лорис-Меликов.

Тезисы эти неоднократно обсуждались. Но никак не удавалось достичь согласия внутри маленькой группы, старавшейся подготовить записку. Трубецкой, к которому присоединился и Долгоруков, считал утопической мысль о восстановлении самодержавия со всем его идеальным содержанием. Он придерживался мнения, что произвол в правительстве можно устранить, только если государственная власть связана будет определенным правопорядком, а этого невозможно достичь без перехода к конституционному режиму.[25] Ф.Самарин отмежевывался от шиповских тезисов поскольку считал, что они содержат лишь одностороннюю критику государственной власти и вообще не упоминают о недостатках общества. Недоверие правительства к общественно-

сти, по его мнению, отчасти оправдано характером русского общества. В обществе, говорил он, господствуют отрицательные течения, отрицательное отношение к вере отцов и к национальной истории.[26] Из-за невозможности достичь согласия решили, наконец, отказаться от замысла представить царю записку.

Следующая возможность встречи предоставлена была представителям самоуправления съездом по вопросам кустарной промышленности, который министерство земледелия устраивало в Петербурге в марте 1902 года.[27] К этому времени стали уже известны основные направления для организации местных комитетов, созданных Особым Совещанием по потребностям сельскохозяйственной промышленности. Согласно этим инструкциям, к работе в комитетах должны были привлекаться только представители земских управ, а не земских собраний. Это вызвало в земских кругах сильное недовольство. Некоторые земские деятели доходили до того, что предлагали вообще бойкотировать работу комитетов. В результате решено было созвать съезд в Москве 23 мая для того, чтобы выработать единое поведение по вопросу участия земских деятелей в работах комитетов.

Шипов был избран председателем этого съезда. Отчасти благодаря его влиянию съезд отклонил идею бойкота и выработал программу, которой должны были (или во всяком случае могли) придерживаться земские представители в комитетах при обсуждении предложенных комитетам проблем. В программе этой участники съезда указывали и на общие условия, мешающие развитию сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности. Чтобы устранить эти неблагоприятные условия, они прежде всего рекомендовали предоставить крестьянам те же гражданские права, которыми пользуются все другие сословия, далее развивать народное просвещение, пересмотреть финансовую политику и наконец дать возможность прессе и представителям общественности вообще свободно обсуждать экономические проблемы.

Хотя съезд и отклонил идею бойкота, представители правительства все же видели в инструкциях земским деятелям в комитетах организацию некой пассивной обструкции.[28] Министр внутренних дел Плеве так и доложил о съезде царю, в результате чего был уполномочен выразить участникам съезда высочайшее

неудовольствие. Характерно для Плеве, что чем консервативнее данный участник съезда и чем выше его общественное положение, тем резче и формальнее становился его тон при передаче императорского неодобрения. Так, передавая высочайшее неудовольствие орловскому предводителю дворянства консерватору Стаховичу, Плеве даже не пригласил его сесть и не разрешил ему ни слова сказать в собственное оправдание. Интересно, что, по мнению Маклакова, Плеве видел главных врагов не в революционерах, а в либералах, в первую очередь в тех, которые как раз принципиально отвергали всякое сотрудничество с революционными силами и стремились к законному сотрудничеству с государственной властью. Плеве считал, что они могут разложить самодержавие изнутри, а следовательно они и есть самый опасный враг, и неумолимо их преследовал. Наоборот, он очевидно недооценивал возможности революции в России. В 80-х годах ему удалось искоренить революционные группы. Впоследствии во главе боевой революционной организации стоял агент его тайной полиции Азеф. Таким образом, он повидимому был убежден, что не трудно справиться с революционными эксцессами. Он даже старался придать борьбе с революцией правовые формы. Директором Департамента Полиции он назначил московского прокурора, т. е. юриста, а в 1903 году вновь было введено слушание судами политических процессов.[29]

В противоположность тому, как он вел себя со Стаховичем, Плеве неожиданно любезно принял Шипова. Передав ему императорское неудовольствие, он еще долго с ним разговаривал (более чем полтора часа), очевидно с намерением уяснить себе, какова настоящая точка зрения и подлинные намерения участников совещания. Сразу после возвращения от министра Шипов записал содержание разговора, по его выражению, с почти стенографической точностью.

Шипов прежде всего обратил внимание Плеве на то, что такие совещания земских деятелей не являются полным новшеством, поскольку они иногда уже имели место и раньше, после 1905 года, правда, не регулярно, а по случаю других официально созванных съездов (как например съезд земледельцев, съезд по вопросам кустарной промышленности, съезд по вопросам народного

просвещения), на которые приглашены были и представители органов самоуправления. Земские деятели всегда использовали такие возможности для того, чтобы частным образом вступать в контакт друг с другом. Шипов кроме того указал, что во время последнего совещания "неблагоприятные общие условия обсуждали исключительно с точки зрения нужд сельскохозяйственной промышленности и экономического благосостояния населения",[30] т.е. с той точки зрения, из которой исходило само правительство при создании Особого Совещания. Наконец он упомянул, что значительное большинство участников отвергло возможность воздержаться от сотрудничества с местными комитетами, установленными правительством.

На это заявление Шипова Плеве дал весьма многозначащий ответ: "Я доложу Государю все, мной от Вас выслушанное, но не знаю, изменит ли Его Величество свое заключение. Со своей стороны, как министр внутренних дел, должен сказать, что Ваши объяснения не могут быть признаны вполне удовлетворительными. То обстоятельство, что не разрешенные законом собрания имели место в течение ряда лет, не может служить оправданием Вашего последнего совещания, и оно не может быть признано законным. Затем, хорошо, что в данном случае благоразумное большинство взяло верх и меньшинство ему подчинилось; но ведь могло быть и обратное, т. е. большинство могло быть неблагоразумным и тогда, может быть, благоразумное меньшинство сочло бы себя обязанным подчиниться. Поэтому такого рода организация не может быть признана законной".[31]

Во всем этом рассуждении министра, который приходит к заключению, что совещание не может быть признано законным, потому что большинство на нем могло оказаться и неразумным, есть нечто поистине удручающее и свидетельствующее о болезненной слабости правительства.

И дальнейшие разъяснения не убедили Плеве. После встречи с Шиповым он оставался верен своей линии борьбы с консервативным либерализмом. Благодаря его усилиям Витте вынужден был подать в отставку со своего поста министра финансов. Работа Особого Совещания по нуждам сельскохозяйственной промышленности парализована была, как мы уже говорили, сопротивле-

нием Плеве. Шипов, в пятый раз избранный председателем губернской земской управы, не был им утвержден на этом посту, несмотря на то, что Шипов был противником конституционализма и даже принадлежал к романтическим сторонникам самодержавия, причем носил титул камергера.[32] Плеве упрекал Шипова, что он "руководительствует оппозиционной общественной группой с целью постоянного противодействия правительству".[33] Во время разговора, в котором он сообщил Шипову свое решение не утверждать его в должности председателя земской управы, он сказал еще яснее: "Я признаю Вашу деятельность вредной в политическом отношении потому, что Вы последовательно стремитесь к расширению компетенции и круга ведения общественных учреждений и к созданию организации, объединяющей деятельность земских учреждений различных губерний. Я не могу не согласиться, что мы к этому идем и что разрешение этого вопроса дело недалекого будущего, но вопрос этот может быть разрешен только сверху, а не снизу, и только тогда, когда в этом направлении выскажется определенно воля Государя".[34] Это мероприятие Плеве тоже принесло плоды, которых он бесспорно не мог желать. Вместо Шипова на должность председателя московской губернской управы избран был убежденный сторонник конституционного строя Ф.А.Головин.[35] Наконец Плеве сообщил адъютанту Великого Князя Сергея Александровича, А.А.Стаховичу, брату того М.А.Стаховича, который очевидно был ему особо немил, что он собирается сместить его брата с поста предводителя дворянства. Лишь смерть, наверное, помешала Плеве осуществить это намерение. 15 июля 1904 года он пал жертвой террористов, причем покушение это осуществлено было боевой группой под руководством его агента Азефа.[36]

Но и представители земства абсолютно не собирались уступать. Они пытались через посредство Витте добиться, чтобы разрешено было постоянным земским совещаниям высказываться по вопросам, связанным с нуждами сельскохозяйственной промышленности. С этой целью Шипов 18 июля 1902 года обратился с письмом к Витте.[37] Осенью того же года Шипов призвал всех председателей губернских земских управ выступить за отмену закона 12 июня 1902 года о системе ветеринарного обслуживания;

закон этот значительно урезывал компетенцию самоуправления на этом поприще.[38] Акция эта оказалась успешной. Циркуляром министерства внутренних дел от 23 марта 1903 губернские земские управы оповещены были, что Его Величество согласилось велеть пересмотреть закон от 12 июня 1902.

Но вышеуказанные совместные шаги земских деятелей всегда направлены были лишь на ограниченные конкретные цели. Лишь в апреле 1903 дело дошло до совещаний, носивших более общий характер. 20 апреля этого года министерством внутренних дел созван был съезд, к участию в котором привлечены были и земские деятели. Это вновь предоставило им возможность неофициально встречаться на частных квартирах и обсуждать злободневные вопросы. Тут прежде всего обсуждался вопрос, как должно держать себя земство по отношению к законодательству, частично затрагивающему местные интересы, которое предвещалось манифестом 26 февраля 1903 года. Манифест объявлял о ряде реформ, но ничего не упоминал о том, что представители земских учреждений привлечены будут к обсуждению соответствующих законопроектов, а говорил лишь в общих выражениях о намерении пригласить в связи с этим делом самых достойных людей из провинции. Предложено было открыто указать на необходимость привлечь к разработке таких законопроектов лиц, избранных губернскими земскими собраниями. Но предложение это было отвергнуто — правда, небольшим числом голосов. Уж слишком бы это все-таки напоминало конституцию Лорис-Меликова, а ведь хорошо было известно, что ни царь, ни его советники о ней и слышать не хотят. В результате было постановлено просить правительство представлять законопроекты на оценку земским собраниям в той мере, в какой они касаются положения в провинции и местных нужд.[39]

Таким образом, решение это принято было скорее из тактических соображений, просто потому, что земские круги все больше приходили к убеждению, что представители земства должны быть привлечены к подготовлению законопроектов в Государственном Совете. Но не надо полагать, что все сторонники этой идеи среди земства, или во всяком случае среди его большинства, придерживались мнения, что таким образом насажены будут за-

родыши конституционного режима. Напротив, правительственные круги действительно склонны были видеть выражение конституционных стремлений в том течении, которое добивалось участия земских деятелей в разработке законодательства не в отдельных исключительных случаях, а на постоянных началах и на основании определенного закона; в этом правительственном толковании наверное была доля правды. Плеве справедливо заметил, что в общественности все больше укреплялось мнение, что положительная работа вообще станет возможной лишь после изменения государственного строя. Сам Плеве довольно точно характеризовал это мнение и это настроение, говоря иронически: "Если мы пошлем наш проект на заключение местных людей... можно заранее сказать, какие ответы мы получим... это будут указания на то, что при современном укладе государственной жизни никакие реформы дорожного дела невозможны, что когда переменится государственный строй, сами собой улучшатся проселочные дороги".[40]

Наверное было бы ошибочным считать, что такого рода настроение полностью преобладало в земских кругах. Да и сам Плеве такой ошибки не делал. Он говорил, что это не есть мнение избранных земских представителей, а что так думает технический персонал из рядов интеллигенции, те люди, которых принято было называть "разночинцами", "третьим элементом" и высказывания которых часто искажали подлинный голос земства. Но с другой стороны, так же неправильно преувеличивать контраст в этом отношении между избранными представителями населения и техническим персоналом. Убеждение в том, что без перехода к конституционному строю в России вообще нельзя достичь никакого прогресса, укоренялось во все более широких кругах. Такие люди, как Шипов, видевшие величайшее несчастье в необходимости вести борьбу с правительством Его Величества и считавшие своим долгом "всеми силами и доступными мерами противодействовать конституционным течениям",[41] люди, которые, как Шипов, не хотели отказываться от надежды, что "государственная власть добровольно откажется от пагубной политики недоверия и преследования свободного проявления личной и общественной жизни",[42] были теперь уже лишь меньшинством среди представителей земской общественности. Большинство земских деятелей

присоединилось постепенно к сторонникам политического радикализма, т. е. к так называемому "Союзу Освобождения".

Этот ход событий, который, как мы вскоре увидим, чрезвычайно неблагоприятно отразился на процессе превращения России в конституционное правовое государство, в основном был делом рук Плеве с его чрезвычайно негибкой политической линией и с резкостью и суровостью его политических мероприятий.[43] Об этом совершенно ясно и четко свидетельствует Шипов: "Многие земские деятели заявляли мне, что они согласны были с моей политической программой действий и не теряли надежды, что правительство в конце концов сознает необходимость удовлетворить самые умеренные и лояльные пожелания общества, но после неутверждения меня министром в должности они потеряли всякую надежду на возможность мирного разрешения вопроса и были приведены к убеждению в неизбежности перейти на путь политической борьбы с существующим политическим строем. Такого рода факты... вызывали во мне тревожные мысли и опасения еще большего усиления и углубления разлада между государственной властью и обществом. Политика министра внутренних дел возбуждала раздражение в широких кругах населения, а чувство недовольства существующими порядками невольно переносилось на основу нашего государственного строя"[44] (т.е. на самодержавие). И Маклаков считает, что Плеве своей политикой оказал услугу освободительному движению и Союзу Освобождения.[45]

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 2

1. Мещерский. Воспоминания, том III, стр. 2.
2. Шипов. Воспоминания и думы о пережитом. Москва, 1918, стр. 132. В дальнейшем будет называться "Воспоминания".
3. Маклаков, ук. соч., стр. 15 и далее.
4. Мещерский. Воспоминания, т. III, стр. 287. См. также: Победоносцев. Письма Александру III. Москва, 1926, т. II, стр. 236 и далее. Недоверие свое к дворянству Победоносцев выразил, например, на совещании для обсуждения Булыгинского проекта Думы (19-26 июля 1905 года). См.: Петергофское Совещание о проекте Государственной Думы. П-д, 1917, стр. 150.
5. Мещерский, ук. соч., стр. 336. Достойно внимания то обстоятельство, что Витте в своих воспоминаниях неоднократно называет Победоносцева нигилистом.
6. Маклаков, ук. соч., стр. 27 и далее.
7. Маклаков, ук. соч., стр. 130.
8. Маклаков, ук. соч., стр. 27.
9. Маклаков, ук. соч., стр. 24.
10. Шипов и Маклаков на этом сходились. Маклаков, ук. соч., стр. 131. Шипов. Воспоминания. Предисловие.
11. Маклаков, ук. соч., стр. 272.
12. Маклаков, ук. соч., стр. 132 и далее.
13. Маклаков, ук. соч., стр. 134.
14. Маклаков, ук. соч., стр. 135 и далее.
15. Шипов, ук. соч., стр. 66 и далее.
16. Знаменательно, что с обострением реакционной линии правительственные учреждения стали прибегать к мероприятиям, которые воспринимались как социалистические. Так например, в статье, опубликованной сборником "Освобождение" в Штуттгарте в 1903 году под заглавием "Мысли о современном положении России" за подписью Земец, мы читаем: "В Москве распоряжением оберполицмейстера проводятся меры социализма и "Московские Ведомости" начинают во всеобщее сведение проповедывать как программу правительства, что самодержавие разрешит мировую проблему и перенесет Россию через голову буржуазного строя Европы прямо в будущий век великого идеала социализма" (стр. 168). Бывший социалист Тихомиров неоднократно подчеркивает, что крайне правые организации, боготворившие самодержавие, отвергавшие конституционализм и провозглашавшие крайний нацио-

нализм и прежде всего антисемитизм, совершенно определенно выражали и проводили в жизнь социалистические тенденции. То же самое подтверждает и известный представитель бюрократического мира Крыжановский, державшийся вдали от всех политических организаций вообще и в особенности от всех петербургских политических салонов. Он пишет: "Крайне правое крыло этого движения (Союзы Русского Народа) усвоило себе почти ту же социальную программу и почти те же приемы пропаганды, какими пользовались партии революционные. Разница была в том лишь, что одни обещали массам насильственное перераспределение собственности именем Самодержавного Царя, как представителя интересов народа и его защитника от утеснения богатых, а другие – именем рабочих и крестьян, объединенных в демократическую или пролетарскую республику". (Воспоминания. Берлин, без даты, стр. 153). Интересно, что и Витте ясно видел, что самым верным способом для ликвидации либерализма является раздробление поместий и распределение их среди крестьян, поскольку это было бы социальным уничтожением того слоя, из которого рождался и исходил либерализм. Он и сказал это Петрункевичу с поразительной откровенностью, хотя сразу же добавил, что правительство ничего подобного не имеет в виду и даже, наоборот, считает совершенно невозможным. Витте спрашивает: "Вы думаете, что правительство обнаружило свое бессилие и не может справиться с общественным движением без помощи этого самого общества? А я вам скажу, что правительство располагает средством, с помощью которого оно не только может раздавить общественное движение, но и нанести ему такой удар, от которого оно не оправилось бы – стоит только пообещать крестьянам наделить каждую семью 25 десятинами земли, – все Вы, землевладельцы, будете сметены окончательно. Правительство, конечно, не может прибегнуть к этому способу, но Вы не должны забывать этого" (Петрункевич, ук. соч., стр. 429).

17. Шипов, ук. соч., стр. 80.
18. Шипов, ук. соч., стр. 79 и 68.
19. Ориу. Административное право. 8-е изд., стр. 71; Принципы публичного права. 2-е изд., стр. 19.
20. Шипов, ук. соч., стр. 132, 80 и далее.
21. Маклаков, ук. соч., стр. 298 и далее.
22. Об этом Маклаков, ук. соч., стр. 291-297.
23. Шипов, ук. соч., стр. 134.
24. Несущественно мнение Шипова о том, что несправедливо называть его славянофилом. Его политические убеждения несомненно корнями уходят в мировоззрение славянофилов.

25. Шипов, ук. соч., стр. 154.
26. Шипов, ук. соч., стр. 153.
27. Шипов, ук. соч., стр. 158.
28. Шипов, ук. соч., стр. 169.
29. Маклаков, ук. соч., стр. 317 и далее.
30. Маклаков, ук. соч., стр. 174.
31. Шипов, ук. соч., стр. 174.
32. Маклаков, ук. соч., стр. 317.
33. Шипов, ук. соч., стр. 206.
34. Шипов, ук. соч., стр. 234.
35. Шипов, ук. соч., стр. 237.
36. Маклаков, ук. соч., стр. 317 и далее.
37. Шипов, ук. соч., стр. 194.
38. Шипов, ук. соч., стр. 199.
39. Шипов, ук. соч., стр. 225.
40. Шипов, ук. соч., стр. 223.
41. Шипов, ук. соч., стр. 214.
42. Там же.
43. Шипов, ук. соч., стр. 237.
44. Шипов, ук. соч., стр. 237.
45. Маклаков, ук. соч., стр. 318 и 300.

Глава 3

ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Программа освободительного движения: его радикальность. – Тактика освободительного движения: его союз с революционными кругами.

Главной целью освободительного движения было свержение монархии в России и обязательный переход к конституционному порядку. Те, кто объединился под знаменем этого движения, в отличие от земских кругов, совершенно не стремились к преодолению разрыва между государственной властью и общественностью. Они не желали восстановления обоюдного доверия и нормального сотрудничества между представителями правительства и общества.

Освободительное движение открыто выступило с изданием за границей журнала "Освобождение", а вскоре после этого создана была и организованная группа – Союз Освобождения. О создании журнала и о Союзе Освобождения довольно подробно рассказывает в своих воспоминаниях Петрункевич. Идея создания за границей свободной газеты возникла в небольшом московском кружке, к которому принадлежали Петрункевич, Вернадский, Шаховской, Корнилов, Новгородцев и некоторые другие. Идея эта вырисовалась конкретно, когда в 1902 году Петрункевич приехал на земский съезд в Тверь и встретился с сосланным туда Струве. Струве решил, что если ему не дадут разрешения на легальный выезд за границу, он уедет нелегально и станет политическим эмигрантом. Вскоре он действительно этот замысел осуществил. Петрункевич пишет: "При таких условиях вопрос выбора

главного редактора планируемого журнала решался сам собой".[1] По сути дела, главным редактором должен был стать Милюков, но друзья его не хотели "обречь его на судьбу Герцена", т.е., как думали тогда, на пожизненную эмиграцию. Не хотели они этого не только ради него, а и потому, что, по их мнению, он должен был оставаться в России, ибо "ему наверное предстоит сыграть большую роль в борьбе с правительством за свободу России".[2] Дальнейшие переговоры со Струве вели Шаховской и Н.Львов уже в Штуттгарте, где и постановили издавать журнал. Здесь Струве передали приблизительно 100000 рублей, собранных среди друзей, "одушевленных мыслью о необходимости борьбы за конституцию".[3] Первый номер "Освобождения" появился 1 июля 1902 года (новый стиль).

Весной 1903 года Милюков написал программную передовую с пояснением "заданий и направления как журнала "Освобождение", так и группы, основанной для борьбы с самодержавием".[4] Осенью 1903 года[5] состоялось совещание тех, кто поддерживал "Освобождение" статьями или деньгами. Участники совещания съехались в Шафгаузене. Не желая оставаться все время в одном и том же месте, они встречались затем в Зингене, на следующий день в Радольфсцедле и наконец, на третий день в Гогентвиле, недалеко от Констанцы. Из России прибыло на это совещание 20 человек. Интересно, что из них 10 принадлежали к земским кругам, а 10 – были представителями интеллигенции. Тут и был создан Союз Освобождения, – Союз, а не партия, в нем терпелись и должны были терпеться различные мнения.[6]

Борьба с самодержавием объединяла всех. "Программа движения, – пишет Маклаков, – уместилась в двух словах – "Долой Самодержавие", которые из эвфемизма назывались "двухчленною формулой", а по попавшему в печать простодушному донесению одного провинциального полицейского пристава, были "известной русской поговоркой".[7]

Такая позиция была выбрана сознательно. В статье, опубликованной в первом номере "Освобождения", мы читаем: "Еще менее смысла имело бы поднимать в настоящем заявлении вопросы о тех законодательных задачах, решение которых предстоит будущему органу русского народного представительства. Эконо-

мические, финансовые, культурно-просветительные, административные реформы, рабочее законодательство и аграрный вопрос, децентрализация и переустройство местного самоуправления – все эти и подобные им вопросы, выдвинутые русской жизнью, составляют неисчерпаемый материал для будущей законодательной деятельности представительного органа".[8] "Итак, – комментирует Маклаков, – пока кроме "Долой Самодержавие" в программе нет ничего".[9]

Однако невозможно было стоять на программе, содержащей лишь эти два слова. В семнадцатом номере "Освобождения", опубликованном приблизительно год спустя после первого, Милюков вынужден был досконально пересмотреть такую позицию. Здесь он пишет, что уже сейчас надо ставить на обсуждение аграрный и рабочий вопросы. Программа Союза Освобождения должна уже теперь содержать известные обещания, при помощи которых можно завоевать симпатии крестьян и рабочих. Дело в том, что без поддержки со стороны этих элементов партия политического освобождения сможет только печально прозябать. Маклаков прав, когда он подчеркивает значение этого изменения, основанного на признании, что у масс отсутствует всякий интерес к политической свободе.

Решение освободительного движения заняться аграрным и рабочим вопросами с целью завоевания симпатий соответствующих сословий означает, конечно, что к проблемам этим решили приступить с чисто демагогической точки зрения. "Думали не о том, как в интересах России разрешить эти вопросы, а о том, как в интересах войны с Самодержавием для привлечения масс их поставить".[10] Дальше Маклаков продолжает: "Самый подход к этим вопросам, рабочему и аграрному, делает излишним рассматривать их как программу. Они были вопросами тактики".[11] Иными словами, оппозиционные круги стали рассматривать социальные проблемы с точки зрения, которая лежит совершенно вне сути и содержания самих проблем. Этот подход был так же неудачен, как и подход правительственных кругов, которые при решении самых разнородных проблем неизменно исходили только из необходимости бороться против нигилизма и социалистического террора.

К сожалению, решение чисто политических проблем, предложенное Союзом Освобождения, было немногим удачнее, чем решение проблем социальных. Правда, в этом случае Союз не исходил из демагогических соображений, зато вопрос создания конституционного строя ставился чисто теоретически и даже догматически. В качестве решения предлагалась следующая схема: прежде всего создать комиссию "из представителей существующих общественных организаций и учреждений для составления избирательного закона в Учредительное Собрание, которое сочинит русскую конституцию; и только тогда нормальное законодательное собрание, которое будет думать о текущих нуждах страны". "Вот, – пишет далее Маклаков, – та теоретически безупречная схема, которая должна была дополнить лаконическую формулу "Долой Самодержавие". Маклаков считает, что эта программа отражает радикальные настроения, господствовавшие в то время в кругах интеллигенции.[12]

Характерно, конечно, что эта программа, не устраняющая монархию и не провозглашающая республику, тем не менее не оставляет за монархом совсем никаких функций в процессе изменения государственного порядка. В отличие от представителей земских кругов, которые считали сотрудничество между общественностью и государственной властью необходимой предпосылкой здорового прогресса в России и к такому сотрудничеству стремились, члены Союза Освобождения совершенно не думали ни о каком соглашении с монархом и вообще с какими бы то ни было силами старого строя. Они требовали от них одного: безусловной капитуляции, полного подчинения своей теоретически безупречной программе. Сами скованные некоторыми теоретическими началами государственности, они хотели те же оковы наложить и на представителей правительства. Маклаков ярко характеризует такой догматизм русской интеллигенции: "Идеал ее был так далек от русской действительности, что она не старалась его с ней преемственно связывать. Публицистика не интересовалась вопросом, каким русским институтам суждено "переродиться" в европейские учреждения. Даже те наши историки, которые превосходно изучили вопрос о смене политических форм, говоря о нашем будущем, старались о прошлом забыть, как о дурной наследственно-

сти, которая только мешает. Условия цензуры этому приему благоприятствовали, из-за нее надо было избегать явных параллелей и аналогий. Такое воспитание (при помощи цензуры) приучило интеллигенцию смотреть на Россию как на tabula rasa, на которой в известный момент будет почему-то, как-то и кем-то строиться новый строй по последним рецептам теории".[13]

Маклаков вероятно прав, говоря, что в оправдание русской интеллигенции надо принимать во внимание условия, при которых она действовала, давление цензуры, которое направляло ее определенным образом. Действительно, ведь не разрешалось писать открыто о недостатках самодержавия, о том, желательно ли сменить его на иную государственную систему, как и какими средствами можно это сделать. Поэтому русские общественные и даже научные деятели особенно прислушивались ко всему, шедшему из-за границы. При этом изучались прежде всего теоретические произведения по государственному и конституционному правам, написанные на западно-европейских языках. Изучали и государственное устройство и политическую жизнь других стран, но особенно интересно то, что русские исследователи и публицисты также внимательно изучали, и тоже с точки зрения теоретической, существующие учреждения, партии и идеологические течения других государств. Политическое положение других стран они оценивали исключительно с точки зрения последовательной теоретической предвзятости, они всегда шли по прямой от своих собственных идеологических позиций. Таким образом, оценка всегда была для них более или менее завуалированным способом выражения и распространения своих собственных политических идеалов. Осуждая английских консерваторов или французских оппортунистов, восхваляя бескомпромиссность как единственное допустимое поведение, они пропагандировали политический радикализм как принципиально правильное, а следовательно при всех условиях приемлемое политическое и идеологическое направление. При этом их суждения были реакцией на горькое сознание невозможности критиковать самодержавие.

Если принять во внимание, что для русской интеллигенции произведения этих авторов десятилетиями были единственной школой политического воспитания, то не удивительно, что интел-

лигенция "соединила в себе все недостатки безответственной оппозиции, которая судит о жизни только по несоответствию ее своему идеалу, без учета реальных возможностей".[14]

Вследствие такого абстрактного подхода к политическим и конституционным проблемам, для многих русских интеллигентов идеология политического радикализма и теоретическая идея конституции стали вопросом веры. "Трезвая оценка различных сторон конституции заменилась нерассуждающей мистической верой в нее. Никто не имел возможности спокойно обсуждать ее дурные и хорошие стороны, ставить вопрос о ее пригодности для России".[15]

Из этого принципиального подхода и вытекала тактика поведения по отношению к правительству и к самодержавию вообще. Будучи уверенными, что конституция – единственное спасение и что при самодержавном строе невозможно достичь ничего положительного, естественно приходили к выводу, что не стоит и пытаться улучшить самодержавие, а наоборот, надо всеми силами бросать вызов государственной власти и стараться ее скомпрометировать.[16] В номере 21 "Освобождения" в статье, озаглавленной "Как бороться с самодержавием", мы читаем: "Конституционалисты не должны упускать ни одного случая, открывающего возможность обострить или создать конфликт между органами общественной самодеятельности и самодержавным режимом". А в 22-м номере представители общественности призываются "всю силу, всю энергию истратить на создание атмосферы общего недовольства и протеста".[17] Чтобы достичь этого "Освобождение" в своем 13-м номере рекомендовало прежде всего два метода: обструкцию и забастовки.[18]

Террористические покушения или подготовка вооруженного восстания не предвиделись. Тактические позиции Союза Освобождения можно определить заглавием доклада, который Струве читал в Париже: "Не штурм, а блокада".[19] Но тот факт, что сначала собственное содержание программы освободительного движения (т. е. борьбы за устранение самодержавия) было только отрицательным, привел к тому, что движение могло сотрудничать со всеми, кто боролся против существующего государственного порядка. Вследствие этого освободительное движение не испытывало

потребности в проведении четких границ между своими собственными рядами и более левыми группами. И позже, когда в программу освободительного движения ввели положительные элементы, эта потребность не возникла. Как мы уже сказали, политическая программа носила чисто формальный характер: созыв Учредительного Собрания, которому все пути должны быть открыты. Социальная программа состояла лишь из пропагандного материала, из позаимствованных у социалистических партий элементов, которые казались сравнительно безвредными или которым старались придать безвредную форму. Так, главный редактор "Освобождения" Струве заявлял уже в первых номерах журнала: "Либерализм должен признавать свою солидарность с так называемым революционным направлением..."[20]

Вследствие такого провозглашения солидарности с революционерами освободительное движение сочло правильным в октябре 1904 года (т.е. незадолго до Земского Съезда, о котором вскоре будет речь) принять участие в совещании оппозиционных и революционных организаций.[21] Решено было, что для этих организаций выгодно установить друг с другом связь. При этом подчеркивалось, что это ни в коем случае не означает пересмотра программ или тактических методов со стороны сотрудничающих организаций. Конечно, освободительное движение не обязывалось таким образом, участвовать в террористических покушениях эсеров, но оно бесспорно согласилось не осуждать террор, иными словами, обеспечить ему молчаливую нравственную поддержку. Такая позиция была бы совершенно неприемлема для либералов XIX века.[22] Постепенно Союз Освобождения зашел и еще дальше. "Освобождение" начало оправдывать террор и систематически порицать тех, кто осуждал террористическую акцию. По этой причине "Освобождение" напало и на видных представителей либерализма, братьев Евгения и Сергея Трубецких.

Если уж освободительное движение решилось оправдывать даже революционный террор, то нечего удивляться тому, что оно было готово поддерживать любой иной вид политической смуты и социальных беспорядков, в первую очередь политические волнения среди студентов, стачки рабочих, крестьянские погромы, наконец национальные сепаратистские настроения или во всяком

случае стремления к автономии.[23] Здесь не место анализировать отдельно каждое из этих явлений. Подход освободительного движения к стремлениям к автономии – это вопрос, который должен был бы рассматриваться в рамках истории национальных движений в Российской империи. Что касается студенческого движения, то Маклаков прав в своем утверждении, что оно "больше шумело, чем разрушало, и больше действовало на нервы, чем сотрясало основы строя".[24] Движение это похоронило не самодержавие, а нормальную академическую жизнь и необходимые предпосылки для плодотворной академической работы. Самым болезненным образом оно отразилось не на бюрократии, а на преподавателях, среди которых много было представителей либерализма.

Позицию кадетской партии, а следовательно, освободительного движения, из которого она возникла, по аграрному вопросу я уже изложил во второй части этой книги. Здесь я должен только добавить, что освободительное движение не только (как уже написано) выступало за широкую национализацию поместий, оно кроме того часто пыталось оправдывать или хотя бы обходить молчанием крестьянские нападения и насилие против помещиков. Так например, один из ораторов от кадетской партии в Первой Думе, Герценштейн, назвал сжигание помещичьих домов "иллюминацией". Характерен для такого подхода эпизод, имевший место на Земском съезде в ноябре 1905 года, т.е. после того, как земские съезды подпали под влияние освободительного движения. Эпизод этот описывает Маклаков. Он пишет: "Если бы наивные люди вообразили, например, что, требуя ответственности администраторов за допущение погромов, Съезд имел в виду всякие погромы, подобные иллюзии были скоро рассеяны. Тогда громили всех, не только интеллигенцию или евреев, но и помещиков. Но Земский съезд заступался совсем не за всех. Е.В. де Роберти предложил не распространять амнистии на преступления, связанные с насилиями над детьми и женщинами. А Колюбакин в этом усмотрел "чисто классовый характер" проявляющегося на съезде течения. Е. де Роберти поторопился его успокоить: "я вовсе не думал, – сказал он, – о дворянских усадьбах; нашим усадьбам угрожает ничтожная опасность; если сгорело 15-20 усадеб, то это никакого значения не имеет. Я имею в виду массу усадеб и домов

еврейских, сожженных и разграбленных черною сотнею".[25] Чем, собственно, отличаются эти речи людей, считавших себя представителями либерализма, от речей, которые произносились на съезде революционного "Крестьянского союза"? Там один делегат с гордостью заявил: "Не было ни одного случая насилия, били только помещиков и их управляющих, да и то только в том случае, если они сопротивлялись".[26] По такому принципу правонарушение перестает таковым быть, если оно направлено против врага, – наоборот, оно становится справедливостью. Именно такой подход характерен для революционного терроризма и для гражданской войны. В первый раз он проявился, когда присяжные вынесли оправдательный приговор Вере Засулич, что и заставило Каткова сказать уже тогда, что революция наступила. Нет никакого сомнения, что участники Земского съезда отказались от принципов либерализма, когда встали на такую точку зрения.

Что же касается волнений в рабочей среде, то тут надо различать два момента. Чтобы не портить отношений с союзниками по борьбе с самодержавием и не ослаблять общего фронта, руководители Союза Освобождения были готовы согласиться с тем, что социал-демократы считают рабочий класс своим достоянием и не терпят никаких вмешательств в эту сферу. Это значило, что освободительное движение отказывается от противопоставления социал-демократическим идеалам социальной революции и диктатуры пролетариата своего собственного идеала правового государства; во всяком случае, оно отказывалось от этого всегда, когда социал-демократы обращались к рабочим. Таким образом оно позволило социал-демократам, и особенно Ленину, заклеймить политическую свободу (о гражданской и говорить не стоит) как буржуазный предрассудок, совершенно при этом не задумываясь о том, что как раз в стране, где нет глубоко укорененных традиций свободы, такие лозунги легко становятся особенно успешными, а следовательно, и особенно опасными.[27] Поддержка чисто экономических требований рабочих нигде не принимала политического характера с такой легкостью, как в России. В этом было виновато само правительство: абсолютистская государственная власть не разрешала создавать рабочие организации и объединения, рабочие не имели возможности сами защищать свои права и

свои интересы. Государственная власть считала своим долгом держать рабочих под опекой, приблизительно тем же образом, как и крестьян, и заботиться об удовлетворении интересов рабочего класса. Власть возлагала на предпринимателей обязательства по отношению к рабочим, которые часто бывали значительно больше соответствующих обязательств в западных странах.[28] Независимость самодержавной власти от подданных, в том числе и от капиталистов, делала это вполне возможным. Но прямым последствием было то, что рабочие прямо возлагали на правительство ответственность за свое материальное положение и за удовлетворение своих экономических интересов. Таким образом, экономические требования рабочих совершенно естественно получали политическую окраску.

Позиция Союза Освобождения по отношению к левым группам и к революционным силам неизбежно должна была с течением времени глубоко повлиять на сущность освободительного движения. Отказ провести четкую границу между подлинными представителями либерализма и теми, кто стоит левее его и вне его идеологических рамок, привел к тому, что либералы, примкнувшие к Союзу Освобождения, утеряли свое либеральное лицо и свои либеральные идеи. Многие из них, наученные опытом революционных событий 1905 года, вновь вернулись к либеральным позициям. Но в 1904 году этот отлив еще не начинался, да и позже он охватил лишь меньшинство.[29] Это чрезвычайно отрицательно отразилось на судьбе либерализма в России и с самого возникновения нанесло серьезный ущерб либеральному конституционному строю.[30]

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 3

1. Петрункевич. Воспоминания. Берлин, 1934, стр. 337.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. По Милюкову, июль 1903. См.: Воспоминания, т. I.
6. Петрункевич, ук. соч., стр. 339.
7. Маклаков, ук. соч., стр. 147.
8. Освобождение, №1, стр. 10.
9. Маклаков, ук. соч., стр. 148.
10. Маклаков, ук. соч., стр. 154.
11. Там же, стр. 155.
12. Там же, стр. 153.
13. Там же, стр. 151.
14. Там же, стр. 150.
15. Там же, стр. 161.
16. Там же, стр. 163.
17. По Маклакову, ук. соч., стр. 163 и далее.
18. По Маклакову, ук. соч., стр. 164 и далее.
19. Маклаков, ук. соч., стр. 158.
20. Освобождение, №5, цитируется по Маклакову, ук. соч., стр.176 и далее.
21. Маклаков, ук. соч., стр. 177.
22. Там же.
23. См. Милюков. Воспоминания, т. I, 1955, стр. 243.
24. Маклаков, ук. соч., стр. 188.
25. Маклаков, ук. соч., стр. 466.
26. Цитируется по Маклакову, ук. соч., стр. 407. Вряд ли нужно даже добавлять, что и бегство можно толковать как некий вид сопротивления.
27. Маклаков, ук. соч., стр. 194.
28. Маклаков, ук. соч., стр. 191.
29. Это противодвижение нашло идеологическое отражение в первую очередь в сборнике "Вехи". О сб. "Вехи" см. Л. Шапиро, The Vekhi Group and the Mystique of Revolution, in the Slavonic and East European Review No.82, 1955.
30. Маклаков, ук. соч., стр. 198.

Глава 4

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В 1904 г.

Земство как основа конституции. – Святополк-Мирский на посту министра внутренних дел. – Так называемый Первый Земский съезд в ноябре 1904 года. – История указа 12 декабря 1904 года. – Позиция Витте по вопросу о народном представительстве с консультативной функцией и о конституционном строе. – Характеристика Витте.

Хотя многочисленные представители земства и примкнули к Союзу Освобождения даже в качестве основателей, все же в общей сложности объединение с революцией, к которой стремились освобожденцы, было земским кругам крайне противно. Большинство представителей земства предпочитало путь мирной эволюции. Земцы самых различных политических направлений считали этот путь наиболее здоровым и верным для того, чтобы добиться конституционного режима. По их мнению, будущее российское народное представительство должно было развиться из земских учреждений. Витте писал: "Как я доказал в записке... земские учреждения – это конституция снизу, которая несомненно рано или поздно естественным социальным путем приводит к конституции сверху. И этот путь самый спокойный; и если бы раз давши земское и городское самоуправление и затем, в течение четверти века с ними не воевали, а постепенно их развивали, то мы пришли бы к конституции без смутных революционных эксцессов".[1]

Либералы, видевшие в переходе к конституционному строю естественное завершение реформ Александра II, считали земские

учреждения уже существующей основой для создания конституционного строя. Маклаков пишет: "Прежний либерализм верил, что к конституции он придет "эволюцией" существующих учреждений. В России было зерно, из которого самотеком росла конституция. Это было местное самоуправление, т.е. земство. Оно ведало те же общие нужды, что и государство; как оно, было принудительной организацией, но осуществляло принцип народоправства. Стоило постепенно развить это начало к низу и к верху, и конституция сама собой бы пришла".[2]

Маклаков не считал эту надежду нереальной, он даже верил, что такое развитие неизбежно, независимо от мнений и идеалов отдельных представителей земства. Он думал, что эту тенденцию будут поддерживать и те, кто не хочет конституции и остается верным сторонником самодержавия. Вот что он пишет: "Земец, который по убеждениям не хотел конституционного строя, Д.Н.Шипов, только потому, что он был настоящий земец и развивал земское дело, против своей воли сделался одним из основоположников конституционного строя в России".[3]

Путь этот был не только возможен, но и обладал большими преимуществами. Маклаков подчеркивает: "Это было бы долгим путем, но во время него воспитывались бы кадры людей, которые на опыте узнавали бы нужды страны, трудности, которые им предстояли бы, и были бы подготовлены, чтобы сменить прежних представителей власти".[4]

Интересно, что даже Петрункевич, который в интересах борьбы с самодержавием считал необходимым союз с революционными силами, сразу после провозглашения конституции 17 октября 1905 года спрашивал себя, не отразится ли отрицательно на развитии конституционного строя в России тот факт, что Россия пришла к конституции немирным путем. В его воспоминаниях мы читаем: "Россия отныне будет конституционным, т.е. правовым и свободным государством. Реформы 60-х годов XIX века завершены в 1905 году не свободным решением царя, а настойчивой борьбой народа. Всего ли народа, и гарантирует ли такое происхождение конституции ее прочность?"[5]

*

* *

После того как Плеве пал жертвой террористического покушения, на пост министра внутренних дел назначен был князь Святополк-Мирский. Это назначение предзнаменовало поворот на либеральный курс. Маклаков считает, что даже в ближайшем окружении царя стали сомневаться в правильности поведения Плеве.[6] Святополк-Мирский принадлежал к высшим придворным кругам. Он был не чиновник, а военный, получивший образование в Пажеском Корпусе. В чине генерала он принадлежал к генеральному штабу. Он пользовался всеобщим, очень большим уважением; даже Витте, в своих мемуарах критиковавший всех и все, говорит о нем как о человеке "выдающемся по своей нравственной чистоте".[7] Того же мнения придерживается и Маклаков.[8] И Шипов, хорошо знавший Святополк-Мирского, говорит о нем с большим уважением.[9] Даже Петрункевич, всегда критически настроенный по отношению к чиновникам и к придворным кругам, говорит о Святополк-Мирском с симпатией, вспоминая его простоту и приветливость. Несмотря на его нравственные качества и на его несомненный ум, трудно было надеяться, чтобы новый министр внутренних дел справился с положением. "Такое назначение, – пишет Маклаков, – было бы очень хорошо после убийства Сипягина; но два года управления Плеве так увеличили трудность задачи, что она была не по силам честному и благодушному Мирскому. Для того чтобы справиться с такою задачей, нужен был человек калибра Столыпина".[10]

Уже в первом своем официальном заявлении 16 сентября 1904 года Святополк-Мирский указал на то, что успех правительственных мероприятий в основном зависит от доброжелательности и доверия правительства к общественным и земским организациям, так же как и ко всему населению вообще.[11] Вследствие этого заявления в земских кругах усилилась надежда на откровенное сотрудничество между правительством и теми общественными организациями, которые вновь оживились сразу после назначения Мирского, так что еще до его заявления постановлено было созвать земский съезд. Это значило, что была уверенность

в возможности такого созыва без препятствий со стороны правительства.

Тогда и стало вполне ясно, насколько расходились позиции земских деятелей и представителей Союза Освобождения в 1904 г. Очевидно было, что в то время земство сохраняло в значительной степени независимость от Союза Освобождения.[12] Союз Освобождения совершенно не намеревался по-дружески отвечать на дружественный жест министра внутренних дел в отношении общественности. 2 октября в "Освобождении" опубликована была статья Милюкова под заглавием "Новый курс". В этой статье мы читаем: "... Делайте свой новый курс, но на нас не рассчитывайте; мы не дадим вам ни одного своего человека, не окажем вам никакого кредита, не дадим никакой отсрочки, пока вы не примете всей нашей программы. Возможно, вам удастся переманить на свою сторону одного из наших, но знайте: с момента, как он станет вашим, он перестанет принадлежать к нашим – и таким образом станет бесполезным и для вас".[13]

Решение созвать земский съезд принято было бюро земских собраний 8 сентября 1904 года. Это бюро создано было председателем Московского губернского земского комитета Головиным, и теперь после долгого перерыва снова выступало публично. После заявлений Святополка-Мирского 16 сентября 1904 бюро постановило расширить повестку дня, составленную 8 сентября, и ввести в нее "обсуждение общих условий государственной жизни и желательных в ней изменений".[14] Шипов пытался предостеречь большинство бюро от непродуманных действий, говоря, что заключения земского съезда, которые могли бы оказаться неприятны царю, легко поколеблют позиции лишь недавно назначенного министра внутренних дел. Он считал, что правильнее обождать, пока укрепится положение Святополк-Мирского и лишь тогда приступить к обсуждению политических вопросов общего характера. Но большинство бюро осталось при первоначальном решении.

Большая часть членов бюро подчеркивала, что пока только один член правительства заявил, что в основу своей программы он хочет положить доверие к обществу и желание с ним сотрудничать; иными словами, эта положительная тенденция правительства

вызвана лишь тем обстоятельством, что во главе министерства внутренних дел оказался либерально настроенный чиновник – т.е. просто случайностью. Но, по мнению большинства, пора было превратить такую тенденцию в правовую норму, которая не зависела бы больше от доброй воли того или иного министра внутренних дел.[15]

Когда Святополк-Мирский узнал, что представители земства подготовляют съезд, он поспешил заручиться одобрением царя на разрешение этого съезда. Не будучи достаточно осведомленным об обстоятельствах внутри земства, он считал, что речь все еще идет о заседании председателей губернских земских собраний с целью обмена опытом и совместных совещаний по поводу вопросов, связанных с нормальной земской деятельностью: т. е. об одном из тех заседаний, которые в свое время были уже разрешены Горемыкиным, а затем снова запрещены. Но когда выяснилось, что в собрании должны участвовать далеко не одни председатели губернских земских собраний и что на повестке дня стоят и общие государственные проблемы, он оказался в очень затруднительном положении перед Государем. Дело выглядело так, как будто он добыл у царя, при помощи неверной информации, разрешение на политическое собрание не уполномоченных официально представителей оппозиции в рядах земства. Тогда Святополк-Мирский попросил Шипова приехать в Петербург, чтобы разъяснить дело. Он заявил, что если будут настаивать на подготовленной бюро программе и на получении разрешения для съезда с целью проведения этой программы, он немедленно подаст в отставку.[16] Согласие правительства на эту программу, сказал Святополк-Мирский позже делегации бюро, с которой он вел дальнейшие переговоры, означало бы, что правительство готово передать обсуждение общегосударственных проблем в руки круга частных лиц. После доклада у царя, при следующей встрече с делегацией министр заявил, что правительство готово признать абсолютно частный характер собрания и в качестве такового формально его игнорировать, причем он подчеркнул (приблизительно в тех же словах, как в свое время Горемыкин), что нет закона, на основании которого можно было бы запретить частное собрание на частной квартире.[17] Делегация отвечала, что она согласна на это пред-

ложение. Она и действительно была вполне удовлетворена, будучи справедливо уверена, что независимо от того, будет ли собрание носить частный или официальный характер, заключения его получат в России самый широкий резонанс и должны будут быть приняты во внимание правительством. Поэтому согласие земства (с тем, что съезд будет рассматриваться как частное совещание), никак нельзя считать вынужденным. Наоборот, весьма вероятно, что земство видело в таком обороте дела известные преимущества. Во всяком случае, участники съезда – и как раз самые крупные из них – подчеркивали неоднократно, что они отдают себе отчет в частичном характере совещания, но что это нисколько не избавляет их от ответственности и даже не умаляет их ответственность за высказываемые ими мнения, в первую очередь ввиду ожидаемого сильнейшего отклика по всей стране.[18]

Съезд длился четыре дня. Только последний день работ посвящен был особым проблемам самого земства. Первые три дня целиком ушли на обсуждение последнего пункта повестки дня, а именно общих предпосылок для нормализации общественной и государственной жизни. Съезд выработал одиннадцать тезисов. В первых трех заявлялось, что с начала восьмидесятых годов образовалась полная отчужденность между обществом и государственной властью вследствие того, что правительство не допускает участия общества в обсуждении государственных дел и систематически внедряет административную централизацию и попечительство во всех областях общественной жизни. Бюрократический строй создает пропасть не только между правительством и обществом, но и между верховной властью и народом. Согласно четвертому тезису, настало время для возникновения тесной связи и живого контакта между государственной властью и обществом. Далее съезд требовал подлинных гарантий неприкосновенности личности (5); обеспечения свободы вероисповедания и печати (6); полного гражданского и политического равноправия для всех (7); и особенно предоставления крестьянам личных прав, равных правам всех других сословий (8); наконец, расширения полномочий органов самоуправления (9). Десятый и одиннадцатый тезисы указывали на необходимость создания народного представительства: высшая власть должна привлечь к делу сво-

бодно избранных представителей народа, для того чтобы с их помощью провести обновление России "в духе установления начал права и взаимодействия государственной власти и народа".[19]

По десятому тезису съезду не удалось достичь согласия, так что пришлось включить в окончательный текст две параллельные формулировки. Вариант, предлагаемый большинством (71 голос), рекомендовал передать законодательную власть народному представительству, т.е. перейти к конституционному строю. Вариант меньшинства (27 голосов) говорил лишь о правильном участии в законодательстве народных представителей, т. е. особого органа, который возникнет на основании выборов. Иными словами, меньшинство высказалось за установление избираемого органа с законо-совещательными функциями. Маклаков пишет по этому поводу, что речь шла не об одном и том же учреждении, с большими или меньшими полномочиями, а о двух различных органах совершенно разного государственно-правового характера. Шипов также указывает, что тут проявилось глубокое разногласие не столько политическое, сколько мировоззренческое. По мнению Шипова, "право должно всегда являться выражением сознания религиозно-моральной ответственности, лежащей на отдельных людях и на обществе".[20]

Шипов пишет дальше: "Не отрицая безусловной необходимости правового порядка в установлении и проявлении взаимодействия власти и населения, я вижу в этом правовом порядке не самостоятельную основу, а лишь практическое выражение идеи моральной между ними солидарности, которая должна служить действительной основой государственного строя".[21]

Очень показательно, что, по мнению Шипова, государственный строй старейшей конституционной монархии, т. е. Англии, зиждется не на правовых началах, а именно на этом нравственном понятии, ибо там "власть монарха ограничена не правовыми нормами действующей конституции, а глубоким сознанием как представителя верховной власти, так и кабинета министров, их моральной солидарности с народным представительством. В Англии, как и в России, среди населения преобладают настроения и стремления религиозно-нравственного характера над интересами правовыми, и я считал вероятным и возможным, что если идея русско-

го самодержавия сохранится непоколебленной в своей основе, то при постепенном развитии нашей государственной жизни эта идея могла бы получить в более или менее близком будущем выражение и осуществление в формах и порядке, аналогичных государственному строю Англии. Такое направление нашей государственной жизни обеспечивало бы ее развитие без острых потрясений и без пробуждения в населении правовых интересов и эгоистических инстинктов".[22]

Значит, народное представительство, в представлении меньшинства земского съезда, должно было стать органом нравственного значения для осуществления солидарности между царем и народом, а никак не органом, представляющим права и требования граждан по отношению к государственной власти. Шипову и его друзьям представлялась важной именно эта внутренняя сущность народного представительства, а никак не ограничение полномочий будущего парламента как чисто консультативного органа. В другом месте он подчеркивает, что с его точки зрения совершенно безразлично, получит ли народное представительство законодательные или лишь законосовещательные функции. Он пишет: "Нашим оппонентам, повидимому, было совершенно непонятно, что для нас, при усвоенной нами исходной точке зрения, является совершенно излишним и чуждым вопрос – решающим или совещательным голосом будет пользоваться народное представительство, и исключается вовсе возможность сохранения абсолютизма власти, не считающейся с представительством народного мнения, народной мысли. Различие в нашем отношении к этим вопросам обусловливается исключительно тем, что конституционалисты в основу преобразования нашего государственного строя полагали идею правовую, а мы считали необходимым в основу предстоявшей реформы положить идею этико-социальную, сознание нравственного долга, лежащего равно как на носителе верховной власти, так и на народном представительстве".[23]

Но разногласие между большинством и меньшинством земского съезда не повело к разрыву. Как уже было указано, обе формулировки вошли в состав тезисов. Существовало нечто более важное, что делало возможным сотрудничество между обеими фракциями. Все они исходили из убеждения, что преследуемая

цель – это соглашение между государственной властью и народом, между правительством и общественностью. Они не хотели сходить с пути лояльности. И большинство и меньшинство смотрели на результаты съезда как на призыв, обращаемый к высшей государственной власти, вступить на путь реформ, а тем самым и сотрудничества с обществом.[24] И большинство, высказывавшееся за переход к конституционному строю, думало лишь о конституции, которую пожалует царь. Сама идея народного представительства с учредительными полномочиями была отброшена. В этом смысле высказался на собрании даже Кокошкин, который впоследствии очень скоро выступит в качестве убежденного сторонника учредительного собрания. Шипов пишет: "Ф.Ф. Кокошкин, отметив, что учредительные собрания образуются лишь в эпоху анархий, чего в России в настоящее время нет, высказал пожелание, чтобы новый порядок был сразу установлен верховной властью".[25]

Н.Н. Львов придерживался той же точки зрения с еще большей решимостью. В большой речи он указал на то, что принципы свободы и права должны применяться в сотрудничестве с исторической государственной властью, что инициатива реформ должна исходить от правительства, так же как это было в шестидесятые годы. "Речь Н.Н. Львова, – пишет Шипов, – вызвала громкие выражения общего сочувствия, так как она совершенно верно формулировала истинное настроение, желания и надежды всего совещания".[26]

На съезде было постановлено отправить делегацию к министру внутренних дел, чтобы осведомить его о заключениях собрания.[27] Министр отвечал, что не может принять представителей съезда, так как это было бы равносильно признанию за ним официального характера и противоречило бы соглашению считать его частным совещанием. Однако он просил Шипова посетить его частным образом и при этом ознакомить его с резолюциями съезда.[28] Визит этот состоялся, во время разговора Святополк-Мирский согласился с заключениями съезда и выразил готовность доложить о них государю. Он попросил лишь дополнительно представить ему памятную записку с четким изложением оснований принятых тезисов. Составить эту записку поручили С. Трубецкому.

После окончания этой работы записка многократно обсуждалась группой земцев, участвовавших в съезде, так что ее, бесспорно, можно считать настоящим выражением господствовавшей на съезде атмосферы. 28 ноября 1904 года записка передана была Шиповым и Трубецким лично министру внутренних дел.[30]

В записке мы находим тот же подход, который неоднократно проявлялся в речах ораторов съезда; все эти мысли высказаны Трубецким с характерными для него ясностью и изяществом. В основном речь идет о том, что реформы должны проводиться сверху. "Инициатива этого великого и святого дела (т. е. основания политической свободы в России) должна исходить от высшей власти, т.к. она одна может осуществить ее мирным путем", – пишет Трубецкой.[31] В другом месте он говорит: "Никогда еще Россия не нуждалась в такой степени в сильной государственной власти, располагающей настоящим авторитетом, и в организованном обществе;[32] только при условии их согласованной акции и будет возможно мирно провести в жизнь спасительные реформы и установить прочный правовой порядок".[33] Трубецкой высказывает уверенность, что все лучшие и самые здоровые силы страны сплотятся вокруг правительства, если только оно станет на путь реформ. Возврат же к политике 80-х годов будет гибелен, т. к. эта политика привела Россию к разгрому извне и к внутренней смуте. Приговор этой политике вынесла сама жизнь. Трубецкой подчеркивает: "Теперь не свободолюбие, а патриотизм требует реформ".[34] При сохранении нынешнего правительственного строя все будет больше и больше тормозиться, ибо при существующих ныне обстоятельствах любая отдельная проблема неизбежно приобретает общеполитическое значение и становится предметом политической борьбы, а это обязательно оказывает влияние на объективность рассмотрения самой проблемы. Все это не есть последствие поверхностной агитации, а неизбежный результат того, что общеполитическая проблема заслоняет собою все остальное. Весь ход русской жизни поставил передо всеми мучительную дилемму: "Право или бесправие, неограниченный произвол бюрократии или правильно организованное народное представительство".[35] Ни одна отдельная проблема, – в частности, крестьянский вопрос, самый срочный изо всех, – не может

быть решена без утверждения в России политической свободы. Попытка утвердить прочный правопорядок в деревне – неосуществима, пока нет такого порядка в стране вообще, а последнее невозможно без широкого участия представителей общественности в законодательной работе.

К сожалению, неизвестно, использовал ли министр эту записку при докладе Государю, и если да, то в какой степени.[36] Во всяком случае, Святополк-Мирский не только высказал симпатию к заключениям земского съезда, но и принял предложенные тезисы как основу своей правительственной программы. В начале декабря он распорядился разработать законопроект, в котором провозглашалась программа либеральных реформ, соответствовавшая желаниям земского собрания; такие реформы должны были постепенно проводиться при помощи отдельных подробных законов. В последней статье законопроекта даже заявлялось о намерении привлечь избранных представителей к законодательной деятельности. Однако эта последняя статья не была включена в закон, опубликованный 12 декабря 1904 года, вследствие чего Святополк-Мирский немедленно подал заявление об отставке.

*

* *

История этого законопроекта небезынтересна и стоит вкратце ее рассказать. Источников достаточно, Витте повествует об этом деле в своих воспоминаниях, а Шипов повторяет то, что он слыхал от Святополк-Мирского о судьбе законопроекта. Наконец, Маклаков тоже разбирает все происшествия, о которых он беседовал и со Святополк-Мирским и с Витте. Статья 9, предусматривавшая привлечение к законодательной работе представителей самоуправления, вычеркнута была Государем после разговора с Витте. Тогда никто не понимал занятой Витте позиции. ни представители общественности, ни сам Святополк-Мирский, хотя Витте и говорил с ним на эту тему по крайней мере два раза. Общественность была чрезвычайно раздражена. Святополк-Мирский был в ужасе и чувствовал себя обиженным. Он считал совет, данный Витте Го-

сударю, предательством по отношению к себе, поскольку, по его убеждению, Витте обещал ему свое полное содействие. Можно, однако, предполагать, что Святополк-Мирский неправильно понял обещание Витте.

После того, как 2 декабря 1904 года Святополк-Мирский сделал Николаю II доклад о земском съезде и представил ему принятые съездом тезисы, он попросил Государя созвать совещание высших государственных чиновников и самому на нем председательствовать,[37] на что Государь сначала реагировал скептически, но в конце концов дал свое согласие.[38] На следующий день Святополк-Мирский разослал всем предполагаемым участникам совещания приглашения. В тот же вечер Витте приехал к нему, чтобы еще до совещания обсудить с ним все подробности. Витте сказал, что если необходима реформа государственного строя, то предпочтительно прямо перейти к конституционному строю. В отличие от славянофилов и от Шипова, он никак не верил, что народное представительство с законосовещательной функцией может превратиться в орган, в рамках которого осуществится нравственное единение Государя с народом. Наоборот, он был уверен, что такое народное представительство неизбежно должно будет предпринять серьезную борьбу за расширение своих полномочий и получение подлинной законодательной власти, иными словами, за переход к конституционному строю. Попытка сохранить самодержавие и одновременно созвать народное представительство с консультативными функциями, по его мнению, являлась попыткой согласовать несогласуемые начала, что давало таким образом законный повод для борьбы на верхах государственной структуры. Витте считал народное представительство только законосовещательного характера просто ублюдком, ибо такое представительство не дает ни одного из преимуществ, которые нормально предоставляет конституционный строй, однако при этом ослабляет самодержавие, лишая его именно его положительных возможностей.[39]

Но поскольку в остальном законопроект содержал как раз ту программу либерального абсолютизма, сторонником которой Витте всегда был, он не мог не поддержать законопроект, особенно ввиду того, что там рекомендовалось решение крестьянского

вопроса в желанном для Витте направлении. Таким образом, Витте обещал министру внутренних дел не высказываться по статье о консультативном народном представительстве, хотя и сказал, что по сути дела он не может ее одобрить. Святополк-Мирский истолковал слова Витте слишком оптимистически: обещание молчать он понял, как обещание поддержать проект, и поэтому он был в ужасе, когда Витте этого не сделал.

Вообще Витте не придавал вопросу народного представительства того решающего значения, какое приписывали ему как противники, так и сторонники конституционного строя. Он не разделял ни мистического страха, который испытывал перед конституцией Победоносцев, ни слепой веры в нее ее сторонников. Особенно чуждо было ему представление, что какие-то особые черты русского характера могут препятствовать введению конституционного строя в России. Как раз Шипову, стороннику народного представительства без законодательной власти и врагу конституции западного образца, Витте в 1902 году говорил: "Со мной (т. е. с утверждением, что существование самоуправления делает неизбежным переход к конституционному строю) не соглашаются только такие люди, как мой милейший приятель князь Алексей Дмитриевич Оболенский, который витает в области теоретической фантазии и полагает, что русский народ какой-то особенный, руководящийся какой-то особой идеей. Я с этим конечно согласиться не могу и считаю, что все народы одинаковы, как англичане, французы, немцы, японцы, так и русские. Что хорошо для одних, то почему тоже не будет хорошо и для других?.. Да разве в государствах с представительной формой правления дело идет хуже?"[40]

Однако Витте считал, что переход к конституционному строю не входит в число срочных задач. Он скорее даже придерживался мнения, что пора еще не настала. Конечно, возможны и олигархические конституции, но это в России уже поздно. Об этом резонно мог думать Мордвинов во времена Александра I, когда еще твердо стояло крепостное право. Но после освобождения крестьян такого рода решение в России стало уже невозможным. Поэтому речь могла идти лишь о более или менее демократической, или, по крайней мере, исходящей из основных демократических прин-

ципов, конституции. Витте, однако, считал, что именно для такой конституции еще слишком рано. По его мнению, переход к конституционному строю невозможен, пока крестьяне, т. е. большинство населения, подчиняются особым законам: при продолжении сословной обособленности крестьян будут неизбежно отсутствовать предпосылки для введения конституции. Витте считал, что завершение освобождения крестьян должно предшествовать созданию народного представительства. Когда самодержавие окончательно исполнит свое задание, т. е. доведет до конца дело освобождения крестьян, переход России к конституционному строю совершится сам собой.[41]

Витте тем легче было считать преждевременным переход к конституционному строю, что он нисколько не разделял убеждение оппозиционной общественности, что при самодержавии нельзя достичь ничего положительного. Его опыт противоречил таким утверждениям оппозиционных кругов. Будучи министром самодержца, он достиг значительных успехов в деле развития промышленности и железных дорог, а также в области финансовой. Маклаков пишет: "Витте судил о годности принципов по их результатам, а не расценивал жизнь по ее соответствию принципам".[42] Так, он ценил самодержавие как систему, при которой, по его мнению, легче всего достигать конкретных результатов. Таким образом, его подход к самодержавию существенно отличался от подхода как либеральной, так и антилиберальной общественности. Большинство приверженцев самодержавия ценило его как защиту от реформ и как воплощение идеологической формулы – православие, самодержавие, народ. Оппозиционные круги, наоборот, отвергали монархию как препятствие на пути к реформам и как строй, противоречащий требованиям либеральной и демократической идеологии.[43] В отличие от тех и других, Витте стоял за самодержавие потому, что, по его мнению, оно в большой мере обеспечивало проведение в жизнь реформ. Он был убежден, что многие полезные реформы могут быть проведены, только если можно опереться на неограниченную власть абсолютной монархии, и что те же самые реформы, будучи по содержанию своему обреченными на непопулярность, никак не могут осуществиться в рамках демократического строя.

Витте не интересовало, соответствует ли самодержавие известным требованиям той или иной идеологии или, наоборот, с ними непримиримо. По его мнению, все виды государственного строя вообще имеют лишь относительную ценность. Так, он считал, как уже было сказано, что Россия придет к конституционному строю. Но думал он это не потому, что считал конституционный строй особенно хорошим, а потому, что, по его мнению, Россия должна пройти тот же путь, что и все остальные государства, а вследствие такого развития скоро возникнут нужные условия для перехода к конституционному строю. Маклаков так передает ход мыслей Витте: "По мере того как общество богатеет, привыкает к самостоятельной деятельности, привычка к повиновению в нем исчезает. Оно начинает не только желать власти, но приобретает и способность к ней; конституции требует тогда весь уклад привыкшего к свободе и общественной дисциплине народа".[44]

Уже из этих пояснений очевидно, что возникновение необходимых предпосылок для конституционного строя Витте связывал с совершенно иными моментами развития, чем представители оппозиционных кругов.

Общественность видела главным образом в самоуправлении и в земских учреждениях предварительную фазу народного представительства, а следовательно предпосылку для конституционного строя.[45] Как мы видели, Витте признавал это, но со значительными ограничениями. В отличие от представителей общественности, он считал то обстоятельство, что земские собрания представляют собой как бы школу парламентского метода правления, лишь чисто внешней предпосылкой конституционализма. По его мнению, такая школа могла быть полезна только при известных условиях. Его скептицизм насчет ценности парламентского метода правления в рамках земства наверное истекал не только из внутреннего отвращения Витте к этому методу,[46] но также из его убеждения, что частичное введение народного представительства, как бы в гомеопатических мерах, может оказаться только вредным, если при этом отсутствует твердая решимость вскоре перейти к конституционному строю.[47] Несмотря на бесспорную практическую полезность органов самоуправления, он с точки зрения общеполитического порядка и равновесия политических элемен-

тов в государстве считал их вредными. Их существование означало внедрение в самодержавие чуждого тела, т. е. органов, основанных на демократическом принципе, противоположном принципу самодержавия. Ведь земство опирается не на принципы либерализма (который не вступает в прямой конфликт с абсолютизмом по вопросу личной гражданской свободы), а на принцип демократический (который именно находится в прямом контрасте с самодержавием и никак не может с ним сосуществовать), а из попыток такого сосуществования неизбежно возникают трения и внутренняя борьба, как и доказывает нам исторический опыт. Такие трения неизбежны уже потому, что земство – организация не добровольная, а обязательная, с полномочиями, предписанными свыше, и с заданиями и обязанностями той же природы, какие бывают у государственных учреждений. Поэтому Витте считал, что существование органов самоуправления оправдывается лишь при условии твердого намерения постепенно переходить к конституционному или демократическому строю, ибо только в таком случае можно избежать вредной для государства внутренней борьбы.[48] Если же не ставить себе этой цели, то надо обходиться без построенного на демократических принципах самоуправления. Витте считал это возможным, т.к. по его мнению, местные потребности могли бы удовлетворяться иными путями, а совсем не обязательно при посредстве земства. Маклаков предполагает, что Витте при этом думал о широком развитии союзов, т. е. организаций абсолютно частных, не имеющих никаких общественных полномочий.

Витте считал, что существование самоуправления далеко не означает, что даны необходимые предпосылки для перехода к конституционному строю. Более того, он был убежден, что жесткая школа борьбы за существование и за личный успех лучше всего подготовляет к конституционному строю, а крестьянству как раз не хватает такого специфического опыта. Маклаков передает мнение Витте таким образом: "Надо, чтобы русские люди и общество в борьбе за свои интересы привыкли надеяться на себя, перестали воображать, что о них кто-то должен заботиться. Без такой психологии не может быть конституции".[49]

Вообще же Витте не верил в возможность конституционного

строя в стране, в которой еще недостаточно укоренилась личная гражданская свобода, а у крестьянства ее просто вообще нет. Как уже говорилось, он считал срочно необходимой не конституцию, а крестьянскую реформу, которую, по его мнению, прекрасно можно осуществить в условиях самодержавия.

"Витте не мог понять, зачем русское общество сейчас вступает в трудную борьбу с самодержавием, почему оно стремится ускорить естественный процесс его отмирания, вместо того, чтобы использовать самодержавие для осуществления предпосылок, без которых конституция России пользы не принесет".[50]

Поскольку программа Святополк-Мирского содержала то, что, по мнению Витте, было самым важным, т.е. мероприятия для преодоления правовой обособленности крестьян,[51] Витте был готов согласиться на первый шаг ко введению конституционного строя, несмотря на то, что, по его мнению, шаг этот был преждевременным и к тому же подготовлялся в нежелательной с его точки зрения форме. По сути дела, Витте сделал даже больше, чем он обещал Святополк-Мирскому. Он не только смолчал при обсуждении вопроса о созыве консультативного народного представительства, а и помог отразить все аргументы, прямо направленные против этого предложения, хотя и не защищал 9-ю статью законопроекта. При подготовлении текста законопроекта канцелярией министерства, которая прямо подчинялась Витте как председателю, точно выполнялась программа, представленная Святополк-Мирским и одобренная совещанием под председательством Государя. Но когда 11 декабря Николая II пригласил к себе Витте, чтобы еще раз услышать его мнение о 9-й статье законопроекта, а также чтобы обсудить с ним необходимость включать эту статью в закон (Государь сомневался в том, что это действительно необходимо; сомнения эти еще поддерживали во время совещания его личные советники),[52] Витте высказал свое мнение безо всяких оговорок. Он сказал Николаю, "что он не относится к нему (т.е. этому предложению) отрицательно и не ожидает от его осуществления положительных результатов".[53] Витте добавил: "Если Государь хочет постепенно переходить к конституционному строю, то созыв представителей мог быть одобрен, ибо он к конституции приближает. Если же он хочет сохранить самодержавие, созыв представитель-

ства нежелателен".[54] После этого, совершенно естественно, Государь зачеркнул статью законопроекта, предусматривавшую создание органа, существование которого могло поставить под угрозу самодержавие, в то время как его решительно защищали и считали ценным и священным многие из приближенных Государя; тем более, что не только они, а и такой сугубо практический человек, как Витте, не ожидал от предлагаемого нового органа никаких положительных результатов.

С точки зрения Витте, высказанное им мнение было совершенно последовательно. По всей вероятности, скептицизм по отношению к народному представительству с исключительно консультативными функциями и на самом деле был принципиально справедлив. Однако Маклаков считает, что Витте совершил большую политическую ошибку, высказавшись в беседе с Государем так, что законопроект неизбежно должен был быть отвергнут.[55] Ведь тогда речь шла в первую очередь о том, чтобы создать основы для соглашения с представителями лояльной общественности и антиреволюционного либерализма. В 1902 году либералы еще не включили в свою программу требование народного представительства. Теперь же, после двухлетнего пребывания Плеве на посту министра внутренних дел, все представители земства, в том числе приверженцы самодержавия и противники конституционного строя, считали созыв народного представительства неизбежным. Непринятие этого пункта в правительственную программу должно было повести к утере всякого доверия к правительству и к честности его намерения проводить реформы.[56] А поскольку именно высказанное Витте суждение и повлияло на Государя в том смысле, что законопроект о созыве представителей и создании законодательного собрания был взят обратно, надо считать Витте виновным в том, что пропала возможность соглашения между государственной властью и земским либерализмом.

Петрункевич в своих воспоминаниях пишет, что в земском съезде в ноябре 1904 года следует видеть начало революции 1905. Я считаю это мнение необоснованным, ибо съезд высказался принципиально против учредительного собрания и решительно подчеркнул, что инициатива реформ может исходить только от существующей государственной власти. Может быть, однако, все-таки

правильно считать, что неудача при попытках достичь соглашения между государственной властью и консервативным либерализмом, который представлен был съездом, действительно стала непосредственной предпосылкой для возникновения революционной ситуации. После этого съезда, после этой попытки, по словам Маклакова, "кончилась и роль лояльного земства".[57] Надежде на соглашение с государственной властью нанесен был тяжкий удар, она оказалась неосуществимой мечтой. Неизбежным последствием этого было, конечно, то, что революционные позиции прослыли политическим реализмом. Таким образом, неудача Святополк-Мирского и умеренных земцев-либералов повела к обострению революционных настроений в стране.

Витте в будущем и предстояло нести последствия им же совершенной политической ошибки. Когда после 17 октября 1905 он был назначен председателем Совета министров, ему было ясно, что одним из условий успешного перехода к конституционному строю в России является соглашение между правительством и умеренно-либеральными земскими кругами. Но после неуспеха ноябрьского съезда представители консервативного либерализма были совершенно оттеснены и подавлены представителями политического радикализма, так что они просто не могли больше выступать в качестве представителей общественного мнения. Поэтому Витте оказался вынужденным вести переговоры с гораздо более радикально настроенными и не склонными к соглашению общественными деятелями, что и повело, как мы увидим, к провалу всех его попыток опереться на общественность и получить ее поддержку.

Витте — интересный пример большого государственного деятеля, который, однако, в то же время был очень слабым политиком.[58] При защите предлагаемых мероприятий Витте, собственно говоря, только и умел ссылаться на объективные аргументы. Он совершенно не умел исходить не из сути дела, а приспосабливаться к уровню, характеру и идеологическим позициям тех, к кому он обращался. Ему легко было иметь дело с Александром III, который, по-видимому, сам в высшей степени любил объективные аргументы. Но ему абсолютно не удавалось влиять на Николая II, и часто совершенно беспомощен оказывался он перед пред-

ставителями общественности. Маклаков пишет: "Чтобы влиять на Государя, уже не годилась та резкая правда, которая Витте так удавалась с его покойным отцом. Приходилось затрагивать те специальные струны, на которые Государь откликался. Витте на это пошел, и это было большим унижением его жизни; но искусно делать это он не умел. В нем было слишком мало настоящего царедворца".[59]

Что же касается общественности, то, собственно говоря, Витте познакомился с ее представителями лишь во время переговоров, которые он вел с ними, став премьер-министром. И склад ума общественных деятелей оставался ему непонятен. Он ничего и не предпринимал, чтобы на них повлиять. Он ограничивался тем, что приглашал отдельных общественных деятелей и излагал им свои объективные аргументы. Это имело должное действие, только когда Витте мог говорить с отдельными людьми, но как только он пытался говорить с группами представителей общественности, они неизменно отклоняли его предложения, объясняя свой отказ требованиями общественного мнения. "Он потом про это рассказывал; переговоры не увеличили его доверия к ним (т. е. к предствителям общественности); ему казалось недостатком гражданского мужества, что люди, по существу с ним согласные, не хотят ему помогать, ссылаясь на общественное мнение. Еще более поражало его, что люди, которые послушно обществу подчинялись, перед Витте сами не защищали позиций, которые общество выставляло. Кто же делает общественное мнение? – спрашивал он с недоумением. – Я не встречал человека, который бы наедине считал правильным то, что он сам от меня во имя общества требовал".[60]

В этом, может быть, и кроется причина приверженности Витте к самодержавию и критического подхода к конституционному строю. Наверное, нелегко бывало убеждать или переубеждать самодержца, но во всяком случае, это было не труднее, чем убеждать общественность, а ведь при конституционном строе это приходится делать все время, если хотеть проводить в жизнь свои идеи и не слушаться слепо голоса общественности. Маклаков пишет далее: "Витте... был сильной индивидуальностью, убеждения которой складываются в ее голове, а не по постановлениям боль-

шинства. Он сам знал, что нужно России и верил себе. Его не увлекал политический спорт, который развивается при конституционном порядке; не интересовало впечатление, которое он производит на публику, ни газетные отзывы, в которых современные политические деятели ищут оценки себе. Занимал его один результат... и он предпочитал порядок, при котором конкретных результатов казалось всего легче достигнуть, хотя бы и с наименьшим личным успехом".[61]

По всей вероятности, значит, Витте так держался самодержавия именно потому, что совершенно не чувствовал в себе политического таланта и склонности к политике. Ведь нет сомнения, что самодержавный строй гораздо менее политический по своей природе, чем строй конституционный.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 4

1. Витте. Воспоминания, т.1, стр. 436. Записка Витте, которую он здесь упоминает, должна была доказать, что земские учреждения несовместимы с самодержавием. Остается спорным вопрос (на который в самом деле нелегко ответить), какие практические намерения скрывались за этими теоретическими рассуждениями Витте.
2. Маклаков, ук. соч., стр. 140 и далее.
3. Маклаков, ук. соч., стр. 141.
4. Там же.
5. Петрункевич. Воспоминания, стр. 403.
6. Маклаков, ук. соч., стр. 320.
7. Витте. Воспоминания, т. 1, стр. 288.
8. Маклаков, ук. соч., стр. 321.
9. Шипов. Воспоминания, стр. 239.
10. Маклаков, ук. соч., стр. 320 и далее.
11. Шипов, ук. соч., стр. 240.
12. Маклаков, ук., соч., стр. 324.
13. По Маклакову, ук. соч., стр. 323.
14. Шипов, ук. соч., стр. 242.
15. Шипов, ук. соч., стр. 241.
16. Шипов, ук. соч., стр.249.
17. Шипов, ук. соч., стр. 258. Министр сказал только, что перед домами, где будут происходить совещания, он поставит на часы полицейских не для того, чтобы наблюдать за работой, а для того, чтобы предупредить какие-либо демонстрации рабочих или студентов. И действительно, полицейские вели себя весьма дружественно с участниками съезда и даже давали им указания, как ехать к домам, где происходили собрания.
18. Шипов, ук. соч., стр. 260.
19. Шипов, ук. соч., стр. 261-265.
20. Шипов, ук. соч., стр. 267 и далее.
21. Там же.
22. Шипов ук. соч., стр. 309. – Эти идеи Шипова очень близки к концепциям славянофилов и наверное глубоко уходят корнями в славянофильское мировоззрение. Сам Шипов подчеркивает, что он глубоко почитает представителей этого движения, как например В.Киреевского, А.Хомякова, Ю. Самарина. Общее у него со славянофилами – в первую очередь убеждение, что в основе прогресса человеческого общества лежит не усовершенствование социальных и политических форм, а

''внутренний облик человека''. Но он же и указывает на те моменты, которые отделяют его от славянофилов. Он говорит, что не полностью разделяет их лозунги о православии, самодержавии и народе. Самое важное в этом отношении – это что Шипов отрицает превосходство православия по сравнению с другими христианскими вероисповеданиями и думает о сотрудничестве разных церквей, затем, что он вообще отклоняет идею божественного происхождения власти, а тем самым и идею божественного источника русского самодержавия. (См. Шипов, ук. соч., стр. 269 и далее).

24. Шипов, ук. соч., стр. 273.
25. Шипов, ук. соч., стр. 274.
26. Шипов, ук. соч., стр. 275.
27. Эта делегация состояла из пяти человек: из председателя съезда Шипова, из двух заместителей председателя, кн. Г.Львова и Петрункевича, и из двух особо для этого избранных людей, гр. Хейдена и М.Родзянко. (Шипов, ук. соч., стр. 259 и 277).
28. Шипов, ук. соч., стр. 278.
29. Шипов, ук. соч., стр. 280.
30. Записка эта напечатана в приложении к ''Воспоминаниям'' Шипова, стр. 581-587.
31. Шипов, ук. соч., стр. 583.
32. То же самое повторяет еще раз Трубецкой (стр. 585). Бесспорно, он следует тут Шипову.
33. Шипов, ук. соч., стр. 582.
34. Там же.
35. Шипов, ук. соч., стр. 584.
36. Шипов, ук. соч., стр. 281.
37. Шипов, ук. соч., стр. 287.
38. Царь сказал, что неоднократно уже пытался созывать подобные совещания, но что они неизменно протекали безрезультатно (там же).
39. Передавая точку зрения Витте, я использовал для этого Маклакова. Он пишет: ''Я столько раз ее (эту мысль) от Витте слыхал, что у меня нет сомнения в его взгляде на дело''. (Ук. соч., стр. 336).
40. Шипов, ук. соч., стр. 187.
41. Маклаков, ук. соч., стр. 253. Статья Струве в ''Освобождении'' доказывает, как мало понимали тогда мысль Витте. Струве называет стремление Витте поставить крестьянство на первый план – диверсией, для того чтобы хоть временно укрепить самодержавие. (Передовая ''Освобождения'' от 18 декабря 1904, цит. по Маклакову, ук. соч., стр.338).
42. Маклаков, ук. соч., стр. 259.

43. Маклаков, ук. соч., стр. 260.
44. Маклаков, ук. соч., стр. 262.
45. Маклаков, ук. соч., стр. 257. См. также Петрункевича.
46. Маклаков рассказывает, что Витте приводит в ужас одна мысль о том, что умение полемизировать и ораторский талант могут восприниматься, как способность управлять государством. (Ук. соч., стр. 264).
47. Это – основная идея знаменитой записки о земстве; Маклаков мастерски открывает и комментирует эту идею. (Ук. соч., стр. 256 и далее).
48. Маклаков, ук. соч. стр. 256.
49. Маклаков, ук. соч., стр. 265.
50. Маклаков, ук. соч., стр. 263.
51. Законопроект прямо ссылается на результаты работы комитета, созданного Особым Совещанием по нуждам сельского хозяйства. Таким образом, в основу будущих законов о крестьянстве полагалась программа, представленная Витте. (Маклаков, ук. соч., стр. 334).
52. Против статьи 9-й проекта решительно высказались Победоносцев, министр юстиции Муравьев и Великий Князь Сергей Александрович, за нее так же решительно выступили граф Сольский и Фриш и несколько менее решительно Коковцев. (Шипов, ук. соч., стр. 288 и далее).
53. Шипов, ук. соч., стр. 290.
54. Маклаков, ук. соч., стр. 337.
55. Маклаков, ук. соч., стр. 338 и далее.
56. Маклаков, ук. соч., стр. 334.
57. Маклаков, ук. соч., стр. 341.
58. Бесспорно противоречит этому утверждению большой успех, достигнутый им при переговорах в Портсмуте. Однако это был успех внешнеполитический, и кроме того это отдельный случай.
59. Маклаков, ук. соч., стр. 274.
60. Маклаков, ук. соч. стр. 440.
61. Маклаков, ук. соч., стр. 261.

Глава 5

ЗЕМСКИЕ СЪЕЗДЫ

Законодательная работа, направленная на осуществление принципов, провозглашенных указом 12 декабря, и реакция на нее общественности. – Дальнейшие земские съезды: в феврале 1905 и в апреле 1905. – Разрыв между Шиповской группой и большинством. – Коалиционный съезд в мае 1905. – Прием у царя земской депутации в Петергофе 6 июня 1905. – Речь Трубецкого.

В основу указа 12 декабря 1904 года, как уже было сказано, легла либеральная программа, разработанная земским съездом. Комитет министров в силу этого указа должен был подготовить законы, которые обеспечили бы правовые начала правления и расширили свободу слова и печати, а также терпимость в вопросах религии. Далее предписывалось расширить полномочия органов самоуправления, ограничить применение чрезвычайных законов и упразднить излишние ограничения по отношению к инородцам. Кроме того, комитету министров поручалось продолжать работу особого совещательного комитета по надобностям сельскохозяйственной промышленности и готовить законопроекты для либерального решения крестьянского вопроса. При этом задание комитета министров состояло лишь в разработке основных начал предполагавшихся законопроектов. Для подробного изучения отдельных проблем должны были создаваться особые совещательные комитеты, председатели и члены которых будут назначаться лично Государем.[1]

Особый совещательный комитет, которому поручено было подготовить законы для обеспечения правовых основ правления,

должен был прежде всего тщательно изучить вопрос преобразования Сената, а также вопрос административной юстиции. Комитет, в состав которого входили выдающиеся русские юристы, такие как Кони и Таганцев, через сравнительно короткое время представил на рассмотрение комитета министров ценные материалы. Однако до созыва Думы не было издано законов, основанных на этих материалах, да и Дума, которой они затем были переданы, почти их не использовала.[2]

Совещание по пересмотру чрезвычайных законов работало менее успешно. Несмотря на то, что многие чиновники, обычно далекие от либерализма (как например, П.Н.Дурново) выступали за пересмотр этих законов (Дурново на основании своего опыта в качестве директора полицейского департамента считал, что эти законы принесли России больше вреда, чем пользы),[3] до 17 октября 1905 года совещание не подготовило ни одного законопроекта. Позднее собранные им материалы переданы были министерству внутренних дел и использованы Столыпиным при подготовлении законопроекта по этому вопросу, который он представил Думе.

Председателем совещания по вопросам печати назначен был Кобеко, директор Публичной Библиотеки и член Государственного Совета. В работах совещания принимал участие председатель Академии Наук Великий Князь Константин Константинович, по настроениям либерал; Академия сама поставила в распоряжение совещания некоторые материалы. Совещание подготовило законопроект по вопросам печати, легший в основу закона о печати, изданного в 1905 году, когда Витте был председателем Совета министров.[4]

Вопрос терпимости в религиозных делах сначала обсуждался самим комитетом министров, причем на заседания приглашены были митрополит петербургский Антоний и отдельные члены Государственного Совета. Комитет министров подготовил указ о терпимости, утвержденный 17 апреля 1905 года. Этим указом урегулировано было положение не-христиан и не-православных, т.е. людей, принадлежавших к другим вероисповеданиям, и сектантов в России. "Указ этот такого же рода, – пишет Витте, – как манифест 17 октября 1905 года, т. е. представляет собой такие ак-

ты, которых можно временно не исполнить, можно проклинать, но которые уничтожить никто не может. Они как бы выгравированы в сердцах и умах громадного большинства населения, составляющего великую Россию".[5]

Однако поскольку указ от 17 апреля постановлял лишь общие принципы, надо было выработать дальнейшие подробности. С этой целью создан был совещательный комитет. Интересна позиция, занятая петербургским митрополитом в этом комитете. Он не высказывался против намерения дать свободу исповедания нехристианским религиозным общинам и неправославным христианам. Но он подчеркнул, что несправедливо давать другим свободу, которой не пользуется православная церковь. На этом основании Витте, вполне разделявший мнение митрополита, представил Николаю II доклад о необходимости выяснения комитетом министров основ, на которых должны строиться отношения между православной церковью и государством,[6] так, чтобы и этой церкви обеспечена была необходимая свобода. Царь доклад Витте одобрил, после чего тот с помощью одного из своих сотрудников (его он, к сожалению, не называет) составил подробную докладную записку, которая была передана на рассмотрение всем членам комитета министров. Кроме того митрополит представил подготовленный преподавателями Духовной Академии список вопросов, которые предлагалось обсудить комитету министров. Но Победоносцеву удалось убедить Государя отобрать у комитета министров рассмотрение этого дела и поручить его Святейшему Синоду. Однако Победоносцев таким образом со своей точки зрения ничего не выиграл: наоборот, Святейший Синод пришел к гораздо более радикальным выводам, чем те, к которым вероятно пришел бы комитет министров.

Члены Синода единогласно высказались за созыв всероссийского Собора и за восстановление патриархии, видя в этих двух мероприятиях необходимую предпосылку для возникновения нового рода отношений между государством и церковью. Постановление Св. Синода было для Победоносцева тяжелым ударом. Ему не удалось убедить царя отвергнуть это постановление; он добился только того, что Николай II его прямо не утвердил. В резолюции говорилось, что "вопрос созыва Собора будет рассматри-

ваться позже". Кроме того, в связи с указом 12 декабря 1904 года приняты были некоторые меры, благоприятствовавшие развитию культурной жизни национальных меньшинств.[7]

*

* *

Таким образом, очевидно, что Витте, находясь на посту председателя комитета министров, очень старался ускорить подготовку законопроектов, предусматриваемых указом 12 декабря. При этом он часто наталкивался на сопротивление влиятельных представителей антилиберального течения среди бюрократии, которые не безуспешно пытались возбудить у Государя недоверие к готовившимся реформам.[8] Вследствие этого сопротивления и удалось осуществить только сравнительно небольшую часть предначертанной указом 12 декабря программы. Тем, кто считал излишними и даже вредными вообще какие-либо уступки, еще раз удалось помешать разработке либеральных законопроектов и таким образом сделать невозможным соглашение с общественностью, в первую очередь с представителями земства.

Но не только справа считали соглашение нежелательным и отвергали всякий компромисс. Освободительное движение встревожено было ноябрьским земским съездом. Попытка сговориться с государственной властью истолковывалась как отказ от полного осуществления собственных целей, а следовательно те, кто были к этому готовы, считались изменниками.[9] Члены освободительного движения отказывались поддерживать правительство. Как позже, после 17 октября, так и теперь, при разработке законов, которые должны были проводить в жизнь либеральные принципы указа 12 декабря, они не намеревались поддерживать Витте. Один из главных сотрудников газеты "Право" совершенно открыто сказал Витте – когда последний попытался привлечь его к сотрудничеству с правительством – что он ни в коем случае не собирается каким бы то ни было путем оказывать поддержку существующему строю.[10] Союз Освобождения постановил делать все возможное для того, чтобы помешать соглашению между

представителями земства и правительством. С этой целью в конце 1904 года устроен был ряд банкетов. Акция эта, получившая название "банкетной кампании", проводилась планомерно. Она была поручена особой комиссии, называвшейся "Кулинарной комиссией". Банкеты далеко не всегда носили серьезный характер. Многие принимали в них участие потому, что соединение вкусной пищи и остроумных речей неизменно обладает большой притягательной силой; другие шли просто из любопытства, а иные из снобизма, поскольку банкеты эти очень скоро вошли в моду. Те же, кто устраивали банкеты и руководили всем делом, произносили речи, радикальные по содержанию и резкие по тону. Они требовали осуществления демократии, созыва Учредительного собрания и так далее. Поэтому руководителям Союза Освобождения удалось создать у правительственных кругов впечатление, что земский съезд являлся лишь тактическим маневром, а никак не серьезной попыткой соглашения, как будто представители общественности попытались хитростью вырвать у монархии известные уступки, ограничивающие ее (монархии) власть и следовательно облегчающие борьбу против нее, с целью как можно скорее ее свергнуть и заменить республиканским строем; впечатление это тем легче было вызвать, что на банкетах нередко появлялись участники ноябрьского земского съезда.

Неумение отличать консервативный либерализм земского съезда от политического радикализма устроителей банкетов (неумение, которое, впрочем, только приветствовалось инициаторами банкетной кампании) и повело к тому, что 12 декабря кроме указа Сенату опубликовано было и правительственное сообщение, последствия которого, по мнению Маклакова, оказались еще более вредными, чем последствия исключения статьи 9 из указа 12 декабря.[11] В этом сообщении осуждался земский съезд, постановления которого правительство только что положило в основу собственной своей программы, причем он осуждался наряду с банкетами и даже с уличными демонстрациями как попытка вызвать смуту и направить Россию по пути, чуждому ее народному духу, а инициаторам смуты грозили репрессиями. "Ясно, – пишет Маклаков, – что, прочитав Сообщение и обещанные в нем

меры репрессии, наше общество в нем усмотрело настоящие намерения власти, а в Указе увидело только новый обман".[12]

Таким образом доверие с обеих сторон подрывалось все глубже. Правильным оказывалось предупреждение, сделанное Витте князю Святополк-Мирскому, когда еще до земского съезда он предсказывал министру внутренних дел, что съезд не поведет к настоящему соглашению между общественностью и правительством, а что, наоборот, неудачная попытка достичь такого соглашения только углубит пропасть между государственной властью и общественностью. Одного Витте не предвидел: а именно, что его собственная позиция по вопросу созыва народного представительства станет одной из важнейших причин этого отрицательного результата.

*
* *

В то же время революционная волна снова начала нарастать. В университетах не было занятий. Студенты бастовали. В рабочей среде разжигались волнения. Кровавое столкновение 9 января 1905 года усилило напряженность среди рабочих. Начались крестьянские погромы. 5 февраля Великий Князь Сергей Михайлович пал жертвой террористического покушения. Революционная волна в значительной мере усиливалась из-за все новых неуспехов в войне против Японии, вызывавших всеобщее чувство неуверенности и недоверия. Особенно важно то обстоятельство, что революционные голоса все более глушили голоса лояльной оппозиции. "Ноябрьские тезисы земских представителей вытеснены требованиями рабочей петиции 9 января", гласила революционная листовка,[13] а Шипов также упоминает о том, что все более распространялось убеждение в необходимости переворота как предпосылки для осуществления справедливых требований общественности.

Оппозиционные настроения все более расширялись направо. Чувство, что так дальше нельзя, превращалось во всеобщее убеждение.[14] Игнорируя правительственное сообщение от 12 декабря, согласно которому земским съездам не полагается обсуждать об-

щегосударственные вопросы, не входящие в их непосредственную сферу компетенции, игнорируя резолюцию Николая II по поводу адреса черниговского земского собрания, в котором упоминалось о необходимости созыва народного представительства (резолюция Государя гласила: "Нахожу поступок председателя черниговского губернского земского собрания дерзким и бестактным. Заниматься вопросами государственного управления не дело земских собраний, круг деятельности и прав которых ясно очерчен законом"), все новые и новые земские собрания обращались к царю, одно за другим указывая на необходимость созыва народного представительства. При этом было важно то, что это делали уже безо всякой надежды представить программу, которую царь одобрит. Важно было и то, что не только давние оппозиционные круги решались занять позицию, о которой известно было, что царь определил ее как дерзкую и бестактную; теперь это решение принимали и люди, никогда не примыкавшие даже к самым умеренным оппозиционным течениям, как например, князь Н.Н. Трубецкой.

Круги, традиционно отвергавшие либерализм, со своей стороны стали менее несговорчивыми. В этом смысле характерным может считаться адрес на высочайшее имя московского дворянского собрания в январе 1905 года, т. е. именно того дворянского собрания, в котором участвовало особенно большое число представителей высшей бюрократии и придворных кругов. В адресе указывалось, что суровая война заставляла считать реформы несвоевременными: тем самым реформы как бы молчаливо признавались нужными, хотя составители адреса и настаивали, как всегда, на том, что единственная возможная основа для любой реформы – в единении царя с землей, а любая мысль об ограничении самодержавия безоговорочно отвергалась. "Все понимали, – пишет Маклаков, – что дать опору агрессивной реакционной политике этот адрес уже не мог".[15] Интересно, что некоторые представители правых кругов стали примыкать к либерализму, видя в нем новую силу, которую можно противопоставить революции.[16]

*

* *

В 1905 году созваны были дальнейшие съезды. Уже в феврале, значит всего через несколько месяцев после ноябрьского съезда, имел место второй земский съезд.[17] На этот съезд выбирались представители и от губернских земских собраний, но участие их очень мало повлияло на состав съезда. Инициатива была в руках участников ноябрьского съезда. Им нетрудно было обеспечить избрание своих политических союзников. Важным последствием участия в съезде избранных представителей губернских земских собраний было, однако, то, что окрепло убеждение: съезды являются настоящим и регулярным представительством всего земства. Это убеждение позволило им и далее считать себя представителями земства даже тогда, когда политические настроения губернского и уездного земства стали все сильнее отличаться от политических настроений земских съездов. Как мы вскоре увидим, левые течения все более четко становились руководящей силой на съездах, в то время как в провинции, особенно после революционных смут, земство начало заметно сдвигаться вправо.

Как рассказывает Петрункевич, февральский съезд созван был для того, чтобы выяснить, можно ли вообще считать указ 12 декабря подлинным началом проведения либеральной программы. Петрункевич пишет: "Между нами не было никого, кто бы возлагал какие-либо надежды на указ 12 декабря и на реформаторские склонности и таланты председателя комитета министров Витте".[18] Постановили немедленно приступить к дальнейшему рассмотрению проблем, связанных с принятой ноябрьским съездом программой, т. е. в первую очередь, разработкой плана для созыва народного представительства. Работу эту поручили Организационному бюро земских съездов. Бюро должно было представить результаты своей работы следующему съезду, который предполагался в апреле. Поскольку выяснилось, что почти все члены бюро разделяют точку зрения большинства на ноябрьском съезде, т. е. собираются заняться разработкой проекта конституции, Шипов решил не принимать участия в этой работе, а при помощи своих друзей, принадлежавших к меньшинству, формулировать мнения и пожелания этой группы; он с самого начала заметил, что его мнение почти уже не принимается во внимание. К меньшинству принадлежали, например, Б.П. Трубецкой, Н. Хомя-

ков, М. Стахович. Шипов опубликовал брошюру, в составлении которой принял участие и О. Герасимов. В ней он изложил точку зрения своей группы.[19] Таким образом, расхождение между двумя течениями постепенно стало проявляться более четко.

Раскол, случившийся на третьем земском съезде (22-26 апреля 1905 года), не был, значит, неожиданностью. Вообще именно этот съезд очень показателен для эволюции настроений представителей земства.

На ноябрьском съезде большинство еще вело себя по отношению к меньшинству вполне терпимо, теперь же оно не собиралось принимать никаких компромиссов. Меньшинство почувствовало себя вынужденным отказаться от участия в съезде. Формально причиной разрыва считалось давнишнее разногласие по вопросу характера народного представительства; по-видимому, Шипов чистосердечно верил, что это и есть действительно причина разрыва, и поэтому он подробно обсуждает ее в своих воспоминаниях. Но наверное прав Маклаков, который считает, что спор о характере народного представительства был лишь внешним предлогом раскола, совершившегося на третьем земском съезде; настоящую причину он видит в принципиально ином подходе двух течений с одной стороны – к монархии, с другой – к революционным силам. Маклаков пишет: "...разномыслие заключалось не в определенном пункте программы или тактики; оно было в самой идеологии... Земское меньшинство осталось при земских традициях и не мыслило нового строя в России без соглашения с исторической властью... Но большинство ничего от Самодержавия уже не ждало. С ним оно было в открытой войне и против него было радо всяким союзникам. Оно не заботилось, чтобы его желания были для власти приемлемы; но зато шло на уступки, чтобы все враги Самодержавия могли стоять на одном общем фронте. Революция их не пугала. В ней они напротив видели способ установить в России "свободу и право". Была полная аналогия. Меньшинство, ища соглашения с властью, принуждено было ей уступать; большинство, поддерживая общий фронт с революцией, должно было уступать революции. Между этими двумя направлениями обнаружилась пропасть..."[20] В сущности ведь и давнишнее разногласие о характере народного представительства было как раз

расхождением по вопросу о том, можно ли довольствоваться теми уступками, которые предлагает правительство, и сотрудничать с ним, или надо отвергнуть правительственную программу и решить вести с правительством борьбу.

Дело в том, что правительство 18 февраля 1905 года издало одновременно три закона. И так же, как были противоречия между указом 12 декабря 1904 года и опубликованным в тот же день правительственным сообщением, и эти законы во многом противоречили друг другу. Манифест продолжал линию правительственного сообщения 12 декабря, подчеркивая незыблемость основ русского государства, освященных церковью и укрепленных законом, и резко осуждая всякое нападение на эти основы. Наоборот, в рескрипте новому министру внутренних дел Булыгину и в Указе Сенату объявлялось о либеральных мероприятиях. Рескрипт гласил, что Государь отныне желает "привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей, к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений". Указ шел еще дальше. Рескрипт только говорил о возможности привлечения к законодательной работе самых достойных представителей народа. Указ же предоставлял всем право высказываться по вопросам совершенствования государственного порядка. Совету министров ставилось в задание принимать и изучать все проекты реформ, кем бы они ни были представлены.

Маклаков прав, говоря, что угрозы, содержавшиеся в манифесте, упразднялись рескриптом, в то время как надежда, которую мог вызвать рескрипт, аннулировалась манифестом.[21] Тем не менее рескрипт встречен был сначала восторженно. Как ни мала была надежда, представители либерализма готовы были сотрудничать с государственной властью при проведении в жизнь либеральных реформ. Когда был опубликован рескрипт, в Москве заседало губернское земское собрание. Как только в Москве получен был текст рескрипта, участники собрания встретились частным образом, чтобы уточнить позицию земского собрания по отношению к решению Государя созвать народное представительство. Шипов пишет: "Гласные были склонны забыть тяжелое впечатление и чувство обиды, навеянные на них правительственным со-

общением 12 декабря 1904 года и были готовы с чувством удовлетворения и с полным доверием отнестись к возвещенной реформе, полагающей основу для создания необходимого взаимодействия государственной власти с населением".[22]

Это настроение отразилось также и в телеграмме, которую земское собрание послало Государю. В телеграмме говорилось, что московское земство одушевлено чувством благодарности и радости.

Восторг губернского земского собрания не был охлажден тем, что в рескрипте речь шла о созыве народного представительства исключительно с законосовещательными функциями и что необходимой предпосылкой для осуществления этой реформы рескрипт провозглашал незыблемость основных законов, иными словами, сохранение самодержавной монархии; рескрипт также говорил о том, что реформа ни в коем случае не должна представлять собой разрыв крепкой исторической связи с прошлым.[23] Наверное нельзя приписывать такую позицию московского земства одному лишь влиянию Шипова. Решение Государя созвать народное представительство, наверное, приветствовалось не одними только славянофилами, которые, исходя из общего своего мировоззрения, конечно считали желательным чисто законосовещательное народное представительство; приветствовали его и конституционалисты: хотя бы и частичный, но зато законный шаг по направлению к конституционному строю они предпочитали устранению старого порядка посредством революции.

Известное разочарование вызвало, наоборот, то обстоятельство, что представители земства и вобще общественности не были привлечены к работам совещания, создание которого предписывалось рескриптом для подготовления закона о предполагаемом народном представительстве.[24] По мнению представителей земской общественности (в том числе и представителей меньшинства), это было в противоречии с духом всей реформы. В результате члены Союза Освобождения на третьем земском съезде смогли использовать это разочарование и создать отрицательное настроение. Большинство упорнее, чем когда-либо, настаивало на том, что оно не поддержит правительство и не согласится на создание народного представительства с чисто законосовещательными

функциями. Как уже сказано, однако, такой подход основан был на принципиальном отказе сотрудничать с правительством. Таким образом и произошел раскол между большинством и меньшинством на съезде, причем это было вполне естественно. Выяснилось, что есть граница, далее которой вместе идти невозможно, раз невозможно устранить принципиальные разногласия.[25]

После раскола меньшинство собиралось продолжить свою работу с еще большей энергией, высказывая свои желания и взгляды и возможно скорее доводя их до сведения правительства в предвидении предстоящего подготовления закона о народном представительстве.

На 22 мая 1905 года назначен был съезд представителей земства, примкнувших к меньшинству. Когда эти представители собрались в Москве, получены были известия об уничтожении русского флота японцами при Цусиме. Организационное бюро земских съездов, т. е. представители большинства, решили ввиду этого тяжкого удара отечеству созвать 24 мая общий земский съезд в Москве. Съезд этот стал известен под названием "коалиционного". Маклаков пишет: "Так изменилось положение! До сих пор были просто земские съезды; как во всех коллегиях, в них могло быть большинство и меньшинство, правое и левое крыло; но это было все-таки единое русское земство, то есть то самое, которое в ноябре 1904 года заявило единогласное требование народного представительства. Но после раскола в апреле две половины его так разошлись, что совместное их совещание называлось уже коалицией".[26] Маклаков рассказывает, что обе группы участвовали в съезде без воодушевления и собственно только потому, что ни одна из двух не смела не проявить патриотизма в такой трагический момент.[27] На съезде оба течения подчеркнули, что надо отказаться от разбора спорных вопросов. Петрункевич сказал: "Если мы вздумаем рассуждать о внутренней политике, тотчас расколемся; поэтому лучше не начинать". В том же духе высказались и представители правого крыла. Таким образом старательно обходились вопросы: конституционный строй или народное представительство с законосовещательными функциями; всеобщие выборы или цензовое голосование; учредительное собрание или пожалование конституции свыше. Тем не менее прения были долгими и

страстными. Какого бы вопроса ни коснулись, всюду сталкивались с основной проблемой, которая никем не была открыто высказана и все же крылась во всем и все заслоняла на этом четвертом съезде совершенно так же, как на третьем: "продолжают ли земцы желать совместных действий с исторической властью, т. е. реформы сверху, или, изверившись во власти, они с революцией уже примирились и желают довести ее до того напряжения, чтобы власть уступила ей место?"[28]

Коалиционный съезд постановил обратиться к Государю. Шипов пишет, что он тогда был уверен, что большинство четвертого земского съезда намеревается обратиться к государственной власти только для того, чтобы потребовать от нее немедленного изменения государственного строя согласно началам, одобренным большинством на ноябрьском съезде, т. е. перехода к конституционному строю, а не для того, чтобы путем соглашения с государственной властью поднять престиж российского государства в тот трагический момент. Озабоченные такой позицией большинства, Шипов и его сторонники предприняли все, что было в их силах, для удержания большинства от обращения к Государю в выражениях, походящих на ультиматум или на демонстрацию. Сначала им удалось, "после горячих прений",[29] отклонить проект, согласно которому весь съезд собирался ехать в Петербург и там требовать, чтобы Государь их всех принял. Шипов пишет по этому поводу: "Мы категорически отвергали мысль о возможности и допустимости такого обращения к Верховной власти, доказывали, что таким шагом можно лишь пагубно потрясти нашу государственную жизнь и еще более ухудшить положение страны".[30] После того как отклонено было предложение отправиться к Государю на прием in corpore, решено было отправить депутацию, которая вручит царю адрес. Текст адреса набросан был представителями большинства в настолько резком тоне, что меньшинство ни в коем случае не могло с этим проектом согласиться. Меньшинство настаивало на том, что адрес должен быть пересмотрен, что депутация должна состоять только из 5 или 6 лиц и что в состав ее не должны были входить люди, к которым у Государя сложилось уже в какой-то мере предвзятое отношение. Но на этот раз меньшинству удалось отстоять свои позиции лишь частично.

Текст адреса действительно был в нескольких местах изменен, однако общий тон его продолжал оставаться сильно агрессивным; кроме того, решено было, что депутация будет состоять из 12 человек и членами ее были выбраны одиннадцать представителей большинства, а от меньшинства один Шипов. При этом вошли в состав депутации Петрункевич и Родичев, т. е. два особенно противных царю представителя общественности. Все это заставило Шипова отказаться участвовать в депутации.[31]

Однако сопротивление меньшинства оказалось более эффективным, чем думал сам Шипов, что, впрочем, неудивительно, ибо и в рядах большинства живы были еще земские традиции. Несмотря на резкий тон, адрес не содержал никаких ультимативных требований и в нем говорилось о сотрудничестве государственной власти с самоуправлением, иными словами адрес отражал традиционную земскую идеологию, за которую и ратовало меньшинство на съезде и которая все еще сохраняла власть над сознанием представителей большинства.[32] Хотя депутация и состояла из одних только представителей большинства, все же она не вела себя ультимативно и не пыталась устраивать демонстраций. Депутация выбрала своим оратором одного из самых крупных представителей либерализма в России, С. Трубецкого. Возможно, однако, что позиция, занятая депутацией и отраженная прежде всего в речи Трубецкого, хотя бы отчасти обусловлена была пропастью между атмосферой съезда, с одной стороны, и приема в императорском дворце, с другой. Огромную разницу эту депутация бесспорно явственно ощутила не только при самом приеме, а уже когда стало точно известно, что прием действительно состоится.

В воспоминаниях Петрункевича мы находим описание приема земской депутации у Государя в Петергофе 6 июня 1905 года. Описание это не безынтересно даже там, где речь идет о внешних рамках приема. Но это уже выходит за пределы нашего разбора. Нас здесь особенно интересует речь Трубецкого и ответ Государя.[33] Трубецкой начал с заявления о том, что депутацией руководит чувство долга и сознание громадной общей опасности. Только поэтому она и обращается к Государю таким образом. Опасность на самом деле велика, сказал Трубецкой. Известные слои населения натравливают на другие, простой народ на ''господ'', русских

на нерусских, и все это происходит под прикрытием и во имя патриотизма. (Несомненно это был намек на еврейские погромы). Такое натравливание одной группы населения на другую и всякие революционные эксцессы при нормальных условиях не были бы опасны сами по себе; самый опасный аспект смуты, охватившей все государство, это всеобщая дезорганизация, при которой государственная власть приговорена к бездействию. Царь сам указал единственно возможный выход из этой разрухи. Этот выход – созыв народных представителей. Депутация, по словам Трубецкого, твердо верит в правильность такого решения. Однако она убеждена, что не всякое народное представительство сможет решить поставленную ему задачу. "Мы не считаем себя уполномоченными, – продолжал Трубецкой, – говорить здесь ни о тех окончательных формах, в которые должно вылиться народное представительство, ни о порядке избрания". Важно, однако, подчеркнуть, что народное представительство должно обеспечить внутреннее умиротворение и "преобразование государства". Поэтому народное представительство не может носить цензовый характер. Важно также точно определить место и поле деятельности бюрократии, которая, естественно, играет и должна играть важную роль в любом государстве. Трубецкой подчеркнул: "Она (бюрократия) не должна узурпировать державных прав царя, она должна стать ответственной". Наконец Трубецкой указал на необходимость допустить сейчас же свободную дискуссию всех этих вопросов на собраниях и в прессе.

Ответ царя был кратким и дружественным. Прежде всего Николай II подчеркнул, что он не сомневается в том, что депутацией руководит чувство любви к отечеству. "Отбросьте ваши сомнения! Моя воля – воля царская созывать выборных от народа – непреклонна... Я каждый день слежу и стою за этим делом... Пусть установится, как было встарь, единение между царем и всею Русью... Я надеюсь, вы будете содействовать мне в этой работе".

Петрункевич отнюдь не был удовлетворен ответом Государя. Он начинает с заявления, что царь выучил речь наизусть, что представляется весьма неправдоподобным, поскольку речь Николая II была ответом на обращение Трубецкого, содержание кото-

рого никак не могло быть ему известно заранее. Далее Петрункевич упрекает царя в том, что он "просто обходил все, что требовало ясности и определенности", и давал снова обещание призвать народных представителей, не объясняя, "какую роль он считает нужным им предоставить".[34] Все эти замечания Петрункевича на самом деле являются ярким примером партийной критики. Как мы только что видели, Трубецкой также сказал, что считает невозможным окончательное определение формы народного представительства. Как же можно было требовать именно этого от царя в то время, как совещание, специально для обсуждения этого вопроса создаваемое, еще и не начинало своей работы, а Государь вскоре должен был принимать другие депутации, о которых известно было, что они стоят на позициях, безусловно отличающихся от точки зрения земского съезда.[35]

Петрункевич отозвался, наоборот, с большим одобрением о речи Трубецкого. Трубецкой прочитал свою речь другим членам депутации накануне приема. Петрункевич пишет, что речь вызвала "наше общее одобрение и удовлетворение как своим содержанием, так и силой и красотой формы".[36] Чрезвычайно важно это отметить, т. к. это значит, что речь эта выражала не только личные убеждения Трубецкого, а и точку зрения всех членов депутации и что даже самые радикально настроенные члены депутации, такие, как например Петрункевич, одобряли ее умеренное содержание и ее сговорчивый тон.

Совсем иначе реагировало на речь освободительное движение. В открытом письме в редакцию "Освобождения", подписанном "старым земцем", мы читаем: "Целая пропасть лежит между чувствами, внушившими и продиктовавшими московский адрес, и ораторскими подходами и изворотами, которыми изобилует петергофская речь".[37] По мнению автора открытого письма, тон всей речи – льстивый, и в ней искажается правда. Автор разочарован: он ожидал ультиматума, хотя бы и сформулированного во всеподданнейшей форме. По его мнению, речь эта – просто набор фраз, витиеватых и ничего не значащих. Автор особенно возмущен тем, что Трубецкой в своей речи отмежевывается от революционных сил, от "крамолы". Ведь он (Трубецкой), по мнению

старого земца, должен был бы понимать, что только благодаря борьбе революционеров и создалось положение, в котором царь вообще согласился принять земскую депутацию. Редакция "Освобождения" также подчеркнула, что не может защищать речь Трубецкого, хотя и считает некоторые из заявлений, содержащихся в открытом письме, преувеличенными.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 5

1. Витте. Воспоминания. т. I, стр. 319.
2. Вопросом о том, почему законодательная деятельность Думы часто тормозилась и не давала удовлетворительных результатов, я займусь позже.
3. Витте, ук. соч., стр. 323.
4. Там же.
5. Витте, ук. соч., стр. 325 и далее.
6. Витте, ук. соч., стр. 327 и далее.
7. Витте, ук. соч., стр. 330 и далее.
8. Витте, ук. соч., стр. 319, 331 и 334.
9. Маклаков, ук. соч., стр. 330.
10. Витте, ук. соч., стр. 336.
11. Маклаков, ук. соч., стр. 339.
12. Маклаков, ук. соч., стр. 340.
13. Л. Тахоцкий. Г. Петр Струве в политике. Пб, 1906, стр. 15.
14. Маклаков, ук. соч., стр. 352.
15. Маклаков, ук. соч., стр. 349.
16. Маклаков, ук. соч., стр. 353; см. Тихомиров. Дневник.
17. Маклаков, ук. соч., стр. 371.
18. Петрункевич. Воспоминания, стр. 369.
19. Тезисы напечатаны у Шипова, ук. соч., стр. 304-308.
20. Маклаков, ук. соч., стр. 373.
21. Маклаков, ук. соч., стр. 356.
22. Шипов, ук. соч., стр. 294.
23. Текст напечатан у Белоконского. Земское Движение. М., 1914, стр.263 и далее.
24. Шипов, ук. соч., стр. 296 и далее.
25. См. Шипов, ук. соч., стр. 297.
26. Маклаков, ук. соч., стр. 374.
27. Маклаков, ук. соч., стр. 376.
28. Маклаков, ук. соч., стр. 377.
29. Шипов, ук. соч., стр. 317 и далее.
30. Шипов, ук. соч., стр. 318.
31. Вскоре ему пришлось поехать на фронт в качестве земского уполномоченного. Он вернулся в Москву с Дальнего Востока только в конце сентября. Поэтому, к сожалению, его воспоминания отпадают как исторический источник о середине 1905 года.

32. Текст адреса напечатан в "Освобождении" № 72, стр. 365. Здесь мы читаем: "Ваше Императорское Величество!.. повелите без замедления созвать народных представителей... пусть решат они в согласии с Вами жизненный вопрос... о войне и мире... Пусть явят они всем народам Россию, не разделенную более, не изнемогающую во внутренней борьбе, а исцеленную, могущественную в своем возрождении..." Кроме того, принята была резолюция. Резолюция эта еще более решительно, чем адрес, осуждала бюрократическую систему и возлагала на правительство ответственность за внутренние беспорядки и военные поражения. В ней требовалось, чтобы созвано было народное представительство, чтобы все ограничивающие свободу законы были отменены и чтобы немедленно был обновлен состав администрации. Но самое интересное – это не адрес и не резолюция сами по себе, а толкование этих документов редакцией "Освобождения". Адрес опубликован под заглавием: "Последнее слово земской России к царю". Таким образом, адрес становился ультиматумом – т.е. именно тем, чего ведь решили избежать. Еще более показателен комментарий, которым редакция сопровождает резолюцию: "Явно негодное правительство должно капитулировать перед нацией; если правительство не уступит, нация считает себя свободной и устранить правительство, не желающее уйти добровольно". Меньшинство под руководством Шипова на самом съезде сумело повернуть дело так, что постановления съезда не звучали как призыв к революции. Но оно не было в состоянии помешать дальнейшему толкованию постановлений съезда именно в этом смысле.

33. Приводится у Петрункевича, ук. соч., стр. 378 и далее.

34. Петрункевич. Воспоминания, стр. 377 и далее.

35. Всего через несколько дней после приема у царя депутации земского съезда, царь принял еще две депутации: 20 июня депутацию курского дворянства, 21 июня депутацию орловского дворянства. В состав орловской депутации входили С.Д. Шереметьев, А.А. Бобринский и Нарышкин, все – настоящие представители земской общественности. Первая депутация высказала желание, чтобы в народное представительство с исключительно совещательными функциями вошли только представители двух сословий, крестьянства и дворянства. Орловская депутация подчеркнула, что созыв народного представительства не должен означать переход к демократии, поскольку в России испокон веков носителем верховной власти был царь, а не народ. Кроме того, эти депутации предупреждали царя, что не надо видеть в депутации земского съезда представителей всей общественности. По всей вероят-

ности ответ царя этим двум дворянским депутациям (так же как и ответ его земским деятелям) носил общий и не обязующий характер. Петрункевич пишет по этому поводу, что царь принял депутации из Курска и Орла не менее дружески, чем земцев, и не меньше, чем земцам, им обещал. Содержание царского ответа тоже в основном предопределено было содержанием обращений к нему делегаций. В ответе курской депутации Николай II сказал, что отдаст себе отчет в том, как полезен может быть созыв народного представительства с совещательными функциями, а также как ценно будет присутствие в нем главных сословий государства, дворянства и крестьянства. (Там же, стр. 384 и далее).

36. Петрункевич, ук. соч., стр. 376.
37. Освобождение № 73, стр. 370.

Глава 6

Земский съезд 6-8 июля 1905 года. – Спор Трубецкого с Петрункевичем. – Съезд радикальной группы земцев, 9 и 10 июля 1905. – Правительственный проект народного представительства с законосовещательными функциями, так называемой Булыгинской Думы. – Законы 6 августа 1905. – Дальнейшее обострение революционного положения и указ 18 февраля 1905. – Революционное положение приводит к конституции.

Депутация постановила представить земскому съезду доклад о приеме 6 июня в Петергофе. С этой целью следующий съезд был назначен на 6 июля.[1] Если во время приема вновь затеплилась надежда на соглашение между государственной властью и общественностью, представленной земскими кругами, – на съезде 6 июля, т. е. всего через 4 недели, стало ясно, что это была иллюзия.

Министерство внутренних дел постановило запретить этот съезд. С этой целью в день открытия съезда в дом князя Долгорукого (где собрались участники съезда) послан был чиновник полиции. Непонятным было такое поведение в отношении съезда, депутация которого принята была Государем. Решение министерства также противоречило указу 18 февраля, которым разрешалось устраивать собрания и обсуждать на них вопросы, связанные с предстоящими государственными реформами. Повидимому, министерство внутренних дел поверило бессмысленным слухам, согласно которым земский съезд собирается объявить себя учредительным собранием и назначить революционное временное правительство.[2] Политика не дать состояться съезду не

удалась, полицейские чиновники вели себя нерешительно в разговоре с людьми, которые всего несколько недель назад приняты были лично царем, так что в конце концов все их вмешательство свелось к составлению протокола. Съезд таким образом состоялся без помех, а полиция, в общем, сделала все что надо было, чтобы крайне осложнить положение умеренных участников съезда.

Однако и без этого вмешательства большинство участников съезда совершенно не собиралось мириться с государственной властью и сотрудничать с ней при проведении в жизнь государственных реформ. Это совершенно определенно подтверждается как отчетами, опубликованными в "Освобождении" непосредственно после съезда, так и воспоминаниями Петрункевича, написанными много позже, когда он жил в Праге в качестве эмигранта. Непримиримость позиций большинства на съезде выразилась даже не в решении одобрить проект конституции, незадолго до того подготовленный конституционалистами преимущественно из земских кругов, и противопоставить его правительственному проекту,[3] не в намерении, высказанном многими, бойкотировать народное представительство с законосовещательными функциями (т. е. Булыгинскую Думу). Непримиримость выразилась прежде всего в решении обратиться с воззванием к народу, а также в резолюции, которая должна была призвать главным образом земские учреждения, но и население вообще, к пассивному сопротивлению. Самим участникам съезда все было вполне ясно. В "Письме участника", опубликованном "Освобождением", мы читаем: "Характерной чертой всего съезда было признание невозможности получить приемлемую реформу сверху без нравственного давления широких масс населения. Обращение к ним, надежда на них, вместо прежних надежд на верхи и на свои собственные силы, и является главным мотивом этого съезда, и представляет знаменательный поворот в истории развития русской оппозиции".[4] По мнению автора письма, оппозиционные настроения не только были гораздо резче, чем на предыдущих съездах, но достигали такого накала, что их можно было просто считать революционными. Однако настроения эти не были всеобщими.

Существовало меньшинство, которому революционные настроения были совершенно чужды, которое не хотело отказывать-

ся от прежней тактики и усиленно критиковало решение обратиться с воззванием к населению. Даже среди тех, кто в принципе объявлял, что они согласны на такое воззвание, многие находили невозможным предлагаемый Петрункевичем проект из-за резкости тона и радикального содержания. Поэтому после бурных прений, продолжавшихся до двух часов ночи, поручено было двум юристам, Муромцеву и Набокову, подготовить новый проект воззвания. Они закончили работу в половине пятого утра: но не одни они бодрствовали. Петрункевич и Сергей Трубецкой всю ночь напролет проспорили по поводу решения обратиться с воззванием к населению. Трубецкой прибегнул ко всему своему престижу и ко всей своей силе логики для того, чтобы убедить Петрункевича в последнюю минуту во вредности такого мероприятия и уговорить его на следующем заседании взять обратно свое предложение. Трубецкому это не удалось. Лишь спустя много лет, наученный горьким опытом, Петрункевич в воспоминаниях признал, что противник его был прав. В его воспоминаниях мы читаем: "Должен сознаться, что я был сторонником этой меры (т. е. воззвания) и до глубокой ночи спорил с С.Н. Трубецким, доказывавшим мне всю рискованность этого выступления ввиду возможных последствий, не желательных уже потому, что их нельзя предвидеть с полной уверенностью. В конце концов он оказался прав и московское декабрьское восстание доказало это".[5] Тогда, однако, Петрункевич не уступил. То, что в ту ночь разделило друзей друг от друга, и была граница, делившая либерализм от радикализма. Радикализм в лице Петрункевича победил и не только на земском заседании в июле 1905 года. Первый русский парламент, первая Государственная Дума, собравшаяся в 1906 году, тоже представляла не либералов, а радикалов, чем в конечном итоге и была предрешена ее судьба. Событием, как бы носящим символический характер для всей тогдашней ситуации, можно считать смерть Трубецкого всего через несколько недель после той ночи,[6] в то время как Петрункевич как торжествующий победитель произнес первую речь в первом русском парламенте.

Муромцев и Набоков значительно сократили текст воззвания, предложенный Петрункевичем. Они смягчили тон и два раза подчеркнули (во второй раз в заключении), что земский съезд дума-

ет лишь о мирном обновлении России, о мирном осуществлении реформ. Надо сказать, что и представители либерализма могли и даже должны были согласиться с двумя главными упреками, ставившимися правительству. Упреки эти гласили: "Правительство не допускает, чтобы в России люди сами о себе заботились, как это повсюду делается в благоустроенных странах, что в русской земле не позволено..."; "Крестьяне, хотя и перестали быть крепостными, но все еще не сделались полноправными гражданами".[7]

Однако воззвание содержало целый ряд фраз, которые должны были получить в понимании необразованного читателя совершенно иное значение, чем то, которое придавали им составители воззвания. Народ призывали объединенными силами бороться и "защищать свою жизнь, имущество и право", а также собираться "не опасаясь, что кто-нибудь станет препятствовать этому". Как же могли широкие массы, к которым обращалось воззвание, не истолковать последнюю фразу как прямой призыв вступать в борьбу с полицией в случае попытки распустить какое-либо собрание? Фраза эта приобретает совершенно ясный и неоспоримый смысл, особенно в свете резолюции, которая, однако, вызвала сильное сопротивление значительной части участников – и тем не менее была принята. В резолюции указывалось, что иногда борьба за естественные права человека может быть оправдана даже в том случае, если в ходе ее нарушается форма закона.[8] В первом проекте резолюции особенно органам самоуправления прямо рекомендовалось сопротивляться всем административным мероприятиям, которые можно считать противозаконными и даже просто несправедливыми.[9]

Кроме того интересны высказывания, содержащиеся в воззвании по вопросу выборов в будущее народное представительство. Тут прямо-таки демагогически подчеркнуто, что у крестьян нет достаточного представительства в Думе и что там неизбежно возьмут всю власть в руки "правящие круги",[10] если выборы не будут всеобщими, а будут организованы на тех же основах, как и выборы в органы самоуправления. Этот пункт воззвания тоже становится ясным при сопоставлении его с резолюцией съезда. Убеждение, что всеобщее избирательное право является единст-

венной основой для настоящего народного представительства, настолько вошло в сознание русской общественности, даже земских кругов, что съезд счел нужным в резолюции своей заявить следующее: "... при нынешней организации органов местного самоуправления народ не может видеть в них правильного представительства своих интересов..."[11] Но таким образом съезд ставил под вопрос полномочия своих участников, а тем самым и свои собственные. В этих словах отразилась неуверенность по поводу собственного своего положения, которая должна была иметь исключительно тяжелые политические последствия. Тут молчаливо признавали, что настоящие представители народных интересов – не законно избранные органы самоуправления, а революционные левые группировки. Этим, однако, оправдывалось создание общего фронта в союзе с этими группировками.

Петрункевич и подчеркнул на съезде необходимость этого шага. Корреспондент "Освобождения" пишет: "...И.И. Петрункевич сказал речь, которая должна была служить предисловием обращения к народу. В ней он констатировал факт революционного движения, охватившего всю Россию, и необходимость занять определенное положение в этом движении".[12]

Практически это означало, что земство должно примкнуть к Союзу Союзов. Немногие представители крайне правых течений, которые в первый и последний раз появились на земском съезде, восприняли эту речь Петрункевича как прямой призыв к революции и покинули съезд. В воспоминаниях своих Петрункевич говорит об этой речи и вообще о своей тогдашней позиции. Он подчеркивает, что присоединение земской группы к Союзу Союзов, так же как и само создание Союза Союзов, вызваны были намерением объединить действия всех оппозиционных элементов и подчинить нетерпеливых дисциплине Союза Союзов.[13] Значит, земская группа должна была примкнуть к революционной группе с тем, чтобы оказывать на нее умеренное влияние. По-видимому, Петрункевич искренне верил в это и тогда и стремился именно к такой цели. В речи своей на съезде он сказал: "...мы можем внести свет и смысл в движение масс".[14] Хотя решение земцев примкнуть к Союзу Союзов и было хотя бы отчасти действительно вызвано такого рода соображениями, на деле ничего не получи-

лось из намерения Петрункевича оказывать умеренное влияние на революционное движение, несмотря на то, что он избран был председателем Союза Союзов. В воспоминаниях он сам откровенно признает, что земская группа была бессильна среди примкнувших к Союзу Союзов организаций и никак не могла противостоять растущим революционным настроениям общественности".[15]

Тот факт, что земцы не в состоянии были оказывать умеренное влияние на своих левых союзников, объясняется отсутствием у них самих достаточно критического подхода к революции. Бесспорно, тогда даже для Петрункевича, одного из самых умеренных радикалов, революция была более приемлема, чем старый строй; представление его об опасностях революции было весьма неопределенным. В этом смысле чрезвычайно характерно следующее замечание корреспондента газеты "Освобождение": "В прениях пугались, например, выражения: действовать революционно, и смешивали... слово революция с понятием насилия и террора".[16] Большинство русских интеллигентов тогда понимало под словом "революция" только что-то прекрасное, могучее и оздоровляющее: происходило это потому, что в течение XIX века, собственно говоря, со времен восстания декабристов, французская революция не вызывала в сознании русских оппозиционных кругов никакого представления о реальных проявлениях революции, наоборот, она целиком владела умами на каком-то мифическом плане. Поэтому и о революции вообще думали восторженно. Так например, Маклаков пишет о Мандельштаме, одном из самых радикально настроенных членов кадетской партии, следующее: "Мандельштам... возмущался мыслью, чтобы с ней (с революцией) можно и должно было бороться и надеяться ей управлять. В ее немедленной победе он мог сомневаться... но в правоте революции – нет".[17]

Как уже было сказано, такой подход отнюдь не был новым в начале двадцатого столетия. Маклаков рассказывает, что и в восьмидесятых годах московский адвокат Доброхотов считал Чернышевского первым гением человечества, а Робеспьера – величайшим государственным деятелем всех времен.[18] При этом Доброхотов бесспорно был не единственным представителем того поколения, придерживавшимся таких взглядов. Миф французской

революции и был собственно тем фактором, который сделал возможным хотя бы временное возникновение единого фронта, от Петрункевича до Ленина.

Однако на съезде было еще достаточно земцев, которые решительно сопротивлялись присоединению к революционному движению и призыву к народу даже и в смягченной форме.[19] В этом смысле высказались все представители Казанской губернии, председатель полтавского земского комитета Лизогуб, один из самых выдающихся представителей земства, а также Стахович. Лизогуб решительно отверг переход к тактике экстремистов и подчеркнул: "6 июня (прием земской депутации у Государя) было недавно, еще не все надежды потеряны".[20] Само собой разумеется, что надежда, о которой здесь идет речь, – это надежда на соглашение между государственной властью и общественностью, т. е. традиционная надежда земства. Стахович высказал опасение, что, совершив этот шаг, съезд тем самым порвет с земскими учреждениями, от имени которых он должен действовать: "...надо, чтобы он всегда действовал от их лица: в этом его сила".[21]

Но конечно, критически звучавшие голоса не произвели никакого действия. Радикальное течение торжествовало, и его представители просто игнорировали критику. Съезд только не постановил прямо присоединение земства к Союзу Союзов. Принята была лишь резолюция, в которой организационному бюро земских съездов рекомендовалось вступать в соглашение с другими организациями или оппозиционными группами, причем каждое соглашение будет утверждаться следующим земским съездом. Интересно отметить, что меньшинство сильно сопротивлялось и этой резолюции, требуя, чтобы в ней не упоминалось о соглашениях с другими группами, а только о том, что с ними будет установлен контакт.

*

* *

9 и 10 июля, т. е. непосредственно после окончания земского съезда, состоялся съезд радикальной и демократической группы земских представителей. В нем приняли участие 120 из 220 участ-

ников всеобщего земского съезда, т. е. более половины. Съезды земцев радикального направления называли съездами конституционного земства, наверное потому, что на первом земском съезде, как и вообще в первое время, контраст между радикальной и консервативной группами проявился прежде всего в споре по поводу перехода к конституционному строю. В прошлом съезды конституционного земства всегда предшествовали всеобщим съездам. Целью этих съездов было сформулировать резолюции, которые хотели провести на всеобщем съезде, и выработать методы воздействия на всеобщий съезд.[22] Однако съезд конституционного земства 9 и 10 июля имел место после всеобщего земского. По мнению освобожденцев, это было возможно потому, что всеобщий съезд уже в апреле окончательно встал на конституционные позиции и не принимал во внимание мнение меньшинства ноябрьского съезда. Таким образом съезд конституционного земства смог посвятить себя целиком дальнейшей разработке отдельных пунктов программы конституционной (т. е. радикальной) фракции всеобщего земского съезда, в то же время стараясь установить связь между земским съездом и другими оппозиционными силами страны. С этой целью съезд конституционных земцев постановил послать представителей в Союз Союзов. Радикальное крыло располагало большинством голосов всеобщего съезда и поэтому абсолютно не сомневалось в своем праве выступать и действовать от имени всего земства вообще. А следовательно и представительство свое при Союзе Союзов они считали представительством всего земства вообще. Однако таким образом большинство пренебрегало резолюцией всеобщего земского съезда, на которую оно только и могло и должно было опираться. Дело в том, что эта резолюция уполномочила только бюро, а никак не большинство, и к тому же уполномочила его вступать в соглашения с другими организациями, а не примыкать к ним.

Характерно для той ситуации, что конституционный земский съезд считал необходимым отмежеваться от депутации, принятой Государем, а также от речи С. Трубецкого, потому что они "произвели невыгодное впечатление на элементы, стоящие влево от земства".[23] Для конституционного земского съезда затруднение состояло в том, что большинство членов депутации участвовало

в этом съезде. Таким образом они вынуждены были осудить ими же самими совершенный шаг. Повидимому, однако, они это делали совсем легко; во всяком случае они совершенно не пытались свой поступок защищать, а лишь ссылались на смягчающие обстоятельства. Чтобы оправдать свое тогдашнее поведение, они прежде всего указывали на необходимость использовать положение для того, чтобы привлечь консервативные круги к политическому сотрудничеству с оппозиционными элементами. Кроме того они подчеркивали, что последняя попытка обращения к верховной власти необходима была для того, чтобы избежать обвинений, что не использовали всех возможностей для безболезненного проведения в жизнь реформ в России. Наконец они указывали на то, что выступали в качестве представителей коалиционного съезда, а следовательно не могли высказывать своего собственного мнения, а вынуждены были выражать точку зрения, приемлемую для всей коалиции. В соответствии со всем этим съезд принял резолюцию, в которой подчеркивалось, "...что из посылки депутации для фракции не вытекает никаких политических обязательств и что она не является ответственною за какие бы то ни было слова или действия депутации".[24]

*

* *

Нетрудно себе представить, какое впечатление производили на Государя и на правительственные круги подобные земские резолюции и доклады о настроениях земских съездов. Они не могли не прийти к заключению, что визит земской депутации в Петергофском дворце был просто тактическим маневром и что по сути дела земские круги совершенно не думали ни о каком соглашении с государственной властью, а желали революции. Следовательно и требование созвать народное представительство могло быть только ловушкой. Казалось, что земские круги совсем не видят в народном представительстве моста между царем и народом, а просто новую позицию, с которой оппозиционные и даже революционные силы смогут продолжить борьбу против государственной

власти и государственного порядка в еще более благоприятных условиях. Это подозрение, несомненно оправданное поведением земства, легко могло повести к прекращению работ по подготовке закона о создании законосовещательного народного представительства. Если этого не случилось, то только благодаря усилиям либеральных чиновников,[25] энергично защищавших булыгинский проект несмотря на то, что собственная их позиция была значительно ослаблена невозможностью ссылаться ни на авторитет земства, ни на идеи его представителей. Маклаков пишет: "Мнение земцев в связи со всем тем, что говорилось на съездах, было выгодно только для противников всякой реформы; для либеральной бюрократии земцы оказались опасным союзником".[26]

Да и вообще сомнительно, можно ли было считать радикальное руководство съездов союзником либерального чиновничества. Ведь это руководство не пропускало случая, чтобы отмежеваться от либеральной бюрократии. Как выражение этого подхода интересна статья, появившаяся в "Освобождении" и посвященная "Соображениям министра внутренних дел о порядке осуществления Высочайших Е. И. В. предуказаний, возвещенных в рескрипте от 18 февраля 1905 года", после того как содержание этого документа стало известно редакции газеты. В этой статье мы читаем:

"Документ этот чрезвычайно любопытен: он вводит нас в самую лабораторию бюрократического творчества... чиновник, составлявший записку, очевидно сделал что мог, чтобы в пределах рескрипта и при условии соблюдения основных законов решить свою трудную задачу возможно широко... Это — та же самая работа, какую проделывали деятели редакционных комиссий над Назимовским рескриптом, подготовляя путем распространительных толкований легальную почву для возможно широкой постановки крестьянского вопроса. Но — бедные либеральные чиновники и неблагодарные современники! Сколько бы ни трудились первые найти ту общую почву, на которой могли бы сойтись монарх и общественное мнение, вторые упорно остаются при мнении, что такой общей почвы нет и что решать вопрос о конституции в пределах основных законов — значит решать задачу о квадратуре круга".[27]

Шестидесятые годы давно уже прошли. Пропасть между общественностью и государственной властью стала почти непревзойдимой. Единственный человек, который, сам не принадлежа к бюрократии, помогал ее либеральным представителям в их работе, был историк Ключевский, но он был так же далек от общественности, как и от чиновничества.[28] О нем, пожалуй, скорее всего можно сказать, что он был представителем церкви, хотя он и был мирянином.

Правительственный план создания законосовещательного народного представительства был попыткой как-то бросить мост через пропасть, приблизительно в той форме, какую предлагало земскому съезду в ноябре 1904 года славянофильское меньшинство, основываясь при этом на своих убеждениях. В манифесте 6 августа 1905 года, изданном до опубликованных в тот же день устава Думы и избирательного закона, мы читаем: "Согласие и единение Царя и народа – великая нравственная сила, созидавшая Россию в течение веков". Манифест указывает на то, что Государь давно уже изучает вопрос, как можно устранить противоречие между органами самоуправления и государственными учреждениями, ибо противоречие это самым пагубным образом влияет на всю государственную жизнь. Манифест подчеркивает, что настало время призвать представителей всей страны к "постоянному и деятельному участию в составлении законов" и с этой целью создать особое законосовещательное учреждение, Государственную Думу, для подготовления законопроектов и государственного бюджета.

Несмотря на сопротивление антилиберальных элементов в окружении Государя, либеральным бюрократам, подготавливавшим устав Думы и избирательный закон, удалось положить в основу избирательного порядка не сословный принцип, а либеральный принцип имущественного ценза. (Статьи 12 и 16 избирательного закона от 6 августа 1905 г.). Поэтому манифест справедливо называл Думу не представительством сословий, а представительством всей страны, хотя представительство крестьянское и носило принципиально сословный характер (статья 17). Согласно этим законам 6 августа 1905 Дума представляла собой нижнюю палату, а функции верхней палаты принадлежали пленуму Госу-

дарственного Совета. За Думой признавалось право запроса (статьи 35 и 58-61 Устава), а также право законодательной инициативы (статьи 34 и 54-57 Устава). Что касается законопроектов, представленных Думе каким-либо министром, то если такой законопроект отвергался большинством в две трети голосов как Думы, так и Государственного Совета, Государь не властен был более своим утверждением придать ему исполнительную силу. В таком случае законопроект возвращался к представившему его министру на дальнейшую разработку (ст. 49). Эта статья Устава Думы представляла собой хотя и умеренное, но бесспорное ограничение абсолютной власти монарха в законодательной области. Это стало вполне ясно членам совещания, созванного (как уже упоминалось) для обсуждения проекта. Однако большинство из тех, кто высказался за сохранение этой статьи, постарались доказать, что статья 49 не вводит ничего нового, а просто следует привычной практике Государственного Совета. Только Трепов со свойственной ему откровенностью сказал: "Предложение о возвращении министру отклоненных проектов несомненно представляет ограничение Самодержавия, но ограничение, исходящее от Вашего Величества и полезное". [29]

Это интересное доказательство того, что определенным государственным институтам свойственно определенное юридическое существо и что поэтому создание народного представительства, хотя бы только законосовещательного, неизбежно и даже против воли законодателя не могло не оказать влияния на неограниченный характер царской власти. Статья 49 была ведь известным отклонением от последовательного применения принципа, согласно которому функция народного представительства должна была быть исключительно законосовещательной. Принципиальное существо народного представительства, уполномоченного быть лишь законосовещательным органом при правительстве и давать оценку законопроектов, зиждется на понятии о том, что мнение или воля членов народного представительства (все равно, меньшинства или большинства) только по утверждении царем становится мнением или волей справедливой, а следовательно источником права. Это более или менее соответствует идеям Руссо, которые основаны на условности, согласно которой мнение, получившее

одобрение большинства в каком-либо учреждении, тем самым выражает всеобщую волю, иными словами – волю, за которой признается характер правового источника. Что речь идет об условности (так же как и в славянофильской системе), это ясно было уже Цицерону.[30]

Законы 6 августа 1905 года на практике так никогда и не применялись. Созыв Думы на основании этих законов должен был состояться в январе 1906. Но уже 17 октября 1905 объявлен был переход к конституционному строю. Государственная Дума созвана была после опубликования нового избирательного закона, нового Устава Государственной Думы и Государственного Совета и наконец и новых основных законов, изданных 23 апреля 1906. Законы 6 августа 1905 имеют значение лишь в той мере, в какой они бесспорно облегчили Государю переход к конституционному строю. Этими законами положительно решены были две проблемы: создание народного представительства как постоянного учреждения и предоставление этому представительству права отклонять законопроекты и таким образом не позволять им приобретать исполнительную силу. Как я уже заметил, это было первым скромным ограничением самодержавия на законодательном поприще. После того как были приняты эти два основных принципа конституционного строя, наверное должно было казаться гораздо легче окончательно к этому строю перейти.

Созыв Государственной Думы с законосовещательными функциями, предначертанный законами 6 августа 1905 года, отнюдь не удовлетворил общественность. Только Шипов и небольшая группа его сторонников могли одобрительно относиться к этому проекту. Но группа эта уже почти совсем не имела влияния, и голоса ее членов переставали быть слышны вообще. Широкие круги общественности спорили лишь о том, надо ли просто бойкотировать эту Думу или использовать ее как новое орудие борьбы против самодержавия. В резолюции, предложенной сентябрьскому земскому съезду Кокошкиным от имени Организационного Бюро земских съездов и принятой съездом на заседании 12 сентября 1905, подчеркивалось, что Дума, которая будет созвана на основании закона 6 августа, никак не может считаться подлинным народным представительством. Согласно резолюции,

ценность Думы состояла в том, что она могла стать опорным пунктом движения, конечной целью которого была политическая свобода и настоящее народное представительство.[31] Еще более четко высказалось "Освобождение". Создание Думы как законосовещательного органа, – писала газета, – представляет собой лишь кажущуюся реформу. Однако закон 6 августа имеет большое значение, так как благодаря созданию Думы "отвоевана... новая и в высшей степени ценная боевая позиция".[32]

Если кто и выступал в пользу закона 6 августа 1905 г., то это были иностранцы. Маклаков рассказывает, что Вильям Стед, который как раз в это время посетил Москву, выступил там с докладом, в котором защищал Булыгинскую Думу от критики русской общественности и пытался доказать, что из Булыгинской Думы постепенно может возникнуть настоящее народное представительство, а следовательно в конечном итоге она все-таки представляет собой важный шаг в сторону подлинной конституции.[33] Интересно отметить, что из представителей русской общественности особенно положительно отнесся к Булыгинской Думе Милюков, хотя исходя из его общих позиций этого трудно было ожидать. Это объясняется тем, что о содержании дискуссий совещания под председательством Государя информировал его состоявший членом совещания Ключевский, учеником которого Милюков был в Университете. Таким образом Милюков яснее отдавал себе отчет в сути стремлений и усилий либеральной бюрократии, в то время как другие представители общественности совсем ее не понимали. Возможно, что в какой-то мере мнение Ключевского оказало на него прямое влияние.[34]

*

* *

Представители общественности, т. е. радикальное большинство земских съездов, не ограничивалось отвержением Булыгинского народного представительства. Они решили противопоставить правительственному проекту собственное предложение настоящей конституции. Уже в октябре 1904 года, т. е. до первого земского

съезда, "Освобождение" опубликовало проект конституции под заглавием "Основной государственный закон российского государства". В предисловии к проекту сказано, что он является "результатом продолжительного и внимательного обсуждения со стороны целого ряда теоретиков и практиков".[35] Маклаков комментирует: "Содержание его не обнаруживало участия практиков... Как положительный закон, он не мог бы просуществовать нескольких месяцев, не приведя к перевороту".[36] Мы не знаем, понимали ли земцы слабость этого проекта. Во всяком случае они решили выработать собственный свой проект. Этот "Основной закон Российской империи" опубликован был газетой "Русские ведомости" еще до июльского земского съезда[37] и – как уже было указано – был съездом принципиально одобрен. Съезд избрал комитет, которому поручено было дальнейшее уточнение постановлений проекта. Маклаков пишет об этом проекте: "Не вхожу в детали проекта; в нем тоже не было видно следов практического опыта земцев. Например, всякое разномыслие между двумя Палатами, даже в бюджете, должно было разрешаться в совместном заседании обеих палат большинством двух третей. Этот порядок затормозил бы всю жизнь, а выхода мог и не дать, т. к. две трети могло не набраться. Но и самые основы проекта... были четыреххвостка и парламентаризм. Что ограничение Самодержавия необходимо, было признано всеми. Но сразу превратить существовавшую неограниченную власть в "декорацию", отдать управление страной в руки парламента, выбранного миллионами безграмотных избирателей, было предложением, которое нельзя было обосновать земским опытом... Mutatis mutandis он (этот проект) предварял претензию большевиков в 5 лет "догнать и перегнать" Европу".[38] Впрочем, не одни только консервативные русские либералы считали рискованным непосредственный переход от самодержавия ко всеобщему избирательному праву, того же мнения придерживались и иностранные наблюдатели, которых ни в коем случае нельзя было упрекнуть в консервативных тенденциях. Когда в 1906 Маклаков посетил Клемансо и беседовал с ним о политической ситуации в России, он сказал Клемансо, что партия кадетов решительно выступает за введение всеобщего избирательного права, на что тот покачал головой и

спросил тоном, в котором уже заключался его собственный ответ на вопрос: "Как, уже?"[39] Интересны также заявления, которыми участники съезда обосновали свое одобрение проекту. Так например, де Роберти на заседании 7 июля сказал: "Проект в общих чертах прекрасен, он вполне отвечает научным требованиям".[40] Маклаков по этому поводу пишет: "Такая похвала была характерна; только о каких научных требованиях говорил де Роберти? Наука права признает соответствие государственных форм культурному уровню населения; признает "относительность" конституций и учреждений. Наука может признать, что прогресс идет в направлении демократии; что здоровая демократия прочнее личных режимов. Но она знает, что это бывает лишь при условии, что страна и народ подготовлены для такой демонстрации. Трактор лучше сохи, но только в руках тех, кто умеет им работать... Сказать, что земский проект хорош потому, что соответствует науке – значило или ничего не сказать, или утверждать, что уровень культуры России и ее политический опыт оправдывают применение к ней самых сложных образцов конституционного строя. Этого де Роберти не утверждал; он об этом просто не думал... Что так рассуждали интеллигенты, черпавшие из книг свои убеждения – было простительно. Но что так могла думать земская среда после 40 лет земского опыта, было трагично".[41] Это было особенно трагично потому, что члены будущего народного представительства должны были происходить именно из этой среды.[42] Интересно, что оба проекта конституции, как Союза Освобождения, так и конституционной земской группы, носили наименование Основного Закона, а не конституции. Об этом необходимо здесь упомянуть ввиду невероятного упорства, с которым представители этих кругов впоследствии настаивали на том, чтобы конституцию 23 апреля 1906 называли не Основным Законом, а Конституцией, как будто название, а не содержание могло дать конституционным законам характер подлинной конституции. Кроме того, достойно внимания, что Милюков в 1906 году при частных переговорах с Витте не рекомендовал последнему принять один из только что упомянутых проектов, а советовал ему – сам при этом называя свой совет практическим – во избежание потери времени просто дать перевести бельгийскую или

болгарскую конституцию и ввести ее в качестве конституции российской. Это представляется доказательством, что даже те, кто участвовал в подготовлении этих проектов, не придавали им большой практической ценности.

*

* *

Я счел нужным подробно изложить историю всеобщего земского съезда, так же как и конституционного земского съезда, имевшего место в июле 1905. На этих съездах элита, представлявшая здесь земство, хотя и не сдалась прямо перед революцией, однако заняла по отношению к ней неясную, двусмысленную позицию, вследствие чего земские круги оказались вынужденными отказаться от своей традиционной политической линии или они просто не были больше в состоянии защищать и проводить дальше эту линию. В самом деле представительство земства стало в Союзе Союзов умеренным крылом революционного фронта. Но и сами земские съезды утеряли свой первобытный характер и превратились в съезды разнородных интеллигентских кругов, объединившихся вокруг политического радикализма. Это отметили не только провинциальные земские круги,[43] которые постепенно стали отвергать претензию земских съездов выступать представительством всего земства; и те, кто приветствовал это развитие, обращали на это внимание. Петрункевич пишет: "Силою самого положения вещей, все недовольные режимом примыкали к земским съездам, на которых выяснялись и цели борьбы и ее способы... Такой способ организации съездов открыл их двери не только членам земских учреждений, но и лицам разных профессий и превратил земские съезды в действенные центры общественной оппозиции, разместившейся в разных профессиональных интеллигентских Союзах Освобождения".[44] Для этого развития характерно, что на земском съезде в сентябре 1905 года в Организационное Бюро земских съездов кооптированы были два профессора, М. Ковалевский и Милюков. Со вступлением Милюкова в Бюро закончилось превращение этого бюро в политический комитет русского радикализма.[45]

Тут надо упомянуть, что организованные освободительным движением союзы почти не вели никакой практической профсоюзной работы. Они с самого начала создавались не для представительства профессиональных интересов и не для защиты прав своих членов, а как ячейки политической борьбы, с целью осуществить революционное положение.[46] В еще большей мере это относилось и к их объединению, т. е. к Союзу Союзов.[47] Белоконский рассказывает, что когда Союз Освобождения решил добиваться создания Союза Союзов, он делал это в убеждении, что к нему присоединятся общим фронтом все левые группировки и что его главное представительство сможет взять на себя роль предпарламента.[48]

Впрочем не только организации, а и отдельные собрания должны были быть созданы или скорее использованы как средство для проведения в России революции. Как уже упоминалось, в конце 1904 года ряд собраний использован был для того, чтобы затруднить соглашение между земскими кругами и монархией в момент, когда казалось, что такое соглашение намечается.[49] Уже поэтому все собрания должны были выносить резкие резолюции радикального направления, которые дискредитировали бы в глазах правительства всю общественность, в том числе и умеренные ее круги.[50] Но при всех условиях на такие резолюции толкнули бы их настроения участников собраний. Настроения эти становились все более крайними и нетерпимыми. Революционная волна все возрастала.

Поэтому особенно непонятно, как могло случиться, что правительство побудило Государя 18 февраля 1905 года наряду с антилиберальным манифестом, согласно которому все должно было оставаться по-прежнему, и с либеральным рескриптом министру внутренних дел Булыгину, обещавшим созыв народного представительства, издать еще указ, дававший значительную свободу собраний, и при том именно тех собраний, на которых должны были обсуждаться вопросы политического преобразования России. Маклаков пишет: "Тот, кто посоветовал царю издать этот указ, был или очень хитер, или очень наивен".[51] Не рескрипт, обещавший законосовещательное народное представительство, а этот указ ясно показывал, что что-то изменилось и что самодержавие потеряло свою прежнюю самоуверенность.

Подготовление и обсуждение проектов реформы России в этом указе определялось (в прямом контрасте со всем тем, что до тех пор приходилось слышать от официальных кругов) уже не как попытка вызвать смуту, а как похвальное радение об общественном благе.[52] Согласно указу, министры не смели больше (как это делалось до тех пор) передавать подобные проекты в прокуратуру, а обязаны были рассматривать и обсуждать их.[53] Особенно опасно было то, что с одной стороны содержание указа заставляло думать, что отменялись все ранние законы, ограничивавшие свободу слова и собраний, но с другой стороны не появилось и нового законодательства о собраниях, а ведь без такого законодательства не обходятся и демократии с прочными традициями свободы. Маклаков справедливо подчеркивает, что этот указ совершенно перевернул все существующие понятия дозволенного и запретного, и продолжает: "сама верховная власть этим указом закладывала мину, которая должна была взорвать тот порядок, который она с таким упорством до тех пор защищала".[54] Правда, очень скоро (6 августа 1905 года) указ был отменен; к тому времени, очевидно, все-таки заметили, какую опасность он представляет. Но это формальное мероприятие уже мало что могло изменить. В революционной атмосфере, которая тогда все шире распространялась, отмену указа просто игнорировали.

Само собой разумеется, социалистические партии и освободительное движение немедленно поняли, какие возможности открывал им этот указ: и вот начали создаваться объединения, устраиваться собрания. Но эти собрания, многие из которых устраивало освободительное движение, нисколько не занимались проблемой преобразования существующего строя, а только тем, как этот строй свергнуть и обеспечить победу революции. Те элементы, которые в этом деле участвовали, конечно не могли удовлетвориться никакой дарованной монархом конституцией. Поэтому не удивительно, что даже 18 октября 1905 года, т. е. на следующий день после опубликования манифеста, знаменовавшего переход к конституционному строю, революционный характер речей, произносимых на митингах, нисколько не смягчился и не изменился. Вечером 18 октября Маклаков зашел в консерваторию, чтобы присутствовать в качестве наблюдателя на митинге. В вести-

бюле шел денежный сбор под плакатом "на вооруженное восстание". На собрании читался доклад о преимуществах маузера перед браунингом. Мало общего было между этой темой и конституционными реформами.[55]

В течение второй половины 1905 года либерализм уже почти не имел права слова. Более независимые люди держались в стороне, менее независимые оказались на поводу у радикализма, окончательно ставшего правым крылом революционного фронта и плывшего по революционной волне. Лишь позже, в следующем году, состоялась попытка либералов вновь найти себя и организоваться.

Таким образом случилось, что обещание дать конституцию оказалось уступкой давлению революционных сил, а не соглашением с представителями либерализма. Как известно, манифест 17 октября 1905 года издан был в результате ситуации, возникшей вследствие общей забастовки середины октября. Тем не менее Маклаков предполагает, что царь уступил в убеждении, что уступает умеренным, а следовательно разумным элементам страны, тем элементам, на которые опирался дед его, Александр II, при проведении своих либеральных реформ против реакционных сил.[56]

Во всяком случае точно, что советники Государя придерживались мнения, что созыв народного представительства удовлетворит умеренные элементы оппозиции и таким образом изолирует революционные силы. Такова была точка зрения Витте. Крыжановский в своих воспоминаниях свидетельствует, что и Святополк-Мирский разделял это мнение.

Как уже было сказано, те элементы, которые стремились к дарованной свыше конституции, были неорганизованны, рассеяны и невлиятельны. Правда, они были тоже захвачены растущим терроризмом, успехами революционного движения и все усиливающимися проявлениями анархии (все эти явления находили все большую поддержку как раз среди мирных и в основном совсем аполитичных масс населения), тем не менее они бесспорно оставались где-то на заднем плане. Это означало, что конституция действительно обещана была под давлением тех сил, которые на самом деле совершенно не интересовались конституцией (хотя часто и

охотно о ней говорили), и которых она никак не могла удовлетворить. Маклаков пишет: "У революции была совершенно другая программа, и на первом плане, в программе минимум, низвержение не Самодержавия, а Монархии, установление полного народовластия и строительство социализма как конечная цель... Революционным партиям, которые европейский либерализм считали отсталым явлением, казалось, что в России можно установить то, чего не было и в Европе, т. е. новый социальный порядок. В одном они и не ошиблись. Нигде демагогия не могла встретить так мало сопротивления, как именно в нашей некультурной стране".[57] Революционные элементы видели в конституции лишь уступку со стороны государственной власти, выдававшую слабость этой власти, а следовательно долженствовавшую ободрить на дальнейшую борьбу. Таким образом дарование конституции не могло принести успокоения и не могло стать основой сотрудничества государственной власти с общественностью, поскольку последняя вступила в союз с революционными партиями. В этом и состояла величайшая трагедия рождения конституционного строя в России.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 6

1. Петрункевич, ук. соч., стр. 383.
2. Освобождение № 75 (1905), стр. 418 и далее.
3. После того как земский съезд одобрил проект конституции, он поручил Организационному Бюро послать проект земским органам и органам городского самоуправления, так же как и некоторым отдельным компетентным лицам, с тем, чтобы они ознакомились с проектом и высказались по поводу него. После этого проект должен был вместе со всеми этими сопроводительными материалами быть представлен следующему съезду в сентябре. (Белоконский, ук. соч., стр. 297).
4. Освобождение № 75 (1905), стр. 433.
5. Петрункевич, ук. соч., стр. 384.
6. Ленин тогда со злорадством говорил о смерти Трубецкого, который умер во время заседания, на котором он защищал от представителей министерства автономию высших учебных заведений.
7. Освобождение № 75 (1905), стр. 427.
8. Освобождение № 75, стр. 426.
9. Резолюция Организационного Бюро призывала эти органы по собственной инициативе осуществить свободы, необходимые для проведения выборов (там же, стр. 434 и 425).
10. Освобождение № 75, стр. 427.
11. Освобождение № 75, стр. 426.
12. Освобождение № 75, стр. 419.
13. Петрункевич, ук. соч., стр. 393.
14. Освобождение № 76, стр. 455.
15. Петрункевич, ук. соч., стр. 393 и далее.
16. Освобождение № 75, стр. 434.
17. Маклаков, ук. соч., стр. 487; см. и стр. 416.
18. Маклаков, ук. соч., стр. 165.
19. Независимо от представителей крайне правых сил, которые съезд просто покинули.
20. Освобождение № 76, стр. 456.
21. Освобождение № 76, стр. 455.
22. Освобождение № 75, стр. 434.
23. Освобождение № 75, стр. 434.
24. Освобождение № 75, стр. 435.
25. Маклаков, ук. соч., стр. 389 и 394. Гурко подтверждает, что многие представители бюрократии все больше понимали необходимость на-

родного участия в управлении страной, поскольку государственный аппарат на деле перестал действовать как фактор государственной жизни, а превратился просто в механизм на службе у текущих общественных потребностей. (Гурко, ук. соч., стр. 359). Особенно события 9 января вызвали среди бюрократов некоторую панику, убедив их, что долго так продолжаться не может и что "реформа правительства неизбежна" (там же, стр. 351). Этим объясняется энергичная поддержка, оказанная многими представителями бюрократии Булыгинскому проекту Думы.

26. Маклаков, ук. соч., стр. 390.
27. Освобождение № 75, стр. 419.
28. Маклаков, ук. соч., стр. 390.
29. По Маклакову, ук. соч., стр. 394.
30. См. В. Леонтович, ук. соч., стр. 396.
31. Белоконский, ук. соч., стр. 336.
32. Освобождение № 77, стр. 465, передовая.
33. Маклаков, ук. соч., стр. 392.
34. Статья Милюкова опубликована была сразу после 6 августа 1905 года в "Праве" и в "Сыне Отечества"; она перепечатана в книге "Год борьбы"; см. также заметки Милюкова в "Русских Записках", ноябрь 1938, XI, стр. 148, и его Воспоминания, Нью-Йорк, 1955, т. I, стр. 299.
35. По Маклакову, ук. соч., стр. 387.
36. Перепечатано у Белоконского. Земское Движение, стр. 29 и далее.
37. Маклаков, ук. соч., стр. 387 и далее.
38. Маклаков, ук. соч., стр. 535.
39. Освобождение № 76, стр. 452, из записи земского съезда, заседание от 7 июля 1905 года.
40. Маклаков, ук. соч., стр. 388 и далее.
41. Маклаков, ук. соч., стр. 387.
42. Состоялось еще два подобных съезда. Один имел место в сентябре, другой 6-8 ноября, т. е. точно год спустя после знаменитого съезда 1904 года. Маклаков пишет, что трудно сказать, было ли просто совпадением, что съезд начался точно в годовщину предыдущего или это было кем-то умышленно устроено.
43. Петрункевич, ук. соч., стр. 392.
44. Белоконский, ук. соч., стр. 373. Интересны также слова Белоконского о том, что съезд, созванный на 12 октября 1905 года (т. е. следующий после сентябрьского) уже не был беспартийным съездом, а превратился в учредительное собрание конституционно-демократической партии (стр. 388).

45. Маклаков, ук. соч., стр. 365 и далее; а также стр. 368.
46. Маклаков, ук. соч..стр. 361.
47. Белоконский, ук. соч., стр. 210 и далее.
48. К слову сказать, собрания эти устраивались не прямо для этой цели. Их надо было устраивать вследствие постановления Союза Освобождения, для того чтобы как-то оживить политическую жизнь, т. е. деятельность оппозиционных групп. Дело в том, что освободительное движение еще до Земского съезда 6-8 ноября 1904 года, – 20 октября 1904 постановило в связи с сорокалетием судебной реформы устраивать банкеты и создавать профессиональные объединения и союз их – Союз Союзов – а кроме того заставить земские собрания и земские съезды принять требование о введении в России демократической конституции.
49. "Освобождение" рассказывает о таком собрании по поводу сорокалетия судебной реформы. Собрание состоялось в Петербурге под председательством писателя Короленко. Ораторами выступали юрист И. Гессен и историк Семевский. Собрание единогласно потребовало полной свободы совести, речи, прессы, собраний и союзов, далее полной амнистии по всем политическим и религиозным статьям и наконец созыва учредительного собрания. ("Листок Освобождения" № 21 от 9 декабря 1904 года). "Листок Освобождения" рассказывает не только о собраниях, но и о митингах. Так например, однажды вечером в Технологическом институте состоялось две "вечеринки": одна "либеральная", другая "социал-демократическая". Участники социал-демократического митинга вошли в актовый зал (где в это время шел бал) под пение революционных песен. Они завесили портрет царя громадным флагом с надписью "Долой самодержавие". Сами по себе такие действия революционеров не являются неожиданными. Но важно, что во всем большом зале не нашлось ни одного человека, который бы возражал или протестовал, и "Листок Освобождения" особо это подчеркивает. Бывали и уличные демонстрации, о которых тоже публиковались отчеты в "Освобождении".
50. Маклаков, ук. соч., стр. 360.
51. Маклаков, ук. соч., стр. 357.
52. Маклаков, ук. соч., стр. 357.
53. Маклаков, ук. соч., стр. 358.
54. Маклаков, ук. соч., стр. 406.
55. Маклаков, ук. соч., стр. 146 и далее.
56. Маклаков, ук. соч. стр. 16.
57. Маклаков, ук. соч., стр. 405.

Глава 7

МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ 1905 И КОНСТИТУЦИЯ 23 АПРЕЛЯ 1906

История Манифеста 17 октября 1905 года и конституции 23 апреля 1906 года. – Юридический анализ конституции 23 апреля 1906 года.

История Манифеста 17 октября 1905 года, которым объявлен был переход к конституционному строю, рассказана самым подробным и точным образом в воспоминаниях автора самого Манифеста, Витте.

После заключения мира с Японией Витте вернулся из Америки в Россию 16 сентября 1905 года. В первую очередь он был сильно потрясен быстрым превращением революционного движения в открытую революцию. При этом Витте пришлось убедиться в том, что положение ухудшалось не только с каждым днем, а буквально с каждым часом. Так возник вопрос: что же делать? Витте пишет: "С первых чисел октября 1905 года, в силу самих событий пришли к необходимости решить вопрос и с 6-го в десять дней докатились до великого и знаменательного акта – манифеста 17 октября".[1] Целью было превозмочь революцию. 9 октября Витте принят был Николаем II и сказал Государю, что считает возможными два решения: или облечь соответствующее лицо (диктатора) полновластием, дабы с непоколебимой энергией путем силы подавить смуту во всех ее проявлениях, или избрать путь уступок, то есть превращение России в конституционное правовое государство.[2]

Витте представил царю записку, т. е. доклад. Окончательный текст записки опубликован был одновременно с Манифестом.

Из него мы видим, что в случае провозглашения широких либеральных реформ Витте рассчитывал на поддержку общественности не только при проведении в жизнь реформ, но и в борьбе с революцией. Витте перечисляет в своем докладе важнейшие мероприятия, нужные, по его мнению, для того чтобы создать в России прочный правовой порядок, иными словами, чтобы осуществить преобразование России в либеральное правовое государство. Он упоминает в числе таких мероприятий и о сопротивлении эксцессам, которые явно угрожают обществу и государству, и подчеркивает, что при организации такого сопротивления надо действовать в духовном единении с разумным большинством общества. Дальше в отчете мы читаем: "следует верить в политический такт русского общества, так как немыслимо, чтобы русское общество желало анархии..."[3] И действительно, нет оснований полагать, что Витте в то время не верил в политический такт русской общественности.

Как известно, Николай II избрал путь не диктатуры, а либеральных реформ,[4] которые и провозгласил Манифестом 17 октября 1905 года. Манифест содержит три пункта. Во-первых, он обещает дать свободы (слова, собраний и т. д.), во-вторых, он объявляет о предстоящей демократизации выборов в Государственную Думу, в-третьих, он придает Государственной Думе характер законодательного учреждения.[5] Именно посредством третьего пункта провозглашалось осуществление принципа деления власти и тем самым перехода к конституционному строю.

Государственная власть, и в первую очередь Витте, который 19 октября назначен был председателем Совета министров, стояла перед двумя основными задачами, решение которых только и могло обеспечить переход к конституционному строю: достичь соглашения с умеренными элементами общества и подготовить основные законы, т. е. конституцию, которую царь теперь обязался дать.

*

* *

Хотя переговоры с представителями общественности и предшествовали пожалованию конституции и хотя решение дать конституцию и было принято хотя бы отчасти вследствие разочарований, испытанных при этих переговорах, я считаю правильным заняться сначала историей и содержанием конституции. Всеобщий отрицательный подход общественности особенно ярко проявился в отклонении конституции, пожалованной 23 апреля, и вообще самого принципа пожалования. Важно поэтому сначала получить некое понятие о том, что было отвергнуто.

Сначала, в первые два месяца после того как сформирован был кабинет Витте, ни министры, ни сам Витте не думали о необходимости составить новые основные законы.[6] Однако вскоре стало ясно, что прежние основные законы просто не могут существовать параллельно с Манифестом 17 октября и что следовательно необходимо издать новые законы. Дворцовый комендант Трепов, наверное, первым понял необходимость издания новых основных законов и указал на нее царю.[7] Как только необходимость эта стала ясной, возник вопрос, надо ли подготовлять эти основные законы в сотрудничестве с Думой или предпочтительно издать конституцию еще до созыва Думы. Конечно, это был принципиальный вопрос большого не только теоретического, а и практического значения. Витте пишет: "В сущности я понимал, что вопрос сводился к тому – сохранять ли новый государственный строй или ... его низвергнуть? В первом случае необходимо было издать основные законы, соответствующие 17 октября, до созыва Думы, во втором – не издавать, и в таком случае мне было ясно, что Дума обратится в Учредительное Собрание, что это вызовет необходимость вмешательства вооруженной силы и что в результате новый строй погибнет".[8] Значение, которое Витте придавал изданию основных законов до созыва Думы, ясно из того, что после ухода в отставку (22 апреля 1906 года) он позвонил генералу Трепову и попросил его передать Государю его мнение (теперь уже мнение просто подданного) о необходимости немедленного издания основных законов ввиду предстоящего (27 апреля) созыва Государственной Думы. "Если в эти дни до открытия Думы законы не будут опубликованы и Дума начнет действовать, не находясь в рамках этих законов, то последуют большие бед-

ствия".[9] Интересно, что Витте и дальше оставался при таком убеждении. Посвященную основным законам главу своих воспоминаний Витте заканчивает вопросом, остался ли он того же мнения спустя все прошедшие годы, и пишет: "Конечно, если бы было время, то можно было бы составить их более основательно. Тем не менее, я и теперь убежден в том, что благодаря моему твердому настоянию на проведении этих законов и именно в их нынешней редакции, мы избегли окончательного разгона Думы и уничтожения 17 октября, а вследствие того, что законы эти сохранили за Государем обширнейшие верховные и державные права, иначе говоря, что они установили конституцию, но конституцию консервативную и без парламентаризма, – есть надежда, что режим 17 октября в конце концов привьется, одним словом, что нет более возможности вернуться к старому режиму. Хорошо ли это? Я думаю, что хорошо, так как Россия ныне не имеет тех элементов и не обладает тою психологией, при которой возможно самодержавное неограниченное управление".[10]

После выяснения предварительного вопроса Николай II поручил государственному секретарю барону Икскулю подготовление проекта основных законов.[11] Проект основных законов, выработанный государственным секретарем, представлен был на рассмотрение особой комиссии под председательством Сольского. Сольский обратился к Витте с просьбой принять участие в работе комиссии. Однако Витте решительно это отклонил, так как по его мнению проект должен был рассматриваться Советом министров, а никак не особой комиссией. Соответственно царь приказал после рассмотрения графом Сольским передать проект совету министров. Граф Сольский передал проект Витте в конце февраля. После этого проект был сравнительно быстро рассмотрен Советом министров в течение нескольких заседаний и в некоторых пунктах изменен. 20 марта Витте смог представить царю проект основных законов в редакции, одобренной Советом министров. В апреле Николай II учредил особое совещание под собственным председательством для обработки проекта.[12] Это особое совещание стало на место Государственного Совета, которому при нормальной процедуре должен был быть представлен проект основных законов.

А теперь обратимся к содержанию новых основных законов. Глава 8 содержит предписания касательно прав и обязанностей российских подданных. Только две статьи посвящены обязанностям. Статья 70 предписывает всеобщую воинскую повинность для мужчин, статья 71 постановляет всеобщую обязанность платить налоги. Другие статьи этой главы посвящены правам подданных и в общем соответствуют статьям Декларации Прав.

Статьи 72-74 касаются гарантий, предоставленных человеку в случае ареста или судебного преследования. Статья 74 особенно подчеркивает, что уголовный закон не может иметь обратного действия. Статья 75 гарантирует неприкосновенность жилища, статья 77 неприкосновенность частной собственности. В статье 77 указано, что конфискация собственности может иметь место лишь в случае государственной нужды и лишь при справедливой компенсации.[13] В статье 76 признается право подданных не только самим свободно выбирать свое местожительство в России,[14] но и беспрепятственно ездить за границу. Та же самая статья дает каждому право свободно выбирать себе профессию. Дальнейшие статьи (78-80) посвящены свободе слова и печати, праву организовывать собрания, а также праву создавать союзы и объединения. Статья 81 признает за всеми гражданами свободу вероисповедания.

Таким образом в главе 8 конституции с достаточной ясностью и точностью сформулированы принципы гражданской свободы. Однако не следует забывать, что подлинное значение этих принципов зависит в первую очередь от законов, регулирующих на каждый отдельный случай дарованные конституцией свободы, а далее – и конечно не меньше – от связанной со всем этим административной практики. Конечно, вряд ли можно предполагать, что за короткое время существования в России конституционного строя можно было привести законодательство и административную практику в полное соответствие с конституционными принципами. Однако еще до созыва первой Думы, когда Витте был председателем Совета министров, опубликованы были три указа, которые надо считать серьезным успехом либерального мышления, и не только по сравнению с прежними условиями (это-то во всяком случае не подлежит никакому сомнению), а и вообще.

Это – указ от 24 ноября 1905 о печати, указ от 4 марта 1906 о союзах и объединениях и указ о собраниях, так же от 4 марта 1906.[15] Все эти указы изданы были как временные правила и в них говорилось, что окончательное урегулирование этих вопросов остается за народным представительством. Дума, однако, с этим не спешила. Позже, оглядываясь назад, Витте писал: "Вот Дума уже существует 7 лет, но до сих пор еще никакого нового закона не издано, так же как ни о печати, ни об обществах, ни о союзах, ни о собраниях".[16]

Вопрос о том, в какой степени конституция обеспечивает гражданам государства политические права, надо рассматривать с двух сторон: во-первых, надо определить, является ли дарованное гражданам избирательное право настоящим избирательным правом и не слишком ли большое число людей лишено возможности этим правом пользоваться; во-вторых, в достаточной ли степени гарантирована свобода мнений, возникающих на основании выборов народного представительства и предоставлены ли ему достаточные полномочия в области законодательства и проверки действий исполнительной власти.

Избирательное право не было всеобщим. Однако не было группы населения, которая принципиально лишалась бы права голоса. После избирательного закона 11 декабря 1905 года обеспечено было представительство как крестьянства, так и рабочего класса. В городах право голоса имели все те, кто в течение года наняли квартиру на собственное имя в пределах городской территории. Таким образом право голоса в городах очень близко было ко всеобщему. (Это касается, однако, только мужчин, ибо женщины права голоса не имели).

Само собой разумеется, что гораздо важнее вопрос, являлось ли избирательное право, дарованное российским гражданам посредством избирательного закона, на самом деле таковым. По тому, что мы знаем о коммунистических и фашистских диктатурах, которые признают за подданными лишь право голосования (или точнее ставят им голосование в обязанность), но ни в коем случае не предоставляют им избирательного права, надо думать, что ни от кого не ускользнет принципиальное значение этого вопроса. Ответ на него не представляет трудности. Можно с полной

уверенностью утверждать, что избирательное право, предоставленное российским подданным царя с введением конституции 23 апреля 1906 года, было самым настоящим избирательным правом. Старый режим неохотно шел на уступки. Но когда он на эти уступки решался, то он может быть и делал их с некоторыми ограничениями, однако просто не способен был на ту подделку, которую так обильно и "гениально" создает всякий социалистический строй. Разрешено было основывать партии. Кроме того и те партии, которые не разрешались, в том числе и самые враждебно настроенные тогда к правительству социал-демократы, могли проводить в Думу своих кандидатов, поскольку кандидатуры могли и не выставляться партиями, а просто самими кандидатами как независимыми политическими деятелями.[17] Каждый имевший право голоса мог поэтому лично (а если выборы были не прямыми, то при посредстве свободно им избранного выборщика) решать, за какого кандидата или какую партию он хочет голосовать. Значит он действительно мог выбирать, а не только голосовать, как бывает в однопартийных государствах. Выборы были тайными и действительно свободными. Во время выборов в первую Думу представители правительства и местного управления вели себя полностью незаинтересованно и бесспорно гораздо более пассивно, чем обыкновенно бывает в западных демократических странах. При выборах во вторую Думу государственные инстанции пытались оказать некоторое влияние на их ход, но безо всякого видимого результата.[18]

Также не подлежит никакому сомнению полная свобода слова, которой пользовались депутаты в обеих палатах, в Государственном Совете и в Думе. Слишком хорошо известны случаи, когда члены Думы злоупотребляли этой свободой без каких-либо неприятных для себя последствий.

Итак мы подходим к третьей и важнейшей проблеме: к полномочиям народного представительства, особенно касательно законодательства. Согласно основным законам от 23 апреля 1906 года, никакой выработанный правительством законопроект не мог стать законом без одобрения Думы и Государственного Совета. Тем самым власть российского императора утратила свой неограниченный характер. Без согласия народного представитель-

ства император не мог издавать законов. Это означало, что в России устранен был абсолютизм и введен конституционный строй.

Правда, законопроект, принятый обеими палатами, не мог стать законом без согласия царя. Но совершенно неправильно видеть в этом праве на вето царя признак продолжения абсолютизма или хотя бы какой-то его остаток. Наоборот, это очень важный момент дуалистической, т. е. не парламентарной конституции. Можно придерживаться мнения, что парламентарная конституция при всех условиях предпочтительна, но нельзя, оставаясь в границах научной методологии вопроса, утверждать, что дуалистическая конституция представляет собой скрытый абсолютизм, т. е. что она является лже-конституцией. Именно потому, что утверждения, будто российская конституция 23 апреля 1906 года – лже-конституция, не имеют просто никакой научной ценности, а представляют собой лишь выражение определенных политических тенденций, я не буду заниматься ими при рассмотрении самой конституции, а только в связи с описанием отношений между государственной властью и общественностью.

Царское право на вето в принципе имело абсолютный характер. Но поскольку согласно со статьей 112 основных законов Дума имела право возвращаться к обсуждению законопроекта даже в случае отклонения его царем,[19] конституция таким образом дала народному представительству действенное средство для того, чтобы во многих случаях заставлять главу государства уступать. Советники царя прекрасно отдавали себе в этом отчет. Так, Сабуров на заседаниях совещания подчеркивал, что царь во что бы то ни стало должен избегать вступать в спор с палатами по поводу их постановлений, ибо в противном случае может возникнуть очень опасная ситуация. Он говорил: "Каково будет положение Вашего Величества, если Дума вторично примет громадным большинством то, что было отклонено?"[20] И действительно, если бы при вторичном обсуждении Думой отклоненного царем законопроекта доказали, что проект этот полезен и разумен, и если бы при этом критиковали причины отклонения, это оказалось бы вредным для престижа монарха. Только при самодержавном строе или при диктатуре воля главы государства имеет решающее значение: иными словами, это бывает лишь в том случае, когда

гарантирована свобода настоящей критики,[21] и чрезвычайно опасно, или даже вернее в большинстве случае просто невозможно для главы государства эту критику игнорировать.

Обе палаты не только были уполномочены своим одобрением превращать в законы представленные им правительством законопроекты или отклонять их отрицательным голосованием, но они могли также перерабатывать и изменять эти законопроекты, и в этом направлении не было никаких ограничений. Кроме того Дума и Государственный Совет пользовались правом законодательной инициативы (статья 107 основных законов). Законодательная инициатива их была, однако, ограничена по отношению к основным законам: постановлено было, что основные законы могли пересматриваться только по инициативе царя. Само собой разумеется, это отнюдь не означало, что царь может сам их менять. Изменения конституции, предлагаемые правительством, должны были рассматриваться обеими палатами совершенно так же, как и все другие законопроекты. Ограничение означало лишь, что народное представительство не могло использовать своего права законодательной инициативы для предложения изменений конституции. В совещании по проверке проекта конституции Витте в первую очередь настаивал на том, что конституция может пересматриваться только и исключительно по инициативе императора. При этом он приводил те же доводы, на основании которых он настаивал и на необходимости издания основных законов до созыва Думы. Он подчеркивал, что "если допустить пересмотр основных законов Думой, то она обратится сразу в учредительное собрание". [22]

Было еще одно постановление, которое часто истолковывалось как ограничение законодательной инициативы народного представительства. Я имею в виду статью 57 устава Думы, которая постановляет, что правительство в случае согласия с законодательной инициативой Думы должно брать на себя разработку законопроекта. Конечно, это давало правительству возможность заявлять о своем согласии с Думой, а затем растягивать и откладывать дело. Таких случаев, однако, повидимому, не было. Маклаков пишет по этому поводу: "Эта статья 57 мешала нам... так мало, что мы не пытались изменить ее в порядке думской иници-

ативы, имея на это полное право".[23] Дело в том, что думский устав не принадлежал к основным законам и поэтому мог быть изменен по инициативе Думы.

Кроме того, согласно конституции, существовали особые области, где не только была ограничена законодательная инициатива Думы, но один царь оставался законодателем. Исключительная законодательная власть царя по вопросам, касавшимся императорской семьи, основывалась на статьях 21 и 125 основных законов; по вопросам, касавшимся церковных дел, она основана была на статьях 65 и 68, а по вопросам военного законодательства на статьях 96 и 97. Поскольку законы об императорской семье входили в состав основных законов, это значит, что за царем оставалась исключительная законодательная власть по части основных законов.

Исключение народного представительства из законодательства по церковным вопросам не вызвало никакого сопротивления. Маклаков пишет: "Все были бы удивлены, если бы Думе, как английскому парламенту, предложили на утверждение церковный молитвенник".[24] Что же касается военного законодательства, то в изъятии этой области из круга своей компетенции Дума видела значительное ограничение своих полномочий.

Тема военного законодательства бесспорно не только интересна, но и очень важна. Однако я считаю, что нельзя подробно рассматривать ее при изучении истории либерализма. Поэтому я хочу лишь добавить, что присоединяюсь к мнению Маклакова, согласно которому основные законы 23 апреля 1906 года правильно решили этот вопрос, так как тогда только такое решение было в интересах армии, а следовательно России, а следовательно и самой конституции, а иное решение противоречило бы настроениям и всем традициям армии.[25] Хотя бы для того, чтобы избежать ненужного конфликта с армией, надо было изъять военное законодательство из сферы компетенции Думы. А это тем легче было сделать, что народное представительство отнюдь не лишалось таким образом всякого влияния на военное законодательство и вообще на дела армии. Ведь оно могло помешать любому повышению расходов на военные цели при обсуждении бюджета, а также располагало возможностью проверить, как употреблялись средст-

ва, предназначенные для военных целей. Соответственно в статье 96 не только подчеркивалось, что законодательная власть царя ограничивается исключительно военными делами и что издаваемые им военные законы никак не распространяются на вопросы, которые должны быть урегулированы общими законами, а к тому же еще постановлялось, что мероприятия, необходимые в связи с проведением в жизнь царских законов, не могут требовать расходов, не предусматриваемых в принятом народным представительством бюджете.[26]

Сразу же было отмечено, что такая установка, при которой в известных особых областях император по-прежнему остается единым законодателем, противоречит Манифесту 17 октября 1905 г. и уставу Государственной Думы 20 февраля 1906 г. Как уже упоминалось, Манифест пояснял, что в будущем ни одни закон не может быть издан без одобрения народного представительства. Согласно Манифесту тут не могло быть никаких исключений, и то же самое подтверждалось уставом Государственной Думы. Не только оппозиционные круги заметили, что по этому пункту проект основных законов отклоняется от Манифеста 17 октября. Особое совещание также в первую очередь обратило внимание именно на этот вопрос. Против возможности после появления Манифеста 17 октября сохранять подобные особые законодательные области высказался председатель Департамента законов Государственного Совета Фриш.[27] К его мнению присоединились председатель отдела гражданских и церковных дел Государственного Совета Голубев, член Государственного Совета Сабуров и Оберпрокурор Святейшего Синода.

Первым делом обсуждались проблемы законодательства по отношению к императорской семье. Именно это вероятно облегчило признание принципиальной возможности существования таких особых областей. Министр внутренних дел Дурново указал на статью, касающуюся брака члена императорской семьи с особой неправославного вероисповедания. Он сказал, что если бы возникла необходимость изменить эту статью, надо было бы — во избежание какого-либо сужения провозглашенного Манифестом 17 октября принципа — представить эту статью на рассмотрение Думе и таким образом допустить вмешательство в личную

жизнь императорской семьи. По мнению Дурново, это невозможно, так как противоречит положению императорской семьи в России.[28] Государственный секретарь Икскуль далее указал, что есть конституционные державы, в которых вопросы, касающиеся царствующей семьи изъяты из компетенции народного представительства. Решено было предоставить одному царю законодательную власть по вопросам, связанным с делами императорской семьи.

Интересно предложение Голубева: отличать нормы, регулирующие устройство императорского дома, от имущественных и вообще гражданских прав членов императорской семьи.[29] По мнению Голубева, за императором должна была оставаться полностью инициатива касательно изменения законов, регулирующих гражданские отношения членов императорской семьи. Но сам пересмотр этих законов должен производиться народным представительством. Очень примечательны также слова Сабурова: "Все же надо определить пространство и свойство прав государя императора на имущества. Не может же государь сам разрешать гражданские споры".[30] Если бы царь XVII века услыхал что-нибудь подобное, он бы наверное вообще не понял, о чем идет речь. Примечания Голубева и Сабурова – дополнительное доказательство того, как глубоко пронизано было принципами гражданского права сознание правящего класса. Что нормы гражданского права полностью обязательны для всех, как того требует правовой гражданский строй, – это уже представлялось всем самим собой разумеющимся фактом. Поэтому и затруднялись найти правовое обоснование для возможности предоставить при таком строе особое положение императорскому дому или даже только самому императору.

Признание принципиальной возможности несмотря на противоречие с Манифестом 17 октября предоставить только царю законодательную власть по вопросам, касающимся императорского дома, явилось прецедентом для того, чтобы применить тот же подход к церковному и военному законодательствам. Витте к тому же подчеркивал, что интересы государства выше логики законов, а следовательно, несмотря на Манифест и на другие законы, кото-

рыми введен был конституционный строй, законодательная и исполнительная власть царя должна быть достаточно широка и глубоко связана с самой конституцией, для того чтобы предупредить в будущем смуту во всем государстве.[31]

Из австрийской конституции позаимствовали норму, согласно которой при возникновении чрезвычайных обстоятельств правительство имеет право в промежутках между сессиями народного представительства и с одобрения царя издавать указы, которые приравниваются законам. Однако не позже двух месяцев после начала очередной сессии народного представительства министр, ответственный за изданный указ, обязан представить народному представительству законопроект, соответствующий указу. Если он этого не сделает, или если народное представительство отклонит законопроект, указ, изданный во время перерыва парламентской деятельности, считается упраздненным. Это – содержание знаменитой статьи 87 основных законов, в которой кроме того подчеркивалось, что подобные Указы ни в какой мере не могут менять ни основной закон, ни статут Думы, ни статут Государственного Совета. Необходимость такого постановления совершенно очевидна особенно в России, где быстрый созыв чрезвычайных сессий затруднен был необычайными размерами государства. При разумном подходе нельзя было упрекать государственную власть (как это часто делали радикальные круги) за то, что она ввела это постановление; упрекнуть ее можно было только в том, что она слишком часто использовала полномочия, дарованные ей этой статьей конституции, иными словами, что она этой статьей злоупотребляла.

Интересно обсуждение этого пункта в совещании. Витте указал на то, что монарху полагается полномочие при возникновении необычайных обстоятельств не только провозглашать военное или особое положение в отдельных областях страны, но без этого издавать указы с целью предохранить государство от грозящей ему опасности. Однако такие указы должны оставаться в силе лишь на время чрезвычайных обстоятельств.[32] Против этого предложения Витте высказался Сабуров. "Совершенно верно, – сказал он, – что правительству, в особых обстоятельствах, должны быть даны

исключительные полномочия. Но все-таки эти полномочия должны быть определены",[33] а этого, по его мнению, как раз и не хватало в предложенном Витте постановлении. По мнению оберпрокурора Святейшего Синода, князя Оболенского, включение в конституцию этого постановления, носившего вполне общий характер, равносильно было принципиальному устранению народного представительства.[34] Сам Витте подтвердил, что толкование Оболенского правильно. Он сказал: "Во всех государствах бывали такие минуты, когда становился необходимым coup d'état. Дай Бог, чтобы нам не пришлось этого пережить. Но если придется, то лучше иметь в этом случае возможность опереться на закон, чтобы можно было совершить не coup d'état, а произвести переворот на основании закона".[35] Однако другие участники совещания не были убеждены доводами Витте. Даже абсолютно антилиберальный министр юстиции Акимов заявил: "Во всем мире нет таких законов, которые предусматривали бы государственный переворот... Предусматривать в основных законах государственный переворот — пагубно. Если есть сила, можно совершить государственный переворот и без закона. Если ее нет, то и с законом переворот не сделаешь".[36] После того, как и Фриш, а затем еще раз Сабуров высказались против предложения Витте, император также занял позицию против принятия в конституции предложенного Витте постановления.[37]

Я попытался тут разъяснить, в какой мере законодательная власть, согласно конституции, принадлежала Думе, а в какой мере она по-прежнему оставалась за царем. Теперь я обращаюсь к вопросу власти исполнительной. Согласно конституции 23 апреля 1906 года, исполнительная власть в полной мере принадлежала исключительно царю (статья 10). Он пользовался этой властью непосредственно по отношению к верховному управлению, в то время как по отношению к подчиненному управлению власть передавалась определенным учреждениям и лицам, как предписывал закон (статья 10).

В совещании возник спор по вопросу, ограничена ли исполнительная власть царя конституцией наподобие власти законодательной, или, наоборот, правильно по-прежнему считать исполнитель-

ную власть царя неограниченной. Горемыкин стоял на последней точке зрения. Он указывал, что государственные постановления, изданные за последнее время, изменили лишь процедуру законодательства, в то время как в области власти исполнительной не было введено ни одного ограничения царской власти. В соответствии с этим он предложил подчеркнуть в основном законе, что высшая власть потеряла свой абсолютный характер лишь в области законодательной, а отнюдь не в исполнительной.[38] Естественно, такая точка зрения не выдерживала критики. Тот факт, что пользование исполнительной властью оставалось исключительно за царем, конечно означал, что он по-прежнему оставался носителем этой власти, что на этом поприще Манифест 17 октября 1905 и закон 20 февраля 1906 не ввели никаких ограничительных постановлений и конституция никоим образом не ограничила исполнительной власти царя. Со времен Александра I уже был в силе принцип, что правительство покоится на прочной основе законов, а следовательно ими связано.[39] Конечно, до тех пор, пока ему принадлежала неограниченная законодательная власть, монарх тем не менее мог, при желании, изменить направление своего пользования исполнительной властью в какой-либо области, устранить с этой целью соответствующие законы и заменить их новыми. Поэтому до 17 октября 1905 года не было неправильным считать исполнительную власть царя неограниченной, несмотря на упомянутое постановление Свода Законов. После конституции 23 апреля 1906 года законодательная власть царя утеряла свой абсолютный характер полностью, за исключением немногих вышеупомянутых особых случаев. Теперь царь не мог устранять или менять законы без участия Государственной Думы и Государственного Совета. А это в свою очередь означало, что исполнительная власть его ограничена была законами, которые существовали независимо от его власти. Таким образом Витте было нетрудно возразить на толкование Горемыкина и доказать, что невозможно стало считать абсолютной исполнительную власть царя.[40] В согласии с этим мнением Витте, которое, впрочем, разделяли почти все члены совещания, статья 11 конституции постановляет, что указы, издаваемые царем, должны соответствовать законам:

иными словами, пользование верховным управлением ограничено законом.[41]

Но тут же возникла проблема чрезвычайно важная, но и исключительно трудная: как установить, где собственно проходит граница между законодательством, т. е. законодательной властью, и верховным управлением, т. е. исполнительной властью. Витте напомнил, что наука не дает четких указаний о границе между законами и декретами.[42] Тем меньше можно решать этот вопрос на основании практики прошлых времен, ибо известно, что в России как раз не было четкого отделения верховного управления от законодательства. Теоретически, конечно, считалось, что царь издает законы, выслушав и учтя мнение Государственного Совета, иными словами, что законы сначала рассматриваются Государственным Советом, в то время как для декретов такой процедуры не требуется. Но на практике бывали и законы, вообще никогда не проходившие через Государственный Совет, а представленные царю в виде проектов комитетом министров или даже отдельными министрами. Нередко, однако, наблюдалось и обратное явление, когда мероприятия, бесспорно входившие в сферу компетенции верховного управления, а никак не законодательства, подготовлялись Государственным Советом. Фриш считал, что в прошлом это не причиняло трудностей, поскольку и законы, и издаваемые верховной властью декреты все одинаково исходили от царя, источником их была его абсолютная власть. Но теперь стало очень важным (и Фриш как раз это подчеркивал) уточнить, что подпадает под юрисдикцию верховной власти, ибо иначе Дума может начать протестовать в связи с каждой проблемой, которая будет решаться прямо верховной властью, видя в этом сужение своей законодательной функции.[43]

Разумеется, и все другие члены Особого Совещания считали очень важным проведение четкой и совершенно определенной границы между законодательством и верховной властью. Но все отдавали себе отчет и в том, что на самом деле это почти неосуществимо. Государственный секретарь Икскуль сказал, что по всей вероятности проблему эту можно будет решить, лишь если основать в России Государственный Совет (Conseil d'Etat) по французу-

скому образцу, который будет постоянно и в каждом отдельном случае решать, входит ли предполагаемое мероприятие в область законодательную или в область административную. По мнению Икскуля, надо было начать с того, чтобы поручить Сенату проверку передаваемых ему для публикации декретов для определения подлинной их природы: не являются ли они вмешательством в законодательную сферу.[44] Фриш тоже высказал мнение, что граница это выявится лишь со временем на основании практического опыта. Когда возникает сомнение о том, имело ли правительство право решить тот или иной вопрос при помощи декрета, "законодательные учреждения, – сказал Фриш, – конечно возбудят вопрос о принадлежности данного дела их компетенции. Таким образом, на практике надлежащая грань проведется сама собою".[45] Но предлагаемое Фришем решение совсем не казалось Витте удовлетворительным. Соприкосновение с общественными представителями за те месяцы, которые прошли с назначения его председателем Совета министров, крайне разочаровало Витте, так что он не ждал от общественности ничего разумного. Он считал, что если недостаточно четко определить с самого начала границы компетенции верховного управления, Дума будет устраивать скандалы по каждому малейшему поводу, "пока члены ее сами не будут министрами и не станут управлять Российскою империей, а тогда скажут, что все можно".[46] Однако и Витте не удавалось найти лучшего решения. Таким образом оставалось поначалу задачей Сената в отдельных случаях устанавливать, что входит в компетенцию законодательства, а что – в сферу верховного управления.

Согласно основному принципу конституции, оставлявшему исполнительную власть полностью за главой государства (иными словами, согласно последовательно дуалистическому характеру конституции), министры несли ответственность за общий ход управления государством (ст. 123)[47] не перед народным представительством, а перед монархом. Однако статья 108 основных законов давала право запроса членам Государственный Думы и Государственного Совета.

Надо сказать, что статья 108 сформулирована была очень неудачно. Право запроса существовало только тогда, когда действия

министров представлялись противозаконными. Кроме того запрос можно было направлять только министру, который по закону подчинялся Сенату. Но ограничения эти не соблюдались. "Практика показала, – пишет Маклаков, – что ни одно из этих ограничений ничему не мешало. Запрос часто касался действий формально законных и о лицах, не подчиненных Сенату... С этими ограничениями никто не считался, ибо они запросу и его значению помешать не могли. Надо только усвоить, что сила запроса была не в санкции Думы, не в том, что она скажет; при отсутствии парламентаризма она своим вотумом не могла министра свалить; иногда она его укрепляла... Смысл запроса был в том, что Дума получала законное, конституционное право властей обличать, осуждать, оглашать и требовать министров к ответу".[48] Я упоминал уже о решающем значении, которое надо приписать критике народного представительства, когда я говорил о возможности конфликта между царем и Думой в связи с рассмотрением какого-либо законопроекта. В случае запроса по поводу мероприятия, исходящего от министра или от Совета министров, надо также придавать большое значение такой критике, этой возможности гласно и открыто обсуждать вопрос, хотя положение министра и было таково, что – в отличие от царя – он в общем часто мог себе позволить критику эту не полностью принимать всерьез. Однако те министры, которые хотели избежать обострения положения, все-таки не могли продолжительную критику игнорировать.

Всем было ясно, что не только шаги, предпринятые министром, а и декреты, изданные царем в рамках верховного управления могут стать предметом критики со стороны народного представительства; поэтому совсем незадолго до опубликования конституции в нее включили еще статью 24, по которой распоряжения и декреты царя, изданные им в рамках верховного управления или просто непосредственно своею личной властью, должны скрепляться председателем Совета министров или компетентным по данному вопросу министром. Ясно, что это нужно было для защиты престижа монарха, ибо таким образом критика могла быть направлена не на него, а на министра. Но одновременно устранялись и некоторые соображения самоограничения критики, и поэ-

тому решение это оказалось в интересах оппозиционной общественности, которая рассчитывала на присутствие ее представителей в Думе. Требование "скрепления" своею подписью легко могло быть для данного министра тяжелым бременем. Не удивительно поэтому, что Совет министров сначала вычеркнул эту статью из проекта, представленного государственным секретарем. Оправдывая это решение, Витте в Совещании указал на то, что в России, в рамках дуалистической конституции, министр не может подать в отставку в случае, если он по какой-либо отдельной проблеме не разделяет мнение царя. Уйти он может только в том случае, если пришел к выводу, что вообще больше не может возглавлять вверенное ему ведомство. Кроме того, если министр порядочный человек, то просто в силу этого он не может информировать Думу или Государственный Совет о своих разногласиях с царем.[49] А это означает, что министр может оказаться вынужденным защищать в парламенте царский декрет, с которым сам он не согласен.

Восстановление статьи 24 в конституции произошло в самую последнюю минуту по желанию оппозиционных кругов. Дворцовый комендант Трепов показал проект основных законов общественным деятелям Муромцеву, Гессену, М.Ковалевскому и Милюкову и попросил их по поводу законопроекта высказаться. Они составили критическую записку, из которой, однако, мало что попало в проект конституции. Самое важное, что принято было во внимание из их замечаний, было требование "скрепления" министерской подписью и сужение сферы верховного управления в пользу законодательства.[50]

Основные законы провели не только четкое разделение законодательной власти от исполнительной, но и обеспечили независимость судебной власти. По статье 17 конституции царь имел право назначать и сменять всех чиновников в государстве, если закон не предусматривает по этому поводу каких-либо особых условий. В проекте основных законов, который представлен был в свое время Совещанию, последней оговорки не было.[51] Это обстоятельство немедленно привлекло к себе внимание участвовавших в Совещании юристов, в первую очередь, членов Государственного Совета. Они заявили, что если в статью 17 конституции не вой-

дет вышеупомянутое ограничение статьи 15 проекта, это будет равносильно упразднению несменяемости судей. Они при этом подчеркнули, что принцип несменяемости судей признается в России не только со времен судебной реформы Александра II, но еще со времен Екатерины Великой и что чрезвычайно нежелательно в чем-либо от него отклоняться.[52]

Наоборот, другие члены Особого Совещания говорили, что несменяемость судей не представляла собой опасности, пока царь располагал неограниченной властью. Но теперь, после того как царская власть утеряла свой абсолютный характер, признание принципа несменяемости явится дальнейшим сильным уменьшением этой власти. На основании этих соображений большинство Совещания высказалось против несменяемости судей. По мнению большинства, судью не может сместить ни министр юстиции, ни Совет министров, но за царем должно быть оставлено это право. Но меньшинство не уступало. Консервативный министр юстиции Акимов заявил: "Несомненно, что независимым может быть только несменяемый судья". Его предшественник, граф Пален, вторил ему: "Без несменяемости правды не существует. Великий принцип la force de la cause jugée должен быть соблюден". Наконец, Фриш указал, что "начало несменяемости вошло во всеобщее сознание". В ответ на все это царь заявил, что "ничего не имеет против несменяемости".[53] Таким образом и в отношении судебной власти принцип разделения власти закреплен был конституцией.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 7

1. Витте, ук. соч., т. 1, стр. 500.
2. Витте, ук. соч., т. 2, стр. 8.
3. Витте, ук. соч., т. 2, стр. 4 и далее.
4. Царю по всей вероятности пришлось принять это решение уже потому, что ему так советовали не только либеральные вельможи, как Витте, граф Сольский и многие другие, но и те, без поддержки которых он не мог и думать о насильственном подавлении революции, как например Великий князь Николай Николаевич и товарищ министра внутренних дел П.Н. Дурново. Витте рассказывает, что Дурново в разговоре с ним назвал широкие либеральные реформы единственным выходом из создавшегося положения. Витте считает, что мнению Дурново нельзя было не придавать некоторого значения уже потому, что он был товарищем четырех министров внутренних дел, а до этого занимал пост директора Департамента Полиции. (Витте, ук. соч., т. 1, стр. 499).
5. Второй и третий пункты исходят из законов от 6 августа 1905 о Булыгинской Думе. Пункт 3 постановлял, что без одобрения Думы ни один законопроект не может приобрести исполнительной силы.
6. Витте, ук. соч., т.2, стр. 257.
7. Витте, ук. соч., т. 2, стр. 250.
8. Витте, ук. соч., т. 2, стр. 259. В записи заседания Совета министров (проект основных законов представлен был Государю в сопровождении этой записи) мысль эта сформулирована таким осторожным образом: "отсрочить составление основных законов до созыва Думы и произвести пересмотр их при ее участии невозможно, это значило бы вместо приступа к деловой, созидательной работе, вовлечь впервые собранных представителей населения в опасные и бесплодные прения о пределах собственных их прав и природе отношений их к Верховной власти" (цит, по Витте, ук. соч., т. 2, стр. 260).
9. Витте, ук. соч., т.2, стр. 266.
10. Витте, ук. соч., т.2, стр. 268.
11. Витте называет барона Икскуля благонамеренным либералом и говорит, что считает его весьма порядочным человеком, культурным и с большой бюрократической опытностью, что по его мнению он человек принципиальный, но несколько ядовитый и не с большими идеями. (Витте, ук. соч., т. 2, стр. 258 и 263). Вместе с Икскулем работал его товарищ Харитонов, по мнению Витте человек благодушный, но не принципиальный, однако опытный чиновник, умный и культурный.

12. Журналы заседаний опубликованы в журнале "Былое", 1917, № 4.
13. Именно поэтому можно сказать, что проекты аграрного закона, предложенные Думе социалистами и кадетами – противоконституционны, что и утверждал во Второй Думе депутат Шульгин. (Стеногр. запись 1907, т. I, ст. 1133). Маклаков тоже указывает, что согласно этим законопроектам должно было произойти отчуждение дворянской земли в пользу крестьянства: т. е. в пользу одного сословия, а не в пользу государства в целом. Надо, конечно, оговориться: улучшение состояния одного сословия может в то же время служить и интересам государства в целом. Витте упоминал об этом в Особом Совещании, критикуя предложение Горемыкина, согласно которому статья 77 должна была быть сформулирована так, чтобы отчуждение частной собственности было возможно только в пользу государства. Витте говорил: "Как же Государь Император может сказать, что принудительное отчуждение допускается только для потребностей государственных учреждений, а не для крестьянских нужд, когда эти последние имеют государственное значение?" ("Былое", 1017, № 4, стр. 234). Таким образом, критический подход к кадетской аграрной программе должен привести к доказательству того, что проведение в жизнь этой программы в конечном итоге нанесло бы самим крестьянам вред, поскольку программа эта направлена была на уничтожение гражданского строя, а только гражданский строй мог дать крестьянам свободу. Это я и попытался доказать в отделе, посвященном крестьянству.
14. В конце статьи 76 упоминалось, однако, об особых законах, которые ограничивают право свободного выбора места жительства. Самыми важными среди этих законов были те, которыми запрещалось евреям вообще (за исключением отдельных случаев) поселяться вне определенных областей (черта оседлости). Витте объяснял, что необходимо упомянуть об этих законах. Если их не привести, "то вся пресса скажет, что Государь вторично подтвердил право евреев на свободное передвижение и тогда его придется дать", – говорил Витте на заседании совещания по пересмотру основных государственных законов ("Былое", ук. номер, стр. 233). Повидимому, однако, всем было ясно, что ограничительные постановления вскоре придется упразднить. На это отчетливо указывают слова, которыми заканчивается статья 76 в проекте основных законов, что эти ограничительные постановления остаются в силе впредь до их отмены.
15. См. Витте, ук. соч., т. 2, стр. 280 и далее.
16. Там же.
17. У большевистского крыла социал-демократической партии не было

официальных представителей в Первой Думе не вследствие каких-либо правительственных мероприятий, а потому что Ленин решил бойкотировать выборы.

18. Витте, ук. соч., т. 2, стр. 298.
19. В этом направлении было однако одно ограничение. Дума не могла возвращаться к отклоненному законопроекту в течение той же сессии. Но ограничение это нельзя считать существенным. Если сессия не оказывалась случайно последней в данном созыве, Дума все в том же составе могла продолжить борьбу за свой законопроект.
20. По Маклакову, ук. соч., стр. 587.
21. Такая свобода гарантирована была Думе основными законами (ст. 79) и статьями 43 и 45 устава Государственной Думы. Эти статьи гарантировали не только свободу слова в Думе, но и свободу публикации отчетов о критических высказываниях и оценках Думы.
22. Былое, 1917, № 4, стр. 189.
23. Маклаков, ук. соч., стр. 586.
24. Маклаков, ук. соч., стр. 570.
25. Маклаков, ук. соч., стр. 571 и 573; см. также Шульгин. Дни, Белград, 1925, стр. 7.
26. Кроме того указывалось, что разработка проектов военных законов – дело Военного совета или Адмиралтейства, вследствие чего, разумеется, по сути дела исключалась и в этой области возможность того, что царь стал бы издавать произвольные законы.
27. Былое, ук. номер, стр. 191, 195 и далее и 193 и далее.
28. Былое, ук. номер, стр. 196.
29. Былое, ук. номер, стр. 195 и далее.
30. Былое, ук. номер, стр. 224; см. статьи 20, 21, 217 и 218 основных законов.
31. Былое, ук. номер, стр. 194.
32. Былое, ук. номер, стр. 225.
33. Былое, ук. номер, стр. 225.
34. Былое, ук. номер, стр. 226.
35. Былое, ук. номер, стр. 227.
36. Былое, ук. номер, стр. 227.
37. Былое, ук. номер, стр. 228.
38. Былое, ук. номер, стр. 205.
39. Этот правовой принцип введен был Сперанским в закон об основании Государственного Совета. Оттуда все тот же Сперанский перенес то же определение в Свод Законов, а из него оно перешло в конституцию 23 апреля 1906 года (статья 84).

40. Былое, ук. номер, стр. 206.
41. Формула, по которой все постановления верховного управления должны быть в соответствии с законами, означала еще, что верховная власть при проведении в жизнь отдельных мероприятий, предусмотренных этими постановлениями, не смела выйти за рамки одобренного народным представительством бюджета.
42. Былое, ук. номер, стр. 214.
43. Былое, ук. номер, стр. 203.
44. Былое, ук. номер, стр. 216; согласно статье 24 основных законов постановления верховного управления публиковались Сенатом.
45. Былое, ук. номер, стр. 215.
46. Былое, ук. номер, стр. 215.
47. В случае служебных проступков, министры на основании соотвествующих постановлений закона привлекались к гражданской или к уголовной ответственности.
48. Маклаков, ук. соч., стр. 598.
49. Былое ук. номер, стр. 228.
50. Витте, ук. соч., стр. 267 и далее, т. 2.
51. Былое, ук. номер, стр. 219, прим. 2. Статье 17 основных законов соответствует статья 15 проекта.
52. Былое, ук. номер, стр. 221 и далее, высказывания Палена и Фриша.
53. Былое, ук. номер, стр. 220 и далее.

Глава 8

Политическое содержание конституции от 23 апреля 1906. – Ее особенности. – Позиции русских радикалов по отношению к конституции. – Усилия Витте принять в свое правительство представителей общественности. – Последний земский съезд в ноябре 1905. – Окончательная неудача Витте в его попытках заручиться поддержкой общественности. – Крушение политической концепции Витте. – Подавление революции силой.

Маклаков в своей книге задает вопрос: в чем же состояла новизна и необычность хорошо продуманной и чрезвычайно для России полезной конституции 1906 года.[1] Конечно, самым ценным в этой конституции было то, что в ней в высокой мере осуществлялся либеральный принцип разделения власти. При этом особенно важно, что этот принцип применялся в основных законах 23 апреля 1906 года так, как это было нужно и как соответствовало существовавшим в то время в России условиям. Конституция представляла собой то, что было исторически и политически необходимым в 1906, а никак не какое-то программное применение теоретических принципов либерализма. Положив в основу конституции принцип разделения власти, можно было провести в жизнь чрезвычайно удачное распределение функций и чрезвычайно важное разграничение сфер влияния, не только теоретическое, а и практическое. Такое разграничение сфер влияния позволяло дать соответствующий круг действий всем существовавшим тогда факторам политической жизни. Привлечение общественности к законодательству открывало путь к государственной деятельности тем кругам общества, которые до тех пор в лучшем случае имели возможность участвовать в местном самоуправлении.

Однако и прежние правящие слои общества не исключались из государственной работы, потому что исполнительная власть оставалась в руках бюрократии, то есть тех, кто в то время только и обладали опытом в области управления государством. К тому же эти две сферы никоим образом не отделялись искусственно одна от другой. С другой стороны, при помощи института всеобщего голосования, управление государством подчинялось также контролю народного представительства. Но в то же время бюрократия не исключалась полностью из законодательного процесса, поскольку верхняя палата, то есть Государственный Совет, состояла не только из избранных членов, а также из членов, назначенных императором.[2]

Последний пункт и был одним из тех, которые подвергались особенно острой критике со стороны русских радикалов. Представители радикализма считали, что благодаря именно этому пункту, истинный характер народного представительства как института, основанного на народном голосовании, был искажен. Хотя эти возражения с теоретической точки зрения нельзя считать неоправданными и хотя присутствие в верхней палате назначенных членов и представляется явлением ненормальным, которое должно было исчезнуть со временем, однако никак нельзя полностью отвергнуть те доводы, которые говорят за разумность применения подобной системы временно и в момент перехода от абсолютизма к конституционному строю. Маклаков пишет: "В 1906 году слуги старого режима были не только внушительной политической силой, у них одних был государственный опыт и школа. А между тем у них не было шансов быть выбранными; их прошлое клало на них клеймо в глазах демократических избирателей. Устранить их вовсе от участия в законодательной деятельности было бы вандализмом, государственным мотовством. Но поскольку хотели не революции, а превращения самодержавия в конституционную монархию, опытных и знающих государственных людей надо было сохранить и использовать. И характерно, что в число таких назначенных членов попадали не только люди реакции, а такие люди, как Витте, Таганцев, Кони и много других. Это одно показывало истинный смысл и цель этого назначения".[3]

Еще важнее, чем такое разделение функций и использование политических сил именно для тех функций, которые они хорошо могли исполнять, было следующее: конституция от 23 апреля 1906 года представляла собой правовые рамки, в которых наконец можно было достичь политической цели, так долго остававшейся недостижимой и состоявшей в том, что монархия принимала либерализм как свою программу, а общественность сотрудничала с традиционными силами монархии при проведении в жизнь этой программы и даже находила какое-то внутреннее единство с этими силами. Маклаков считает, что в этом и состояла основная политическая идея конституции 1906 года. Он пишет: "В России были тогда две силы. Была историческая власть с большим запасом знаний и опыта, но которая уже не могла править одна. Было общество, многое правильно понимавшее, полное хороших намерений, но не умевшее управлять ничем, даже собой. Спасение России было в примирении и союзе этих двух сил, в их совместной и согласованной работе. Конституция 1906 года – и в этом ее основная идея – не только давала возможность такой работы, но делала ее обязательной. Идти вперед, менять можно было только при обоюдном согласии. Соглашение между двумя политическими силами сделано было необходимым условием государственной жизни".[4] Маклаков повторяет здесь, говоря о конкретном положении, возникшем в 1906 году в России вследствие конституции, то, что Монтескье говорит вообще о сосуществовании властей в государстве, в котором проведено разделение власти. В самом деле, дуалистический, то есть построенный на принципе разделения власти, характер конституции 1906 года делает необходимым сотрудничество между конституционными властями, а также учет стоящих за ними политических факторов, ибо без этого государственная жизнь пришла бы в полный тупик.

Особенность и принципиальная сущность конституции 1906 г. состояла именно в том, что благодаря ее дуалистическому характеру она явилась пактом, так сказать, принципиальным соглашением, между старой монархией и молодыми силами общества.[5] Это и отличало ее, с одной стороны, от основных законов самодержавия, изданных Сперанским в 1832 году, а с другой стороны, от парламентской конституции, о которой мечтали русские ради-

калы. Маклаков пишет: "До нее (то есть до конституции 1906 г.) вся полнота власти была в правительственном аппарате, возглавляемом монархом; общество ничем его воле противостоять не могло. Конституции 1904 и 1905 гг., сочиненные обществом, передавали всю власть представительству, то есть обществу. Это было полным народовластием. Основные же законы 1906 года поставили прежних врагов в одинаковое положение, наделили их равными правами. Оба они могли друг другу мешать; оба могли друг против друга защищать status quo".[6] Таким образом, конституция 1906 года в большой мере воплощает основные положения подлинной конституции. Она должна была закрыть революционный, антиконституционный путь как перед государственной властью, так и перед обществом. Революционное преобразование России, подобное тому, которое провел Петр Великий, а еще до него Иоанн Грозный, становилось теперь невозможным без согласия представителей населения. Но в то же время, революционные партии, даже в том случае, если они располагали большинством в народном представительстве, не могли проводить свою революционную программу без сотрудничества со стороны правительства.

Общественность могла, таким образом, прежде всего с удовлетворением убедиться в том, что благодаря конституции монарх утратил возможность издавать законы по своему усмотрению. Стало невозможным издавать не только деспотические законы, а и вообще законы, которые народное представительство отклоняло, считая их вредными для страны или несправедливыми. Однако общественность в значительной мере оставила без внимания эти достижения просто потому, что ей нехватало подлинного понимания того, что на самом деле представляет собой и означает конституционный строй. Сущность такого строя состоит в том, что он представляет собой защиту от произвола неограниченной государственной власти, стоящей над законами, защиту существующего правопорядка и признанных в рамках такого правопорядка заслуженных субъективных прав. В отличие от абсолютизма, конституционный строй не дает государственной власти возможности бесконтрольно и безотчетно издавать или отменять законы, иными словами, государственная власть не может произвольно менять объективный правопорядок и при помощи новых законов

ущемлять или полностью устранять существующие субъективные права. Тогдашние русские лево-радикальные политические деятели с полным равнодушием относились к этой сути и этому значению конституции, потому что их не интересовала защита существующего права от произвола государственной власти, а интересовало их, наоборот, исключительно создание органа, который располагал бы достаточными полномочиями, чтобы внешне законным образом заменить существующие законы новыми и отменить существующие субъективные права, несправедливые с точки зрения теоретических концепций и обоснованной на них программы.

Конституция могла сделать сотрудничество и соглашение между обществом и государственной властью обязательными, но конечно, не могла сделать их необходимыми в смысле какой-то физической закономерности. Поскольку русские радикалы не хотели такого сотрудничества в рамках дуалистической конституции, то его и нельзя было достигнуть путем одной конституции. Радикалы, как уже было сказано, стремились к тому, чтобы сосредоточить всю государственную власть в руках народного представительства, в котором они сами надеялись располагать большинством голосов. Иными словами, они совершенно не искали сотрудничества с исторической властью, а требовали от этой власти безусловной капитуляции. Соответственно представители радикализма оспаривали даже право царя пожаловать конституцию. По их мнению, только народное представительство, основанное на всеобщих выборах, имело право дать стране конституцию; радикальные круги считали, что конституция должна быть основана на принципах последовательного парламентаризма. Правительство должно было составляться из членов парламентского большинства и быть ответственным только перед парламентским большинством. Вторая или верхняя палата должна была быть устранена, для того чтобы избежать возникновения каких-либо препятствий, которые мешали бы исполнению воли нижней палаты. На самом деле это – программа абсолютного народовластия, или даже скорей демократического абсолютизма.

В такой концепции и в таком образе мышления и лежала главная опасность, угрожавшая утверждению настоящего консти-

туционного строя в России, превращению России в правовое государство. Маклаков пишет: "Для установления начал правового порядка в России надо было самодержавие монарха ограничить, а не заменять самодержавием большинства Государственной Думы".[7]

*

* *

В противоположность радикальной общественности, силы монархии тогда полностью были готовы сотрудничать с представителями общественных кругов. Когда Витте и другие советники настойчиво советовали Николаю II созвать народное представительство, они при этом исходили из убеждения, что переход к конституционному строю и привлечение представителей общественности к законодательной работе удовлетворят либеральные силы, что эти силы вследствие этого отдалятся от революционных групп и даже обратятся против революции и что они будут на этом пути сотрудничать с правительством.

Они думали, что таким образом революционное движение ослабеет и само собой постепенно начнет исчезать; что не придется прибегать к военным мероприятиям и что даже вмешательство полиции в борьбу с революционерами и с революционными эскцессами можно будет сильно ограничить.

Для того чтобы расширить и углубить сотрудничество с общественными силами, Витте решил не ограничиваться привлечением их к законодательной работе, а попытаться принять в правительство несколько видных представителей общественности. При этом он думал в первую очередь о земских деятелях. Для того чтобы установить связь с этими силами, он обратился к одному из умеренных представителей земских кругов, Шипову. Переговоры с Шиповым и с другими консервативными либералами об их вступлении в правительство оказались безрезультатными, потому что они не хотели сотрудничать с Дурново не только по политическим, но и по нравственным соображениям. Широко известна была резолюция Александра III, которой он лишил Дурново его офи-

циального поста. Резолюция эта носила характер именно нравственного осуждения, так как Александр III принял свое решение потому, что Дурново злоупотребил служебными привилегиями и прерогативами в какой-то своей личной сентиментальной истории. Но Витте был убежден в том, что во главе министерства внутренних дел, в момент, когда налицо угроза революции, может стоять только человек, который хорошо знает все полицейские дела, и поэтому он не соглашался отказаться от сотрудничества Дурново в качестве министра внутренних дел. Однако это была только одна из причин. Важнейшей причиной было убеждение умеренных представителей земства, что за ними не стоят широкие общественные круги и что, значит, их вступление в правительство никак не поведет к примирению общественности с государственной властью, а только поставит их самих в такое положение, в котором их назовут предателями. Отчасти надо сказать, что им просто психологически трудно было из представителей оппозиции добровольно превратиться в членов правительства; пожалуй, такой переход даже был для них просто невозможным. Я не собираюсь подробно рассматривать переговоры представителей общественности с Витте по вопросу их возможного участия в правительстве, потому что переговоры (отчасти именно тех же самых) представителей общественности со Столыпиным носили совершенно тот же характер. Таким образом у меня будет возможность сказать то, что я считаю нужным, о характере этих переговоров, когда я буду рассматривать переговоры общественных деятелей со Столыпиным. Надо еще к тому же сказать, что многое выявилось гораздо яснее именно в этих последних переговорах со Столыпиным, и мы располагаем более подробными данными о том, как эти переговоры шли.

Были ли действительно у правительственных кругов в то время, когда Витте был председателем Совета министров, серьезные намерения принять в правительство представителей радикального большинства земских съездов? В этом позволительно сомневаться, хотя Витте и говорил Шипову, что "...он не боится людей более левого направления, но считает необходимым, чтобы общественные деятели, которые согласятся войти в состав кабинета, обладали сильной волей, серьезным отношением к государственному

делу и определенно сознавали необходимость поддержания авторитета государственной власти и порядка в стране в переживаемое переходное время".[8] Однако ясно, что самому этому большинству чужда была всякая мысль о вступлении в правительство. Это доказывает уже тот факт, что Милюков во время неофициального собеседования советовал Витте вообще не принимать никаких представителей общественности в правительство, а составить кабинет исключительно из членов бюрократии.[9]

Наоборот, наверное думали об этом как раз Шипов и другие представители земского меньшинства, ибо они ведь не считали себя уполномоченными говорить от имени всей земской общественности. Уже во время первой встречи с Витте Шипов с целью установить контакт с широкими кругами общественности и привлечь ее к сотрудничеству посоветовал Витте обратиться в организационное бюро земских съездов в Москве. А поскольку в то время это бюро превратилось на деле в политическое бюро радикальной группы, оно и назначило для переговоров с Витте людей, которых надо было считать не представителями земства, а скорее представителями радикализма, хотя они и принадлежали к земским кругам. Главным оратором в этой депутации был характерный представитель русского радикализма профессор Кокошкин. В своей книге "Три попытки" Милюков справедливо пишет: "Выбор Кокошкина для беседы с Витте означал, что бюро не хочет компромиссных решений".[10] На самом деле депутация бюро не вела настоящих переговоров с Витте, а просто поставила ему ультиматум. Депутация обратила внимание Витте на то, что пожалование конституции царской властью принципиально недопустимо, и требовала созыва учредительного собрания как органа суверенной народной воли для подготовки конституции.

Этого, наверное, было достаточно, чтобы показать Витте, что нечего и думать о какой-либо помощи в борьбе с революцией со стороны представителей общественности, во всяком случае, тех ее представителей, с которыми он разговаривал. Он должен был прийти к заключению, что занятые этими людьми позиции, наоборот, благоприятствуют революционному развитию. Как мы уже видели, Витте придерживался мнения, что если конституция не бу-

дет пожалована до созыва народного представительства, иными словами, если не будут созданы прочные правовые рамки для законодательной работы, а народное представительство возникнет с полномочиями учредительного собрания, конфликт между таким народным представительством и царской властью будет неизбежным и в таком конфликте народное представительство неизбежно станет на сторону и даже во главе революции, при этом еще использовано будет для внешнего узаконения революции. Таким образом, революция усилится, революционное развитие в значительной мере будет облегчено. Доказательством тому служил и исторический опыт Франции. В 1789 году во Франции народное представительство было создано без предварительного создания конституции, поэтому отсутствовала правовая основа для соглашения между монархом и Etats Généraux, так что все способствовало тому, чтобы события развивались в сторону революции. Маклаков в связи с этим пишет: "Можно ли было поверить, чтобы через сто двадцать лет наша власть повторила ту же ошибку, уже единогласно осужденную всеми историками?"[11]

При этом важно, что делегация бюро представляла не только точку зрения небольшой группы, это была на самом деле концепция широких общественных кругов. Это проявилось на последнем земском съезде в начале ноября 1905 года: в первый раз земский съезд не признал за царем право пожаловать конституцию. Но так как на этом съезде представлены были и умеренные элементы, съезд не высказался прямо за созыв учредительного собрания. Он поставил требование, чтобы Дума подготовила конституцию и царь ее утвердил.[12] Поскольку такое компромиссное решение предусматривало утверждение царем, левые группы восприняли его как уступку и отказ от чистого принципа народного суверенитета и вследствие этого с возмущением выдвинули обвинение в измене. Но с другой стороны, такая формула не могла удовлетворить и правительственные круги. Если бы ее действительно приняли, то возник бы все тот же крайне опасный конфликт между царем и народным представительством, которого надо было опасаться и при созыве учредительного собрания, заключение или решение которого царь не имел бы даже права утверждать.Особенно Витте видел это абсолютно ясно и считал, что поста-

новление земского съезда нельзя серьезно принимать во внимание.

Не более практичными были и другие рекомендации, которые последний земский съезд сделал в адрес правительства Витте. Съезд требовал от правительства немедленного и неограниченного осуществления всех свобод, упомянутых в Манифесте 17 октября. Он требовал упразднения законов о введении чрезвычайного положения и военного положения в отдельных областях, всеобщей амнистии за все политические преступления, немедленного устранения смертной казни и т.д.[13] Но при этом все знали, что волна революционного террора расширяется и распространяется все дальше. Так как же можно было думать серьезно, – спрашивал Маклаков, – что можно бороться с террористическими покушениями только амнистией и свободами?

Заключения земского съезда глубоко возмутили Витте, но он все еще не мог поверить, что за этими постановлениями стоит вся земская общественность. Может быть, он слыхал, что на съезде было и меньшинство, которое сопротивлялось принятию этой резолюции. Может быть он знал, что земства провинции настроены были гораздо более консервативно, чем земский съезд. Поэтому он еще раз отреагировал на постановления земского съезда. Когда (вскоре после того, как он получил эти постановления) до Петербурга дошло известие о том, что в Севастополе произошло восстание моряков, Витте послал Петрункевичу телеграмму. В этой телеграмме он высказывал свое убеждение, что заключения земского съезда были бы иными, если бы съезд знал то, что произошло в Севастополе. Телеграмма его заканчивалась следующими словами: "Я обращаюсь к вам, потому что верю в ваш патриотизм".[14] Но эта телеграмма не произвела решающего впечатления на участников съезда. Правда, она усилила у некоторых из них склонность к умеренному подходу, однако большинство продолжало считать, что это – лишь знак слабости и готовности правительства продолжать переговоры и в конце концов уступить. Итак, съезд постановил послать к Витте новую депутацию. Эта вторая депутация отличалась от депутации бюро только тем, что она не должна была ставить Витте ультиматума. Но сам съезд занял слишком четкую позицию, и депутация никак не могла доложить Витте о каком-то

изменении настроений земской общественности под влиянием трагических событий. Даже примирительно настроенная депутация вряд ли смогла бы изменить тот факт, что "земский съезд не хотел быть опорой государственной власти, а продолжал быть для нее прежним врагом".[15] Витте это понял. Он не принял депутации, которой вручили от его имени холодный письменный ответ.

*

* *

Наверное в этот момент Витте стало ясно, что его надежды и его политический план потерпели неудачу. Как уже было сказано, Витте рассчитывал примириться с либеральной общественностью путем перехода к конституционному строю; таким образом он надеялся изолировать революцию и вызвать ее поражение. Исходя из такого плана, он посоветовал Николаю II объявить переход к конституционному строю Манифестом 17 октября. Но при этом он так же открыто сказал царю, что есть и другая возможность, а именно подавить революцию просто при помощи полиции и военных сил; однако сам он этот путь отвергал. Теперь Витте видел, что не оправдалась его надежда найти поддержку в широких кругах общественности и особенно в земских кругах, он убедился, что стало необходимым отныне бороться с революцией теми методами, против которых он недвусмысленно высказался, которых он не хотел применять и именно во избежание их применения он и посоветовал царю дать стране конституцию. И вот Витте уполномочил своего министра внутренних дел Дурново подавить революцию при помощи полиции и военных сил. Это удалось Дурново сравнительно легко. Даже для подавления вооруженного восстания в декабря 1905 года оказалось достаточным вызвать из Петербурга гвардейский полк. В других городах полиция одна справлялась с революционерами.

Объявление о переходе к конституционному строю, таким образом, не дало тех результатов, которых Витте хотел достигнуть. Витте чувствовал, что он ввел царя в заблуждение. По всей вероятности, у него было чувство вины перед Государем, но он

его, наверное, очень скоро подавил. Витте никогда охотно не признавался в своих ошибках. Может быть именно это подавленное сознание вины и было глубинным источником проявлений с его стороны ненависти к царю, которые неоднократно встречаются в его воспоминаниях. Мне кажется, что наличие такого сознания вины у Витте явно уже в заявлении, которое он сделал Маклакову много лет позже и которое Маклаков приводит в своих воспоминаниях: "Если бы я мог поверить тогда, что вся общественность была такова, какой была делегация, я не простил бы себе, что посоветовал Государю дать конституцию".[16]

В конце концов, вопрос о том, было ли у Витте по отношению к царю такое сознание вины, скорее второстепенен. Важно только то, что он отдавал себе отчет в полном крушении всей своей политической концепции. Только исходя из этого и можно объяснить его дальнейшее поведение. Только этим можно объяснить тот факт, что в Особом Совещании он часто высказывался очень антилиберально и говорил о будущем народном представительстве всегда с чрезвычайным недоверием. Только этим объясняется, что в этом совещании он даже пытался оспаривать, что новый строй является действительно конституционным строем и даже пытался ввести в основные законы статью, при помощи которой возможно было узаконить государственный переворот. Только таким чувством вины можно объяснить, что он не хотел или не мог явиться перед Думой как глава правительства и подал в отставку за несколько дней до ее открытия. Без поддержки общественности, той поддержки, которую он искал и не нашел, Витте мог предстать перед Думой лишь как бюрократ, так сказать, как специалист по государственным делам. Но без поддержки общественности он не был политическим деятелем в том смысле, как он это понимал, и не мог иметь настоящего политического влияния, а по-видимому, именно такой роли он хотел и искал, несмотря на то, что по своим личным качествам он как раз не совсем подходил к такой роли.[17] Только крушением тех надежд, которые он возлагал на либерализм, можно далее объяснить, что он дал своему министру внутренних дел Дурново полную свободу при подавлении революции и что он часто недостаточно энергично сопротивлялся все более частым проявлениям белого террора со

стороны реакционных элементов. Последнее обстоятельство особенно возмущало оппозиционную общественность, несмотря на то, что именно эта общественность в основном несла ответственность за происходившее, на что справедливо указывает Маклаков. "Либеральное общество, – пишет он, – не хотело понять, что, отказав Витте в поддержке, оно отняло у него ту позицию, на которой он мог дать бой реакции. Если бы общественность со своей либеральной программой явилась в то же время опорой порядка в стране, Витте, опираясь на нее, мог бы ударять по реакции. Но пока либеральное общество требовало учредительного собрани, амнистий и полных свобод, не находя ни единого слова для осуждения революции, черные сотни казались как бы единственной защитой трона и порядка в стране".[18] Однако общественность не могла простить Витте жестокости, с которой подавлялась революция. Она не хотела понять, что этой жестокости можно было избежать только с ее поддержкой, ибо без этой поддержки Витте полностью зависел от помощи тех, которые глубоко презирали само понятие правового государства. Без этой поддержки Витте не оставалось ничего другого, как противопоставить голой силе революционного террора голую силу полицейских санкций, если он не был готов капитулировать перед революцией, что, конечно, было просто невозможно, поскольку означало бы полную его сдачу.

Нет никакого сомнения в том, что тогда не капитуляция, а именно борьба была не только политически правильна, а и нравственно справедлива. Маклаков подчеркивает это в своих воспоминаниях со свойственными ему блеском и глубиной. Он пишет: "...Жестокое дело, которое с возмущающей беспощадностью сделала власть, спасло тогда Россию от большего зла – от революции. Революция, которой многие с восторгом ждали, принесла бы с собой то, что Россия переживает теперь. Перед судом истории усмирители 1905 года окажутся более правы, чем те, кто из самых самоотверженных побуждений начал восстание,[19] ему способствовал и радовался, что власть попала в тупик. Пока мы не посмеем этого признать, мы еще не можем объективно судить наше прошлое".[20]

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 8

1. Маклаков, ук. соч., стр. 561.
2. Число назначенных членов не могло превышать числа членов избранных – оно могло быть только меньше его.
3. Маклаков, ук. соч., стр. 591.
4. Маклаков, ук. соч., стр. 585.
5. Маклаков, ук. соч., стр. 445.
6. Маклаков, ук. соч., стр. 585.
7. Маклаков. Вторая Государственная Дума. Париж (без даты), стр. 8; см. также: Маклаков. Первая Государственная Дума. Париж, 1939, стр. 18.
8. Шипов, ук. соч. стр. 335; см. также стр. 341.
9. Милюков. Три попытки. Париж, 1921, стр. 24.
10. По Маклакову, ук. соч., стр. 437.
11. Маклаков, ук. соч., стр. 551.
12. Маклаков, ук. соч., стр. 461.
13. Маклаков, ук. соч., стр. 464.
14. По Маклакову, ук. соч., стр. 470.
15. Маклаков, ук. соч., стр. 471.
16. По Маклакову, ук. соч., стр. 439.
17. Маклаков, ук. соч., стр. 419.
18. Маклаков, ук. соч., стр. 420.
19. Имеется в виду вооруженное восстание в Москве в декабре 1905 года.
20. Маклаков, ук. соч., стр. 429 и далее.

Глава 9

ПАРТИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИСТОВ-ДЕМОКРАТОВ И СОЮЗ 17 ОКТЯБРЯ

Меньшинство на последнем земском съезде. – Возникновение Союза 17 октября. – Противопоставление программы и основных позиций "октябристов" позициям кадет. – Накануне Первой Думы: предвыборный союз кадет с социалистами. – Отставка Витте и назначение Горемыкина председателем Совета министров.

На земском съезде в ноябре 1905 года, так же как на съезде в ноябре 1904 года, наряду с радикальным большинством было и меньшинство. Однако между этим меньшинством (на съезде 1905 года) и тем, которое было на съезде в 1904 году, существовала серьезная разница. В 1904 меньшинство высказалось против конституционного строя, в то время как в 1905 меньшинство было за конституцию. К этому меньшинству принадлежали отчасти давнишние конституционалисты, как Гучков, а отчасти и такие люди, как Шипов,[1] из меньшинства съезда 1904 года, которые тогда еще были против конституции, но теперь, после того как она стала свершившимся фактом, ее признавали. Нельзя забывать уже подчеркнутого обстоятельства, а именно, что вся деятельность таких людей, как Шипов, с самого начала фактически служила делу конституции, так что для них теперь было вполне естественно ее поддерживать. Меньшинство ноябрьского съезда (1905) расходилось с большинством не в вопросе принятия или непринятия конституции, а в том, что они согласны были на пожалованную царем конституцию и отвергали концепцию учредительного собрания как источника нового государственного порядка.

Особенно ясно высказал это Свечин.[2] Он отклонял возможность учредительного собрания, покуда в России существует законная государственная власть. Кроме того он указывал, что существуют разные позиции по отношению к Манифесту 17 октября: одни хотят идти дальше, другие находят, что и так уже зашли слишком далеко. Свечин критиковал обе эти позиции и предлагал принять позицию самого Манифеста. Это было предпосылкой октябризма. Маклаков считает, что меньшинство на последнем земском съезде защищало принципы либерализма, так же как это делали затем октябристы в Первой Думе.[3]

Контраст между меньшинством и большинством на съезде отнюдь не ограничивался вопросом конституции, а распространялся и на многие другие проблемы. Прежде всего меньшинство абсолютно четко отвергало революцию и решительно осуждало революционный террор. Гучков предложил съезду ввести следующую фразу в резолюцию, требовавшую отмены смертной казни: "Съезд осуждает насилия и убийства как средство политической борьбы".[4] Однако большинство отклонило даже это скромное предложение. Независимое поведение Гучкова на съезде повысило его авторитет. Либеральный социолог М.М. Ковалевский, также принимавший участие в съезде, сказал Маклакову: "Я видел на съезде только одного государственного человека, это Гучков".[5]

Из меньшинства этого земского съезда (в ноябре 1905) и возникла впоследствии партия октябристов (Союз 17 октября), во главе которой сначала, некоторое сравнительно короткое время, стоял Шипов, а затем ряд лет ее возглавлял Гучков. Большинство же состояло из членов конституционно-демократической партии, возникшей за несколько недель до съезда. Впрочем, конституционно-демократическая партия все же не совпадала с большинством съезда в той мере, в какой партия октябристов совпадала с его меньшинством. Некоторые представители меньшинства, как например Маклаков и Свечин, примкнули к партии кадетов. Внутри конституционно-демократической партии всегда существовала либеральная группа, противопоставлявшая свои мнения мнениям радикального большинства. Однако она не была достаточно влиятельна, чтобы добиться принятия своих позиций.

В лучшем случае, этой группе удавалось заставить партию принять компромиссное решение, к которому сама она пассивно примыкала, хотя часто такое решение было не менее вредным, чем точка зрения большинства. Представителями этого либерального меньшинства внутри партии кадетов, кроме Маклакова и Свечина, были Н.Н. Львов и П.Б. Струве; оба они, однако, вскоре покинули партию.

*
* *

Вскоре после 17 октября стали формироваться многочисленные политические партии, стоявшие правее кадетов. Отчасти они держались просто враждебно по отношению к новому государственному строю, отчасти они симпатизировали принципам, провозглашенным Манифестом 17 октября, а отчасти это были группы, представлявшие чисто местные интересы.[6] Во время частых общих поездок из Москвы в Петербург Шипов и Гучков часто обсуждали необходимость объединить маленькие группы и партии, у которых была общая цель: мирным путем осуществлять принципы конституционной монархии, провозглашенные Манифестом 17 октября. Необходимость эта стала особенно острой после земского съезда в ноябре 1905 года, когда очень усилился контраст между радикальным большинством и либеральным меньшинством. Меньшинство высказало "особое мнение" по поводу резолюций последнего земского съезда и тем самым определенно отмежевалось от его решений. Тот факт, что большинство уже в середине октября организовалось в политическую партию (конституционно-демократическую), должен был сделать совершенно естественным решение противопоставить партии кадетов хоть в какой-то мере организованную большую политическую группу, представлявшую идеологию меньшинства. При всех условиях приближение выборов в Думу делало необходимым создание подобной группы.

Вскоре после этого состоялось в Москве совещание приверженцев этой идеи. Решено было создать не партию, а союз, так

чтобы отдельные партии и группы, которые пожелают к нему примкнуть, могли сохранять свою независимость. Союз назвали Союзом 17 октября, а членов союза так же как и думскую фракцию, стали называть октябристами. Группа, от которой исходила инициатива, обратилась с призывом к общественности и одновременно объявила и основные тезисы своей программы. В воззвании подчеркивалась необходимость объединения всех тех, "кто искренно желает мирного обновления страны, кто отвергает одинаково и застой, и революционные потрясения и кто признает необходимость создания сильной и авторитетной власти, которая, совместно с народным представительством, могла бы внести в страну умиротворение путем созидательной законодательной деятельности".[7] Отклик на призыв был положительным. По всей провинции стали возникать группы октябристов. В Москве основан был центральный комитет, председателем его был избран Шипов.

*

* *

Небезынтересно сравнить главные пункты программы октябристов — т. е. программы русского либерализма — с главными пунктами программы конституционно-демократической партии, т. е. русского радикализма. На самом деле, правильнее наверное говорить не о пунктах программы, а об основных моментах идеологии и ею определенного поведения. Программа конституционно-демократической партии, принятая на съезде, вообще не упоминала о конституционной монархии. Она говорила только о российском государстве или о державе российской. Статья 13 гласит: "Конституционное развитие российского государства определяется основными законами". Из этого вытекает, что кадеты, правда, не требовали основания республики в России,[8] но что они не были и сторонниками монархии. Они считали правильным сохранять пока этот пережиток прошлого, не имевший в их глазах никакой ценности, до тех пор, пока суверенная воля народная определенно не выскажется за его устранение.

Напротив, в основных тезисах программы октябристов мы читаем, что к главным целям союза относится "развитие и укрепление начал конституционной монархии и установление тесного единения монарха с народом".[9] Из полного текста программы и из речей выдающихся октябристов на партийных съездах (особенно из речей Гучкова) ясно, что для октябристов монархия представляла собой воплощение великой русской исторической традиции и поэтому в ней видели и для будущего ту силу, которая одна только и сможет осуществить обновление России. Так, на первом всероссийском съезде Союза 17 октября, состоявшемся в Москве с 8 по 12 февраля 1906 года, Гучков сказал: "... Мы не можем относиться отрицательно к тому, что создано старой Россией... монархическое начало, которое сыграло в России такую огромную роль, тоже должно быть перенесено обновленным в новую Россию".[10] На том же съезде Шипов подчеркнул: "Мы – искренние монархисты по убеждению; мы видим в конституционной монархии противодействие идее деспотизма олигархии или массы. Монарх – выше всех политических партий, и поэтому свобода и право каждого гражданина наиболее обеспечены при конституционной монархии".[11] Эти слова Шипова легли в основу дальнейшей разработки программы. Программа указывала на то, что монарх, несмотря на ограничение его воли правами народного представительства, получил большую власть вследствие того, что превзойден бюрократический абсолютизм и возникло единение с народом. Монархия имеет отныне новое задание: она должна стать миротворящим началом, поскольку предоставление свободы в политической, национальной и социальной борьбе открывает многочисленные возможности именно для этого задания.[12]

В той же речи Шипов сказал: "Мы наравне с левыми партиями одинаково понимаем, что будущее России заключается в широких демократических реформах". Однако, в отличие от этих партий, – подчеркивал он, – октябристы считают, что в основу этих реформ должен лечь не один только принцип свободы, но и нравственное начало. "Исходной идеей Союза 17 октября, – закончил свою речь Шипов, – является признание высших начал свободы, правды и любви".[13] По моему мнению, едва ли можно оспаривать, что существует известное родство между принципами октябристов и

христианских демократов; возможно, что из Союза 17 октября развилась бы в дальнейшем православная христианско-демократическая партия.

Из различного подхода к монархии совершенно естественно вытекало, что кадеты отвергают принцип пожалования конституции монархом, в то время как октябристы приветствуют пожалованную конституцию.

Программа к.-д. требовала всеобщего избирательного права. Кадеты были убеждены, что подлинным народным представительством могло называться только собрание, возникшее из всеобщего прямого равного для всех и тайного голосования. Программа к.-д. требовала введения парламентаризма (ст. 19). Она не высказывалась прямо за упразднение верхней палаты, однако признавала, что по этому вопросу существуют разногласия внутри партии (ст. 14), из чего ясно, что партия не считала принципиально нежелательным упразднение верхней палаты. Во всяком случае, кадеты не предусматривали, в качестве верхней палаты, преобразованный Государственный Совет, а новую палату, которая избрана будет демократизированными органами самоуправления.

Октябристы по этим пунктам сначала придерживались точки зрения, не противоречившей принципиально кадетским позициям. Однако эту точку зрения они выражали умеренно, в согласии с существовавшими историческими обстоятельствами. Так же как и кадеты, октябристы были сторонниками всеобщего, равного и, само собой разумеется, тайного голосования. Октябристы высказывались за то, чтобы правительство было составлено из рядов думского большинства, а это бесспорно представляло собой шаг в направлении парламентского строя. Однако они не настаивали на его немедленном формальном введении. Октябристы осуждали превращение Государственного Совета в верхнюю палату при сохранении назначенных членов; они считали такое решение нежелательным и противоречащим Манифесту 17 октября. В принципе, однако, они видели в верхней палате нужное и полезное учреждение. В резолюции центрального комитета октябристов от марта 1906 года (резолюция эта ссылается на закон о Государственном Совете от 20 февраля) ясно указано, что Государственный Совет не может расцениваться как настоящее представительство мнений

страны. Поэтому центральный комитет октябристов считал нужным ограничение полномочий Государственного Совета. Резолюция подчеркивает, что Государственный Совет чрезвычайно важен для обеспечения преемственности законодательства и для того, чтобы препятствовать недостаточно зрелым постановлениям Думы. Поэтому должно оставаться в силе право Государственного Совета отвергать постановления Думы, а таким образом отвергнутые постановления должны возвращаться в Думу. Но если Дума останется при своем первоначальном решении, то, по мнению октябристов, проект уже не должен возвращаться в Государственный Совет, а должен быть представлен царю, которому и должно принадлежать право окончательного решения.[14]

Очень важно еще следующее различие: программа к.-д. в числе основных гражданских прав не упоминает о праве собственности, в то время как у октябристов право собственности включено в список основных гражданских прав. (Пункт третий тезисов). Конечно, это не означало, что они считают частную собственность неприкосновенной при любом положении. Октябристы допускали возможность экспроприации поместий в пользу крестьян для решения аграрной проблемы. Однако они считали экспроприацию мероприятием, которое применимо лишь с величайшей осторожностью и в том случае, если не дано никакой другой возможности. В основных тезисах (пункт 4) подчеркивалось, что экспроприация поместий допустима для расширения крестьянского землевладения только при справедливом возмещении убытка и только в интересах государства. Что касается аграрной программы к.-д., я уже подробно ее проанализировал. При этом было совершенно ясно, что кадеты предполагают провести программу экспроприации гораздо шире, чем октябристы; в отношении же компенсации за экспроприированное имущество они отнюдь не собирались придерживаться принципов гражданского права.

Однако, самое серьезное различие между кадетами и октябристами заключалось не в программе, а в том, что в противоположность кадетам октябристы готовы были поначалу мириться с тем, что они считали недостатками конституции, для того чтобы возможно скорее и энергичнее приступить к подготовлению либеральных реформ в Думе в рамках пожалованной конституции. Они

были убеждены в том, что мирная и дельная работа в Думе и проведение в жизнь либеральных реформ со временем неизбежно должны повести к демократизации конституции. В основных тезисах их подчеркивалось, что особо важен возможно более скорый созыв Думы с целью приступить к решению крестьянского вопроса в смысле установления равноправия крестьян с другими гражданами. Дальше мы читаем в основных тезисах, что Дума должна немедленно заняться разработкой рабочего законодательства, а также разработкой законов, направленных на развитие самоуправления, на преобразование судебного ведомства, администрации и налогового ведомства и на развитие системы народного просвещения (пункт 4 а-е). Наоборот, кадеты считали, что серьезная дельная работа в Думе нежелательна. На апрельском съезде (1906 г.) конституционно-демократической партии Милюков сказал: "Не надо расширять деятельность Думы до органической работы, но надо выводить ее за пределы, которыми слева хотят ее ограничить. Задачей Думы является принять меры, чтобы вся тяжесть войны и ответственность за столкновение с властью пала на власть".[15] Значит, по мнению конституционно-демократической партии и ее лидеров, прежде всего надо было добиться капитуляции государственной власти и коренной демократизации конституции, ибо только таким образом могли возникнуть предпосылки для "органической работы".

Далее, кадеты вели себя по отношению к борьбе с революцией совершенно иначе, чем октябристы. Всю ответственность за революционные крайности они возлагали только на непреклонность правительства и отказывались хотя бы даже только с нравственной точки зрения осудить и самые жестокие проявления красного террора. В то же время кадеты решительно требовали отмены смертной казни и законов о введении чрезвычайного положения или военого положения. Октябристы же осуждали красный террор так же, как злоупотребления властью государственных органов при борьбе против революционных эксцессов.[16] Они считали абсолютно оправданной борьбу правительства с революцией. Характерно, что резолюция, требовавшая отмены законов о введении чрезвычайного положения и военного положения – законов, бесспорно вызывавших немало существенных возражений – принята была

на съезде октябристов лишь очень небольшим большинством голосов. Была сильная группа, считавшая неправильным лишать правительство какого бы то ни было законного средства борьбы с революцией в такой опасный момент (хотя отлично при этом понимая недостатки данных средств).[17]

Таким образом, октябристы желали сотрудничать с правительством при проведении либеральных реформ и при борьбе с революционными эксцессами.[18] Наоборот, кадеты твердо решили не искать примирения с государственной властью. Шипов подчеркнул это в присутствии царя на совещании в декабре 1905 года. Он сказал: "Радикалы требуют созыва учредительного собрания; они в Думу пойдут для проведения этого требования. Мы же, члены Союза 17 октября, хотим укрепления власти и проведения возвещенных Вашим Императорским Величеством реформ".[19]

Бескомпромиссные позиции кадет по отношению к правительству, так же как и по отношению к правее их стоявшим группам, еще укреплялись тем, что они не вступали в предвыборное соглашение с либеральным Союзом 17 октября,[20] хотя это и было бы совершенно естественно, поскольку Союз этот, так же как и сами кадеты, происходил от тех же самых земских съездов. Наоборот, кадеты заключили предвыборное соглашение с социалистами, которые до тех пор действовали лишь как подпольная группа. Позиция к.-д. по отношению к Союзу 17 октября, так же как и к другой меньшей либеральной партии, возникшей именно в то время под названием Партии Государственного Порядка, была непримиримо враждебна, хотя сам Милюков и вынужден был признать на партийном съезде в январе 1906, что эти партии теперь переняли ту роль, которая изначально должна была принадлежать кадетам.[21] В той же речи Милюков высказал несколько странную надежду, что несмотря на эту роль, "поддержка правительства окрасит обе эти партии в цвет черной сотни".[22] Действительно, эта надежда Милюкова в значительной мере исполнилась, но никак не благодаря поддержке правительства двум названным партиям, а вследствие пропагандных усилий самих кадет, которые в данном случае и были увенчаны успехом. Ведь на самом деле еще и в наши дни многие убеждены в том, что октябристы были не либеральной, а реакционной партией. Я надеюсь, что данные

мною пояснения будут содействовать устранению такого убеждения и правильному освещению роли той партии, которая больше всего сделала для укрепления конституционного строя в России. Предвыборное соглашение с социалистами обеспечило кадетам победу на выборах. Оно же, однако, лишило их свободы не только во время предвыборной кампании, а и в самой Думе.[23]

Избранная кадетами политическая линия исключала всякую возможность соглашения с правительством и вообще лишала их нужной гибкости; однако надо сказать, что уход Витте и назначение Горемыкина на пост председателя Совета Министров сильно осложняли и для правительства задачу сотрудничества с народным представительством. Нет сомнения, что Витте искренно искал соглашения с представителями общественности. Он придавал этому соглашению настолько большое значение, что сначала старался не вырабатывать окончательной программы; иными словами, разработку ясной и четкой правительственной программы он принес в жертву усилиям достигнуть соглашения с общественностью. Конечно это была ошибка. Четко выработанная программа скорее облегчила бы соглашение с оппозицией, так как все определенное всегда обладает притягательной силой. Такое поведение Витте осуждено было представителями общественности, а у царя вызвало недоверие. Шипов пишет: "самое страшное и пагубное... отсутствие у правительства определенной программы, основанной на определенных политических убеждениях... Только при этом условии возможны доверие и поддержка общества. Постоянные сомнения, искания компромиссов, влекущие за собой неизбежные затем уступки, лишают правительство возможности овладеть общественным движением и сделаться его руководителем".[24] В том же приблизительно смысле высказался Николай II в разговоре с Коковцовым. Царь сказал: "Я хочу честно исполнить мое обещание, данное Манифестом 17 октября, и дам народу право законодательной власти... Я готов дать все, что нужно на самом деле, но уступать на каждом шагу и не знать, где остановиться – это выше моих сил, и я не вижу, чтобы мои новые министры имели перед собой ясную программу и готовы были твердо управлять страною, а не только все обещать и обещать".[25] В оправдание

Витте надо, однако, сказать, что его колебания были последствием того, что он нигде не находил понимания и поддержки.

Если еще можно понять, что Витте должен был уйти, нелегко постигнуть, почему на его место был назначен Горемыкин. Ни представители общественности, ни бюрократы не находили объяснения его назначению. В правительственных кругах высказывались по этому поводу весьма скептически. Когда Витте (бывший, надо сказать, личным врагом Горемыкина) узнал от царя, кто станет его преемником, он сказал Коковцову, что Иван Логгинович, конечно, не управится с этим разбушевавшимся морем.[26] Но и обычно крайне сдержанный Коковцов счел своим долгом предупредить царя, что назначение Горемыкина чрезвычайно затруднит достижение некоего modus vivendi с Думой. Он сказал царю, что полное безразличие Горемыкина ко всему, отсутствие в нем всякой гибкости и прямое нежелание сблизиться с представителями новых элементов в государственной жизни неизбежно поведут к дальнейшему усилению оппозиционных настроений.[27]

Царь, однако, остался при своем решении. На соображения Коковцова он возразил, что Горемыкин наверное и сам подаст в отставку, если заметит, что его уход может облегчить отношения правительства с Думой. Очевидно Николай II устал видеть во главе правительства человека, всегда имевшего самостоятельное мнение и собственную инициативу. Что касается Горемыкина, то могла быть полная уверенность, что он никогда не проявит собственной инициативы. Поэтому нельзя было никак ожидать, что он займет отрицательную позицию по отношению к новому строю и особенно к Думе. Маклаков справедливо подчеркивает, что назначение Горемыкина ни в коем случае не было признаком желания отклониться от принципов манифеста 17 октября.[28] Однако для введения нового конституционного строя, конечно, требовалось нечто большее, чем просто пассивное поведение, и поэтому назначение Горемыкина все же было в высшей степени неудачным решением.

Критика общественности направлена была не столько против личности Горемыкина, сколько против того, что накануне созыва Думы составлено было правительство исключительно

из бюрократов, что даже не подумали о возможности составить правительство из общественных деятелей, которые смогли бы найти с Думой общий язык. Это было мнение не только кадет, а и октябристов. И умеренные представители общественности не согласны были наряду с пожалованной конституцией принять и "пожалованное" стране правительство.

Преобразование правительства накануне созыва Думы, назначенного на 27 апреля, имело чрезвычайно отрицательные последствия, тем более, что царь четко высказал желание, чтобы ни один член правительства Витте не вошел в состав нового Совета Министров. Поэтому за краткие дни до созыва Думы во главе всех министерств появились новые люди, просто не имевшие времени для того, чтобы ознакомиться с работой предшественников и предстать перед Думой с серьезной программой. Это никак не могло быть благоприятной предпосылкой для встречи с Думой. То же самое надо сказать о назначении таких людей, как Стишинский и Ширинский-Шихматов, о которых широко было известно, что у них нет никаких симпатий к конституционному строю.

Таким образом, можно сказать, что накануне созыва Думы как правительство, так и оппозиционные круги сделали все, что только было в их силах, для того чтобы сделать невозможным сотрудничество между Думой и правительством.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 9

1. Сам Шипов в этом съезде не участвовал, но зато в нем приняли участие многие из его единомышленников.
2. Свечин примкнул к партии кадетов и принадлежал к ее правому крылу.
3. Маклаков, ук. соч., стр. 469.
4. Маклаков, ук. соч., стр. 466.
5. Маклаков, ук. соч., стр. 469.
6. Шипов, ук. соч., стр. 402.
7. Шипов, ук. соч., стр. 404.
8. Из несоциалистических групп определенно высказалась за республику только маленькая и мало известная группа, именовавшаяся радикальной партией.
9. По Шипову, ук. соч., стр. 405.
10. По Шипову, ук. соч., стр. 413.
11. Шипов, ук. соч., стр. 419.
12. Полный сборник платформ всех русских политических партий, 3-е издание, Петербург, 1906, стр. 114. В дальнейшем будет цитироваться как Партийные программы.
13. Шипов, ук. соч., стр. 420.
14. Шипов, ук. соч., стр. 423.
15. По Маклакову, ук. соч., стр. 549.
16. В этом смысле высказался Стахович на съезде октябристов. По Шипову, ук. соч., стр. 415.
17. Шипов, ук. соч., стр. 421.
18. В программе октябристов подчеркивалось, что Союз 17 октября настаивает на скором приведении в исполнение прицинов Манифеста 17 октября, но что он готов поддержать правительство, вступающее на путь спасительных реформ. (Партийные программы, стр. 112).
19. Былое 1917, № 3, стр. 242. Эта особая совещательная комиссия созвана была для обсуждения представленного Советом Министров избирательного закона. Заседала она 5, 7 и 9 декабря. Октябристов упрекали в том, что они не только поддержали правительственную программу реформ, а вообще полностью оправдывали все то, что делало правительство Столыпина. Булгаков в своих воспоминаниях говорит об этой партии как о партии самых настоящих оппортунистов. Наоборот, Влад. Гурко (ук. соч., стр. 513) подчеркивает независимое поведение октябристов по отношению к правительству. Критические выска-

зывания о партии находятся в воспоминаниях одного из крупней ших октябристов, Шидловского, а больше всего у Маклакова (Вто рая Дума, стр. 52). Особенно удачно пояснена разница между каде тами и октябристами у Кизеветтера (На рубеже двух столетий стр. 406).

20. За эту коалицию высказался Струве в журнале Полярная Звезда № 4 от 5 января 1906 г.
21. По Маклакову, ук. соч., стр. 500.
22. По Маклакову, ук. соч., стр. 500.
23. Сравн. Маклаков, ук. соч., стр. 544.
24. Шипов, ук. соч., стр. 374.
25. Коковцов. Из моего прошлого. Париж, 1933, том I, стр. 132.
26. Коковцов. ук. соч., том I, стр. 166.
27. Коковцов. ук. соч., том I, стр. 169.
28. Маклаков. Первая Государственная Дума. Стр. 33.

Глава 10

ПЕРВАЯ ДУМА

Открытие Государственной Думы и преобразованного Государственного Совета. – Торжественный прием в Зимнем Дворце. – Тронная речь царя, ее политическое содержание. – Первая Дума. – Планы привлечь представителей общественности к участию в правительстве. – Неудача этих планов. – Уход Горемыкина и назначение Столыпина на пост председателя Совета министров. – Роспуск Первой Думы. – Характеристика правой оппозиции в Первой Думе. – Подготовление нового избирательного закона. – Разработка либеральной правительственной программы.

Не подлежит никакому сомнению, что царь действительно намеревался исполнить свои обещания и осуществить программу, основные принципы которой изложены были в манифесте 17 октября.[1] По желанию царя, новая эра государственной жизни России должна была открыться торжественным образом. Открытие Государственной Думы и преобразованного Государственного Совета имело место на торжественном приеме всех депутатов обеих палат в Зимнем Дворце. На самом деле открытие это явилось встречей двух миров. Коковцов, принимавший участие в приеме в качестве министра, отмечает в своих воспоминаниях: "Странное впечатление производила в эту минуту тронная Георгиевская зала, и думалось мне, что не видели еще ее стены того зрелища, которое представляла собою толпа собравшихся".[2] По правую сторону от трона стояла "мундирная публика", члены Государственного Совета, сенаторы, придвор-

ные, члены императорской семьи. С левой стороны буквально толпились члены Государственной Думы. Лишь немногие из них одеты были во фрак или в сюртук; многие – притом как раз те, которые демонстративно пробились вперед, близко к престолу – одеты были в рабочую одежду, а за ними стояли крестьяне в самых разнообразных одеяниях, многие в национальных костюмах; немало было и духовных лиц. (Впоследствии вдовствующая императрица сказала, что никогда еще не приходилось ей видеть таких "серых батюшек"). Коковцов пишет: "На первом месте среди этой категории народных представителей особенно выдвигалась фигура человека высокого роста, в рабочей блузе, в высоких смазных сапогах, с насмешливым и наглым видом рассматривавшего трон и всех, кто окружал его... Я просто не мог отвести моих глаз от него... таким презрением и злобою дышало это наглое лицо... Столыпин... сказал мне: "Мы с Вами, видимо, поглощены одним и тем же впечатлением, меня не оставляет даже все время мысль о том, нет ли у этого человека бомбы и не произойдет ли тут несчастие. Впрочем я думаю, что этого опасаться не следует – это было бы слишком невыгодно для этих господ – и слишком было бы ясно, что нам делать в создавшейся обстановке".[2] Как далека эта картина от славянофильских мечтаний о единении царя с народом, посылающим к монарху своих представителей! Два вражеских лагеря стояли тут друг против друга в полной непримиримости.

Это было ясно не только политическим деятелям. Несколько дней спустя Коковцов по случаю назначения своего министром финансов должен был представиться обеим императрицам. Императрица-мать сказала ему, что все еще находится под впечатлением "этого ужасного приема". "Они смотрели на нас как на своих врагов, и я не могла отвести глаз от некоторых типов, – настолько их лица дышали какою-то непонятною мне ненавистью против нас всех".[3]

Тронная речь царя полностью соответствовала духу и содержанию Манифеста 17 октября. В краткой и ясной речи этой очень выпукло сформулированы были важнейшие моменты программы нового правительства. Столыпин утверждает, что Николай II

сам сочинил речь и что она явилась сюрпризом и для самого правительства. Этому можно верить. По точности и изяществу стиль речи напоминает текст отречения, который был написан самим царем.

В этой речи царь обещал охранять непоколебимо установления, им дарованные, и заявил, что с установлением нового строя начинается эпоха реформ, эпоха "обновления нравственного облика русской земли и возрождения ее лучших сил". Реформы должны в первую очередь служить делу решения крестьянского вопроса, развитию просвещения и экономического благосостояния. Реформы не должны быть делом одного только правительства: царь призывал народное представительство активно принять участие в проведении в жизнь реформ – "выяснить нужды", что соответствовало принципу законодательной инициативы народного представительства. Царь призывал Божье благословение на труды, предстоящие ему "в единении с Государственным Советом и Государственною Думою". Он подчеркивал, что основой порядка является право; свобода и право – столпы, на которых зиждется государственный порядок. Маклаков пишет: "Наконец последняя черта этой речи. Те самые люди, которые были выбраны в Думу, по своему направлению почитались недавно врагами государства, изменниками. Состав Думы вызвал негодование правой печати; у нее не хватало для него бранных эпитетов. А Государь приветствовал "в их лице лучших людей". Вероятно он так не думал: он следовал конституционной фикции".[4]

Общественность приняла тронную речь очень холодно. 28 апреля Милюков писал в органе кадетской партии "Речь": "ни шагу вперед правительство не решилось ступить навстречу общественному мнению... тронная речь с большим искусством обошла все щекотливые темы".[5] Можно с уверенностью сказать, что общественность проглядела либеральное содержание речи. Почему? Была ли она прицинпиально глуха ко всему, исходившему от государственной власти, или просто не было уже трибуны для традиционной речи российского монарха? Родичев сказал однажды: "Нельзя объясняться в любви по церковно-славянски, точно так же нельзя развивать прогрессивные идеи на архаическом

языке императорских манифестов". Большой вопрос, конечно, прав ли Родичев с объективной точки зрения. Но он прав в той мере, в какой действительно прогрессивная программа, объявленнная на традиционном языке российских монархов, просто не могла быть понята интеллигенцией, поскольку последняя разучилась этот язык понимать.

Дума собралась 27 апреля. Председателем ее избран был Муромцев, профессор римского права, потерявший кафедру по политическим причинам и с тех пор работавший присяжным поверенным в Москве. Он принадлежал к умеренному крылу партии к.-д. Решающего политического влияния он не имел ни на земских съездах, ни после того, как стал председателем Думы, вероятно потому, что, очень тщательно соблюдая требования партийной дисциплины, сам он, однако, при этом все время принадлежал к партийному меньшинству. Свое отношение к вопросу партийной дисциплины он высказывал следующим образом: "До решения каждый член партии должен защищать свое мнение до ожесточения; когда решено – подчиняться беспрекословно".[6] Маклаков по этому поводу не без иронии отмечает, что Муромцев едва ли защищал что-либо "до ожесточения", но зато действительно беспрекословно подчинялся партийным постановлениям. Это и было причиной его избрания в председатели. Большинство могло полностью положиться на то, что он будет поддерживать его мнение, хотя бы сам его и не разделял.

Уже во вступительной речи своей Муромцев придал изящную форму точке зрения большинства. Он сказал, что работа Думы должна совершаться "на почве совершенного осуществления прав государственной Думы, истекающих из самой природы народного представительства".[7] Иными словами, полномочия Думы основаны не на пожалованной Конституции, а на естественном праве. Согласно толкованию кадет и правых социалистов, из самой природы народного представительства неизбежно вытекала необходимость установления абсолютной демократии, т. е. сосредоточения всей нераздельно государственной власти в руках нижней палаты (т. е. Думы) или, точнее, ее большинства.[8] Таково было содержание революционных стремлений и цель революционных сил: ссылка на естественное право

должна была придать этим стремлениям характер закономерности.

По мнению Маклакова, первая речь новоизбранного председателя Думы была символом будущей роли кадет в Думе. Он пишет по этому поводу: "Революционным тенденциям Думы он в своей речи ухитрился придать благообразие природного права".[9] Дело в том, что кадеты не были настоящими носителями этих тенденций. Они, правда, отвергали возможность соглашения с правительством, однако им не хватало и настоящего духа борьбы. Полностью воодушевлены идеей борьбы были трудовики. Они хотели настоящей революции в России и искали столкновения с правительством, всячески добиваясь конфликта с государственной властью и на него рассчитывая. Позиция трудовиков была полностью последовательна, в то время как позиция кадет загромождена была всякими "но"; совершенно понятно поэтому, что внутри левого блока ведущая роль принадлежала трудовикам, а кадеты оказались у них на поводу. Таким образом, произошло ровно противоположное тому, чего ожидало кадетское руководство .[10] Партия к.-д. относилась к трудовикам надменно. Кадеты были убеждены, что благодаря личной одаренности и образованию членов партии им суждено играть ведущую роль в Думе. Трудовики же, по их мнению, были не только "серой публикой", но и не представляли собой единой политической силы, фракция делилась на десять маленьких групп, лишенных четкой политической программы и не подчиненных настоящей партийной дисциплине. Маклаков пишет: "Но у трудовиков было больше единства, чем у кадет с их дисциплиной; у них было единство не программы, а политического их настроения, и в нем была их несомненная сила".[11]

Трудовики считали, что страна во власти глубокого революционного настроения и что следовательно Дума должна превратиться в орган первичных сил революции. Трудовики были настоящими носителями этой идеи и поэтому они и были убеждены, что именно им надлежит взять на себя руководящую роль в Думе с тем, чтобы опрокинуть государственную власть и довести революцию до победного конца.[12]

Характер думских требований (именно их характер, скорее, чем содержание) определился этой основной позицией трудови-

ков и тактическим союзом, который с ними заключили кадеты. Требование заменить дуалистическую конституцию парламентской демократией, по сути дела, не было требованием правительству создать в стране, в интересах правового порядка, некоторые конституционно-правовые установления: тут обращались к исторической власти, требуя от нее капитуляции перед революцией. Один из руководителей партии Набоков совершенно четко высказал это требование о капитуляции, отвечая на правительственное заявление: "Власть исполнительная да подчинится власти законодательной".[13] Если Дума требовала отставки правительства и создания нового, которое опиралось бы на думское большинство, это было лишь логическим последствием, вытекавшим из принципиального требования капитуляции исторической власти. Если Дума далее требовала упразднения верхней палаты, то это тоже было лишь логическим следствием того же требования капитуляции: тем самым Дума добивалась устранения серьезного препятствия полному осуществлению суверенной революционной воли думского большинства. То же самое относится ко всем остальным представленным Думою требованиям. Если Первая Дума требовала отмены смертной казни или законов о введении чрезвычайного или военного положения, конечно, она это делала не только из принципиального осуждения смертной казни или из убеждения в неудовлетворительности названных законов: делала она это прежде всего с тем, чтобы отнять средства борьбы у противника, т. е. у государственной власти. Если Дума требовала амнистии для всех политических преступников, то это походило на требование победителя побежденному немедленно отпустить всех военнопленных. Если Дума собиралась решать аграрную проблему путем национализации поместий, совершенно явно ее при этом меньше тревожила мысль о необходимости улучшить положение крестьян, чем желание разорить ненавистное реакционное сословие помещиков и лишить его представителей всех гражданских прав.[14]

Читая записи заседаний Первой Думы, невольно вспоминаешь, что писала мадам де Сталь о французском Учредительном Собрании (Assemblée Constituante): "C'etait donc le plus pénible des spectacles intellectuels que de voir les bienfaits de la liberté civile mis

sous la sauvegarde d'une liberté politique sans mesure et sans force".[15] Первое российское народное представительство не только не было в состоянии защищать гражданские свободы, прежде всего необходимые России, оно с самого начала готовилось нарушить принципы гражданских свобод в отношении значительной группы населения, т. е. землевладельцев.

Правительство твердо решило не уступать Думе по двум вопросам. Оно считало невозможным согласиться на решение аграрной проблемы путем экспроприации поместий и на переход от дуалистической конституции к парламентскому строю. Все члены правительства были совершенно согласны по этим двум пунктам: как те из них, кто, подобно Ширинскому-Шихматову и Стишинскому, вообще отвергали конституционный строй, так и те, кто, как Коковцов и Столыпин, были совершенно готовы пойти навстречу либеральным течениям в рамках новых основных законов.[16] Разногласия между Думой и правительством по принципиальным вопросам не обязательно должны были повести к открытому конфликту, поскольку решение этих вопросов не требовалось немедленно. Если бы Дума поначалу удовлетворилась проведением в жизнь, совместно с правительством, тех реформ, которые можно было осуществить в рамках основных законов, столкновения и не вышло бы. Но Дума ни в коем случае и никоим образом не хотела сотрудничать с правительством. Она даже отказалась полностью одобрить чрезвычайный кредит в 50 миллионов рублей, который правительство считало необходимым, чтобы смягчить последствия неурожая 1905 года, и понизила его до бесспорно недостаточной суммы в 15 миллионов рублей. В пояснении своего решения Дума указывала, что министерство внутренних дел располагает деньгами, которые оно тратит на бесполезные и даже вредные цели, как например на содержание полиции. Министерство преспокойно может использовать эти деньги для помощи голодающим областям, а следовательно ему и не нужны никакие дальнейшие кредиты. А что было противозаконно и даже противоречило специфическому предписанию конституции употреблять деньги, предназначенные государственным бюджетом на определенную цель, для какого-либо иного назначения, — об этом Дума не могла не знать; следовательно ее решение можно

понимать только как обструкцию. Принципиальный отказ Думы сотрудничать с правительством, конечно, делал в конце концов неизбежным конфликт между ними; однако и из этого не вытекала непосредственно необходимость распустить Думу, поскольку какое-то время можно править страной и без новых законов и со старым бюджетом.

Слишком долго откладывать роспуск Думы нельзя было потому, что сама Дума превращалась в центр, из которого революционные настроения распространялись на всю Россию. Революционная волна, несколько спавшая после подавления московского восстания и ареста петербургского рабочего совета, начала снова нарастать, положение вновь становилось угрожающим. Все донесения губернаторов единогласно подчеркивали, что революционные тенденции возрастают под влиянием думских речей. Кроме того эти донесения указывали, что у губернаторов нет в распоряжении никаких средств к борьбе с революционными эксцессами. Особенно опасно было, что волнения проникли и в среду мелких чиновников, которым неясно было, какую позицию займет правительство, когда вспыхнет всеми ожидаемый конфликт с Думой, а вернее – каковы возможности правительства в этом конфликте одержать победу, вследствие чего и сами они не знали, как себя вести.[17]

*

* *

Таким образом, именно из создавшегося положения вытекала необходимость распустить Думу как можно скорее; а если не делать этого, – то надо было сформировать правительство из думского большинства, т. е. собственно из кадет. (По мнению даже самих кадет, не могло быть и речи об участии трудовиков в правительстве. В статье, опубликованной в журнале "Речь" от 18 июня 1906, Милюков объясняет это тем, что среди трудовиков нет людей достаточно подготовленных. Кроме того, по его мнению, сами трудовики не захотят отказаться от выгодной позиции безответственной оппозиции).[18] В правительственных кругах

рассматривались обе возможности. Тогдашний дворцовый комендант Трепов, человек в высшей степени влиятельный, считал желательным сформировать правительство из членов думского большинства или по крайней мере предоставить им важнейшие министерские посты, и об этом он вел переговоры с Милюковым. Напротив, Коковцов и Столыпин эту идею отклоняли (Столыпин был в то время министром внутренних дел в кабинете Горемыкина).[19] На вопрос царя, "что же нужно делать, чтобы положить предел тому, что творится в Думе, и направить ее работу на мирный путь, Коковцов отвечал: "Политическая партия, из которой неведомый мне автор предполагает сформировать новое правительство (конституционно-демократическая партия)... в своем стремлении захватить власть слишком много наобещала крайним левым элементам и слишком явно попала уже в зависимость от них... Она сама будет сметена этими элементами, и я не вижу, на чем и где можно остановиться. Я вижу без всяких прикрас надвигающийся призрак революции..."[20] Почти все советники царя были с Коковцовым одного мнения, и мысль о кадетском правительстве скоро было отброшена.

Наоборот, положительно принята была идея составить правительство, которое хотя и не будет состоять из представителей думского большинства, однако будет таким, что Дума все же станет с ним сотрудничать. Иными словами, еще существовало намерение добиться соглашения между народным представительством и государственной властью. Такое правительство называли "коалиционным", поскольку в состав его должны были войти как либеральные чиновники, так и умеренные представители общественности, в том числе и члены думской кадетской фракции. Инициатива исходила с обеих сторон. Со стороны правительства решение это предложено было министром иностранных дел Извольским. Со стороны Думы князь Львов представил сходную докладную записку.. Столыпин принял эту идею, царь тоже одобрил ее. Несомненно с его ведома министры вступили в переговоры с многочисленными представителями общественности. Во главе этого коалиционного правительства по плану должен был стать Шипов. Дело сорвалось в основном потому, что Милюков отклонил этот план от своего имени и от имени партии к.-д., сообщив в то же

время Столыпину, что готов составить правительство из членов кадетского думского большинства. Введенный в заблуждение переговорами с Треповым, Милюков был уверен, что идея чисто кадетского правительства одобрена царем и что вообще это дело решенное именно в этом смысле,[21] а что Столыпин пытается помешать осуществлению этого замысла, чтобы обеспечить себе в новом правительстве пост министра внутренних дел.[22] Поэтому Милюков и занял бескомпромиссную позицию.

После этого Шипову стало ясно, что весь план просто неосуществим. "...Мне представляется несомненным, – сказал он Столыпину, – что если в образованный мною кабинет мне удастся привлечь только своих единомышленников, как например графа Гейдена и князя Львова, то такой кабинет встретит в Государственной Думе такое же отношение, как и кабинет И.Л. Горемыкина, причем этот новый кабинет, конечно, не может искать поддержки в традициях старого строя и будет поставлен в необходимость в самом скором времени, при неизбежном столкновении с Думой, подать в отставку".[23] Исходя из таких соображений, Шипов посоветовал как Столыпину, так и царю, пытаться составить правительство, которое пользовалось бы поддержкой Думы, т. е. кадетское правительство. Иными словами, он высказался за возврат к плану дворцового коменданта Трепова.

Шипов считал, что председатель Думы Муромцев среди кадет самый подходящий человек для поста председателя Совета министров и что он скорее всего сумеет убедить свою партию в необходимости поддерживать правительство, председателем которого он является. Поэтому Шипов отправился к своему давнишнему приятелю Муромцеву, который, однако, отклонил его план, заявив, что вопрос этот уже решен центральным комитетом кадетской партии и Милюков уже чувствует себя премьер-министром.[24] Муромцев подчеркнул, что считает нахальной попытку Шипова вмешаться во внутренние дела кадет. Эти слова Муромцева отражают своеобразный образ мышления: он, повидимому, считал, что не только члены кадетской партии, а и люди, к ней не принадлежащие и в конце концов и сам царь, которому надлежало назначать премьер-министра, все обязаны подчиняться решениям центрального комитета кадетской партии. Однако гораздо

важнее другое заявление Муромцева, из которого ясно, что он сильно сомневался в реальной возможности кадетского правительства справиться с положением. "По мнению Муромцева, – пишет Шипов, – в виду господствующего в стране возбужденного настроения в широких кругах населения и воспитанного в обществе политикой правительства вообще отрицательного отношения к государственной власти, никакой состав вновь образованного министерства при переживаемых условиях не может рассчитывать в ближайшем времени на спокойную и продуктивную государственную деятельность и не сможет сохранить свое положение более или менее продолжительное время. Неизбежны революционные вспышки, против которых правительство будет поставлено в необходимость принимать строгие репрессивные меры, а это вызовет несомненно недовольство в общественных кругах и лишит власть необходимой ей поддержки со стороны общества".[25] Только всегда самоуверенный Милюков продолжал утверждать уже в эмиграции, в 1921 году, в своей книге "Три попытки": "Кадетское министерство во всяком случае было той первой зарубкой, на которой революционный процесс мог задержаться".[26] Однако этот оптимизм, не разделяемый (как видно из слов Муромцева) даже всеми членами к.-д. партии, был абсолютно чужд Столыпину и другим членам правительства. Я уже привел мнение Коковцова по поводу возможности кадетского правительства. Столыпин считал формирование такого правительства и главным образом назначение представителя кадетской партии на пост министра внутренних дел чрезвычайно опасным экспериментом и энергично ему противился. Кто оказался бы прав в случае создания такого правительства – оптимисты ли, как Милюков, или скептики, как члены правительства и такие кадеты, как Муромцев, – об этом можно теперь лишь гадать. Можно, однако, сказать следующее: то обстоятельство, что кадетская партия возросла вместе с революционной волной, ее связанность с социалистами и наконец наличие в ее рядах многих социалистически настроенных людей, которые считали осуществление социализма пока еще просто преждевременным, – все это должно было в значительной мере ослаблять кадетскую партию в борьбе с революцией. В 1917 году это и проявилось с полной отчетливостью.[27]

*
* *

После того как был отклонен план создания кадетского правительства, пришлось решиться на роспуск Думы. Горемыкин с самого начала считал это мероприятие неизбежным, однако и тут он вел себя в высшей степени пассивно, выжидая прямого приказания Государя.[28] Царь же считал, что как раз правительству надлежит выбрать подходящий момент для роспуска Думы и предпринять нужные шаги для гладкого его выполнения.[29] Очевидно это и стало непосредственной причиной ухода Горемыкина и назначения Столыпина на пост председателя Совета министров.[30] Столыпин сначала придерживался мнения, что не надо спешить с роспуском Думы,[31] но на основании губернаторских докладов он пришел к выводу, что ждать дольше нельзя, и так и доложил царю.[32]

7 июля 1907 года созвано было у Горемыкина заседание Совета министров. Собравшиеся министры узнали только, что Горемыкин у Государя и приедет позже. В девять часов сияющий Горемыкин вошел в помещение, где ожидали его министры, и заявил: "Ну вот! Поздравьте меня, господа, с величайшею милостью, которую мог мне оказать Государь: я освобожден от должности председателя Совета министров и на мое место назначен П.А. Столыпин, с сохранением, разумеется, должности министра внутренних дел".[33]

Когда министры забросали его вопросами, Горемыкин отвечал, что самому ему необходим покой и он немедленно отправится спать, а все подробности они могут узнать от нового председателя Совета министров.[34] Столыпин пришел приблизительно полчаса спустя и сообщил министрам, что Государь подписал указ о роспуске Думы, назначенном на 9 февраля.

Нельзя, однако, ни в коем случае считать назначение Столыпина торжеством реакции. Наоборот, назначение это было победой либеральных течений в бюрократии. Принимая назначение на пост председателя Совета министров, Столыпин в первую очередь настоял на том, чтобы министры, не согласные принципиально с кон-

ституционным строем, были заменены сторонниками либеральной линии.[35] Кроме того он настоял и на том, чтобы новые выборы в Думу проведены были согласно избирательному закону от 11 декабря 1905 года и чтобы закон этот не подвергался немедленным изменениям, несмотря на то, что многие тогда уже считали эти изменения неизбежными.[36]

Естественно возник вопрос, который уже давно задавали себе все и который и раньше часто обсуждался: не поведет ли роспуск Думы к серьезным сотрясениям. Столыпин был убежден, что не приходится опасаться беспорядков. Он был в этом совершенно уверен в отношении Москвы и Петербурга, но и в провинции он не ожидал в какой бы то ни было мере значительных эксцессов. Он считал, что умеренные элементы не примкнут к каким-либо демонстрациям протеста, а скорее всего примирятся с роспуском Думы как с печальной необходимостью. Столыпин сказал Коковцову, что из самой Думы доходили до него сведения, что "немалое количество людей начинает и там понимать, какую опасную игру затеяли народные представители, и в числе главарей даже кадетской партии есть такие, которые далеко не прочь от того, чтобы их распустили, так как они начинают понимать, что разбуженный ими зверь может и их самих смять в нужную минуту".[37] И на самом деле роспуск Думы не привел ни к каким революционным эскцессам. Даже изданный депутатами распущенной Думы в Выборге призыв к народу не получил никакого отклика. Россия устала от революционного напряжения, а в кругах интеллигенции, по крайней мере, отдельные лица начинали понимать, что главная опасность для развития России в либеральном направлении грозит не справа, а слева. В земских кругах это сознание было еще яснее и еще шире распространено.

*

* *

Прежде чем закончить историю Первой Думы, – Думы "народного гнева" – как называли ее в левых радикальных кругах, или Думы "политического легкомыслия и государственной неопытности", как характеризовал ее Витте в своих мемуарах, –

хочу еще упомянуть о правой оппозиции в Первой Думе. Она глубоко отличалась от оппозиции во Второй Думе. В состав ее входили не противники конституционного строя и либерализма, а представители умеренного земского либерализма.

Роспуск Первой Думы был роспуском нижней палаты, предусматривавшимся основными законами, так что это правительственное мероприятие никак не могло быть объявлено антиконституционным. Основные законы, думский устав, избирательный закон – все оставалось по-прежнему в силе, и ни один пункт в них не был изменен.

Решено было, значит, при выборах во Вторую Думу сохранить прежний избирательный закон. Но большинству давно уже было ясно, что если и Вторая Дума не пожелает сотрудничать с правительством и соблюдать конституцию, то станет неизбежным не только повторный роспуск Думы, а и изменение избирательного закона, иными словами, нарушение основных законов. Еще до роспуска Первой Думы началась разработка нового избирательного закона. Решение это было, однако, принято лишь скрепя сердце. Коковцов рассказывает, что Столыпин просил всех своих коллег хранить в полной тайне все планы и всю подготовительную работу по этому поводу. "Он (Столыпин) настойчиво указал на то, – пишет Коковцов, – что смотрит на пересмотр избирательного закона как на самую печальную необходимость, которую можно допустить только в самом крайнем случае, если не будет возможности избегнуть этой необходимости, и надеется даже, что этого не случится".[38] Коковцов также вспоминает, что и после разочарования во Второй Думе Столыпин с большой неохотой думал об это мероприятии. "Столыпин немало боролся с самим собой, прежде нежели он решился стать на путь пересмотра избирательного закона с бесспорным нарушением закона о порядке его пересмотра, и сделал это исключительно во имя сохранения идеи народного представительства, хотя бы ценою такого явного отступления от закона. И в этом отношении положение правительства вообще, и в особенности самого Столыпина, было поистине трагическое. Лично он был убежденным поборником не только народного представительства, но и идеи законности вообще... Если он и медлил с принятием этого шага, то только потому, что

ему хотелось исчерпать все средства, чтобы избегнуть конфликта с законностью, и решиться на этот шаг только тогда, когда сама Дума откажется помочь ему в его стремлении избегнуть нового конфликта".[39]

Вначале Столыпин пытался обеспечить сотрудничество со Второй Думой, поспешно приступая к разработке широкой программы либерального законодательства, с тем, чтобы с первого же дня предоставить Думе достаточно материала для серьезных занятий; кроме того он исключил из правительства антилиберальных представителей бюрократии и заменил их людьми, симпатии которых к конституционному строю не подлежали сомнению.

Либеральная программа правительства изложена была в заявлении, с которым Столыпин предстал перед Второй Думой. Предусматривались, однако, и некоторые мероприятия, не упомянутые в заявлении. В этой связи надо в первую очередь упомянуть о намерении в значительной мере упразднить ограничения прав евреев. Совет министров наверное не собирался немедленно предоставить евреям полное равноправие, тем не менее он собирался возможно скорее отменить целый ряд ограничений. В этом смысле правительством были приняты решения, а Государю представлен был журнал Совета министров, содержавший эти резолюции. Однако Государь не утвердил этот журнал. В сопроводительном письме, с которым Николай II вернул протокол Столыпину, мы читаем: "Несмотря на вполне убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу – внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям. Я знаю, Вы тоже верите, что сердце царево в руках Божиих. Да будет так. Я несу за все власти, мною поставленные, великую перед Богом ответственность и во всякое время готов отдать Ему в том ответ".[40] "Ни в одном из документов, находившихся в моих руках, – пишет Коковцов, – я не видел такого яркого проявления того мистического настроения в оценке существа своей царской власти, которое выражается в этом письме Государя своему председателю Совета министров".[41] Это было для Столыпина большим разочарованием.[42]

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 10

1. См. по этому поводу важные объяснения у Маклакова. Первая Государственная Дума, стр. 20.
2. Коковцов, ук. соч., стр. 173.
3. Коковцов, ук. соч., стр. 174.
4. Маклаков. Первая Государственная Дума, стр. 51.
5. Цитата по Маклакову. Первая Государственная Дума, стр. 54. Это высказывание Муромцева сильно напоминает уже приведенное в другом месте заявление графа Панина, после его назначения председателем редакционной комиссии для разработки законов об освобождении крестьян, относительно того, что подданный должен беспрекословно повиноваться воле монарха.
7. Стенографические отчеты Думы за 1906. Том I, стр. 3.
8. Маклаков. Вторая Государственная Дума, стр. 7.
9. Маклаков. Первая Государственная Дума, стр. 57.
10. Маклаков, там же, стр. 41.
11. Маклаков, там же, стр. 42.
12. См. Т. Локоть (член фракции трудовиков в Первой Думе). Первая Дума, М., 1906, стр. 142.
13. Цит. по Коковцову, т.I, стр. 186.
14. Сравнить у Маклакова. Первая Государственная Дума, стр. 146 и 148.
15. Mme de Staël, Considerations sur ... la Révolution Française. Paris, 1818, v.I, Chap. XXIII, p. 431.
16. Коковцов, ук. соч., т. I, стр. 183.
17. Коковцов, там же, стр. 182 и 188.
18. Цитата по Маклакову. Первая Государственная Дума, стр. 192.
19. Ср. Коковцов, ук. соч., т. I, стр. 201.
20. Коковцов, там же, стр. 199.
21. Наверное это была ошибка. Наоборот, по всей вероятности, царь или совсем ничего не знал о переговорах Трепова с Милюковым, и инициатива Трепова была чисто личной, или же он не утвердил его плана.
22. Маклаков. Первая Государственная Дума, стр. 201.
23. Цитата по Милюкову. Три попытки, стр. 31.
24. Милюков, там же, стр. 38.
25. Цитата по Милюкову, ук. соч., стр. 38.
26. Милюков, ук. соч., стр. 40.
27. Ср. у Маклакова, стр. 409.
28. Коковцов, ук. соч., т.I, стр. 203 и 205.

29. Там же, стр. 203 и 209.
30. Там же, стр. 212.
31. Там же, стр. 188.
32. Там же, стр. 204.
33. Там же, стр. 210.
34. Коковцов, ук. соч., стр. 218. Сравнить также у Витте (Мемуары) историю о якобы взятом обратно приказании о роспуске Думы. т.II, стр. 319.
35. Коковцов, ук. соч., стр. 214.
36. Коковцов, ук. соч., стр. 175 и 232.
37. Коковцов, ук. соч., стр. 204.
38. Коковцов, ук. соч., стр. 235.
39. Коковцов, ук. соч., стр. 259.
40. Цит. по Коковцову, ук. соч., стр. 238.
41. Коковцов, ук. соч., стр. 239.
42. Сравнить письмо Столыпина Николаю II от 10 декабря 1906 года в: "Былое", 1917, №5/6, стр. 3. Столыпин предлагал царю подчеркнуть в своей резолюции, что он принимает в принципе решение, предложенное Советом министров, однако считает правильным проводить в жизнь соответствующие мероприятия не на основе статьи 87, а нормальным законодательным путем. Интересно опасение представителей общественности, как бы правительство не отменило этих ограничений без согласия Думы. Они, конечно, нисколько не сомневались, что отменить их нужно и полезно, но считали, что таким образом ущемляются права Думы. См. Шипов, ук. соч.

Глава 11

ВТОРАЯ ДУМА

Партии во Второй Думе. – Правительственная декларация Столыпина. – Реакция партий на эту либеральную декларацию. – Неизбежность роспуска Думы.

Вторая Дума, так же как и Первая, не собиралась сотрудничать с правительством. Однако была и существенная разница между ней и Первой Думой по целому ряду вопросов; этого не надо упускать из виду. В Первой Думе возможно было чисто кадетское большинство. Во Второй Думе, с одной стороны, усилилось левое социалистическое крыло, с другой стороны, возникло правое крыло, просто отсутствовавшее в Первой Думе. Кадеты теперь уже не могли – даже если бы захотели – одни обеспечить умеренный курс думской политики. Они вообще не могли больше одни определять политическую линию Думы. Но в то же время они не могли и создать настоящую коалицию с правыми или с левыми партиями. Пропасть, разделявшая кадетскую партию от социалистов, значительно углубилась после роспуска Первой Думы. Теперь они хотели избежать роспуска Думы и добиваться всего именно через Думу. Это был четкий отказ от революционной тактики, которой все еще придерживались левые партии, но которая лишь выявила слабость революционных элементов и вызвала нарастание реакционных сил. Возможно, позиция кадетской партии имела и более глубокие причины: постепенное осознание опасности, которую несла революция как таковая для свободы и для превращения России в правовое государство. Бердяев одним из первых указал на эту опасность. Тут важно отметить, что он не

был представителем земских кругов, а принадлежал к интеллигенции и был одним из основателей Союза Освобождения. Бердяев говорил о "проекте полицейской организации литературы, предложенном самоновейшим инквизитором г. Лениным..."[1] и озабоченно указывал на то, что повсюду господствуют фанатическая нетерпимость и трусость мысли, что люди полакейски преклоняются перед новыми лозунгами, такими как пролетариат, народ, революция, восстание.

Что же касается отношений конституционно-демократической партии с правым крылом во Второй Думе, то тут надо сказать следующее: в связи с обсуждением помощи нуждающимся областям, о которой кадеты хотели теперь говорить исключительно с деловой точки зрения, получилось так, что не только октябристы, но и все правые согласно голосовали за предложенное кадетами решение. Правительство же со своей стороны поставило это решение в основу своих дальнейших мероприятий.[2] Маклаков по-видимому считает, что во Второй Думе могло образоваться более прочное большинство правых и умеренно-левых и что кадеты могли играть в этом большинстве ведущую роль.[3] Он думает, что многие из реформ, предложенных правительством в его декларации, были приемлемы и для умеренно-правых и для кадетской партии, а следовательно являлись основой для возникновения коалиции. Кроме того, если бы дошло до соглашения между умеренно-правыми и кадетами, крайне правые оказались бы вынужденными примкнуть к такой умеренно-правой коалиции уже для того, чтобы не голосовать одинаково с социалистами и не бороться против правительства Его Императорского Величества, которое, со своей стороны, наверное стало бы сотрудничать с такой коалицией. Однако трудно всему этому поверить. Взаимная враждебность между кадетами и правыми была слишком уж велика, кроме того были между ними и подлинные принципиальные контрасты. В глазах правых депутаты левых партий никак не были теми "лучшими людьми", о которых говорил царь в своей тронной речи, они были просто шайкой, которую надо было выслать в Сибирь или во всяком случае поскорее разогнать. Если кадеты и не принадлежали прямо к этой "компании", то они считали ее достаточно хорошей,

чтобы поддерживать с ней связь. Кроме того равнодушие кадет к старинным государственным традициям, в том числе и к самой монархии, их, по сути дела, республиканский умственный склад – делали их для правых депутатов ненавистными. Ведь представители крайне правого крыла убеждены были, что только возврат к традиционному неограниченному самодержавию может спасти Россию от катастрофы, а умеренно правая фракция видела в монархии краеугольный камень конституционного государства. Кадеты же со своей стороны (за очень немногими исключениями) считали реакционными и вражескими силами и правительство, и всех тех, кто стоит на его стороне.

Таким образом, следуя традициям Освободительного Движения и Первой Думы, и во Второй Думе образовалось левое большинство. Но на этот раз большинство это было чисто отрицательное, объединенное не общей программой, а лишь осуждением правительства и отказом от всякого с ним сотрудничества. Отдельные элементы этого большинства связаны были друг с другом исключительно оппозиционными положениями по отношению к правительству, и именно вследствие этого большинство это как будто нелогично, а на самом деле скорее справедливо, присвоило себе название ''оппозиции''.

Либеральный центр – т. е. партия мирного обновления и Союз 17 октября был в Думе очень слаб. Константинов от имени фракции мирного обновления заявил, что его партия не примкнет ни к правым ни к левым.[4] Эта партия возникла в Первой Думе, когда вокруг принадлежавшего к левому крылу октябристов графа Гейдена сгруппировались депутаты, одинаково осуждавшие и антиконституционные поступки правительства и революционные эксцессы.[5] В основе поведения этой партии лежали два принципа: борьба против всякого нарушения конституции, каково бы ни было его основание, и построение в первую очередь на этических началах всех освободительных тенденций.[6] И во Второй Думе партия эта считала своим долгом сопротивляться всем действиям и заявлениям как левой ''оппозиции'', так и правого крыла Думы и правительства, если они противоречили Конституции и вообще принципам правового государства. Они не намеревались поддерживать правительство Столыпина, несмо-

тря на представленную им либеральную программу, потому что считали, что действия этого правительства часто являлись нарушением конституции и вообще тех принципов, которые лежат в основе правового государства. В общем, партия мирного обновления встала на точку зрения чистого либерализма и с этой точки зрения и критиковала всех остальных. Таким образом, можно сказать, что ее позиция походила на позицию тех членов кадетской партии, которые окапывались на позициях теоретического радикализма. Обе партии критиковали с точки зрения чисто принципиальной и теоретической. Разница же заключалась в том, что партия мирного обновления (в отличие от кадетской) так же решительно отмежевывалась от левых, как и от правых, и направляла свою острую критику и против антиконституционного поведения левых. Кроме того они исходили из прицип не радикальных, а либеральных.

Наоборот, октябристы и во Второй Думе готовы были поддерживать правительство. Поэтому часто бывало, что при голосовании они оказывались вместе с правыми.[7] Поскольку они представляли собой совсем маленькую группу и в большинстве своем были скромными провинциалами, среди которых отсутствовали талантливые ораторы, могущие обосновать и сформулировать партийную точку зрения, неясно было, что они голосуют за правительство по совершенно иным причинам, чем, скажем, крайне правая фракция, т. е. что они в первую очередь хотят поддержать именно либеральную программу правительства.

Таким образом, даже у либералов не нашел Столыпин подлинной поддержки своей либеральной программе. Одни (партия мирного обновления) заняли по отношению к его кабинету оппозиционную позицию. Другие (октябристы) терялись среди тех, кто поддерживал правительство, но поддержка которых была Столыпину значительно менее приятна, чем можно было думать. Конечно он должен был приветствовать наличие в Думе вообще кого-то, готового протянуть руку правительству. Однако поддержка справа связана была для него с неприятностями, в которых он прекрасно отдавал себе отчет. Прежде всего поддержка правых – а особенно крайне-правых – дискредитировала

либеральную программу в глазах кадет. Из того обстоятельства, что враги всякого либерализма, а в частности конституционного строя, поддерживают либеральную правительственную программу, кадеты вполне могли сделать заключение, что либеральная декларация — просто маневр, направленный на то, чтобы усыпить бдительность общественности и беспрепятственно проводить на самом деле реакционную политику.[8] А Столыпин считал, что одно из самых важных его непосредственных заданий — это именно получить согласие кадет на либеральную программу правительства и вообще привлечь их к сотрудничеству с правительством. Ведь только успешное выполнение этого задания могло помешать роспуску Думы, а Столыпин сначала во что бы то ни стало хотел роспуска избежать. Кроме того, поддержка, оказанная Столыпину в Думе правыми фракциями и вообще реакционными кругами, повела к тому, что эти круги стали союзниками Столыпина, а поскольку далеко не все умеренные либералы согласны были это правительство поддерживать, они и стали почти единственными его союзниками. Таким образом, влияние этих кругов на правительство в какой-то мере было обеспечено, подобно тому, как союз кадет с социалистами делал неизбежным социалистическое влияние на конституционно-демократическую партию. Хотя Столыпин впоследствии и боролся энергично с этим влиянием (что он смог сделать, когда октябристы в Третьей Думе стали большой партией, и он получил возможность опираться на них, чтобы сопротивляться правым), сначала его правительство было сдвинуто вправо больше, чем сам он желал, именно вследствие невозможности заручиться политической поддержкой нереволюционных и несоциалистических кругов общественности.

Итак, можно сказать, что Столыпин со своим правительством, составленным из бюрократов-либералов, и со своей либеральной программой реформ стоял перед Второй Думой совершенно один. Он или наталкивался на непримиримую враждебность, или находил поддержку, которая в конечном итоге могла ему только мешать при проведении в жизнь его программы.

*
* *

Либеральная программа, изложенная Столыпиным в большой речи в Думе 6 марта 1907 года, представляет собой одно из самых решительных наступлений либерализма во всей русской истории. В самом деле, Столыпин представил широкую и прекрасно построенную программу либеральных реформ. Очень важно внимательно изучить этот план. Ведь он оставался основой правительственной политики не только до смерти Столыпина, а и при его преемнике Коковцове, и даже можно сказать, хотя и с известными оговорками, что план этот определял всю правительственную программу до революции 1917 года.

В декларации своей Столыпин предложил Думе целый ряд законопроектов, а также указов, изданных на основании 87 статьи Основных Законов. Прежде всего он указал, что правительство подготовило ряд законопроектов, которые должны обеспечить терпимость и свободу совести, а с этой целью они регламентируют переход из одного вероисповедания в другое и создание религиозных общин, в то же время полностью устраняя любые правоограничения, связанные с вероисповеданием.[9] Далее он от имени правительства предложил законопроекты, долженствующие гарантировать неприкосновенность личности. Согласно этим законопроектам, арест, обыски и цензура корреспондеции могли иметь место только на основании судебного постановления. В случае полицейского ареста, законность его должна быть проверена судом в ближайшие 24 часа. Отклонение от этого правила допускалось только в случае войны или народных волнений, на основании нового закона о введении чрезвычайного положения; последний сам собой упразднял предыдущие.[10] Правительство также считало желательным, чтобы предварительное расследование по политическим преступлениям проводилось не жандармскими офицерами, а судебными следователями,[11] причем адвокат-защитник должен допускаться к своему подзащитному и во время предварительного следствия,[12] а в связи с упразднением должности земского началь-

ника и волостных судов предполагалось создать новые местные суды.[13] Далее правительство предлагало изменить уголовно-процессуальный порядок таким образом, чтобы – не нарушая основных принципов процессуальных уложений Александра II – ввести в него то, что представлялось нужным на основании опыта, что соответствовало преобладающему научному мнению и уже принято было многочисленными европейскими государствами.[14] Новый (составленный Таганцевым) уголовный кодекс должен был полностью войти в силу и заменить старое уголовное право;[15] устарелый Устав о предупреждении и пресечении преступлений также должен был быть заменен новым полицейским уставом.[16]

В области самоуправления Столыпин предлагал реформы, которые испокон веков входили в программу либеральных кругов, а именно создание земства в волостях (в отличие от прежних волостных учреждений, земство это должно было быть нецензовым),[17] расширение права голоса при земских выборах, расширение земского поля деятельности, ограничение надзора административных органов за деятельностью органов самоуправления (им предоставлялось только следить за законностью их мероприятий) и наконец введение самоуправления в Польше и в Прибалтике.[18]

Что касается административной реформы, то декларацией предусматривалось объединение всей гражданской администрации и прежде всего создание административных судов, считавшееся одним из самых важных предстоящих мероприятий. Во главе администрации в уездах должен был стоять начальник, и таким образом возникала должность, приблизительно подобная должности земского советника (ландрат) в немецкой администрации. (Как известно, до тех пор связанные с этой должностью обязанности в большой мере выполнялись добровольно уездными предводителями дворянства).[19]

Затем декларация переходила к мероприятиям, необходимым для решения крестьянской проблемы. Об этом уже была речь подробно в другом месте, поэтому не стоит к этому вопросу возвращаться.[20] Надо только упомянуть, чем Столыпин обосновывал необходимость ускоренного проведения аграрных

законов статьи 87 Основных Законов. Прежде всего он подчеркивал, что крестьянству угрожает совершенное расстройство, затем он указывал, что, решив в корне пресекать любую прямую крестьянскую акцию, правительство тем самым обязалось немедленно предоставить крестьянам законный выход из кризиса.[21] Что касается трудового законодательства, в декларации в первую очередь упоминалось о различных видах страхования рабочих, которые правительство имело в виду ввести. Кроме того предполагалось узаконить экономические забастовки.[22]

Наконец Столыпин называл целый ряд мероприятий, которые его правительство считало нужными, чтобы развить народное просвещение. Он особенно четко подчеркнул, что правительство не собирается отклоняться от начала независимости гимназий, провозглашенного указом 27 августа 1905 г.[23]

Столыпин не только представил Думе список законопроектов, а и указал при этом на принципиальное сходство между всеми этими законопроектами. Столыпин сказал: "В основу всех тех правительственных законопроектов, которые министерство вносит ныне в Думу, положена поэтому одна общая руководящая мысль, которую правительство будет проводить и во всей своей последующей деятельности. Мысль эта — создать те материальные нормы, в которые должны воплотиться новые правоотношения, вытекающие из всех реформ последнего времени. Преобразованное по воле Монарха отечество наше должно превратиться в государство правовое... Правовые нормы должны покоиться на точном, ясно выраженном законе еще и потому, что иначе жизнь будет постоянно порождать столкновения между новыми основаниями общественности и государственности, получившими одобрение Монарха, и старыми установлениями и законами, находящимися с ними в противоречии".[24] Таким образом, Столыпин здесь сказал не только, что возникшие вследствие реформ правоотношения должны иметь в соответствующих законах основу и защиту от любого нарушения, в том числе и от нарушений со стороны правительственных органов,[25] но он кроме того утверждал, что новое законодательство необходимо, чтобы отменить старые установления

и законы, противоречащие новым основам общества и государства, созданным благодаря переходу к конституционному строю; иными словами, чтобы полностью согласовать право российского государства с началами конституционного строя.

В начале и в конце декларации Столыпин подчеркнул твердое намерение правительства сотрудничать с Думой. В начале он говорил о "совместной деятельности с Думой". В конце Столыпин назвал Думу сотрудником правительства и заявил: "... лишь обдуманное и твердое проведение в жизнь высшими законодательными учреждениями новых начал государственного строя поведет к упокоению и возрождению великой нашей родины. Правительство готово в этом направлении приложить величайшие усилия: его труд, добрая воля, накопленный опыт предоставляются в распоряжение Государственной Думы..."[26] И после агрессивных и враждебных речей социал-демократов Церетели и Озола Столыпин еще раз подчеркнул, что "... правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна была бы совместная работа".[27] При этом Столыпину совершенно чужда была мысль, что при такой совместной работе Дума могла бы играть исключительно пассивную роль и лишь соглашаться с предложенной правительством программой. "Я убежден, – сказал Столыпин, – что та часть Государственной Думы, которая желает работать, которая желает вести народ к просвещению, желает разрешить земельные нужды крестьян, сумеет провести тут свои взгляды, хотя бы они были противоположны взглядам правительства. Я скажу даже более. Я скажу, что правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений".[28]

*

* *

Из воспоминаний дочери Столыпина создается впечатление, что Столыпин вначале действительно надеялся, что ему удастся организовать сотрудничество с Думой, и что он прилагал все уси-

лия к тому, чтобы предупредить ее разгон.[29] Это, во всяком случае, подтверждают его попытки установить связь хотя бы с некоторыми членами кадетской партии, о чем рассказывает Маклаков.[30]

Никак невозможно было серьезно отрицать, что столыпинская декларация является объявлением широкой программы либеральных реформ. (Оспаривать это могли только социалисты на основании полностью предвзятого мнения, как например, Церетели). В докладе, сделанном 28 марта (т. е. через три недели после большой речи Столыпина в Думе), Милюков сказал: "Ни один европеец не понял бы, каким образом после такой речи мог бы последовать вотум недоверия".[31] Однако левое большинство не считало возможным – даже те из него, кто мог бы согласиться с содержанием декларации – занять положительную позицию по отношению к декларации потому, что она исходила от правительства, пользовавшегося при борьбе с революцией средствами, не совместимыми с принципами правового государства и даже прямо с провозглашенными в Манифесте 17 октября принципами и Конституцией 23 апреля 1906 года.[32]

Представителем последней точки зрения был в Думе прежде всего Маклаков. И в книге о Второй Думе, опубликованной в сороковых годах, Маклаков пишет, что Столыпин в период между разгоном Первой и созывом Второй Думы, когда правительство могло использовать свое право (согласно статье 87 Конституции) выпускать указы, обладающие силой закона, должен был бы издать указ, который заменил бы старые законы о чрезвычайном положении и который соответствовал бы принципам нового конституционного строя, не поощряя при этом произвола административных органов, как то делал старый закон. Но Маклаков подчеркивает, что Столыпин в упомянутый период, под давлением определенных элементов, ввел лишь одно изменение в старые законы, причем изменение это еще расширяло возможность произвольных мероприятий со стороны административных органов.[33] Вследствие этого, законы эти можно было использовать как орудие правительственного антиреволюционного террора. Столыпин бесспорно понимал, что защищать эти законы с правовой точки зрения – невозможно.

Сохранение в силе законов о чрезвычайном положении (но не обострение их, которое, наверное, было с его стороны уступкой) он объяснял необходимостью спасать государство. Столыпин считал, что раз существованию государства угрожает опасность, правительство не может придерживаться правовых норм или даже требований Конституции. Маклаков подчеркивает, что при таком подходе правительство может оправдать все, что ему вздумается, и называет такую идеологию "великой ложью нашего времени".[34] Маклаков сожалеет, что Столыпин принял эту примитивную точку зрения. Здесь надо добавить, что в этом смысле Столыпина осуждали не только либералы, принадлежавшие к кадетской партии, как Маклаков, а и партия мирного обновления и многие из октябристов, иными словами, ряд депутатов, не принадлежавших к левому большинству. То обстоятельство, что Союз 17 октября недостаточно энергично критиковал правительство по этому поводу, было причиной, по которой Шипов разорвал с Гучковым, ушел из Союза 17 октября и примкнул к партии мирного обновления.[35]

Тем, кто не считал возможным поддержать либеральную программу Столыпина только потому, что они осуждали его методы правления, конечно, нелегко было объяснить, почему они эту либеральную программу отвергают. К тому же эти люди, и даже некоторые социалисты, не хотели вызывать конфликта с правительством, ибо он повел бы к немедленному разгону Думы. Поэтому они решили, в согласии с тактикой, за которую стояли особенно кадеты – т. е. щадить Думу – воздержаться от каких-либо высказываний против правительства и голосовать за переход к повестке дня без обсуждения. Но правительство не могло не понимать истинного значения такого молчания, тем более, что левая пресса поспешила осведомить об этом общественность. Так например, Милюков в газете "Речь" писал: "Дума вас знать не хочет".[36]

Однако думское большинство не проводило последовательно эту тактику. Социал-демократы ее не поддерживали. Один из лучших социал-демократических ораторов, Церетели, от имени партии ответил на правительственную декларацию речью, которую надо считать призывом к революции. Мы не можем

подробно анализировать эту речь. (Чрезвычайно интересная история Второй Думы может здесь быть затронута только вскользь, поскольку она принадлежит не к истории русского либерализма, а к истории русской общественности, уже потому, что как раз либеральные течения очень слабо были в ней представлены). Достаточно заметить, что общая тенденция и подлинная суть этой речи ясны уже из предложения Церетели следующим образом перефразировать уже приведенное нами высказывание Набокова в Первой Думе: "Мы не говорим – исполнительная власть да подчинится власти законодательной. Мы говорим: в единении с народом, связавшись с народом, законодательная власть да подчинит себе власть исполнительную".[37] Ясно, каким двусмысленным становилось после этой речи молчание левых партий, в частности молчание кадет. Его вполне можно было истолковать как бессловесное присоединение к революционному призыву социал-демократов. И отчасти его так и восприняли. Из воспоминаний Коковцова мы видим, что он считает Церетели представителем не только социал-демократической, а и всех левых партий вообще. Столыпин, однако, не впал в такую ошибку. По всей вероятности, он лучше был осведомлен об оттенках мнений внутри левых партий. Это доказывают дальнейшие его усилия найти почву для сотрудничества с кадетами в Думе.

Наоборот, правое крыло Думы, даже крайне правая фракция, восприняло речь Столыпина с воодушевлением. Маклаков совершенно справедливо объясняет это тем, что крайне правая фракция одобряла правительственную программу не за содержание ее, а просто потому, что это – программа правительства Его Императорского Величества и к тому же еще программа правительства, решительно и успешно боровшегося с революцией.[38] А что, по сути дела, крайне правой фракции противно было содержание правительственной декларации – ясно из воспоминаний Тихомирова, который чрезвычайно критически отзывается о декларации.[39] Правда, он не был членом Думы, зато он был одним из немногих идеологов реакционных кругов. Поэтому его высказывания можно считать выражением точки зрения крайне правой думской фракции.

После перехода к повестке дня возник вопрос, поставленный самой жизнью: есть ли в Думе вообще большинство, которое может деловым образом сотрудничать с правительством. Нет сомнений, что правительство Столыпина желало возникновения такого большинства. Но и среди кадет многие, хотя и с оговорками, все же в конечном итоге считали нужным создание такого большинства. Для достижения этого кадеты были готовы по известным вопросам голосовать совместно с правыми, не вступая при этом с ними в прочный союз. Они были к этому готовы, для того чтобы "щадить Думу", т.е. чтобы предохранить ее от неизбежного в ином случае роспуска.

Председатель Думы, Головин – в этом смысле вероятно под влиянием Кокошкина – утверждал, что кадеты могут усилить свое влияние, если в Думе будет два большинства: по вопросам идеологическим кадеты объединяются с левыми партиями, а по вопросам тактическим – с правыми. Сотрудничество с правыми с точки зрения тактической должно сделать возможной работу Думы по конкретным деловым вопросам.[40]

Кроме всего вышесказанного, нельзя забывать, что и самые антилиберальные представители правой фракции не хотели конфликта с правительством, наоборот, как уже было упомянуто, они чувствовали себя союзниками правительства и никоим образом не хотели саботировать его в Думе, даже тогда, когда правительство представляло Думе мало симпатичные им либеральные законопроекты. Поэтому правая фракция должна была принять необходимость голосовать вместе с кадетами в тех случаях, когда те поддерживали правительственные мероприятия.

Маклаков считает, что Вторая Дума все далее продвигалась по пути конкретной деловой работы в данных ей Конституцией рамках. Он рассказывает, что с самого начала в Думе налицо были два направления. Одни хотели продолжать революционную традицию Первой Думы, другие желали идти по конституционному пути. Почти не было обсуждения какого-либо вопроса, при котором не дошло бы до разногласий между представителями этих двух направлений. Маклаков утверждает, что "победа сторонников конституционной дороги определялась все очевиднее".[41] Он говорит, что были кадеты, считавшие эту дорогу

правильной и успешно ее защищавшие, в то время как законодательная работа Думы все развивалась.[42] Однако, по-моему, как я уже указывал, это суждение чересчур оптимистично. Маклаков сам признает, что "программа" и "тактика" были больше связаны друг с другом, чем они (Головин и Кокошкин) думали.[43] Действительно, нельзя предполагать, что Вторая Дума могла быть работоспособной, раз в ней не было прочного большинства, а оно определялось каждый раз в зависимости от колебания кадетской партии в ту или иную сторону. К тому же лишь немногие среди кадет серьезно считали возможным сотрудничество с правительством. Как уже указывалось, Столыпин по собственной инициативе попробовал вступить в связь с некоторыми членами этой партии. Большинство же кадет относилось ко всяким контактам с правительством с такой враждебностью, что те, кто встречался со Столыпиным, вынуждены были это от собственной партии скрывать, для того чтобы их не объявили предателями.[44] Большинство кадетской партии бесспорно стояло за прочную связь с левыми, а следовательно и за постоянно отрицательный подход ко всему, исходящему от правительства.

Во всяком случае Маклаков один так оптимистически расценивает возможности конкретной деловой работы Второй Думы.[45] Все остальные серьезные источники считают, что Дума была неработоспособной. Большинство было уверено, что конфликт Второй Думы с правительством и роспуск Думы – неизбежны. Так, Шипов пишет: "Левое крыло Второй Г. Думы оказалось еще многочисленнее, а в рядах конституционно-демократической партии отсутствовали многие авторитетные (как раз умеренные) ее представители, устраненные от участия в политической деятельности привлечением их к судебной ответственности за Выборгское воззвание. С момента открытия Г.Думы стала вполне очевидной невозможность установления более или менее нормальных отношений между правительством и народным представительством и их взаимодействия; неизбежный между ними конфликт мог быть только вопросом времени".[46] Коковцов тоже вполне отрицательно отозвался о Второй Думе. По его мнению, заседания этой Думы представляли

собой невероятный хаос и беспорядок. "... Было ясно, что никакая продуктивная работа была немыслима, да она никого в Думе и не интересовала"... "так как вся Дума представляла собой сплошное революционное скопище".[47] Интересно, что и С. Булгаков, принадлежавший к левому крылу Второй Думы в качестве беспартийного депутата[48] (в своих автобиографических заметках он впоследствии называл себя христианским социалистом) с глубоким презрением говорил о ее "нелепости, невежественности, никчемности, о том, что она в своем убожестве даже не в состоянии была заметить, что сама она не была пригодна ни для какого дела и утопала в бесконечной болтовне". "Я не знавал в мире места, – пишет Булгаков, – с более нездоровой атмосферой, нежели общий зал и кулуары Государственной Думы". И далее: "Возьмите с улицы первых попавшихся встречных, присоедините к ним горсть бессильных, но благомыслящих людей, внушите им, что они спасители России... и вы получите Вторую Государственную Думу. И какими знающими, государственными, дельными представлялись на этом фоне деловые работники ведомств... В Г. Думе на меня произвел сильное впечатление своей личностью, смелостью, своеобразной силой слова – Столыпин. Я совершенно не сочувствовал его политике, но я сохранил веру, что он любит Россию и в конце концов не солжет. И с этой – последней – надеждой я вышел из Таврического Дворца".[49]

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 11

1. Бердяев. Революция и культура. Опубл., в журнале "Полярная Звезда", № 2 от 22 декабря 1905 г.
2. Маклаков. Вторая Государственная Дума. Стр. 101.
3. Там же, стр. 104. Возможность такого объединения допускает и Тихомиров (Красный Архив, том 61, стр. 100). Он пишет: может быть кадеты вместе с правыми ограничат левых, и таким образом укрепится у нас конституционный строй.
4. Стенографические Отчеты Думы 1907 г., том I, ст. 37.
5. Шипов, ук. соч., стр. 513.
6. Шипов, ук. соч., стр. 515.
7. Однако октябристы далеко не всегда соглашались с правыми. Так например, они голосовали против военных законов. Это объясняется скорее всего тем, что лидером парламентской фракции случайно стал профессор Капустин, а не Гучков (который не был избран во Вторую Думу). Гучков, как известно, положительно относился к военным законам.
8. Нельзя, однако, приписывать слишком большое значение этому моменту. И без отрицательного элемента поддержки справа, которая могла отпугнуть умеренные круги, столыпинское правительство наверное все равно не нашло бы поддержки у кадет и даже у тех, кто стоял между кадетами и октябристами.
9. Стенографические отчеты Думы 1907г., том I, ст. 110.
10. Там же, столбец 110.
11. Там же, столбец 113.
12. Там же, столбец 114.
13. Там же, столбец 113.
14. Там же, столбец 114.
15. Там же.
16. Там же, столбец 113.
17. Там же, столбец 111.
18. Там же, столбец112.
19. Там же, столбец 113.
20. Там же, столбцы 114-116.
21. Там же, столбец 108.
22. Там же, столбец 116.
23. Там же, столбец 118.
24. Там же, столбец 107.

25. Маклаков справедливо указывает, что уже Свод Законов Сперанского ставил себе именно эту цель. (Вторая Государственная Дума, стр. 87).
26. Стенографические отчеты Думы 1907 г., том I, ст. 120.
27. Там же, ст. 167.
28. Там же, ст. 169.
29. М. Бок. Воспоминания о моем отце. Нью-Йорк, 1953, стр. 222.
30. Маклаков. Вторая Государственная Дума, стр. 227.
31. Милюков. Вторая Дума. Петербург, 1908, стр. 197.
32. Наверное, в левом большинстве было много людей, осуждавших эти методы только потому, что они были направлены против них, хотя при этом они были вполне готовы применить еще гораздо худшие методы против своих врагов.
33. Маклаков. Вторая Государственная Дума, стр. 20.
34. Там же, стр. 26. Вообще вся вторая глава этой книги посвящена в высшей степени интересным размышлениям о методах борьбы с революцией, которыми пользовался или которые, во всяком случае, допускал Столыпин.
35. Хотя Шипов и считал правильным либеральное содержание правительственной декларации, он не чувствовал себя в силах поддержать правительство Столыпина, поскольку считал, что действия правительства не будут соответствовать программе. Он ставил в упрек Столыпину, что тот недостаточно энергично выступал против насилия и нарушения законов исполнительными органами при борьбе с революцией, что недостаточно быстро распорядился разработать законы, долженствующие регулировать пользование дарованными Конституцией свободами и медлил с представлением их Думе. Шипов был убежден, что такой своей политикой Столыпин еще углублял пропасть между государственной властью и общественностью и уменьшал возможность сотрудничества Думы с правительством.
36. По Маклакову. Вторая Государственная Дума, стр. 85.
37. Стенографические отчеты Думы 1907 г., том I, ст. 126.
38. Маклаков. Вторая Государственная Дума, стр. 89.
39. Тихомиров. Воспоминания. Опубл. в "Красный Архив", том 61, стр. 95.
40. Стоит отметить, что и социалистические партии заинтересованы были в соглашении между кадетами и правыми партиями. Они хотели, чтобы кадеты таким образом спасли Думу и обеспечили им возможность использовать ее для своих революционных целей. (См. Милюков. Вторая Дума, стр. 144 и 161).

41. Маклаков. Вторая Государственная Дума, стр. 116.
42. Там же, стр. 122 и 229.
43. Там же, стр. 165.
44. Там же, стр. 231, 247 и 254.
45. Несмотря на этот оптимизм, Маклаков тоже вынужден признать, что культурный уровень Второй Думы был чрезвычайно низок и что она мало была способна проделать предстоявшую ей громадную работу. (Вторая Государственная Дума, стр. 254).
46. Шипов, там же, стр. 498.
47. Коковцов, там же, том I, стр. 257.
48. Нелегко установить, был ли Булгаков на самом деле беспартийным членом или же примкнул к кадетской фракции Думы, хотя и не принадлежал вообще к конституционно-демократической партии. (См. Маклаков. Вторая Государственная Дума, стр. 231).
49. Булгаков. Автобиографические заметки. Париж, 1946, стр. 80.

Глава 12

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 3 ИЮНЯ 1907 ГОДА. ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ ДУМЫ.

Роспуск Второй Думы и изменение избирательного закона. – Значение государственного переворота 3 июня 1907 года. – Историческая роль октябристов. – Укрепление конституционного строя во время Третьей и Четвертой Дум.

Вторая Дума была распущена 3 июня 1907 года. Как предлог для этого мероприятия правительство использовало то обстоятельство, что Дума слишком долго колебалась, прежде чем отобрать неприкосновенность у социал-демократических депутатов, обвиняемых в участии в заговоре. Сам по себе повод мало интересен, ибо несомненно второстепенен вопрос, был ли на самом деле такой заговор или нет, верили ли министры в его существование или нет. Подлинная причина роспуска Думы не имела ведь ничего общего с этим предлогом. Этой причиной была невозможность как для правительства, так и для народного представительства, найти путь сотрудничества, в частности при проведении в жизнь аграрной программы.[1] Накануне роспуска Думы четыре представителя кадетской партии были тайно приняты Столыпиным; на вопрос Струве, почему правительство решило распустить Думу как раз тогда, когда она собирается переходить к конкретной работе, Столыпин ответил, что по одному вопросу они никак не могут согласиться, а именно по аграрному вопросу, что и делает конфликт в любом случае неизбежным.[2]

Таким образом, Столыпин, на которого Булгаков возлагал все надежды и о котором Маклаков говорил, что он – тот человек, с которым можно достичь соглашения,[3] взял на себя серьезную ответственность не только роспуска Думы (еще раз), но и изменения избирательного закона,[4] то есть нарушения Конституции – ответственность государственного переворота.

В императорском Манифесте, которым объявлялся этот переворот,[5] отчетливо указывалось, что меняется только избирательный закон, в то время как все другие права, дарованные подданным Манифестом 17 октября и Основными Законами, остаются незыблемыми и неизменными. Это было торжество Столыпина. Намерение реакционных кругов, пользуясь случаем роспуска Думы, ликвидировать сам конституционный строй не осуществилось.[6]

Изменение избирательного закона в смысле сужения круга имеющих право голоса, представляло собой возврат к идее Конституции, основанной главным образом на земстве, иными словами, к господствующей идее шестидесятых и восьмидесятых годов, которая оставалась и позже широко распространенной. Избирательный закон от 11 декабря 1905 г. был попыткой как бы перепрыгнуть этот, так сказать, земский этап конституционного строя в России и построить конституцию на более широких и демократических основах. Теперь приходилось убедиться, что эта попытка не удалась. Надо сказать, что даже если такая оценка и была вполне правильной, все же возврат к первоначальной концепции был связан с осложнениями, как вообще всякое движение обратно в прошлое. Демократические тенденции сильно укрепились по сравнению с 60-ми и даже 80-ми годами, и теперь было небезопасно игнорировать их, даже если положение вынуждало к этому и нельзя было никак иначе поступить.[7] Во всяком случае, было естественно и правильно, что именно традиционная концепция народного представительства одержала верх после того, как пришлось прибегнуть к изменению избирательного закона от 11 декабря 1905 г., предоставлявшего решающее влияние на результаты выборов как крестьянству,[8] так и интеллигенции, и приведшего к тому составу Думы, который делал

невозможным осуществление конституционного строя, созданного на Основных Законах.

В России господствовало убеждение, что только земство может быть той исторической почвой, на которой возможно построить будущий российский конституционный строй. При этом, однако, не просто стремились к тому, чтобы народное представительство стало своего рода увенчанием институтов самоуправления и чтобы выборы в обе палаты представляли собой дальнейшее развитие выборов в земские собрания. Земская среда представлялась единственным общественным слоем, который в состоянии поддерживать конституционный строй, просто потому, что одна только эта среда достаточно созрела для того, чтобы понимать значение и смысл заданий государственной власти.

Столыпин старался при помощи изменения избирательного закона прочно основать конституционный строй на земской среде. Но в отличие от 60-х и 80-х годов, он совершенно не предполагал использовать земские органы самоуправления как основу для народного представительства;[9] то, к чему он стремился, это просто – обеспечить представителям земства ведущую роль в Думе, иными словами, превратить как раз земство в общественную опору народного представительства. Столыпин хорошо знал, что в земской среде в провинции по-прежнему налицо готовность сотрудничать с правительством, что земство поддержит правительство при решении двух основных задач, которые тогда стояли перед государственной властью, а именно: проведение либеральной программы и борьба с революцией; и что таким образом земство обеспечит укрепление нового конституционного строя. Столыпин знал это гораздо лучше, чем Витте, ибо сам он происходил именно из земской среды, а не из рядов бюрократии, а в бытность свою губернатором он имел дело с представителями земства гораздо больше, чем с представителями петербургских чиновничьих кругов. Вообще можно правильно понять Столыпина и его политическую фигуру, только отдавая себе отчет в том, что, будучи губернатором, он никоим образом не был представителем бюрократии в провинции, а наоборот, став министром, он стал представителем провинции в Петербурге. Сам он это прекрасно понимал, и это подчеркивает также его

коллега Коковцов, характерный представитель петербургских бюрократических кругов. Когда царь предложил Столыпину пост председателя совета министров, Столыпин попробовал отклонить это предложение, объясняя, что у него недостаточно опыта и что ему, в частности, не хватает знания Петербурга и его тайных течений и влияний.[10] В другом месте Коковцов рассказывает, что сначала совет министров просто не принимал всерьез некоторые высказывания Столыпина, потому что в них часто проявлялся некоторый провинциальный дух и недостаточное знание навыков и обычаев петербургской бюрократической среды.[11]

На самом деле, уже во время последнего земского съезда в ноябре 1905 г. многие земские собрания отмежевались от радикальных позиций съезда. Так например, городской голова Киева в телеграмме сообщил съезду, что киевская городская дума не уполномочила своих членов, присутствовавших на съезде, принимать в нем участие и что вообще она нисколько не согласна с деятельностью съезда.[12] Такое противоречие между тенденциями земских съездов и настроением земских собраний в губерниях, выраженное телеграммой киевского городского головы, проявлялось и в других случаях. Так например, тульское земство обратилось к царю с выражением благодарности за Манифест 17 октября и отправила делегацию к Витте, для того чтобы обещать ему поддержку земства. Происходило это приблизительно в то же время, когда князь Львов, представлявший тульское земство на ноябрьском съезде, вместе с другими членами делегации, посланной съездом к Витте, поставил правительству ультиматум и потребовал созыва учредительного собрания.[13]

По мере того как все более частыми становились революционные эксцессы, в земской среде все яснее проявлялся вполне естественный сдвиг симпатии слева направо, тем более что многие события ясно показывали, что революция грозит не только отдельным лицам, но и самим органам земского самоуправления. Ведь были случаи, когда забастовочные комитеты, основанные рабочими, требовали от городских дум или от земских учреждений, чтобы те сложили все свои функции и немедленно передали

их этим забастовочным комитетам, а главным образом, чтобы они передали им все имеющиеся у них в распоряжении денежные средства.[14]

Такая эволюция настроений земской среды проявилась при земских выборах в 1906 и 1907 гг. Многие депутаты земских собраний и члены земских учреждений не были переизбраны, а на их место избраны были консервативные элементы.[15] После этих выборов совершенно ясно вырисовалась пропасть между настроением земства и настроением радикальной оппозиционной общественности, которая имела полный перевес в обеих первых Государственных Думах. Стало ясно, что в земской среде на самом деле преобладают элементы, готовые к сотрудничеству с правительством и желающие его поддержать.

Опасность для Столыпина крылась теперь в вопросе, не уйдет ли земство слишком далеко направо. Дело в том, что во многих земствах главную роль приобрели просто и открыто реакционные элементы, возлагавшие ответственность за революцию на конституционные тенденции и просто отвергавшие конституционный строй как таковой. Однако либеральные традиции слишком глубоко укоренились в земстве, чтобы исчезнуть от одного болезненного впечатления революционных потрясений. Поэтому в большинстве земств все же получили преобладающую роль октябристы или беспартийные, симпатии которых были на стороне либерализма, а не на стороне реакции. Из этого можно было сделать еще то заключение, что после изменения избирательного закона в 3-ей Думе несомненно обеспечено октябристское большинство. На самом деле так и оказалось и это было, бесспорно, успехом Столыпина. Если бы из выборов по новому избирательному закону возникла реакционная Дума, что случилось бы с его либеральной программой? Он мог провести в жизнь свою программу только при помощи октябристов. К тому же Столыпин в 3-й Думе совершенно четко показал, что он собирается опираться на октябристов, а не на правые партии.[16]

Что же касается октябристов, то еще раньше, уже до созыва 2-й Думы, стало совершенно ясно, что они со своей стороны готовы поддерживать правительство Столыпина. Тогда уже лидер

октябристов Гучков решительно приветствовал программу Столыпина. Содержание столыпинской декларации во 2-й Думе было налицо в сокращенной форме уже в августе 1906 г., то есть сразу после роспуска 1-й Думы, в правительственном сообщении.[17]

Вскоре после опубликования этого правительственного сообщения Гучков, совершенно справедливо называвший его декларацией, объяснил корреспонденту газеты "Новое Время", что он согласен с содержанием этого сообщения.[18] Гучков сказал: "Я с особенным удовольствием должен признать, что в своей декларации министерство не отступило от тех основ, какие оно защищало, когда вело переговоры с общественными деятелями".[19] "... Из нее я вижу, что правительство совсем не намерено пользоваться результатами победы... Правительство могло бы праздновать победу, забыв о реформах, могло бы даже подумать, что можно управлять и дальше совсем без Думы. Но правительство не впадает в эту ошибку и обещает подготовить реформы до Государственной Думы и потом работать совместно с Думой. Правда, в осуществлении реформ декларация сулит слишком осторожные и медленные шаги. Указания правительства на решительные меры в борьбе с революцией дают надежду, что люди мирного труда встретят в правительстве твердую власть, имеющую охранять нашу молодую политическую свободу". И наконец Гучков совершенно определенно заявил, что введение военно-полевых законов представляет собой жестокую необходимость и что по этому вопросу октябристы так же не будут делать правительству никаких затруднений.[20] Согласие октябристов с правительственной декларацией не удивительно, поскольку либеральные реформы, объявленные в этой декларации, полностью соответствовали их программе. Нельзя, однако, забывать, что часто отказывались поддерживать правительство и те, кто по сути дела одобряли содержание декларации, но осуждали методы правительства в борьбе с революцией. Поэтому было особенно важно, что Гучков одобрил и эти методы борьбы, ибо могло быть и совсем иначе. Ведь только благодаря этому у правительства Столыпина появилась возможность сотрудничать с Думой, в которой было верное октябристское большинство, и опираться на Думу не только при проведении в жизнь

либеральных реформ, а и при борьбе с революцией. Оставалось, однако, под вопросом, не изменится ли позиция октябристов в связи с государственным переворотом 3 июня. Я уже упоминал, что октябристы готовы были принять в основных законах и в избирательном законе даже то, с чем они не были согласны принципиально, с точки зрения общеполитической, просто для того, чтобы обеспечить и продвинуть проведение в жизнь либеральной правительственной программы, а тем самым и укрепление конституционного строя. В программе октябристов был пункт о необходимости всеобщего избирательного права. Таким образом, уже закон 11 декабря 1905 г., который не удовлетворял полностью этому требованию, принят был октябристами не без колебаний. Теперь, после существенного изменения избирательного закона в антидемократическом смысле, после государственного переворота 3 июня 1907 г., предстояло выяснить, согласятся ли октябристы на дальнейшее отклонение от своих программных требований для того, чтобы не покидать избранного пути сотрудничества с правительством, и прежде всего – согласятся ли они закрыть глаза на незаконность процедуры этого изменения. Уверенности в этом не было. Нельзя забывать, что впоследствии из-за конституционного конфликта со Столыпиным Гучков демонстративно отказался от своей должности председателя Думы. Но в 1907 г. октябристы согласились продолжать сотрудничать с правительством. По всей вероятности, такое решение было облегчено опытом выборов в 1-ю и 2-ю Думы. И действительно, в своих воспоминаниях Шидловский пишет: "Непременным условием тайны выборов является поголовная грамотность населения, так как если не все выборщики могут сами заполнять свой избирательный бюллетень, то ни о какой тайне не может быть и речи; следовательно, при существующей в России степени распространения грамотности... приходится выбирать либо всеобщее, либо тайное голосование, но совместить эти два признака в России абсолютно невозможно".[21] Но прошлый опыт все-таки не был самым важным моментом. Решающим был тот факт, что октябристы, а в первую очередь Гучков, понимали, что только подлинное сотрудничество Думы с правительством может обеспечить в России консти-

туционный строй и помешать возврату к самодержавию в старой или в обновленной форме, а в то же время – что только изменение избирательного закона может гарантировать такое сотрудничество. В общем, октябристы понимали, что государственный переворот 3 июня 1907 г. представляет собой попытку спасти либеральный курс России.[22] Такое толкование государственного переворота 3 июня как мероприятия государственной власти в интересах либерального преобразования России противоречит господствующему мнению и может казаться парадоксальным утверждением. Однако это единственно правильное толкование. Ведь теперь мы точно знаем, что Столыпин и его сотрудники надеялись путем изменения избирательного закона обеспечить продолжение конституционного строя. Я уже упоминал об этом. В дополнение могу привести здесь лишь следующее важное место из воспоминаний Коковцова, где он еще раз совершенно ясно высказывает эту мысль: "... Новый избирательный закон издан именно для того, чтобы спасти народное представительство, которое было искажено совершенно не соответствующим стране, слишком широким избирательным правом по декабрьскому закону 1905 года".[23]

Дело тогда было не в том, насколько демократично избирательное право и выборы в Думу. С точки зрения либерализма, тогда было важнее всего сохранить конституционный строй и провести в жизнь либеральную правительственную программу, которая одна и была в состоянии дать конституционному строю конкретное содержание и подлинную жизнеспособность. Но, как уже было сказано, все это было осуществимо только при сотрудничестве Думы с правительством. Поскольку изменение избирательного закона делало такое сотрудничество возможным, надо сказать, что государственный переворот 3 июня 1907 г. предотвратил прекращение преобразования России в конституционное правовое государство. А это и означает, что в конечном итоге этот переворот служил интересам либерализма, а никак не интересам реакции.[24] Бесспорно, надо считать большой заслугой октябристов перед российским конституционным строем то, что они поняли суть положения и действительно безоговорочно сотрудничали с правительством при проведении объявлен-

ной Столыпиным либеральной программы в 3-й Думе, где они располагали большинством голосов. Этим они внесли нечто совершенно новое в политическую историю России. Маклаков пишет: "Настроение общества определялось нашей историей; оно было расплатой за успехи и заслуги нашей исторической власти. Со времени Петра власть была много выше общества и народа и вела их к их же благу насилием. Успехи власти, за которые ей должна была быть благодарна Россия, народу были непонятны и чужды. И в отношении его к исторической власти существовали долго только две крайности: раболепное послушание или тайное сопротивление. Понятие согласия и сотрудничества с властью было обществу незнакомо. История вырабатывала два крайних типа общественных деятелей – "прислужников" и "бунтовщиков". Независимых, самостоятельных, но лояльных по отношению к власти людей жизнь не воспитывала".[25]

Может быть, однако, это утверждение Маклакова слишком категорично. Независимые, и тем не менее лояльные, люди были в России во все времена, особенно в рядах высокой аристократии. Правда, они представляли собой все-таки исключение. Но в рамках земского самоуправления как раз этот тип человека становился все более привычным и встречался все более часто. А теперь конституционный строй открыл новые возможности для развития такого рода человека. Для того чтобы такая возможность осуществилась, необходимо было, чтобы сотрудничество между бюрократией и представителями общественности оставалось не только эпизодом. Тот факт, что до этого дошло – заслуга октябристов, но, конечно, и Столыпина. После того как, по выражению Маклакова, государственная власть и общественность долгое время больше всего походили на непримиримых врагов, которые схватились на краю обрыва,[26] теперь в лице Столыпина, с одной стороны, и Гучкова, с другой, они протянули друг другу руку и старались работать совместно.

*

* *

Во время 3-й и 4-й Дум конституционный строй в России укреплялся.[27] Маклаков пишет: "Те, кто пережил это время, видели, как конституция стала воспитывать и власть и самое общество. Можно только дивиться успеху, если вспомнить, что конституция просуществовала нормально всего восемь лет (войну нельзя относить к нормальному времени). За этот восьмилетний период Россия стала экономически подниматься,[28] общество политически образовываться. Появились бюрократы новой формации, понявшие пользу сотрудничества с Государственной Думой, и наши политики научились делать общее дело с правительством. ... Совместное участие власти и общества в управлении государством оказалось для тех и для других незаменимою школою, а для России началом ее возрождения".[29] Картину, нарисованную Маклаковым, полностью подтверждает Коковцов в своих воспоминаниях. Коковцов пишет: "20 ноября 1907 г. открылась Государственная Дума третьего созыва... С этого дня в течении длинных шести лет вся моя работа по должности министра финансов, а потом с сентября 1911 г. и в должности председателя Совета министров, протекала неразрывно в связи с Государственною Думой сначала 3-го, а потом и 4-го созывов, и можно сказать, что мой четырнадцатичасовой труд в сутки столько же протекал на трибуне Думы, сколько и в кабинете министра финансов на Мойке".[30] Дальше Коковцов пишет: "Много труда и нервного напряжения отдал я за это время, немало тяжелых минут привелось мне пережить, но немало также и нравственного удовлетворения получил я от моей работы в Думе..." С еще большим удовольствием Коковцов вспоминает работу в комиссиях: эта работа была не менее утомительной, чем выступления на пленарных заседаниях, но она была более продуктивной. В финансовой комиссии Думы, пишет Коковцов, "не было ни длинных речей, ни публики, работа носила чисто деловой характер". Даже разногласия и споры с оппозицией, то есть в первую очередь с кадетами, в большинстве случаев, по словам Коковцова, не носили слишком острого характера, хотя кадетская оппозиция, по его мнению, сразу после открытия 3-й Думы заняла бескомпромиссную позицию, от которой и не отклонилась никогда до самого начала войны в 1914 г.; и никогда не соглашалась

даже в самой небольшой мере пойти навстречу правительству.[31] Можно назвать и членов Думы, которые провели большую и серьезную работу по законопроектам, представленным правительством, как например, докладчик аграрной комисси Шидловский или Маклаков.

Я считаю, что нет никакого сомнения в том, что Манифест 17 октября и Основные Законы 23 апреля 1906 г. действительно создали новый строй. По моему мнению, это неопровержимо доказано тем фактом, что в рамках этого строя возник новый человеческий тип. Это – социологическое подтверждение того, что российская конституция была настоящей конституцией, а ни в коем случае не лже-конституцией. Кроме того, за утверждением, будто это была лже-конституция, скрываются политические намерения настолько ясные, что их просто нельзя не заметить. И именно потому, что они так ясны, это утверждение теряет всякое серьезное значение. Ведь реакционные элементы настаивали на том, что Основные Законы не представляют собой Конституции, потому что они этим доводом пытались доказать, что Основные Законы никоим образом не ограничивают власти царя. Что же касается радикалов, то они со своей стороны утверждали, что без всеобщего избирательного права, без парламентского режима и без полной демократизации, под которой они подразумевали устранение верхней палаты, вообще не может быть настоящей конституции, а стояли они на этой точке зрения потому, что хотели превратить парламентское большинство (иными словами, когда речь идет о 1-й и 2-й Думах, это просто значит – самих себя) в единственного представителя всей государственной власти вообще. По мнению радикалов, конституция, кроме того, не была настоящей конституцией потому, что она была пожалована царем и сам царь ей не присягал. Впрочем, этот последний аргумент, как и можно было ожидать, играл еще большую роль для правых политических сил в их сопротивлении конституции. Они доказывали, что царь несомненно имеет право взять обратно свои обещания, иными словами, новые Основные Законы, которые он, по их мнению, может просто отменить, потому что он не связан формальной присягой.

В моем юридическом анализе Основных Законов я попытался доказать, что на самом деле они представляли собой именно подлинную конституцию. Поэтому я сейчас не считаю нужным к этому возвращаться. Здесь достаточно будет напомнить, что один из самых видных юристов, Таганцев, в особом совещании по разработке Думских уставов от 11 до 16 февраля 1906 г. указывал на то, что в основных законах есть все элементы подлинной конституции. "...Никогда конституция не заключалась в присяге. Отличительные признаки ее – участие в законодательстве трех факторов, и у нас они налицо" (три фактора: нижняя палата, верхняя палата и монарх).[32]

Одним из представителей Освободительного Движения, который, в отличие от большинства своих единомышленников, признавал, что в России в 1905 году основан был настоящий конституционный строй, был Струве. Во время 3-й Думы, однако, он придерживался мнения, что конституционный строй в России не будет развиваться, а наоборот, приближается к концу. Он развил эту мысль в статье, озаглавленной "Столыпин и Гучков".[33] В основе его понимания лежало вообще совершенно правильное наблюдение, что Столыпин не старается ускорить опубликование законов, которые будут гарантировать свободу и неприкосновенность личности, и что все его внимание сосредоточено на его аграрной программе. Этот факт подчеркивает также Маклаков.[34] Маклаков указывает, что Столыпин действительно представил Думе законопроекты, которые могли успокоить и удовлетворить образованное меньшинство населения, но на самом деле он никоим образом не был готов ради этих законопроектов вступать в борьбу с представителями правых сил. Но надо сказать, что это не было со стороны Столыпина ни оппортунизмом, ни капитуляцией перед влиятельными антилиберальными кругами (Струве как раз придерживался последнего мнения), это было просто логическим последствием его миропонимания и его основных концепций.

Дело в том, что Столыпин был глубоко убежден, что Россия может стать свободным правовым государством лишь тогда, когда крестьянство, то есть основная масса населения, поймет ценность свободы и права. А этого можно было ожидать

только после того, как аграрное законодательство начнет давать плоды, то есть только тогда, когда крестьяне получат элементарные права, такие, как право частной собственности на землю, и элементарную свободу, как возможность самим свободно располагать своим имуществом и своей работой. Столыпину казалось беспредметной демонстрацией объявлять и провозглашать право на свободу, пока нет предпосылок, которые одни только и могут обеспечить использование этого права. Предпосылки надо было создать. Без этих предпосылок, которые только и могли быть созданы успешным проведением в жизнь аграрной реформы, право на свободу и вообще Конституция, по выражению Столыпина, которое приводит Маклаков, оставались лишь "румянцем на трупе".[35]

Нелегко объяснить, почему даже Струве не понимал, что политика Столыпина ни в коем случае не является последствием капитуляции, а наоборот, она возникает вполне логически из его основных взглядов и концепций. Струве вполне правильно понимал как сущность абсолютизма, так и проблему его преодоления. Чрезвычайно интересны следующие его высказывания, сделанные еще в 1903 г.: "Юридический канон самодержавия обычно усматривают в первом томе "Свода законов", но там одне только бескровные абстракции самодержавия, недурно скомбинированные конституционалистом Сперанским; реальное право самодержавия изображено в т. XIV – в "Уставе о предупреждении и пресечении преступлений" и во многих других вовсе не "основных" законоположениях. И пока это реальное право самодержавия будет живо, пока оно не будет бесповоротно упразднено, до тех пор все намечаемые земскими людьми реформы – как бы они ни были умеренны – останутся "бессмысленными мечтаниями".[36]

Именно Струве, на основании вышеприведенных наблюдений, должен был понимать, что то, что он вполне справедливо назвал реальным правом самодержавия, может быть преодолено и превзойдено, лишь когда крестьяне, после осуществления столыпинской аграрной программы, станут подлинными юридическими лицами в рамках гражданского строя, то есть когда они получат подлинное право на собственность и на предъявление

финансовых и правовых исков – в общем, когда они будут равноправно участвовать в свободном юридическом устройстве государства. Ведь ясно, что чувство и сознание личной независимости может развиться в массе населения только при условии, что крестьяне станут действительно независимыми юридическими лицами, и что таким образом станет невозможным дальнейшее существование "реального права" самодержавия, а в то же время будет обеспечено продолжение конституции и полноценное существование права на свободу.

Я неоднократно подчеркивал, что считаю неправильным называть Конституцию 23 апреля 1906 г. лже-конституцией. Но если бы даже можно было так ее определить, то уж во всяком случае не потому, что в России не было парламентского строя или не было всеобщего голосования, и не потому, что царь не присягал Конституции, а только потому, что конституционный строй в России не был основан на развитом гражданском строе, который вообще всегда является необходимой основой для всякой либеральной конституции. (А настоящая конституция ведь по сути своей не может быть не либеральной). На самом деле, как я уже говорил в конце второй части этой книги, как раз неразвитость гражданского строя, гражданской свободы и повела к исчезновению политической свободы, к крушению конституционного строя в России.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 12

1. Маклаков. Вторая Государственная Дума, стр. 246 и 254.
2. Там же, стр. 246.
3. Там же, стр. 231; см. также стр. 250 и 225 и далее.
4. По поводу изменения избирательного закона от 11 декабря 1905 года и подготовки избирательного закона от 3 июня 1907 года, см. Крыжановский. Воспоминания, стр. 90, 107 и далее. Крыжановский подготовил проект избирательного закона от 3 июня 1907, как впрочем, и закона от 11 декабря 1905.
5. Текст этого манифеста напечатан в юридическом еженедельнике "Право" № 23 от 10 июня 1907.
6. Маклаков. Вторая Государственная Дума, стр. 225.
7. Широко распространено убеждение, что от этих бед и опасностей можно было Россию охранить, если бы в восьмидесятых годах не отвергли план использования земства для постепенного и осторожного развития конституционных форм.
8. Не следует считать, что предпочтение, оказанное крестьянству избирательным законом от 11 декабря 1905 года, выражало подлинные демократические тенденции. Наоборот, как раз сторонники самодержавия очень на нем настаивали, поскольку они продолжали видеть в крестьянстве представителей консервативного склада ума.
9. Однако ряд постановлений в законе 3 июня 1907 года находится в прямой связи с земским избирательным порядком, хотя и был отвергнут параллельный законопроект, представленный Крыжановским, который гораздо дальше шел по этому пути. Принятый же законопроект в значительной степени исходил именно из тех позиций, на которых был основан избирательный закон 11 декабря 1905 года. Крыжановский. Воспоминания, стр. 108 и 111.
10. Коковцов, ук, соч. , стр. 213.
11. Коковцов, ук. соч., стр. 231. То же самое говорит в своих "Воспоминаниях" и Гурко (стр. 462 и далее). Можно полагать, что Столыпину удалось установить в известной мере сотрудничество с октябристами в Третьей Думе прежде всего потому, что большинство октябристов были, как и он, людьми из провинции.
12. Маклаков, ук. соч., стр. 467.
13. Маклаков, ук. соч., стр. 455.
14. Маклаков, ук. соч., стр. 399.
15. Шипов, ук. соч., стр. 519.

16. Маклаков. Вторая Государственная Дума, стр. 31.
17. Текст этого правительственного сообщения опубликован в еженедельнике "Право" № 34 за 1906 год, ст. 2697 и далее.
18. Этот разговор с корреспондентом опубликован был 27 августа 1906 года.
19. Гучков имеет здесь в виду переговоры Столыпина с представителями общественности о создании коалиционного правительства. Об этих переговорах и шла речь выше.
20. По Шипову, там же, стр. 493.
21. Шидловский. Воспоминания. Берлин, 1923, стр. 100.
22. Часто высказывается убеждение, что октябристы приняли новый избирательный закон по эгоистическим соображениям, поскольку знали, что им он окажется выгодным. Отчасти это может быть и правда, но в общем это слишком примитивное и несправедливое по отношению к октябристам объяснение.
23. Коковцов, ук. соч., том I, стр. 277.
24. Такая концепция ясна во всех рассуждениях Маклакова о государственном перевороте 3 июня 1907 года, которые содержатся в его книге о Второй Государственной Думе. Гораздо решительнее он подчеркивает положительное значение этого события в предисловии к воспоминаниям, позднее опубликованным в Нью-Йорке. Однако Маклаков правильно понял и отрицательные последствия государственного переворота. (Вторая Государственная Дума, стр. 254).
25. Маклаков, ук. соч., стр. 603.
26. Маклаков, ук. соч., стр. 246.
27. Представители самых разных направлений одинаково считают, что конституционный строй начал укореняться в России именно во время Третьей и Четвертой Дум. См.: Кизеветтер, стр. 466; Милюков. Воспоминания, том II, стр. 16; Маклаков, ук. соч., стр. 28; Гурко, ук. соч., стр. 511.
28. Представление об экономическом развитии России в то время дают воспоминания Коковцова, том II, часть VI, глава V.
29. Маклаков, ук. соч., стр. 601; см. также у Милюкова, том II, стр. 18.
30. Коковцов, ук. соч., том I, стр. 287.
31. Коковцов, ук. соч., том I, стр. 290 и далее.
32. "Былое", 1917, № 5-6, стр. 308. Интересно, что такой выдающийся ученый, как Макс Вебер, разделял мнение, будто Конституция 1906 года была лже-конституцией. Я объясняю это влиянием, которое оказывали на него его русские друзья-кадеты.
33. Струве. Патриотика. Пб, 1911.

34. Маклаков. Вторая Государственная Дума, стр. 29.
35. Маклаков. Вторая Государственная Дума, стр. 30.
36. Струве. Второе предисловие к записке Витте "Самодержавие и земство". Штуттгарт, 1903, стр. 70.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к серии ИНРИ – А. Солженицын I

Предисловие к русскому изданию – А. Солженицын III

Вступление 1

Исторические источники либерализма. – Сущность либерализма. – Гражданский строй. – Административный строй. – Конституционный строй. – Политический радикализм. – Антиреволюционная сущность либерализма.

Примечания к вступлению 23

ЧАСТЬ I. ИСТОРИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА В 1792-1855 ГОДАХ

Глава 1: Екатерина II 27

Либеральная программа Екатерины. – Идеи экономического либерализма. – Права собственности дворянства. – Планы относительно прав собственности крепостных. – Положение крепостных. – Поддержка абсолютизма и сопротивление французской революции. – Правовые идеи Екатерины.

Примечания к главе 1 48

Глава 2: Александр I 52

Реакция при Павле I. – Конституционные тенденции при Александре I. – Мордвинов.

Примечания к главе 2 63

Глава 3: Сперанский 67

Записка от 1809 г. – Государственный Совет. – Докладная записка от 1803 г. – Книга "К познанию законов". – Эволюция взглядов Сперанского.

Примечания к главе 3 96

Глава 4 : Карамзин 98

Карамзин как представитель либерального абсолютизма. – "Похвальное слово Екатерине". – Карамзин и крестьянский вопрос. – Традиционализм Карамзина. – Стихотворение об освобождении Европы. – Карамзин и декабристское восстание. – Значение этого восстания для развития России в либеральном направлении. – Последние годы царствования Александра I.

Примечания к главе 4 117

Глава 5: История свода законов 120

Первые попытки Сперанского создать свод законов. – Критика планов Сперанского со стороны Карамзина. – Карамзин и идеи Савиньи. – Продолжение работы над сводом законов при Александре I. – Работа над сводом законов при Николае I.

Примечания к главе 5 134

Глава 6: Николай I 136

Укрепление принципа частной собственности. – Проблема освобождения крестьян. – Законы в защиту крестьян. – Рассмотрение крестьянского вопроса Государственным комитетом под председательством Николая I. – Примечания по сути освобождения крестьян.

Примечания к главе 6 150

Глава 7: Николай I (продолжение) 152

Время Николая I как переходный период. – Закон о государственных крестьянах. – Расширение разрыва между крестьянами и другими сословиями. – Культурная жизнь при Николае I.

Примечания к главе 7 173

ЧАСТЬ II. РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОЙ СВОБОДЫ 1856 – 1914

Глава 1: Освобождение крестьян 179

Разработка законов об освобождении крестьян. – Психологическое действие освобождения крестьян. – Всеобщая духовная атмосфера 60-х годов. – Мнение Каткова и Чичерина.

Примечания к главе 1 190

Глава 2: Законы об освобождении и их позднейшее толкование 191

Права, предоставленные крестьянам немедленно после освобождения. – Проблемы выкупа. – Окончательный юридический статус крестьян согласно законам об освобождении. – Тенденция считать нормальным положением ограничение крестьянской собственности, связанной с выкупом.

Примечания к главе 2 204

Глава 3: Крестьянское право 205

Крестьянский двор. – Другие важные моменты крестьянского права.

Примечания к главе 3 217

Глава 4: Крестьянский вопрос в царствование Александра III 218

Законодательство Александра III. – Ограничение права собственности крестьян этими законами и решениями Сената. – Укрепление понятия о том, что наделы являются государственным фондом. – Причины, по которым правительство держалось за мир. – Распространение общественно-правовых понятий среди крестьян.

Примечания к главе 4 232

Глава 5: Крестьянский вопрос в царствование Николая II (до 1905 г.) 234

Крестьянский вопрос в первые годы царствования Николая II. – Основание Особого Совещания для определения надобностей сельского хозяйства под председательством Витте и Редакционной Комиссии министерства внутренних дел в 1902 году. – Точка зрения Редакционной Комиссии. – Пояснения Витте по поводу крестьянского вопроса.

Примечания к главе 5 251

Глава 6: Сельскохозяйственная программа левых партий 254

Общинный коллективизм и социалистические идеи. – Аграрная программа кадетской партии.

Примечания к главе 6 266

Глава 7: Крестьянская проблема после 1905 г. 268

Либеральное законодательство в области крестьянского права, особенно Столыпинские указы от 5 октября и 9 ноября 1906 года. – Превращение указа от 9 ноября в закон от 14 июня 1910. – Закон от 29 мая 1911. – Дебаты о Столыпинской аграрной реформе в Третьей Думе.

Примечания к главе 7 284

Глава 8: Крестьянский вопрос после 1905 года (продолжение) 285

Дебаты о столыпинской аграрной реформе в Государственном Совете. – Дальнейшие законопроекты в области крестьянского права. – Конец.

Примечания к главе 8 302

ЧАСТЬ III. РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СВОБОДЫ 1856 – 1914

Глава 1: Вступительные заметки и история политического либерализма при Александре II 307

Определение политической свободы. – Самоуправление как форма децентрализации суверенитета. – Идеи, легшие в основу создания земства в 1864 году. – Конституционные тенденции до 1864 года. – Грановский. – Распространенное в первые годы царствования Александра II осуждение бюрократизации всех сфер жизни. – Главные черты организации земства после закона 1864 года (закон о земстве 1890 года). – Земство как очаг либеральных тенденций и первые высказывания земских съездов в конституционном смысле. – Конституционные заявления дворянских собраний. – Оживление конституционных тенденций после войны 1877 – 1878 годов. – Распространение нигилизма и революционного террора и вызванная ими растерянность правительства. – Попытки правительства сблизиться с умеренными кругами общественности. – Проект Государственного Секретаря Перетца. – Проект Лорис-Меликова. – Рассмотрение этого проекта совещанием под председательством Александра III, 8 марта 1881 года: доводы за и против.

Примечания к главе 1 327

Глава 2: 1881 – 1902 332

Александр III и его вера в принцип автократии. – Манифест 29 апреля 1881 и отставка Лорис-Меликова и Абазы. – Природа антилиберальных стремлений восьмидесятых и девяностых годов. – Голод в 1891 году и попытки общественности организованно помочь правительству при борьбе с голодом. – Первые годы царствования Николая II. – Петиция Тверского земского собрания. Речь Николая II во время приема 17 января 1895 года. – Инициатива земств по случаю коронационных торжеств и реакция правительства. – Попытка представителей земства получить разрешение правительства на объединение отдельных земств. – Неофициальные совещания представителей земства. – "Беседа". – Обострение оппозиционных настроений в земстве. – Прием Шипова у Плеве. – Значение политики Плеве для политической эволюции земства.

Примечания к главе 2 357

Глава 3: Освободительное движение 360

Программа освободительного движения: его радикальность. – Тактика освободительного движения: его союз с революционными кругами.

Примечания к главе 3 370

Глава 4: Либеральные тенденции в 1904 г. 371

Земство как основа конституции. – Святополк-Мирский на посту министра внутренних дел. – Так называемый Первый Земский съезд в ноябре 1904 года. – История указа 12 декабря 1904 года. – Позиция Витте по вопросу о народном представительстве с консультативной функцией и о конституционном строе. – Характеристика Витте.

Примечания к главе 4 392

Глава 5: Земские съезды 395

Законодательная работа, направленная на осуществление принципов, провозглашенных указом 12 декабря, и реакция на нее общественности. – Дальнейшие земские съезды: в феврале 1905 и в апреле 1905. – Разрыв между Шиповской группой и большинством. – Коалиционный съезд в мае 1905. – Прием у царя земской депутации в Петергофе 6 июня 1905. – Речь Трубецкого.

Примечания к главе 5 412

Глава 6 415

Земский съезд 6-8 июля 1905 года. – Спор Трубецкого с Петрункевичем. – Съезд радикальной группы земцев, 9 и 10 июля 1905. – Правительственный проект народного представительства с законосовещательными функциями, так называемой Булыгинской Думы. – Законы 6 августа 1905. – Дальнейшее обострение революционного положения и указ 18 февраля 1905. – Революционное положение приводит к конституции.

Примечания к главе 6 436

Глава 7: Манифест 17 октября 1905 и Конституция 23 апреля 1906 439

История Манифеста 17 октября 1905 года и конституция 23 апреля 1906 года. – Юридический анализ конституции 23 апреля 1906 года.

Примечания к главе 7 459

Глава 8 463

Политическое содержание конституции от 23 апреля 1906. – Ее особенности. – Позиции русских радикалов по отношению к конституции. – Усилия Витте принять в свое правительство представителей общественности. – Последний земский съезд в ноябре 1905. – Окончательная неудача Витте в его попытках заручиться поддержкой общественности. – Крушение политической концепции Витте. – Подавление революции силой.

Примечания к главе 8 476

Глава 9: Партия конституционалистов-демократов и Союз 17 октября 477

Меньшинство на последнем земском съезде. – Возникновение Союза 17 октября. – Противопоставление программы и основных позиций "октябристов" позициям кадет. – Накануне Первой Думы: предвыборный союз кадет с социалистами. – Отставка Витте и назначение Горемыкина председателем Совета министров.

Примечания к главе 9 489

Глава 10: Первая Дума 491

Открытие Государственной Думы и преобразованного Государственного Совета. – Торжественный прием в Зимнем Дворце. – Тронная речь царя, ее политическое содержание. – Первая Дума. – Планы привлечь представителей общественности к участию в правительстве. – Неудача этих планов. – Уход Горемыкина и назначение Столыпина на пост председателя Совета министров. – Роспуск Первой Думы. – Характеристика правой оппозиции в Первой Думе. – Подготовление нового избирательного закона. – Разработка либеральной правительственной программы.

Примечания к главе 10 506

Глава 11: Вторая Дума 508

Партии во Второй Думе. – Правительственная декларация Столыпина. – Реакция партий на эту либеральную декларацию. – Неизбежность роспуска Думы.

Примечания к главе 11 523

Глава 12: Государственный переворот 3 июня 1907 года. Третья и Четвертая Думы. 526

Роспуск Второй Думы и изменение избирательного закона. – Значение государственного переворота 3 июня 1907 года. – Историческая роль октябристов. – Укрепление конституционного строя во время Третьей и Четвертой Дум.

Примечания к главе 12 540

ACHEVÉ D'IMPRIMFR
EN DÉCEMBRE 1980
PAR JOSEPH FLOCH
MAITRE-IMPRIMEUR
A MAYENNE
N° 7311

ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ
ЛЕОНТОВИЧ

родился в 1902 году в дворянской семье Полтавской губернии. Учился в Киеве. В 1920 эмигрировал через Варшаву в Прагу, где продолжал занятия на юридическом факультете. Получил степени кандидата (1929) и магистра (1932) юриспруденции. Переехал в Берлин, где преподавал советское право и был сотрудником Кайзер-Вильгельм-Института по международному частному праву. После войны все более обращался к историческим темам, в частности преподавал историю византийского права. С 1949 во Франкфурте-на-Майне, приват-доцент по восточноевропейской истории (с 1954 – профессор).

В ряде печатных работ прослеживал роль правовых устано влений в историческом развитии. Наиболее крупная его работа – ''История либерализма в России'', издана до сих пор лишь по немецки (в 1957 и 1974) издательством Витторио Клостерман

Умер в 1959.